ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

прив.-доц. Е. В. Аничкова, проф. А. К. Бороздина и проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго.

При участіи: Ю. И. Айхенвальда, К. И. Арабажина, Ѳ. Д. Батюшкова, Ал. Блока, П. Н. Бирюкова, П. И. Вейнберга, Н. И. Виноградова, С. А. Венгерова, М. О. Гершензона, А. Г. Горнфельда, С. Городецкаго, А. Е. Грузинскаго, М. В. Довнаръ-Запольскаго, А. Е. Ефименко, Е. Н. Елеонской, Иванова-Разумника, В. П. Кранихфельда, Н. И. Коробки, В. В. Каллаша, Н. А. Котляревскаго, Н. Л. Липовскаго, Е. А. Ляцкаго, Б. А. Лезина, Б. А. Марковича, П. Н. Милюкова, Н. К. Пиксанова, Н. П. Павлова-Сильванскаго, С. Ѳ. Русовой, В. Ф. Саводника, П. Н. Сакулина, Тана (Богораза), М. Г. Халанскаго, В. И. Шохоръ-Троцкаго, П. Е. Щеголева и др.

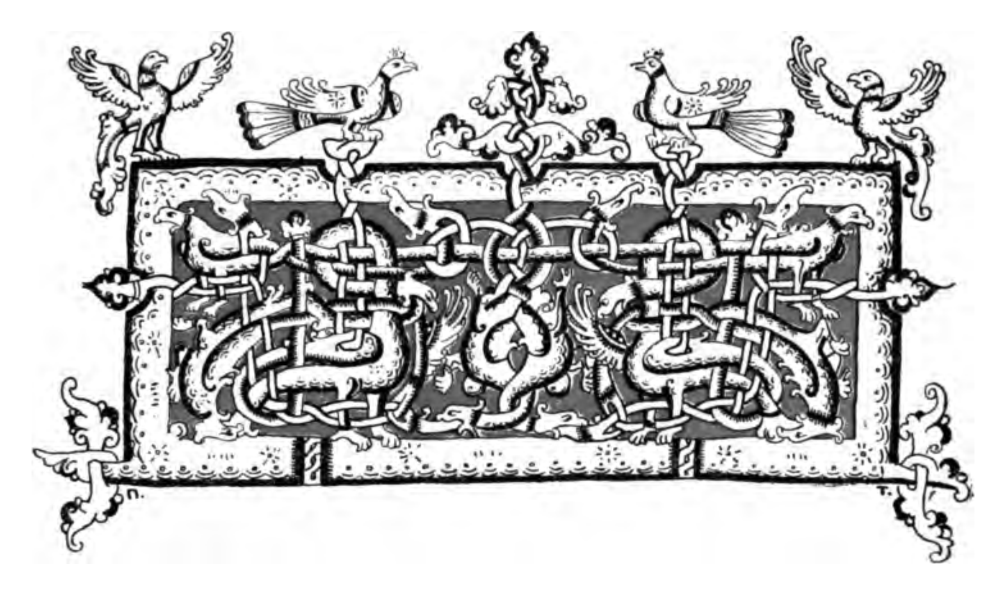
Томъ II.

Изданіе
Т-ва И. Д. Сытина и Т-ва „Міръ".
Москва.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
Москва.—1908.

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
до XIX вѣка.

Проф. А. К. Бороздина.



ВВЕДЕНІЕ.

риступая къ изложенію исторіи русской словесности, мы считаемъ необходимымъ прежде всего разъяснить слѣдующіе вопросы: 1) что мы должны называть словесностью, 2) какихъ пріемовъ слѣдуетъ держаться при ея изученіи и 3) что сдѣлано для изученія русской литературы.

Опредѣленіе литературы.

На первый вопросъ мы находимъ далеко не одинаковые отвѣты: мы встрѣчаемъ въ наукѣ различныя опредѣленія словесности, при чемъ одни изъ этихъ опредѣленій слишкомъ расширяютъ объемъ нашей науки, другія, наоборотъ, слишкомъ его ограничиваютъ. По самому широкому опредѣленію, которое мы можемъ встрѣтить во многихъ учебныхъ руководствахъ, словесность есть совокупность произведеній человѣческаго слова. Но есть много такихъ произведеній человѣческаго слова, которыхъ нельзя никакъ включить въ область словесности, каковы, напр., календарь, поваренная книга, модный журналъ и др.,— все это, несомнѣнно, произведенія человѣческаго слова, однако никто не станетъ говорить о нихъ, какъ о произведеніяхъ словесности. Другое дѣло относительно древне-письменныхъ памятниковъ. При изученіи древней письменности, дѣйствительно, зачастую мы называемъ литературными произведеніями такіе памятники, которыхъ въ строгомъ смыслѣ не должны были бы назвать

таковыми (напр., какой-нибудь древній каталогъ и т. п.). Но такая снисходительность объясняется исключительно скуднымъ количествомъ древнихъ памятниковъ — въ собственномъ смыслѣ литературныхъ — вслѣдствіе чего къ области древней литературы мы готовы отнести всякое сохранившееся до насъ изъ старины произведеніе человѣческаго слова.

Мы соглашаемся съ тѣмъ, что словесность есть совокупность произведеній слова, однако, добавимъ,—произведеній, имѣющихъ свои опредѣленные признаки.

Календарь, поваренная книга, быть-можетъ, имѣютъ и важныя цѣли, но цѣли эти дѣловыя, практическія: читаютъ эти книги не для того, чтобъ освѣтить свое міросозерцаніе, не для того, чтобы доставить себѣ эстетическое наслажденіе, и не для того также, чтобы почерпнуть силы для своего нравственнаго подъема. Быть-можетъ, чтеніе меню обѣдовъ произведетъ пріятное впечатлѣніе на гастронома, но оно не было въ цѣляхъ автора: его цѣль дѣловая, исключительно практическая — дать рецептъ для извѣстнаго кушанья.

Совсѣмъ не то наблюдается при чтеніи, напр., поэмы Пушкина. При такомъ чтеніи никто не задается практическими цѣлями, подобнаго рода произведенія читаютъ для того, чтобы получить эстетическое наслажденіе, получить нравственный урокъ и т. п. Словомъ, подобныя произведенія человѣческаго слова, которыя мы называемъ литературными, преслѣдуютъ *цѣли* высшаго, возвышеннаго порядка,— порядка идеальнаго. Замѣтимъ, что въ понятіе идеала входятъ три существенные признака, тѣсно связанные между собою и взаимно себя обусловливающіе. Идеальное, съ теоретической стороны, есть истинное; но истинное не можетъ быть зломъ, и потому идеальное съ моральной стороны есть добро; наконецъ истинное и доброе мы никакъ не назовемъ безобразнымъ, некрасивымъ, и потому, съ эстетической стороны, идеальное должно быть прекраснымъ. Стремленіе воплотить идеалъ даетъ начало искусствамъ, и литература по своему содержанію есть одно изъ искусствъ. Такимъ образомъ произведенія человѣческаго слова, воплощающія въ себѣ идеальныя стремленія человѣка, единственно только и имѣютъ право на названіе литературныхъ. Ни журналы какого-нибудь казеннаго учрежденія, ни календарь, ни поваренная книга не заключаютъ въ себѣ отмѣченной особенности (нѣтъ въ нихъ идеальнаго элемента), и потому никто не отнесетъ ихъ къ разряду произведеній чистой литературы. Итакъ, *первый признакъ литературнаго произведенія — стремленіе писателя воплотить въ своемъ произведеніи идеальное начало.*

Но одинъ этотъ признакъ не исчерпываетъ всего содержанія понятія „литература". Нѣкоторыя произведенія человѣческаго слова, несмотря на то, что бываютъ проникнуты стремленіемъ къ идеалу, не могутъ, однакоже, признаваться литературными; таково, напр., письмо отца къ сыну, письмо нравоучительное, преслѣдующее, слѣдовательно, цѣль идеальную. Какая причина этому? Причина та, что

подобнаго рода произведенія преслѣдуютъ лишь частную цѣль и имѣютъ въ виду одно лицо. Между тѣмъ литературныя произведенія чужды какого-нибудь спеціальнаго назначенія; они пишутся для всѣхъ; иными словами, они *носятъ на себѣ характеръ общности*. Таковы, для примѣра, поэмы Пушкина, таковы и церковныя проповѣди, произносимыя пастырями, не обращающими вниманія на сословныя отличія своихъ слушателей и видящими передъ собою людей вообще, а не чиновниковъ, ремесленниковъ, студентовъ и т. д. Итакъ, два основныхъ признака выдѣляютъ произведенія литературныя: 1) идеальныя стремленія и 2) общій интересъ.

Въ противоположность указанному выше опредѣленію, слишкомъ расширяющему границы литературы, нерѣдко приходится слышать опредѣленіе, наоборотъ, суживающее объемъ литературы. Произведенія литературныя, говорятъ, это — произведенія классическія, образцовыя. Но, прежде всего, всякій предметъ можетъ быть образцовымъ, классическимъ въ своемъ родѣ: и календарь, прекрасно составленный, мы можемъ назвать образцовымъ. Съ другой стороны, понятіе „классическій“, „образцовый“ — понятіе слишкомъ условное. Въ глазахъ интеллигентнаго человѣка лубочное изреченіе (надпись на лубочной картинкѣ) не заслуживаетъ никакого вниманія, между тѣмъ какъ для многихъ еще это — изреченія образцовыя, классическія. Или еще примѣръ, близкій къ современности: декадентскіе стихи для многихъ — сущая безсмыслица, въ то время какъ сами декаденты признаютъ ихъ образцовыми, заключающими въ себѣ „высшую невѣдомую красоту“.

Заканчивая рѣчь о различныхъ опредѣленіяхъ нашей науки, мы не можемъ пройти молчаніемъ одного замѣчанія, которое вноситъ въ опредѣленіе литературныхъ произведеній довольно важный признакъ,— признакъ психологическій. Этотъ признакъ состоитъ въ *присутствіи въ литературныхъ произведеніяхъ „волевого элемента“*.

Выражая стремленія къ идеалу, писатель обыкновенно хочетъ внушить, передать эти стремленія своимъ читателямъ. Это желаніе воздѣйствовать на читателя проглядываетъ во всякомъ литературномъ произведеніи. Не даромъ писатель начала прошлаго столѣтія Карамзинъ въ своемъ разсужденіи „Что нужно автору“ обстоятельно развиваетъ мысль о томъ, что писатель внушаетъ читателямъ добрыя чувства и самъ необходимо переживаетъ ихъ; не даромъ, почти столѣтіе спустя, современный намъ писатель Л. Н. Толстой (въ статьѣ „Что такое искусство“) говоритъ почти то же. Искусство, по его словамъ, есть средство заражать другихъ людей своимъ чувствомъ. Эта передача чувства или зараженіе чувствомъ предполагаетъ воздѣйствіе одного субъекта на другого; воздѣйствіе же совершается при наличности извѣстнаго волевого акта. Итакъ, *литературнымъ произведеніемъ будемъ называть такое, въ которомъ на ряду, съ признаками идеальнаго и общности, замѣтимъ присутствіе волевого элемента*.

Послѣ всего сказаннаго для насъ намѣчаются тѣ точки зрѣнія, съ которыхъ мы должны разсматривать памятники нашей литературы.

Правда, какъ уже сказано, при изученіи произведеній литературныхъ древняго періода мы встрѣтимся съ затрудненіями и сомнѣніемъ, причислять ли извѣстные памятники древней словесности къ области литературы, или нѣтъ. Дѣло въ томъ, что многіе изъ нихъ не совмѣщаютъ въ себѣ всѣхъ указанныхъ признаковъ литературныхъ произведеній. Но, если мы и не отнесемъ подобнаго рода памятниковъ письменности къ области явленій литературы, во всякомъ случаѣ они будутъ имѣть для насъ значеніе вспомогательныхъ данныхъ при изученіи нашего предмета.

Вопросъ о методахъ и пріемахъ изученія литературныхъ произведеній.

ъ каждомъ литературномъ произведеніи, поскольку оно, съ одной стороны, воплотило въ себѣ идеальныя стремленія, и поскольку, съ другой, отражаетъ на себѣ индивидуальныя особенности автора и временную обстановку, среди которой послѣдній жилъ и дѣйствовалъ, мы различаемъ двѣ стороны — вѣчную, идеальную, и временную, условную. Это присутствіе въ литературѣ двухъ сторонъ повело къ двоякому методу изученія.

Прежніе изслѣдователи литературы — представители такъ называемой *эстетической критики* — все свое вниманіе сосредоточивали на вѣчной сторонѣ литературныхъ произведеній. По ихъ мнѣнію, самое важное въ послѣднихъ, это — проявленія въ нихъ истины, добра и красоты, которыя навсегда должны остаться неизмѣнными, и которыя поэтому мы должны цѣнить выше въ твореніи того или другого автора. Временная же сторона литературы, какъ сторона условная и измѣняемая, по мнѣнію эстетиковъ, есть нѣчто несущественное въ литературѣ и потому не заслуживающее научнаго вниманія. Но невольно напрашивается вопросъ: какъ опредѣлить этотъ вѣчный элементъ въ литературѣ? — Не рискуемъ ли мы въ данномъ случаѣ впасть въ субъективизмъ? Вѣдь идеальное не есть нѣчто готовое, данное и безусловно опредѣленное: идеалъ есть только предметъ человѣческихъ стремленій, и потому сужденія о немъ у каждаго изъ насъ различны. Въ особенности споренъ вопросъ о красотѣ.

Прим. Заглавная буква эта и слѣдующія изъ Евангелія Недѣльнаго, писаннаго для Новгородскаго Георгіевскаго монастыря въ 1120—1128 гг. (Моск. Синод. Библ.).

То, чѣмъ одинъ восхищается (декадентъ, напр., своими стихами съ ихъ „высшей, невѣдомой красотой"), съ точки зрѣнія другого не выдерживаетъ и снисходительной критики. Одному нравится Пушкинъ, другой предпочитаетъ ему Лермонтова.

Въ виду этого на смѣну эстетической критикѣ явился *методъ историческаго изученія* литературы.

Идеалы, замѣчаютъ представители историческаго направленія,— вѣчны, неизмѣнны, а если это такъ, то литература, долженствующая, по мнѣнію критиковъ-эстетиковъ, ставить своею единственною задачею возможно полное и точное отраженіе въ себѣ идеаловъ, не будетъ ли представлять собою повтореніе всегда одного и того же? Такая задача литературы слишкомъ бѣдна, скучна: писатели всѣхъ временъ и народовъ не уподобятся ли въ такомъ случаѣ знаменитому цензору Катону, твердившему въ сенатѣ одну и ту же фразу? Это явленіе не нормальное.

Въ силу этихъ соображеній эстетическая критика, по мнѣнію приверженцевъ историческаго метода, не можетъ претендовать на научное значеніе. Наоборотъ, говорятъ они, временная сторона въ литературѣ гораздо цѣннѣе и важнѣе, такъ какъ она составляетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, силу въ твореніи писателя и можетъ дать любопытные выводы научнаго характера, напр., относительно того, какъ отражается въ произведеніи національность автора, его общественное положеніе, или его полъ и возрастъ. Если бы, напримѣръ, у насъ явилось желаніе изучить юморъ въ его національныхъ проявленіяхъ, то, перечитывая французскія, нѣмецкія, англійскія юмористическія произведенія, мы замѣтили бы, что французскій юморъ — быстрый, сверкающій, поверхностный, но заразительный для читателей, нѣмецкій — тяжеловѣсный, англійскій — содержательный, сильный. Кромѣ національности, на творчество писателя вліяетъ эпоха, въ которую онъ живетъ; въ его произведеніяхъ проглядываютъ интересы общества, ему современнаго, и можно, напримѣръ, съ увѣренностью сказать, что Пушкинъ писалъ бы совсѣмъ иначе, если бы онъ жилъ на 50 лѣтъ ранѣе или позднѣе своей эпохи; въ его произведеніяхъ, несомнѣнно, отражаются стремленія лучшихъ людей Александровскаго времени, а также есть отголоски болѣе ранней политической обстановки. Далѣе, нельзя не замѣтить, что на творчество вліяетъ и матеріальная обстановка: въ произведеніяхъ Тургенева передъ нами человѣкъ, не знавшій лишеній, тогда какъ Достоевскій многими особенностями своей литературной манеры обязанъ гнетущей нуждѣ, которая не давала ему возможности обрабатывать его произведенія. Мы видимъ также, что и возрастъ писателя проявляется въ его созданіяхъ: молодые люди пишутъ не такъ, какъ старики. Работа женщинъ-писательницъ часто также отличается своими особенными чертами. Изученіе всѣхъ этихъ особенностей далеко не можетъ считаться безразличнымъ и можетъ привести къ гораздо болѣе цѣннымъ выводамъ по психологіи творчества и относительно общественнаго значе-

нія литературы, чѣмъ субъективная, эстетическая оцѣнка произведеній писателей.

Такимъ образомъ историческая критика основывается на изученіи вліянія временныхъ обстоятельствъ. Эти вліянія знаменитый французскій ученый *Тэнъ* назвалъ „моральной температурой“. Какъ физическая температура оказываетъ различное вліяніе на растительный и животный міръ, такъ подъ вліяніемъ моральной температуры въ обществѣ возникаютъ разныя настроенія, которыя, естественно, проникаютъ въ искусство вообще и въ частности въ литературу. Такъ, напр., были эпохи пессимизма (при упадкѣ римской литературы и въ началѣ XIX в.). Люди извѣрились въ идеалы; жизнь для нихъ казалась печальной; всѣ настроены были мрачно. Мотивы пессимизма проникли, конечно, и въ литературу. Наоборотъ, были эпохи душевнаго подъема въ обществѣ, когда люди мечтали о наступленіи золотого вѣка. Этотъ оптимизмъ отражался и въ литературѣ. Въ силу этого при изученіи того или другого автора необходимо обращать вниманіе на историческую, временную обстановку, среди которой протекала его жизнь и дѣятельность. Такъ именно Тэнъ и поступилъ при изслѣдованіи исторіи англійской литературы. Въ своемъ обширномъ трудѣ онъ постоянно разсматриваетъ литературныя явленія въ связи съ развитіемъ общества: говоря, напр., о Шекспирѣ, онъ характеризуетъ англійскую общественную жизнь XVI вѣка; разсматривая дѣятельность англійскихъ романтиковъ и Байрона, онъ старается прослѣдить вліяніе на нихъ писателей европейскаго континента, выяснить отношеніе ихъ къ современному англійскому обществу.

Однимъ изъ видныхъ предшественниковъ Тэна въ примѣненіи историческаго метода во французской наукѣ можно считать извѣстнаго критика Сентъ-Бева, который вмѣстѣ съ эстетической критикой соединялъ *біографическій методъ*, состоявшій въ изученіи біографіи писателя и объясненіи на основаніи біографическихъ данныхъ особенностей произведеній изучаемаго автора. Сентъ-Бевъ же положилъ начало раздѣленію писателей на литературныя семьи. Въ этомъ дѣленіи, вполнѣ пріемлемомъ и значительно облегчающемъ изученіе литературы, французскій ученый допустилъ, однако, нѣкоторую неправильность: къ извѣстнымъ литературнымъ семьямъ онъ полагалъ возможнымъ причислять тѣхъ или другихъ авторовъ на основаніи ихъ сходства по взглядамъ, по мыслямъ, по образамъ, совершенно невзирая на то, къ какой національности они принадлежатъ и когда они жили; поэтому въ составѣ той или другой литературной семьи мы можемъ встрѣтить англичанина XVIII в. вмѣстѣ съ французомъ XIX в. и т. п. Тэнъ тоже допускалъ существованіе литературныхъ семей, но, вопреки мнѣнію Сентъ-Бева, справедливо полагаетъ, что семьи эти должны быть прикрѣплены къ извѣстной эпохѣ съ ея особенными вліяніями и настроеніями въ обществѣ (такова, напримѣръ, семья романтиковъ, жившихъ въ одно время и находившихся подъ одинаковыми вліяніями).

Въ ряду представителей исторической школы гораздо большее значеніе, чѣмъ Сентъ-Бевъ и Тэнъ, имѣютъ нѣмецкіе ученые, родоначальникъ школы, *Гервинусъ* и *Ваккернагель*. Ваккернагель, знаменитый изслѣдователь средневѣковой литературы, положилъ начало въ изученіи литературы *филологическому методу*. Изученіе вліяній со стороны однихъ только внѣшнихъ обстоятельствъ на писателя, по его мнѣнію, недостаточно; необходимо, кромѣ того, прослѣдить вліяніе писателей на писателя. Филологъ-критикъ кромѣ историческаго изслѣдованія, еще долженъ имѣть въ виду и другую задачу—прослѣдить процессъ самаго творчества. Для этой цѣли прежде всего основательнымъ образомъ нужно изучить текстъ разбираемаго произведенія, для чего, въ свою очередь, необходимо знакомство съ рукописями автора, — узнать, какъ постепенно видоизмѣнялась форма произведенія, какъ выяснялись самому автору идеи и образы, прежде чѣмъ они появились въ томъ окончательномъ видѣ, въ которомъ они стали извѣстны публикѣ. Сличая произведенія одного писателя съ другими, мы видимъ, что́ онъ у нихъ заимствовалъ и что́ у него оригинально, а такимъ образомъ для насъ опредѣляется какъ духовная личность самого писателя, такъ и тѣ условія, при которыхъ развилось его творчество. Наши заключенія въ данномъ случаѣ будутъ не голословными утвержденіями, каковыми являются субъективныя разсужденія эстетиковъ о красотѣ того или другого произведенія автора; нѣтъ, они представятся основанными на прочно-установленныхъ фактахъ.

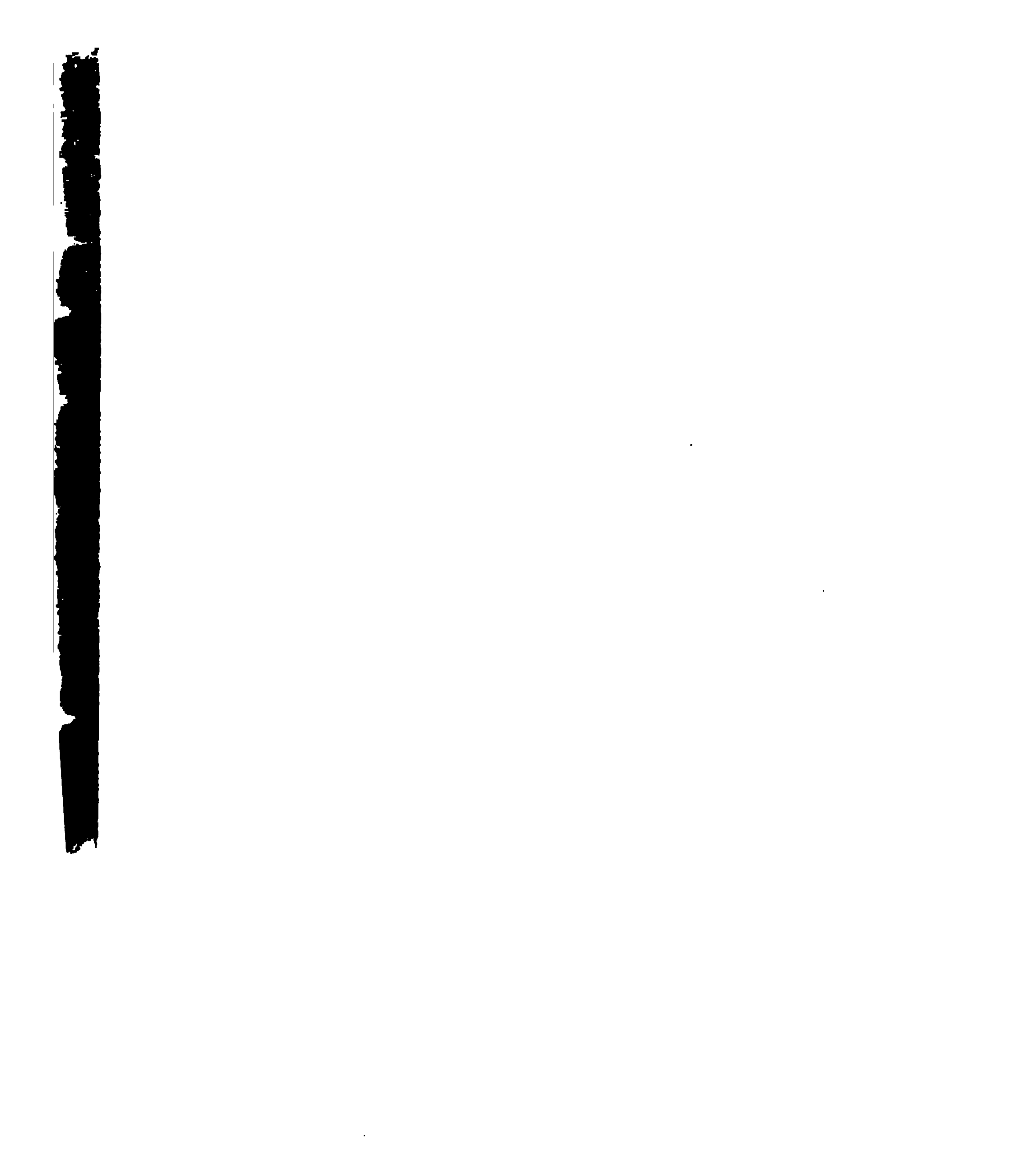
Ваккернагель является также однимъ изъ первыхъ представителей *сравнительнаго метода* въ изученіи литературныхъ явленій. Этотъ методъ особенно развитъ былъ *братьями Гриммами;* впослѣдствіи въ разработку сравнительнаго метода Гриммовъ внесены были дополненія *Бенфеемъ*. Свои пріемы Гриммы и Бенфей примѣняли къ изученію народной словесности. Замѣтивъ сходство въ сказкахъ и миѳахъ разныхъ народовъ, Гриммы это сходство объясняли, какъ результатъ дѣйствія общихъ причинъ. По ихъ мнѣнію, весь родъ человѣческій, происходя отъ одного общаго родоначальника, во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ имѣетъ одинаковую психологію. Отсюда они выводили одинаковость у народовъ миѳовъ и сказокъ. По мнѣнію Бенфея, причиною сходства литературнаго достоянія у разныхъ народовъ, помимо одинаковости психологіи, можетъ служить еще и прямое заимствованіе однимъ народомъ или писателемъ у другого (Бенфей извѣстенъ подъ именемъ отца „теоріи заимствованія").

Для иллюстраціи того и другого рода выводовъ, добываемыхъ сравнительнымъ методомъ, приведемъ два примѣра. Въ концѣ XV ст. у насъ на Руси возникли оживленные споры по поводу того, какъ относиться къ послѣдователямъ возникшей тогда ереси жидовствующихъ. Въ то время какъ одни (во главѣ съ Іосифомъ Волоцкимъ и Геннадіемъ Новгородскимъ) настаивали на самыхъ крутыхъ мѣрахъ по отношенію къ еретикамъ, другіе (во главѣ съ пр. Ниломъ Сорскимъ)

предпочитали дѣйствовать увѣщаніями, безъ суровыхъ мѣръ. „Просвѣтитель“ пр. Іосифа Волоцкаго текстами Ветхаго и Новаго Завѣтовъ и примѣрами церковной исторіи доказывалъ необходимость преслѣдованія еретиковъ; авторъ указывалъ, между прочимъ, на извѣстный поступокъ епископа Катанскаго Льва, который накрылъ еретика епитрахилью, и тотъ за свое неправомысліе почувствовалъ „огненное жженіе“. Съ противоположной стороны указывали на несостоятельность ссылокъ на Ветхій Завѣтъ, а автору „Просвѣтителя“ иронически совѣтовали послѣдовать примѣру епископа Катанскаго. Черезъ сорокъ лѣтъ совершенно аналогичное явленіе замѣчается во Франціи и Швейцаріи, гдѣ происходили споры между Кальвиномъ и докторомъ богословія Кастелліономъ по вопросу объ отношеніи къ еретикамъ. Кальвинъ, подобно Іосифу Волоцкому, въ доказательство необходимости преслѣдованія еретиковъ, ссылается на Ветхій Завѣтъ и примѣры церковной исторіи. Со стороны Кастелліона слышатся по адресу Кальвина тѣ же опроверженія и та же иронія, какъ и у противниковъ пр. Іосифа. Откуда же это сходство взглядовъ и пріемовъ доказательства?

Возможно ли здѣсь предположить вліяніе русскихъ? Трудно, даже невозможно дать утвердительный отвѣтъ на это въ виду того, что русскій языкъ не былъ извѣстенъ тогда на Западѣ, да и русскіе въ глазахъ европейцевъ были не больше, какъ варварами. Въ объясненіе этого явленія можетъ быть приведенъ только психологическій факторъ. И тамъ и здѣсь были одинаковыя условія и обстоятельства, одинаковъ былъ и самый спорный вопросъ; отсюда—сходство двухъ явленій, хотя и раздѣленныхъ временемъ и пространствомъ. Вотъ примѣръ, подтверждающій возможность возникновенія сходства помимо какого-либо заимствованія.

Теперь возьмемъ другой примѣръ, иллюстрирующій возможность заимствованія. Въ 1789 г. Карамзинъ посѣщалъ западныя страны и былъ, между прочимъ, въ Англіи. Въ своихъ „Письмахъ русскаго путешественника“ онъ на ряду съ описаніемъ особенностей англійской жизни изображаетъ Лондонъ, какимъ онъ является при взглядѣ на него съ моря. За шесть лѣтъ до появленія „Писемъ“ вышла нѣмецкая книга Морица, гдѣ находимъ буквально такое же описаніе. Сходство въ описаніяхъ здѣсь можетъ быть объяснено, пожалуй, совершенною одинаковостью обстоятельствъ, среди которыхъ пришлось быть двумъ писателямъ. Но дальнѣйшее описаніе Карамзинымъ площади, на которой происходили выборы въ парламентъ, даетъ основаніе предположить у нашего путешественника заимствованіе. Дѣло въ томъ, что Карамзинъ слышалъ на этой площади не только шумъ и крикъ, о которыхъ упоминаетъ и Морицъ, но даже громко произнесенное: „Берегите ваши карманы“, о чемъ также замѣчаетъ нѣмецкій путешественникъ; одни и тѣ же ораторы, однѣ и тѣ же темы рѣчей въ описаніи какъ Карамзина, такъ и Морица. Тутъ ужъ прямое заимствованіе, которое отмѣчено было еще въ началѣ XIX вѣка въ издававшемся Шаликовымъ „Дамскомъ Журналѣ“.



Семейство Святослава

Изъ Святославова Изборника 1073 года.

[illegible] Новаго Завета и [illegible]

[illegible] русских? Трудно [illegible]

[illegible]

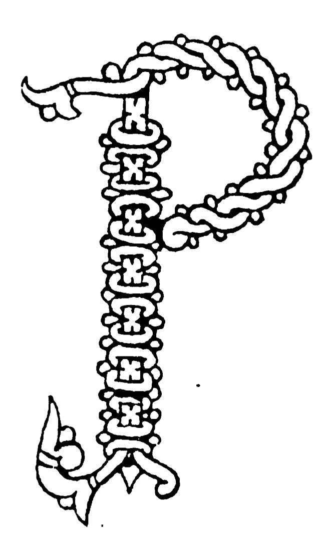
Критика историческая и историко-филологическая вполнѣ успѣшно можетъ примѣняться лишь при изученіи такихъ литературныхъ произведеній, которыя стали достояніемъ исторіи, отъ которыхъ мы отдѣлены временемъ. Но какъ же изучать произведенія современной намъ литературы? Съ какой точки зрѣнія ихъ оцѣнивать, если исключительно эстетическая оцѣнка признается недостаточной, въ силу ея субъективности? Есть разныя рѣшенія этого вопроса. На первый планъ въ 20—40 годахъ XIX в. выдвигалась критика, называвшаяся философской. Исходя изъ общихъ философскихъ опредѣленій добра и красоты, критикъ устанавливалъ вѣчные принципы искусства и старался приложить ихъ къ данному произведенію. Однако въ виду разнообразія философскихъ системъ оцѣнка получалась часто тоже крайне субъективная, какъ и при эстетическихъ пріемахъ, и даже у крупнѣйшихъ критиковъ возможны бывали крайне произвольные приговоры. Такъ, напримѣръ, случилось съ Бѣлинскимъ, который рѣзко осудилъ „Горе отъ ума", исходя изъ гегельянскаго ученія о разумной дѣйствительности.

Въ недавнее время французскимъ журналистомъ Эннекеномъ былъ предложенъ пріемъ, который онъ назвалъ *эстопсихологическимъ*,—пріемъ, представляющій соединеніе эстетической, субъективной оцѣнки съ анализомъ тѣхъ психологическихъ процессовъ, которыми объясняется творчество художника. Поскольку вторая часть этого соединенія основывается на фактахъ, она, конечно, имѣетъ не малое значеніе; что же касается эстетическихъ заключеній, то они столь же произвольны, какъ и въ чисто эстетической критикѣ.

Наконецъ, одновременно почти съ исторической критикой возникъ пріемъ *публицистическій*, ей родственный. Критикъ-публицистъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: литература есть явленіе общественной жизни, внѣ общества нѣтъ литературы, и задача литературы — отражать общественныя движенія. Поэтому при разсматриваніи современныхъ намъ произведеній мы должны обращать вниманіе на то, какъ эти произведенія относятся къ общему современному движенію. Но понятно, что мы, какъ люди, переживающіе это движеніе, не можемъ отнестись вполнѣ спокойно, объективно къ произведеніямъ литературы, затрогивающимъ современную жизнь и движеніе общества. Наша оцѣнка этихъ произведеній непремѣнно приметъ субъективную окраску. Это *критическое выясненіе современныхъ общественныхъ вопросовъ и движеній, отражаемыхъ литературой, и составляетъ задачу публицистической критики*. Главными дѣятелями, положившими начало публицистической критикѣ, являются *Гейне* и *Берне*. Первому принадлежитъ извѣстное сочиненіе „Романтическая школа", въ которомъ онъ говоритъ о современныхъ представителяхъ нѣмецкаго романтизма. Романтики — сторонники политической реакціи; такъ какъ Гейне — врагъ этой реакціи, то онъ возстаетъ противъ нихъ, своей литературной полемикой стремится уничтожить этихъ политическихъ враговъ. Его нападки на

противниковъ выражаются въ цѣломъ рядѣ колкихъ насмѣшекъ: такъ, напр., Тика, крупнаго представителя романтизма, онъ сравнивалъ со старой служанкой, которая, замѣтивъ, какъ ея старая госпожа каждое утро молодѣетъ, благодаря тому, что пьетъ изъ склянки какую-то жидкость, захотѣла сама на себѣ испытать благотворное дѣйствіе этой жидкости, но при этомъ слишкомъ перехватила и впала, вслѣдствіе этого, въ дѣтство. Такъ и Тикъ, говоритъ Гейне, перехватилъ средневѣковой влаги, вслѣдствіе чего никто не понимаетъ, что онъ „болтаетъ".

У насъ видными представителями публицистической критики являются *Бѣлинскій* (въ послѣдній періодъ своей дѣятельности), *Чернышевскій*, *Добролюбовъ*, *Писаревъ*, *Михайловскій*. Въ своихъ критическихъ статьяхъ они являлись проводниками освободительныхъ стремленій, которыми жило русское общество въ теченіе почти всего XIX вѣка.



азвитіе историческаго изученія русской литературы.

Систематическое, строго-научное изслѣдованіе литературы началось у насъ очень недавно. XVIII вѣкъ даетъ лишь первыя случайныя попытки изученія старыхъ памятниковъ литературы и современныхъ писателей. Къ этому времени относятся труды преимущественно справочнаго характера *). Таковъ прежде всего трудъ *Новикова* *„Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ"*. Трудъ этотъ страдаетъ неполнотой и неточностью, что и понятно, такъ какъ задача, поставленная Новиковымъ, была затронута впервые, и ему вмѣстѣ съ его сотрудниками приходилось изслѣдовать матеріалы, совсѣмъ неразработанные, а пособій для данной работы не было почти никакихъ. Вслѣдствіе этого въ словарѣ Новикова находятся такія свѣдѣнія, которыя потомъ пришлось совсѣмъ оставить; таковы, напр., свѣдѣнія о писателяхъ, вовсе не существовавшихъ. Трудъ Новикова начинается біографіей Баяна, котораго онъ принимаетъ за дѣйствительное историческое лицо, хотя вопросъ о томъ, нужно ли видѣть въ Баянѣ

*) Въ XVII в. явилось сочиненіе «Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ», приписываемое Сильвестру Медвѣдеву, хотя академикъ А. И. Соболевскій считаетъ его произведеніемъ чудовского монаха, Евѳимія. Перечень книгъ и писателей здѣсь неполонъ, пріемы несовершенны, но важно, что это — первое произведеніе такого рода.

историческую личность или его имя представляется собирательнымъ, даже теперь не можетъ считаться опредѣленно рѣшеннымъ. Несмотря на это, Новиковъ признаетъ Баяна дѣйствительнымъ лицомъ и усвояетъ ему извѣстныя произведенія.

Аналогичный трудъ справочнаго характера находимъ у *Н. М. Карамзина*, ученика Новикова, „*Пантеонъ россійскихъ авторовъ*“, заключающій въ себѣ нѣсколько біографій. Трудъ этотъ также страдаетъ неполнотой: многихъ даже современныхъ литературныхъ дѣятелей Карамзинъ пропускаетъ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ серьезный, сохраняющій и доселѣ свое научное значеніе, трудъ митрополита *Евгенія* (въ 1-й разъ изданъ въ 1818 г., во 2-й разъ—въ 1827 г.): „*Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина*“. Митрополитъ Евгеній принадлежалъ къ группѣ ученыхъ, объединившихся около извѣстнаго канцлера, графа Н. П. Румянцева, который весьма интересовался изученіемъ жизни древней Руси. Въ этомъ кружкѣ митр. Евгеній болѣе всѣхъ другихъ занимался изслѣдованіемъ древней литературы.

Трудъ свой авторъ выполнилъ настолько добросовѣстно и съ такимъ умѣньемъ, что даже теперь его словарь имѣетъ значеніе весьма важное, и во многихъ современныхъ энциклопедическихъ словаряхъ мы можемъ встрѣтить статьи, чуть не буквально перепечатанныя изъ словаря митрополита Евгенія. Чтобы познакомиться съ русской словесностью древняго періода, ученые и въ наше время должны весьма часто обращаться къ рукописямъ, такъ какъ множество старинныхъ русскихъ памятниковъ остается и до сихъ поръ не напечатаннымъ. Если таково положеніе науки въ наше время, то митр. Евгенію представлялось гораздо болѣе всякихъ затрудненій, и онъ отнесся поэтому къ своей задачѣ въ высшей степени добросовѣстно: собралъ множество старинныхъ рукописей, тщательно ихъ изучилъ, такъ что могъ составить обширный перечень (до 238) русскихъ духовныхъ писателей, съ весьма обстоятельными указаніями ихъ сочиненій. Конечно, работа тянулась не мало времени: для того, чтобы сказать всего нѣсколько словъ, приходилось предпринимать самыя кропотливыя изслѣдованія, перерывать груды печатнаго и рукописнаго матеріала. Мы невольно удивляемся трудолюбію, научному критическому чутью и колоссальнымъ для того времени познаніямъ митр. Евгенія, но не можемъ не сказать, что и въ его трудѣ встрѣчаются промахи, объясняющіеся, съ одной стороны, громадностью самаго дѣла, а съ другой стороны, неразработанностью въ то время такихъ отраслей науки, какъ историческая грамматика русскаго языка и русская палеографія, т.-е. наука о внѣшнихъ особенностяхъ стараго письма. Вслѣдствіе этого у Евгенія иногда встрѣчаются довольно курьезныя ошибки; такъ, онъ помѣстилъ біографію писателя съ какой-то странной, какъ будто не русской фамиліей „Савва Тейща“, тогда какъ это есть просто увеличительная форма имени Савватій—

Савватеище; но такъ какъ въ рукописи, которою пользовался Евгеній, переносъ слова, по старому обыкновенію, вѣроятно, ничѣмъ не былъ обозначенъ, нашъ ученый принялъ двѣ части одного слова за два имени, тѣмъ болѣе, что въ рукописяхъ не отличались буквы прописныя отъ строчныхъ. Замѣтимъ, однако, что если этотъ промахъ простителенъ Евгенію, его по меньшей мѣрѣ странно повторять въ современныхъ намъ изданіяхъ, какъ это, напримѣръ, случилось съ „Энциклопедическимъ словаремъ“ Брокгауза и Эфрона.

Кромѣ этого словаря, Евгенію же принадлежитъ тоже весьма обстоятельный „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи“, начало котораго было напечатано профессоромъ Московскаго университета Снегиревымъ вскорѣ послѣ смерти автора, въ 1838 г.; полностью этотъ трудъ былъ изданъ въ 1845 г. профессоромъ Московскаго университета М. П. Погодинымъ.

Какъ дополненіе къ словарю митр. Евгенія, очень полезенъ *„Обзоръ русской духовной литературы“*, архіепископа черниговскаго *Филарета:* въ этомъ трудѣ интересны многія данныя о старинныхъ рукописяхъ, а въ особенности свѣдѣнія о раскольническихъ и западно-русскихъ писателяхъ, не имѣющіяся у Евгенія.

Этотъ рядъ справочныхъ изданій заканчивается трудомъ *С. А. Венгерова „Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ“*. Г. Венгеровъ поставилъ себѣ задачею пополнить существенный пробѣлъ въ современной русской исторіографіи, а именно, отсутствіе „такого свода фактовъ исторіи русской литературы, запасшись которымъ изслѣдователь или читатель былъ бы увѣренъ, что найдетъ въ немъ свѣдѣнія о писателяхъ всѣхъ періодовъ русской образованности, нашихъ дней не исключая“. Предположено было дать въ алфавитномъ порядкѣ біографіи всѣхъ безъ исключенія русскихъ писателей до конца XIX вѣка, съ указаніемъ всѣхъ произведеній каждаго писателя, критической ихъ оцѣнкой и указаніемъ того, что писалось о разбираемомъ авторѣ. Къ прискорбію, колоссальность задачи не позволяетъ надѣяться, чтобы „Словарь“ былъ когда-нибудь доведенъ до конца: въ продолженіе 15 лѣтъ г. Венгеровъ успѣлъ издать біографіи писателей только на буквы А и Б.

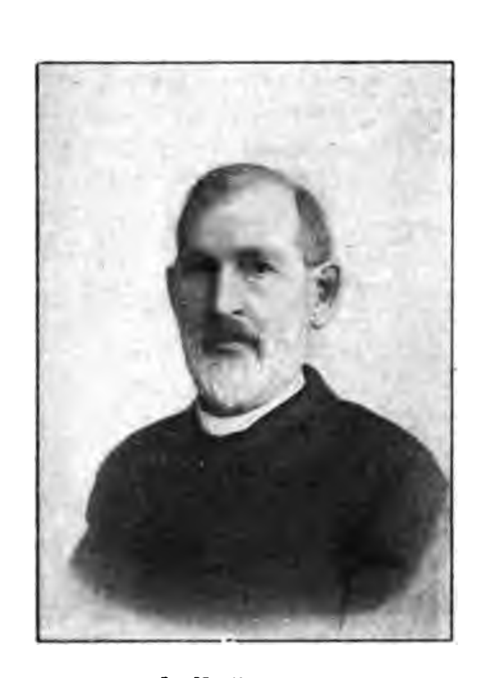
Тому же автору принадлежатъ и другія справочныя произведенія по исторіи русской литературы, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаютъ *„Русскія книги“* и *„Русская поэзія“*. Первый трудъ заключаетъ въ себѣ перечень книгъ, появившихся съ 1708 до 1893 г., второй представляетъ собой сборникъ произведеній русскихъ поэтовъ XVIII—XIX вв., при чемъ сообщаются біографическія свѣдѣнія о писателяхъ. Второй трудъ имѣетъ для насъ особенно важное значеніе, такъ какъ для составленія его приглашены были Венгеровымъ участники-спеціалисты. Вотъ всѣ наиболѣе важныя пособія для изученія русской литературы, пособія справочнаго характера.

Отъ этихъ изданій справочнаго характера мы обратимся къ такимъ трудамъ, въ которыхъ русская литература разсматривается въ извѣстной системѣ, изучается въ исторической послѣдовательности. Минуя старыя сочиненія, придерживаясь хронологическаго порядка, упомянемъ прежде всего объ *„Исторіи русской словесности“* проф. Московскаго университета *С. П. Шевырева*. Эта книга составилась изъ читанныхъ Шевыревымъ публичныхъ лекцій въ Москвѣ въ 1844—1845 гг. и была напечатана въ 1859 г., а затѣмъ много лѣтъ спустя послѣ смерти автора переиздана въ 2 частяхъ въ 1887 г. Курсъ этотъ во многихъ частяхъ устарѣлъ уже, но имѣетъ значеніе по своей цѣльности вслѣдствіе той основной идеи, которая въ немъ проведена. Идея эта заключается въ указаніи вліянія христіанства на древнюю русскую жизнь: народъ воспринялъ новую вѣру легко и свободно, а потому она проникала всю жизнь русскаго человѣка, благотворно преображая ее въ идеальномъ направленіи. Однако, отмѣтивъ вліяніе христіанства, Шевыревъ не коснулся другихъ очень важныхъ сторонъ въ развитіи старинной русской литературы, а, кромѣ того, важнымъ недостаткомъ его курса является то, что онъ доведенъ только до начала XVI вѣка.

ъ 1861 г. выходитъ книга проф. Московскаго университета *Ѳ. И. Буслаева: „Историческіе очерки русской народной словесности и искусства“*, въ 2 томахъ. Въ ней собраны статьи Буслаева, посвященныя народной словесности (1-й томъ), древне-русской литературѣ и русскому искусству (2-й томъ). Буслаевъ первый явился у насъ представителемъ строгаго историческаго направленія въ изученіи памятниковъ словесности, первый сталъ искать внутреннюю связь, объединяющую явленія литературныя, и, по его взгляду, ихъ изученіе должно было обрисовать ходъ духовнаго развитія русскаго народа. Изучая, напримѣръ, какую-нибудь повѣсть, Буслаевъ точнѣйшимъ образомъ стремился опредѣлить время ея созданія, личность автора, старался разрѣшить вопросъ, въ какой мѣрѣ повѣсть оригинальна, каковы ея литературные источники, какимъ путемъ она къ намъ занесена. Особенно важно было указаніе связи между произведеніями старинной русской живописи и литературы. По отношенію къ устной народной словесности Буслаевъ примѣнялъ историко-сравнительный методъ Якова Гримма. Примѣняя этотъ методъ, Буслаевъ такъ

же, какъ и Гриммъ, при изученіи народныхъ пѣсенъ и сказокъ пользовался миѳологическими толкованіями; однако впослѣдствіи онъ относился къ подобнымъ толкованіямъ гораздо осторожнѣе, говоря, что „русскій эпосъ слѣдуетъ свести съ небесъ на землю". Позднѣйшія статьи Буслаева по народной словесности собраны въ его книгѣ: „Народная поэзія", изданной Академіей Наукъ.

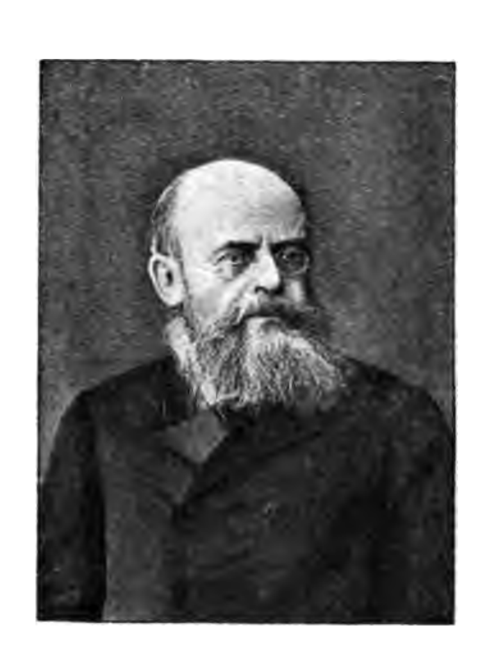
Почти въ одно время съ „Очерками" Буслаева вышло въ свѣтъ сочиненіе проф. С.-Петербургскаго университета *О. Ѳ. Миллера: „Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности"* (съ приложеніемъ хрестоматіи, заключающей въ себѣ произведенія народной словесности и памятники древней русской литературы, разсматриваемые въ самой книгѣ). Къ этой книгѣ продолженіемъ могутъ служить тѣ лекціи, которыя Миллеръ читалъ въ университетѣ и на высшихъ женскихъ курсахъ, сохранившіяся, къ сожалѣнію, только въ литографированныхъ студенческихъ изданіяхъ, далеко не всегда отличающихся точностью. По своему направленію Миллеръ принадлежалъ къ славянофиламъ, хотя и расходился съ ними во взглядѣ на личность и дѣятельность Петра Великаго, указывая, что оцѣнка Петра должна быть непремѣнно производима съ объективно-исторической точки зрѣнія. Курсы Миллера въ свое время были очень цѣнны по тому вниманію, которое онъ удѣлялъ народной словесности (хотя слѣдуетъ замѣтить, что теперь его взгляды на этотъ предметъ устарѣли и совсѣмъ оставлены наукой), и по той руководящей идеѣ, которая имъ весьма послѣдовательно проводилась при изученіи памятниковъ нашей древней литературы, а также при разборѣ произведеній новой литературы, возникшей послѣ Петра Великаго. Миллеръ дополнилъ указанія на благотворное вліяніе христіанства на наше просвѣщеніе, сдѣланныя Шевыревымъ, внимательнымъ разсмотрѣніемъ воздѣйствій на нашу жизнь началъ византійскихъ (до Петра Великаго) и западныхъ (послѣ эпохи преобразованія): благодаря византійскимъ взглядамъ, въ старой русской литературѣ, по временамъ, какъ бы заслоняются свѣтлыя христіанскія воззрѣнія, вполнѣ соотвѣтствовавшія мягкому характеру славянскаго племени. Этой основной идеей въ курсъ Миллера вносилось единство, въ чемъ нельзя не видѣть выдающагося его достоинства.



Ѳ. И. Буслаевъ.

Однако есть у Миллера и слабая сторона: онъ слишкомъ злоупотреблялъ нравственной точкой зрѣнія при оцѣнкѣ литературныхъ явленій, такъ что изъ историка, объясняющаго происхожденіе и развитіе литературныхъ формъ и идей, становился порой моралистомъ или публицистомъ, производящимъ свой судъ надъ явленіями прошлой жизни, исходя притомъ изъ современныхъ намъ нравственно-общественныхъ воззрѣній, тогда какъ подобное абсолютное мѣрило врядъ ли можетъ быть примѣнимо.

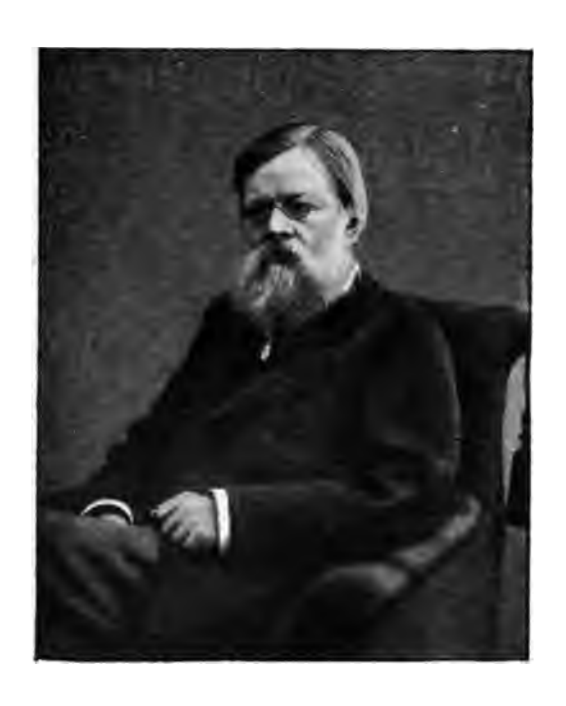
Гораздо умѣстнѣе такая точка зрѣнія была при разсмотрѣніи произведеній новѣйшей литературы: этому предмету Миллеръ посвятилъ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ рядъ публичныхъ лекцій, изъ которыхъ составилась книга *„Русскіе писатели послѣ Гоголя“*, въ 3-хъ томахъ. Въ этой книгѣ обстоятельно разсматривается литературная дѣятельность И. С. Тургенева, Ѳ. М. Достоевскаго, И. А. Гончарова, А. Ѳ. Писемскаго, М. Е. Салтыкова, гр. Л. Н. Толстого, С. Т. Аксакова, П. И. Мельникова и А. Н. Островскаго. Сочиненіе это и для нашего времени не утратило своего значенія, какъ полный и не впадающій въ односторонность обзоръ главныхъ явленій нашей литературы послѣ Гоголя.



Въ 60-хъ гг. появился трудъ *А. Д. Галахова* — *„Исторія русской словесности“*. Въ этой книгѣ мы не можемъ не отмѣтить нѣкоторыхъ существенныхъ недостатковъ, особенно въ изложеніи исторіи древне-русской литературы и народной устной словесности. Недостатки эти, какъ объяснилъ Н. С. Тихонравовъ, проф. Московскаго университета, произошли, съ одной стороны, вслѣдствіе того, что Галаховъ не былъ непосредственно знакомъ съ памятниками старинной русской литературы, изъ которыхъ огромное большинство находится

въ рукописяхъ. Говоря о нихъ, Галаховъ вынужденъ былъ поэтому руководствоваться мнѣніями другихъ ученыхъ, иногда устарѣлыми и невѣрными. Съ другой стороны, самый его взглядъ на литературу не можетъ быть признанъ правильнымъ, такъ какъ Галаховъ смотрѣлъ на исторію литературы, какъ на исторію образцовыхъ словесныхъ произведеній.

Въ теченіе 70-хъ и 80-хъ гг. печаталось сочиненіе проф. Казанской духовной академіи *И. Я. Порфирьева: „Исторія русской словесности“*. Курсъ этотъ состоитъ изъ двухъ большихъ томовъ, изъ которыхъ въ первомъ заключается обзоръ народной словесности и исторія древне-русской литературы до Петра Великаго, а въ 3-хъ выпускахъ второго разсмотрѣны: 1) литература Петровской эпохи, 2) Екатерининская эпоха и 3) время царствованія Императора Александра I. Послѣдній выпускъ, вышедшій послѣ смерти автора, недостаточно обработанъ: слишкомъ много въ немъ оказывается буквальныхъ заимствованій изъ примѣчаній В. И. Саитова къ произведеніямъ Батюшкова. Нѣкоторые отдѣлы у Порфирьева хорошо отдѣланы, между прочимъ, отдѣлъ такъ называемой апокрифической литературы. Изложеніе же у него отличается вообще легкостью, хотя его можно упрекнуть въ нѣкоторой сухости.



Въ концѣ 1900 г. появилась *„Исторія русской литературы“*, въ 4-хъ томахъ, академика *А. Н. Пыпина*. Несмотря на очень строгую, но въ сущности крайне мелочную, критику проф. А. С. Архангельскаго, слѣдуетъ сказать, что этотъ трудъ отличается выдающимися достоинствами: при изложеніи приняты во вниманіе результаты новѣйшихъ изслѣдованій по частнымъ вопросамъ; обильнѣйшій фактическій матеріалъ расположенъ въ строгой системѣ.

Чтобы лучше охарактеризовать систему изложенія А. Н. Пыпина, приведемъ его собственныя слова:

„Въ древнемъ періодѣ русской литературы историкъ встрѣчается съ однимъ постояннымъ явленіемъ, котораго не можетъ не принять во вниманіе. Вслѣдствіе условій, въ какихъ образовалась

наша древняя письменность, она почти не знаетъ хронологіи: большая масса памятниковъ оставалась въ обращеніи въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, иногда, съ XI—XIII до XVII и даже XIX столѣтія; старые памятники заслонялись новыми, какъ новою ступенью литературнаго развитія; напротивъ, новые примыкали къ старымъ, какъ ихъ непосредственное продолженіе, и они не разъединялись въ представленіяхъ самихъ книжниковъ. Исторія дѣлала свое, совершались событія, которыя бывали цѣлыми переворотами въ политической жизни народа, но письменность сохраняла тѣ же традиціонныя формы. Такова была лѣтопись; таковы были памятники паломничества; такова была литература церковнаго поученія, житія, наконецъ, отреченныхъ книгъ и т. д. Въ связи съ этимъ мы наблюдаемъ другое явленіе. Московская Русь, когда установилась въ обширное царство, оказалась на перепутьѣ: какъ бы въ предчувствіи новыхъ теченій національной жизни, она думала закрѣпить все старое содержаніе письменности, какъ національное достояніе, на которомъ воспитался русскій народъ и сталъ великимъ народомъ, и достояніе, изъ предѣловъ котораго онъ не долженъ выходить и впредь, потому что въ немъ предполагалась вся истина. Эта мысль выразилась цѣлымъ рядомъ сборныхъ трудовъ: такова была „Степенная книга", которая въ обычной компилятивной формѣ хотѣла объединить изложеніе русской исторіи отъ древнѣйшихъ и до новѣйшихъ временъ; таковъ былъ „Хронографъ", который по старымъ и застарѣлымъ свѣдѣніямъ излагалъ русскому читателю всеобщую исторію; таковъ былъ „Азбуковникъ", который собиралъ изъ рукописей старыхъ и новыхъ самыя разнообразныя свѣдѣнія, составлявшія своего рода научную энциклопедію; таково было, наконецъ, громадное предпріятіе митрополита Макарія, который въ своихъ Четіихъ Минеяхъ хотѣлъ объединить всю старую русскую письменность въ порядкѣ Святцевъ... Такимъ образомъ при постановкѣ историко-литературнаго вопроса сама собою является мысль о необходимости соединить однородное, хотя разновременное по происхожденію, потому что по существу оно имѣло внутреннюю связь и равную цѣнность для читателя. Простое хронологическое распредѣленіе памятниковъ „по вѣкамъ" въ этомъ смыслѣ не достигаетъ цѣли, такъ какъ вынуждало бы къ постояннымъ возвращеніямъ назадъ. Вопросъ не безразличенъ, потому что съ извѣстной постановкой изложенія соединяется представленіе о внутреннемъ значеніи самыхъ явленій".

„Нѣтъ сомнѣнія, что самая задача исторіи требуетъ вниманія къ хронологическому теченію фактовъ; но эта цѣль можетъ быть достигаема общими указаніями историческихъ періодовъ. Замѣтимъ, что самые факты древней письменности до сихъ поръ еще не сполна приведены въ извѣстность, и въ тѣхъ, которые извѣстны, не всегда опредѣлено время ихъ происхожденія, и въ древнемъ періодѣ иногда не опредѣлено даже, былъ ли памятникъ русскаго или южно-славянскаго происхожденія".

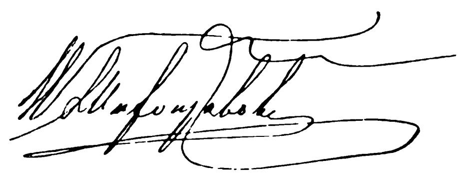
Если принять во вниманіе, что всѣ предшествовавшіе историки нашей литературы считали необходимымъ соблюдать хронологическій порядокъ въ своемъ изложеніи и особенно держались „вѣковъ“ Галаховъ и Порфирьевъ, то новый пріемъ Пыпина окажется весьма существеннымъ (и, добавимъ, вполнѣ обоснованнымъ) отступленіемъ отъ обычнаго порядка: нельзя же устанавливать строгую хронологію тамъ, гдѣ мы не имѣемъ точныхъ показаній о времени возникновенія памятниковъ. Такимъ же оригинальнымъ и существеннымъ нововведеніемъ слѣдуетъ признать отношеніе Пыпина къ народной словесности, обзоръ которой до него безъ объясненія причинъ, или же указывая на сравнительную древность ея памятниковъ, ставили въ самомъ началѣ; между тѣмъ въ трудѣ Пыпина народная словесность помѣщена на рубежѣ древняго и новаго періодовъ русской литературы.

Причина такого отступленія отъ обычныхъ пріемовъ,—отступленія, которому мы вполнѣ сочувствуемъ, объясняется слѣдующимъ соображеніемъ: „ставить изложеніе судьбы народной поэзіи въ началѣ цѣлой исторіи мы считали неудобнымъ, почти невозможнымъ, потому что обыкновенно мы знаемъ нашу народную поэзію почти только въ новѣйшей ея формѣ, когда она испытала на себѣ вліяніе всѣхъ послѣдовательныхъ вѣковъ исторіи, о которыхъ еще не было рѣчи; въ ней предстоитъ еще выдѣлять древнее отъ новѣйшаго, и этотъ предварительный трудъ до настоящаго времени далеко не законченъ, можно сказать, только начатъ“. Къ этому добавимъ, что на ряду съ измѣненіемъ старыхъ произведеній мы замѣчаемъ въ народной словесности постоянное возникновеніе новыхъ, вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ фактовъ исторической жизни народа. Было бы очень желательнымъ размѣстить народно-поэтическія произведенія хронологически, по тѣмъ эпохамъ, когда они создавались; но такъ какъ подобное желаніе неосуществимо за невозможностью опредѣлить дату большинства указанныхъ произведеній, то приходится прибѣгать къ компромиссамъ, а изъ нихъ самый лучшій тотъ, который былъ принятъ Пыпинымъ.

Относительно того періода исторіи русской литературы, который начинается съ эпохи преобразованія, авторъ говоритъ слѣдующее: „Исторія новѣйшей литературы со временъ Петра или еще раньше, съ XVII вѣка, представляетъ совсѣмъ иную картину. Историкъ можетъ послѣдовательно наблюдать два исторически развивающіяся движенія: во-первыхъ, постоянное расширеніе европейскихъ вліяній, приносившихъ новый матеріалъ знанія и новыя литературныя формы, которыя были формами всей европейской литературы, и, во-вторыхъ, столь же постоянное расширеніе содержанія русской жизни въ этихъ литературныхъ формахъ, сначала чуждыхъ и искусственныхъ, потомъ все болѣе привычныхъ. Хронологическая послѣдовательность исторіи не подлежитъ здѣсь никакому сомнѣнію. Каждое поколѣніе имѣло своего великаго представителя и даже иногда не одного, въ области поэзіи, въ усовершенствованіи литературнаго языка, въ вопросахъ

общественнаго просвѣщенія, и каждое поколѣніе представляло собою новый шагъ въ развитіи литературы. Имена Ломоносова, Державина, Фонвизина, Карамзина, Жуковскаго, Пушкина, Гоголя давно стали историческими показателями знаменательныхъ моментовъ въ развитіи нашей новѣйшей литературы".

Признавая своей главной задачей „изобразить исторію духовнаго развитія русскаго общества, исторію идей" въ ихъ литературномъ выраженіи, Пыпинъ вмѣстѣ съ тѣмъ вводилъ своихъ читателей въ исторію науки, присоединяя къ отдѣльнымъ главамъ своего труда довольно значительныя библіографическія указанія. Изложеніе систематическое Пыпинъ довелъ въ своей книгѣ до половины XIX вѣка, дальнѣйшему же развитію русской литературы онъ, къ сожалѣнію, посвятилъ лишь одну небольшую главу, въ которой могъ дать самую общую характеристику литературнаго движенія.



Одновременно съ книгой Пыпина выходитъ въ свѣтъ изданіе сочиненій профессора Московскаго университета *Н. С. Тихонравова*, въ 3-хъ томахъ. Это собраніе отдѣльныхъ статей по разнымъ частнымъ вопросамъ можетъ, по точности изслѣдованія, по пріемамъ изложенія, считаться отличнымъ пособіемъ для изученія русской словесности.

Къ разряду строго-научныхъ пособій, между прочимъ, относятся труды проф. *А. С. Архангельскаго „Изъ лекцій по исторіи русской литературы"* и *П. Владимірова „Введеніе въ исторію русской словесности"*: первый даетъ чрезвычайно обстоятельныя библіографическія указанія, а у г. Владимірова мы находимъ очень хорошій сводъ того, что сдѣлано для объясненія народной словесности.

Существенными пособіями при изученіи русской литературы представляются нѣкоторые общіе труды по исторіи русской Церкви и вообще по русской исторіи. Къ нимъ принадлежитъ *„Исторія русской Церкви"* московскаго митрополита *Макарія*, въ 12 томахъ. Колоссальный трудъ Макарія важенъ тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ обширнѣйшія главы, посвященныя обзору памятниковъ древне-

русской литературы, которая была по преимуществу духовной. Однако замѣтимъ, что въ трудѣ митрополита Макарія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются пристрастные и неправильные отзывы, какъ, напр., въ вопросѣ объ отношеніи къ еретикамъ XV в., или въ главахъ о западно-русскихъ братствахъ и о расколѣ.

Для изученія древнѣйшаго до-монгольскаго періода русской литературы очень важна *„Исторія русской Церкви“ Е. Голубинскаго;* критическіе пріемы автора приводятъ къ чрезвычайно любопытнымъ выводамъ, хотя нельзя не отмѣтить у него слишкомъ отрицательнаго отношенія къ состоянію просвѣщенія на Руси въ эту отдаленную эпоху.

Въ этомъ отрицательномъ взглядѣ на древне-русскую образованность, до извѣстной степени, соглашается съ Голубинскимъ авторъ весьма замѣчательныхъ *„Очерковъ по исторіи русской культуры“*, извѣстный ученый и политическій дѣятель *П. Н. Милюковъ.* Во второмъ томѣ его книги мы находимъ очень сжатый, но въ идейномъ отношеніи очень содержательный очеркъ развитія русскаго просвѣщенія, литературы и знаній по разнымъ отраслямъ науки.

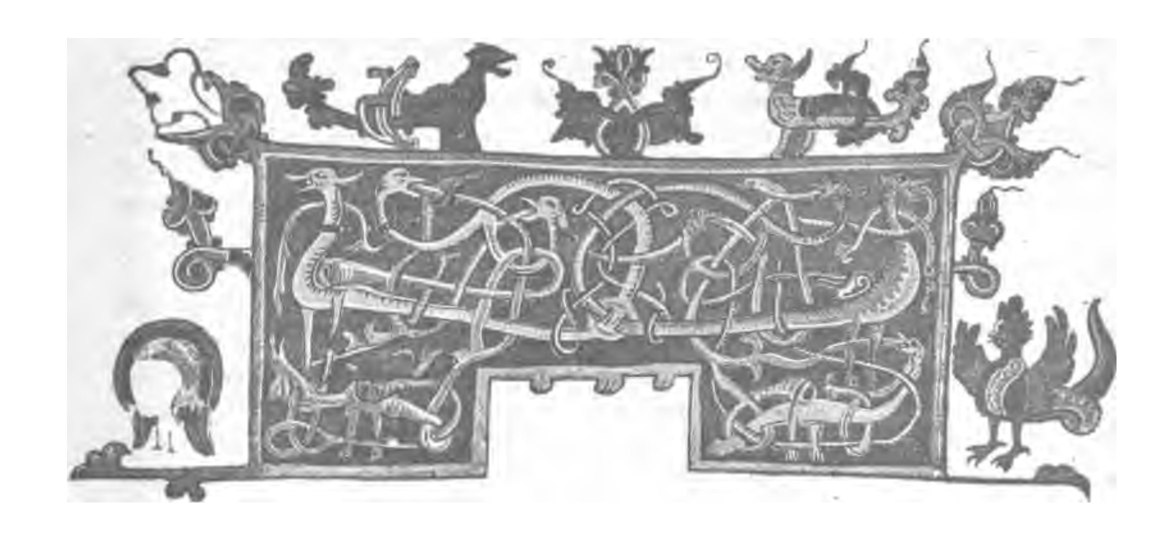
Изъ общихъ пособій по русской исторіи обильнѣйшій матеріалъ содержится въ 29 томахъ сочиненія *С. М. Соловьева „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“*, а также и въ трудахъ *Н. И. Костомарова.*

Послѣ этихъ строго-научныхъ трудовъ слѣдуетъ упомянуть о популярныхъ изданіяхъ и школьныхъ учебникахъ.

Изъ первыхъ наиболѣе распространена *„Исторія русской литературы“ П. Н. Полевого*, въ 3-хъ томахъ, съ иллюстраціями. Къ сожалѣнію, въ этой книгѣ можно указать много существеннѣйшихъ промаховъ, особенно въ области древней русской литературы, которой къ тому же отведено слишкомъ мало мѣста. Изъ учебниковъ упомянемъ работы И. Я. Порфирьева, А. Д. Галахова, А. И. Незеленова, А. Г. Филонова и В. В. Сиповскаго: учебникъ Порфирьева является сокращеніемъ его большого труда, книжка Галахова очень полезна по сжатости и обстоятельности изложенія, чего нельзя сказать объ учебникѣ Незеленова, который отличается крайней расплывчатостью и субъективизмомъ, при чемъ въ исторіи древняго періода можно указать у Незеленова даже ошибки; огромное „учебное пособіе“ г. Филонова поражаетъ хаотичностью изложенія, а по взглядамъ можетъ считаться совсѣмъ устарѣлымъ; „Исторія русской словесности“ В. В. Сиповскаго, начавшая выходить въ 1905 г., будучи по объему не совсѣмъ пригодной для гимназическаго преподаванія (до Пушкина—670 страницъ), представляетъ много достоинствъ, такъ какъ авторъ ввелъ въ учебный обиходъ новый матеріалъ и гораздо ближе къ научному его освѣщенію, чѣмъ всѣ другіе составители учебниковъ.

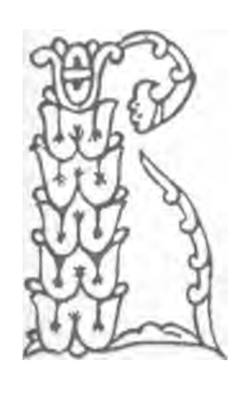
Наконецъ, упомянемъ и объ иностранныхъ сочиненіяхъ по исторіи русской литературы: изъ нихъ очень обстоятельно написано

„Geschichte der russischen Litteratur" А. фонъ-Рейнгольдта, вышедшее въ 1884—86 г. и теперь уже устарѣвшее, такъ что выше его надо поставить появившуюся въ 1905 г. книгу берлинскаго профессора славянскихъ нарѣчій А. Брикнера (Gesch. d. russ. Litteratur). Въ этой послѣдней книгѣ изложеніе доведено до нашихъ дней, при чемъ новѣйшей литературѣ (послѣ 1850 г.), особенно интересной для иностранцевъ, посвящено болѣе 200 страницъ, т.-е. въ нѣсколько разъ болѣе, чѣмъ у Пыпина. За исключеніемъ слишкомъ бѣглаго обзора древней литературы и нѣкоторыхъ незначительныхъ частностей, книга составлена очень хорошо и обнаруживаетъ въ авторѣ глубокаго знатока, любящаго предметъ своего изслѣдованія. Гораздо ниже приходится поставить появившуюся въ 1900 г. въ Парижѣ книгу К. Валишевскаго: „Littérature russe". Въ ней встрѣчается не мало фактическихъ ошибокъ и видна предвзятость сужденій.



ГЛАВА I.

Дѣленіе исторіи русской литературы на періоды и общій очеркъ ея развитія.



сякое дѣленіе на періоды, когда оно примѣняется къ исторіи духовной дѣятельности общества, является вполнѣ условнымъ и зависитъ отъ случайныхъ соображеній: чрезвычайно трудно вообще указывать, гдѣ кончается одинъ періодъ и гдѣ начинается другой, такъ какъ духовные процессы никогда не обрываются рѣзко, и мы постоянно наблюдаемъ, что новыя идеи долго живутъ рядомъ со старыми. Если мы принимаемъ, несмотря на это, разныя дѣленія на періоды, то мы поступаемъ такъ, имѣя въ виду удобства изложенія предмета, желая облегчить его усвоеніе. Та же условность обнаруживается и по отношенію къ періодамъ исторіи русской литературы: одни ученые предлагаютъ установить три періода, другіе признаютъ, что ихъ два.

Къ первой группѣ принадлежитъ А. Н. Пыпинъ. По его словамъ, „границами основныхъ періодовъ исторіи русской литературы служатъ — эпоха татарскаго нашествія, а затѣмъ вторая половина XVII в., какъ преддверіе Петровской реформы, открывающей новую эру русской литературы“.

Прим. Заставка изъ Пролога, писаннаго Козьмою Поповичемъ въ XIV вѣкѣ (Моск. Синод. Библіотека).

При другомъ дѣленіи, двѣ первыя эпохи, указанныя Пыпинымъ, соединяются въ одинъ большой періодъ, называемый до-петровскимъ. Отличительной чертой литературы этого періода признаютъ сильно сказывающееся въ немъ вліяніе византійской образованности, тогда какъ въ новомъ періодѣ русская литература находится подъ вліяніемъ западно-европейскимъ. Однако вполнѣ понятно, что это дѣленіе тоже условно, и противъ него возражали, что между двумя намѣченными періодами нельзя провести рѣзко-опредѣленной границы, такъ какъ, съ одной стороны, западно-европейское вліяніе проявляется въ русской литературѣ задолго до Петра Великаго, въ XVII — XVI вв. и даже ранѣе, а съ другой стороны, мы не можемъ сказать, чтобъ и въ новомъ періодѣ не замѣчалось слѣдовъ стариннаго византійскаго преданія, особенно въ духовной литературѣ.

Если мы разсмотримъ до-петровскій періодъ, то мы сразу выдѣлимъ въ немъ ту эпоху, которая начинается съ распространенія христіанства на Руси и заканчивается монгольскимъ нашествіемъ. Въ эту эпоху русская литература достигаетъ замѣтнаго процвѣтанія, и между литературными памятниками, сюда относящимися, мы находимъ весьма значительное число переводовъ, а также и оригинальныхъ произведеній, каковы: житія святыхъ, лѣтописи, Слово о полку Игоревѣ, Поученіе Владиміра Мономаха, проповѣди и т. д. Относительно большинства этихъ памятниковъ приходится сказать, что они создались подъ сильнымъ византійскимъ вліяніемъ, что вполнѣ понятно: такъ какъ мы христіанство приняли изъ Византіи, то и естественно, что наша образованность сразу пріобрѣла довольно сильный византійскій отпечатокъ.

Это вліяніе Византіи на древнюю Русь, несомнѣнно, было въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ благотворно: Византія въ то время была самымъ культурнымъ, образованнымъ государствомъ; она до извѣстной степени была носительницей традицій античнаго міра, и всѣ тогдашнія западныя государства находились въ культурной отъ нея зависимости.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не отмѣтить и тѣхъ нежелательныхъ явленій, которыя держались въ нашей литературѣ, какъ результатъ византійскаго вліянія. Для Византіи то время было эпохой начавшейся религіозной вражды съ отдѣлившейся отъ нея римскою церковью. Та религіозная нетерпимость, которой была проникнута византійская литература, хотя и не въ такой сильной степени, однако перешла и въ древнюю Русь, и русской литературѣ искусственно было привито враждебное отношеніе къ латинамъ. Съ другой стороны, древняя наша письменность на долгое время усвоила себѣ изъ Византіи строго-аскетическій отпечатокъ. Идеальныя нормы христіанской жизни древне-русскіе люди видѣли лишь въ жизни восточныхъ подвижниковъ. Вотъ гдѣ начало и причина тѣхъ крайне отрицательныхъ взглядовъ на женщину, которыхъ держались наши предки.

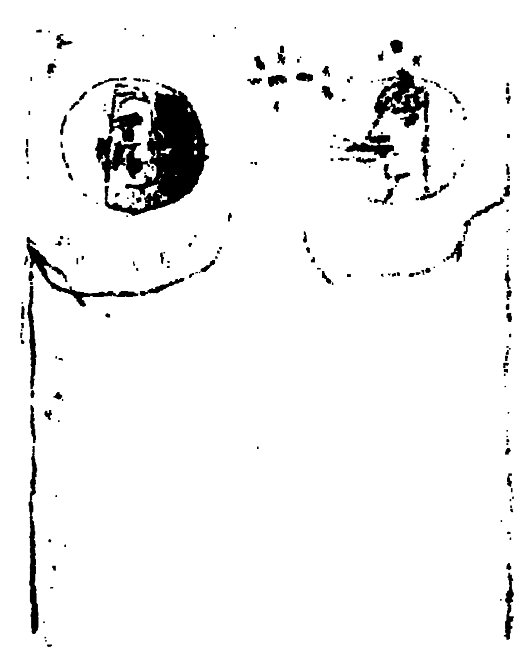
Въ XIII в., когда Россію постигаетъ тяжкое бѣдствіе — монгольское иго, развитіе нашей литературы пріостанавливается, происходитъ ослабленіе нашихъ сношеній съ Византіей и Западной Европой, откуда къ намъ могъ приходить новый матеріалъ для нашей духовной дѣятельности. Русскій человѣкъ поневолѣ начинаетъ дорожить наслѣдіемъ, доставшимся ему отъ первой, сравнительно цвѣтущей эпохи его просвѣщенія и литературы, и такимъ образомъ развивается въ его духовной жизни буквализмъ, который вкореняется и приводитъ къ разнымъ уродливымъ проявленіямъ. Этому буквализму суждено было сыграть весьма важную роль въ дальнѣйшемъ развитіи русскаго просвѣщенія въ вопросѣ объ исправленіи церковныхъ книгъ и обрядовъ.

Въ XVI и XVII вв. вліяніе иноземцевъ сказывается очень сильно и въ русской литературѣ и вообще въ искусствѣ, при чемъ этому вліянію поддаются даже такіе люди, которые, казалось бы, отъ него совсѣмъ гарантированы: такъ, авторъ „Домостроя“, Сильвестръ, заказываетъ копіи съ итальянскихъ картинъ русскимъ живописцамъ и т. п.

Въ сильнѣйшей степени занесеніемъ новаго литературнаго матеріала московская Русь обязана полякамъ и западно-руссамъ. Съ начала XVII в. книги литовской и западно-русской печати входятъ чуть ли не во всеобщее употребленіе въ Московскомъ государствѣ, несмотря на то, что по временамъ на нихъ поднимается гоненіе со стороны духовенства.

Кромѣ свѣтскихъ книгъ, къ намъ приносятся и переводятся книги духовнаго содержанія, написанныя въ защиту православія въ Западной Россіи. Въ этомъ проявляется культурное вліяніе западнорусскихъ ученыхъ; однако слѣдуетъ сказать, что это вліяніе часто встрѣчаетъ въ Москвѣ отпоръ, такъ какъ заподозрѣвается чистота православія западно-руссовъ. Особенно усиливается ихъ вліяніе, а также и противодѣйствіе ему, съ тѣхъ поръ, какъ пришлые западноруссы устраиваютъ въ Москвѣ школу, въ которой начинаютъ обучать москвичей своимъ схоластическимъ премудростямъ. Благодаря такого рода культурнымъ столкновеніямъ, подготовляется почва, на которой изъ-за неважнаго по существу вопроса — объ исправленіи церковныхъ книгъ и обрядовъ — происходитъ церковный расколъ.

Въ литературѣ отражается борьба двухъ направленій, и какъ ни сильна схоластическая окраска въ произведеніяхъ западно-русскихъ ученыхъ, мы видимъ въ нихъ отпечатокъ современной дѣйствительности: въ сочиненіяхъ этихъ, особенно у Симеона Полоцкаго, проглядываетъ сильнѣйшій сатирическій реализмъ. У малороссовъ сатира являлась вслѣдствіе того, что имъ приходилось обличать исконное московское невѣжество; но вскорѣ этой борьбѣ суждено было охватить всю русскую жизнь, и весьма, вслѣдствіе этого, понятно, что сатира надолго установилась въ русской литературѣ, являясь почти единственнымъ отголоскомъ живой дѣйствительности въ этой литературѣ, которой въ новомъ періодѣ чуть ли не цѣлое столѣтіе суждено было оставаться оторванною отъ родной почвы.



Рисунки изъ Толковой Палеи 1477 года

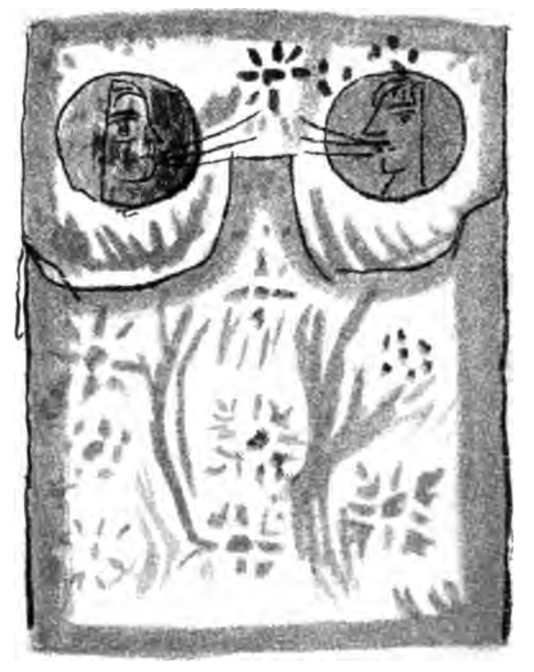
„ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ до XIX в." Изд. Т-ва И. Д. СЫТИНА.

5. Созданіе Евы (Богъ извлекъ ребро изъ Адама) ...

Въ XIII в., когда Россію постигаетъ тяжкое бѣдствіе — монгольское иго, развитіе нашей литературы пріостанавливается, происходитъ ... нашего ... Византіей и Западной Европой, ... новый матеріалъ для нашей духовной ... поневолѣ начинаетъ дорожить на... ...ервой, сравнительно цвѣтущей эпохи ... и такимъ образомъ развивается въ ..., который вкореняется и приводитъ къ ...измъ. Этому буквализму суждено было ... дальнѣйшемъ развитіи русскаго про... ...вленіи церковныхъ книгъ и обрядовъ. ... иноземцевъ сказывается очень сильно ... ...ествѣ, при чемъ этому ...ые, казалось бы, отъ него ... «...мостроя», Сильвестръ, зака... ...русскимъ живописцамъ и т. п. ... степени ... новаго литературнаго мате... Русь обязана ... и западно-руссамъ. Съ начала ...товской и ... русской печати входятъ чуть ли ... употребленіе ... московскомъ государствѣ, несмотря ... подымается гоненіе со стороны

... переводятся ... ...ъ ... ...ніе часто ... частота ...ніе, а ... ...ать ... такого ... на которой ...вленіи церков... расколъ. ... направленій, и какъ ...заведеніяхъ западно-рус... ...печатокъ современной ... ...бенно у Симеона Полоцкаго, ...скій реализмъ. ... малороссы ... имъ приходилось ... ... литературѣ ...

1) „О созданіи Адамли“



2) О томъ же бесѣда Бога Отца и Бога Сына

3) Созданіе Евы (Богъ идетъ взять одно изъ открытыхъ реберъ Адама).

Церковный расколъ совпадаетъ съ своего рода расколомъ и въ литературѣ. Въ самомъ дѣлѣ, со времени церковнаго раздѣленія мы замѣчаемъ въ литературѣ два теченія. Въ то время, какъ представители одного воспитываются въ духѣ унаслѣдованныхъ традицій и въ духѣ нашей старо-письменной книжности, представители другого постепенно проникаются идеями Запада. Слѣдствіемъ такой неодинаковости воззрѣній среди русскихъ явилось, между прочимъ, и то, что между литературой низшихъ классовъ и литературой классовъ культурныхъ легла рѣзкая грань, долгое время отдѣлявшая одну отъ другой. Только въ новѣйшее время на почвѣ реализма начинается въ нашей литературѣ сближеніе интеллигенціи съ низшимъ классомъ.

Литература низшихъ классовъ со времени раскола попрежнему носила религіозно-церковный отпечатокъ. Наоборотъ, литература классовъ высшихъ пошла по новому пути, указанному ей Западомъ. Сближеніе русскихъ съ Западомъ на почвѣ литературы началось съ первыхъ годовъ XVII стол.: схоластическая юго-западная письменность вноситъ свѣтскій элементъ. Но знакомство съ Западомъ чрезъ посредство русской юго-западной литературы съ теченіемъ времени оказалось недостаточнымъ, была сознана необходимость непосредственнаго обращенія къ западнымъ источникамъ. Это и началось со времени Петра Великаго. Съ этого времени идетъ процессъ постоянныхъ литературныхъ заимствованій съ Запада, но на ряду съ этимъ и процессъ постоянной выработки самобытной русской литературы.

Проф. Веселовскій даетъ мѣткую характеристику нашихъ литературныхъ заимствованій *). Онъ отмѣчаетъ въ нихъ двѣ отличительныя черты. Прежде всего русскіе въ своихъ заимствованіяхъ шли, такъ сказать, заднимъ числомъ. Тѣ или другія идеи Запада получаютъ у насъ распространеніе и усвояются тогда, когда на своей родинѣ онѣ уже отживаютъ. Такъ, при Петрѣ I у насъ переводятся сочиненія Пуффендорфа, Юста Липсія, Гуго Гроція и другихъ писателей, которыми на Западѣ тогда уже перестали интересоваться. Ложно-классицизмъ прививается въ нашей литературѣ въ то время, какъ на Западѣ онъ встрѣчаетъ себѣ уже сильное противодѣйствіе; запоздали мы съ сентиментализмомъ, а потомъ и съ романтизмомъ, хотя съ послѣднимъ и не такъ много, какъ при предшествующихъ заимствованіяхъ. Съ начала XIX стол. наша литература вступаетъ на самостоятельный путь, указанный ей Пушкинымъ, съ именемъ котораго соединяется у насъ водвореніе реализма. Правда, вліяніе Запада еще и теперь продолжается, но уже не въ такихъ подавляющихъ размѣрахъ, какъ прежде; теперь наступаетъ эпоха взаимообмѣна между литературой Запада и нашей.

Другая характерная черта нашихъ литературныхъ заимствованій, указываемая Веселовскимъ, это—то, что западныя умственныя теченія при своемъ переходѣ на русскую почву ослабляются въ своей интен-

*) См. „Западное вліяніе въ новой русской литературѣ“.

сивности. Въ самомъ дѣлѣ, возникши первоначально, напр., въ Англіи, извѣстное направленіе мысли проникаетъ въ Германію, Францію, въ Польшу; первоначальный колоритъ его при такомъ переходѣ постепенно измѣняется, и уже въ этомъ измѣненномъ видѣ оно появляется, наконецъ, въ Россіи. Такъ, зародившійся въ противовѣсъ ложноклассицизму и поставившій своею задачей воздѣйствовать на чувство читателей, англійскій сентиментализмъ, переходя во Францію, принимаетъ политическій характеръ; онъ дѣлается здѣсь союзникомъ энциклопедизма въ борьбѣ послѣдняго съ предразсудками; соединеніе этихъ двухъ теченій приводитъ Францію къ совершенному переустройству гражданскаго уклада. Переходитъ затѣмъ сентиментализмъ въ Германію, гдѣ роль его ограничивается проведеніемъ въ литературѣ идей энциклопедистовъ. Наконецъ мы видимъ сентиментализмъ и у насъ, въ Россіи. Но какія странныя, доходящія до комизма, формы принимаетъ онъ здѣсь! У Карамзина, перваго представителя у насъ этого литературнаго направленія, „сентиментальность отразилась въ его блѣдныхъ, чахлыхъ повѣстяхъ", а у неискусныхъ послѣдователей Карамзина эта сентиментальность выродилась въ приторную фальшивую чувствительность.

Та же картина появленія на русской почвѣ и энциклопедическихъ идей. Энциклопедизмъ, имѣвшій на Западѣ въ числѣ своихъ представителей такихъ сильныхъ мыслителей, какъ Дидро, Даламберъ, Вольтеръ, Монтескье и др., у насъ порождаетъ просто вольнодумцевъ, которые не задумывались надъ тѣмъ, совмѣстимы ли возвышенные принципы западныхъ энциклопедистовъ (свобода, равенство, братство) съ приниженнымъ положеніемъ нашихъ закрѣпощенныхъ крестьянъ.

Задача усвоенія внѣшней стороны европейской образованности выпадаетъ на долю эпохи, ближайшей къ Петру Великому, и разрѣшается гигантскими усиліями этого геніальнаго государя. Здѣсь, однако, мы должны сдѣлать небольшое отступленіе и разсмотрѣть тѣ взгляды, которые существовали въ нашей литературѣ по отношенію къ личности и дѣятельности великаго Преобразователя Россіи. Въ сущности, несмотря на многочисленность и часто противорѣчивость разныхъ мнѣній, всѣ они могутъ быть сведены въ двѣ главныя группы: взгляды западниковъ и взгляды славянофиловъ.

И та и другая сторона, и западники и славянофилы, въ своихъ сужденіяхъ о Петрѣ Великомъ доходятъ до крайностей и потому не могутъ не впадать въ ошибку противъ основныхъ положеній науки о роли отдѣльной личности въ процессѣ историческаго развитія. Славянофилы видятъ въ реформѣ дѣло злое, исказившее русскую жизнь, говорятъ, что петровскія преобразованія уничтожили все хорошее, существовавшее въ древней Руси; что Петръ, введя новыя начала жизни, подорвалъ значеніе быта семейно-общиннаго, придававшаго такую крѣпость древне-русской жизни, уничтожилъ ту свободу мнѣнія, которая, по ихъ взгляду, была сильно развита въ пред-

шествовавшую эпоху, что онъ исказилъ національный обликъ русскаго общества и образовалъ пропасть между высшимъ и низшимъ классами русскаго народа. Петръ Великій, по этой теоріи, оказывается какимъ-то олицетвореніемъ зла, чѣмъ-то въ родѣ Аримана въ персидской миѳологіи, при чемъ славянофилы совершенно упускали изъ виду, что никогда отдѣльная личность не можетъ имѣть такого исключительнаго значенія, такъ какъ и въ мірѣ физическомъ и въ исторіи все совершающееся подчинено строгому закону причинности, и всякая личность, находясь подъ вліяніемъ окружающей среды, обстановки, экономическихъ и политическихъ условій, бываетъ только

Импер. Публичная Библіотека въ Петербургѣ.
(Съ фотогр. К. К. Булла.)

выразительницею стремленій и взглядовъ данной исторической эпохи. Поэтому-то и дѣятельность Петра должна имѣть корни въ общемъ ходѣ русской исторіи, должна была чѣмъ-либо подготовляться, и мы знаемъ, что это такъ дѣйствительно и было, что стремленіе къ сближенію съ Западомъ обнаружилось въ Московскомъ государствѣ уже задолго до Петра, а къ его времени достигло значительной силы, такъ что Петръ явился только лицомъ, выполнившимъ то, что настоятельно требовалось и подготовлялось самою жизнью, и вслѣдствіе этого приписывать все зло эпохи преобразованій или петербургскаго періода одному Петру Великому, какъ это дѣлаютъ славянофилы, есть крупная историческая ошибка.

Въ подобную же ошибку, только въ противоположномъ направленіи, впадаютъ западники, приписывая все хорошее Петру, пред-

ставляя его чѣмъ-то въ родѣ Ормузда, персидскаго бога добра и свѣта: конечно, и здѣсь крайность, такъ какъ и въ хорошемъ должно быть отраженіе подготовки, данной въ предшествующій періодъ. Анализъ этихъ противоположныхъ другъ другу воззрѣній приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ: хотя и западники и славянофилы одинаково впадаютъ въ крайность, одинаково ошибаются, извѣстная доля правды есть и у тѣхъ и у другихъ, такъ какъ въ эпохѣ Петра можно намѣтить много свѣтлыхъ фактовъ рядомъ съ очень темными явленіями: а кромѣ того, слѣдуетъ сказать, что если и совершенно неправильно преувеличивать въ ту или другую сторону значеніе личности Петра, то и при отсутствіи такого преувеличенія мы должны обратить вниманіе на личность Преобразователя, такъ какъ по общему историческому взгляду всякая личность является въ извѣстной степени факторомъ, вліяющимъ на ходъ событій, хотя сама складывается и получаетъ извѣстное направленіе въ своей дѣятельности подъ вліяніемъ окружающей обстановки.

Если же мы обращаемся къ личности Петра, мы всегда поражаемся въ немъ, какъ наиболѣе выдающейся и привлекательной чертой его характера, необыкновеннымъ самоотверженіемъ, полнымъ забвеніемъ своихъ личныхъ выгодъ, своего самолюбія, когда дѣло шло о пользѣ отечества, неустаннымъ въ теченіе всей своей жизни трудомъ на благо своихъ подданныхъ. Трудолюбіе великаго императора вызвало извѣстные стихи Пушкина:

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ —
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Замѣчательно, что въ этомъ отзывѣ нашъ великій поэтъ почти совсѣмъ совпадаетъ съ тѣмъ одобреніемъ личности Петра Великаго, которое одному изъ нашихъ изслѣдователей привелось услышать отъ крестьянина въ Олонецкой губерніи. „Часто ѣздилъ въ нашу лѣсную сторону Петръ I,— разсказываетъ этотъ крестьянинъ.—Гдѣ нунь-ка Петрозаводскъ, тутъ стояла только мельница съ избой. Пріѣхалъ Петръ I и поставилъ тутъ заводъ чугунной, церковь во имя Петра и Павла и садъ насадилъ. Приде, скажутъ, въ заводъ и своими царскими руками крицы (мѣхи) дуетъ, а бояре уголья носятъ: въ молотобойню завернетъ, и молотъ въ руки, и желѣзо куетъ, и это желѣзо въ Питерѣ, скажутъ, у какого-то барина до теперь хранится. Вотъ оно такъ царь, даромъ хлѣба не ѣлъ: лучше бурлака работалъ“.

Въ частности, въ области литературы и просвѣщенія энергія и разносторонность интересовъ Петра Великаго вызываютъ глубокое изумленіе историка. Петръ есть тотъ человѣкъ, который, по словамъ Тихонравова, „стоялъ въ центрѣ литературы своего времени, заправлялъ ею, кто самъ поправлялъ вѣдомости, церковныя службы, выбиралъ книги для перевода, писалъ программы для руководствъ,

указывалъ идеи, которыя слѣдовало распространить путемъ печатнаго слова. Взглянемъ хотя на ту литературу, которая развилась въ теченіе Великой Сѣверной войны, на проповѣди, школьныя драмы, объясненія тріумфальныхъ вратъ, издававшіяся для всенароднаго множества, на первые опыты публицистики, даже ектеніи на супостатовъ, церковныя службы, — какое единство мысли, направленія, даже образовъ! Чувствуешь, что сокровенныя нити всѣхъ этихъ произведеній сходятся въ твердыхъ рукахъ одного человѣка, глубоко убѣжденнаго въ правотѣ своего дѣла и не любящаго диссонансовъ".

Екатерининскій залъ въ Публ. Библіотекѣ.
(Съ фотогр. К. К. Булла.)

Будучи самъ работникомъ на тронѣ, Петръ и отъ своихъ сподвижниковъ требовалъ самаго напряженнаго труда, при чемъ каждому изъ нихъ приходилось до извѣстной степени подражать царю не только въ размѣрахъ, но и въ качествѣ работы, т.-е. проявлять чрезвычайную разносторонность: всѣ эти „птенцы гнѣзда Петрова" были такими же энциклопедистами, какъ и самъ государь. Въ XVIII столѣтіи говорили, что „Петръ россамъ далъ тѣла, Екатерина— душу", но такое мнѣніе далеко не можетъ считаться правильнымъ, такъ какъ въ дѣйствительности Петръ давалъ своимъ сподвижникамъ и душу, и притомъ какую душу! Онъ не подавлялъ оригинальности своихъ „птенцовъ", хотя и не любилъ диссонансовъ, т.-е. прямого или косвеннаго противодѣйствія своимъ реформаторскимъ стремленіямъ; онъ предоставлялъ каждому итти своимъ путемъ, указывая общую

цѣль беззавѣтнаго служенія благу Россіи, которое немыслимо безъ просвѣщенія.

Прекрасную характеристику этихъ „птенцовъ“ мы находимъ у К. Н. Бестужева-Рюмина въ его біографіи одного изъ типичнѣйшихъ тружениковъ петровской школы, В. Н. Татищева. „Пришлось,—говоритъ нашъ историкъ,—брать на себя много дѣлъ и притомъ учиться дѣлу при самомъ дѣлѣ, а не готовиться къ нему долгими годами: случалось нерѣдко, что самое дѣло представлялось неожиданно, когда уже начато дѣло другое, ибо оказывалось, что это другое не можетъ быть сдѣлано безъ перваго; приходилось переходить къ другому дѣлу, вновь учиться и зорко оглядываться по сторонамъ, не усложнится ли это какимъ-нибудь вновь открывшимся обстоятельствомъ. Все приходилось начинать сначала: приходилось и изучать новыя для Россіи науки и при свѣтѣ этихъ наукъ изучать и самую русскую землю, которая до тѣхъ поръ еще не была предметомъ изученія, а только знакома была по непосредственному практическому наблюденію: знали то, что было на поверхности, и часто отъ незнакомства съ наукою пропускали безъ вниманія то, что могло оказаться драгоцѣннымъ. Трудную школу проходили дѣятели петровской эпохи, но выносили они изъ этой школы упорство въ трудѣ и умѣнье всѣмъ пользоваться и, быстро соображая, примѣнять все пріобрѣтенное къ дѣйствительности“. Для этихъ дѣятелей не было возможности посвящать себя какой-либо спеціальности, они должны были знать все, всѣмъ заниматься, работать на всѣхъ поприщахъ, такъ какъ работниковъ пока еще было очень мало. Такимъ человѣкомъ представляется, напримѣръ, и только что упомянутый Татищевъ: онъ былъ и начальникомъ сибирскихъ горныхъ заводовъ, и управляющимъ Оренбургскимъ краемъ, и астраханскимъ губернаторомъ, основательно изучалъ артиллерійское дѣло, занимался географіей и русской исторіей, писалъ нравственно-публицистическія разсужденія, — и во всѣхъ этихъ сферахъ онъ не только не былъ заурядным тружеником, но, напротивъ, проявлялъ постоянно весьма замѣтную и плодотворную оригинальность.

Само собою разумѣется, что такихъ людей было не особенно много, но все же они были, ихъ вызывала къ жизни желѣзная воля императора, и, конечно, еще въ большей мѣрѣ они создавались назрѣвшимъ сознаніемъ потребностей времени. Если въ эпоху Петра нерѣдки были люди въ родѣ Григорія Талицкаго, видѣвшіе въ царѣ антихриста, то, съ другой стороны, изъ народа выходили такіе единомышленники государя, какимъ былъ московскій крестьянинъ И. Т. Посошковъ. Несмотря на сильнѣйшее явное и скрытое противодѣйствіе защитниковъ старины, Петръ въ своей дѣятельности не былъ вполнѣ одинокимъ и могъ опираться на сочувствіе и поддержку общества, которое во всякомъ случаѣ подготовлялось къ его реформѣ уже въ прежнее время; иначе при всей своей геніальности, при всей силѣ своей неограниченной власти онъ не могъ бы прійти къ тѣмъ результатамъ, въ которыхъ заключается значеніе его царствованія.

Главная общественная потребность того времени, сознававшаяся и Петромъ и лучшими его сподвижниками, состояла въ усвоеніи европейской науки, и потому, согласно мѣткому сравненію С. М. Соловьева, Россія обратилась въ обширную школу, въ которой роль учителя выпала самому царю; конечно, и обычные пріемы тогдашней педагогики, и упорная косность массы учениковъ заставляли великаго Преобразователя прибѣгать къ очень иногда суровымъ мѣрамъ, — дѣйствовала и „дубинка“, дѣйствовали также и печальной памяти князь-кесарь Ромодановскій и А. И. Ушаковъ...

Школа, въ которую повелъ русскихъ людей Петръ Великій, должна была сообщить имъ прежде всего практически необходимыя знанія, требовавшіяся для удовлетворенія всяческихъ запросовъ, предъявляемыхъ жизнью, и понятно, что учебныя заведенія петровской эпохи отличаются спеціально-прикладнымъ характеромъ своихъ программъ, а цѣли общаго образованія или отодвигаются на второй планъ или даже совсѣмъ забываются. Этому же практическому направленію соотвѣтствовали въ большинствѣ случаевъ и переводы иностранныхъ книгъ, появлявшіеся при Петрѣ I: нужны были разныя руководства, преимущественно по наукамъ точнымъ, и они-то должны были переводиться. Однако на ряду съ ними есть переводы общеобразовательныхъ сочиненій, въ родѣ политическихъ трактатовъ Гуго Гроція, Пуффендорфа, или книгъ по исторіи и миѳологіи, издаются даже чисто художественныя произведенія, какова, напр., „Война мышей и лягушекъ“.

Въ школѣ надо обучать съ азбуки, русскимъ людямъ приходилось преподавать самые элементарные пріемы западно-европейскаго общежитія, и этимъ объясняется появленіе при Петрѣ сочиненій, излагающихъ правила хорошаго тона, при чемъ государь особенно заботился, чтобы такія книги хорошо издавались съ внѣшней стороны. Изъ подобныхъ сочиненій упомянемъ прежде всего „Юности честное зерцало“, въ которомъ даются юношамъ различные совѣты относительно свѣтскихъ приличій и, между прочимъ, говорится слѣдующее: „молодые отроки всегда должны между собою говорить иностранными языки, дабы тѣмъ навыкнуть могли, а особливо, когда имъ что тайное говорить случится, чтобы слуги и служанки дознаться не могли и чтобъ можно ихъ отъ другихъ незнающихъ болвановъ распознать“. Къ тому же разряду сочиненій должна быть отнесена книга: „При клады, како пишутся комплименты разные на нѣмецкомъ языкѣ, то есть писанія отъ потентатовъ къ потентатамъ, поздравительные и сожалѣтельные и иные. Такожде между сродниковъ и пріятелей“. Въ наше время подобный письмовникъ можетъ показаться курьезомъ, но, имѣя въ виду эпоху Петра, мы не должны забывать, что въ этой книгѣ заключались извѣстные элементы прогресса сравнительно съ тѣмъ, что было въ древней Руси. Новая книга окончательно упразднила практиковавшееся постоянно чрезмѣрное превознесеніе лица, къ которому посылалось письмо, а также и крайнее самоуничиженіе пи-

шущаго. Въ прежнее время считалось необходимымъ самого себя называть уменьшительнымъ или уничижительнымъ именемъ: такъ, жена обращалась къ мужу въ такой формѣ: „женишка твоя Дунька много челомъ бьетъ до лица земного“; Іоаннъ Грозный въ челобитной къ земскому царю Симеону Бекбулатовичу называетъ себя „Иванцомъ Васильевымъ“, бояринъ въ прошеніи всегда величаетъ себя „холопомъ“ и т. д. Въ новой книгѣ всѣ такія формы обращенія замѣнены принятыми въ Европѣ обычаями, а также введено употребленіе *вы* вмѣсто *ты*.

Московскій Публичный Румянцевскій музей.
(Съ гравюры начала XIX вѣка. Изъ собр. П. Я. Дашкова.)

Кромѣ усвоенія азбуки европейскаго просвѣщенія, эпоха, ближайшая къ Петру, имѣла другую важную задачу: нужно было бороться съ остатками стараго московскаго невѣжества, защищать нарождавшуюся науку отъ многочисленныхъ ея враговъ, и на почвѣ этой борьбы возникаетъ оригинальная новая литература, правда, многое почерпающая изъ западныхъ источниковъ, но въ то же время отражающая нѣкоторыя явленія современной русской дѣйствительности, притомъ преимущественно въ окраскѣ сатирической, такъ что эта литература является продолжательницею сатирическаго реализма, который, какъ мы указывали, возникъ еще въ XVII столѣтіи. Эту борьбу противъ невѣжества мы можемъ видѣть въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ духовныхъ писателей, особенно Ѳеофана Прокоповича, въ сочиненіяхъ Татищева, Посошкова и сатирахъ Кантемира, который представляетъ современные ему типы невѣждъ.

Къ той же первой эпохѣ новаго періода слѣдуетъ относить и окончательное перенесеніе къ намъ литературныхъ формъ такъ называемаго псевдо-классическаго направленія. Начавшись еще въ кіевскихъ школахъ XVII вѣка, русскій псевдо-классицизмъ сильно проявляется въ свѣтскихъ произведеніяхъ Димитрія Ростовскаго и Ѳеофана Прокоповича, полное же развитіе и теоретическое обоснованіе получаетъ въ дѣятельности Кантемира, Тредьяковскаго, Ломоносова и Сумарокова.

Хотя та же форма сохраняется и въ слѣдующую эпоху новаго періода,—эпоху, которую можно назвать Екатерининской, однако характерною чертой этой эпохи является усвоеніе нами идейной стороны европейскаго просвѣщенія. Азбукѣ мы научились раньше, форму литературную переняли, хотя и съ нѣкоторымъ запозданіемъ, но внутреннее содержаніе западнаго литературнаго движенія намъ остается чуждымъ, пока на русскій престолъ не вступаетъ императрица Екатерина II, сама писательница, находившаяся въ сношеніяхъ съ наиболѣе крупными представителями европейской литературы и потому слѣдившая за движеніемъ идей на Западѣ. При этомъ можно отмѣтить два ряда этихъ идей: съ одной стороны, философскіе взгляды энциклопедистовъ, проводившіеся больше всего самою императрицею, а съ другой—воззрѣнія мистико-масонскія, представителями которыхъ у насъ являются Новиковъ, Шварцъ, Лопухинъ.

Энциклопедистами назывались философы, входившіе въ составъ кружка Даламбера и Дидро, которые поставили себѣ первоначально цѣлью составленіе энциклопедіи или словаря, долженствовавшаго обнять всѣ стороны современнаго просвѣщенія. Всѣ человѣческія убѣжденія, по взгляду энциклопедистовъ, должны имѣть разумное основаніе, а между тѣмъ въ жизни европейскаго общества замѣчается слишкомъ много воспринятаго на вѣру, всяческихъ суевѣрій, всевозможныхъ предразсудковъ, общественныхъ и религіозныхъ. Все это, слѣдовательно, необходимо подвергнуть строгой критикѣ разсудка и, когда будутъ устранены всевозможныя заблужденія, личность человѣческая будетъ освобождена отъ всякихъ внѣшнихъ стѣсненій. Эти идеи просвѣщенія (благодаря которымъ философія энциклопедистовъ называется также и просвѣтительною) и эмансипаціи личности, конечно, заслуживали полнаго сочувствія; однако, возставая противъ предразсудковъ, заключая въ себѣ много правды, философія этого направленія доходила до крайности, отвергая многое такое, что имѣло законное право на существованіе. Перейдя къ намъ, энциклопедическая философія приняла еще болѣе уродливыя формы, хотя, конечно, не у всѣхъ своихъ сторонниковъ. Среди русскихъ энциклопедистовъ оказалось не малое число вольнодумцевъ, прекрасно уживавшихся съ крѣпостнымъ правомъ: либерализмъ на словахъ часто не мѣшалъ пользоваться даровымъ трудомъ крестьянина и даже, пожалуй, доказывать необходимость крѣпостного права фразами, въ родѣ слѣдующей: „чтобы свободный былъ вполнѣ свободенъ, необходимо, чтобы рабъ былъ вполнѣ рабомъ“.

Крайности энциклопедическаго направленія вызываютъ уже на Западѣ противодѣйствіе въ формѣ вновь народившагося направленія мистико-масонскаго, которое основывалось на томъ положеніи, что для человѣческаго разума есть очень много недоступнаго, непостижимаго, а потому руководиться въ объясненіи окружающаго насъ міра исключительно разумомъ нѣтъ никакой возможности, не рискуя впасть въ грубѣйшую ошибку; если же разумъ недостаточенъ, то есть другой источникъ человѣческаго познанія—божественное откровеніе, доступное нашей вѣрѣ, и, слѣдовательно, отвергать религію, какъ это дѣлали нѣкоторые изъ энциклопедистовъ, есть пагубное заблужденіе. Однако на этомъ положеніи мистики не остановились и, увлекшись, въ свою очередь, въ крайность, стали совсѣмъ отвергать значеніе разума, называя его лжеименнымъ, признавая чуть не всѣ научные выводы заблужденіемъ; да, кромѣ этого, они дошли до преувеличенія въ поискахъ таинственнаго въ мірѣ, придали слишкомъ большое значеніе возможности сообщенія съ міромъ духовнымъ, полагали новый источникъ человѣческаго знанія въ сверхъестественномъ озареніи, вызываемомъ почти искусственными мѣрами, и вернулись къ средневѣковой алхиміи, занялись изобрѣтеніемъ панацеи, философскаго камня, жизненнаго эликсира, даже стремились къ созданію человѣка при помощи разныхъ химическихъ сочетаній.

Заимствуя эти западно-европейскія направленія, литература екатерининскаго времени параллельно съ этимъ идетъ къ сближенію съ русской дѣйствительностью. Такъ, несомнѣнно, взяты изъ жизни типы невѣждъ, появляющіеся въ комедіяхъ Фонвизина, журналахъ Новикова, Крылова и др.; даже Державинъ тамъ, гдѣ онъ настраиваетъ свою лиру на сатирическій ладъ, становится въ извѣстной степени реалистомъ, отражаетъ современную ему жизнь. Въ этомъ можно видѣть продолженіе стараго теченія сатирическаго реализма, однако слѣдуетъ замѣтить, что область захватываемыхъ имъ явленій значительно расширяется. Отъ борьбы съ невѣжествомъ и обскурантизмомъ сатира переходитъ къ обличенію другихъ общественныхъ золъ и неустройствъ, особенно крѣпостного права и злоупотребленій административно-судебныхъ; но, несмотря на это, чуждыя формы, въ которыя облекается наше литературное творчество, непримѣнимость зачастую къ русской обстановкѣ самыхъ идей производятъ то, что литература долгое время остается какимъ-то экзотическимъ цвѣткомъ, взращиваемымъ благодаря лишь содѣйствію, покровительству нѣсколькихъ милостивцевъ, благодаря даже правительственной поддержкѣ, отчего И. С. Аксаковъ очень язвительно, хотя въ общемъ справедливо, назвалъ ее Staats-литературой, и, конечно, такая литература не можетъ считаться выразительницею общественнаго настроенія и поневолѣ далека отъ полнаго реализма.

Чтобы достигнуть этой полноты реализма, литература должна стать народной, а это еще задача будущаго, и по пути къ окончательному разрѣшенію этой задачи литературѣ нашей нужно пройти

нѣсколько посредствующихъ ступеней. Приходится пережить періодъ Карамзинскаго сентиментализма, вносящаго вѣрную идею о необходимости свѣжей струи чувства въ литературѣ и рядомъ съ этимъ наводняющаго нашъ книжный рынокъ множествомъ фальшивыхъ изображеній русскаго быта, какъ это, напримѣръ, по отношенію къ характеристикѣ крестьянъ и ихъ жизни было мѣтко и очень зло указано Крыловымъ. Вслѣдъ за этимъ идетъ увлеченіе заоблачными романтическими идеалами, столь же чуждыми русской дѣйствительности, какъ были ей чужды классицизмъ и сентиментализмъ; однако эта новая ступень, на которую мы вступили при Жуковскомъ, оказалась вѣрнѣе всего ведущею къ сближенію литературы съ жизнью. Романтизмъ у себя на родинѣ, въ Германіи, былъ движеніемъ вполнѣ національнымъ, и эта же національная окраска (только уже, конечно, русская) обнаруживается въ немъ, какъ только онъ попадаетъ на русскую почву; наши писатели хотятъ быть романтиками русскими, ищутъ русскихъ сюжетовъ для своихъ балладъ, а это ведетъ сперва къ изученію русской народности, а затѣмъ—къ сближенію съ нею.

Такое сближеніе съ народностью, представляющее собою существенную основу для литературнаго реализма, находитъ для себя поддержку, съ одной стороны, въ патріотическомъ одушевленіи, охватившемъ русское общество послѣ наполеоновскихъ войнъ, а съ другой стороны, въ томъ старомъ теченіи сатирическаго реализма, которое, какъ уже сказано, проявляется въ продолженіе всего XVIII вѣка. Выразителемъ этого послѣдняго направленія мы можемъ признать прежде всего Крылова, въ самыхъ, повидимому, отвлеченныхъ басняхъ затрогивавшаго общественные вопросы, заговорившаго чистѣйшимъ русскимъ языкомъ и сумѣвшаго придать національный обликъ тѣмъ животнымъ, которыя дѣйствуютъ въ его басняхъ.

Къ той же категоріи реалистовъ слѣдуетъ отнести только недавно нашедшаго себѣ правильную оцѣнку В. Т. Нарѣжнаго: его „Бурсакъ“ и „Два Ивана“ являются по сюжетамъ первообразами гоголевскихъ повѣстей, а еще, пожалуй, болѣе важенъ, какъ образецъ яркаго реализма, его неоконченный сатирическій романъ „Похожденія Россійскаго Жилблаза“, широко захватывающій многія темныя стороны современной русской дѣйствительности.

Наконецъ къ тому же типу сатирическаго реализма принадлежитъ отчасти и великая комедія Грибоѣдова: враги просвѣщенія, въ смыслѣ литературныхъ типовъ,—старые знакомцы, не разъ осмѣянные русской комедіей или сатирой; однако у Грибоѣдова нѣтъ шаблонной варіаціи на старую тему, такъ какъ всѣмъ типамъ его комедіи соотвѣтствуетъ живая дѣйствительность, и всѣ эти Скалозубы, Фамусовы, Молчалины, Хлестовы и другіе герои пьесы повторяютъ въ своихъ рѣчахъ тѣ же нападки на просвѣщеніе, какія слышались весьма часто въ нѣкоторыхъ кружкахъ обскурантовъ эпохи императора Александра I; точно такъ же „завиральныя“ (но не либеральныя) идеи Репетилова и его „секретнѣйшаго союза“ вполнѣ соотвѣтствуютъ

фальшивому либерализму тѣхъ русскихъ „Мирабо-крѣпостниковъ", которыхъ такъ язвительно охарактеризовалъ другой поэтъ той же эпохи.

Однако, какъ сказано, комедія Грибоѣдова примыкаетъ къ старому теченію реализма только отчасти,—въ ней есть нѣчто такое, до чего не могло доработаться раньше это литературное теченіе: въ ней есть положительный типъ героя, притомъ типъ жизненный, а не сочиненный. Прежняя литература, въ поискахъ за такимъ типомъ, будучи оторвана отъ русской жизни, создавала только безжизненныя фигуры резонеровъ, а между тѣмъ никакъ нельзя утверждать, чтобы прежняя русская жизнь совсѣмъ не представляла матеріала для воспроизведенія свѣтлыхъ образовъ: стоитъ обратить вниманіе хотя бы на нѣкоторыхъ дѣятелей той же литературы, честно и смѣло ратовавшихъ за просвѣщеніе и правду. Грибоѣдовъ сумѣлъ намъ представить идеальнаго общественнаго борца, далъ единственный въ русской литературѣ, по вполнѣ правильному замѣчанію Гончарова, положительный типъ общественнаго дѣятеля, героя; но, что всего важнѣе, этотъ типъ онъ создалъ изъ тѣхъ данныхъ, которыя извлекъ изъ самой жизни. Чацкій есть не копія иноземнаго литературнаго образца, но человѣкъ живой, надѣленный взглядами и свойствами, присущими многимъ представителямъ передовыхъ кружковъ того времени, къ которымъ принадлежалъ и самъ Грибоѣдовъ.

Вотъ это-то послѣднее обстоятельство, отличая „Горе отъ ума" отъ прежнихъ нашихъ комедій, роднитъ его съ новымъ русскимъ реализмомъ, составляющимъ одну изъ самыхъ существенныхъ сторонъ дѣятельности Пушкина. Уже давно стало общимъ мѣстомъ, что нашъ величайшій поэтъ есть творецъ новаго періода русской литературы: его считали своимъ учителемъ Гоголь, Тургеневъ, Достоевскій и другіе представители этого періода; то же говорятъ объ его значеніи и критики, указывая отличительную черту его творчества въ реализмѣ, цѣликомъ легшемъ въ основу дальнѣйшаго развитія русской литературы. Самымъ яркимъ примѣромъ, характеризующимъ эту сторону поэзіи Пушкина, можетъ служить „Евгеній Онѣгинъ". Романъ этотъ—реалистическій потому уже, что онъ народный романъ: все въ немъ русское, и это изображеніе русскаго согрѣто любовнымъ отношеніемъ поэта. Бѣдная природа, представленная въ разныя времена года, кажется намъ прекрасной въ этомъ поэтическомъ освѣщеніи; русскій бытъ нарисованъ намъ въ самыхъ различныхъ сферахъ, въ Петербургѣ, Москвѣ и деревнѣ, передъ нами и крестьяне, и помѣщики, и провинціальное и столичное общество,—и вездѣ изображеніе отличается крайней простотой, вездѣ самымъ точнымъ образомъ, безъ всякихъ условныхъ прикрасъ, передается дѣйствительность, воспроизводится жизнь.

Реализмъ въ романѣ „Евгеній Онѣгинъ" проявляется какъ въ обрисовкѣ всего современнаго поэту русскаго общества, такъ и въ характеристикѣ отдѣльныхъ типовъ: Ленскаго, Онѣгина, Татьяны,

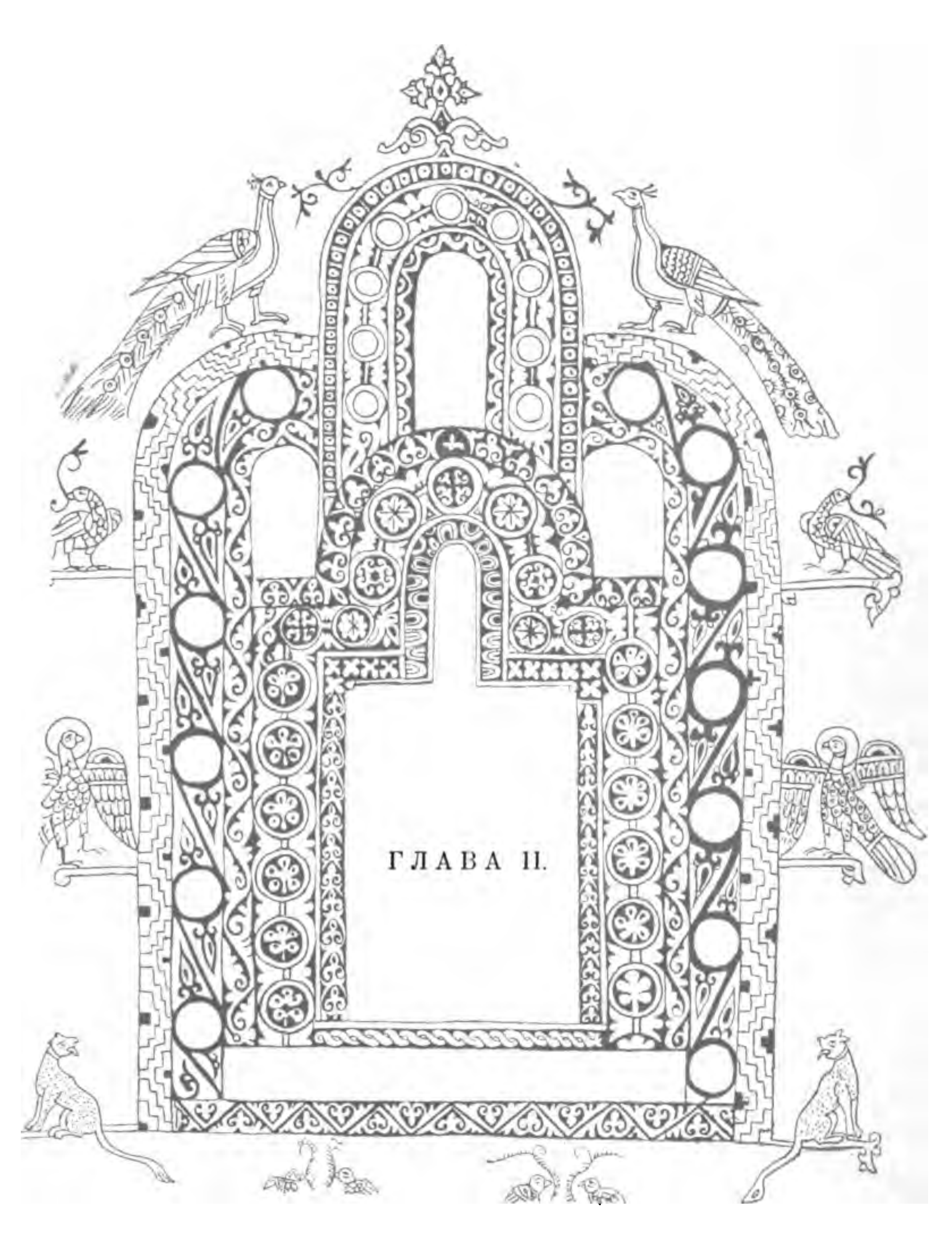
которые прекрасно представляютъ намъ духовный обликъ людей того времени. При этомъ особенно замѣчательнымъ должно быть признано созданіе дивнаго поэтическаго образа Татьяны. Этотъ типъ русской женщины не представляетъ собою ничего яркаго, выдающагося по внѣшности, бросающагося въ глаза, это не есть такое существо, котораго по его идеальнымъ свойствамъ невозможно найти на землѣ, но которое такъ часто являлось въ разныхъ фальшиво-романтическихъ произведеніяхъ; а между тѣмъ поэтъ сумѣлъ въ своей „милой Танѣ“ разглядѣть такія черты, которыя поднимаютъ ее на чрезвычайную нравственную высоту и приводятъ Достоевскаго къ заключенію, что въ русской литературѣ есть только два такихъ чистыхъ образа, т.-е. Татьяна и Лиза изъ „Дворянскаго гнѣзда“. Лицо вполнѣ реальное возведено Пушкинымъ въ идеалъ, въ дѣйствительности открыто присутствіе высшаго божественнаго начала, и въ этомъ заключается важнѣйшая черта, отличающая новое реальное направленіе: оно нисколько не чуждается идеала, но оно ищетъ его не въ какихъ-то заоблачныхъ сферахъ, не въ иномъ мірѣ, какъ это дѣлалъ романтизмъ, а здѣсь, на землѣ, въ неприкрашенной реальной обстановкѣ.

Подобное же отношеніе къ дѣйствительности мы можемъ видѣть и въ „Капитанской дочкѣ“, и въ „Дубровскомъ“, и въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“, и въ другихъ произведеніяхъ Пушкина, которыя поэтому по всей справедливости должны считаться исходнымъ пунктомъ всего дальнѣйшаго блистательнаго развитія русской литературы. Правдивость въ воспроизведеніи жизни, отраженіе основныхъ общественныхъ стремленій, народность, не замыкающаяся въ своей исключительности, сочувствіе къ просвѣщенію, широкая гуманность, братское отношеніе къ униженнымъ и оскорбленнымъ—таковы завѣты Пушкина его преемникамъ. При такомъ направленіи литература становится органомъ народнаго самосознанія и, работая надъ общественнымъ и личнымъ совершенствованіемъ, воспроизводя жизнь безъ прикрасъ, указываетъ намъ путь, по которому мы должны итти къ достиженію высшихъ идеаловъ.

Конечно, задача эта такъ широка, что на ея осуществленіе требуется много силъ, и эти силы нашлись, съ одной стороны, въ развитіи у насъ критики, во главѣ которой становится Бѣлинскій, соединяющій съ тонкимъ эстетическимъ чутьемъ ясное сознаніе общественныхъ интересовъ, а съ другой стороны, въ цѣломъ рядѣ крупнѣйшихъ художественныхъ дарованій, составляющихъ гордость нашей литературы. Имена Гоголя, Тургенева, Достоевскаго, гр. Л. Н. Толстого, Гончарова и другихъ преемниковъ Пушкина имѣютъ значеніе уже не для одной нашей литературы и занимаютъ почетное мѣсто въ ряду первоклассныхъ свѣтилъ міровой поэзіи. Заимствовавъ очень многое съ Запада, мы вступаемъ въ его умственную жизнь уже не учениками, но полноправными членами, платимъ свой долгъ съ лихвою, не повторяемъ чужія слова, а говоримъ свое слово.

Ставши вполнѣ народной, благодаря Пушкину и его преемникамъ, наша литература дѣлается, такъ сказать, международною и, послѣ продолжительнаго подчиненія чуждымъ вліяніямъ, сама начинаетъ оказывать воздѣйствіе и на литературу своихъ учителей, западныхъ народовъ.

Послѣдніе годы XIX столѣтія въ области русской литературы заполнены тѣмъ же исканіемъ новыхъ формъ творчества, которое замѣчается и на Западѣ. Въ этомъ исканіи нѣкоторые готовы были видѣть отголосокъ политической реакціи, восторжествовавшей у насъ за этотъ послѣдній періодъ, но съ такимъ взглядомъ нельзя согласиться: во-первыхъ, стремленіе къ новымъ формамъ замѣчалось у такихъ дѣятелей литературы, которые ничего общаго съ реакціей не имѣли; а во-вторыхъ, мы видимъ, что и въ новыхъ формахъ наша литература остается выразительницей лучшихъ надеждъ русскаго общества, отражаетъ его исконныя стремленія „къ свободѣ, къ свѣту“.



Внѣшняя сторона памятниковъ древней русской литературы.

Языкъ нашей древней литературы на первое время былъ языкомъ церковно-славянскимъ, впрочемъ, съ примѣсью русскихъ

Прим. Изъ Евангелія Недѣльнаго 1120—1128 года, написаннаго для Новгородскаго Георгіевскаго монастыря.

элементовъ. Объясняется это явленіе просто. Литература на Руси стала нарождаться съ принятіемъ нашими предками христіанства. Церковно-религіозную письменность мы заимствовали отъ южныхъ славянъ, болгаръ, отъ которыхъ получили богослужебныя книги, творенія свв. отцовъ и т. п. Все это перешло къ намъ въ готовомъ уже видѣ, и намъ оставалось лишь переписывать славяно-болгарскіе оригиналы. При перепискѣ оригинальныя черты подлинниковъ измѣнялись очень мало, но нерѣдко русскій переписчикъ въ свою работу вносилъ свои діалектическія особенности. Такимъ образомъ въ славянскіе оригиналы стали проникать руссизмы, которые, чѣмъ дальше, тѣмъ больше увеличивались въ своемъ количествѣ. Уже въ Остромировомъ Евангеліи мы можемъ встрѣтить эти руссизмы, а въ болѣе позднихъ памятникахъ переводной литературы находимъ уже весьма значительное ихъ количество. Съ теченіемъ времени на мѣсто этой смѣси славянскаго съ русскимъ выступаетъ русскій языкъ, который, впрочемъ, по мѣрѣ литературнаго развитія, испытываетъ на себѣ разнообразныя вліянія. Сперва идетъ вліяніе на него со стороны древне-болгарскаго языка. Съ оттѣнкомъ древне-болгарскаго нарѣчія встрѣчаемся мы въ нашихъ древнѣйшихъ церковныхъ книгахъ.

Затѣмъ въ XII и XIII столѣтіяхъ наши литературные памятники создаются подъ преобладающимъ вліяніемъ русской стихіи. Въ XIV и XV столѣтіяхъ снова замѣчается притокъ южно-славянскихъ элементовъ. За это время особенно замѣтно вліяніе на русскую письменность сербскаго языка. Проникновенію сербизмовъ въ нашу письменность много способствовали наши ученые того времени, преимущественно духовныя лица, по происхожденію изъ сербовъ, каковы, напр., Пахомій Логоѳетъ, митрополитъ Кипріанъ и другіе. При этомъ мы не можемъ не отмѣтить того любопытнаго наблюденія, что отъ природныхъ сербовъ ихъ сербизмы передаются нѣкоторымъ изъ нашихъ русскихъ писателей. Такъ, въ XV в. появилось сочиненіе о Флорентійскомъ соборѣ. Изслѣдователь этого памятника, проф. Павловъ, на основаніи данныхъ языка, въ немъ заключающихся, приписывалъ его сербу Пахомію Логоѳету. Но теперь установлено несомнѣнно русское происхожденіе этого слова и принадлежность его именно перу суздальскаго священника Симеона.

Вліяніе южно-славянскихъ языковъ на русскій продолжается и въ XVI столѣтіи. Но, съ другой стороны, съ этого же времени (т.-е. съ XVI столѣтія) открывается притокъ новыхъ элементовъ въ нашъ литературный языкъ, именно элементовъ польскихъ. Какими же путями проникла къ намъ польская стихія?

Обыкновенно мы оставляемъ безъ разсмотрѣнія юго-западную литературу до XVI в., а между тѣмъ за это время — до XVI в.—она переживала довольно важный фазисъ своего развитія подъ сильнымъ польскимъ вліяніемъ. Польскій языкъ, бывшій долгое время государственнымъ на западной русской окраинѣ, оказывалъ сильное вліяніе на языкъ областей, входившихъ въ ея составъ, и постепенно прони-

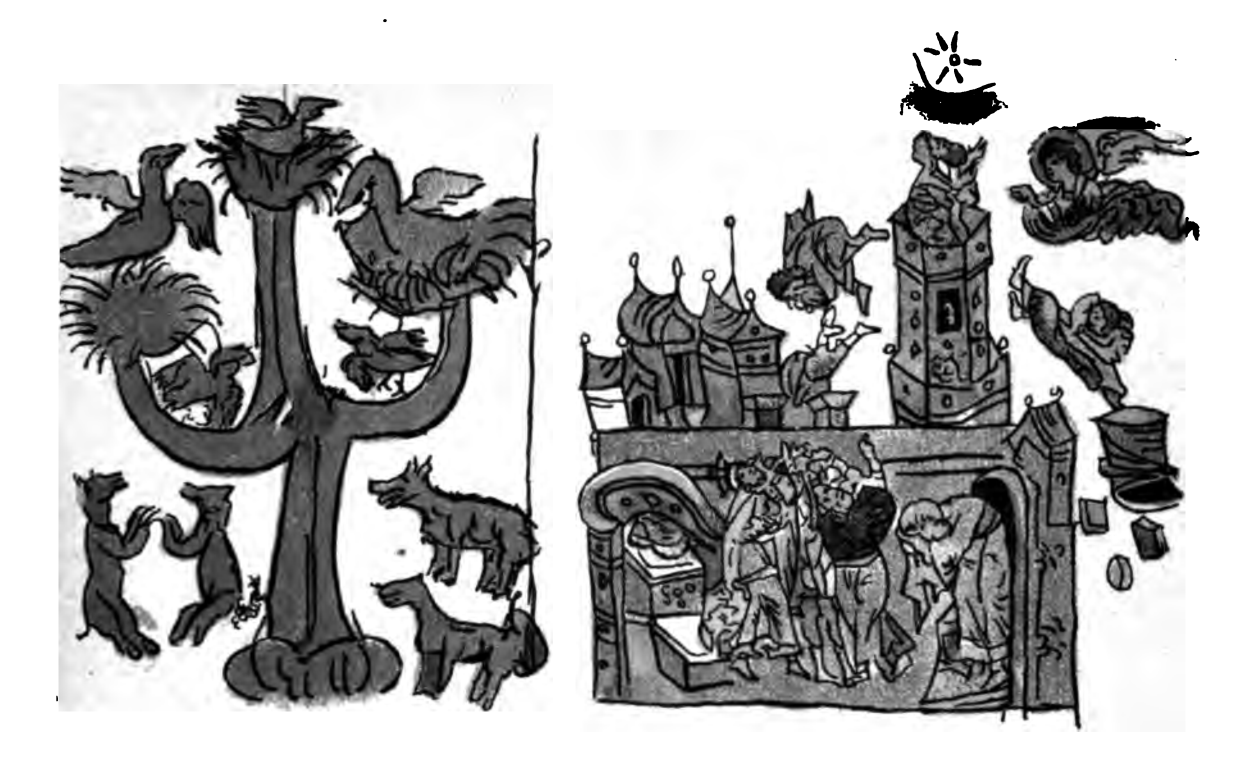
[illegible]

[illegible] объясняется это явленіе просто. Литература на Руси [illegible] съ принятіемъ нашими предками христіанства. Цер[illegible] письменность заимствовали отъ южныхъ сла[illegible] которыхъ [illegible] богослужебныя книги, тво[illegible] перешло къ намъ въ готовомъ уже [illegible] переписывать славяно-болгарскія [illegible] черты подлинниковъ измѣ[illegible] переписчикъ въ свою работу [illegible] Такимъ образомъ въ сла[illegible] руссизмы, которые, чѣмъ дальше, [illegible] количествѣ. Уже въ Остро[illegible] эти руссизмы, а въ болѣе [illegible] литературы находимъ уже весьма [illegible] времени на мѣсто этой [illegible] выступаетъ русскій языкъ, который, [illegible] развитія, испытываетъ на себѣ [illegible] идетъ вліяніе на него со стороны [illegible] Съ оттѣнкомъ [illegible]-болгарскаго нарѣчія встрѣчаем[illegible] древнѣйшихъ церковныхъ книгахъ.

[illegible] XIII столѣтія [illegible] литературные памятники [illegible] стихіи. Въ XIV и XV [illegible] элемен[illegible] письменность [illegible] письменность [illegible] напр., На[illegible] мы [illegible] при[illegible] [illegible] проф. Павловъ, [illegible] приписы[illegible] установлено несомнѣнно [illegible] надлежность его именно [illegible]

[illegible] на русскій продолжается и [illegible] съ этого же времени [illegible] въ нашъ [illegible] Какими же пу[illegible] [illegible] юго-западную [illegible] до XVI в. [illegible] сильнымъ [illegible] время государ[illegible] [illegible] постепенно прони[illegible]

[illegible]



4) Райское блаженство

5) Столпотвореніе вавилонское и смѣшеніе языковъ

6) **Всемірный потопъ** (Ной, ударяя въ „било“. сзываетъ въ ковчегъ **животныхъ, хляби** небесныя разверзлись. а наверху уже виденъ голубь съ масличной вѣтвью)

калъ въ южно-русскія литературныя произведенія. Вліяніе польской стихіи стало въ южной Руси особенно сильнымъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, и выражается оно какъ въ лексическомъ, такъ и морфологическомъ отношеніяхъ.

Южно-русская литература съ теченіемъ времени переходитъ въ Москву, а вмѣстѣ съ тѣмъ передаетъ московской литературѣ усвоенные ею польскіе элементы, и мы встрѣчаемъ не мало примѣровъ того, что даже такіе консервативные московскіе писатели, какъ расколоучители (напр., Аввакумъ), незамѣтно для нихъ самихъ вносятъ въ свои произведенія или польскія слова, или же русскія слова въ польской передѣлкѣ.

Стихія чисто русскаго разговорнаго языка въ нашихъ древнѣйшихъ литературныхъ памятникахъ проявляется не всегда одинаково. Отражается она въ правописаніи словъ (смѣшеніе юсовъ) и на лексической сторонѣ памятниковъ. Сначала вліяніе ея на литературный языкъ отличается какимъ-то отрывочнымъ, внезапнымъ характеромъ. Въ чисто славянскую рѣчь вдругъ врываются русскія слова, что мы можемъ прослѣдить, напр., въ языкѣ „Слова о полку Игоревѣ". Но потомъ это вліяніе становится болѣе постояннымъ и болѣе сильнымъ; такъ, языкъ лѣтописей есть языкъ уже съ преобладающими русскими элементами. Что касается живой разговорной рѣчи, то она начинаетъ проглядывать въ нашей древней литературѣ только съ XV столѣтія. Языкомъ, приближающимся къ разговорному, написаны были относящіяся къ XV в. „Хожденія" іеромонаха Симеона (на Флорентійскій соборъ) и купца Аѳанасія Никитина. Если первый, по своему сану, въ изложеніи придерживается преимущественно стараго церковно-славянскаго литературнаго языка, зато второй, не будучи связанъ обычными литературными формами, даетъ въ своемъ произведеніи перевѣсъ живой струѣ разговорной рѣчи надъ языкомъ славянскимъ. Нарастаніе элементовъ разговорнаго языка въ литературномъ становится особенно замѣтнымъ, начиная съ XVI столѣтія. Въ Домострое и въ письмахъ Іоанна Грознаго почти на каждомъ шагу мы встрѣчаемся съ сильными отголосками народнаго нарѣчія. Въ XVII же столѣтіи послѣднее какъ-то невольно преобладаетъ надъ прежнею книжною рѣчью. Мы не имѣемъ особенно подробныхъ свѣдѣній о князѣ Иванѣ Хворостининѣ, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, этотъ вольнодумецъ и говорилъ и писалъ языкомъ, очень близкимъ къ живому, разговорному. Въ половинѣ XVII столѣтія вышло описаніе Россіи дьяка Котошихина, написанное такимъ же языкомъ. Элементы разговорнаго языка проникаютъ въ изобиліи въ сочиненія и такого писателя, какъ протопопъ Аввакумъ, который вставляетъ ихъ даже въ толкованія св. писанія.

Отъ лингвистической формы древнихъ литературныхъ памятниковъ перейдемъ къ ихъ чисто-внѣшней формѣ — ихъ написанію. Эта сторона при изученіи древнихъ памятниковъ имѣетъ очень важное значеніе, такъ какъ она въ значительной мѣрѣ облегчаетъ хроноло-

гическое распредѣленіе какъ самыхъ литературныхъ оригиналовъ, такъ ихъ списковъ.

Въ церковно-славянскихъ памятникахъ мы знаемъ два шрифта, кириллицу и глаголицу. Послѣдній, какъ выяснилъ акад. Соболевскій, произошелъ, по всей вѣроятности, изъ перваго, а въ русскихъ памятникахъ совсѣмъ не встрѣчается. Старѣйшая форма кирилловскаго письма—такъ называемый *уставъ*, исключительно употреблявшійся до XIV вѣка. Уставныя буквы крупны, четки, изящны; всѣ онѣ одинаковаго размѣра, и лишь начальныя буквы главъ бывали крупнѣе и разрисовывались киноварью и золотомъ. Съ XIV вѣка уставъ вытѣсняется *полууставомъ*—буквы мельче, не такъ красивы и раздѣляются на строчныя и прописныя. Впослѣдствіи и этотъ шрифтъ замѣняется *скорописью.*

Книги св. писанія, равно какъ и паремійники, украшались различными рисунками, употреблявшимися, впрочемъ, не столько въ цѣляхъ иллюстраціи и объясненія текста (какъ это замѣчается, напр., въ Палеѣ и разныхъ такъ называемыхъ лицевыхъ сборникахъ), сколько для украшенія его. Примѣръ подобныхъ украшеній текста заимствованъ былъ нашими переписчиками изъ Византіи. Въ греческихъ рукописяхъ орнаментика извѣстна была въ двухъ стиляхъ — „геометрическомъ“ и „звѣриномъ“. На рисункахъ звѣринаго типа изображались змѣи, разные звѣри, а иногда и люди. Орнаментика этого типа любопытна для насъ въ томъ отношеніи, что она нерѣдко можетъ послужить источникомъ данныхъ для исторіи и быта нашихъ отдаленныхъ предковъ. На нѣкоторыхъ рисункахъ мы можемъ встрѣтить, напр., нашего древняго всадника, очень напоминающаго собой всадника-татарина или нашего же стрѣлка, но въ восточномъ видѣ. Эти и подобныя имъ изображенія могутъ привести насъ къ важнымъ заключеніямъ о вліяніи на древнюю Русь восточныхъ кочевыхъ народовъ и т. п. Рисунки эти по мѣрѣ времени претерпѣвали различныя измѣненія, на которыхъ мы, однако, не будемъ останавливаться.

Библіотеки и архивы.

Для изученія древней русской литературы недостаточно пользоваться печатными изданіями памятниковъ (какъ это дѣлалъ, напр., Галаховъ), а необходимо знакомиться съ этими памятниками непосредственно въ рукописяхъ. Рукописи хранятся въ библіотекахъ и архивахъ; для удобства пользованія онѣ въ большинствѣ случаевъ приведены въ систему или, какъ говорятъ, описаны. Описаніе рукописей имѣетъ свою исторію. Въ каталогахъ XVIII в. мы находимъ только заглавія рукописей, иногда хронологическія даты. Этотъ пріемъ „записи первыхъ заглавій“ далекъ отъ совершенства, такъ какъ рукописныя книги нерѣдко представляютъ изъ себя сборники отдѣльныхъ рукописей: случается, напр., что въ началѣ рукописной книги

Изъ лицевого Радзивиловскаго или Кенигсбергскаго списка Начальной Лѣтописи конца XV вѣка. (Хранится въ Академіи Наукъ. Изданъ съ миніатюрами Общ. Люб. Др. Письм.)

находятся творенія Іоанна Златоустаго, въ срединѣ—творенія свв. отцовъ, въ концѣ—даже свѣтская повѣсть; составитель каталога, приведя заглавіе перваго сочиненія, не пересматривалъ всего сборника и естественно не замѣчалъ остальныхъ произведеній. Современный составитель каталоговъ рукописей не можетъ ограничиваться такой чисто механической работой. При описаніи извѣстной рукописной книги необходимо указать, представляетъ ли она цѣльное произведеніе, или состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ сочиненій, и каковы эти сочиненія; требуются точныя свѣдѣнія о внѣшнемъ видѣ рукописи: указаніе количества листовъ, формата, хронологической даты.

Миніатюра изъ Радзивиловскаго списка лѣтописи къ разсказу объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ Меѳодіемъ и Константиномъ: „Начаста составливати письмена азбуковная словеньска“.

Считается полезнымъ привести начало и конецъ рукописи, а если рукопись—сборникъ, то надо указывать начало и конецъ отдѣльныхъ статей. Для составителя каталога важны также помѣтки на поляхъ рукописи, гдѣ нерѣдко сообщается, кому рукопись принадлежала, сколько стоила и т. п. Въ разныхъ библіотекахъ часто попадаются аналогичныя рукописи; является необходимость сличать подобнаго рода рукописи, указывать новые отрывки (если они имѣются) и помѣщать все это въ описаніе. Такимъ образомъ составленіе каталога рукописей представляетъ серьезную историко-литературную работу.

Въ архивахъ мы находимъ матеріалъ почти исключительно для исторіи русской литературы съ XVII вѣка, особенно за XVIII и XIX вв. Для историко-литературныхъ изслѣдованій имѣютъ значеніе Государственный Архивъ (въ С.-Петербургѣ), Архивъ Мин. Иностранныхъ дѣлъ (въ Москвѣ), Архивъ Государственнаго Совѣта и Архивъ бывшаго III Отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи (теперь Архивъ Департамента полиціи). Въ послѣднемъ изъ этихъ архивовъ имѣются подлинныя сочиненія нѣкоторыхъ писателей XIX в. и очень

любопытныя дѣла о привлеченіи разныхъ нашихъ писателей къ слѣдствію по обвиненіямъ въ политическихъ преступленіяхъ.

Гораздо большее значеніе для нашего предмета имѣютъ библіотеки. Первое мѣсто среди русскихъ библіотекъ, безспорно, принадлежитъ *Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ*, самой богатой въ Россіи рукописями и книгами. Начало собиранія рукописей и книгъ для Публичной Библіотеки было положено въ XVIII вѣкѣ; въ XIX в. это дѣло сильно разрослось. Библіотека пріобрѣтала у различныхъ любителей книгъ цѣлыя, иногда богатыя, коллекціи рѣдкихъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ. Весьма, напр.,

Миніатюра изъ Радзивиловскаго списка Лѣтописи.

интересна и цѣнна коллекція Ѳеод. Андр. Толстого, состоящая изъ старопечатныхъ книгъ и рукописей. Описаніе, очень тщательное, этой коллекціи составлено Строевымъ и Калайдовичемъ. Цѣннымъ вкладомъ въ библіотеку явилась коллекція извѣстнаго историка М. П. Погодина, весьма усердно собиравшаго памятники старины. По словамъ современниковъ, онъ дѣйствовалъ даже не всегда добросовѣстно: похищалъ, выманивалъ рукописи изъ монастырей и церквей. Однако едва ли можно осуждать за это Погодина: онъ прекрасно сохранилъ для потомства массу цѣннаго матеріала, который въ рукахъ невѣжественныхъ владѣльцевъ и хранителей могъ бы пропасть навѣки. Погодинское „древле-хранилище“, содержащее болѣе 2.000 экземпляровъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, пріобрѣтено библіотекой за 50 тысячъ рублей. Бòльшая часть этихъ рукописей и книгъ еще никѣмъ не описана. Покойный директоръ библіотеки А. Ѳ. Бычковъ прекрасно описалъ небольшую часть сборниковъ; дѣло, къ сожалѣнію, на этомъ и остановилось. До настоящаго времени библіотека ежегодно

обогащается нѣкоторымъ количествомъ рукописей, иногда попрежнему поступаютъ цѣлыя собранія. Такъ, весьма недавно отъ Ѳ. И. Буслаева поступило собраніе очень тщательно подобранныхъ рукописей, относящихся къ литературѣ. Въ этой коллекціи особенно цѣнны лицевыя (украшенныя рисунками) рукописи и въ особенности Апокалипсисы. Цѣнно также собраніе купца Богданова, состоящее изъ большого числа раскольничьихъ и другихъ рукописей. Это собраніе описано очень хорошо Ив. А. Бычковымъ; къ сожалѣнію, къ этому описанію не приложено указателя, и это обстоятельство нѣсколько затрудняетъ пользованіе описаннымъ матеріаломъ. Отсутствіемъ указателей страдаютъ нѣкоторыя другія описанія, между прочимъ, и ежегодные „Отчеты Библіотеки", въ которыхъ сообщаются свѣдѣнія о пріобрѣтенныхъ въ отчетномъ году рукописяхъ.

На второмъ мѣстѣ послѣ Спб. Публичной Библіотеки по количеству и качеству книгъ и рукописей надо поставить *Московскій Румянцевскій музей*. Онъ возникъ въ началѣ прошлаго столѣтія по почину канцлера Н. Петр. Румянцева. До 2.000 рукописей этого „Музеума" описаны нашимъ знаменитымъ филологомъ. А. Х. Востоковымъ; это описаніе можетъ считаться образцовымъ и для нашего времени. Среди другихъ коллекцій рукописей наиболѣе богата коллекція В. М. Ундольскаго, который былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ знатоковъ древнихъ рукописей. Въ 70-хъ годахъ въ библіотеку музея поступило собраніе книгъ проф. Бѣляева. Въ Румянцевскомъ музеѣ хранятся также рукописи, интересныя для исторіи новой литературы, напр., рукописи Пушкина.

Изъ другихъ московскихъ книгохранилищъ отмѣтимъ *Синодальную библіотеку* и *библіотеку Синодальной типографіи*. Особенно замѣчательна первая, въ основу которой положена древняя Патріаршая библіотека. Старѣйшія рукописи ея, важныя для исторіи языка и литературы, восходятъ къ XII—XIV вв. Синодальная библіотека описана профессорами Московской духовной академіи Горскимъ и Невоструевымъ; описаніе это, вполнѣ соотвѣтствующее всѣмъ новѣйшимъ требованіямъ, состоитъ изъ шести томовъ, въ которыхъ описаны всѣ важнѣйшія рукописи. Менѣе важныя рукописи описаны въ каталогѣ архимандрита Саввы; описаніе Саввы — чисто внѣшнее, лишь иногда приводятся отрывки изъ рукописей. Синодальная типографія съ ея библіотекой имѣетъ интересъ въ особенности по вопросу объ исторіи богослужебныхъ книгъ: въ библіотекѣ имѣются лучшіе списки св. писанія и множество богослужебныхъ книгъ. Для лицъ, занимающихся переводною литературою, это собраніе весьма важно. Есть, впрочемъ, въ упомянутой библіотекѣ цѣнные матеріалы и для исторіи свѣтской литературы. Въ типографіи печаталось много свѣтскихъ книгъ, напр., при Петрѣ Великомъ — первая наша газета „Русскія Вѣдомости".

Собраніе рукописей *С.-Петербургской духовной академіи* замѣчательно Софійскими (новгородскими) рукописями, древнѣйшія изъ

которыхъ относятся къ XIII и XIV вв. Массу рукописей пожертвовали въ эту библіотеку бывшіе питомцы академіи — высшіе духовные іерархи всѣхъ концовъ Россіи. Описаніе рукописей составлено библіотекаремъ академіи А. С. Родосскимъ. Важно также собраніе рукописей *Московской духовной академіи,* помѣщающейся въ Троице-Сергіевской лаврѣ; описаніе составлено архимандритомъ Леонидомъ. Еще лучше собраніе рукописей въ находящейся по сосѣдству съ академической библіотекой *Лаврской рукописной библіотекѣ.* Не мало важныхъ рукописей хранится въ *Виѳанской духовной семинаріи.* Въ библіотекѣ *Казанской духовной академіи* находятся знаменитыя Соловецкія рукописи (перевезенныя въ Казань послѣ взятія Соловецкаго монастыря). Для этой же библіотеки множество рукописей было собрано архіеп. Григоріемъ (впослѣдствіи митрополитомъ Петербургскимъ) и еписк. Аѳанасіемъ. Въ *Кіевской духовной академіи* есть много рукописей, преимущественно южно-русскихъ, заключающихъ богатый матеріалъ для исторіи Южной Россіи. Собираніе рукописей здѣсь начато еще въ XVI стол. Въ *библіотекѣ церковно-археологическаго музея* при академіи хранятся рукописи, собранныя питомцами академіи, церковнымъ историкомъ — митр. Макаріемъ и Е. В. Барсовымъ. Рукописи эти, среди которыхъ много раскольничьихъ, описаны проф. Н. И. Петровымъ. Заслуживаетъ вниманія также коллекція рукописей Кіево-Печерской лавры. Изъ другихъ книгохранилищъ слѣдуетъ упомянуть о собраніяхъ рукописей нѣкоторыхъ московскихъ монастырей, напр., *Чудова, Никольскаго единовѣрческаго монастыря,* въ которомъ хранится бывшая библіотека купца Хлудова, заключающая въ себѣ какъ чрезвычайно цѣнныя древнія рукописи, такъ и большое количество раскольническихъ сочиненій; библіотека описана проф. А. Н. Поповымъ. Встрѣчаются цѣнныя рукописи и въ монастыряхъ провинціальныхъ городовъ, но доступъ туда открытъ не всякому. Видное мѣсто среди провинціальныхъ книгохранилищъ занимаетъ *библіотека Черниговской духовной семинаріи.* Собраніе рукописей и книгъ составлялось здѣсь въ теченіе весьма продолжительнаго времени. Черниговская губернія издавна считается однимъ изъ видныхъ центровъ раскола. Полиція отнимала у раскольниковъ старыя книги и передавала въ библіотеку семинаріи. Описаніе старопечатныхъ книгъ и рукописей очень хорошо составлено г. Лилѣевымъ. Въ той же библіотекѣ имѣется много памятниковъ XIX в., относящихся къ мистическому движенію, напр., автобіографія архим. Фотія и др.

Изъ частныхъ книгохранилищъ замѣчательно *собраніе древнихъ рукописей, принадлежащее гр. Уварову,* оно находится въ имѣніи гр. Уваровыхъ „Порѣчье" и вполнѣ доступно для интересующихся. Въ библіотекѣ гр. Уваровыхъ есть цѣнная коллекція рукописей, принадлежавшая купцу Царскому и описанная Строевымъ. Описаніе другихъ рукописей гр. Уварова начато академикомъ Сухомлиновымъ, но не доведено до конца. Сухомлиновъ занимался преимущественно литературными памятниками и изъ этого собранія

издалъ „Слова Кирилла Туровскаго“. Въ Ярославлѣ имѣются два собранія рукописныхъ книгъ, принадлежащія купцамъ Титову и Вахрамѣеву, которыми изданы прекрасныя ихъ описанія. Въ Петербургѣ есть замѣчательное и очень оригинальное собраніе П. Я. Дашкова, состоящее изъ множества автографовъ писателей и историческихъ дѣятелей, также изъ любопытныхъ архивныхъ дѣлъ.

Переводная литература древней Руси.

Р*усскія письмена.* Славянская письменность, обязанная своимъ происхожденіемъ дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія, проникаетъ къ намъ вмѣстѣ съ христіанствомъ. Впрочемъ, есть одно показаніе, свидѣтельствующее о томъ, что русскіе имѣли письмена еще раньше этого времени, даже раньше дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія. О существованіи этихъ русскихъ письменъ заставляетъ насъ предполагать слѣдующій фактъ, передаваемый житіемъ свв. братьевъ. Во время посѣщенія св. Кирилломъ Херсонеса Таврическаго имъ найдены были Евангеліе и Псалтирь, написанные какими-то „русскими письменами“. При этомъ оказался тамъ и человѣкъ, который „русскою бесѣдою“ могъ истолковать найденныя книги. Въ X ст. мы находимъ довольно многочисленныя свидѣтельства о существованіи у русскихъ письменъ. Восточные писатели упоминаютъ, напр., о надписяхъ на могилахъ, на идолахъ нашихъ предковъ (особенно полабскихъ славянъ). Но приводимое „житіемъ“ Кирилла и Меѳодія свидѣтельство — единственное, относящееся къ IX в. и потому заслуживающее особеннаго вниманія.

Что же, однако, нужно понимать подъ указанными письменами? На этотъ счетъ существуетъ нѣсколько предположеній. По мнѣнію нѣкоторыхъ, найденныя св. Кирилломъ письмена были готскаго происхожденія и имѣли тотъ видъ, въ какомъ они были составлены готскимъ переводчикомъ Евангелія—епископомъ Ульфилой. Такъ какъ готы дѣйствительно жили въ Крыму ко времени посѣщенія св. Кирилломъ Херсонеса, то вполнѣ возможно думать, что Кириллъ видѣлъ именно готскія книги и назвалъ ихъ русскими. Другіе полагаютъ, что это были „румскія“, т.-е. римскія, письмена, по недоразумѣнію названныя русскими. Наконецъ третьи, допуская возможность русскаго происхожденія письменъ, думаютъ, однако, что они представляли собой смѣсь готскихъ, скандинавскихъ и др. элементовъ.

Изобрѣтеніе славянской азбуки относится къ 855 — 862 гг. Въ основу славянскаго алфавита положенъ былъ греческій, при чемъ для звуковъ, не находившихъ себѣ обозначенія въ греческомъ алфавитѣ, заимствованы были знаки изъ еврейскаго, коптскаго и др. алфавитовъ. Быть-можетъ, въ данномъ случаѣ послужили и готскія письмена, видѣнныя св. Кирилломъ въ Херсонесѣ. Письмена, изобрѣтенныя св. братьями, явились въ двухъ типахъ—кириллицы и глаголицы. Вопросъ о томъ, которая изъ нихъ древнѣе, остается открытымъ. Было

Образцы письма.
Глаголица изъ пражскихъ отрывковъ (XI в.).

предположеніе, что кириллица соотвѣтствуетъ древне-греческому уставу, а глаголица—греческому курсиву, но оно встрѣтило серьезное опроверженіе со стороны проф. Соболевскаго, который, какъ выше сказано, глаголицу объясняетъ изъ кириллицы, производя, такимъ образомъ, одинъ алфавитъ изъ другого.

Какъ только составленъ былъ алфавитъ, начались списываніе и переводъ съ греческаго языка на славянскій. Начало этой дѣятельности положено было самими свв. братьями; особенно развилась она при ихъ ученикахъ и преемникахъ. Сами Кириллъ и Меѳодій успѣли перевести на славянскій языкъ необходимыя богослужебныя книги — Апостолъ и Евангеліе. Кромѣ того, можно думать, что въ Панноніи ими же переведены были творенія нѣкоторыхъ отцовъ Церкви, а именно—„Лѣствица“ Іоанна Синайскаго, Бесѣды на Евангеліе Григо-

рія Великаго и, какъ думаетъ проф. Соболевскій, апокрифическое Никодимово Евангеліе.

Многотрудная и многосторонняя проповѣдническая дѣятельность свв. братьевъ позволила оставить имъ послѣ себя сравнительно очень небольшой литературный запасъ. Гораздо шире литературная дѣятельность ихъ учениковъ-преемниковъ, находившихся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ ихъ учители. Послѣ того, какъ дѣятельность братьевъ-проповѣдниковъ въ Моравіи и Панноніи была прекращена гоненіемъ, ученики Кирилла и Меѳодія переправились въ Болгарію. Здѣсь они попадаютъ въ просвѣщенную среду и встрѣчаютъ въ своей дѣятельности уже готовую почву; ихъ встрѣчаетъ со своимъ покровительствомъ царь Симеонъ—человѣкъ для своего времени весьма просвѣщенный, заботившійся о собраніи вокругъ себя ученыхъ и книгъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ литературная дѣятельность слѣдующихъ преемниковъ свв. Кирилла и Меѳодія: 1) Климента, архіепископа Величскаго, которому принадлежатъ различные переводы съ греческаго языка и оригинальныя сочиненія на славянскомъ языкѣ; по свидѣтельству его біографа, онъ составилъ „на всѣ праздники поучительныя слова, простыя и ясныя“; 2) Константина, епископа Болгарскаго, переведшаго слова св. Аѳанасія Александрійскаго, толкованія на псалмы, слова св. Іоанна Златоуста, сочиненія св. Кирилла Іерусалимскаго; 3) Іоанна, экзарха Болгарскаго, сдѣлавшаго переводъ Шестоднева св. Василія Великаго и „Увѣрія“ (Богословія) Іоанна Дамаскина; 4) пресвитера Григорія, давшаго переводы изъ Библіи, переводы хронографовъ и хроники Амартола и положившаго, такимъ образомъ, начало историческимъ сочиненіямъ на славянскомъ языкѣ. Самъ царь Симеонъ составилъ нѣсколько сборниковъ съ богословскимъ и нравоучительнымъ содержаніемъ.

Такъ развилась литература въ южно-славянскихъ земляхъ. Оттуда она стала мало-по-малу проникать и въ Россію вслѣдъ за принятіемъ нами христіанства. Прежде всего вновь обращеннымъ христіанамъ—нашимъ предкамъ—необходимо было запастись св. писаніемъ и богослужебными книгами. Экземпляры послѣднихъ, по всей вѣроятности, принесены были уже въ готовомъ видѣ священниками, обратившими князя Владимира въ христіанство. Затѣмъ южно-славянскіе оригиналы начинаютъ замѣняться русскими копіями, въ которыя естественно проникаютъ діалектическія особенности переписчиковъ.

Древнѣйшіе памятники церковно-богослужебной письменности у насъ относятся къ XI и XII ст.; такъ, отъ XI в. сохранился списокъ Остромирова Евангелія (1056—1057 г.). Къ этому же вѣку (1047 г.) относится особенно цѣнный экземпляръ толкованій на пророковъ, составленный попомъ Упыремъ Лихимъ. Отъ XII в. мы имѣемъ два списка Евангелія, написанные при Ярославѣ и Мстиславѣ. Къ XIII в. относятся Апостолъ (1220 г.) и Псалтирь (1296 г.). Вотъ первые памятники нашего древнѣйшаго языка и письма. Всѣ они написаны на пергаментѣ уставомъ, безъ раздѣленія на предложенія

и даже на слова; въ нихъ хорошо сохранены особенности древнеславянскаго языка: переписчики, напр., очень рѣдко ошибаются въ правильномъ употребленіи ъ и ь.

О переписчикахъ вообще нужно замѣтить, что это были не простые копiисты, а люди, знающіе дѣло болѣе или менѣе научнымъ образомъ. Сдѣлать списокъ какой-нибудь книги отъ руки, да притомъ уставомъ, было дѣломъ далеко не легкимъ. Этимъ объясняются тѣ приписки къ книгамъ, въ которыхъ „книжные списатели" выражаютъ великую радость по поводу окончанія своего подвижническаго труда *).

Но, несмотря на тщательность переписки, первоначальные оригиналы, по мѣрѣ ихъ списыванія, съ теченіемъ времени стали пор-

Образцы письма.
Изъ Саввиной книги XI в.

титься: особенно это нужно сказать про Минеи. Причина этой порчи заключается въ слѣдующемъ. Очень часто „книжные списатели" „на брегахъ", т.-е. на поляхъ всей рукописи дѣлали помѣтки, въ которыхъ предлагали отъ себя измѣненіе текста въ томъ или другомъ мѣстѣ или считали нужнымъ сдѣлать свои поправки. Эти случайныя помѣтки вносились слѣдующими переписчиками въ самый текстъ, и, такимъ образомъ, къ тексту примѣшивались элементы, совершенно чуждые оригиналу. Важно при этомъ отмѣтить, что иногда на поляхъ писались замѣтки юридическаго или историческаго характера, совершенно не относящіяся къ содержанію текста. На поляхъ Евангелія и Псалтири, напр., встрѣчаются записи вкладныя, дарственныя, за-

*) „Какъ радуется купецъ, прикупъ сотворивъ, и кормчій, во отишье приставый, и странникъ во отечествіе пришедъ, такожде радуется и книжный списатель, дошедъ конца книгамъ". Или: „Радуется заяцъ, избѣжавъ тенста,—радуется писецъ, дописавъ конца" и т. под.

мѣчанія объ основаніи городовъ, о князьяхъ и т. д. Отсюда древніе списки важны не только сами по себѣ, но и какъ памятники, содержащіе въ себѣ большое количество юридическихъ и историческихъ свѣдѣній. Изученіе этихъ замѣтокъ на поляхъ важно еще и въ томъ отношеніи, что позволяетъ ознакомиться съ исторіей той или другой книги, съ исторіей постепенныхъ въ ней наслоеній, увеличеній или сокращеній ея въ объемѣ.

Книги св. писанія существовали у насъ, вѣроятно, въ полномъ объемѣ, не были, однако, объединены. Были распространены „Бытіе", „Псалтирь", „Пророки", „историческія книги", но не въ видѣ цѣльнаго свода, а въ видѣ отдѣльныхъ книгъ. Сводъ этихъ книгъ св. писанія является только въ XV ст., благодаря трудамъ Геннадія, архіепископа Новгородскаго, притомъ въ новомъ переводѣ, сдѣланномъ даже при помощи Вульгаты. Относительно книгъ Новаго Завѣта не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что онѣ переведены были всѣ. Замѣтимъ кстати, что Евангеліе расположено было чаще въ порядкѣ не евангелистовъ, а недѣльныхъ чтеній изъ него. Книги св. писанія, существовавшія въ отдѣльности, служили матеріаломъ для сборниковъ или такъ называемыхъ паремійниковъ, въ которыхъ помѣщались чтенія изъ пророковъ (въ особенности изъ пророка Исаіи), а также изъ притчей Соломона; иногда къ паремійникамъ присоединялись отрывки изъ житій святыхъ (особенно Бориса и Глѣба). Эти паремійники соотвѣтствуютъ латинскимъ „лекціонаріямъ" и греческимъ „παροιμίαι".

Изъ книгъ св. писанія особенно распространенными были Евангеліе и Псалтирь. Трудно сказать, которая изъ этихъ книгъ была наиболѣе извѣстна нашимъ предкамъ. О Псалтири мы знаемъ, что многіе образованные люди и монахи знали ее наизусть; выраженія ея употреблялись въ качествѣ ходячихъ сентенцій и пословицъ; по ней учились грамотѣ, и существовали экземпляры такъ называемой „Учебной псалтири", къ Псалтири же, наконецъ, обращались иногда даже для гаданій. О послѣднемъ употребленіи проф. М. Н. Сперанскій говоритъ, что это — одинъ изъ видовъ гаданія по книгамъ вообще, происхожденіе котораго относится къ глубокой древности. Примѣръ подобнаго гаданія можно видѣть на Владимирѣ Мономахѣ, который въ своемъ „Поученіи" сообщаетъ, что онъ наудачу открылъ („разгнухъ") Псалтирь, и ему открылись („то ми ся выня") слова, разрѣшившія его недоумѣнія.

На ряду съ книгами св. писанія распространены были и толкованія на нихъ; сюда относятся Толковые Апостолъ, Евангеліе и Псалтирь, благодаря своему поучительному содержанію открывавшая широкую возможность для разныхъ толкованій.

Богатство нашей древней переводной литературы не ограничивалось однѣми лишь книгами св. писанія и толкованіями на нихъ. Нашимъ древнимъ грамотеямъ извѣстны были и усердно ими читались и *творенія отцовъ Церкви.* Изъ послѣднихъ особенною популярностью

пользовался св. Іоаннъ Златоустъ. Его произведенія являются у насъ разсѣянными по разнымъ сборникамъ. Есть, впрочемъ, и спеціальные своды, состоящіе исключительно изъ словъ Златоуста. Въ числѣ этихъ сводовъ первое мѣсто по своей популярности занимаетъ „Златоструй“, составленный въ Болгаріи, подъ редакціей царя Симеона и заключающій въ себѣ слова Златоуста съ нравоучительнымъ содержаніемъ. Изслѣдованія проф. Малинина показали, что „Златоструй“ въ разное время подвергался у насъ замѣтнымъ измѣненіямъ: то онъ сокращался въ своемъ объемѣ, то, наоборотъ, въ него вносились разныя статьи чисто-русскаго происхожденія, приписывавшіяся, однако, самому Златоусту. Эти русскія вставки могутъ свидѣтельствовать о томъ, что „Златоструй“ былъ любимой книгой, интересовавшей читателей и вызывавшей ихъ на размышленія. Меньше измѣненій претерпѣлъ другой сборникъ — „Златоустъ“, относящійся къ типу сочиненій, имѣющихъ своимъ содержаніемъ толкованія на недѣльныя евангелія. „Златоустъ“ встрѣчается въ двухъ типахъ — „Златоустъ постный“ и „цвѣтной“; словъ, принадлежащихъ не Златоусту, въ этомъ сборникѣ мы находимъ, сравнительно съ первымъ, гораздо меньше. Третье мѣсто по времени послѣ „Златоструя“ и „Златоуста“ занимаетъ „Маргаритъ“, составленный въ Греціи, а къ намъ проникшій отъ южныхъ славянъ. Въ XVI в. онъ является въ печати. Въ указанныхъ сборникахъ мы встрѣчаемъ лишь отрывки изъ сочиненій св. Златоуста, полнаго же ихъ собранія не имѣлось.

Вторымъ послѣ Златоуста популярнымъ въ древней Руси писателемъ былъ св. Василій Великій; особенною любовью пользовались его сочиненія аскетическія и о постничествѣ.

Кромѣ твореній св. Златоуста и Василія Великаго, распространены были творенія Григорія Богослова. Профессоръ Будиловичъ, изслѣдовавшій 13 его „словъ“, на основаніи встрѣчающихся тамъ особенностей языка доказалъ, что уже въ XI в. они были извѣстны нашимъ предкамъ. Сочиненія Григорія Великаго особенно интересны по нѣкоторымъ встрѣчающимся въ нихъ вставкамъ, принадлежащимъ нашимъ переводчикамъ и переписчикамъ. Встрѣчаемая, напр., въ X словѣ вставка характеризуетъ древне-русскіе обычаи и суевѣрія; на ряду съ нѣкоторыми другими данными, она можетъ послужить дополненіемъ и комментаріемъ къ существовавшимъ у насъ такъ называемымъ гадательнымъ книгамъ. Указанная вставка трактуетъ о разнаго рода „встрѣчахъ“, о „трепетѣ“ и т. д., и о томъ суевѣрномъ значеніи, которое соединялось съ ними въ древности.

Св. Ефремъ Сиринъ также принадлежалъ къ числу популярныхъ у насъ церковныхъ писателей. Особенно были любимы принадлежащія ему „слова“, изъ которыхъ въ Византіи составленъ былъ сборникъ—„Паренезисъ“, почти цѣликомъ переведенный и на славянскій языкъ. Но не столько извѣстенъ былъ у насъ самый „Паренезисъ“, сколько заключающіяся въ немъ два слова: „о злыхъ женахъ“ и „о страшномъ судѣ и о антихристовомъ пришествіи“.

Первое послужило для нашихъ древнихъ грамотеевъ источникомъ ихъ аскетическихъ сужденій о женщинахъ, какъ о порожденіяхъ нечистаго духа, „сосудахъ діавола“ и т. п., хотя, впрочемъ, отрицательное отношеніе къ женщинѣ въ самомъ „словѣ“ Е. Сирина выражено значительно мягче, нежели у нашихъ грамотеевъ. Второе „слово“ разрѣшало весьма важный для христіанъ вопросъ о будущей судьбѣ міра. Нѣкоторыя данныя для разрѣшенія этого вопроса находятся въ Апокалипсисѣ, но эти данныя требуютъ для своего уразумѣнія толкованій, которыя и заключаетъ въ себѣ указанное слово, представляющее ихъ даже въ поэтической, картинной формѣ. Въ тяжелыхъ обстоятельствахъ жизни, порождающихъ уныніе и отчаяніе, „слово“ св. Ефрема служило для нашихъ предковъ любимымъ назидательнымъ чтеніемъ. О томъ же предметѣ толковало „слово“ Ипполита, папы Римскаго; оно также не лишено поэтическихъ украшеній, но главное достоинство его въ томъ, что оно систематизируетъ всѣ данныя объ антихристѣ, находящіяся въ св. писаніи и свято-отеческихъ твореніяхъ.

Въ ряду распространенныхъ у насъ аскетическихъ свято-отеческихъ твореній видное мѣсто занимали творенія Іоанна Лѣствичника и Ѳеодора Студита. Первому принадлежитъ книга „Лѣствица“, давшая автору ея названіе Лѣствичника. Въ ней указываются степени приближенія къ Богу и тѣ подвиги, которые необходимы каждому для достиженія нравственнаго совершенства. Ѳеодоръ Студитъ пользовался уваженіемъ, прежде всего, въ нашихъ монастыряхъ, что и понятно, такъ какъ первый монастырскій нашъ уставъ былъ заимствованъ изъ Студійскаго монастыря, основаннаго св. Ѳеодоромъ. Въ нашихъ монастыряхъ было обычнымъ правиломъ читать его поученія.

Наконецъ, изъ отцовъ Церкви, извѣстныхъ у насъ въ древности, мы должны упомянуть объ авторѣ догматическаго трактата, Іоаннѣ Дамаскинѣ и о блаженномъ Ѳеодоритѣ, епископѣ Кирскомъ, которому принадлежитъ статья о Св. Троицѣ, написанная въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ,—формѣ, получившей большое распространеніе и отражавшейся на произведеніяхъ народной словесности. Что касается Іоанна Дамаскина, то его значеніе очень хорошо выясняется проф. Голубинскимъ. „Точное начертаніе православной вѣры Іоанна Дамаскина,—говоритъ историкъ Церкви,—и у грековъ занимало первое мѣсто между произведеніями догматическими, представляя собой единственное, бывшее у нихъ, полное и систематическое изложеніе христіанскаго православнаго вѣроученія. Древній болгарскій переводчикъ „Начертанія“, названнаго имъ Словомъ о правой вѣрѣ, а другими писателями до-монгольскаго періода называемаго еще Увѣріемъ, или самъ сократилъ его или, можетъ-быть, взявъ уже готовое сокращеніе, существовавшее на греческомъ, даетъ его въ такомъ видѣ, что въ немъ опущено очень многое, что, не представляясь необходимымъ, и не можетъ представляться легкимъ для разумѣнія

аште хоштеши навыкнѫти скоро навы
кнѣти· господь бо рече къ родаштоуоумоу
са· сънъ мои еси ты азъ дьнесь родихъ тѧ·
ıако томоу подобаатъ слава и дрьжава·
чьсть и поклаꙗнне· нынꙗ и присно
и въ вѣкъı вѣкомъ аминь∴

ст҃ааго ıоана златаоуста слово о благовѣште
нии богородици·

Пакъı радости благовѣштенне· пакъı
свободѫ възвѣштенне· пакъı възва
нне пакъı възвраштенне· пакъı веселне·

Образцы древне-русскаго письма.
Древній уставъ. (Изъ Супрасльской рукописи XI вѣка).

людей, новоначальныхъ въ христіанствѣ и имѣющихъ нужду болѣе въ первыхъ и общихъ наставленіяхъ въ вѣрѣ. Кромѣ главъ, относящихся собственно къ богословію, въ переводѣ читаются главы, посвященныя предметамъ естествознанія, именно: „о свѣтѣ и огнѣ и о свѣтельницахъ, водахъ, и о земли и еже отъ нея".

Какъ ни важно было знакомство съ догматическою стороною христіанства, однако при невысокомъ уровнѣ просвѣщенія древней Руси, она была мало доступна для пониманія новообращенныхъ христіанъ, а потому, какъ замѣчаетъ проф. Голубинскій, „изъ всѣхъ книгъ оставались наиболѣе подходящими для предковъ нашихъ книги нравоучительныя. И здѣсь, конечно, о немаломъ количествѣ чтомаго они должны были говорить то же, что сказала Іоанну Златоусту одна женщина: кладязь твоего ученія глубокъ, а верви ума нашего кратки. Но здѣсь, съ длинной или краткой вервью разумѣнія, не было опасности вмѣсто воды вытаскивать грязь. Много или мало разумѣлось, все было на пользу душѣ. И необходимо думать, что отдѣлъ нравоучительныхъ книгъ былъ любимымъ и преимущественнымъ чтеніемъ нашихъ книжныхъ начетчиковъ. Само собою разумѣется, въ этомъ отдѣлѣ предпочиталось то, что было проще и что болѣе удовлетворяло вкусу. Всего проще были и всего болѣе должны были нравиться житія святыхъ, ибо здѣсь нравоученія преподаются въ живыхъ примѣрахъ и въ драматической формѣ повѣстей. Они-то, какъ необходимо думать, и составляли самое любимое чтеніе нашихъ книжныхъ начетчиковъ. До сихъ поръ есть пословица, указывающая, что составляло преимущественную эрудицію книжныхъ начетчиковъ: „Великій учитель! Прологъ наизусть". Житія привлекали къ себѣ читателей не только своей нравоучительностью, но и характеромъ передававшихся въ нихъ фактовъ: аскетическіе подвиги святыхъ, ихъ чудеса давали обильную пищу фантазіи, а потому житія представляли и чисто беллетристическій элементъ, являлись своего рода трогательными повѣстями.

Изъ житій въ Греціи составлялись сборники разнаго объема и разнаго характера: Минеи, Синаксари (Прологи), Патерики. Самымъ обширнымъ сборникомъ были Минеи (мѣсячныя чтенія), въ которыхъ пространныя житія святыхъ были расположены по днямъ празднованія памяти святыхъ или другихъ событій. Можно думать, что имѣлся полный славянскій переводъ Миней уже въ древнѣйшія времена, хотя отъ XI—XII вв. сохранилось до нашего времени лишь двѣ книги: одна за мартъ (такъ называемая Супрасльская рукопись), другая за май мѣсяцъ. Но Четьи Минеи, вслѣдствіе большого своего объема, дѣлавшаго ихъ неудобными для постояннаго чтенія, и у насъ, какъ и въ Византіи, уступаютъ мѣсто другимъ, менѣе объемистымъ сборникамъ, такъ называемымъ Синаксарямъ, которые сопровождались нравоучительными предисловіями, или прологами, откуда и самый сборникъ получилъ названіе Пролога. Древнѣйшіе славянскіе списки Пролога относятся къ XIII в. Кромѣ греческихъ житій, въ

Иллюстраціи къ „Повѣсти объ Александрѣ Македонскомъ"

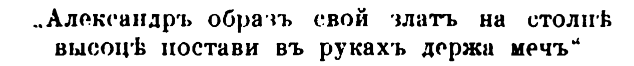
(Александрія).

Изд. Т-ва И. Д. СЫТИНА

... въ христіанствѣ и имѣющихъ нужду болѣе ... наставленіяхъ въ вѣрѣ. Кромѣ главъ, отно... богословію, въ переводѣ читаются главы, по... естествознанія, именно: „о свѣтѣ и огнѣ и о ... о земли и еже отъ нея“.

... было недоступно съ догматическою стороною ... на высокомъ уровнѣ просвѣщенія древней ... доступна для пониманія новообращенныхъ хри... замѣчаетъ проф. Голубинскій, „изъ всѣхъ ... подходящими для предковъ нашихъ книги ... И здѣсь, конечно, о немаломъ количествѣ чтомаго ... говорить то же, что сказала Іоанну Златоусту ... кладязь тѣхъ ученіи глубокъ, а верви ума нашего ... съ ... или краткой вервью разумѣнія, не ... вмѣсто ... вытаскивать грязь. Много или мало ... было ... душѣ. И необходимо думать, что от... учительныхъ книгъ былъ любимымъ и преимущественнымъ ... нашихъ ... начетчиковъ. Само собою разумѣется, ... предпочитали то, что было проще и что болѣе ... Всего проще были и всего болѣе должны были ... святыхъ, ибо здѣсь нравоученія преподаются въ ... въ драматической формѣ повѣстей. Они-то, ... и составляли самое любимое чтеніе нашихъ ... До сихъ поръ есть пословица, указывающая, ... преимущественную эрудицію книжныхъ начетчиковъ: ... Прологъ ...“. Житія привлекали къ себѣ ... нравоучительностью, но и характеромъ ... фактовъ, аскетическіе подвиги святыхъ, ... обильную пищу фантазіи, а потому житія пред... беллетристическій элементъ, являлись своего рода ...

... Греціи составлялись сборники разнаго объема ... Минеи, Синаксари (Прологи), Патерики. Самымъ ... были Минеи (мѣсячныя чтенія), въ которыхъ ... житія святыхъ были расположены по днямъ праздно... памяти святыхъ или другихъ событій. Можно думать, что ... полный славянскій переводъ Минеи уже въ древнѣйшія вре... хотя отъ XI—XII в. сохранилось до нашего времени лишь ... книги: одна ... (такъ называемая Супрасльская рукопись), ... Но ... Минеи, вслѣдствіе большого своего ... неудобны для постояннаго чтенія, и у ... уступаютъ мѣсто другимъ, менѣе объеми... которые сопро... или прологами, откуда ... Древнѣйшіе славянскіе ... житій, въ



„Александръ образъ свой златъ на столпѣ высоцѣ постави въ рукахъ держа мечъ“

Убійство царя Дарія: „Мечи прободоша, и съ коня урваста и мало его жива оставихъ“

нихъ мы находимъ данныя и о русскихъ святыхъ, какъ, напримѣръ, о Леонтіи и Исаіи ростовскихъ.

Особый видъ сборниковъ житійныхъ представляютъ собою Патерики или Отечники, содержащіе повѣствованія объ отшельникахъ, инокахъ благочестивыхъ, посвященныя, главнымъ образомъ, назиданію, какъ это видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго поясненія одного изъ Патериковъ: „Тогда какъ поэты и историки описываютъ воинскіе подвиги, а трагики открыто изображаютъ тщательно скрываемыя несчастія и въ сочиненіяхъ увѣковѣчиваютъ ихъ память, а иные тратятъ рѣчи на смѣхотворства и забавныя шутки,—не странно ли было бы намъ оставлять безъ вниманія то, что мужи, которые въ смертномъ и страстномъ тѣлѣ явили безстрастіе, и поревновали безплотнымъ, предаются забвенію". Однимъ изъ древнѣйшихъ Патериковъ былъ „Лавсаикъ", составленный въ V в. епископомъ Палладіемъ и заключающій въ себѣ сказанія о египетскихъ подвижникахъ. „Изложеніе Лавсаика,—говоритъ П. В. Владимировъ,—отличается отсутствіемъ системы, отрывочностью разсказовъ, большею частью очень краткихъ, въ чемъ видятъ презрѣніе къ литературной формѣ. Такое же презрѣніе къ условіямъ свѣтской жизни выражается во внутреннемъ содержаніи Патерика: аскеты презираютъ чистоту тѣла и обстановки, истязаютъ себя трудомъ и мученіемъ тѣла, предавая его давленію природы, ея угрозамъ, но защищая чистоту души безстрастіемъ, бѣдностью, одиночествомъ. Всѣ мысли аскета устремлены къ загробной жизни, и разсказы изъ міра видѣній составляютъ поэтическую сторону Патериковъ" *). Въ болѣе позднемъ Патерикѣ Іоанна Мосха, озаглавленномъ „Синайскій Лимонарь" (Лугъ Духовный), поэтическій элементъ гораздо сильнѣе, что и послужило причиной большей его распространенности.

Въ славянскихъ переводахъ греческіе Патерики, вѣроятно, имѣлись уже очень рано: по крайней мѣрѣ, Лимонарь извѣстенъ въ древнерусскомъ спискѣ XI—XII вв. Эти переводы оказали вліяніе и на наши оригинальные Патерики, въ которыхъ встрѣчаются заимствованные изъ греческихъ источниковъ нравоучительные эпизоды.

Кромѣ житій святыхъ, какъ нравоучительное чтеніе, большое значеніе имѣли переводные сборники, извѣстные подъ названіемъ „Пчелъ" (на Западѣ—Florilegia). Какъ пчела собираетъ медъ, перелетая съ цвѣтка на цвѣтокъ, такъ и составитель сборника пользуется изреченіями весьма многихъ мудрецовъ. Сборники эти раздѣлены на отдѣльныя главы, или „слова": о богатствѣ и убожествѣ, о трудолюбіи, о мудрости, о правдѣ, о житейской добродѣтели и злобѣ, о царѣ и о власти и т. п. Каждое слово представлаетъ сборъ нравственныхъ изреченій на ту или другую тему, заимствованныхъ изъ св. писанія, изъ отцовъ Церкви, а потомъ уже изъ писателей свѣтскихъ, т.-е. изъ философовъ, историковъ и даже поэтовъ класси-

* Владимировъ. „Древняя русская литература Кіевскаго періода", стр. 40.

ческой древности и, наконецъ, изъ народныхъ пословицъ. Свѣтская часть „Пчелы“ не мало способствовала распространенію между нашими грамотными предками изреченій классическихъ писателей, анекдотовъ и даже свѣдѣній миѳологическихъ. Напримѣръ: „Платонъ мудрый, увидѣвъ, какъ благородный юноша, безпутно промотавшій имѣніе отца своего, сидѣлъ передъ чужими дверями и ѣлъ хлѣбъ съ маслинами и водою, сказалъ ему: „если бы ты ѣлъ по своей волѣ, то не такъ бы вечерялъ“.—„Мудрецъ, увидѣвъ друга своего, который просилъ живописцевъ, чтобъ они написали на камнѣ его изображеніе, сказалъ ему: „Ты заботишься о томъ, чтобъ камень былъ подобенъ тебѣ, а того не боишься, что самъ можешь уподобиться камню“.—„Какъ Актеонъ былъ растерзанъ собственными своими собаками, которыхъ онъ самъ вскормилъ, такъ и льстецы своего питателя съѣдаютъ“ *).

Но, кромѣ нравоучительнаго чтенія, были и другіе интересы. Хотѣлось имѣть хоть какое-нибудь научное представленіе объ окружающемъ мірѣ, и въ этомъ отношеніи къ услугамъ нашихъ предковъ была та же переводная литература, здѣсь можно было найти такія сочиненія, какъ „Шестодневъ“ Іоанна, экзарха Болгарскаго, „Христіанскую топографію“ Козьмы Индикоплова, „Физіологъ“. Свѣдѣнія о природѣ, сообщавшіяся въ этихъ трудахъ, заключали въ себѣ много баснословнаго и, въ сущности, не выходили далѣе того круга, который очерченъ былъ въ произведеніяхъ древнеклассическихъ астрономовъ и географовъ. Такъ, весьма любопытными для характеристики этихъ свѣдѣній представляются разсужденія Козьмы Индикоплова и Епифанія Кипрскаго, которые считались наиболѣе выдающимися авторитетами. Египетскій монахъ VI столѣтія Козьма рѣшительно возсталъ противъ тѣхъ, которые „осмѣливаются схоластическими умозаключеніями понять фигуру и положеніе міра, которые доказываютъ сферическое и кругообразное движеніе неба, и хотятъ геометрическими вычисленіями, на основаніи затменій солнца и луны, опредѣлить форму міра и фигуру земли“. „Развѣ могутъ они сообщить свою мудрость иначе, какъ только посредствомъ измѣрительныхъ инструментовъ и продолжительныхъ изслѣдованій“, пренебрежительно спрашивалъ Козьма. „Конечно, они говорятъ нѣчто правдоподобное о солнечныхъ и лунныхъ затменіяхъ, но отъ этого міру мало пользы. Отъ подобныхъ знаній скорѣе рождается гордость“. Напротивъ, самъ онъ, Козьма „не самъ собою и не своими мнѣніями, а божественнымъ писаніемъ наученъ“. Земля для него имѣетъ форму четырехугольной плоскости, длина которой вдвое болѣе ширины, потому что такова была форма престола въ святая святыхъ, устроеннаго Моисеемъ по подобію земли. Земля стоитъ на самой себѣ, потому что сказано: Ты утвердилъ землю на ся основаніи. За предѣлами океана, окружающаго земную плоскость, есть еще земля, потому что

*) Буслаевъ. „Очерки“, т. II, стр. 91

Рисунки къ „Сказанію о свв. Борисѣ и Глѣбѣ“.
(Изъ Сильвестровскаго сборника XIV вѣка).

писаніе говоритъ: кто пройдетъ за предѣлы моря, чтобы извести от туда Бога? Тамъ и былъ рай; на краю этой земли поднимается высочайшая стѣна, которая сверху закругляется и образуетъ небесный сводъ. Тамъ, гдѣ стѣна начинаетъ закругляться, растянута наподобіе скатерти твердь и отдѣляетъ отъ земли небо, гдѣ живутъ Богъ и святые. Небесныя явленія производятся разумными силами. По Епифанію Кипрскому, это ангелы, управляющіе движеніемъ свѣтилъ, собирающіе трубами морскую воду, чтобы пустить ее въ видѣ дождя на землю *).

Какимъ баснословіемъ отличались свѣдѣнія о животныхъ, видно хотя бы изъ слѣдующаго сказанія объ единорогѣ: „О инорозѣ псаломъ глаголеть: и вознесеться, яко инорогъ мой. Ѳисилогъ рече о инорозѣ, яко сице имать естество, малъ животъ, подобенъ есть козляти, кротокъ же зѣло, не можетъ приближитися къ нему ловецъ, зане силенъ есть, единъ же рогъ имать посреди главы, то како убо ловять и; дѣвицю чисту повергуть предъ нимъ и приползнетъ къ пазусѣ дѣвици и персемъ и съсеть, и ведеть его дѣвица въ полату, сію рѣчь приложите къ лицу Спасову“ и т. д. Столь же чудесными, баснословными чертами, отличается и слѣдующее описаніе птицы фениксъ: „Есть птица въ великой Индіи, называемая фюниксъ, о которой Давидъ-пророкъ, въ 91 псалмѣ сказалъ: праведникъ, яко фюниксъ процвѣте. И та птица, есть единогнѣздница, не имѣетъ ни подружья, ни чадъ, но сама только пребываетъ въ своемъ гнѣздѣ; пищу же свою добываетъ, летая въ кедры Ливана, и, летая тамъ, наполняетъ крылья свои ароматомъ, и оттого благовонна; но когда эта птица состарѣется, то взлетитъ на высоту, и беретъ отъ небеснаго огня и, спустившись, зажигаетъ гнѣздо свое, и тутъ же и сама сгораетъ, но потомъ въ пеплѣ гнѣзда своего нарождается червемъ, и изъ того червя бываетъ птица, съ тѣмъ же нравомъ и съ тѣмъ же естествомъ. И эта птица является образомъ истинно вѣрующихъ въ Бога, потому что они, хотя и приняли мученія за Христа, но нашли большую пищу рая и въ благоуханіи водворилися“. Подобныя же баснословныя свѣдѣнія сообщаются о звѣряхъ ехиднѣ и харадрѣ, о птицахъ сиринѣ и алконостѣ. Сиринъ есть сирена, „до чреслъ“ имѣетъ образъ человѣческій, подобенъ музѣ, а хвостъ гусиный, отличается „благоглаголаніемъ и благословесіемъ“, „возжигаетъ сердца беззлобныхъ“; алконостъ есть то же, что гальціона у древнихъ писателей: эта птица превосходитъ ростомъ страуса, живетъ на морѣ и тамъ выводитъ своихъ птенцовъ.

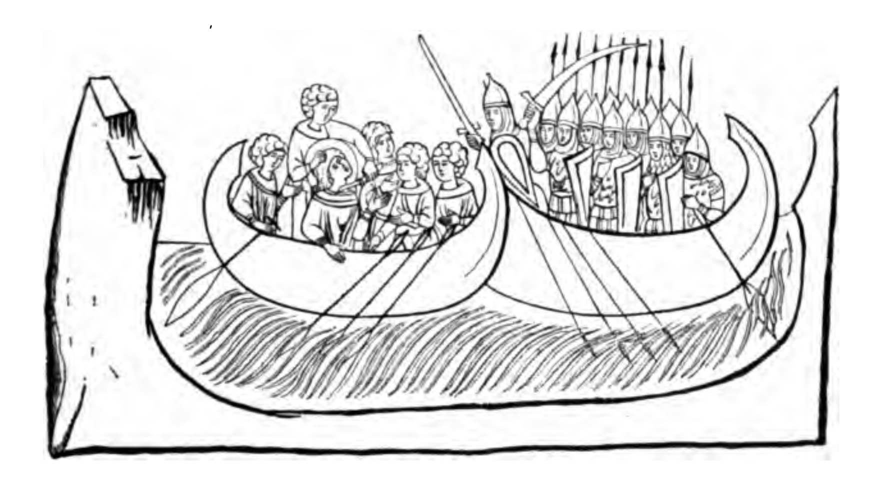
Такія сказанія, заключая въ себѣ въ извѣстной степени поэтическій элементъ, стали весьма популярными и проникли въ народныя лубочныя картинки, при чемъ имъ была придана стихотворная форма. Такъ, объ алконостѣ имѣются слѣдующіе стихи:

---

*) Милюковъ. „Очерки по исторіи русской культуры“, т. II, стр. 247.

Птица райская алконость близъ рая пребываетъ,
Нѣкогда и на Ефратѣ рѣцѣ бываетъ.
Егда же въ пѣніи гласъ испущаетъ,
Тогда и сама себѣ не ощущаетъ.
А кто по близости ея будетъ,
Той все въ мірѣ семъ позабудетъ.
Тогда умъ отъ него отходитъ,
И душа его изъ тѣла исходитъ.
Таковыми пѣснями святыхъ утѣшаетъ
И будущую имъ радость возвѣщаетъ,
И многая благая тѣмъ сказуетъ,
То и явѣ перстомъ указуетъ.

Въ этихъ стихахъ алконосту приписаны нѣкоторыя свойства, принадлежащія скорѣе сирину, такъ что народная фантазія въ этомъ



случаѣ позволила себѣ отступить отъ своего литературнаго источника; самъ же сиринъ изображается въ слѣдующемъ описаніи:

Птица райская, зовомая сиринъ,
Гласъ ея въ пѣніи зѣло силенъ.
На востокѣ, въ едемскомъ раю пребываетъ,
Непрестанно пѣніе красно воспѣваетъ.
Праведнымъ будущую радость возвѣщаетъ,
Которую Господь святымъ своимъ обѣщаетъ.
Временемъ слетаетъ на землю къ намъ,
Подобно сладкопѣсненно поетъ, якоже и тамъ.
Всякъ бо человѣкъ, во плоти живя,
Не можетъ слышати гласа ея.
Аще кому слышати случится,
Таковый отъ житія сего отлучится,
Но не якоже тамо онъ пребываетъ,
Но вослѣдъ ея теча, падъ умираетъ.

Свѣдѣнія по всеобщей исторіи давались также переводными сочиненіями византійскими, такъ называемыми хрониками. Старѣйшая изъ византійскихъ хроникъ была составлена въ VI—VII вв. антіохійцемъ Іоанномъ Малалой и переведена на славянскій языкъ при болгарскомъ царѣ Симеонѣ, а древнѣйшій русскій ея списокъ относится къ XIII в., хотя она извѣстна была въ Россіи и ранѣе, какъ это видно изъ цитатъ въ русскихъ лѣтописяхъ. Въ этой хроникѣ, рядомъ съ чисто-историческимъ матеріаломъ, мы видимъ и разныя легендарныя сказанія: они есть и въ греческомъ оригиналѣ (который сохранился въ отрывкѣ), и вставлялись въ славянскій переводъ; изъ первыхъ упомянемъ повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ, („Книги Александръ"), а изъ вторыхъ — апокрифическіе завѣты 12 патріарховъ и Слово Аѳанасія Александрійскаго о Мельхиседекѣ. Слѣдующая по времени византійская хроника принадлежитъ Георгію Амартолу, писателю IX в., и имѣется въ русскомъ спискѣ XIII в. подъ заглавіемъ: „Лѣтовникь скращень отъ различныхъ лѣтописьць же и повѣдателій избрань и составленъ отъ Георгія грѣшника инока". Она также отличается смѣшеніемъ историческихъ фактовъ съ вымысломъ, историческаго повѣствованія съ баснословными разсказами, о Сивиллахъ, о царѣ Соломонѣ и царицѣ Южской и т. п. Третья византійская хроника была составлена въ XII в. Константиномъ Манассіей и, быть-можетъ, въ томъ же вѣкѣ явилась и въ славянскомъ переводѣ, хотя списки ея относятся къ XIV в. Въ составъ этой хроники входитъ легендарная Троянская исторія.

Говоря о сочиненіяхъ научныхъ, необходимо остановиться на любопытнѣйшемъ сборникѣ энциклопедическаго характера, такъ называемой Палеѣ, которая имѣется двухъ типовъ: Толковая и Историческая. Древнѣйшій изъ сохранившихся русскихъ списковъ Толковой Палеи принадлежитъ Александро-Невской лаврѣ, и относится къ 1350 г., второй, подъ именемъ Коломенской Палеи 1406 г., изданъ учениками Н. С. Тихонравова, а третій — 1477 г., принадлежащій Московской Синодальной библіотекѣ, изданъ фототипически Обществомъ Любителей Древней Письменности. По своему происхожденію Палея Толковая можетъ считаться русскимъ памятникомъ, такъ какъ греческаго оригинала ея не найдено; однако слѣдуетъ сказать, что она есть компиляція, построенная на матеріалѣ переводномъ, съ полемической цѣлью доказать истину христіанства противъ іудеевъ. Тихонравовъ характеризуетъ ея содержаніе слѣдующимъ образомъ: „Толковая Палея не даромъ иногда называлась „Бытійскою книгою", разсказомъ о бытіи неба и земли (толкованіями средневѣковой богословской науки о мірѣ, животныхъ, людяхъ и пр.). За этой первою главою слѣдуетъ повѣствованіе о „бытіи человѣчемъ", ограничивающееся до потопа хронологическими и генеалогическими указаніями и потомъ уже переходящее къ болѣе строгому и плавному историческому разсказу. Обозначивши число лѣтъ отъ Адама до раздѣленія языкъ и слегка упомянувши объ Авраамѣ, Толковая Палея перехо-

дитъ къ разсказу о рожденіи Исава и Іакова и, почти непосредственно затѣмъ, о благословеніи ихъ отцомъ, останавливаясь особенно на символическомъ толкованіи этихъ событій. Къ послѣднему примыкаетъ исторія бѣгства Іакова къ Лавану, которая почти исключительно занята апокрифическимъ отъ лица Іакова разсказомъ о лѣствицѣ, видѣнной имъ во время сна на пути, и длиннымъ полемически-символическимъ толкованіемъ этого видѣнія. За небольшимъ повѣствованіемъ о встрѣчѣ и примиреніи Іакова съ Исавомъ слѣдуетъ исторія Іосифа, изложенная довольно кратко и въ тѣхъ исключительно подробностяхъ, которыя допускали въ немъ видѣть символическое прообразованіе Христа. Обширное мѣсто въ Палеѣ занимаютъ

Рисунокъ къ „Сказанію о свв. Борисѣ и Глѣбѣ“.
(Изъ Сильвестровскаго сборника XIV в.).

разсказы о благословеніи сыновей Іаковомъ и „Завѣты 12 патріарховъ“, дополненные символическимъ толкованіемъ этихъ предсказаній. Все послѣдующее изложеніе ветхозавѣтной исторіи (отъ Моисея до Соломона) въ Толковой Палеѣ отличается меньшею самостоятельностью и ограничивается большею частью выдержками изъ Библіи: полемическія обличенія жидовина и символическія толкованія ветхозавѣтнаго содержанія попадаются въ этой части Палеи гораздо рѣже, а потомъ и совсѣмъ замолкаютъ“. Значеніе Палеи опредѣляется не только большимъ количествомъ ея списковъ, но и частыми заимствованіями изъ нея въ разныхъ памятникахъ древне-русской литературы: видно, что книга много читалась и пользовалась большимъ авторитетомъ. Что касается Исторической Палеи или такъ называемой „Книги бытія небеси и земли“, то ея греческій оригиналъ

извѣстенъ и относится къ IX в. Русскіе списки восходятъ къ XV в., но были, вѣроятно, и ранѣе. По содержанію Историческая Палея есть краткій пересказъ ветхозавѣтной исторіи по Библіи и апокрифамъ, безъ полемическаго и символическаго элемента, отличающаго Толковую Палею.

Наконецъ, въ числѣ энциклопедическихъ сборниковъ, надо упомянуть о двухъ „Изборникахъ" Святослава, кн. Черниговскаго, 1073 г. и 1076 г. Первый изъ этихъ Изборниковъ былъ переведенъ съ греческаго языка для болгарскаго царя Симеона и переписанъ для Святослава; относительно второго можно предполагать, что онъ былъ составленъ въ Россіи „изъ многихъ книгъ княжихъ", хотя, съ другой стороны, и не исключается его болгарское происхожденіе. Въ „Изборникѣ" 1073 г., рядомъ съ выдержками изъ твореній отцовъ Церкви (напр., съ „Исповѣданіемъ вѣры" св. Никифора, патр. Константинопольскаго, съ поученіемъ Іоанна Златоуста о злыхъ женахъ), помѣщены отрывки историческіе, философскіе, риторическіе (статья „о образѣхъ", т.-е. о фигурахъ риторическихъ: „инословіи"—аллегоріи, „преводѣ"—метафорѣ, „изобиліи"—плеоназмѣ, „поруганіи"—ироніи и др.). Въ „Изборникѣ" 1076 г. любопытны статья о чтеніи книгъ и „Поученіе дѣтямъ" Ксенофонта и Өеодоры, имѣвшее вліяніе на „Поученіе" Владиміра Мономаха.

Апокрифическая литература.

Въ ряду переводныхъ памятниковъ древней нашей литературы видное мѣсто занимаютъ апокрифы.

Начало апокрифовъ относится къ весьма отдаленному отъ насъ времени; апокрифическую письменность мы находимъ у первыхъ христіанъ и даже еще раньше — у ветхозавѣтныхъ іудеевъ. Причины ея зарожденія могутъ объясняться различно: съ одной стороны, можно предполагать, что апокрифы такъ же древни, какъ и каноническія книги св. писанія; что существовало у христіанъ, какъ и у евреевъ, много религіозныхъ сказаній, признававшихся одинаково достовѣрными и привлекавшихъ одинаковое уваженіе религіозно-настроенныхъ людей, и что только съ теченіемъ времени нѣкоторыя изъ этихъ сказаній получили каноническое освященіе, а прочія были отвергнуты, какъ ложныя. Съ другой стороны, возникновеніе апокрифовъ объясняется, какъ результатъ сильнаго желанія вѣрующихъ людей уяснить себѣ многое, что казалось недоговореннымъ или недостаточно опредѣленно раскрытымъ въ св. писаніи, такъ какъ есть большое число лицъ и событій, о которыхъ св. писаніе сообщаетъ очень краткія свѣдѣнія, иногда упоминая о нихъ, какъ бы вскользь, мимоходомъ. Уже самыя первыя страницы

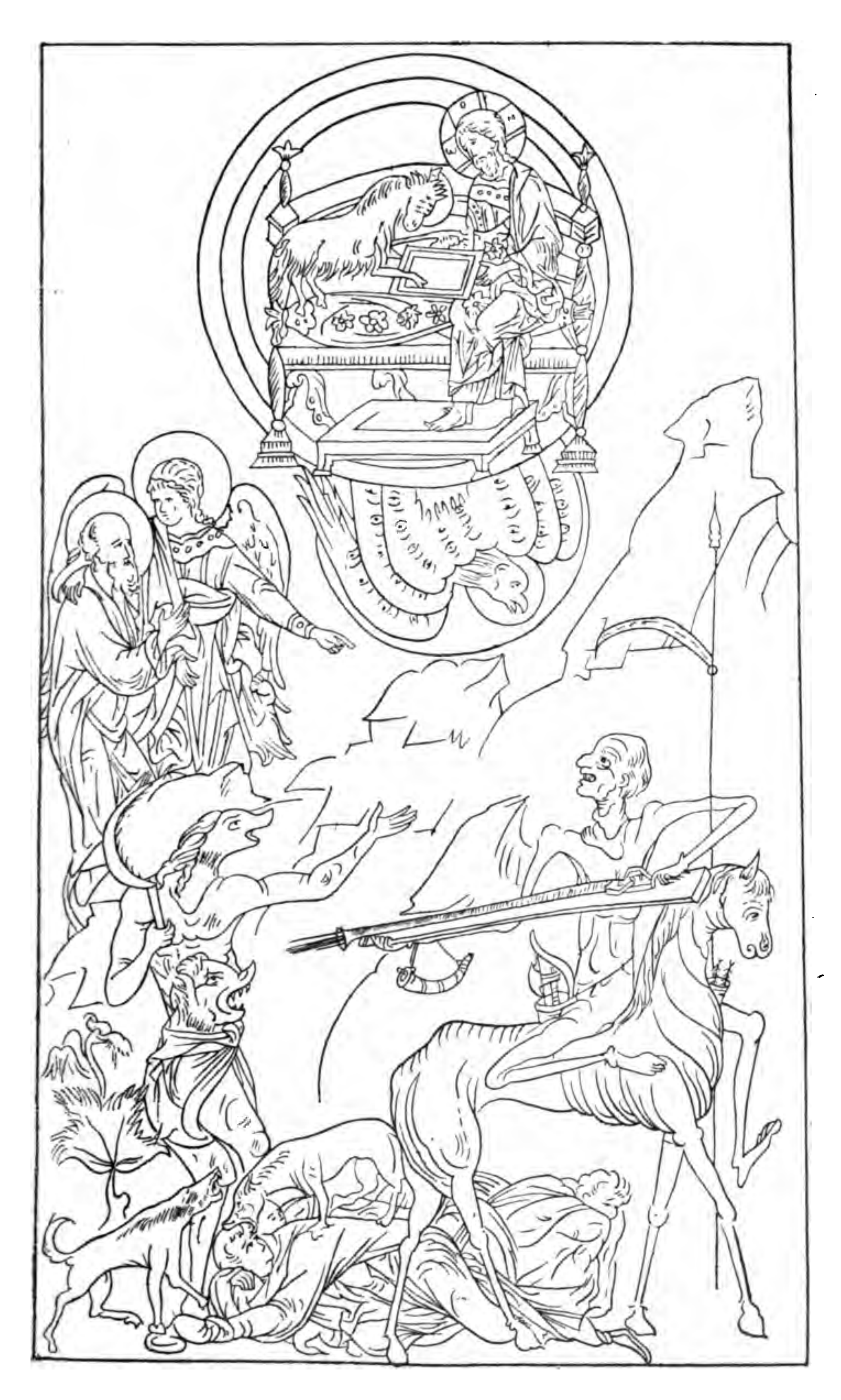
священной исторіи, казалось, нуждаются въ нѣкоторыхъ дополненіяхъ: и о сотвореніи человѣка, и о его грѣхопаденіи, и объ изгнаніи изъ рая, а въ особенности о жизни Адама и Евы послѣ этого изгнанія хотѣлось имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія. Объ Енохѣ изъ Библіи извѣстно только то, что онъ за свою праведность былъ взятъ на небо живымъ; Мельхиседекъ, царь солимскій, благословившій Авраама и признаваемый Церковью прообразомъ Спасителя, появляется въ св. писаніи въ одномъ лишь эпизодѣ, только упоминается, при чемъ остаются неизвѣстными ни предшествующая его жизнь, ни дальнѣйшая его судьба; о царѣ Соломонѣ разсказанъ въ Книгѣ Царствъ извѣстный эпизодъ рѣшенія спора двухъ женщинъ изъ-за ребенка, и желательно было имѣть данныя о другихъ проявленіяхъ его мудрости, Писаніе же о нихъ молчало. Ветхій Завѣтъ даетъ вообще не мало подобныхъ примѣровъ неполноты повѣствованія, и потому рядомъ съ Библіей давно являются различныя сказанія о тѣхъ же лицахъ и событіяхъ, болѣе подробныя, дающія обильный матеріалъ для поэтической фантазіи. Еще болѣе подобныхъ поэтическихъ подробностей являлось въ разныхъ пророческихъ сказаніяхъ о грядущей судьбѣ міра и людей. Широко распространялись всѣ такія сочиненія у древнихъ іудеевъ, но не меньшее развитіе и распространеніе получили они и у христіанъ въ первые вѣка утвержденія новой религіи.

Событія новозавѣтной исторіи давали также не мало матеріала для возникновенія апокрифическихъ сказаній. Евангеліе и апостольскія книги въ той же степени, какъ и ветхозавѣтныя книги, возбуждали пытливую любознательность первыхъ христіанъ, и мы видимъ, что уже очень рано появляются сочиненія, дополняющія разсказъ каноническихъ книгъ. Не вполнѣ ясною представлялась исторія Самого Божественнаго Основателя новой религіи, не было, напримѣръ, ничего почти извѣстно о Его дѣтствѣ и жизни до 30 лѣтъ, и, по свидѣтельству самихъ апостоловъ, въ I в. по Р. Х. ходило много разсказовъ о Христѣ, и здѣсь-то и былъ, безъ сомнѣнія, первый источникъ апокрифическихъ новозавѣтныхъ сказаній. По новымъ изслѣдованіямъ, какъ отмѣчаетъ А. Н. Пыпинъ, кромѣ четырехъ каноническихъ, существовало болѣе тридцати евангелій апокрифическихъ: извѣстныя по упоминаніямъ у церковныхъ писателей, они большею частью не дошли до насъ или еще не найдены, сохранилось, однако, семь апокрифическихъ евангелій. Предметомъ благочестивыхъ повѣствованій, изъ которыхъ возникли апокрифы, служили факты изъ жизни апостоловъ, мучениковъ и другихъ праведниковъ: данныя, сообщаемыя каноническими книгами, казались скудными и усиленно пополнялись легендарнымъ преданіемъ. Наконецъ, особенное любопытство возбуждалось грядущей судьбой міра: какъ рядомъ съ ветхозавѣтными пророческими книгами возникали апокрифы о будущемъ царствѣ Мессіи, такъ и рядомъ съ Апокалипсисомъ апостола Іоанна появилось нѣсколько апокрифическихъ откровеній, рисовавшихъ второе при-

шествіе Христово и бѣдствія отъ антихриста, который долженъ явиться передъ страшнымъ судомъ, при чемъ антихристъ въ этихъ сказаніяхъ иногда уподобляется тому страшному великану Армиллію, который рисуется въ іудейскихъ апокрифахъ.

„Въ цѣломъ,—говоритъ А. Н. Пыпинъ,—апокрифическая литература представляетъ собою богатый религіозный эпосъ съ длинной, литературной исторіей. Исходя изъ ветхозавѣтныхъ преданій, осложненный восточными сказаніями, соединенный съ новозавѣтными легендами, апокрифическій эпосъ распространился вмѣстѣ съ христіанствомъ по азіатскому Востоку и европейскому Западу. Памятники этого эпоса переводились на языки народовъ, принимавшихъ христіанство; и именно потому, что въ самой основѣ ихъ были элементы народной вѣры въ чудесное, было приближеніе къ народному пониманію, были бытовыя черты, образныя предсказанія,—эти памятники становились общеизвѣстной легендой и повѣрьемъ, отражались въ литературѣ, народной поэзіи и церковномъ искусствѣ. Распространяясь путемъ книги и пересказа, апокрифическія сказанія нашли впослѣдствіи еще одинъ путь сильнаго проникновенія въ массы народныя — въ паломничествѣ, затѣмъ въ крестовыхъ походахъ: прямое посѣщеніе мѣстъ, гдѣ совершались величайшія событія Ветхаго и Новаго Завѣта, оживляло религіозныя представленія и, въ особенности, давало силу апокрифической легендѣ; часто она оправдывалась наглядными свидѣтельствами мѣстныхъ святынь и разсказовъ. Такимъ образомъ не только въ книжнической, но и въ народной средѣ укрѣплялось обильное содержаніе легенды, которая затѣмъ испытывала въ разныхъ условіяхъ новыя развитія и осложненія, воспринимая черты мѣста и времени, отражаясь и въ высшихъ областяхъ литературы и искусства, и въ поэзіи, и въ преданіяхъ народной массы“.

„Тотъ живой интересъ, какой возбуждали произведенія апокрифической литературы у насъ, какъ въ свое время на всемъ средневѣковомъ Востокѣ и Западѣ, объясняется состояніемъ религіозной мысли. Апокрифы создавались въ такое время, которое было исполнено глубокой вѣры, но и — легковѣрія. Въ основѣ многихъ изъ этихъ произведеній лежало готовое народное преданіе; а если работала личная фантазія, то въ духѣ того же религіозно - поэтическаго творчества. Разъ занесенное въ книгу, сказаніе легко распространялось въ средѣ, такимъ же образомъ настроенной, особенно въ тѣ времена, когда каноническое и не каноническое еще мало различались. Содержаніе сказаній было таково, что не могло не увлекать благочестиваго и любознательнаго читателя и, дѣйствительно, увлекало его на всемъ пространствѣ христіанскаго міра отъ Палестины и Малой Азіи до крайняго Запада Европы и отъ Эфіопіи до скандинавскаго и русскаго Сѣвера; исторія апокрифической литературы обнимаетъ всѣ христіанскія страны, лежавшія въ этихъ предѣлахъ, и даже переходитъ ихъ. Апокрифическія книги повторяли автори-



Изъ Апокалипсиса.

тетную форму книгъ самого св. писанія. Во главѣ ихъ стояли тѣ же священныя имена: книга Еноха, Завѣты двѣнадцати патріарховъ, исторія Моисея, Давидъ, Соломонъ, пророки — съ новыми чудесными сказаніями и прореченіями; въ Новомъ Завѣтѣ — нѣсколько новыхъ евангелій сверхъ извѣстныхъ четырехъ, съ именами Іакова, Никодима, Ѳомы; исторіи апостоловъ. Тонъ былъ тотъ же библейскій и евангельскій—та же возвышенная простота, то же важное пророческое, иногда загадочное слово. Если уже эта внѣшность производила впечатлѣніе, то самые разсказы представлялись какъ бы необходимымъ добавленіемъ къ тому, что не было досказано въ библейскихъ книгахъ и что было, однако, исполнено величайшаго интереса для вѣрующаго, который естественно стремился ближе узнать тайны творенія, недостававшія черты священной исторіи, земную жизнь Христа, тайны жизни загробной. Апокрифъ доставлялъ обо всемъ этомъ множество самыхъ завлекательныхъ, часто поразительныхъ и обыкновенно наглядныхъ подробностей. Тамъ, гдѣ библейскій и евангельскій разсказъ былъ кратокъ и гдѣ невольно возникалъ вопросъ, апокрифъ являлся, чтобы досказать то, чего не было въ священной книгѣ, и въ представленіяхъ читателя то и другое сливалось въ одну цѣльную картину. Такъ было въ первые вѣка христіанства и такъ повторялось у новыхъ народовъ, обращаемыхъ въ христіанство, у нихъ снова являлось это настроеніе глубокой вѣры, принимавшей и то, что официальная Церковь сочла, наконецъ, нужнымъ останавливать и запрещать. Едва ли сомнительно, что этому апокрифическому эпосу принадлежала немалая роль въ замѣнѣ стараго языческаго міровоззрѣнія новымъ христіанскимъ: на народныя массы должно было особенно дѣйствовать въ апокрифѣ его чудесное, трогательное и наглядное. Если въ первые вѣка по принятіи христіанства въ народныхъ массахъ повсюду больше или меньше господствовало суевѣріе съ примѣсью еще свѣжихъ воспоминаній языческихъ то позднѣе въ немъ гораздо бо́льшую долю начинаютъ занимать христіанскіе элементы въ видѣ своего рода христіанской миѳологіи, главный матеріалъ которой былъ данъ именно чудесными сказаніями отреченныхъ книгъ" *).

Церковь запрещала апокрифическія сочиненія, противорѣчившія каноническимъ книгамъ, такъ какъ этими сочиненіями часто пользовались для своихъ цѣлей разные еретики, а между тѣмъ къ апокрифамъ иногда прибавлялись анонимными авторами наставленія, внушавшія особенное къ нимъ уваженіе и невольно смущавшія простыхъ, благочестивыхъ людей. Такъ, въ одномъ апокрифѣ отъ имени Іисуса Христа говорится: „А вы же вся поминайте ихъ, а сами на грѣшника не впадайте, сами слышите: небо и земля мимо идетъ, а словеса моя не мимо идутъ. И увидите писаніе мое вы, попы и діаконы, игумены и діячки и причетники церковные, кажите сіе писа-

*) Пыпинъ. Исторія русской литературы, т. I, стр. 417, 423—425.

ніе христіанамъ, и души ихъ утверждайте, дабы покаялися, яко словесемъ симъ кто слушати не станетъ — мужъ или жена, или старъ или попъ или діаконъ, черноризцы — да будутъ преданы огню негасимому вѣчному. А кто слушаетъ словесъ моихъ и писаніе мое чтитъ, то будетъ со мною въ раю, веселящеся по всякъ день. Или кто станетъ читать сіе писаніе передъ христіаны — и душѣ спасеніе, а тѣлу здравіе и отпущеніе грѣховъ". Понятно, что при интересѣ содержанія и при подобныхъ подтвержденіяхъ ихъ авторитетности, апокрифическія сказанія, приходившія къ намъ изъ южно-славянскихъ земель или, при посредствѣ паломниковъ, заносившіяся изъ Палестины и другихъ святыхъ мѣстъ, получали самое широкое распространеніе и могли оказывать сильное вліяніе на книжность и народную поэзію.

Остановимся на содержаніи нѣкоторыхъ апокрифическихъ сказаній.

Предъ нами, прежде всего, апокрифъ о сотвореніи міра и человѣка. Какъ уже было замѣчено, апокрифы зачастую были средствомъ въ рукахъ разныхъ еретиковъ, которымъ они пользовались для достиженія своихъ цѣлей, для пропаганды своего ученія. Апокрифъ о сотвореніи человѣка проникнутъ тенденціей, такъ называемой, богомильской ереси, носившей на себѣ дуалистическій оттѣнокъ. Въ основѣ дуализма лежало представленіе о борьбѣ двухъ началъ, добра и зла. Происхожденіе вселенной, по дуалистической системѣ, есть именно результатъ борьбы между этими двумя началами, и такимъ именно образомъ представляется созданіе міра въ апокрифѣ.

Богъ создалъ человѣка въ землѣ Мадіамской, взявши отъ восьми частей: отъ земли — тѣло, отъ камня — кости, отъ моря — кровь, отъ солнца — очи, отъ облака — мысль, отъ свѣта — свѣтъ, отъ вѣтра — дыханіе, отъ огня — тепло. Когда Богъ пошелъ взять отъ солнца очи, и Адамъ лежалъ на землѣ, то пришелъ къ Адаму проклятый сатана и вымазалъ его грязью. Богъ, возвратившись, увидалъ Адама въ грязи, разгнѣвался на діавола и проклялъ его. Снявши съ Адама „пакости сатанины", Господь сотворилъ изъ нихъ собаку и повелѣлъ ей стеречь Адама, а Самъ отошелъ въ горній Іерусалимъ за Адамовымъ дыханіемъ. Сатана, во второй разъ пришедшій къ Адаму, чтобы навести на него скверну, увидавъ собаку въ ногахъ Адама, испугался и, взявъ дерево, истыкалъ имъ Адама и сотворилъ въ немъ семьдесятъ недуговъ. Господь, возвратившись снова, отогналъ діавола, но недуги вошли внутрь человѣка. Затѣмъ Господь позаботился дать Адаму имя и послалъ ангела Своего взять „азъ" на востокѣ, „добро" на западѣ, „мыслете" на сѣверѣ и на югѣ, и человѣкъ былъ названъ Адамомъ. Облекши человѣка царственною властью надъ природой и „самовластью", Богъ поселилъ его въ раю, навелъ на него сонъ и создалъ изъ ребра его Еву. Во время сна Господь показалъ Адаму Свою смерть, распятіе, воскресеніе и вознесеніе на небо за $5^1/_2$ тысячъ лѣтъ: и увидѣлъ Адамъ Господа распятаго, Петра, хо-

дящаго въ Римѣ, Павла, учащаго въ Дамаскѣ и т. д. Проснувшись въ великомъ трепетѣ, Адамъ сказалъ Господу о видѣніи, и Господь объяснилъ ему, что всѣ страданія Онъ воспринялъ на Себя ради человѣка, который поэтому долженъ поскорбѣть объ этомъ. Адамъ пробылъ въ раю семь дней и этимъ прообразовалъ Господь жизнь человѣческую; десять лѣтъ исполнится „роженіе“, 20 лѣтъ „юноша“, 30 лѣтъ „свершеніе“, 40 лѣтъ „средовѣчіе“, 50 лѣтъ „сѣдина“, 60 лѣтъ „старость“, 70 лѣтъ „скончаніе“.

Въ другомъ апокрифѣ разсказывается, что Богъ отправился въ „мовницу“ (баню), вспотѣлъ тамъ, взялъ полотенце, вытеръ лицо, затѣмъ бросилъ полотенце на землю; дьяволъ подхватилъ это полотенце и сотворилъ изъ него человѣка.

Въ описаніи дѣятельности дьявола, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ апокрифѣ — несомнѣнно отраженіе дуалистическихъ идей.

Изъ апокрифовъ о первыхъ людяхъ извѣстны — „слово о Адамѣ и Евѣ“ и „о исповѣданіи Евинѣ“, близкіе другъ другу по содержанію. Проживъ 930 лѣтъ, Адамъ, разсказывается въ апокрифѣ, впалъ въ „болѣзнь чревную“, тогда какъ раньше не зналъ, что такое болѣзнь. Ужаснулся онъ и „возопилъ гласомъ веліимъ“: „соберитеся, чада мои, ко мнѣ“. Его потомки собрались и стали около него „на три страны“. Сиѳъ сказалъ Адаму, что болѣзнь, вѣроятно, происходитъ отъ печали при воспоминаніи о потерянныхъ райскихъ блаженствахъ и вызвался сходить въ рай и принести ему что-нибудь для утѣшенія. Адамъ объясняетъ, что болѣзнь его — „сердечная“, и разсказываетъ о наказаніи, которому подвергся за нарушеніе Господней заповѣди. Затѣмъ Ева съ Сиѳомъ отправляются въ рай за масличной вѣтвью, которая должна облегчить страданія Адама. При входѣ въ рай Сиѳа хочетъ пожрать звѣрь „кутурь“ (искаженное: кентавръ). Однако Сиѳъ усмиряетъ звѣря своимъ словомъ и получаетъ отъ ангела вѣтви кипариса, кедра и певга. Эти вѣтви онъ приноситъ Адаму, который плететъ себѣ изъ нихъ вѣнецъ, а затѣмъ, чувствуя приближеніе смерти, разсказываетъ о своемъ грѣхопаденіи. Подробности этого повѣствованія во многомъ оказываются добавленіемъ къ библейской исторіи: такъ, сообщается, что послѣ паденія Адама и Евы всѣ деревья лишились листьевъ, и только смоковница ихъ сохранила, а потому изъ ея листьевъ приготовлены были первыя одежды. По грѣхопаденіи прародители изгоняются изъ рая „семью свирѣпыми ангелами“; послѣ изгнанія Адамъ и Ева семь дней плачутъ, а затѣмъ они стараются найти себѣ пропитаніе, но земля даетъ имъ сорныя травы. Когда Адамъ пытается воздѣлывать землю, ему препятствуетъ діаволъ, берущій съ него рукописаніе *), т.-е. обязательство повиноваться ему. Затѣмъ была попытка

*) Въ одной раскольничьей рукописи имѣется такой разсказъ о рукописаніи Адама діаволу: „Св. ап. Вароѳломей вопроси св. ап. Андрея Первозваннаго: „како и кіимъ образомъ праотецъ нашъ Каинъ родися, и како праотецъ нашъ Адамъ рукописаніе даде діаволу?“ — „Каинъ, объясняетъ ап. Андрей, скверпавъ родися, съ 12 зміиными главами“. Адамъ, видя мученія Евы, испытываемыя ею при кормленіи грудью своего сына,

умилостивить Бога 40-дневнымъ постомъ, но при этомъ Ева чуть снова не поддалась искушенію со стороны діавола, который внушалъ ей обойти повелѣніе Адамово. По смерти Адама Ева увидала сонмъ ангеловъ, поклоняющихся его тѣлу. Богъ послалъ арх. Михаила предать землѣ тѣло Адамово, а черезъ сто дней и Евино. И съ этихъ поръ началось погребеніе людей по завѣту Божію.

Къ апокрифамъ о первыхъ людяхъ и о рукописаніи Адамовомъ примыкаетъ апокрифъ о „древѣ крестномъ", предметомъ котораго служитъ исторія трехъ деревьевъ (кипариса, кедра и певга), принесенныхъ Сиѳомъ изъ рая Адаму. Здѣсь сообщается, между прочимъ, о томъ, что въ Ветхомъ завѣтѣ эти деревья фигурировали при удаленіи Моисеемъ горечи изъ воды во время путешествія евреевъ по пустынѣ, они же были употреблены Соломономъ при постройкѣ храма Іерусалимскаго; наконецъ въ Новомъ завѣтѣ изъ нихъ сдѣлано было распинателями Христа „древо крестное".

Изъ Апокалипсиса

За апокрифами о первыхъ людяхъ идутъ апокрифическія сказанія о допотопныхъ гигантахъ - чудовищахъ, о потопѣ, а затѣмъ относительно событій послѣ потопа открывается цѣлая серія отреченныхъ сказаній—объ Авраамѣ, о Мелхиседекѣ, о сыновьяхъ Іосифа, и другія сказанія, которыя въ большей своей части вошли въ составъ Палеи. Изъ нихъ особенною извѣстностью пользовались „Завѣты 12 патріарховъ".

Содержаніемъ „Завѣтовъ" служатъ пророчества патріарховъ о мессіанскихъ временахъ и о будущихъ судьбахъ міра и человѣка, а равнымъ образомъ ихъ нравоучительныя наставленія и изреченія, обращенныя къ своимъ чадамъ. Благодаря этому нравоучительному элементу, „Завѣты" въ ряду другихъ апокрифовъ занимаютъ особо-важное мѣсто. Нравственныя наставленія патріарховъ касаются разныхъ сторонъ человѣческой жизни и поведенія: чистоты ума (завѣтъ патр. Веніамина), мужества (завѣтъ Іуды), гордости (Левія), состраданія и милосердія (патр. Завулона), просто-

---

соглашается дать рукописаніе діаволу, который подъ условіемъ этого рукописанія предлагаетъ Адаму исцѣлить Каина. Діаволъ дѣйствительно „оборвалъ дванадесять главъ зміиныхъ", положилъ ихъ „на камень", подъ которымъ заключено было рукописаніе, и бросилъ ихъ вмѣстѣ съ камнемъ въ Іорданъ. При крещеніи Іисусъ Христосъ „сокруши зміевы главы въ водѣ"; оставшаяся же каменная плита съ рукописаніемъ Адамовымъ была перенесена діаволомъ въ адъ. Во время Своего сошествія въ адъ Господь „растерза и заглади" это рукописаніе.

ты и трудолюбія (Иссахара) и т. д.; особенно важны нравоучительные завѣты Іосифа о цѣломудріи, нравственной чистотѣ и братской любви. Кромѣ того нѣкоторые завѣты (напр., Левія) касаются будущей загробной жизни.

Въ Завѣтахъ патріарховъ мы видимъ древнѣйшую форму нравоучительнаго посланія отъ отца къ сыну, которая впослѣдствіи отразилась на извѣстномъ поученіи Владимира Мономаха.

Были и еще многочисленные апокрифы, касавшіеся ветхозавѣтныхъ лицъ и событій, но о многихъ изъ нихъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, за исключеніемъ общихъ развѣ названій, сохранившихся въ индексахъ, таковы, напр., молитва Іосифа, Елдадъ и Модадъ, псалмы Соломона и др.

Изъ сохранившихся ветхозавѣтныхъ апокрифовъ наибольшій интересъ имѣютъ апокрифы о Соломонѣ. Личность этого царя-мудреца весьма интересна, между тѣмъ Библія сохранила лишь одинъ образецъ его мудраго суда. Естественно, что любознательные читатели не мирились съ такимъ скуднымъ сообщеніемъ о замѣчательной мудрости Соломона. Такимъ образомъ создалось нѣсколько апокрифическихъ сказаній, которыя объединяются подъ общимъ названіемъ „Суды царя Соломона“. Вотъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ „судовъ“ Соломона.

Нѣкій мужъ имѣлъ 3 сыновей. Умирая, отецъ завѣщалъ сыновьямъ сокровище, состоящее изъ трехъ сосудовъ, поставленныхъ одинъ надъ другимъ и зарытыхъ въ одномъ мѣстѣ. Старшій сынъ долженъ былъ взять верхній сосудъ, среднему долженъ былъ достаться средній сосудъ, а младшему — нижній. Послѣ смерти отца сыновья раскопали сокровище, при чемъ въ верхнемъ сосудѣ оказалось золото, въ среднемъ — кости, въ нижнемъ—земля. Младшіе братья были недовольны; они возстали на старшаго и обратились за рѣшеніемъ спора къ Соломону. Послѣдній разрѣшилъ споръ, сказавъ, что старшему назначено золото, и, слѣдовательно, онъ долженъ получить отцовскія деньги, среднему завѣщаны кости, т.-е. скотъ и вся челядь, а младшему отдаются виноградники, нивы и вся отцовская земля.

Интересенъ и другой судъ. Одинъ отецъ, имѣвшій 6 сыновей и дочь, завѣщалъ послѣ своей смерти „тысящу злата“ дочери, а все остальное свое имѣніе старшему сыну. Послѣ смерти отца лишенные наслѣдства сыновья обращаются къ Соломону съ просьбою о справедливомъ дѣлежѣ. Тотъ поступаетъ такъ: отсылаетъ всѣхъ дѣтей умершаго къ гробу отца и проситъ ихъ принести правую руку погребеннаго. Младшіе сыновья дѣйствительно хотѣли потревожить прахъ отца, но старшій удержалъ ихъ отъ этого. Этотъ поступокъ старшаго сына далъ поводъ Соломону заключить, что только этотъ человѣкъ законный сынъ умершаго, а прочіе—незаконныя дѣти и потому дѣйствительно не заслуживаютъ наслѣдства. Для провѣрки своего рѣшенія царь позвалъ мать тяжущихся, и она подтвердила мудрый его приговоръ.

Иллюстрации къ „Повѣсти объ Александрѣ Македонскомъ“.
(Александр'я).

 Изд. Т-ва И. Д. СЫТИНА

Весьма любопытнымъ эпизодомъ въ апокрифахъ о Соломонѣ является разсказъ о царицѣ Южской, которая пришла къ царю съ цѣлью испытать его мудрость. Привела она къ нему прекрасныхъ дѣвочекъ и мальчиковъ, одѣтыхъ въ одинаковыя платья, и просила отгадать, кто изъ нихъ мальчики и кто дѣвочки. Соломонъ приказалъ имъ умыться. Мальчики стали мыться „твердо и борзо", а дѣвочки „сладко и мягко". Подивилась царица мудрости Соломона и рѣшила вторично предложить ему ту же загадку. Соломонъ приказалъ „принести овощъ и разсыпати передъ ними". Мальчики стали собирать въ полы, а дѣвочки—въ рукава. Царица еще разъ испытываетъ Соломона на другой день, прося узнать, какіе мальчики — обрѣзанные. Соломонъ приказалъ принести „вѣнецъ святый, на которомъ написано имя Господне". Обрѣзанные стояли, а необрѣзанные пали передъ вѣнцомъ. Когда царица удалилась въ свою землю, мудрецы ея предложили „Соломоновымъ хитрецамъ" нѣсколько загадокъ, напр.: „Если на нивѣ выраступъ ножи, чѣмъ ихъ скосить?"—„Ослинымъ рогомъ".—„А развѣ у осла есть рога?"—„А гдѣ же слыхано, чтобы на нивѣ выросли ножи?"

Интересенъ также апокрифъ „О Соломонѣ и Китоврасѣ".

Соломону „бысть потреба вопросити Китовраса". Узнавъ, гдѣ живетъ онъ, мудрый царь отправляетъ туда „болярина своего лучшаго съ отроки" и велитъ имъ захватить съ собою „вино и медъ". Придя къ тремъ колодцамъ, посланные вылили въ нихъ вино и медъ. Является Китоврасъ, осушаетъ колодцы съ этими напитками и тутъ же крѣпко засыпаетъ. Посланные, находившіеся въ засадѣ, схватываютъ Китовраса и ведутъ его къ Соломону. „Нравъ же его бяше таковъ: не ходяше путемъ кривымъ, но прямымъ". Поэтому, когда онъ проходилъ по Іерусалиму, предъ нимъ должны были ломать „палаты", самъ же Китоврасъ пощадилъ домъ вдовицы. Проходя по торжищу, Китоврасъ замѣтилъ человѣка, спрашивавшаго себѣ сапоги на семь лѣтъ „и разсміяся Китоврасъ"; увидѣвъ затѣмъ мужа „ворожаща", „посміяся"; увидѣвъ свадьбу", „всплакася". Наконецъ, на третій день привели Китовраса къ Соломону. Послѣдній обращается къ нему съ просьбой относительно „очертанія святая святыхъ" (т.-е. относительно построенія храма Іерусалимскаго). Китоврасъ пообѣщалъ Соломону достать и потомъ, дѣйствительно, досталъ „ноготь малъ во имя (т.-е. по имени) шамиръ", которымъ можно рѣзать камни и стекла („шамиръ"—алмазъ). Затѣмъ Соломонъ обращается къ Китоврасу за разъясненіемъ его поступка при входѣ въ Іерусалимъ. Китоврасъ пояснилъ, что онъ „разсміяся" на человѣка, торговавшаго себѣ сапоги на 7 лѣтъ, потому, что этому человѣку не прожить и семи дней; „посміяся" надъ ворожившимъ потому, что тотъ и не догадывался о кладѣ, находящемся подъ нимъ; „всплакася надъ свадьбой, ибо жениху не прожить и 30 дней".—Апокрифъ о Китоврасѣ заканчивается тѣмъ, что Китоврасъ, „простерши крыло свое", ударилъ имъ Соломона, который вслѣдствіе этого отлетѣлъ на конецъ земли обѣтованной и только послѣ долгихъ скитаній возратился оттуда.

Остальные изъ ветхозавѣтныхъ апокрифовъ касаются пророчествъ о плѣненіи іудеевъ, о запустѣніи Іерусалима; въ нѣкоторыхъ передаются видѣнія пророковъ, напр., видѣніе Исаіи; есть сказанія, повѣствующія объ откровеніяхъ пророческихъ, напр. объ откровеніяхъ Даніила, Варуха и т. д.

Есть, наконецъ, особый видъ ветхозавѣтныхъ апокрифовъ, въ которыхъ на ряду съ элементами древне-іудейской религіи встрѣчаются христіанскіе элементы. Эти смѣшанныя сказанія представляютъ собой переходную ступень отъ ветхозавѣтныхъ апокрифовъ къ новозавѣтнымъ.

Изъ апокрифовъ, примыкающихъ къ новозавѣтной исторіи, остановимся прежде всего, на „Сказаніи Афродитіана о чудѣ въ Персидской землѣ". Это сказаніе было извѣстно у насъ уже въ XIII в. и вмѣстѣ съ „Никодимовымъ Евангеліемъ" пользовалось большою популярностью. Здѣсь сообщается о томъ, какъ радовались идолы въ персидской кумирницѣ, предсказывая рожденіе Іисуса Христа. Царь персидскій, узнавъ объ этомъ, послалъ въ Іерусалимъ волхвовъ, которые и записали разсказъ о своемъ путешествіи на золотой доскѣ. Найдя Богородицу съ Младенцемъ и убѣдившись, что о нихъ именно было предсказаніе идоловъ, волхвы воздаютъ хвалу Богородицѣ: „отроча же, повѣствуется о Спаситедѣ въ апокрифѣ, сѣдяше на земли, яко второе лѣто ему, якоже самъ глаголаше, малъ прикладъ имый образъ родившія; сама же бяше высока тѣломъ, смуглъ блескъ имуще. Мы же обою обличье написано (т.-е. написанное изображеніе обоихъ) имущи, въ страну свою занесохомъ и бысть положено нашими руками... въ Діоптовѣ кумирницѣ... И взя отроча кінждо изъ насъ и подержа на руку и поклонишася ему и, цѣловавше, дахомъ ему злато и ливанъ и змюрну". Въ этомъ описаніи характернымъ представляется сообщеніе о наружности Богородицы и Спасителя, а также о томъ, что ихъ изображенія были поставлены въ персидской кумирницѣ.

Изъ другихъ новозавѣтныхъ апокрифовъ особенно распространено было въ древней Руси, благодаря подробному, яркому и по мѣстамъ поэтическому изображенію загробныхъ мученій „Хожденіе Богородицы по мукамъ".

Богородица, движимая милосердіемъ, пожелала узнать о мукахъ грѣшниковъ въ аду. По Божьему повелѣнію, архангелъ Михаилъ, въ сопровожденіи 400 ангеловъ — отъ 4-хъ странъ свѣта,—показываетъ Ей адъ и страждущихъ въ немъ грѣшниковъ. Описаніе адскихъ страданій въ апокрифѣ отличается необыкновенною яркостью красокъ. Въ одномъ мѣстѣ Богородица видитъ тьму великую, въ которой раздаются страшные вопли, это — мучатся люди, не вѣровавшіе въ Св. Троицу. Въ другомъ мѣстѣ передъ Нею огненная рѣка, въ которой погружены по поясъ проклинавшіе своихъ родителей; далѣе Она видитъ лихоимца, повѣшеннаго за ноги и терзаемаго червями, жену-сплетницу и раздорницу, повѣшенную за зубы и терзаемую змѣями, которыя выходятъ изъ ея устъ и т. д. Осмотрѣвъ всѣ муки ада, Бо-

городица сжалилась надъ грѣшниками и сказала архангелу: „Молю ти ся да вниду и азъ, да ся мучу съ христіаны, понеже нарекошася чада сына моего“. Но архангелъ отвѣтилъ, что ей должно почивать въ раю́. Тогда Богородица обращается съ мольбою къ престолу Божію и послѣ долгихъ моленій Ея и всѣхъ святыхъ и ангеловъ, Спаситель облегчаетъ муки грѣшниковъ: имъ дается покой отъ Великаго четверга до Пятидесятницы.

Въ одномъ изъ варіантовъ этого апокрифа сообщается отвѣтъ Спасителя на мольбы Богородицы о помилованіи грѣшниковъ. Для освобожденія грѣшниковъ отъ адскихъ мукъ, говоритъ Спаситель,

Изъ Апокалипсиса.

необходимо Ему еще разъ сойти на землю и въ адъ, но Богородицѣ неугодно вторичное перенесеніс Имъ крестныхъ мукъ.

Разбираемый апокрифъ интересенъ, съ одной стороны, картиннымъ изображеніемъ загробной жизни, а съ другой — тѣмъ, что онъ въ трогательныхъ чертахъ рисуетъ безграничное милосердіе Богородицы, готовой раздѣлить съ грѣшниками ихъ адскія страданія.

Интересъ къ загробной жизни, проявляющійся въ „Хожденіи Богородицы по мукамъ“, выразился и въ другихъ апокрифахъ, из-

ображающихъ, кромѣ мукъ грѣшниковъ, также и блаженное состояніе праведниковъ въ раю, таковы, напр., „Павлово видѣніе“, „сказаніе о Макаріи Римскомъ“, „о Зосимѣ“ и т. д.

Еще большее любопытство возбуждалось вопросомъ о конечной судьбѣ человѣчества, всего мира, объ антихристѣ, о страшномъ судѣ. Нѣкоторый матеріалъ для эсхатологическихъ представленій (т.-е. представленій о будущей судьбѣ мира и человѣка) можно было найти въ Апокалипсисѣ и нѣкоторыхъ твореніяхъ свв. отцовъ, одобренныхъ самою Церковью, напр., въ сочиненіяхъ св. Ефрема Сирина, Ипполита, и др. Но всѣ эти источники казались недостаточными, требующими дополненій. Эти дополненія и явились въ разныхъ легендарныхъ сказаніяхъ и въ особенности въ „Словѣ Меѳодія, епископа Патарскаго о царствіи языкъ послѣднихъ временъ, извѣстномъ сказаніи отъ перваго человѣка до послѣдняго“.

Послѣ разсказа о потомствѣ Адама и Евы, о Ноевомъ ковчегѣ, о потомствѣ Измаила и нѣкоторыхъ другихъ фактахъ св. исторіи,— разсказа, исполненнаго всякихъ баснословныхъ подробностей, неизвѣстный авторъ „Слова“ представляетъ картину развращенія, имѣющаго наступить въ послѣднія времена, и тѣхъ бѣдствій, которыя постигнутъ людей въ наказаніе за ихъ преступленія.

Любопытнымъ представляется въ „Словѣ“ повѣствованіе объ Александрѣ Македонскомъ, въ которое входятъ баснословныя подробности изъ разныхъ другихъ апокрифовъ, а также и изъ проникшихъ къ намъ изъ Византіи романовъ (напр., изъ „Александріи“). Александръ Македонскій, основавшій городъ Александрію и царствовавшій, по апокрифу, 19 лѣтъ, во время одного изъ своихъ походовъ на Востокъ дошелъ до „страны солнечной“, гдѣ жили люди нечистые— потомки Іафета. Пораженъ былъ Александръ ихъ образомъ жизни: „ядяху бо всякое животное нечисто и гнусное—мыши, кошки... мертвыя плоти человѣческія: никого не погребаху, но вся ядяху“.—Чтобы предохранить святую землю отъ оскверненія, въ случаѣ, если эти люди въ нее проникнутъ, Александръ приказалъ собрать ихъ всѣхъ вмѣстѣ и гнать „аки скотъ“ на сѣверъ, въ горы. По молитвѣ Александра, Богъ повелѣлъ горамъ около нихъ сступиться; осталось лишь небольшое отверстіе, которое Александръ закрылъ желѣзными воротами и замазалъ „сунклитомъ“ (искаженное греческое слово—„асинхитъ“), котораго „ни желѣзо ни огонь нейметъ“. Однако въ послѣднія времена за беззаконія людей Богъ откроетъ эти „горы сиверскія“ и выйдутъ изъ тѣхъ горъ со своими людьми 24 нечестивыхъ царя: Гогъ *), Магогъ, Инафаазъ, Дафафолъ и др. Они произведутъ великій переполохъ среди людей, которые въ смятеніи „начнутъ бѣгати и крытися въ горахъ и пещерахъ и въ пропастехъ земныхъ“, со страху и го-

*) «Гогъ бѣ крылатъ, держатъ его 29 человѣкъ, четырьми цѣпи распяленъ на четыре стороны, дабы не заѣлъ вси человѣки. А у иныхъ скотія ноги, песія главы, а ины о семи рукахъ».

лоду станутъ умирать, „и не будетъ кому погребати ихъ". Вышедши изъ горъ, нечестивые люди „начнутъ человѣчью плоть ясти, кровь пити, и имутъ младенцы заклати и ясти, и опустѣетъ отъ нихъ земля и не будетъ живущаго въ ней. Въ три лѣта они дойдутъ до Іерусалима и станутъ на удоли Асафатовѣ. И послетъ Господь Богъ архангела Михаила и ту побьетъ царей тѣхъ".

После этого въ Іерусалимѣ воцарится одинъ отъ „сыновъ рахилиныхъ", человѣкъ крайне нечестивый, который будетъ склонять къ своимъ порокамъ всѣхъ людей. Затѣмъ въ Царьградѣ будетъ царствовать нѣкая жена „буява и потворница", дочь діавола, именемъ Дана. Она начнетъ богохульствовать и съ нею вмѣстѣ погибнетъ Царьградъ отъ гнѣва Божія. Наконецъ, чрезъ 4 года и 40 дней „объявятся" города Харазинъ, Виѳсаида и Капернаумъ. Въ Харазинѣ отъ „черницы—дѣвы, дщери нѣкоего болярина", имѣетъ произойти „сынъ пагубѣ, окаянный сатана", который будетъ воспитываться въ Виѳсаидѣ, а въ Капернаумѣ воцарится. За царствованіемъ антихриста послѣдуетъ пришествіе Спасителя и, наконецъ, страшный судъ.

Наконецъ, намъ слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ апокрифѣ— „Бесѣда трехъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста". Содержаніемъ этого апокрифа служитъ рядъ вопросовъ и отвѣтовъ космогоническаго характера. Вотъ нѣсколько примѣровъ такихъ вопросовъ"; „Отчего ангелы сотворены? — Отъ Духа Господня, отъ свѣта и огня". „Отъ коликихъ частей Адамъ сотворенъ?"—„Отъ восьми частей: первое взято отъ земли—тѣло, второе — отъ камени — кости, отъ моря — кровь, отъ солнца — очи, отъ облака — мысли, отъ вѣтра — духъ, отъ огня — теплота, душу Господь вдохнулъ". „Сколько пробылъ Адамъ въ раю?"—„Отъ шестого часа до девятаго".

Изъ этого апокрифа узнаемъ, что великихъ островов 72, столько же языковъ, столько же и разныхъ птицъ, рыбъ и деревьевъ, а костей въ человѣкѣ 295 и столько же суставовъ. Нѣкоторые вопросы имѣютъ характеръ загадокъ, напр.: „стоитъ дубъ безъ вѣтвей и безъ корня, и пріиде къ нему нѣкто безъ ногъ, и возьметъ его безъ рукъ, и зарѣжетъ его безъ ножа, и съѣстъ его безъ зубовъ". Дубъ — человѣкъ, а придетъ къ нему смерть.

Особый отдѣлъ книгъ, включавшихся въ индексы, на ряду съ апокрифами, въ разрядъ запрещенныхъ, составляютъ, такъ называемыя, гадательныя книги.

Послѣднія стали извѣстными у насъ очень рано. Родиною ихъ была Византія, гдѣ астрологическія и гадательныя произведенія пользовались большимъ вниманіемъ. Въ нашихъ древнихъ индексахъ перечисляются соотвѣтствующія греческимъ оригиналамъ: „Мартолой, рекше астрологъ", астрономія, землемѣріе, чаровники, громники, молніяникъ, трепетникъ, лунникъ и др. Подобнаго рода книги трактовали о значеніи различныхъ примѣтъ, напр., дрожаніе мышцъ (въ

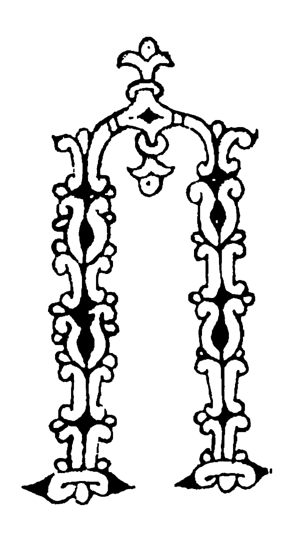
трепетникѣ), полетъ птицъ (волховникъ), того или другого расположенія звѣздъ съ точки зрѣнія наблюдателя (звѣздочтецъ) и т. п.

До нашего времени по индексамъ сохранилось весьма много названій гадательныхъ сборниковъ, но содержаніе ихъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ намъ неизвѣстно.

Гадательныя книги появились въ древней Руси очень рано и держались въ ней очень долго. Въ лѣтописи подъ 1110 г. находится запись, въ которой видны намеки на знакомство лѣтописца съ гадательнымъ сборникомъ. Такіе же намеки видимъ въ „житіи Андрея Юродиваго", гдѣ сообщается о значеніи грома и молніи. Проф. В. Н. Перетцъ, занимавшійся исторіей отреченныхъ книгъ, въ частности исторіей громника и лунника, указываетъ, что они восходятъ къ XIV в.

ГЛАВА III.

ригинальныя произведенія древнѣйшаго періода русской литературы.



ервое мѣсто между памятниками оригинальной древне-русской письменности принадлежитъ церковнымъ поученіямъ. Вообще мы съ большою вѣроятностью можемъ предполагать, что писательство въ древней Руси начато было именно духовными лицами, единственными у насъ въ то время грамотными людьми, хотя мы знаемъ и свѣтскихъ писателей, каковъ, напр., Владиміръ Мономахъ.

Лука Жидята.

Первая русская проповѣдь приписывается новгородскому епископу Лукѣ Жидятѣ (1036—1059). Она дошла до насъ въ спискахъ XIV в. въ одномъ изъ нихъ озаглавлена: „Поученіе архіепископа Луки къ ратіи“. И по изложенію и по содержанію проповѣдь епископа Луки отичается чрезвычайной простотой, которая болѣе всего подходила къ ониманію его необразованной паствы. Въ проповѣди не можемъ не амѣтить порицанія отголосковъ двоевѣрія, которое, какъ извѣстно,

долго отличало русскій народъ по принятіи имъ христіанства. Двоевѣрный характеръ религіи обратившагося въ христіанство русскаго народа объясняется тѣмъ, что христіанство принималось у насъ на первыхъ порахъ подъ давленіемъ власти; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно водворялось даже насильственно (таковы сообщенія лѣтописи о распространеніи христіанства въ Новгородѣ и др. мѣстахъ). Отсюда не всегда и не вездѣ оно усвоивалось у насъ искренно. Послѣ этого становится понятнымъ то, почему язычество съ принятіемъ христіанства не заглохло у насъ окончательно, почему оно продолжало жить и готово было вступить въ борьбу съ новой религіей. Борьба эта, дѣйствительно, была, и продолжалась она довольно долгое время. Но то была борьба тихая, выражавшаяся у насъ въ особыхъ формахъ, а именно, въ томъ, что язычество стремилось, такъ сказать, удержать себѣ мѣсто въ сознаніи русскихъ людей на ряду съ новыми христіанскими вѣрованіями. Отсюда происходило то, что рядомъ съ христіанскими молитвами существовали заговоры и молитвы языческія, рядомъ съ христіанскими вѣрованіями—языческія суевѣрія. Отголоски этой продолжительной борьбы язычества съ христіанствомъ сохранились даже до настоящаго времени.

Преп. Кириллъ Бѣлозерскій. Ум. 9 іюня 1427 г. Съ иконы, писанной при жизни его св. Діонисіемъ Глушицкимъ. Изъ изслѣдованія Н. К. Никольскаго.

Лука Жидята *), имѣя дѣло съ новообращенной полухристіанской и полуязыческой паствой, ставитъ своею задачею сообщить ей въ своей проповѣди самыя элементарныя основы христіанскаго вѣроученія и нравоученія. Для этой цѣли онъ пользуется символомъ вѣры, десятью заповѣдями, псалмами и Евангеліемъ. „Братія мои, — говоритъ онъ, — прежде всего мы, христіане, должны непоколебимо вѣровать въ единаго Бога, въ Троицѣ славимаго, въ Отца, Сына и Св. Духа, какъ насъ

*) Издавалась эта проповѣдь нѣсколько разъ; ее мы можемъ найти у Буслаева, а также въ „Памятникахъ древне-русской церковно-учительной литературы“, изд. проф. Пономарева (въ приложеніяхъ къ журналу „Странникъ“).

научили апостолы, и какъ утвердили свв. отцы. Вѣрую во единаго Бога „до конца“ *).

Таковы всѣ догматическія наставленія Луки. Здѣсь нѣтъ никакихъ богословскихъ тонкостей, а простое и краткое изложеніе церковной догматики.

Затѣмъ епископъ Лука обращается къ вопросамъ нравственнымъ и, конечно, прежде всего ему приходится говорить о христіанской молитвѣ и о томъ, какъ нужно вести себя въ церкви. „Не лѣнитесь въ церковь ходить къ заутренѣ, обѣднѣ и вечернѣ и у себя дома, собираясь спать, только тогда ложитесь въ постель, когда поклонитесь Богу. Въ церкви стойте со страхомъ и не думайте о мірскомъ“. Конечно, новгородцы не умѣли стоять въ церкви и не могли особенно ревностно относиться къ молитвѣ и къ общественному богослуженію, такъ что приведенныя солва проповѣдника вызывались самою жизнью.

Затѣмъ идетъ рѣчь объ основахъ христіанской морали. Такою основою служитъ любовь къ ближнему, и о ней говоритъ Лука вслѣдъ за наставленіемъ о молитвѣ. „Имѣйте любовь ко всѣмъ людямъ и не только на словахъ, а и въ сердцѣ; не рой брату ямы, чтобы Богъ не ввергнулъ въ нее самого тебя. Будь правдивъ и бративъ, такъ что за правду и законъ Божій не кайся (т.-е. не закаивайся, не отказывайся) положить голову... Не воздавайте зломъ за зло; не ссорь другихъ, но примиряй ихъ. Будьте милосерды къ странникамъ и нищимъ, и голоднымъ, и заключеннымъ въ темницахъ“. Отъ всѣхъ этихъ наставленій вѣетъ мягкимъ духомъ любви, новаго начала, долженствовавшаго возвысить жизнь той паствы, къ которой обращается проповѣдникъ. А паства была дикая; буйныя ссоры съ бранными словами были не рѣдкостью, и Лука долженъ былъ указать своимъ духовнымъ дѣтямъ, что слѣдуетъ воздержаться отъ „буести“, отъ гнѣва, отъ срамныхъ словъ, „помня, яко утро будете смрадъ, и гной, и червіе“. Лука въ своей проповѣди смѣло возстаетъ противъ многихъ пороковъ общественнаго характера; онъ ратуетъ, напр., противъ несправедливости, взяточничества судей, противъ сильно развитого въ то время ростовщичества; старается отвратить паству отъ суевѣрія, пьянства, нерѣдко сопровождавшагося разными, по его выра-

*) По поводу послѣднихъ словъ „до конца“ встрѣчаемъ двоякое толкованіе. По мнѣнію однихъ, эти слова принадлежатъ самому проповѣднику, который хотѣлъ въ данномъ случаѣ выразить то, что всѣмъ слѣдуетъ вѣрить до конца жизни, какъ самъ онъ вѣруетъ. По другому предположенію, за словами „Вѣрую во единаго Бога“ въ проповѣди Луки слѣдовали дальнѣйшія слова символа вѣры, и переписчики ради сбереженія мѣста, не желая цитировать всего символа, послѣ указанныхъ словъ поставили „до конца“.

Болѣе вѣроятнымъ представляется первое объясненіе: слово Луки кратко, и мы не находимъ въ немъ никакихъ повтореній, между тѣмъ въ немъ встрѣчаются такія слова: „вѣруйте въ воскресеніе и жизнь вѣчную и въ вѣчную муку грѣшниковъ“. Эти слова были бы непонятнымъ повтореніемъ въ сжатой проповѣди Луки, если бъ онъ въ началѣ своей проповѣди произнесъ весь символъ вѣры, въ послѣднихъ членахъ котораго говорится о томъ же самомъ.

женію, „бѣсовскими“ игрищами; нападаетъ на „москолудство“, объясняемое нѣкоторыми изслѣдователями именно какъ увлеченіе игрищами. Вообще „слово“ этого новгородскаго проповѣдника весьма замѣчательно по своей простотѣ и близости къ жизни, по реализму, и потому понятна причина, заставившая нашего историка, митр. Макарія, признать разсматриваемое „слово“ драгоцѣнностью нашей древней литературы.

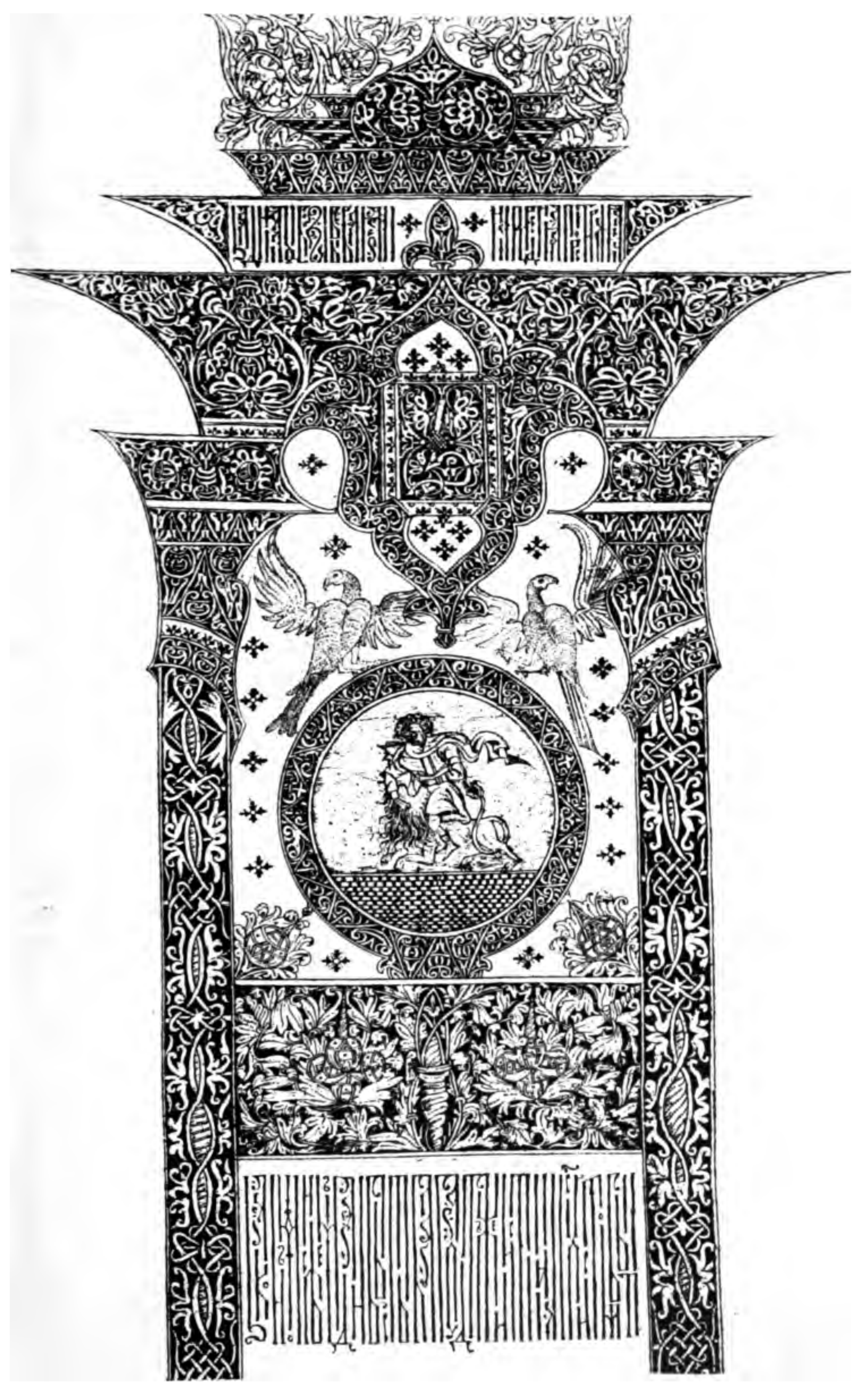
Въ лицѣ этого перваго проповѣдника г. Евсѣевъ видитъ „самородный типъ русскаго пастыря первой половины XI в.“, освоившагося съ духомъ христіанства не подъ угломъ исключительно аскетически-монашескихъ, дружинно-бытовыхъ или византійскихъ вліяній, а въ приложеніи его къ условіямъ современной дѣйствительности. То живое непосредственное отношеніе къ дѣйствительной жизни, которое проглядываетъ въ проповѣди Луки, по мнѣнію г. Евсѣева, вскорѣ заглохло подъ ударами византійскаго вліянія и смѣнилось въ нашей проповѣди искусственнымъ, книжнымъ направленіемъ.

Но съ утвержденіями г. Евсѣева относительно оригинальности проповѣдей простыхъ, безыскусственныхъ, трудно согласиться. Мы охотнѣе становимся на сторону сужденій митр. Антонія о древней русской проповѣди. По его мнѣнію, въ Византіи въ эпоху принятія нами христіанства было два направленія въ церковной проповѣди. Представители перваго направленія составляютъ простыя поучительныя слова, представителямъ второго принадлежатъ торжественныя проповѣди съ стремленіями къ красотѣ формы и риторическимъ пріемамъ. Оба эти направленія усвоены были и нашими проповѣдниками. Во главѣ перваго направленія можетъ быть поставленъ епископъ Лука, проповѣдь котораго отличается простотою, безыскусственностью и приноровленностью къ дѣйствительной жизни; во главѣ второго нашъ замѣчательный древній церковный витія — митр. Иларіонъ. По пути епископа Луки впослѣдствіи идутъ Ѳеодосій Печерскій и Серапіонъ Владимирскій, по пути Иларіона — Кириллъ Туровскій.

Митр. Иларіонъ.

Характернѣйшимъ произведеніемъ митр. Иларіона вляется „слово“ о законѣ и благодати; полное заглавіе его таково: „Слово о законѣ, Моисеомъ даннемъ, и благодати и истинѣ, Іисусъ Христомъ бывшихъ, и како законъ отъиде, благодать же и истина всю землю исполни, и вѣра во вся языки простреся и до нашего языка руськаго и похвала кагану нашему Владимиру, отъ него же крещени быхомъ, и молитва къ Богу отъ всея земли нашея“ *).

*) Подлинный текстъ „слова“ см. Хрестоматію Буслаева, издан. 1870 года, 16 — 20 стр., а также въ „Памятникахъ древне-русской церковно-учительной литературы“, изд. проф. Пономарева, т. I.



Изъ Буквицы.

„Слово“ это встрѣчается во многихъ древнихъ спискахъ (XIII в. и даже гораздо позднѣе — XVI и XVII вв.); оно пользовалось такою популярностью и уваженіемъ, что древніе наши грамотеи постоянно обращались къ нему за цитатами.

Прежде всего при изученіи этого произведенія является вопросъ: есть ли это церковная проповѣдь, произнесенная Иларіономъ, или она была только написана имъ, но не произносилась въ церкви? Митр. Макарій, имѣя въ виду обращеніе витіи къ слушателямъ въ концѣ приступа *), полагаетъ, что „слово“, вѣроятно, было произнесено въ храмѣ и именно — Десятинномъ храмѣ, гдѣ покоилось самое тѣло Владимира. „Нѣтъ сомнѣнія, — говоритъ этотъ церковный историкъ, — что благочестивый Ярославъ ежегодно совершалъ вмѣстѣ со всѣми кіевлянами память по отцѣ своемъ въ день его кончины у его гроба. Если когда, то особенно въ этотъ торжественный день, въ присутствіи самого князя съ семействомъ и при многочисленномъ стеченіи народа, прилично было возгласить похвальное слово просвѣтителю Россіи **).

Нельзя не замѣтить, что авторъ высказываетъ свое мнѣніе предположительно, да и самое мнѣніе трудно поддается провѣркѣ. Такою же апріорностью отличается и мнѣніе другого нашего историка церкви, акад. Голубинскаго, который думаетъ, что произведеніе Иларіона есть „торжественная рѣчь“. — „Но что такое торжественная рѣчь въ правленіе Ярослава?“ спрашиваетъ г. Голубинскій и даетъ на это такое поясненіе. Онъ указываетъ на существовавшій въ Византіи обычай устраивать при императорскомъ дворѣ по поводу какого-нибудь выдающагося событія торжественныя собранія съ произнесеніемъ ораторскихъ рѣчей. Такою же ораторскою рѣчью, произнесенною при княжескомъ дворѣ предъ синклитомъ и боярами, было и „слово“ Иларіона. Поводомъ же къ этому могло послужить „окончаніе одной изъ церковныхъ построекъ или, можетъ-быть, всѣхъ вмѣстѣ, такъ какъ, по лѣтописи, онѣ ведены были всѣ вмѣстѣ“ ***).

Въ виду слабой обоснованности обоихъ мнѣній гораздо болѣе надежнымъ представляется исходить изъ данныхъ самого памятника, а эти данныя таковы: сочиненіе Иларіона не называется „словомъ“; самъ онъ называетъ его писаніемъ и выражается о себѣ — „пишемъ“, чего, конечно, не могло бы случиться, если бы онъ готовилъ „слово“ для произнесенія въ церкви.

Въ виду этого намъ казалось бы болѣе вѣроятнымъ считать произведеніе Иларіона поучительнымъ посланіемъ.

---

*) Вотъ какъ читается это обращеніе: „Излагать въ семъ писаніи проповѣдь пророковъ о Христѣ и ученіе апостоловъ о будущемъ вѣкѣ было бы излишне и клонилось бы къ тщеславію. Ибо, что писано въ другихъ книгахъ и вамъ уже извѣстно, о томъ предлагать здѣсь было бы признакомъ дерзости и славолюбія“.

**) Макарій. „Ист. рус. Церкви“. Т. II, стр. 134.

***) Голубинскій. „Ист. русск. Цер.“. I т., стр. 693.

Но—вопросъ теперь — къ кому было обращено это посланіе? На это отвѣчаетъ самъ авторъ: „Не бо къ невѣдущимъ пишемъ, но прѣизлиха насыщьшемся сладости книжныя"... При невысокомъ уровнѣ христіанскаго просвѣщенія новообращеннаго народа такими людьми, „обильно насытившимися" книжной сладости, могли быть только развѣ духовныя лица, и, по всей вѣроятности, къ нимъ-то и обращается митр. Иларіонъ въ своемъ поученіи.

Составомъ публики, на которую было разсчитано произведеніе, объясняется какъ его содержаніе, такъ и внѣшній характеръ — его форма: по содержанію оно не нуждается въ крайней элементарности, какъ поученіе Луки Жидяты, а по формѣ оно должно быть образцомъ искусства, такъ какъ внимаетъ ему публика избранная и привыкшая къ книжной сладости.

Какъ видно уже изъ заглавія, поученіе состоитъ изъ 3-хъ главныхъ частей. Въ первой проповѣдникъ разсуждаетъ о превосходствѣ Христовой вѣры, какъ источника благодати и истины, предъ закономъ Моисеевымъ и говоритъ о распространеніи христіанства по всей землѣ и его утвержденіи въ русскомъ народѣ. Вторая часть заключаетъ въ себѣ восхваленіе великаго князя Владиміра, благодаря которому Русь приняла новую вѣру; въ третьей, наконецъ, части Иларіонъ обращается къ Богу съ молитвой отъ всей русской земли.

Поученіе имѣетъ цѣлью выяснить значеніе недавняго (написано поученіе между 1037 и 1050 гг.) историческаго событія, т.-е. принятія христіанства русскими, и три отдѣльныя части проповѣди тѣсно между собою связаны.

Авторъ сразу приступаетъ къ своей темѣ и съ первыхъ же словъ изображаетъ божественный характеръ новаго ученія. Онъ прославляетъ Бога, который „не презрѣлъ твари своей до конца и не попустилъ ей быть одержимой мракомъ идолопоклонства и бѣсовскимъ служеніемъ, но оправдалъ сперва племя Авраамово чрезъ скрижали и законъ, а послѣ чрезъ Сына Своего спасъ всѣ народы Евангеліемъ и крещеніемъ, вводя ихъ въ обновленіе паки-бытія, въ жизнь вѣчную. Законъ Моисея былъ предтечею благодати Христовой, и выясняя въ первой части своего поученія превосходство благодати, или Христова ученія, надъ закономъ, т.-е. Ветхимъ Завѣтомъ, митр. Иларіонъ указываетъ, что послѣдній былъ только отраженіемъ („стѣнью") истины, такъ какъ былъ данъ только на время, являлся подготовкой къ царству благодати, а кромѣ того, онъ былъ данъ однимъ іудеямъ, тогда какъ вѣра христіанская распространилась на множество народовъ, благодать исполнила всю землю и покрыла ее, какъ вода морская. Излагая эти мысли, авторъ прибѣгаетъ къ параллелямъ, которыя, конечно, должны были быть понятными людямъ, насытившимся книжной сладостью: Новый Завѣтъ уподобляется свободной Саррѣ, а Ветхій—рабынѣ Агари, и какъ сынъ свободной, Исаакъ, несмотря на то, что родился позже Измаила, сына рабыни,

сталъ выше его, такъ и Новый Завѣтъ выше Ветхаго; другая параллель касается Іосифовыхъ сыновей, Ефрема и Манассіи, изъ которыхъ послѣдній долженъ былъ по отцовскому благословенію уступить свое старшинство первому,—таково же отношеніе закона и благодати; припоминается также исторія Гедеона и руна орошеннаго и бесѣда Іисуса Христа съ самарянкою. Особеннымъ одушевленіемъ отличается рѣчь Иларіона въ первой части, когда онъ прославляетъ Спасителя, а также, когда говоритъ о распространеніи христіанства на Руси. „Вотъ уже и мы, радостно заявляетъ онъ, со всѣми христіанами славимъ Святую Троицу, а Іудея молчитъ; Христосъ прославляется, а іудеи проклинаются; язычники приведены, а іудеи отринуты... Пуста была земля наша и изсохла; зной идолослуженія изсушилъ ее; но внезапно потекъ источникъ Евангелія и напоилъ всю землю нашу“.

Отъ этой картины вполнѣ естественнымъ является переходъ ко второй части поученія, къ похвалѣ виновнику насажденія на Руси Христовой вѣры, такъ какъ „каждая страна, городъ и народъ чтутъ и славятъ своихъ наставниковъ, которые научили ихъ православной вѣрѣ“. Иларіонъ призываетъ свою паству къ прославленію „великаго кагана Владимира“, который „уразумѣлъ суету идольскаго заблужденія и взыскалъ единаго Бога, возжелалъ сердцемъ быть христіаниномъ и обратить всю свою землю въ христіанство“. Онъ повелѣлъ своимъ подданнымъ креститься, „и ни одинъ человѣкъ не противился его благочестивому повелѣнію: крестились, если кто не по любви, то по страху къ повелѣвшему, поелику благовѣріе въ немъ соединено было съ властью... Тогда мракъ идольскій сталъ отъ насъ удаляться и появилась заря благовѣрія. Тогда тьма служенія бѣсовскаго исчезла, и освѣтило нашу землю солнце Евангелія; капища разрушены, и церкви воздвигаются, идолы низвергаются, и явились иконы святыхъ; бѣсы убѣжали, крестъ освятилъ города“... Противопоставивъ затѣмъ св. Владимира „другимъ царямъ и властителямъ, которые, видя дѣянія святыхъ мужей, не вѣровали, но еще самихъ святыхъ предавали страданіямъ и мученіямъ“, вспомнивъ Константина Великаго, которому Владимиръ равенъ умомъ, любовью къ Христу и почитаніемъ Его служителей, указавъ на свидѣтелей благовѣрія великаго князя, Иларіонъ одушевленно обращается къ восхваляемому, приглашаетъ его встать изъ гроба, чтобы порадоваться, глядя на процвѣтаніе христіанства въ русской землѣ.

Заканчивается эта вторая часть сочиненія Иларіона молитвеннымъ обращеніемъ къ св. Владимиру, чтобы онъ ходатайствовалъ предъ Богомъ за землю русскую, и съ этимъ тѣсно связывается третья часть сочиненія,—молитва къ Богу отъ всей земли русской. „Доколѣ стоитъ міръ, говорится въ молитвѣ, не наводи на насъ напасти и искушенія и не предай насъ въ руки иноплеменниковъ, да не назовется градъ твой градомъ плѣненнымъ, и стадо твое—пришельцами въ землѣ не своей; да не скажутъ вопреки намъ народы: гдѣ есть

Челобитная дьяка Григорія Всполохова царю Алексѣю Михайловичу 1672 г.

Богъ ихъ? Не попускай на насъ скорби, глада, внезапной смерти, огня, потопленія, чтобы не отпали отъ вѣры нетвердые въ вѣрѣ“ и т. д. Молитва эта весьма цѣнилась въ древнее время и была даже принята въ церковное употребленіе, какъ отмѣчаетъ митр. Макарій.

Изъ подробнаго разсмотрѣнія сочиненія митр. Иларіона можно убѣдиться, насколько оно искусно построено въ логическомъ отношеніи, какъ отдѣльныя его части, органически примыкая другъ къ другу, образуютъ стройное цѣлое; а вмѣстѣ съ тѣмъ приведенные отрывки поученія даютъ возможность видѣть, какъ силу религіознаго одушевленія автора, такъ и замѣчательное его литературное искусство, которое заслужило восторженный отзывъ даже такого строгаго судьи, какъ проф. Голубинскій, называющій „Слово“ Иларіона „самымъ блестящимъ ораторскимъ произведеніемъ, самой знаменитой и безукоризненной академической рѣчью“. Однако нужно сказать, что именно въ этой академичности и заключался главный недостатокъ проповѣдниковъ того типа, къ которому принадлежалъ Иларіонъ. Его сочиненіе пользовалось большимъ успѣхомъ въ древней Руси, много переписывалось, но читалось оно, вѣроятно, только людьми книжными, которые могли цѣнить его красоту. Массѣ народа академизмъ такихъ проповѣдниковъ, конечно, не былъ доступенъ, и для нея ближе были учители, подходившіе къ Лукѣ Жидятѣ, а изъ ихъ числа въ до-монгольскую эпоху самымъ замѣчательнымъ представляется Ѳеодосій Печерскій.

Преп. Ѳеодосій Печерскій.

Преп. Ѳеодосію приписывается 15 сочиненій, но подлинность нѣкоторыхъ изъ нихъ подвергается сомнѣнію, и безусловно принадлежащими ему считается пять поученій къ инокамъ и одно къ келарю Однако не всѣ изслѣдователи соглашаются съ тѣми доводами, которые приведены противъ принадлежности Ѳеодосію поученій къ мірянамъ, а потому мы, не разрѣшая этого спорнаго вопроса, разсмотримъ и эти послѣднія, тѣмъ болѣе, что извѣстно, что въ своей учительной дѣятельности Ѳеодосій далеко не ограничивался предѣлами своей монастырской общины. Въ его „Житіи“, написанномъ Несторомъ, сообщается, что Ѳеодосій обличалъ князя Святослава, отнявшаго кіевскій столъ у старшаго своего брата Изяслава. Ѳеодосій видѣлъ въ этомъ поступкѣ князя беззаконіе и посылалъ ему „епистоліи“ или же поручалъ приходившимъ въ монастырь вельможамъ передать свое неодобреніе князю. Впослѣдствіи онъ написалъ къ Святославу „епистолію велику зѣло, обличая того и глаголя: „Гласъ крове брата твоего вопіетъ на тя къ Богу, яко Авелева на Каина. Инѣхъ многіихъ древніихъ гонитель и убойникъ

Изъ иллюстрацій къ Апокалипсису.

(Рукопись Румянц. Музея 1708 года)

... на насъ скорби, глада, внезапной смерти, ... чтобы не отпали отъ вѣры нетвердые въ ... весьма цѣнилась въ древнее время и ... церковное употребленіе, какъ отмѣчаетъ ...

... разсмотрѣнія сочиненія митр. Иларіона можно ... искусно построено въ логическомъ отношеніи ... его части, органически примыкая другъ къ ... цѣлое; а вмѣстѣ съ тѣмъ приведенные ... возможность видѣть, какъ силу религіознаго ... такъ и замѣчательное его литературное искусство ... вызвало восторженный отзывъ даже такого строгаго ... Голубинскій, называющій „Слово“ Иларіона „самымъ ... ораторскимъ произведеніемъ, самой знаменитой и ... академической рѣчью“. Однако нужно сказать, что ... этой академичности и заключался главный недостатокъ ... проповѣдниковъ того типа, къ которому принадлежалъ Иларіонъ. Его ... пользовалось большимъ успѣхомъ въ древней Руси, много ... переписывалось, но читалось оно, вѣроятно, только людьми книжными, которые могли цѣнить его красоту. Массѣ народа академизмъ ... проповѣдниковъ, конечно, не былъ доступенъ, и для нея ... учители, подходившіе къ Лукѣ Жидятѣ, а изъ ихъ числа ... самымъ замѣчательнымъ представляется ...

Преп. Феодосій Печерскій.

Преп. Феодосію приписывается 15 сочиненій, но подлинность нѣкоторыхъ изъ нихъ подвергается сомнѣнію, и безусловно принадлежащими ему считается пять поученій къ инокамъ и одно къ келарю. Однако не всѣ изслѣдователи соглашаются съ тѣми доводами, которые приведены противъ принадлежности Феодосію поученій къ мірянамъ, а потому мы, не разрѣшая этого спорнаго вопроса, разсмотримъ и эти послѣднія, тѣмъ болѣе, что извѣстно, что въ своей учительной дѣятельности Феодосій далеко не ограничивался предѣлами своей монастырской общины. Въ его „Житіи“, ... Несторомъ, сообщается, что Феодосій обличалъ князя ...слава, отнявшаго кіевскій столъ у старшаго своего брата Изя... Феодосій ... въ этомъ поступкѣ князя беззаконіе и ... приходившимъ въ монастырь ... неодобреніе князю. Впослѣдствіи ... обличая того ... къ Богу, яко ... и убойникъ.

Изъ иллюстрацій къ Апокалипсису.
(Рукопись Румянц. Музея 1708 года).

братоненавидникъ приводя (т.-е. въ примѣръ) и притчами тому вся еже о немь указавъ и тако вписавъ и посла". Этими обличеніями Ѳеодосій вызвалъ сильный гнѣвъ Святослава, который грозилъ ему заточеньемъ; но угрозы не могли подѣйствовать на святого отшельника, и князь смирился. Изъ этого факта мы можемъ ясно видѣть, что аскетизмъ не устранялъ Ѳеодосія отъ міра, а, напротивъ, содѣйствовалъ его вліянію на міръ.

Въ своихъ поученіяхъ къ инокамъ Ѳеодосій разъясняетъ, главнымъ образомъ, общія христіанскія обязанности любви и терпѣнія, говоритъ о томъ, чтобъ иноки ходили къ церковной службѣ и вели бы себя во время ея, какъ подобаетъ, съ благочиніемъ, а также указываетъ на тѣ отступленія отъ порядка, которыя замѣчаются въ средѣ монашествующей братіи, особенно на недостатокъ смиренія и покорности. „Мы,—говоритъ Ѳеодосій,—хотимъ много воли. Егда бо година церковная позоветъ насъ на святой соборъ, и тогда сердца наши сатана омрачитъ лѣностью, яко не ити съ тщаніемъ въ церковь на святое собраніе... А о павечерницѣ нѣсть ми злѣ глаголати: колико возвѣщалъ есмь о томъ, и нѣсть послушающаго ни единаго же! И како ми молчати о томъ или не стонати?.. Колико бо лѣтъ минуло, ни единаго вижду пришедша ко мнѣ и глаголюща: како ми спастись! Но нѣсть того въ насъ никогда же обрѣсти... И се нынѣ не на укорѣніе вамъ написахъ, но убѣждаю васъ, да бысте остали отъ таковогo нерадѣнія... Молю вы, чада моя любимая и братія и отцы, воспрянемъ отъ сна лѣностнаго и не опечалѣемъ Св. Духа". Иногда братія роптала на Ѳеодосія за его благотворительность, за страннопріимство, и потому игумену приходилось указывать на непозволительность подобнаго ропота.

Изъ поученій къ мірянамъ прежде всего остановимся на томъ, которое говоритъ „о казняхъ Божіихъ" и которое, по мнѣнію акад. Голубинскаго, отстаивающаго его подлинность, могло быть написано по поводу какого-нибудь бѣдствія, постигшаго Русь. Поученіе имѣло, несомнѣнно, греческій источникъ, но приноровлено къ русской жизни. „Богъ,—говоритъ Ѳеодосій,—насылаетъ по своему гнѣву разныя казни, потому что мы не стремимся душою къ Богу; насъ соблазняютъ дьяволъ и злые люди. Богъ не хочетъ людямъ зла, а дьяволъ радуется всякому злу, которое творится среди людей: ибо онъ искони нашъ врагъ, хочетъ убійства и кровопролитія, подвигаетъ насъ на ссоры, зависть, братоненавидѣніе и клеветы. И если погрѣшитъ какая-нибудь страна, Богъ казнитъ или смертію, или голодомъ, или наведеніемъ язычниковъ, или бездождіемъ и т. п." Послѣ этихъ общихъ положеній Ѳеодосій обращается къ характеристикѣ современнаго ему двоевѣрія. „Се бо не поганскы (по-язычески) ли творимъ?" спрашиваетъ онъ. „Аще кто усрящетъ черньца или черницу, то взвращается, ли свинью, ли конь лысъ: то все не поганскы ли есть? Се бо по дьяволю наученію держатъ". Другіе „зачиханію" вѣруютъ, будто бы отъ него польза здоровью; кромѣ того, распространены „волхвова-

ніе, чародѣяніе, запойство, скоморохи, гусли, сопѣли и всякія игры и дѣла неподобныя". Особенно ярко въ этомъ поученіи обличается пьянство, которое представляется первою причиною многихъ грѣховъ. Этому же недостатку современной русской жизни посвящаетъ Θеодосій и другое поученіе, въ которомъ обличаетъ уловку пьяницъ прикрывать свое пьянство благочестіемъ. Въ Россію проникъ изъ Греціи обычай произносить на пирахъ тропари и при этомъ пить чаши въ честь Спасителя, Богородицы и святыхъ. Θеодосій ограничиваетъ число такихъ тропарей: „въ пиру,—поучаетъ онъ,—говорить чашамъ тропарей только три — передъ началомъ славится Христосъ Богъ нашъ, передъ окончаніемъ прославляется Дѣва Марія, родшая Христа Бога, а третья чаша князя, и больше не велимъ; если и поемые въ церкви тропари не рождаютъ плача, то тропари, творимые у питья, не плачъ рождаютъ, а грѣхъ и муку; говорить въ пиру многіе тропари уставили не Богу, а чреву работники, желая много пить". Затѣмъ Θеодосій сравниваетъ пьянаго съ бѣсноватымъ и находитъ, что пьяный хуже: „Бѣсноватый страдаетъ не по своей волѣ, и онъ получитъ царство небесное, а пьяный, страдая по своей волѣ, добудетъ муку вѣчную; священникъ, пришедъ къ бѣсноватому и сотворивъ молитву, прогонитъ бѣса, а къ пьяному, если бы и со всей земли собрались священники, то не прогонятъ самовольнаго бѣса запойства злого".

Кириллъ Туровскій.

Если по характеру проповѣднической дѣятельности Θеодосій Печерскій близокъ къ Лукѣ Жидятѣ, то къ митрополиту Иларіону тѣсно примыкаетъ Кириллъ, епископъ Туровскій. Подобно Иларіону, епископъ Кириллъ, былъ необыкновенно краснорѣчивымъ ораторомъ, и проповѣди его очень нравились современникамъ, такъ что многіе называли его „златословеснымъ витіей" и сравнивали съ Іоанномъ Златоустомъ. Проповѣди Кирилла, дѣйствительно, отличаются красотой и изяществомъ слога. Видно, что ораторъ не только отъ природы владѣлъ недюжиннымъ талантомъ, но и прошелъ, кромѣ того, школу высшаго риторическаго образованія. По мнѣнію акад. Голубинскаго и проф. Пономарева, св. Кириллъ стоялъ на уровнѣ современнаго ему византійскаго церковнаго краснорѣчія: у него тѣ же ораторскіе пріемы, тѣ же поэтическіе обороты рѣчи, тѣ же символы и аллегоріи, какъ и у византійскихъ проповѣдниковъ.

Сочиненія Кирилла Туровскаго по характеру своему могутъ быть раздѣлены на три группы: 1) поученія къ инокамъ, 2) поученія церковныя, обращенныя къ народу, и 3) молитвы.

Вопросъ о числѣ поученій Кирилла Туровскаго до сихъ поръ еще остается не рѣшеннымъ. Въ разныхъ изслѣдованіяхъ число это представляется не одинаковымъ: въ то время, какъ одни усваиваютъ

Кириллу до 50 поученій, другіе ограничиваютъ это число 30-ю, а иногда даже 12—10 поученіями. Въ новѣйшемъ изданіи, принадлежащемъ проф. Пономареву, мы видимъ сокращеніе того, что раньше предполагалось принадлежащимъ св. Кириллу. Прочнѣе дѣло обстоитъ съ его молитвами и канонами, число которыхъ поддается болѣе точному опредѣленію. Но во всякомъ случаѣ указанная нами классификація сочиненій св. Кирилла сохраняется при всякомъ ихъ числѣ.

Общую характеристику произведеній Кирилла Туровскаго даетъ митрополитъ Макарій. „Каждое изъ словъ св. Кирилла,—говоритъ нашъ историкъ,—начинается приступомъ, въ которомъ большею частію выражена какая-нибудь общая мысль, не всегда, впрочемъ, удачно приспособленная къ послѣдующему изложенію слова. Въ самомъ словѣ обыкновенно изъясняется предметъ праздника, раскрываются обстоятельства воспоминаемаго событія или излагается притча. При объясненіи подробностей событія или притчи проповѣдникъ почти вездѣ старается показать ихъ переносный, таинственный смыслъ, иногда естественно и вѣрно, иногда довольно принужденно и произвольно. Краткія евангельскія сказанія Кириллъ большею частію распространяетъ; нѣкоторыя простыя и несложныя событія представляетъ въ образной, драматической формѣ и въ уста дѣйствующихъ лицъ влагаетъ длинныя рѣчи и объясненія, которыя хотя, разсматриваемыя отдѣльно, иногда и прекрасны, но не всегда естественны и нерѣдко утомительны для чтенія. Всѣ слова оканчиваются или краткимъ назиданіемъ слушателямъ, или краткимъ повтореніемъ прежде сказаннаго, или молитвою къ Богу, или похвалою угодникамъ Божіимъ и молитвою къ нимъ. Вообще о словахъ святителя Туровскаго можно сказать, что отдѣльныя мѣста въ нихъ есть очень хорошія и даже прекрасныя, но цѣлаго, вполнѣ выдержаннаго и совершеннаго слова нѣтъ ни одного". Проповѣдникъ хочетъ подражать Златоусту, но у него нѣтъ того достоинства, которое отличаетъ проповѣди послѣдняго, нѣтъ общедоступности и простоты въ изложеніи и преобладающаго нравоучительнаго элемента.

Лучшими поученіями св. Кирилла нужно признать его поученія къ инокамъ. Эти поученія преслѣдуютъ двоякую цѣль: выяснить значеніе иноческой жизни и побудить слушателей къ возвышенію монастырскаго благоустройства. Отсюда и двоякій ихъ характеръ — символическій и нравственно-аскетическій. „Мысли о значеніи иночества въ его разныхъ видахъ, о значеніи иноческихъ обѣтовъ и одеждъ святитель выражаетъ въ своей любимой формѣ: въ формѣ притчи и прообразованій, которыя сопровождаетъ толкованіями. Нравственныя наставленія касательно иночества запечатлѣны зрѣлостью и опытностью высокаго подвижника".

Монашество рисуется въ поученіяхъ Кирилла высоко - поэтическими чертами. Жизнь инока представляетъ полную противоположность мірской жизни. „Инокъ пріемлетъ двоякое крещеніе: первое

общее съ мірянами — возрожденіе водою и духомъ, второе — особенное — крещеніе покаяніемъ и постриженіемъ волосъ, которымъ онъ призывается на ангельское житіе и на „немолчное съ ангелы прославленіе Бога“. Монастырь — это духовное небо, почему и иноки какъ бы парятъ подъ небесами и славословятъ Бога „купно съ ангелами“. Они ищутъ и должны искать вѣчнаго свѣта праведныхъ, къ нему устремлять свои взоры. Въ мірѣ — временный, преходящій свѣтъ, среди котораго все — тщета и суета пустая. Въ мірѣ — борьба съ грѣхомъ, въ иночествѣ — отреченіе отъ грѣха. Проповѣдникъ, изображая эту борьбу съ грѣхомъ, указываетъ на ту помощь, которая подается борющемуся иноку отъ Христа. Онъ указываетъ, какъ иночество возвращаетъ насъ къ первобытному естеству, „легкому и безстрастному“. Это естество искажено благодаря кознямъ діавола; человѣкъ находится въ плѣну духовномъ. Христосъ своими заслугами освобождаетъ его отъ этого плѣна. Но и послѣ этого избавленія есть много людей, которые не удерживаются на высотѣ призванія христіанина и погрязаютъ во тьмѣ грѣховной и для которыхъ поэтому необходимъ свѣтъ иноческаго житія.

Въ поученіяхъ епископа Кирилла къ инокамъ мы видимъ менѣе витіеватости и искусственности, чѣмъ въ его поученіяхъ мірянамъ; тонъ въ нихъ болѣе ровный и спокойный. Самъ проповѣдникъ—аскетъ, и предметъ этихъ поученій ближе и дороже его сердцу, нежели предметы другихъ его поученій.

Среди произведеній Кирилла Туровскаго особенный интересъ представляютъ составленныя имъ молитвы. Самыя обширныя и характерныя изъ нихъ тѣ, которыя положены въ церковномъ уставѣ послѣ заутрени; содержаніемъ своимъ онѣ соотвѣтствуютъ церковному значенію дней. Такъ, въ понедѣльникъ молитва обращена къ ангеламъ, во вторникъ — къ св. Іоанну Предтечѣ и т. д. Такое же практическое значеніе имѣетъ и канонъ Кирилла, дошедшій до насъ въ спискѣ XIII в.

Наиболѣе благопріятный отзывъ о молитвахъ Кирилла находимъ у проф. Пономарева, который отводитъ имъ по ихъ достоинству первое мѣсто въ ряду сочиненій епископа Кирилла. Эти молитвы, дѣйствительно, захватываютъ силою выраженнаго въ нихъ религіознаго чувства. Въ особенности это примѣнимо къ „молитвамъ на седьмицу“, въ которыхъ ярко высказывается мысль о грѣховности человѣческой природы, о полномъ извращеніи духовнаго и тѣлеснаго существа человѣка и, вслѣдствіе этого, о необходимости для него помощи Божіей. Въ человѣкѣ нѣтъ „мѣста чистаго“, „все скверна“, и его духовное разложеніе рисуется въ необыкновенно яркомъ образѣ: „На небо очима воззрѣти не смѣю, ибо тѣло злобою уязвихъ, — ни руки воздѣти на высоту: полна бо еста лихоимства, ни устну отверзти на молитву; яко злогласованіемъ слѣпистася... сердце отягчихъ многояденіемъ; душу омрачихъ немилосердіемъ; тѣло ослабихъ лѣно-

стью... и весь быхъ, яко древо неплодно, или яко храмъ пустъ, ему же на разореніе всѣ поучаются“ и т. д. Подобная „скверна“ могла бы привести человѣка въ отчаяніе, повергнуть въ сильнѣйшій пессимизмъ, но помощь Бога могущественна и милости Его неизреченны.

Въ молитвахъ Кириллъ Туровскій представляется вдохновеннымъ религіознымъ поэтомъ, и поэтическая сторона проявляется здѣсь, именно, въ картинныхъ аллегоріяхъ и символахъ.

Поученія Кирилла къ мірянамъ цѣнятся ниже вышеуказанныхъ поученій къ инокамъ. Однако и въ нихъ зачастую находимъ поэтическое воодушевленіе, искупающее недостатки искусственнаго риторизма. Нельзя, напримѣръ, не видѣть поэтическаго одушевленія въ той параллели между весною и воскресеніемъ Христа, возрождающимъ и обновляющимъ человѣчество, которая проводится въ „Словѣ на Ѳомину недѣлю“. Изъ этого слова, съ одной стороны, видно, что ораторъ не простой самоучка, а знакомъ и съ риторическими пріемами построенія рѣчи; но, съ другой стороны, замѣтно также и то, что онъ не всегда остается въ границахъ искусственнаго и безжизненнаго риторизма. Для проповѣдника пріемы остаются пріемами, но они не подавляютъ въ немъ окончательно чувства: рисуя символическую картину, ораторъ самъ воодушевляется и увлекается ею.

Къ числу риторическихъ пріемовъ, отличающихъ проповѣди св. Кирилла, относится, между прочимъ, драматизація, вводимая имъ въ свои проповѣдническія произведенія. Часто проповѣдникъ въ уста упоминаемыхъ имъ лицъ влагаетъ пространныя рѣчи, придающія поученію извѣстный драматизмъ, хотя, правда, и внѣшній. Въ данномъ случаѣ нашъ проповѣдникъ также не былъ оригинальнымъ: онъ слѣдовалъ примѣру византійскихъ церковныхъ ораторовъ, которые часто прибѣгали къ этому пріему. Примѣры такой проповѣднической драматизаціи мы можемъ видѣть въ словахъ „на недѣлю о разслабленномъ“, и „на Ѳомину недѣлю“. Въ первомъ „словѣ“ характерна рѣчь разслабленнаго, рисующая въ яркихъ образахъ тяжелое положеніе этого несчастнаго больного. Эта рѣчь—продуктъ поэтическаго творчества проповѣдника: въ св. писаніи мы ея не находимъ. Въ другомъ „словѣ“ проповѣдникъ заставляетъ говорить св. Ѳому: пространная рѣчь послѣдняго является распространеніемъ краткой евангельской записи.

Иногда проповѣдникъ въ видѣ риторическихъ пріемовъ вводитъ въ поученія притчи и аллегоріи. Изъ притчъ Кирилла Туровскаго особенно замѣчательна въ историко-литературномъ отношеніи притча „о слѣпцѣ и хромцѣ“, которая имѣетъ свой источникъ въ восточныхъ (буддійскихъ) сказаніяхъ. Содержаніе ея представляется въ слѣдующемъ видѣ:

„Былъ нѣкій человѣкъ; онъ насадилъ вертоградъ, обнесъ оградой, ископалъ точило, устроилъ и ворота, но не затворилъ входа. Воз-

вращаясь домой, онъ сказалъ: „Кого оставлю я сторожемъ моего вертограда?.. Если оставлю кого-нибудь изъ служащихъ мнѣ рабовъ, то, зная мою снисходительность, расточатъ они мое добро. Вотъ что сдѣлаю: приставлю къ воротамъ слѣпца и хромца, такъ что, если кто изъ враговъ моихъ захочетъ украсть мой виноградъ, то хромецъ увидитъ, а слѣпецъ услышитъ. Если же кто-нибудь изъ нихъ двоихъ захочетъ войти въ вертоградъ, то хромецъ, не имѣя ногъ, не можетъ проникнуть внутрь, а слѣпецъ, если и пойдетъ, то попадетъ въ пропасть и расшибется". И, посадивъ ихъ у воротъ, далъ имъ власть надъ всѣмъ, что внѣ вертограда, и пищу и одѣяніе приготовилъ неоскудно, только сказалъ: „того, что внутри вертограда, не касайтесь безъ моего повелѣнія". И послѣ того ушелъ, сказавъ, что возвратится со временемъ. Долго сидѣли они, и сказалъ слѣпецъ хромцу: „Что это за благоуханіе повѣваетъ изъ воротъ вертограда?" Отвѣчалъ хромецъ: „Внутри вертограда есть у господина нашего много добраго и несказанно пріятнаго на вкусъ. Но такъ какъ господинъ нашъ премудръ, то онъ и посадилъ тебя слѣпого и меня хромого, такъ что не можемъ достигнуть и насытиться тѣхъ добрыхъ плодовъ". А слѣпецъ сказалъ въ отвѣтъ: „Что же ты давно не сказалъ мнѣ этого, чтобы мы не оставались при одномъ желаніи, но пошли и завладѣли тѣмъ, что у насъ подъ руками? Хотя я и слѣпъ, но имѣю ноги и силенъ, могу носить и тебя и бремя; бери корзину и садись на меня; я тебя буду носить, а ты показывай мнѣ путь, и оберемъ всѣ блага господина нашего. Если же,— прибавилъ слѣпецъ, — придетъ сюда господинъ нашъ и спроситъ о воровствѣ, то я скажу: ты знаешь, господине, что я слѣпъ. Если же спроситъ тебя, ты скажи: я хромъ и не могу дойти внутрь вертограда. Такъ мы перехитримъ своего господина, и сами возьмемъ себѣ награду за сторожевую службу". И вотъ возсѣлъ хромецъ на слѣпца и, достигши внутрь вертограда, обобрали всѣ бывшіе тамъ плоды господина своего. И пришелъ человѣкъ оный и, увидѣвъ, что его вертоградъ обокраденъ, счелъ нужнымъ разлучить слѣпца отъ хромца и повелѣлъ сначала привести слѣпца, чтобъ его допросить. Когда же приведенъ былъ слѣпецъ, то послѣдовалъ допросъ. „Не поставилъ ли я тебя, — сказалъ господинъ, — какъ добраго сторожа моему вертограду; зачѣмъ же ты его обокралъ?" „Господи, — отвѣчалъ слѣпецъ, — ты знаешь, что я слѣпъ и безъ водящаго меня не вижу, куда итти; я не слыхалъ, чтобы ктонибудь шелъ мимо меня въ ворота. Но я думаю, Господи, что воровалъ хромецъ". Тогда повелѣлъ господинъ блюсти слѣпца, гдѣ самъ зналъ, пока призоветъ хромца и будетъ судить обоихъ. Затѣмъ господинъ призвалъ хромца и поставилъ его на очную ставку со слѣпцомъ, и начали обличать другъ друга. Хромецъ говорилъ слѣпцу: „Если бы ты меня не носилъ, никакъ бы я не могъ при своей хромотѣ добраться туда". Тогда господинъ сказалъ: „Какъ вы крали, такъ и теперь пусть всядетъ хромецъ на слѣпца". И тогда хромецъ всѣлъ на слѣпца, господинъ велѣлъ передъ всѣми рабами

цы древнихъ художественныхъ переплетовъ. Окладъ Мстиславова Евангелія; верхняя серебряная доска съ финифтями.

своими немилостиво казнить ихъ и мучить въ мрачной темницѣ: тамъ будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ".

„Разумѣйте же, братіе, толкованіе сей притчи. Человѣкъ домовитый — Богъ, Творецъ всяческихъ. А вертоградъ — это земля и міръ сей. А оплотъ вертограда — законъ Божій и заповѣди. А слуги, сущіе съ Господомъ — ангелы. Хромецъ — тѣло человѣка, а слѣпецъ — душа его. А что Господь посадилъ ихъ у воротъ — это значитъ, что онъ отдалъ во власть человѣка всю землю, давъ ему законъ и заповѣди. Когда же человѣкъ преступилъ заповѣдь Божію и за это осужденъ на смерть, то сначала душа его приводится къ Богу и оправдывается, говоря: не я, Господи, но тѣло согрѣшило. Поэтому и нѣтъ мученія душамъ до второго пришествія, но онѣ блюдутся, гдѣ Богъ знаетъ. Но когда Господь придетъ обновить землю и воскресить всѣхъ умершихъ, какъ предрекъ Самъ Христосъ, тогда всѣ сущіе во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія и оживутъ, и изыдутъ сотворшіе благая въ воскрешеніе живота, а сотворшіе злая — въ воскрешеніе суда. Тогда души наши внидутъ въ тѣла, и каждый получитъ воздаяніе сообразно со своими дѣлами: — праведники вѣчную жизнь, а грѣшники — безконечную, вѣчную муку".

Замѣчаемые нами у св. Кирилла символизмъ и аллегоризмъ стоятъ въ связи съ направленіемъ современной византійской проповѣднической литературы, оказавшей сильное вліяніе на нашихъ проповѣдниковъ. Проф. Пономаревъ видитъ въ этомъ достоинство проповѣдей св. Кирилла, но не ограничиваясь сопоставленіемъ изучаемыхъ проповѣдей только съ византійскими образцами, онъ проводитъ параллель дальше и считаетъ „аллегорически-символическій способъ изложенія мыслей общепринятымъ въ средневѣковыхъ литературахъ Востока и Запада"; онъ указываетъ, между прочимъ, на творца „Божественной комедіи", выражавшаго понятія вѣры и нравственности въ аллегорически-символической формѣ. Не оспаривая мнѣнія г. Пономарева о символизмѣ и аллегоризмѣ, какъ общихъ отличительныхъ чертахъ литературъ того времени, мы, однако, думаемъ, что врядъ ли такое широкое толкованіе имѣетъ какое-нибудь значеніе для объясненія нашихъ памятниковъ: Данте нашему проповѣднику не былъ извѣстенъ, и едва ли у него было какое-нибудь отношеніе къ другимъ западнымъ символистамъ.

Несомнѣнно то, что источникомъ аллегоризма и символизма какъ для западной литературы, такъ и для русской проповѣди, служила Византія, стоявшая тогда во главѣ современной культуры. Изъ этого источника, совершенно независимо другъ отъ друга, могли почерпнуть тѣ или другія литературныя настроенія какъ западная литература, такъ и русская проповѣдь. Справедливо, что и въ Россіи и въ Европѣ символизмъ и аллегоризмъ существовали одновременно; но это хронологическое совпаденіе все-таки не можетъ послужить основаніемъ къ утвержденію о зависимости одного явленія отъ другого.

Епископъ Климентъ Смолятичъ*).

Климентъ Смолятичъ **) является очень типичнымъ представителемъ нашего просвѣщенія XII в.—эпохи, непосредственно предшествовавшей татарскому погрому. Это былъ первый русскій митрополитъ, поставленный соборомъ русскихъ епископовъ безъ благословенія константинопольскаго патріарха; однако нѣкоторые русскіе епископы вслѣдствіе этого не признали за новопоставленнымъ святителемъ митрополичьяго сана, почему между ними и Климентомъ обнаружились непріязненныя отношенія; и въ княжеской средѣ не всѣ мирились съ новымъ порядкомъ поставленія Климента на митрополію.

Лѣтопись отзывается о митрополитѣ Климентѣ, какъ о книжникѣ и философѣ, какого въ русской землѣ не бывало, и сообщаетъ, что онъ оставилъ послѣ себя много литературныхъ трудовъ. Очевидно, для современниковъ Климентъ Смолятичъ былъ крупною литературной величиной, но его философскія писанія не сохранились до нашего времени. Намъ извѣстны слѣдующія его сочиненія: „Вопросы Кирика къ Нифонту и отвѣты Нифонта“ (въ этомъ сочиненіи только нѣкоторые отвѣты, несомнѣнно, принадлежатъ Клименту) „Слово о любви Климово“, хотя не рѣшено окончательно, дѣйствительно ли оно принадлежитъ ему. Самымъ важнымъ произведеніемъ Климента является „Посланіе“, въ заглавіи котораго сказано, что оно „написано Климентомъ, митрополитомъ рускымъ, Ѳомѣ пресвѵтеру, истолковано Аѳанасіемъ мнихомъ“. Первая часть „Посланія“ составляетъ какъ бы предисловіе, въ которомъ Климентъ старается оправдаться предъ пресвитеромъ Ѳомою отъ обвиненія въ гордости и исканіи славы. Вторая часть содержитъ рядъ выписокъ изъ толковыхъ сборниковъ и вопросоотвѣтовъ. Найдено и подробно описано это посланіе профессоромъ СПБ. Духовной Академіи Н. К. Никольскимъ. Г. Никольскій указалъ источники этого памятника и отмѣтилъ, что онъ написанъ въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, какъ очень многія наши древнія литературныя произведенія, напр., „Бесѣда трехъ святителей“, нѣкоторыя статьи Святославова, „Изборника 1073 г.“ „Словеса избраны“ и сборникъ „Кааѳъ“. Изъ всѣхъ этихъ произведеній наши древніе писатели въ изобиліи черпали матеріалъ для своихъ сочиненій. На произведеніяхъ Климента особенно замѣтно вліяніе „Кааѳа“. Въ упомянутомъ „Посланіи“ Климентъ обнаруживаетъ очень основательное знакомство съ твореніями отцовъ Церкви и дѣлаетъ ссылки на нѣкоторыхъ классическихъ писателей: Гомера, Платона и Аристотеля, хотя является спорнымъ вопросъ, непосредственно ли знакомъ

*) Произведенія Климента Смолятича изданы проф. Н. К. Никольскимъ.

**) Родомъ изъ Смоленска.

Климентъ Смолятичъ съ произведеніями этихъ классиковъ, или же зналъ ихъ по переводамъ и отрывкамъ, имѣя подъ руками сборники въ родѣ „Пчелы", „Тактикона" и „Пандектовъ" Никона Черногорца, извѣстные на Руси уже въ XI в.

Климентъ не былъ проповѣдникомъ въ истинномъ смыслѣ, личное творчество у него развито весьма слабо; онъ по преимуществу экзегетъ. Въ изъясненіи св. писанія онъ пользуется толкованіями блаженнаго Ѳеодорита и ираклійскаго митрополита Никиты Серрона. Климентъ стремится давать символическія толкованія, которыя получили большое распространеніе въ александрійскую эпоху развитія христіанской проповѣди; вообще проповѣдническая дѣятельность Климента находилась подъ сильнымъ вліяніемъ византійской школы; младшій современникъ Климента, Кириллъ Туровскій, уже свободно пользуется символическими пріемами, введенными Климентомъ. Что касается духа проповѣдей Климента Смолятича, то, по словамъ проф. Никольскаго, онѣ одушевлены глубокимъ чувствомъ любви къ паствѣ; образованіе Климента, любовь къ символизму, не отрывали его отъ дѣйствительности. Если Кириллъ Туровскій слишкомъ далекъ отъ жизни, то Климентъ, занимаясь вопросами философскими и богословскими, не былъ чуждъ современности.

Поученіе Владимира Мономаха.

Прежде чѣмъ разсмотрѣть остальные памятники до-монгольской духовной русской литературы, мы займемся произведеніемъ, принадлежащимъ перу свѣтскаго лица, но по характеру своему примыкающимъ къ сочиненіямъ „нравоучительнаго содержанія". Мы говоримъ о „Поученіи Владимира Мономаха", включенномъ подъ 1096 г. въ Лаврентьевскій списокъ лѣтописи. Извѣстнымъ историкомъ М. П. Погодинымъ было высказано предположеніе, что этотъ памятникъ есть не литературное поученіе, а завѣщаніе, написанное Мономахомъ для его дѣтей передъ смертью. Основывалось такое мнѣніе на томъ, что Мономахъ говоритъ, что онъ написалъ свое „поученіе", „сѣдя на санѣхъ"; это выраженіе толковалось, какъ равнозначащее выраженію „приближаясь къ смерти", на томъ основаніи, будто въ древнія времена существовалъ обычай класть умирающаго на сани. Однако, помимо того, что существованіе этого обычая не удостовѣрено, изъ дальнѣйшихъ словъ Мономаха, видно, что онъ писалъ свое произведеніе, дѣйствительно, сидя на саняхъ, такъ какъ находился „на далечи пути". Написано поученіе по частному поводу: къ Мономаху пришли послы отъ другихъ князей звать его въ походъ противъ Ростиславичей, и это обстоятельство огорчило его, потому что распря являлась нарушеніемъ крестнаго цѣлованія быть въ мирѣ, которое предъ тѣмъ дали другъ другу князья на съѣздѣ въ Любечѣ. Опе-

члененный Мономахъ взялъ Псалтирь и, найдя въ чтеніи этой божественной книги утѣшеніе, написалъ свою „грамотицу“; однако эта грамотица написана не для однихъ его дѣтей,—какъ это видно изъ его обращенія: „дѣти мои или инъ кто прочтетъ грамотицю сю“,—а разсчитана на всякихъ читателей, и такимъ образомъ, пріобрѣтая общій интересъ, становится литературнымъ произведеніемъ.

Поученіе Владимира Мономаха имѣетъ нѣкоторые литературные источники: такъ въ „Изборникѣ Святослава“ 1076 г. мы находимъ два поученія Ксенофонта и Өеодоры къ дѣтямъ, но сходство ихъ съ „По-

Образцы древнихъ переплетовъ.

ученіемъ“ Мономаха чисто внѣшнее, общность пріема обращенія къ дѣтямъ; въ апокрифическомъ сочиненіи „Завѣты 12 патріарховъ“ разсказъ патріарха Іуды о своей жизни во многомъ походитъ на автобіографическія замѣчанія Мономаха въ 3-й части его „Поученія“; наконецъ мы находимъ въ „Поученіи“ прямыя цитаты изъ Псалтири и твореній св. Василія Великаго. Этимъ ограничиваются литературныя вліянія и, какъ видно, они не особенно велики, такъ что памятникъ можетъ быть признанъ очень важнымъ для характеристики нравственныхъ воззрѣній русскаго общества до-монгольской эпохи.

Владимиръ Мономахъ пользовался особенной любовью народа, и ни объ одномъ изъ князей древняго періода мы не находимъ такого отзыва, какой даетъ о Владимирѣ лѣтописецъ. Разсказавъ о кончинѣ князя, лѣтописецъ прибавляетъ: „бысть добрый страдалецъ за роуськую землю“. Производя слово страдалецъ отъ „страда“, мы поймемъ

эту фразу такъ: „Владимиръ былъ добрымъ работникомъ на пользу русской земли“, а зная его біографію, мы согласимся со справедливостью этого отзыва: вся жизнь этого замѣчательнаго князя прошла именно въ заботахъ о благѣ русской земли, такъ какъ онъ являлся храбрымъ предводителемъ въ войнахъ противъ внѣшнихъ враговъ родины и старался устранять княжескія усобицы. Такимъ же дѣятельнымъ работникомъ представляется намъ Владимиръ и въ своихъ наставленіяхъ: онъ всѣхъ призываетъ къ труду. Нѣсколько разъ въ его „Поученіи“ повторяется, что не слѣдуетъ лѣниться. „Не лѣнитесь,—говоритъ онъ,—молиться ночью, ибо ночными поклонами и молитвой человѣкъ побѣждаетъ діавола“. Не надо лѣниться и въ дѣлахъ правленія: „вдовицу оправдите сами, а не вдавайте сильнымъ погубити человѣка“. Будьте дѣятельны и на войнѣ: „на войну вышедъ не лѣнитеся, не зрите на воеводы, ни питью, ни яденью не лагодите (не предавайтесь), ни спанью и сторожа сами наряживайте, и ночь отовсюду нарядивше около вой, тоже лязите, а рано встанете, а оружья не снимайте съ себе вборзѣ не разглядавше, нерадѣніемъ бо внезапу человѣкъ погыбаетъ“. Наконецъ не слѣдуетъ лѣниться и въ пріобрѣтеніи знаній: „его же умѣюче, того не забывайте добраго, а его же не умѣюче, а тому ся учите: яко же отецъ мой дома сѣдя изумѣяше 5 языкъ: въ томъ бо честь есть отъ инѣхъ земель. Лѣность бо всему мати, еже имѣешь, позабудешь, а его же не имѣешь, а тому ся не учишь: добрѣ же творяще не мозите ся лѣнити ни на что же доброе“.

Чтобы подтвердить это наставленіе примѣромъ, Мономахъ перечисляетъ свои походы, и оказывается, что большихъ походовъ онъ совершилъ 83, а числа малыхъ онъ въ точности даже не можетъ припомнить. Кромѣ походовъ, онъ считаетъ трудомъ и „ловы“, т.-е. охоты, такъ какъ въ его время при обиліи дикихъ звѣрей въ непроходимыхъ лѣсахъ охота была совсѣмъ не забавой, а серьезнымъ дѣломъ, часто борьбой въ цѣляхъ самозащиты. При этомъ приходилось подвергаться большимъ опасностямъ: какъ сообщаетъ Мономахъ, его и туры метали на рогахъ, и олень бодалъ, и лоси топтали ногами, и какой-то лютый звѣрь вскочилъ ему на бедра и повергнулъ его съ конемъ. Однако Богъ сохранилъ его среди такихъ опасностей, хотя онъ никогда не щадилъ своего живота. Но не въ однихъ военныхъ подвигахъ и охотѣ состояли труды Мономаха, много ему пришлось поработать и въ гражданскомъ управленіи и по хозяйственному устройству своего двора: „Еже было творити отроку моему, то самъ есмь сотворилъ дѣла, на войнѣ, и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая себѣ упокоя, на посадники не зря самъ творилъ, что было надобѣ, весь нарядъ и въ дому своемъ, то я творилъ есмь, и въ ловчіихъ ловчій нарядъ самъ есмь держалъ, и въ конюсѣхъ, и о соколѣхъ, и о ястребѣхъ, тоже и худаго смерда и убогыя вдовицы не вдалъ есмь сильнымъ обидѣти, и церковнаго наряда и службы самъ есмь призиралъ“.

Изъ всего изложеннаго мы видимъ, что Мономахъ призываетъ своихъ читателей въ неусыпному труду на пользу земли русской; но не однимъ этимъ призывомъ любопытно для насъ его „Поученіе"; оно является въ то же время показателемъ нравственнаго развитія русскаго общества, только что усвоившаго себѣ христіанское ученіе, и если можно замѣчать, что на единичный примѣръ нельзя ссылаться, что такой примѣръ могъ быть лишь свѣтлымъ исключеніемъ изъ общаго мрачнаго состоянія нравовъ, то все же приходится признать, что самая возможность подобнаго исключенія находитъ для себя объясненіе лишь въ какомъ-нибудь общемъ условіи, а таковымъ было воздѣйствіе христіанства на новообращенную среду. Положимъ, сохранялось много слѣдовъ язычества, которые пережили даже до нашего времени, и эти слѣды были сильны, но, съ другой стороны, и разсмотрѣнныя нами раньше поученія и нѣкоторые весьма яркіе факты бытовой исторіи указываютъ намъ на присутствіе въ тогдашней жизни какой-то мягкости нравственныхъ отношеній, мягкости, несомнѣнно, поощрявшейся новой христіанской проповѣдью любви.

Духомъ любви проникнуты всѣ наставленія Мономаха, и ему приходится прежде всего вооружаться противъ такого явленія, которое причиняло много зла въ его время—противъ княжескихъ междоусобій: не даромъ къ „Поученію" присоединено написанное раньше посланіе къ Олегу Святославичу, и въ этомъ посланіи Мономахъ напоминаетъ Олегу о необходимости соблюдать миръ, отречься отъ кровавой мести, чтобы „не погубить русской земли", а вмѣстѣ съ тѣмъ приводитъ замѣчательное изреченіе: „что есть добро и красно—братья вкупѣ". Братолюбіе—основная христіанская заповѣдь, и на ней настаиваетъ Мономахъ въ своихъ частныхъ наставленіяхъ. Милость Божія не требуетъ отъ насъ непремѣнно чрезвычайныхъ подвиговъ чернечества, одиночества или голода, она снискивается тремя добрыми дѣлами: покаяніемъ, слезами и милостынею, которыя „не суть тяжки". Здѣсь нѣтъ нравственной регламентаціи, не указываются всякія подробности человѣческаго поведенія, а намѣчается только въ общихъ чертахъ путь, котораго слѣдуетъ держаться. Указанныя добрыя дѣла истекаютъ изъ любви, и она же опредѣляетъ наши отношенія и къ старшимъ, и къ сверстникамъ, и къ подвластнымъ, и къ чужестранцамъ, гостямъ; наконецъ тѣмъ же высшимъ принципомъ можно объснить и происхожденіе того правила, въ которомъ Мономахъ высказываетъ отрицаніе смертной казни: „Ни права, ни крива не убивайте,—говоритъ онъ,—ни повелѣвайте убити его: аще будетъ повиненъ смерти, а душа не погубляйте никакая же христіаны". Конечно, это наставленіе истекло не изъ какихъ-нибудь юридическихъ соображеній, и если мы вспомнимъ, что даже и въ наше время въ высоко-образованныхъ странахъ смертная казнь не отвергается, несмотря на то, что есть много ученыхъ, доказывающихъ не только ея безполезность, но даже вредъ, то предъ нами съ особенной ясностью выдѣлится тотъ христіанскій духъ, который

составляетъ основу Мономахова „Поученія". Если оно—исключеніе, то все же, повторяемъ, подобное исключеніе не могло бы явиться на вполнѣ неподготовленной почвѣ, и нельзя его не принимать въ расчетъ при характеристикѣ духовной жизни тѣхъ отдаленныхъ временъ; однако нѣкоторые изслѣдователи, основываясь на произведеніяхъ нашей народной словесности и древнихъ письменныхъ памятникахъ, не видятъ въ „Поученіи" чего-либо исключительнаго, и потому оно, конечно, пріобрѣтаетъ еще большее значеніе.

Хожденіе игумена Даніила.

ъ разряду поучительной древнерусской литературы должно быть отнесено „Хожденіе игумена Даніила". „Хожденіе" дошло до насъ въ спискахъ довольно поздняго времени—отъ XIV и XV стол. По даннымъ самого памятника оно относится къ началу XII в. (1093—1113 г.). Игуменъ Даніилъ, какъ видно изъ самаго его повѣствованія, былъ въ св. землѣ въ княженіе Святополка-Михаила (1093—1113 г.). Онъ сообщаетъ о крестоносцахъ, о взятіи ими Акры, о походѣ 1106—1108 гг., упоминаетъ о Балдуинѣ („Балдвинѣ") и т. п. Словомъ, данныя для опредѣленія времени возникновенія памятника ясны и точны. Не такъ обстоитъ дѣло съ вопросомъ о личности автора „Хожденія". Опредѣленныхъ свѣдѣній о Даніилѣ, называющемъ себя игуменомъ русской земли, мы не имѣемъ. Можемъ только догадываться, что онъ происходилъ изъ Черниговской области; по крайней мѣрѣ, онъ упоминаетъ и сравниваетъ съ Іорданомъ, безъ сомнѣнія, хорошо извѣстную ему рѣку Снову (иногда онъ называетъ ее Соснова). Такая рѣка протекаетъ, какъ извѣстно, около Стародуба, Черниговской губерніи.

Какимъ путемъ совершалъ свое хожденіе Даніилъ, точно не знаемъ. По нѣкоторымъ даннымъ памятника можно полагать, что шелъ онъ черезъ Константинополь: онъ упоминаетъ, напр., о Лукоморьѣ (т.-е., вѣроятно, о Золотомъ Рогѣ) и о Великомъ морѣ (т.-е. Средиземномъ). Авторъ отмѣчаетъ островъ Родосъ, при чемъ сообщаетъ, что на этотъ островъ сосланъ былъ (XI в.) Олегъ Гориславичъ, упоминаемый въ „Словѣ о полку Игоревѣ". Упоминается въ „Хожденіи" о. Кипръ, на которомъ игуменъ видѣлъ кипарисовый крестъ, силой духа державшійся на воздухѣ; Даніилъ благоговѣйно поклонился ему. Островъ Кипръ онъ весь исходилъ. Дальнѣйшихъ замѣтокъ о маршрутѣ путешествія въ „Хожденіи" не находимъ.

По своему характеру „Хожденіе“ приближается къ дневнику путешественника-паломника. Онъ подробно описываетъ видѣнныя имъ мѣстности и достопримѣчательности, выраженію же пережитыхъ имъ чувствъ авторъ отводитъ сравнительно мало мѣста, но умѣетъ изображать ихъ въ яркихъ чертахъ. Подходя къ Іерусалиму, онъ не можетъ удержаться отъ того, чтобы не сказать нѣсколько словъ о томъ, какая великая радость наполняетъ сердце паломниковъ въ св. землѣ, достигшихъ желанной цѣли „Никто же бо можетъ,—говоритъ онъ,—не прослезитись, видѣвъ землю желанную и мѣста святыя, идеже Христосъ Богъ нашего ради спасенія походи“.

Такъ какъ цѣлью хожденія Даніила было поклоненіе св. землѣ, то вполнѣ, поэтому, естественно, что онъ исключительно интересуется тѣми предметами, которые имѣютъ религіозное значеніе и почти не обращаетъ вниманія на политическое состояніе Палестины, находившейся тогда во власти крестоносцевъ. Его вниманіе привлекаютъ храмы, ихъ живопись, иконы и различныя необыкновенныя святыни. Онъ останавливается даже на „фряжскихъ“ (т.-е. католическихъ) святыняхъ, хотя отношеніе его къ „латинамъ“ иногда нѣсколько насмѣшливое. Подробно описываетъ онъ Гробъ Господень и Голгоѳу и попутно вставляетъ замѣчаніе, стоящее въ связи съ распространенными тогда естественно-историческими свѣдѣніями,—замѣчаніе о томъ, что „пупъ земельный“ находится за алтаремъ храма Воскресенія Господня. При описаніи Голгоѳы онъ передаетъ апокрифическія подробности о томъ, что тамъ, на мѣстѣ распятія, погребена глава первозданнаго Адама. Когда Христосъ испустилъ духъ и раздралась церковная катапетасма (занавѣсъ), то кровь и вода страдальца прошли чрезъ разсѣлины въ землю и оросили голову Адама, при чемъ смытъ былъ первородный грѣхъ.

Осматривалъ игуменъ столъ Давида, на которомъ тотъ писалъ свои псалмы; сюда могъ проникнуть Даніилъ лишь съ однимъ изъ своихъ спутниковъ.

Описывая природу св. земли, Даніилъ подробно останавливается на рѣкѣ Іорданѣ. Въ Іорданъ-рѣкѣ, по его словамъ, вода мутная, сладкая, здоровая; течетъ она быстро и „лукаво“ (изворотливо); глубина ея („яко же самъ собою искусихъ и измѣрихъ“) равняется четыремъ саженямъ. Измѣрилъ онъ и ширину ея, которая оказалась одинаковой съ шириной Сновы. По берегамъ Іордана растетъ „лѣсокъ малъ, яко вербіе, есть и подобно, яко лозія, но нѣсть наша верба“. Въ описаніи іорданскихъ окрестностей авторъ упоминаетъ о „пардусахъ“ („пардусъ“—барсъ, рысь) „свиніяхъ дикихъ“ и львахъ.

Далѣе Даніилъ описываетъ Виѳлеемъ, „идеже Христосъ родися“, „путь, иже въ Галилею“, повѣствуетъ о сіонскихъ святыняхъ, о горѣ Ѳаворѣ, пещерѣ Мелхиседека и о „свѣтѣ святемъ, иже сходитъ съ небесе къ Гробу Господню“.

Довольно часто въ повѣствованіе Даніила вносятся апокрифическія подробности. Это показываетъ, что авторъ при составленіи

своего паломническаго дневника не былъ слишкомъ строгъ въ выборѣ матеріала, занося туда все, касавшееся посѣщенныхъ имъ святынь. Впрочемъ, Даніилъ всегда считаетъ необходимымъ оговориться, что сообщаетъ онъ лишь то, что представлялось его непосредственнымъ личнымъ наблюденіемъ, и это дѣлаетъ онъ затѣмъ, чтобы оградить себя отъ подозрѣній въ недостовѣрности своихъ сообщеній. Такая заботливость проистекала изъ того, что многіе паломники, не видавшіе даже св. земли, подробно сообщали о ней завѣдомо ложныя свѣдѣнія. Эта достовѣрность сообщеній Даніила ставитъ его произведеніе неизмѣримо выше другихъ подобныхъ памятниковъ.

Любопытной стороной „Хожденія" является глубокій патріотизмъ его автора. Русскій паломникъ никогда не забывалъ своей родной земли; онъ поминалъ „русскихъ князей (въ „Хожденіи" упоминаются имена 10 князей) и княгинь, епископовъ и игуменовъ, бояръ и всѣхъ христіанъ". Для Даніила всегда на первомъ планѣ— честь и благо всей русской земли; его воодушевляетъ ея единство. Съ радостью сообщаетъ онъ о томъ, какъ, благодаря позволенію короля Балдуина, онъ получилъ возможность привѣсить къ Гробу Господню „кандило отъ всея русскія земли". При этомъ онъ сообщаетъ о чудѣ схожденія огня въ пасхальную ночь: и въ то время, какъ изъ латинскихъ „кандилъ" „ни едино не возгорѣся", привѣшенное имъ кандило отъ русской земли зажглось.

Что касается отношенія нашего путешественника къ иновѣрцамъ, то оно, при всемъ его патріотизмѣ, весьма мягко. Подсмѣиваясь надъ католиками, „верещавшими", по его выраженію, при богослуженіи, онъ, однако, къ нимъ и даже къ сарацинамъ, относится справедливо. Нетерпимость, проникшая къ намъ изъ Византіи, наложившая свои слѣды уже на древнѣйшіе памятники нашей письменности (на нѣкоторыя поученія, напр., Ѳеодосія Печерскаго), ко времени Даніила, видно, не успѣла еще проявиться во всей своей силѣ.

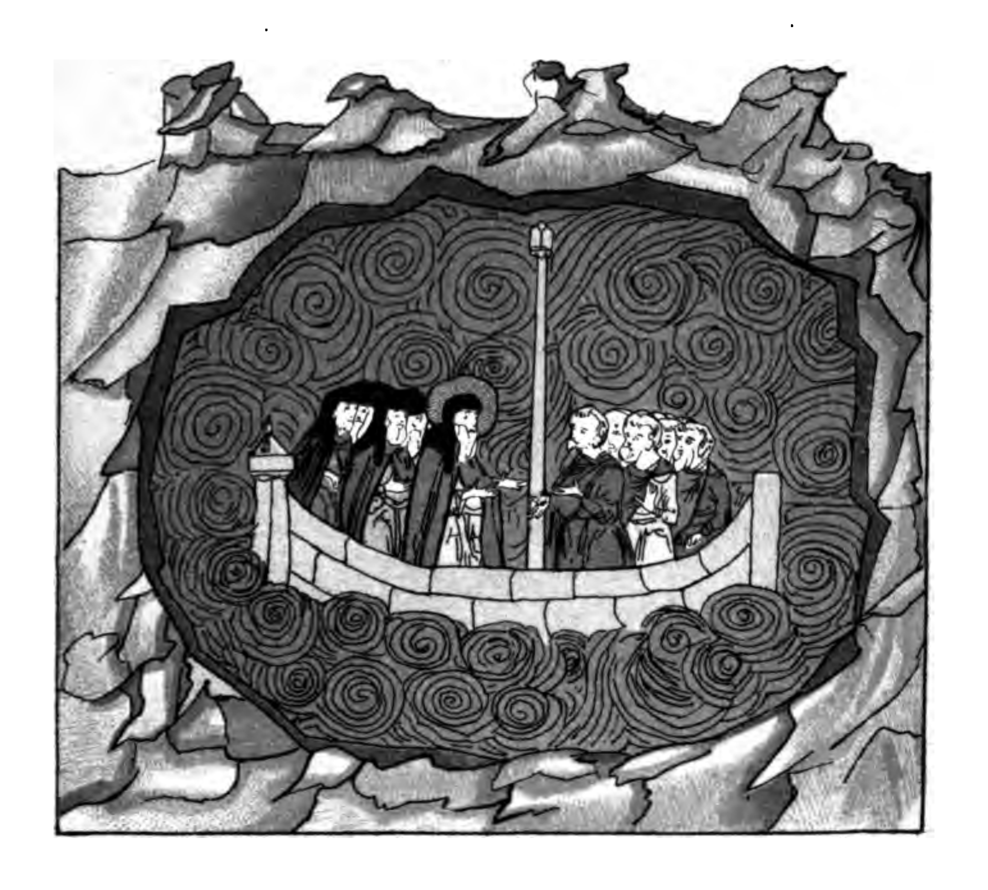
Рядомъ съ „Хожденіемъ" Даніила слѣдуетъ поставить другой подобный же памятникъ, описаніе путешествія въ Царьградъ Новгородскаго архіепископа Антонія Ядрейковича.

Путешествіе Антонія Ядрейковича *).

Судя по нѣкоторымъ фактическимъ даннымъ, находящимся въ путешествіи, написано оно послѣ 1211 года, когда Антоній, по указанію лѣтописи, ходилъ въ Царьградъ. Древнѣйшій списокъ его сочиненія, относящійся къ XVI в., озаглавленъ такъ: „Книга паломникъ зъ богомъ начинаемъ сказаніе мѣстъ святыхъ въ Царѣградѣ."

Въ своихъ паломническихъ запискахъ архіеп. Антоній даетъ очень сухое описаніе Константинополя. Если игуменъ Даніилъ рѣдко

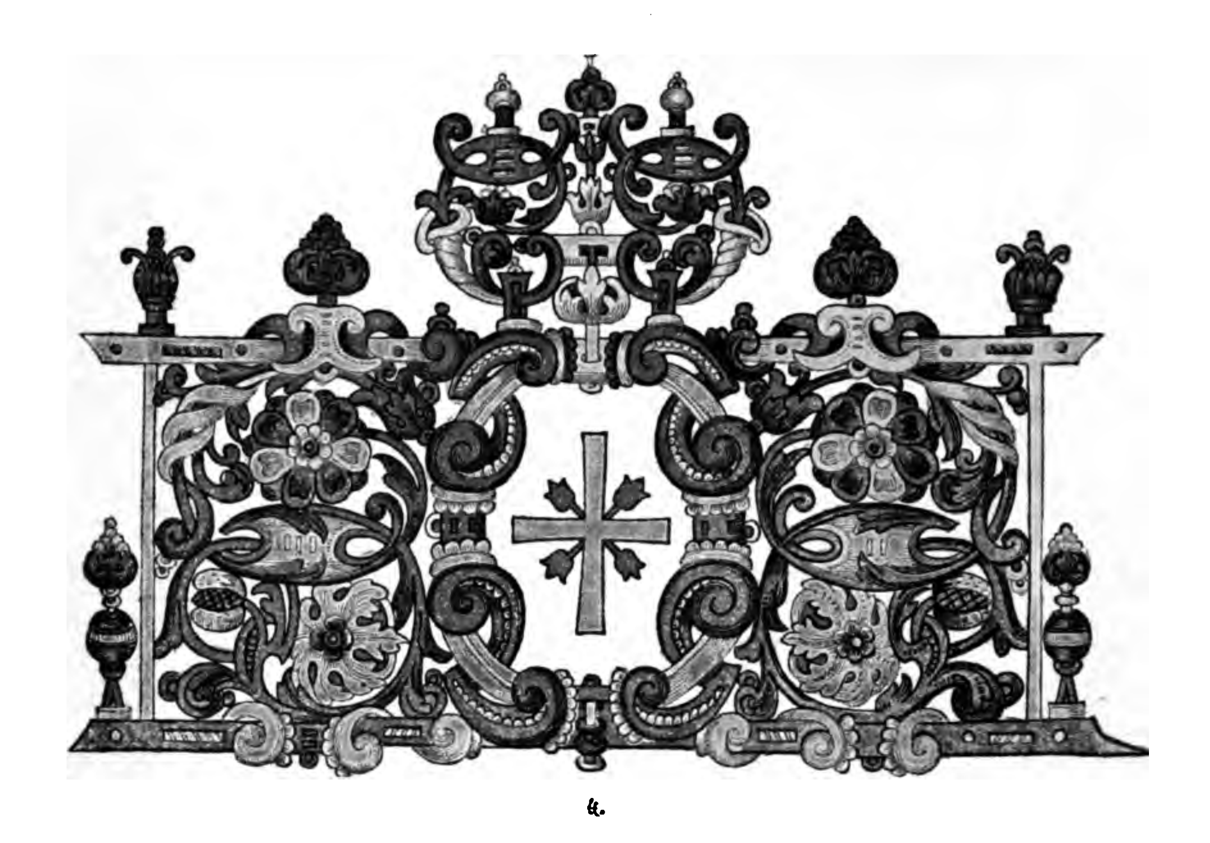
*) Издано путешествіе Антонія П. И. Савваитовымъ въ 1872 г. и Х. М. Лопаревымъ въ Правосл. Палестинскомъ сборникѣ, вып. 51.



„Алексѣй пловяше отъ Царя-града на море въ корабли и возвѣявшу вѣтру велію, и свирѣпѣющу морю возмущеніемъ, яко и кораблю бѣдне сокрушаему отъ зельнаго волненія, и всѣмъ, иже въ корабли живота отчаявшимся, и кождо о себѣ молящеся“

останавливается на изображеніи чувствъ, имъ пережитыхъ во время паломничества, то Антоній въ данномъ случаѣ еще скупѣе. Авторъ сводитъ цѣль своей записи къ тому, чтобы подѣлиться съ читателями „на память и увѣдѣніе“ полученными имъ во время своего путешествія тѣми или другими свѣдѣніями. Лишь изрѣдка обращается онъ къ читателю съ шаблонными поучительными наставленіями. Самый Царьградъ важенъ для него лишь постольку, поскольку въ немъ есть какія-нибудь святыни. Его вниманіе останавливаетъ на себѣ соборъ св. Софіи, служба въ немъ, иконы и т. д. Такъ какъ задача его—дать читателю матеріалъ „на увѣдѣніе и память“, то поэтому онъ зачастую ограничивается только однимъ, да и то не всегда полнымъ, перечнемъ видѣнныхъ имъ святынь.

Въ общемъ путешествіе Антонія менѣе интересно и менѣе важно въ литературномъ отношеніи сравнительно съ разсмотрѣннымъ „Хожденіемъ игумена Даніила“.



4.

ГЛАВА IV.

Житія святыхъ.

Обращаясь къ историческимъ сочиненіямъ до монгольской эпохи русской литературы, мы прежде всего остановимся на житіяхъ святыхъ. Это—памятники собственно духовно-поучительной письменности, но въ то же время съ исторической, біографической основой. Такимъ образомъ по характеру своего содержанія они могутъ быть разсматриваемы, какъ переходная ступень отъ поучительной церковной литературы къ литературѣ исторической.

Помимо біографическаго интереса, а также весьма существенныхъ данныхъ, касающихся бытовой обстановки древней Руси, житія заключали въ себѣ обиліе трогательнаго и назидательнаго элемента, способствовавшаго утвержденію читателей въ новой истинной вѣрѣ и укрѣпленію въ нихъ религіозной настроенности. Кромѣ того, житія, оказывая сильное вліяніе на фантазію русскаго народа, замѣтно отразились на разныхъ произведеніяхъ его творчества. Подъ вліяніемъ ихъ создавались разныя благочестивыя легенды; ихъ же вліянію обязаны своимъ происхожденіемъ многіе духовные стихи и другія народныя призведенія.

Житія святыхъ появлялись или въ видѣ отдѣльныхъ сказаній, или же въ видѣ сводовъ, сборниковъ изъ этихъ сказаній. Появлялись житія обыкновенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ былъ прославленъ святой. Еще при жизни подвижника или праведника почитатель послѣдняго собиралъ матеріалъ для его біографіи, а послѣ смерти и прославленія святого обнародывалъ этотъ матеріалъ въ „житіи".

Біографіи святыхъ на первыхъ порахъ были довольно кратки; онѣ заключали въ себѣ изложеніе фактическихъ данныхъ о святомъ, при чемъ не упускалась изъ виду цѣль прославленія святого сообщеніемъ о его чудесахъ. Часто въ житія вставлялись эпизоды обыкновенные, не чудесные, но поучительные и назидательные. Съ теченіемъ времени, не довольствуясь сообщеніемъ однихъ чудесныхъ и назидательныхъ фактовъ для прославленія и восхваленія святого, житійные писатели для той же цѣли стали вставлять въ житія цѣлыя панегирико-лирическія отступленія. Вначалѣ житія представляли изъ себя простую, не стѣсняемую никакимъ шаблономъ, запись біографа, въ XIV и XV вв. вырабатывается опредѣленная форма житійнаго шаблона.

Древнѣйшее изъ русскихъ житій, посвященное преподобному Антонію Печерскому, извѣстно намъ лишь по упоминаніямъ въ другихъ произведеніяхъ древней русской литературы, а изъ сохранившихся до насъ житій самыя старыя посвящены свв. Борису и Глѣбу, мученическая кончина которыхъ естественно привлекала къ себѣ общее вниманіе. Эти князья-мученики представлялись образцомъ трогательной братской любви, и мы имѣемъ два ихъ житія; одно написано черноризцемъ Іаковомъ, которому, кромѣ того, принадлежитъ житіе Владимира, а другое извѣстнымъ лѣтописцемъ Несторомъ. Первое изъ этихъ житій пользовалась большой популярностью, вѣроятно, вслѣдствіе того яркаго лиризма, которымъ оно проникнуто. Характеризуя христолюбивыхъ князей, Іаковъ воздаетъ имъ похвалу, замѣчая, впрочемъ, что слово его безсильно для того, чтобы достойно прославить ихъ. „Какъ похвалить васъ, говоритъ онъ, не знаю, и что сказать, недоумѣваю". Онъ называетъ ихъ ангелами, „потому что они быстро являются вблизи скорбящихъ"; они, по словамъ Іакова—цари царямъ и князья князьямъ нашимъ, ибо ихъ (Бориса и Глѣба) пособіемъ и запрещеніемъ они державно побѣждаютъ враговъ своихъ и ихъ помощью хвалятся". Въ заключеніе прославленія свв. братьевъ Іаковъ обращется къ нимъ съ моленіемъ: „О блаженные страстотерпцы Христовы! Не забывайте отечества своего... Гладъ и озлобленіе отгоните, отъ всякаго браннаго меча и междоусобныя брани избавьте насъ и заступите насъ отъ всякаго грѣхопаденія, уповающихъ на васъ". Моленіе избавить „отъ браннаго меча и междоусобныя брани" было вполнѣ естественно въ ту эпоху, когда подобныя брани составляли главное бѣдствіе, истощавшее русскую землю и, конечно, умѣстнѣе всего казалось обратиться съ этимъ моленьемъ къ тѣмъ св. князьямъ, которые явили на землѣ прекрас-

ный примѣръ братолюбія, жизнь которыхъ приводила на память ихъ біографу извѣстныя слова Священнаго Писанія: „се коль добро и коль красно, еже жити братома вкупѣ“.

Въ своемъ повѣствованіи о чудесахъ свв. Бориса и Глѣба другой ихъ біографъ, Несторъ, пользовался сочиненіемъ черноризца Іакова, но самое жизнеописаніе у него подробнѣе. Лучшимъ мѣстомъ въ немъ должно признать, какъ указываетъ митр. Макарій, характеристику св. братьевъ въ связи съ воспоминаніемъ о началѣ христіанства на Руси. Въ то время, какъ христіанство повсюду проливало лучи своего свѣта, — повѣствуется въ этой характеристикѣ, — русская земля долго погружена была въ мракъ „прелести идольской“. Но вотъ, по благоволенію Небеснаго Владыки, обладатель этой языческой страны, подъ вліяніемъ указанія свыше („Владимиру было явленіе отъ Бога“), самъ становится христіаниномъ и принимаетъ имя Василія, а затѣмъ „всѣмъ вельможамъ своимъ и всѣмъ людямъ“ повелѣваетъ креститься. „Когда дана была эта заповѣдь,—замѣчаетъ преп. Несторъ,—всѣ пошли къ крещенію и ни одинъ не сопротивлялся, какъ будто издавна были научены, и съ радостью текли на крещеніе“ *). Много было сыновей Владимира, „но между ними, какъ двѣ свѣтлыя звѣзды посреди ночи, сіяли Борисъ и Глѣбъ“. Этихъ юныхъ сыновей князь не отпустилъ въ удѣлы и держалъ ихъ при себѣ. „Блаженный Борисъ, будучи въ разумѣ и исполненный благодати Божіей, бралъ книги и читалъ... читалъ житія и мученія святыхъ“, при чемъ это чтеніе сопровождалъ слезною молитвою къ Богу. Когда онъ читалъ и молился, юный, еще не наученный грамотѣ, братъ его Глѣбъ слушалъ его, „сидя, не отлучаясь отъ блаженнаго Бориса, но съ нимъ пребывая день и ночь“. „Былъ и юнъ тѣломъ, но старъ умомъ, много подавалъ милостыни нищимъ, вдовицамъ и сиротамъ... И любилъ ихъ отецъ, видя на нихъ благодать Божію“.

Другое сочиненіе біографическаго характера, написанное Несторомъ, есть житіе преп. Θеодосія Печерскаго. Въ этомъ произведеніи есть много такихъ чертъ, которыя представляются общими для многихъ житій святыхъ: таково описаніе дѣтства Θеодосія, который уже съ самыхъ раннихъ лѣтъ оказывается предназначеннымъ къ высокому своему призванію; такова характеристика отношеній Θеодосія къ матери, которая препятствуетъ стремленіямъ его къ иноческой жизни. Эти шаблонныя черты являются причиной нѣкоторыхъ противорѣчій, встрѣчающихся въ „житіи“. Несторъ говоритъ, что Θеодосій происходилъ не изъ знатнаго рода, не отъ „властелинъ града“, а между тѣмъ изъ дѣйствій матери Θеодосія, о которыхъ повѣствуетъ Несторъ, видно, что она была богатая и вліятельная

*) Данное мѣсто, процитированное нами, замѣчательно въ томъ отношеніи, что въ лѣтописи сообщается какъ разъ противоположное этому извѣстіе о неохотномъ и подневольномъ исполненіи приказанія Владимира.

женщина (она, напр., запрещаетъ своему сыну водить дружбу съ нищей братіей, а когда онъ убѣгаетъ, въ погоню за нимъ поднимаетъ почти цѣлый городъ и т. д.). Все это даетъ основаніе предполагать, что при написаніи этого „житія“ Несторъ руководился готовыми образцами греческихъ житій святыхъ и, дѣйствительно, изслѣдованія академика Шахматова показали, что однимъ изъ такихъ образцовъ было „житіе Саввы Освященнаго“. Савва въ числѣ прочихъ обителей основалъ пещерный монастырь, своимъ названіемъ напоминавшій Нестору о собственной, дорогой его сердцу обители, а потому вполнѣ естественно было Нестору особенно заинтересоваться житіемъ этого святого и „заимствовать изъ него, какъ это подробно разъясняетъ акад. Шахматовъ, не только отдѣльныя фразы, но также и болѣе или менѣе обширные отрывки“.

Разсмотрѣнныя нами сочиненія, какъ черноризца Іакова, такъ и преп. Нестора представляютъ собой особенно распространенный въ древности типъ житій святыхъ въ формѣ отдѣльныхъ агіографическихъ сказаній. Но рядомъ съ ними отъ до-монгольской эпохи нашей литературы сохранился агіографическій памятникъ другого типа. Это Кіево-Печерскій патерикъ, представляющій собою цѣлый сводъ житій подвижниковъ, прославившихся въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ.

Кіево-Печерскій патерикъ *).

Кіево-Печерскій патерикъ возникъ первоначально изъ соединенія двухъ памятниковъ, написанныхъ въ началѣ XIII стол.: посланія Симона, еписк. Владимирскаго къ иноку Кіево-Печерскаго монастыря, Поликарпу, и изъ посланія этого послѣдняго къ его игумену, Акиндину. Къ этимъ посланіямъ въ древнихъ рукописяхъ патерика присоединялись Несторово житіе Ѳеодосія и Несторовы же, вошедшія въ составъ лѣтописи его, 3 сказанія, а именно: 1) о томъ, отчего получилъ названіе Печерскій монастырь; 2) о перенесеніи мощей Ѳеодосія Печерскаго и 3) о святыхъ первыхъ черноризцахъ Печерскихъ. Въ первомъ изъ этихъ сказаній повѣствуется объ основаніи Печерской

*) Изъ изданій Кіево-Печерскаго патерика упомянемъ слѣдующія: еще въ XVII в. стала выпускать въ свѣтъ (такъ сказать, офиціальное) изданіе патерика Кіево-Печерская лавра безъ всякаго научнаго и критическаго къ нему отношенія; критическое изданіе по рукописямъ появилось въ 60-хъ годахъ прошлаго (XIX-го) столѣтія, благодаря трудамъ одесскаго проф. Яковлева. Кромѣ того, мы имѣемъ патерикъ въ изданіи молодой ученой, М. А. Викторовой, дѣятельной труженицы на поприщѣ изслѣдованія письменныхъ памятниковъ нашей старины. Ей принадлежатъ: во-1-хъ, изданіе патерика въ имѣющемся у насъ теперь переводѣ (сдѣланномъ ею же) на русскомъ языкѣ и, во-2-хъ, изслѣдованіе о патерикѣ и его составѣ. Послѣдніе труды въ данной области принадлежатъ акад. А. А. Шахматову и проф. Д. И. Абрамовичу.

обители и о первыхъ обитателяхъ пещеръ (митр. Иларіонѣ, пр. Антоніи, объ игуменствѣ Варлаама и Ѳеодосія); во второмъ сказаніи передаются подробности обрѣтенія мощей пр. Ѳеодосія, а въ третьемъ сообщаются краткія свѣдѣнія о первыхъ подвижникахъ (іером. Даміанѣ, инокахъ Іереміи, Матѳеѣ Прозорливомъ, Исаакіи Затворникѣ). Здѣсь же мы находимъ и общую характеристику Печерской обители послѣ Ѳеодосія. „Когда Стефанъ,—разсказываетъ Несторъ, сталъ управлять монастыремъ... какъ свѣтила сіяли на Руси иноки (Печерской обители). Жили всѣ въ постоянной любви. Меньшіе покорялись старшимъ и не смѣли говорить предъ ними, но все дѣлали съ покорностью и съ великимъ послушаніемъ. Такъ и старшіе имѣли любовь къ младшимъ, научали и утѣшали, какъ дѣтей возлюбленныхъ. Если братъ впадалъ въ какое-нибудь прегрѣшеніе, другіе утѣшали его, и по великой любви своей эпитимію раздѣляли трое или четверо. Если который - нибудь братъ уходилъ изъ монастыря, вся братія сильно печалилась о томъ; посылали за ушедшимъ и, призвавши его въ монастырь, шли къ игумену, кланялись, просили за него и принимали въ монастырь съ радостью. Такіе-то были любящіе, воздержанные, постники“.

Бывали, однако, люди, которые своимъ поведеніемъ вносили нѣкоторый диссонансъ въ общій строй обители, уходя изъ нея или сами или по волѣ игумена, такъ что за нихъ приходилось ходатайствовать остальной братіи. Такимъ-то человѣкомъ, не вполнѣ мирившимся съ порядками обители, былъ и Поликарпъ, къ которому писалъ епископъ Симонъ.

Вѣроятно, подъ вліяніемъ бесѣды съ Симономъ, Поликарпъ поступилъ въ Печерскій монастырь. Его увлекали высшія духовныя стремленія. Молодой человѣкъ съ пылкой натурой, Поликарпъ твердо рѣшается оставить жизнь мірскую и вступаетъ въ монастырь; онъ ознаменовываетъ первые шаги новаго жизненнаго пути выдающимися подвигами, вызвавшими даже со стороны Симона предостереженіе, чтобы онъ въ высокомѣріи не начиналъ подвиговъ выше силъ. Но такую чистую, дѣятельную ревность по благочестивой жизни видимъ мы въ Поликарпѣ только на первыхъ порахъ. Молодая, кипучая и гордая натура скоро даетъ ему знать о себѣ: новичку-подвижнику не такъ-то оказывается легко и скоро сжиться со всѣми правилами иноческаго режима. „Ему,— говоритъ Викторова,—приходилось выдерживать постоянную борьбу своей пылкой натуры съ правилами, внушенными Симономъ. Отъ этого и замѣчаемъ мы въ характерѣ Поликарпа постоянныя противорѣчія“: то онъ кроткій, покорный, благоговѣющій предъ своимъ игуменомъ инокъ, то увѣренный въ своихъ силахъ и полный сознанія своихъ достоинствъ, высказываетъ недовольство строгими требованіями Печерскаго монастыря. Онъ недоволенъ ни уставами монастырскими ни начальниками — ихъ исполнителями. Онъ пытается даже возстановить противъ архимандрита братію. Все хотѣлось ему измѣнить, передѣлать по-своему;

„онъ задумалъ самъ сдѣлаться законодавцемъ“. Не одинъ разъ открывалась для Поликарпа возможность выйти изъ Печерскаго монастыря и получить игуменскій жезлъ. Однажды такъ дѣйствительно и случилось: Поликарпъ оставилъ лавру, но вліяніе Симона, и здѣсь взяло верхъ: Поликарпъ возвратился въ лавру. „Однако отношенія его въ этомъ монастырѣ,—говоритъ Викторова,—не измѣнились: онъ не могъ спокойно покориться начальникамъ, которыхъ не считалъ лучше себя, ни переносить обидъ отъ равныхъ. И вотъ онъ пишетъ къ своему другу и господину, епископу Симону посланіе, въ которомъ жалуется на свои огорченія и досады, и уже снова готовъ оставить свой монастырь для игуменства у св. Димитрія.

Отвѣтомъ на это не дошедшее до насъ обращеніе и является посланіе Симона, который рѣшительно увѣщаваетъ волнующагося инока покориться игумену, смирить свои самолюбивыя мечтанія. Онъ призываетъ его къ полному терпѣнію и покорности—этимъ основнымъ иноческимъ добродѣтелямъ: вѣдь однѣхъ только „чернеческихъ ризъ“ недостаточно иноку для избавленія отъ муки вѣчной. Всѣ князья, бояре и міряне высокаго мнѣнія о Печерской обители. И какой же будетъ стыдъ, если тѣ, которые „ублажаютъ инока, предварятъ его въ царствѣ небесномъ и будутъ въ покоѣ, а тотъ будетъ стонать въ мукахъ“. Симонъ уговариваетъ Поликарпа не избѣгать, ссылаясь на свою немощь, „церковнаго собранія“: вѣдь и самая усердная молитва въ келліи, чтеніе и пѣніе псалмовъ наединѣ—все это не можетъ сравняться „съ однимъ соборнымъ „Господи, помилуй“.

Напоминая Поликарпу о монашескомъ долгѣ смиренія и терпѣнія, Симонъ говоритъ, что никакіе подвиги аскетическіе не могутъ искупить нарушенія этого долга. „Будь ты постникъ, будь всегда трезвъ и нищъ, пребывай безъ сна,—говоритъ онъ,—но если оскорбленія не стерпишь, то не увидишь спасенія“. А между тѣмъ все поведеніе Поликарпа является противорѣчіемъ этой основной иноческой добродѣтели, и даже самое его желаніе уйти изъ монастыря должно быть осуждено, какъ проявленіе гордости, мятежныхъ стремленій. Ему слѣдовало бы подумать, какъ славна Печерская обитель, сколько изъ нея вышло епископовъ и знаменитыхъ подвижниковъ, угодившихъ Богу, и онъ долженъ бы считать себя счастливымъ, что принадлежитъ къ братіи такого прославленнаго монастыря. Самъ Симонъ готовъ былъ бы оставить, если бы это было возможно, святительскую власть, славную, обширную и богатую Владимирскую епархію, „лишь бы коломъ стоять за воротами, валяться соромъ въ Печерскомъ монастырѣ, или сдѣлаться однимъ изъ убогихъ, просящихъ милостыню у воротъ честной лавры“. „Я,—говоритъ Симонъ,—больше желалъ бы провести одинъ день въ дому Божіей Матери, чѣмъ жить тысячи лѣтъ въ селеніяхъ грѣшниковъ“.

Для того, чтобы подтвердить это свое высокое мнѣніе о достоинствахъ Кіево-Печерской обители, Симонъ, напоминая о томъ, что онъ уже раньше разсказывалъ Поликарпу, присоединяетъ къ

своему посланію 14 отдѣльныхъ повѣствованій о святыхъ, прославившихся въ обители, и объ ихъ чудесахъ. Вѣроятно, послѣ полученія этого посланія, Поликарпъ примирился съ игуменомъ Акиндиномъ и написалъ ему письмо, которое составило вторую часть патерика. Въ немъ Поликарпъ, въ видѣ вступленія, говоритъ о своемъ намѣреніи передать тѣ разсказы о подвигахъ Печерскихъ святыхъ, которые сообщалъ ему Симонъ. Цѣлью своихъ повѣствованій онъ ставитъ назиданіе всѣхъ будущихъ чернецовъ Лавры. За этимъ вступленіемъ излагаются 11 сказаній. Такимъ образомъ въ составъ патерика, кромѣ двухъ посланій входятъ 14 житій, составленныхъ Симономъ и 11, составленныхъ Поликарпомъ.

Много замѣчательныхъ духовныхъ подвиговъ, много чудесъ изображается въ этихъ сказаніяхъ Симона и Поликарпа, и всѣ такого рода факты должны быть свидѣтельствомъ великой славы Печерскаго монастыря. Даже самое построеніе въ немъ церкви совершилось при обстоятельствахъ чудесныхъ, но наиболѣе важнымъ для прославленія монастыря, какъ такого мѣста, въ которомъ даже погребенные здѣсь грѣшники получаютъ прощеніе отъ Бога, представляется слѣдующее сказаніе о преп. Онисифорѣ и безымянномъ недостойномъ инихѣ, которое находится въ посланіи Симона. „Во времена игуменства Пимена въ Печерскомъ монастырѣ былъ тамъ мужъ, совершенный во всякой добродѣтели, именемъ Онисифоръ, пресвитеръ саномъ. Онъ сподобился отъ Бога дара прозорливости, такъ что видѣлъ въ сердцѣ всякаго человѣка согрѣшенія его. Былъ у этого блаженнаго Онисифора сынъ духовный и другъ по любви, нѣкто изъ черноризцевъ. Онъ лицемѣрно подражалъ житію этого святого; являлся постникомъ и цѣломудреннымъ притворялся; въ тайнѣ же ѣлъ и пилъ, и худо препровождалъ лѣта жизни своей. И утаилось это отъ духовнаго того мужа, и никто изъ братій не узналъ сего. Въ одинъ день, совсѣмъ здоровый, онъ умеръ безъ причины, и такой смрадъ былъ отъ тѣла, что никто не могъ приблизиться къ нему. И страхъ напалъ на всѣхъ. Насилу вытащили его, но отпѣвать не могли: положили тѣло особо, и, ставши поодаль, творили обычное пѣніе: иные же затыкали ноздри свои. Вынесши, положили его внутри пещеры, и пошелъ такой смрадъ, что и безсловесныя бѣгали отъ пещеры той. Много разъ слышался и вопль горькій, какъ будто кто-нибудь мучилъ умершаго брата. И явился св. Антоній пресвитеру Онисифору и говорилъ ему съ угрозами: „что ты сдѣлалъ? Зачѣмъ положилъ здѣсь такого сквернаго и многогрѣшнаго, какого еще никогда не было положено! Онъ осквернилъ это святое мѣсто". Очнувшись отъ видѣнія, Онисифоръ палъ на лицо свое и молился Богу, говоря: „Господи, для чего ты сокрылъ отъ меня дѣла этого человѣка?" И, приступивъ, ангелъ сказалъ ему: „это было въ назиданіе всѣмъ согрѣшающимъ и нераскаяннымъ, чтобы, видѣвши это, покаялись". И, сказавъ это, сдѣлался невидимъ. Тогда пресвитеръ пошелъ и возвѣстилъ все это игумену Пимену. Потомъ въ другую ночь то же ви-

дѣлъ онъ: „скорѣе выбрось его вонъ на съѣденіе псамъ; недостоинъ онъ пребывать здѣсь". Пресвитеръ снова обратился на молитву, и былъ къ нему гласъ: „если хочешь, — помоги ему". Когда же на совѣтѣ съ игуменомъ рѣшили насильно привести кого-нибудь (добровольно никто не могъ приблизиться къ горѣ той, гдѣ была пещера), чтобы вытащить вонъ это тѣло, бросить его въ воду,—опять явился св. Антоній и сказалъ: „смиловался я надъ душой этого брата, потому что не могу нарушить обѣта моего: я обѣщался вамъ, что всякій, положенный здѣсь, будетъ помилованъ, хотя бы и грѣшенъ былъ. Положенные здѣсь со мною отцы не хуже бывшихъ прежде закона (въ ветхомъ завѣтѣ) и послѣ закона (въ новомъ), угодившихъ Господу моему и Пречистой Его Матери, и потому никто изъ монастыря этого не будетъ осужденъ на муку. Господь говорилъ ко мнѣ, и я слышалъ голосъ Его: „Я Тотъ, который сказалъ Аврааму: ради двѣнадцати праведниковъ Я не погублю города. Тѣмъ болѣе ради тебя и тѣхъ, которые съ тобою, помилую и спасу грѣшника: если въ твоемъ монастырѣ постигнетъ его смерть,—онъ будетъ въ покоѣ" Услышавъ это отъ святого, Онисифоръ возвѣстилъ все видѣнное и слышанное игумену и братіи. Одного изъ тѣхъ первыхъ нашелъ и я, и онъ разсказалъ мнѣ все то. Игуменъ же Пименъ въ великомъ недоумѣніи былъ отъ такой странной вещи и со слезами молилъ Бога о спасеніи души брата. И было ему отъ Бога видѣніе, и слышалъ онъ: „Такъ какъ уже здѣсь многіе грѣшные положены были, и всѣ прощены были ради угодившихъ Мнѣ святыхъ, лежащихъ въ пещерѣ сей,—и этого окаяннаго помиловалъ я ради Антонія и Θеодосія, рабовъ Моихъ, и молитвою спасшихся съ ними черноризцевъ, и вотъ тебѣ знаменіе измѣненію: смрадъ обратился въ благовоніе". Услышавъ это, игуменъ исполнился радости, созвалъ всю братію и, разсказавъ имъ о явленіи, пошелъ съ ними къ пещерѣ, чтобы увидать случившееся. И обоняли всѣ благоуханіе отъ тѣла умершаго брата, и ни малѣйшаго злосмрадія и вопля не было слышно. И всѣ насладились сладкаго запаха и прославили Бога и святыхъ его угодниковъ, Антонія и Θеодосія, за спасеніе брата".

Не останавливаясь на чисто исторической сторонѣ житій, представляющей интересъ для спеціалистовъ-историковъ, и не разсматривая въ подробностяхъ отдѣльныхъ сказаній, входящихъ въ Кіево-Печерскій патерикъ, дадимъ лишь ихъ общую характеристику. По своему изложенію они отличаются простотой и чужды какихъ-либо риторическихъ украшеній, если же обратиться къ ихъ содержанію, то, какъ весьма любопытную ихъ черту, слѣдуетъ отмѣтить въ нихъ совпаденіе различныхъ эпизодовъ съ житіями византійскими. Въ сказаніяхъ, напримѣръ, о Θеодосіи и другихъ Кіево-Печерскихъ подвижникахъ мы встрѣчаемъ повтореніе нѣкоторыхъ чудесныхъ и назидательныхъ повѣствованій, имѣющихся въ памятникахъ греческой агіографической литературы, и невольно у насъ рождаются вопросы: какъ объяснить такое совпаденіе? Съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло въ

такихъ случаяхъ? Какъ могло возникнуть здѣсь литературное заимствованіе? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, слѣдуетъ, исключая возможность сочинительства со стороны авторовъ житій, прежде всего отдѣлить эпизоды наставительные отъ чудесныхъ, и тогда, имѣя дѣло съ какимъ-либо разсказомъ о благочестивомъ подвигѣ русскаго святого, аналогичномъ съ дѣяніемъ святого греческаго, мы придемъ къ возможности двоякаго объясненія: или совпаденіе могло имѣть мѣсто въ самой дѣйствительности, и русскій подвижникъ, взявъ себѣ за образецъ извѣстнаго прославленнаго святого, въ своей житейской практикѣ повторялъ то, что было совершено его предшественникомъ; или же причиной совпаденія было своего рода литературное заимствованіе вслѣдствіе того, что благочестивая молва переносила на русскаго подвижника черты характера и дѣйствія святого греческаго. Что же касается эпизодовъ чудесныхъ, то они объясняются именно вторымъ путемъ: о святыхъ ходило много легендарныхъ разсказовъ, и, при отсутствіи критики, благочестиво-настроенная среда легко могла приписывать одному святому чудо, первоначально связанное съ именемъ другого; это былъ своеобразный религіозный эпосъ, процвѣтавшій въ извѣстныхъ центрахъ церковной жизни, и изъ этого эпоса агіографы, составители житій, вполнѣ добросовѣстно включали въ свои произведенія различные чудесные разсказы. Отмѣчая, однако, въ древнѣйшихъ житіяхъ присутствіе подобныхъ литературныхъ украшеній, мы тѣмъ не менѣе не можемъ отрицать значительной ихъ цѣнности, какъ источника историческаго: какъ показали изслѣдованія акад. В. О. Ключевскаго и въ послѣднее время проф. Д. И. Абрамовича, въ житіяхъ Кіево-Печерскаго патерика заключается множество важнѣйшихъ данныхъ для характеристики быта Кіевской Руси. Кромѣ того, слѣдуетъ сказать, что и самая литературная обработка житій имѣетъ для насъ весьма существенное значеніе: она характеризуетъ намъ міровоззрѣніе той эпохи, въ которую слагались житія, она показываетъ намъ, каковы были литературные вкусы людей того времени.

Лѣтопись.

Обратимся теперь къ одному изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ до-монгольской эпохи, который стоитъ въ чисто внѣшней связи съ размотрѣннымъ нами Кіево-Печерскимъ патерикомъ. Это наша первоначальная древняя лѣтопись, имѣющая такое заглавіе: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ черноризца Ѳедосьева Печерскаго монастыря, откуда есть пошла русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити, и откуда русская земля стала есть".

Уже въ XVIII столѣт. лѣтопись выдвигается, какъ предметъ изслѣдованій тогдашнихъ историковъ (начиная съ Татищева и Шлецера), для которыхъ она являлась если не единственнымъ, то, по крайней мѣрѣ, главнымъ источникомъ данныхъ для исторіи Кіевскаго періода Руси. Очень рано сказывается и критическое отношеніе къ ней: на очередь историческихъ изслѣдованій выдвигаются вопросы о составѣ лѣтописи, ея источникахъ и ихъ возникновеніи и т. д. Уже Татищевъ начинаетъ работать въ этомъ направленіи, пытаясь найти для себя отвѣтъ на то, кто былъ авторомъ первой на Руси лѣтописи. По его мнѣнію, самымъ первымъ лѣтописцемъ былъ Новогородскій епископъ, Іоакимъ. Тѣмъ же вопросомъ интересовался академикъ Миллеръ*), который приписывалъ начальную лѣтопись Нестору, а продолженіе ея—игумену Сильвестру. Въ XVIII столѣт. поднимаются споры по такъ называемому варяжскому вопросу,—споры, породившіе въ средѣ русскихъ ученыхъ двѣ партіи: норманскую — изъ нѣмцевъ членовъ Академіи Наукъ, и славянскую во главѣ съ М. В. Ломоносовымъ. И тѣ и другіе въ своихъ сужденіяхъ и доказательствахъ опираются на лѣтопись.

При такихъ обстоятельствахъ сознается необходимость печатнаго изданія лѣтописи, которое, дѣйствительно, появляется въ половинѣ XVIII в. Пока еще никто не сомнѣвается ни въ фактической достовѣрности лѣтописныхъ повѣствованій, ни въ личности ея автора—Нестора. Но вотъ является въ Россію иностранецъ-ученый, извѣстный историкъ Шлецеръ, вооруженный вполнѣ научными пріемами изслѣдованія, привыкшій къ матеріалу относиться критически. Онъ долго изучаетъ нашу лѣтопись, доискивается ея источниковъ, сопоставляетъ ее съ западными и въ результатѣ приходитъ къ благопріятнымъ выводамъ, ставя Несторову лѣтопись выше подобныхъ же историческихъ памятниковъ на Западѣ. Это было первымъ строго-научнымъ критическимъ изслѣдованіемъ по вопросу о лѣтописи и ея авторѣ. Затѣмъ въ XVIII в. исторія этого вопроса какъ бы пріостанавливается, но для того, чтобы съ новою силою возродиться со времени Карамзина. Для Карамзина гипотеза Татищева казалась неосновательной. Онъ болѣе

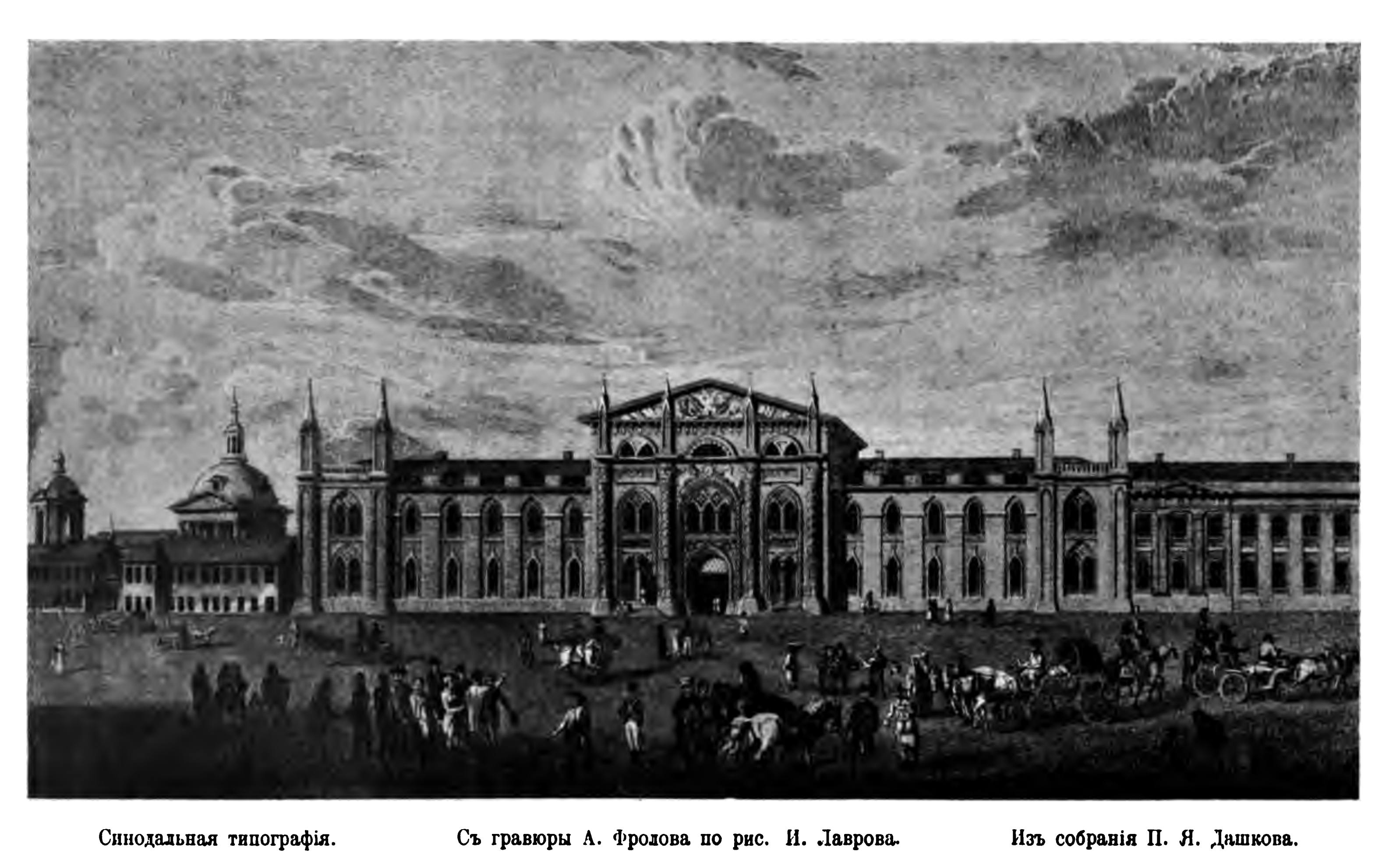
*) Герардъ Фридрихъ.

склоненъ былъ видѣть въ первомъ лѣтописцѣ Нестора. Несторъ, по его мнѣнію, пользовался разнообразными источниками для своего труда: онъ (Несторъ) читалъ византійскія хроники, церковныя записи, слушалъ кіевскихъ старожиловъ и т. д. Изъ всѣхъ этихъ источниковъ Несторъ почерпалъ необходимыя для него свѣдѣнія и разнообразіе первыхъ послужило причиною разнообразія послѣднихъ въ лѣтописи. Считая авторомъ лѣтописи Нестора, Карамзинъ въ то же время далекъ былъ отъ сомнѣнія въ достовѣрности лѣтописнаго разсказа.

Совсѣмъ иныя мнѣнія о лѣтописи находимъ у нѣкоторыхъ современниковъ Карамзина. Они придирчиво и съ недовѣріемъ относятся къ лѣтописи и хотятъ подорвать прежнее высокое мнѣніе о ней. Извѣстный археологъ и изслѣдователь византійскихъ лѣтописей, Строевъ, смотритъ, напр., на лѣтописца, какъ на беззастѣнчиваго компилятора, который очень замѣтно эксплуатируетъ византійскій источникъ—Георгія Амартола. Всѣ свѣдѣнія о народахъ, о разныхъ полумиѳическихъ существахъ, объ Аскольдѣ и Дирѣ и т. п.—все это, по его мнѣнію, заимствовано отсюда.

Мнѣніе Строева примыкало ко взгляду появившейся тогда у насъ скептической школы историковъ, основателемъ которой былъ моск. проф. Каченовскій. Каченовскій смотрѣлъ на древнюю Русь, какъ на варварскую страну, которая совершенно не знала письменности, и которой вообще чужда была какая-либо образованность. Руководившійся въ историческихъ изслѣдованіяхъ пріемами Нибура, этотъ ученый и наиболѣе важные памятники старины, въ томъ числѣ лѣтописные своды, древніе договоры и Русскую Правду, относилъ, по ихъ происхожденію, къ позднѣйшему сравнительно времени. Да и эти позднѣйшіе памятники, по его воззрѣніямъ, дошли до насъ не въ первоначальной своей редакціи, а въ значительно измѣненномъ видѣ; задачей историка и служитъ выдѣленіе изъ нихъ первичнаго ядра, очищеннаго отъ наростовъ и наслоеній, образовавшихся въ разныя времена. Въ лѣтописи Каченовскій находитъ разныя противорѣчія и несообразности, которыя отнимаютъ у нея достоинства историческаго первоисточника.

Школа Каченовскаго, такъ подорвавшая взглядъ Карамзина на русскую лѣтопись, одно время занимала въ наукѣ авторитетное положеніе, пока не выступилъ со своими изслѣдованіями Погодинъ. Въ 20-хъ годахъ появляется его статья, въ которой онъ разбираетъ вопросъ объ отношеніи нашей лѣтописи къ иностраннымъ источникамъ, устанавливаетъ время (XI—XII вв.) и мѣсто (Кіевъ) ея происхожденія. Онъ соглашается съ тѣмъ, что лѣтопись, за продолжительное время своего существованія, могла принять въ свой первоначальный видъ разныя украшенія, подновленія, вставки, даже басни и проч., что историкъ долженъ выдѣлить изъ лѣтописи, какъ позднѣйшее и неподлинное Несторово. Такимъ образомъ взглядъ Погодина шелъ какъ разъ въ разрѣзъ съ скептицизмомъ школы Каченовскаго. По мнѣнію Погодина, имѣющаяся у насъ теперь лѣтопись отличается



Синодальная типографія. Съ гравюры А. Фролова по рис. И. Лаврова. Изъ собранія П. Я. Дашкова.

отъ начальной лишь незначительными измѣненіями, вкравшимися въ ея первоначальный составъ; источниками ея онъ считаетъ, наравнѣ съ устными преданіями, прежнія записи. Онъ не такъ скептически относится къ Татищеву и признаетъ существованіе лѣтописи Іоакима.

Въ томъ же направленіи пишетъ затѣмъ Бутковъ, опровергающій слишкомъ нелестное мнѣніе скептической школы о древней Руси. Словомъ, отношеніе къ лѣтописи начинаетъ измѣняться и скептическая школа теряетъ свой авторитетъ.

Мы имѣемъ и еще много трудовъ, посвященныхъ изслѣдованію вопроса о достовѣрности лѣтописи и ея авторѣ. Таковы труды Бѣляева, Шевырева, Полѣнова, Соловьева и др. Вопросъ о личности автора находитъ у нихъ неодинаковый отвѣтъ: одни склонны признать лѣтописцемъ духовное лицо, монаха, другіе—свѣтское лицо, близко стоявшее къ политической внѣмонастырской жизни, которая въ такихъ подробностяхъ изображается въ начальной повѣсти.

Но все это—труды, имѣющіе историческій характеръ. Изъ чисто литературныхъ изслѣдованій, касающихся лѣтописи, упомянемъ слѣдующія. Въ 1856 г. появилась книга Сухомлинова: „О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ“. Авторъ разсматриваетъ въ ней различные списки лѣтописи, указываетъ находящіяся въ ней заимствованія изъ св. писанія и др. источниковъ; въ числѣ послѣднихъ, кромѣ намѣченныхъ предшествовавшими трудами (кромѣ, напр., Георгія Амартола и Меѳодія Патарскаго), онъ ставитъ „Пчелу“, устанавливаетъ, наконецъ, общность между преданіями древне-русскими, отразившимися въ лѣтописи и поэтическими германскими, хотя и не дѣлаетъ изъ этого, впрочемъ, вполнѣ опредѣленныхъ выводовъ.

О томъ, что Сухомлиновымъ было только намѣчено (о преданіяхъ, какъ источникѣ лѣтописи), подробнѣе высказывался Костомаровъ въ своихъ лекціяхъ, а также и въ статьѣ „О преданіяхъ начальной русской лѣтописи“. Вопросъ о лѣтописцѣ Костомаровъ разрѣшалъ въ пользу игумена Сильвестра, Нестору же, какъ онъ полагалъ, принадлежитъ только часть ея,—Печерская лѣтопись.

Далѣе изъ трудовъ, посвященныхъ вопросу о русской лѣтописи, заслуживаютъ особеннаго вниманія изслѣдованія проф. Бестужева-Рюмина, разработавшаго вопросъ о составѣ лѣтописи до конца XVI ст. Этотъ въ высшей степени осторожный ученый, хорошо знакомый съ предшествующей литературой этого вопроса, взявъ въ руководство при своемъ изученіи и изслѣдованіи лѣтописи аналитическій пріемъ, установилъ въ наукѣ мнѣніе, что дошедшія до насъ лѣтописи представляютъ изъ себя своды изъ разнообразныхъ источниковъ, и что лишь детальная аналитическая работа поможетъ историку разобраться въ этой компилятивной смѣси. Что касается вопроса объ авторѣ, то онъ для Бестужева-Рюмина не такъ важенъ. Былъ ли лѣтописцемъ Несторъ или другой кто-нибудь,—это, по его мнѣнію, существеннаго значенія не имѣетъ.

Замѣчанія Бестужева-Рюмина затрогиваютъ весьма большое число важныхъ для науки вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ прольетъ свѣтъ на уясненіе такого замѣчательнаго явленія въ нашей древней исторіи и литературѣ, какъ начальная лѣтопись. Но въ особенную заслугу ему должна быть поставлена его аналитическая работа, раздробившая лѣтопись на ея составныя части, благодаря чему выдѣлились свѣдѣнія о такихъ памятникахъ, которые раньше не были еще затронуты научными изслѣдованіями.

Послѣдніе результаты, къ которымъ пришла историческая наука въ своемъ изученіи и изслѣдованіи лѣтописи, мы можемъ найти въ трудахъ академика А. А. Шахматова, и ихъ резюмируетъ въ своемъ курсѣ русской исторіи проф. С. Ѳ. Платоновъ.

Изученіе лѣтописи приводитъ проф. Платонова къ заключенію о ея крайне сложномъ внутреннемъ составѣ. По его мнѣнію, въ ней скомпилированы многочисленныя литературныя произведенія, и оригинальныя и переводныя. Эти литературныя произведенія, по словамъ проф. Платонова, въ началѣ XII в. были соединены въ одинъ литературный памятникъ, быть-можетъ, тѣмъ самымъ Сильвестромъ, который подписалъ свое имя. Внимательное изученіе лѣтописи позволило намѣтить въ ней слѣдующія составныя части или, точнѣе, слѣдующія самостоятельныя литературныя произведенія: 1) собственно „повѣсти временныхъ лѣтъ“, разсказъ о разселеніи племенъ послѣ потопа, о происхожденіи и разселеніи племенъ славянскихъ, о дѣленіи славянъ русскихъ на племена, о первоначальномъ бытѣ русскихъ славянъ и водвореніи на Руси варяжскихъ князей (только къ этой первой части лѣтописнаго свода можетъ относиться заглавіе свода „се повѣсти временныхъ лѣтъ“ и т. д.); 2) обширный разсказъ о крещеніи Руси, составленный неизвѣстнымъ авторомъ, вѣроятно, въ началѣ XI в., и 3) лѣтопись о событіяхъ XI в., которую приличнѣе назвать Кіевскою первоначальною лѣтописью. Въ составѣ этихъ трехъ произведеній, образовавшихъ сводъ, и особенно въ составѣ перваго и третьяго изъ нихъ можно замѣтить слѣды другихъ, болѣе мелкихъ литературныхъ произведеній, „отдѣльныхъ сказаній“, и, такимъ образомъ, можно сказать, что нашъ древній лѣтописный сводъ есть компиляція, составленная изъ компиляцій, — настолько сложенъ его внутренній составъ.

Указываемый проф. Платоновымъ фактъ сложности внутренняго состава лѣтописи устанавливаетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ акад. Шахматовъ, который разъясняетъ ея сводный характеръ и точнѣе опредѣляетъ, что въ ней можетъ быть названо трудомъ Нестора, что Печерской лѣтописью, что трудомъ Сильвестра и т. д. Благодаря Шахматову вопросъ о лѣтописи получаетъ новое направленіе. Но пока результаты этихъ изслѣдованій нельзя считать окончательными. Однако мы можемъ сказать уже теперь, что самое слово „лѣтопись“ служитъ для обозначенія весьма разнообразныхъ памятниковъ, и надо, употребляя его, различать лѣтописи отъ лѣтописныхъ сводовъ, сбор-

никовъ и списковъ: лѣтописями въ тѣсномъ значеніи этого слова мы называемъ записи современниковъ событій, отъ древнѣйшаго времени до насъ не сохранившіяся; лѣтописный сводъ есть компиляція изъ отдѣльныхъ лѣтописей и другихъ источниковъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ; лѣтописнымъ сборникомъ называется соединеніе въ рукописи, часто иногда механическое, нѣсколькихъ лѣтописей или сводовъ, и, наконецъ, лѣтописный списокъ есть просто копія, въ которой имѣется та или другая лѣтопись, сводъ или сборникъ.

Таково, въ краткихъ чертахъ, научное положеніе вопроса объ этомъ замѣчательномъ памятникѣ древней русской литературы.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію самаго памятника. Мы уже приводили полное его заглавіе. Въ этомъ заглавіи не указано имени автора; лишь изрѣдка въ нѣкоторыхъ спискахъ встрѣчается добавленіе „черноризца Нестора". Но послѣ 1110 г. въ спискахъ лѣтописныхъ мы находимъ слѣдующую приписку: „Игуменъ Сильвестръ святого Михаила написахъ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князѣ Владимирѣ, княжащу ему въ Кіевѣ, а мнѣ въ то время игуменящу у святого Михаила въ 6624 индикта 9 лѣто" (1116). Изъ этой приписки можно заключить, что авторомъ лѣтописи былъ Выдубецкій игуменъ Сильвестръ; однако другія данныя заставляютъ признавать авторомъ инока Кіево-Печерскаго монастыря Нестора, который самъ о себѣ сообщаетъ въ сказаніи „Отчего получилъ названіе Печерскій монастырь" (вошедшемъ, какъ раньше было указано, въ составъ Патерика) такое свѣдѣніе: „тогда пришелъ къ нему (т.-е. къ Ѳеодосію) и я, худой, недостойный рабъ, и онъ принялъ меня. Мнѣ было тогда 17 лѣтъ отроду. И вотъ я написалъ это и положилъ годъ, когда начатъ былъ монастырь Печерскій и почему онъ такъ называется". Тамъ же, въ Патерикѣ, въ Симоновомъ сказаніи о Никитѣ Затворникѣ, о составителѣ лѣтописи встрѣчается такое выраженіе: „Несторъ, иже написа лѣтописецъ". Въ самой лѣтописи подъ 1051 г. авторъ говоритъ о себѣ: „къ нему же (Ѳеодосію) и азъ пріидохъ худый и пріятъ мя лѣтъ ми сущу семнадцать". Изъ всѣхъ этихъ отрывочныхъ упоминаній самой лѣтописи о ея авторѣ можно вывести такое заключеніе: лѣтописецъ былъ 1) печерскій монахъ и 2) постригся въ томъ же возрастѣ, какъ сообщаетъ о себѣ Несторъ въ приведенныхъ выше словахъ. Но считать Нестора составителемъ всей лѣтописи рискованно; онъ скорѣе авторъ только Печерскаго патерика и Кіевской лѣтописи. Впрочемъ, по мнѣнію Шахматова, и послѣдняя едва ли принадлежитъ монаху Нестору; акад. Шахматовъ полагаетъ, что она написана скорѣе лицомъ свѣтскимъ, стоявшимъ близко къ княжескому двору. Вообще вопросъ о лѣтописцѣ при настоящемъ состояніи науки—вопросъ крайне осложненный и не имѣющій для себя опредѣленнаго, вполнѣ обоснованнаго отвѣта.

[illegible]зъ [illegible]отографіи [illegible] И[illegible]

[illegible]

Оставляя этотъ вопросъ въ сторонѣ, коснемся другого, имѣющаго болѣе важное для насъ значеніе, вопроса: изъ какихъ источниковъ возникъ лѣтописный сводъ?

Эти источники могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: устные и письменные. Послѣдніе, въ свою очередь, можно подраздѣлить на русскія и иноземныя сказанія. Среди устныхъ иногда встрѣчаемся съ разными полулегендарными сказаніями (напр., о временахъ, отдаленныхъ отъ лѣтописца).

Во второй категоріи (письменныхъ памятниковъ) необходимо упомянуть о тѣхъ отрывочныхъ замѣткахъ объ отдѣльныхъ событіяхъ, которыя, можетъ-быть, явились первоначальною формою лѣтописанія не только у насъ, но и у другихъ народовъ. Желаніе (мнѣніе акад. Сухомлинова) отмѣчать важнѣйшія событія для того, чтобы сохранить воспоминаніе о нихъ, весьма естественно для человѣка, на какой бы степени развитія онъ ни находился. Этой цѣли на первыхъ порахъ удовлетворяли календарныя замѣтки, которыя сначала, за неимѣніемъ письменъ, могли отмѣчаться „чертами и рѣзами“ на кускахъ дерева. Съ появленіемъ письменности стало болѣе удобнымъ сохранить воспоминаніе о достопамятныхъ дняхъ и случаяхъ. „Въ потребности сохранить его заключается первый зародышъ лѣтописей. Съ теченіемъ времени онѣ пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе достоинства, изъ календарныхъ замѣтокъ становятся лѣтописями въ настоящемъ смыслѣ слова. Возбуждаемая невольнымъ стремленіемъ человѣка удержать воспоминаніе о быломъ, лѣтописная дѣятельность рано находитъ участіе и опору въ лицахъ, стоящихъ во главѣ общества. По мѣрѣ того, какъ опредѣляется у народа общественное устройство, возникаетъ потребность и упрочить его сохраненіемъ памяти о томъ, что освящено давнимъ обычаемъ“. Такого рода отрывочныя календарныя замѣтки дѣлались на Западѣ и у насъ въ такъ называемыхъ пасхальныхъ таблицахъ, т.-е. такихъ таблицахъ, въ которыхъ указаны были числа Пасхи и переходящихъ праздниковъ и которыя должны были находиться въ разныхъ монастыряхъ. Въ этихъ таблицахъ по годамъ грамотные люди вносили краткія замѣчанія о какихъ-либо событіяхъ. Но бывали годы, когда никакихъ фактовъ, особенно запечатлѣвавшихся въ памяти народной, не оказывалось, и около такихъ годовъ мы не находимъ никакихъ отмѣтокъ. Акад. Сухомлиновъ въ своемъ изслѣдованіи („О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ“) приводитъ образецъ подобной пасхальной таблицы съ замѣтками о происшествіяхъ параллельно съ указаніями лѣтописи. Изъ этой параллели мы видимъ, какъ иногда одно слово пасхальныхъ таблицъ обращается въ лѣтописи въ обстоятельное извѣстіе объ историческомъ фактѣ. Такъ, напр., въ таблицѣ подъ 1267 г. есть замѣтка: „Дмитръ нѣмц взя“, а въ лѣтописи этой замѣткѣ соотвѣтствуетъ слѣдующее извѣстіе: „пособи Богъ князю Димитрію и Новгородцемъ: бывшу великому снятью, гониша нѣмець біюще до Раковора, въ три пути, 7 верстъ, яко и коневи негдѣ

ступити трупомъ нѣмецкимъ". Подъ 1293 г., вмѣсто слова „Дюденево", встрѣчающагося въ таблицахъ, мы видимъ въ лѣтописи такое сообщеніе: „отпусти царь брата своего Дуденя съ множествомъ рати на Димитрея; городы поимаша: Володимерь, Москву, Дмитровъ, Волокъ и ины грады; положиша всю землю пусту".

Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, какъ отрывочныя, неясныя замѣтки пасхальныхъ таблицъ могли разрастаться въ лѣтописи въ опредѣленныя, хотя и краткія извѣстія объ историческихъ фактахъ *). Однако рядомъ съ этими краткими извѣстіями, которыя перемежаются указанными пустыми мѣстами, мы находимъ въ лѣтописи немалое число обстоятельныхъ, иногда очень обширныхъ повѣствованій, которыя вмѣстѣ съ другими произведеніями, вошедшими въ ея составъ, придаютъ лѣтописи историко-литературный интересъ. Эти повѣствованія могли существовать независимо отъ пасхальныхъ таблицъ: какой-нибудь фактъ представлялся особенно важнымъ, и грамотный человѣкъ разсказываетъ о немъ въ отдѣльномъ сочиненіи, а потомъ оно включается или цѣликомъ, или въ частяхъ лѣтописцемъ въ его сводъ, какъ это случилось, напр., съ разсказомъ священника Василія объ ослѣпленіи князя Василька Ростиславича или съ подробностями о Владимірѣ Святомъ и о князьяхъ-мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ,— подробностями, заимствованными изъ сочиненія черноризца Іакова. Кромѣ того, лѣтописецъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи разныя иноземныя извѣстія, онъ знаетъ греческія историческія сочиненія, Палею, Хронографъ, хроники Георгія Амартола и Іоанна Малалы, знаетъ житія Кирилла и Меѳодія, принесенныя къ намъ изъ славянскихъ земель, и этотъ матеріалъ онъ вноситъ въ свой разсказъ о всемірной исторіи. Лѣтописцу извѣстны оффиціальные документы, договоры Олега и Игоря съ греками; онъ знакомъ съ произведеніями поучительной литературы (сочиненіями Ѳеодосія Печерскаго и „Поученіемъ" Владиміра Мономаха), съ разными апокрифическими сказаніями,—и все это вносится постепенно въ его компиляцію.

Таковы письменные источники лѣтописи, но рядомъ съ этимъ въ распоряженіи составителя свода находится обширнѣйшій матеріалъ, почерпаемый изъ устныхъ разсказовъ: онъ узнаетъ кое-что отъ очевидцевъ, а многое до него доходитъ изъ преданій, обращающихся въ народѣ и украшенныхъ поэтическимъ вымысломъ, который придаетъ имъ удивительную живость и занимательность. О людяхъ, сообщавшихъ ему тѣ или другія свѣдѣнія, онъ упоминаетъ въ своемъ трудѣ; такъ, онъ говоритъ о новгородцѣ Гюрятѣ Роговичѣ, а подъ 1106 г. отмѣчаетъ: „въ се же лѣто преставися Янъ, старецъ добрый, живъ лѣтъ девяносто въ старости маститѣ, у него же и азъ многа

*) Приведенное мнѣніе акад. Сухомлинова о пасхальныхъ таблицахъ, въ наше время, послѣ изслѣдованій о составѣ лѣтописи, уже потеряло свое значеніе: быть-можетъ, замѣтки въ пасхальныхъ таблицахъ кое-гдѣ и были приняты въ лѣтописные своды, но составъ лѣтописей и сводовъ опредѣлился другими болѣе сложными источниками.

словеса слышахъ, еже и писахъ въ лѣтописанiи семъ". Поэтическiе разсказы о первыхъ князьяхъ, объ основанiи Кiева, объ Олегѣ, Игорѣ, Ольгѣ и ея мести древлянамъ, о Святославѣ и Владимирѣ были, вѣроятно, предметомъ обширнаго дружиннаго эпоса, въ которомъ историческая дѣйствительность переплеталась съ созданiями фантазiи, и этотъ эпосъ заполняетъ многiя страницы нашей первоначальной лѣтописи, такъ что Костомаровъ въ своей статьѣ „Преданiя первоначальной русской лѣтописи" пришелъ даже къ такому выводу: „за исключенiемъ немногаго, что почерпнуто изъ письменныхъ источниковъ, все повѣствованiе о временахъ древнихъ, включительно до смерти Владимира, взято изъ народныхъ преданiй, сказанiй, пѣсенъ и пересказовъ въ томъ видѣ, въ какомъ эти древнiя времена отражались въ нихъ во второй половинѣ XI и въ началѣ XII вѣковъ".

Всѣ эти обильные источники дали матерiалъ для составленiя лѣтописныхъ сводовъ, можетъ-быть, уже задолго до Несторова времени: существуютъ предположенiя о томъ, что подобные своды имѣлись уже въ X и даже въ IX вв. Однако до насъ эти первоначальныя лѣтописи не дошли, и первымъ сводомъ является „Повѣсть временныхъ лѣтъ", составленная въ концѣ XI или въ началѣ XII в. и легшая въ основу всѣхъ позднѣйшихъ списковъ лѣтописи: по крайней мѣрѣ, она у всѣхъ списковъ составляетъ общую часть, а съ начала XII в. изложенiе событiй въ отдѣльныхъ спискахъ болѣе или менѣе расходится, при чемъ разность зависитъ прежде всего отъ мѣста составленiя свода. Есть лѣтопись Кiевская, Суздальская, Новгородская, Галицко-Волынская и т. д., такъ что списки Лаврентьевскiй, Ипатьевскiй, Новгородскiй и др. представляютъ собою общую начальную лѣтопись или „повѣсть временныхъ лѣтъ" (съ незначительными варiантами), дополненную мѣстными продолженiями. Въ этихъ лѣтописяхъ, при ихъ мѣстномъ интересѣ, не исчезаетъ, однако, сознанiе единства русской земли, придающее такое одушевленiе начальному своду, и лѣтописецъ не остается безучастнымъ къ такимъ событiямъ, которыя, не касаясь его области, имѣютъ значенiе для всей Руси. Эти отдѣльныя лѣтописи отличаются каждая своеобразнымъ характеромъ изложенiя, какъ замѣтилъ нашъ историкъ С. М. Соловьевъ. Новгородская лѣтопись, говоритъ онъ, отличается краткостью, сухостью разсказа; такое изложенiе происходитъ, во-1-хъ, отъ бѣдности содержанiя: Новгородская лѣтопись есть лѣтопись событiй одного города, одной волости; съ другой стороны, нельзя не замѣтить и влiянiя народнаго характера, ибо въ рѣчахъ новгородскихъ людей, внесенныхъ въ лѣтопись, замѣчаемъ также необыкновенную краткость и силу; какъ видно, новгородцы не любили разглагольствовать, они не любили даже договаривать своей рѣчи и, однако, хорошо понимали другъ друга; можно сказать, что дѣло служитъ у нихъ окончанiемъ рѣчи; такова знаменитая рѣчь Твердислава: „тому есмь радъ, оже вины моей нѣту; а вы, братье, въ посадничествѣ и въ

князехъ". Разсказъ южнаго лѣтописца, наоборотъ, отличается обиліемъ подробностей, живостью, образностью, можно сказать, художественностью; преимущественно Волынская лѣтопись отличается особеннымъ поэтическимъ складомъ рѣчи: нельзя не замѣтить здѣсь вліянія южной природы, характера южнаго народонаселенія; можно сказать, что Новгородская лѣтопись относится къ южной—Кіевской и Волынской, какъ поученіе Луки Жидяты относится къ словамъ Кирилла Туровскаго. Что же касается до разсказа Суздальскаго лѣтописца, то онъ сухъ, не имѣя силы новгородской рѣчи, и вмѣстѣ многословенъ безъ художественности рѣчи южной".

Остановимся теперь на характерѣ изложенія и общаго направленія изучаемаго нами памятника. Повидимому, лѣтописное повѣствованіе носитъ на себѣ характеръ объективности: часто личность автора совсѣмъ скрывается за изображаемыми событіями и онъ оказывается объективнымъ историкомъ. Но далеко не всегда это такъ. Излагая тѣ или другія событія, въ большинствѣ случаевъ онъ не можетъ удержаться отъ того, чтобы не высказать по поводу нихъ свое сужденіе съ точки зрѣнія личныхъ убѣжденій и дать имъ ту или другую субъективную оцѣнку; въ такихъ случаяхъ лѣтописецъ не просто повѣствователь, но и учитель-моралистъ.

Мы имѣемъ возможность прослѣдить и опредѣлить характеръ міровоззрѣнія автора лѣтописи, такъ какъ въ послѣдней оно проглядываетъ очень прозрачно. Это міровоззрѣніе зиждется, конечно, на религіозной идеѣ: носитель его глубоко вѣруетъ въ Провидѣніе и на тѣ или другія событія смотритъ не иначе, какъ на проявленіе гнѣва или милости Божіей. Недаромъ въ составъ своего труда онъ помѣщаетъ поученіе Θеодосія Печерскаго „О казняхъ Божіихъ". Эта религіозная идея, лежащая въ основѣ міровоззрѣнія лѣтописца, придаетъ лѣтописи характеръ назидательнаго повѣствованія, и такое соединеніе исторіи съ поученіемъ, какъ отмѣчаетъ А. Н. Пыпинъ, было весьма естественнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, окружавшая лѣтописца дѣйствительность былъ такова, что она невольно вызывала монастырскаго книжника на поучительность. Недавно воспринятая христіанская религія съ ея истинами на первыхъ порахъ была усвоена далеко не въ надлежащей степени, и благочестивый лѣтописецъ не теряетъ случая внушить эти истины. Попадаются ему на глаза примѣры благочестія, подвижничества, книжнаго ученія, братолюбія и христіанской добродѣтели вообще, какъ не отмѣтить ихъ передъ читателемъ, оставить безъ должной похвалы и не поставить все это въ противоположность недавней языческой русской дѣйствительности съ ея „звѣринскими" нравами! Съ другой стороны, если взору лѣтописца представляются пороки, не свойственные христіанамъ и остатки языческихъ суевѣрій, то возможно ли ему, убѣжденному христіанину, посмотрѣть на это равнодушно и не ополчиться противъ зла!

Но на ряду съ религіознымъ элементомъ, въ характерѣ міровоззрѣнія лѣтописца есть и элементъ свѣтскій, или, какъ его называли старые изслѣдователи (особенно, славянофилы), „земскій“.

Въ современной ему гражданской жизни авторъ лѣтописи замѣчалъ противоположность между властью (дружиной) и землей. Нормальный порядокъ вещей требовалъ, чтобы власть охраняла землю, пеклась о ея единствѣ и благосостояніи. Между тѣмъ въ дѣйствительности было не то. Часто власть забывала свою идеальную цѣль и заботилась больше о „собѣ“, нежели объ интересахъ населенія. Отдѣльные представители власти, т.-е. князья, стремятся къ достиженію своекорыстныхъ цѣлей; неизбѣжное столкновеніе ихъ стремленій приводитъ къ междоусобіямъ, а все это могло отражаться одними лишь гибельными результатами на людяхъ земскихъ, разрушая ихъ благосостояніе и единство русской земли. Вотъ точка зрѣнія лѣтописца, объясняющая его взглядъ и оцѣнку по поводу тѣхъ или другихъ фактовъ гражданской жизни. Онъ не можетъ, напримѣръ, одобрительно отнестись къ междоусобной борьбѣ князей, столь вредно отзывающейся на жизни и интересахъ земскихъ людей. Его симпатіи отнюдь не на сторонѣ князей-хищниковъ. Онъ, пожалуй, готовъ одобрить подвиги Святослава, но смыслъ ихъ для него совсѣмъ непонятенъ. Къ Игорю у него отношеніе отрицательное. По мѣрѣ того, какъ мы приближаемся съ лѣтописцемъ къ удѣльному періоду, все яснѣе и слышнѣе для насъ его укоръ по отношенію къ князьямъ. Въ противоположность этому, онъ особенно восхваляетъ тѣхъ князей, которые проявляли взаимное братолюбіе (напримѣръ, Борисъ и Глѣбъ), или которые „распасли свою землю“. Идеалъ лѣтописца — Владиміръ Мономахъ, о которомъ онъ даетъ исключительный отзывъ, называя его „добрымъ страдальцемъ за русскую землю“: онъ миритъ другихъ князей, напоминаетъ имъ объ общихъ интересахъ Руси, зоветъ ихъ противъ общихъ враговъ, убѣждая забыть частные, особенные интересы.

Присутствіе въ лѣтописи этого земскаго элемента заставляетъ признать ея особую важность, какъ памятника, отражающаго въ себѣ общественные идеалы и стремленія древней Руси, по преимуществу, идеалъ земскаго единства, выражающійся и въ нѣкоторыхъ другихъ произведеніяхъ до-монгольской эпохи, особенно, въ „Словѣ о полку Игоревѣ“.

Съ усиленіемъ Москвы лѣтописи становятся произведеніями офиціальнаго характера. Было достигнуто внѣшнее государственное единство, и лѣтописи становятся достояніемъ государства. Сохраняется, правда, частная лѣтопись, въ которой попадаются не совсѣмъ лестные отзывы о представителяхъ власти. Но общая лѣтопись пріобрѣтаетъ тенденціозный характеръ—прославленія московскихъ государей. Такимъ характеромъ отличаются Степенная книга, Никоновская лѣтопись, Царственная книга. Форма удерживается прежняя: это своды такихъ же погодныхъ повѣствованій, при чемъ

„повѣсть временныхъ лѣтъ“ попрежнему является ихъ началомъ, но содержаніе и направленіе лѣтописанія теперь уже иное. „Оно,—какъ говоритъ А. Н. Пыпинъ,—стремится къ полнотѣ и своего рода обобщенію въ обширныхъ лѣтописныхъ сводахъ, дѣлая Москву центральнымъ пунктомъ исторіи русскаго государства и придавая, наконецъ, историческому изложенію офиціальную пышность стиля приказовъ и книжническую риторику“.

ГЛАВА V.

Слово о полку Игоревѣ.

Среди литературныхъ памятниковъ до-монгольскаго времени „Слово о полку Игоревѣ“, по своему свѣтскому содержанію, изложенію и поэтическому достоинству, занимаетъ совершенно исключительное положеніе.— Оно было найдено въ 1795 г. любителемъ древностей, гр. А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ въ одной рукописи XVI в., пріобрѣтенной имъ отъ архимандрита Спасо-Ярославскаго монастыря. Рукопись представляла собою сборникъ, въ которомъ вмѣстѣ со „Словомъ“ находилось другое интересное произведеніе, оставившее слѣды своего вліянія на нѣкоторыхъ литературныхъ памятникахъ древней Руси,— „Девгеніево дѣяніе“. Но самымъ драгоцѣннымъ въ означенной рукописи было, конечно, „Слово“. Тогда же была снята копія съ рукописи для имп. Екатерины II, а черезъ 5 лѣтъ (1800 г.) тѣмъ же Мусинымъ-Пушкинымъ „Слово“ было издано подъ заглавіемъ: „Ироическая пѣснь о походѣ на половцевъ удѣльнаго князя Новгорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія“.

Въ 1812 г. во время Московскаго пожара погибла подлинная рукопись, а также сгорѣло значительное число экземпляровъ перваго ея изданія. Такимъ образомъ, въ рукахъ изслѣдователей „Слова“ остались двѣ копіи, на основаніи которыхъ они должны были возстановить первоначальный текстъ памятника. И тутъ они встрѣтились съ непреодолимымъ затрудненіемъ. Обѣ копіи (т.-е. Екатеринин-

скій списокъ 1795 г. и первое изданіе „Слова" 1800 г.) сдѣланы были въ то время, когда русская палеографія находилась на младенческой ступени своего развитія, иначе сказать, тогда, когда древній памятникъ разобрать, какъ слѣдуетъ, не умѣли. Помимо того, обѣ копіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказались не совсѣмъ сходными между собою, такъ что работа изслѣдователей еще болѣе осложнилась: имъ пришлось оперировать надъ копіями, не только неудовлетворительно изданными, но, кромѣ того, не вездѣ одинаковыми между собою. Несмотря на все это, мы имѣемъ цѣлый рядъ изслѣдованій, посвященныхъ реконструкціи подлиннаго текста „Слова". Много затрачено было остроумія на то, чтобы освѣтить его темныя мѣста, которыя, однако, и теперь остаются далеко не вполнѣ разъясненными для науки.

На первыхъ порахъ вновь открытый памятникъ встрѣченъ былъ съ восторгомъ, хотя, впрочемъ, и не всеобщимъ: слышались отдѣльные голоса, высказывавшіеся отрицательно по вопросу относительно подлинности „Слова". Эти отрицательные голоса шли со стороны скептической школы Каченовскаго. Извѣстно, что своей фактической стороной „Слово" близко совпадаетъ съ лѣтописнымъ повѣствованіемъ. Но намъ знакомъ отрицательный взглядъ на лѣтопись скептиковъ; поэтому означенное совпаденіе въ ихъ глазахъ не было ручательствомъ того, что „Слово" могло возникнуть въ древнее время (XII в.); оно могло возникнуть, по мнѣнію скептиковъ, какъ и лѣтопись, въ позднѣйшее время. Каченовскій и его послѣдователи въ своемъ отрицаніи пошли еще далѣе: „Слово", говорили они, ни больше ни меньше, какъ фальсификація, литературный подлогъ, появившійся въ самое ближайшее къ намъ время. Факты открытія двухъ памятниковъ— пѣсенъ Оссіана въ Англіи и потомъ Краледворской рукописи съ извѣстнымъ сказаніемъ „о судѣ Любуши", на первыхъ порахъ произведшихъ сенсацію въ ученомъ мірѣ, а потомъ по нѣкоторымъ обнаруженнымъ въ нихъ дефектамъ, заподозрѣнныхъ въ своей подлинности,— эти два факта сильно поддерживали въ скептикахъ мысль о вполнѣ возможной подложности и нашего „Слова". Скептикамъ, прежде всего казалось крайне подозрительнымъ то, что „Слово" занимаетъ въ древней литературѣ совершенно одинокое, изолированное мѣсто. Если древней Руси извѣстно было художественно-поэтическое творчество, которое проглядываетъ въ „Словѣ", то, разсуждали они, невозможно предположить, чтобы до насъ сохранился только единственный памятникъ такого творчества. Это самый вѣскій аргументъ, который приводили въ оправданіе своихъ отрицательныхъ сужденій о „Словѣ" скептики. Но болѣе внимательное изученіе древнихъ письменныхъ памятниковъ, каковы лѣтописи и поученія, показало, что и здѣсь, въ этихъ памятникахъ весьма замѣтны отголоски древняго поэтическаго творчества, аналогичнаго тому, которое мы находимъ въ „Словѣ". Когда сравненіе „Слова" по его поэтической сторонѣ распространено было потомъ и на народную словесность,

то мнѣніе скептиковъ объ исключительной изолированности „Слова“ въ ряду памятниковъ древней литературы становится все болѣе и болѣе неосновательнымъ. Въ произведеніяхъ народной словесности оказывались поэтическіе образы, сравненія, эпитеты и другія поэтическія черты, близко напоминающія изучаемый нами памятникъ.

Что касается языка, то по нему едва ли можно считать „Слово“ подложнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, могъ ли явиться столь искусный подлогъ въ XVIII в.? На этотъ вопросъ утвердительно отвѣтить никакъ нельзя. Народная поэзія въ это время была мало извѣстна, изученіемъ ея не интересовались. На произведенія народнаго творчества смотрѣли очень пренебрежительно. А между тѣмъ необходимо было имѣть глубокое знакомство съ народной поэзіей, чтобы создать такое геніально-подложное изложеніе, которое мы видимъ въ „Словѣ“. Впослѣдствіи наука вполнѣ отвергла всякія сомнѣнія въ подлинности „Слова“, и это лучше всего формулировано въ слѣдующемъ отзывѣ проф. Кіевскаго университета П. В. Владимирова.

„Въ древней русской литературѣ, — говоритъ проф. Владимировъ *),—нѣтъ памятника болѣе интереснаго по содержанію, по формѣ и значенію, какъ „Слово о полку Игоревѣ“. „Слово“—драгоцѣнное украшеніе древне-руской литературы, великое поэтическое достояніе русскаго народа изъ той отдаленной эпохи, когда онъ долгое время выносилъ на своихъ плечахъ натиски азіатскихъ степныхъ кочевниковъ, какъ половцевъ и другихъ иноплеменниковъ. Это надвиганіе степи на развертывавшіеся оазисы древне-русской культуры и образованности (подобно природному надвиганію песковъ степи на плодородныя, черноземныя земли) не давало простора и свободы для широкаго развитія образованія и литературы. Древне-русская жизнь въ литературныхъ изображеніяхъ не дошла до насъ въ такихъ обширныхъ, разнообразныхъ и художественныхъ поэмахъ, каковы средневѣковыя западно-европейскія. Но историческая судьба не обдѣлила русскій народъ: и на его долю досталася такая единственная лиро-эпическая „пѣсня-повѣсть“, сравнительно краткая и сжатая по размѣрамъ, но полная и живая по изображенію гибели и мужества, горя и радости— это „Слово о полку Игоревѣ“. Несмотря на сжатость и сравнительную краткость „Слова“, указывающія на его сложеніе вслѣдъ за событіемъ, нельзя не подумать о томъ, что тревожная судьба русскаго народа, особенно на югѣ и на западѣ, уничтожила другія подобныя произведенія древне-руской поэзіи, которыя предшествовали „Слову“ и слѣдовали за нимъ.

„Если бы,—продолжаетъ тотъ же ученый,—исторію русской литературы ограничить изученіемъ однихъ поэтическихъ памятниковъ, то „Слово о полку Игоревѣ“ явилось бы выдающимся и чуть ли не единственнымъ памятникомъ древне-русской поэзіи. Только предпо-

*) Древняя русская литература Кіевскаго періода, XI—XIII вв. Кіевъ., 1901 г., стр. 278—281.

ложительно мы можемъ утверждать, что рядомъ съ этимъ памятникомъ существовали въ древней Руси XI, XII и XIII вв. историческія пѣсни, былины, миѳологическій эпосъ, сказки, заговоры, загадки, пословицы, причитанія, лирическія пѣсни и пр. Правда, пословицы, поговорки, загадки и слабое отраженіе былинъ, историческихъ пѣсенъ и сказокъ мы находимъ въ лѣтописяхъ. Тѣмъ не менѣе „Слово о полку Игоревѣ" представляется почти единственнымъ цѣльнымъ памятникомъ древне-русской поэзіи, ярко блистающимъ оригинальными и свѣжими красками народной поэзіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ памятникомъ, отличающимся уже нѣкоторыми искусственными пріемами стараго русскаго писанія, воспитаннаго въ византійской, южно-славянской и успѣвшей уже развиться русской школѣ XI—XII вв. Эта школа древне-русскихъ писателей, о которой мы должны догадываться по выдающимся памятникамъ поученій и словъ, житій святыхъ и путешествій къ св. мѣстамъ, повѣстей и лѣтописныхъ сказаній и общаго славяно-русскаго потока переводныхъ и подражательныхъ сочиненій изъ греческой, византійской литературы, получаетъ особенно яркое освѣщеніе при помощи изученія „Слова о полку Игоревѣ". Благодаря этому изученію направленія и главныя явленія древне-русской литературы и образованности представляются разнообразными и болѣе отчетливыми, а вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливаются между ними и нѣкоторыя точки соприкосновенія; особенной близостью въ этомъ отношеніи отличаются лѣтописныя сказанія и „Слово"; а изъ переводныхъ къ нему приближаются сказанія византійскихъ хроникъ, переводныя и оригинальныя византійскія повѣсти. Изученіе „Слова" въ связи съ древне-русской оригинальной и переводной литературой приводитъ насъ къ той обстановкѣ, среди которой оно развилось, и той почвѣ, на которой оно выросло. Еще поразительнѣе изученіе „Слова" въ связи съ народной поэзіей. Только въ этой связи открывается высокій поэтическій характеръ „Слова", его народность, красота и, такъ сказать, правильность поэтическихъ образовъ и оборотовъ рѣчи. Если мы забудемъ объ этомъ живомъ родникѣ русской народной поэзіи, изъ котораго, безъ сомнѣнія, черпалъ полной рукой авторъ-поэтъ „Слова", то низведемъ „Слово" на степень рѣдкаго образца древне-русской свѣтской книжности съ византійскими пріемами и искусственнымъ языкомъ. Но при сравненіи „Слова" съ народной поэзіей, въ немъ остается немного образовъ и выраженій, которые можно было бы признать исключительно книжными, не связанными съ русской народной поэзіей и съ народной поэзіей другихъ народовъ, прежде всего, конечно, славянскихъ. Многочисленныя и разнообразныя черты народнаго склада въ „Словѣ" устанавливаютъ до нѣкоторой степени прошлое русской народной поэзіи, указываютъ ея древніе элементы, почти ничѣмъ не отмѣченные въ древне-русской литературѣ до XVII вѣка.

Кромѣ того, „Слово" находитъ себѣ много соотвѣтствій, какъ по складу, такъ отчасти и по изображенію быта, въ средневѣковыхъ

западно-европейскихъ поэмахъ. Не даромъ наше „Слово" принадлежитъ тому же столѣтію, когда процвѣтала на Западѣ рыцарская поэзія въ пѣсняхъ трубадуровъ, менестрелей, миннезингеровъ. Но изъ всѣхъ западно-европейскихъ поэмъ нѣтъ болѣе близкой поэмы къ нашему „Слову", какъ знаменитая французская „Пѣсня о Роландѣ"— „La chanson de Roland". Погибшій полкъ Игоревъ, котораго „уже не крѣсити" (крѣсити—воскрешать), какъ взываетъ съ тяжелой горестью нѣсколько разъ въ „Словѣ" авторъ, — полкъ изъ лучшихъ бояръ, храбрыхъ мужей, съ многоцѣннымъ оружіемъ и дорогими конями, горе великаго князя Святослава, призывы князей къ отмщенію въ борьбѣ съ погаными половцами, описаніе необычайныхъ подвиговъ такихъ героевъ, какъ буй-туръ Всеволодъ, неожиданность страшнаго несчастья, необозримыя полчища враговъ и самонадѣянность молодыхъ и храбрыхъ князей, „погрузившихъ храбрый полкъ и русское золото во днѣ Каялы, рѣки половецкія", похвалявшихся, по словамъ великаго князя Святослава, „прежнюю славу сами похитимъ, а заднюю сами ся подѣлимъ",—все это невольно приводитъ къ сближеніямъ съ погибелью отборнаго французскаго войска въ Ронсевалѣ, съ горестью Карла Великаго, его местью, борьбой съ невѣрными сарацинами, съ описаніемъ подвиговъ Роланда, Оливье и еп. Турпина, окруженныхъ сотнями тысячъ сарацинъ, и съ виной Роланда, самонадѣянно отказавшагося призвать на помощь Карла Великаго.

Сюжетомъ „Слова" послужилъ неудачный походъ на половцевъ, предпринятый въ 1185 г. Новгородъ-Сѣверскимъ княземъ Игоремъ вмѣстѣ съ братомъ его Всеволодомъ Курскимъ, съ сыномъ Владиміромъ Путивльскимъ и племянникомъ Святославомъ Рыльскимъ. Русскія войска двинулись къ Дону и въ первой встрѣчѣ разбили половцевъ, но затѣмъ, окруженныя превосходными силами враговъ, потерпѣли полное пораженіе. Игорь и другіе князья были взяты въ плѣнъ, изъ котораго Игорь вскорѣ спасся бѣгствомъ, а Владиміръ, женившись на дочери хана Кончака, возвратился черезъ три года. Этотъ походъ описанъ въ Лаврентьевской и Ипатьевской лѣтописяхъ съ большими фактическими подробностями, чѣмъ въ „Славѣ", самое же „Слово" важно для насъ по той картинности, съ которой оно представляетъ событіе, по тому впечатлѣнію, которое оно изображаетъ, по необыкновенному лиризму, его проникающему, и по идеѣ единства русской земли,—идеѣ, составляющей его основу.

„Слово" не есть произведеніе народной словесности, оно результатъ личнаго творчества, хотя авторъ его намъ неизвѣстенъ; мы можемъ догадываться, однако, что онъ принадлежалъ къ княжеской дружинѣ, что его пѣсня была подобна тѣмъ произведеніямъ дружиннаго эпоса, отголоски которыхъ мы находимъ въ лѣтописи въ извѣстіяхъ о первыхъ князьяхъ. Одного изъ слагателей такихъ дружинныхъ пѣсенъ вспоминаетъ авторъ подъ именемъ „вѣщаго Бояна". Онъ изображаетъ намъ, какъ Боянъ воспѣвалъ подвиги старыхъ князей, и какъ велико было его искусство: „Боянъ бо вѣщій, говоритъ онъ, аще

кому хотяше пѣснь творити, то растекашеться мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, шизымъ (сизымъ) орломъ подъ облакы, помняшеть бо, рече, первыхъ временъ усобицы. Тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедей, который дотечаше, та преди пѣснь пояше: старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ полкы косожьскыми, красному Роману Святославличю. Боянъ же, братіе, не 10 соколовъ на стадо лебедей пущаше, нъ своя вѣщія персты на живая струны вскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху". Не довольствуясь этимъ описаніемъ пѣнія Бояна, котораго онъ называетъ „соловьемъ стараго времени", „внукомъ Велесовымъ", авторъ приводитъ отрывки изъ Бояновыхъ пѣсенъ, или указываетъ, какъ могъ бы выразиться Боянъ въ томъ или другомъ случаѣ. Такъ какъ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ отголосками старины, еще болѣе отдаленной, чѣмъ „Слово", то полагаемъ не лишнимъ привести эти запѣвки Бояновы. Такъ, говоря о выступленіи русскаго войска въ походъ, авторъ предполагаетъ, что Боянъ въ этомъ случаѣ употребилъ бы слѣдующій оборотъ: „не буря соколы занесе черезъ поля широкія, галицы стады бѣжать къ Дону великому", или же сказалъ бы: „комони (кони) ржуть за Сулою, звенитъ слава въ Кыевѣ, трубы трубятъ въ Новѣградѣ, стязи (знамена) стоятъ въ Путивлѣ". Вспоминая о Полоцкомъ князѣ Всеславѣ, отличавшемся хитростью, слывшемъ за волхва, авторъ приводитъ „припѣвку" о немъ Бояна: „ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду (т.-е. умѣющему обращаться въ птицу) суда Божія не минути". Наконецъ, говоря о возвращеніи Игоря изъ плѣна, пѣвецъ припоминаетъ новое Бояново изреченіе: „тяжко ти головы, кромѣ плечю, зло ти тѣлу, кромѣ головы", добавляя къ этому: „Русской земли безъ Игоря".

Этотъ Боянъ является образцомъ и для автора „Слова", хотя послѣдній въ самомъ приступѣ къ своему произведенію выражаетъ желаніе пѣть „по былинамъ сего времени, т.-е. согласно съ дѣйствительностью, а не по замышленію Бояню", т.-е. не руководствуясь поэтическимъ вымысломъ. Въ самомъ же дѣлѣ, присматриваясь къ „Слову", мы сразу замѣчаемъ, что въ немъ главное мѣсто занимаетъ именно замышленіе Бояна, и авторъ не столько занимается описаніемъ фактовъ, сколько изображеніемъ впечатлѣнія, ими производимаго, ихъ картинной характеристикой. Отсюда являются и тѣ краски поэтическаго языка, которыми такъ изобилуетъ „Слово", разные эпитеты, сравненія, описанія природы, миѳологическія упоминанія, выраженія чувства, преимущественно горестнаго.

Изъ поэтическихъ сравненій, кромѣ обширной аллегоріи, посвященной Бояну, приведемъ два сравненія битвы: 1) битва ставится въ параллель съ пиромъ: „бишася день, бишася другый, третьяго дня къ полуднію падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрыя Каялы. Ту кроваваго вина не доста. Ту пиръ докончаша храбріи русичи, сваты попоиша и сами полегоша"; 2) битва уподобляется жатвѣ: „на немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалуж-

ными (булатными), на тоце животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брези не бологомъ (бологo—благо) бяхуть посѣяни, посѣяни костьми русскихъ сыновъ". Любопытны также уподобленія, которыя дѣлаются авторомъ при описаніи бѣгства Игоря изъ плѣна: „Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростію и бѣлымъ гоголемъ на воду, въ връжеся на бръезъ комонь и скочи съ него босымъ влъкомъ и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомь подъ мьглами, избивая гуси и лебеди завтроку и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ потече, труся собою студеную росу".

Поэтическою чертою „Слова" нужно признать отношеніе его автора къ природѣ: тутъ проявляется не только любовь къ природѣ, а какое-то сродство съ нею, какая-то гармонія между внутреннею жизнью человѣка и внѣшними явленіями природы. „Подъ воздѣйствіемъ эпическаго міровоззрѣнія, говоритъ Е. В. Барсовъ, вся природа является какъ бы одушевленнымъ лицомъ: она полна сочувствіемъ къ человѣку; она угрожаетъ предвѣстіемъ, и она же откликается на радость. Всѣ явленія природы — чувства одной и той же души, струны одного органа, члены одного тѣла. Только авторъ, находившійся подъ воздѣйствіемъ словесъ Бояна, могъ такъ живо и цѣльно понимать природу. Проглядываютъ иногда картины природы сѣверной, но еще замѣтнѣе картины природы южной: стадо вороновъ, галокъ и лебедей, орлы и соколы, чайки и гоголи, дятлы и сороки проносятся въ „Словѣ", какъ по степямъ южнымъ; трава зашумѣла, когда двинулись шатры половецкіе — это степная трава; „земля тутнетъ, стукну земля"—выраженія, созданныя поэтомъ, который часто прислушивался къ гулу степи, къ ея чуткому отзыву на каждое движеніе; телѣги скрипятъ въ полунощи, какъ лебеди распуганные—картина, снятая со степей малорусскихъ, гдѣ и теперь еще скрипятъ обозы чумаковъ, и этотъ скрипъ ярче отдается въ ночной тишинѣ ровнаго поля".

Эта гармонія между природой и человѣческими дѣйствіями выражается въ разныхъ знаменіяхъ, сопровождающихъ описаніе похода. Такъ, уже при самомъ выступленіи въ походъ мы встрѣчаемся съ слѣдующей, предвѣщающей горе, картиной: „тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше, нощь стонущи ему грозою, птичь убуди свистъ звѣринъ въ стазбихъ. Дивъ кличетъ връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Вълзѣ и Поморію и Посулію и Сурожу и Корсуню и тебѣ Тьмутараканьскій бълванъ. А половци неготовыми дорогами побѣгоша къ Дону великому. Кричатъ телѣги полунощи—рцы лебеди распужени. Игорь къ Дону вои ведетъ. Уже бо бѣды его пасутъ птицы подъ облакы, влъцы грозу въсрожатъ по яругамъ (оврагамъ), орли клектомъ на кости звѣри зовутъ, лисицы брешутъ на чръвленыя щиты. О русская земля, уже за шеломенемъ еси! Дълго ночь мѣркнетъ, заря свѣтъ запала, мгла поля покрыла, щекотъ славій (соловьиное щелканье) успе, говоръ галичь убуди".

На другой день новыя знаменія: „велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ, чръныя тучи съ моря идутъ, хотятъ прикрыти 4 солнца (4 князей), а въ нихъ трепещутъ синія млъніи. Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго. Ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручати о шеломы половецкія, на рѣцѣ, на Каялѣ, у Дону великаго. Се вѣтри, Стрибожи внуци *), вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъки Игоревы. Земля тутнетъ, рѣкы мутно текуть, пороси (пыль) поля прикрываютъ, стязи глаголютъ". Такой же любопытный параллелизмъ состоянія природы и человѣка находимъ мы и въ описаніи бѣгства Игоря изъ плѣна: „кликну, стукну земля, въшумѣ трава; вежи ся половецкія подвизашася, а Игорь князе поскочи горностаемъ къ тростію, и бѣлымъ гоголемъ на воду; въвръжеся на бръзъ комонь" и т. д.

Иногда природа прямо олицетворяется. Такъ, во время своего бѣгства Игорь вступаетъ въ разговоръ съ Донцомъ: „Донецъ рече: княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку не любія, а Русской земли веселія. Игорь рече: о Донче, не мало ти величія, лелѣявшу князя на влънахъ и т. д.

Эта близость къ природѣ, быть можетъ, и есть причина, вызывающая разныя миѳологическія воспоминанія у нашего поэта; онъ знаетъ и Велеса, и Дажьбога, и Хорса, и Стрибога, у него является зловѣщій миѳологическій образъ Дива, у него есть и олицетвореніе Дѣвы-обиды, близко напоминающее народную поэзію, какъ это указалъ А. Н. Веселовскій. Картина: „встала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, въспескала лебедиными крылы на синемъ морѣ у Дону плещущи" напоминаетъ нѣкоторыми своими чертами народныя причитанія, въ которыхъ есть образъ „злой обидушки".

Обидушка по бережку ходила,
Страшно, ужасно голосомъ водила,
Въ длани плескала,
До суженыхъ головъ добиралась...
Смеретушка-дѣвья красота
Съ лебедиными крыльями... **)

Сильную поэтическую окраску придаетъ „Слову" выраженіе чувства, которое, соотвѣтственно изображаемому событію, отличается болѣе грустнымъ характеромъ. Въ „Словѣ" много выраженій для обозначенія горя, тоски, много печальныхъ картинъ. Самое произве-

*) Неоднократно встрѣчаемыя, какъ и здѣсь, упоминанія миѳологическихъ названій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отсутствіе въ „Словѣ" христіанскаго элемента подали поводъ нѣкоторымъ толкователямъ его предполагать въ авторѣ нехристіанина, язычника. Но по мнѣнію проф. Жданова, всѣ эти миѳологическія упоминанія не имѣютъ реальной подкладки и представляютъ собой просто поэтическія украшенія. Это—своего рода ложноклассицизмъ XII в.

**) Владимировъ. „Древ. рус. лит. Кіевск. періода", стр. 333.

деніе есть „трудная повѣсть“, какъ выражается авторъ, но наиболѣе художественно представляется печаль въ лирическомъ отрывкѣ, извѣстномъ подъ именемъ „плача Ярославны“. Ярославна, жена Игоря, причитаетъ, какъ кукушка (зегзица) на Путивльской городской стѣнѣ, она хочетъ полетѣть къ Дунаю, омочить свой бобровый рукавъ въ Каялѣ-рѣкѣ, отереть кровавыя раны Игоря, она обращается за помощью къ разнымъ силамъ природы, она говоритъ *):

Вѣтръ-вѣтрило! Что ты, господине,
Что ты вѣешь? Что на легкихъ крыльяхъ
Носишь стрѣлы въ храбрыхъ воевъ лады!
Въ небесахъ подъ облаки бы вѣялъ,
По морямъ кораблики лелѣялъ,
А то вѣешь, вѣешь — развѣваешь
На ковыль-траву мое веселье и т. д.

Печальное настроеніе пѣвца „Слова“ возбуждается такими фактами, которые противорѣчатъ его идеалу единства русской земли: это—междоусобія князей, которые стремятся отстаивать исключительно свои личные интересы, забывая объ общемъ благосостояніи русскаго народа. „Усобица княземъ, говоритъ авторъ, на поганыя погыбе“.

Братья спорятъ: то мое и это!
Золъ раздоръ отъ малыхъ словъ заводятъ,
На себя куютъ крамолу сами...
А на Русь побѣдами приходятъ
Отовсюду вороги лихіе.

Понятно, что автору долженъ быть антипатиченъ Олегъ Святославичъ, который „мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше“, при которомъ русская земля „сѣяшеться и растяшеть усобицами, погыбашеть жизнь Дажьбожа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишась“. При этомъ князѣ Русь испытывала тяжкія бѣдствія: „рѣтко ратаевѣ кикахуть, нъ часто врановe граяхуть, трупія себѣ дѣляче, а галицы свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уѣдіе (кормъ)“. Не вызываетъ къ себѣ сочувствія и Всеславъ Полоцкій, думавшій только о своихъ личныхъ выгодахъ, и вообще о всѣхъ удѣльныхъ княжескихъ отношеніяхъ мы находимъ въ „Словѣ“ очень печальный приговоръ: „а князи сами на себѣ крамолу коваху, а поганіи сами побѣдами нарищуще на русскую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора“.

Естественно послѣ этого, что самою радостною картиною въ „Словѣ“ (если не единственною радостною) является сонъ великаго князя Святослава,—сонъ, въ которомъ выражается идея единства русской земли. Послѣ того, какъ ему объясненъ его „смутный“ сонъ, Святославъ обращается къ разнымъ русскимъ князьямъ, чтобы они

*) Цит. по перев. А. Н. Майкова.

вступились „за обиду сего времени“, и, какъ видно изъ его словъ, среди этихъ князей есть нѣкоторые, отличающіеся замѣчательнымъ могуществомъ, какъ, напримѣръ, Всеволодъ Суздальскій и Ярославъ Осмомыслъ Галицкій. Вотъ эта замѣчательная рѣчь Святослава: „О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нъ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую пролілсте. Ваю храбрая сердца въ жестоцѣмъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ? Великый княже Всеволоде! не мыслію ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага (рабыня) по ногатѣ, а кощей (рабъ) по рѣзанѣ.

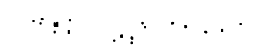
Ты бо можеши по суху живыми шереширы стрѣляти удалыми сыны Глѣбовы.

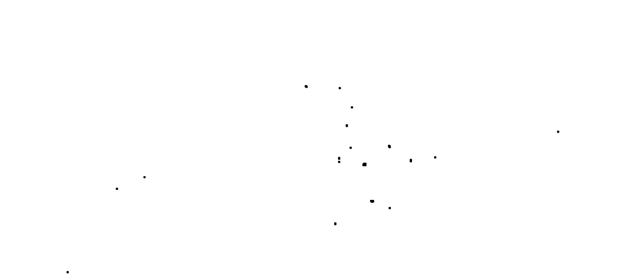
Ты, буй Рюриче и Давыде, не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають, аки тури, ранены саблями калеными на полѣ незнаемѣ?

Вступита, господина, въ злата стремень за обиду сего времени за землю Русскую, за раны Игоревы буего Святославлича.

Галичкы Осмомысле Ярославе, высоко сидиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы Угорскыя своими желѣзными плъкы, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены чрезъ облакы, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ: отворяеши Кіеву врата, стрѣляеши съ отня злата стола салтани за землями“.

Таковъ этотъ единственный поэтическій памятникъ до-монгольскаго періода, случайно до насъ дошедшій. Несомнѣнно его историческое значеніе, какъ отраженія древне-русскихъ общественныхъ воззрѣній, и такъ же несомнѣнны его достоинства художественныя: тутъ предъ нами развертывается рядъ яркихъ картинъ, обнаруживается глубокое чувство автора, который выражаетъ стремленія своего времени. Однако и независимо отъ эпохи, въ которую сложилось „Слово“ въ немъ столько живыхъ поэтическихъ элементовъ, оно по своей образности такъ близко къ народной жизни, что нисколько не представляется страннымъ, почему оно вызвало восторгъ не только спеціалистовъ-филогоговъ, но и нашихъ лучшихъ поэтовъ, какъ Пушкинъ и Майковъ, стремившихся перевести его на современный языкъ. Вѣроятно, и въ древнія времена „Слово“ пользовалось нѣкоторой популярностью; мы находимъ подражанія „Слову“ иногда очень близкія, но совершенно безсмысленныя (вмѣсто за шеломенемъ, т.-е. за холмомъ — „за соломономъ“; вмѣсто „Трояна“ — Урана) въ повѣстяхъ, относящихся къ Куликовской битвѣ, въ „Повѣданіи о мамаевомъ побоищѣ“ и въ „Задонщинѣ“. Кромѣ того, нѣкоторое подражаніе „Слову“ мы можемъ предполагать въ „Словѣ о погибели русской земли“, отрывокъ котораго открытъ былъ въ недавнее время.





Моленіе Даніила Заточника *).

Если „Слово о полку Игоревѣ“ особенно важно, какъ единственный памятникъ древне-русской поэзіи, то не лишено значенія, какъ древнѣйшее проявленіе русскаго юмора, одно небольшое произведеніе, дошедшее до насъ отъ той же до-монгольской эпохи,—„Слово“ или „Моленіе Даніила Заточника.“ О личности его автора мы никакихъ точныхъ свѣдѣній не имѣемъ, знаемъ только, что онъ заточенъ былъ на озерѣ Лачѣ (о которомъ онъ говоритъ: „кому ты еси Лачъ-озеро, а мнѣ на немъ сѣдя великій плачъ“) и оттуда написалъ свое посланіе къ князю (Ярославу Владимировичу или Ярославу Всеволодовичу), чтобы вызвать милосердное отношеніе къ своей судьбѣ.

„Княже мой господине, проситъ Даніилъ **), избави меня отъ нищеты, какъ серну отъ тенетъ, какъ вольную птицу отъ силка, какъ утку отъ коггей ястреба, какъ овцу отъ пасти львовой. Золото искушается огнемъ, а человѣкъ напастью; пшеница послѣ долгаго мученія даетъ чистый хлѣбъ, такъ и человѣкъ черезъ печаль пріобрѣтаетъ совершенный умъ. Птица радуется веснѣ, а младенецъ матери, такъ и я, княже господине, радуюсь твоей милости. Весна украшаетъ цвѣтами землю, а ты, княже господине, оживляешь людей своей милостью, сиротъ и вдовъ, отъ вельможъ обижаемыхъ“. Свое тяжелое положеніе въ заключеніи Даніилъ изображаетъ слѣдующими чертами: „Я, княже господине, какъ бы трава поблеклая, которая растетъ за стѣною; на нее ни солнце не сіяетъ, ни дождь не идетъ; такъ и я, княже господине, всѣми обидимъ, потому что огражденъ страхомъ грозы твоей, какъ какою-то твердынею. Когда ты веселишься за многими брашнами, вспомни обо мнѣ, ядущемъ сухой хлѣбъ. Когда пьешь сладкое питье, вспомни обо мнѣ, пьющемъ теплую воду. Когда лежишь на мягкой постели, подъ собольими одѣялами, вспомни обо мнѣ, подъ однимъ полотномъ лежащемъ, умирающемъ отъ скуки и пронзаемомъ, какъ бы стрѣлами въ сердце—дождевыми каплями“.

Однако, несмотря на свое тяжкое положеніе, Даніилъ, согласно поговоркѣ „въ горѣ жить не кручинну быть“, не теряетъ присутствія духа, не утрачиваетъ юмора, который выражается то въ игрѣ словъ, въ родѣ приведенной выше остроты относительно озера

---

*) Послѣднее изданіе „Моленія“ принадлежитъ проф. И. А. Шляпкину, который самъ указываетъ на неудовлетворительность своего изданія въ виду замѣченныхъ въ немъ недосмотровъ и опечатокъ. Но лучшаго изданія пока мы не имѣемъ. „Моленіе“ въ его первоначальномъ составѣ до насъ не дошло и сохранилось въ 2 рукописныхъ редакціяхъ XIII в. Обѣ редакціи разнятся между собою не одинаковымъ обращеніемъ къ адресату посланія или „Моленія“ Даніила: по одной (XII ст.) изъ нихъ моленіе назначалось Юрію Владимировичу (ум. 1167), по другой — къ Ярославу Всеволодовичу Переяславскому (ум. 1247 г.).

**) Пер. И. П. Хрущова въ книгѣ „Бесѣды о др. рус. лит.“ СПБ. 1900 г., стр. 62—64.

Лача, то въ подборѣ изъ разныхъ литературныхъ источниковъ язвительныхъ замѣчаній и анекдотовъ по адресу своихъ враговъ. А такими врагами были, вѣроятно, прежде всего какіе-то вліятельные люди, навлекшіе на Даніила княжескую опалу. Вѣроятно, онъ ихъ считаетъ глупыми, такъ какъ даетъ князю слѣдующее наставленіе: „княже, мой господине, не море топитъ корабли, но вѣтры, и огонь разжигаетъ желѣзо только тогда, когда его раздуваютъ мѣхами: такъ и князь не самъ впадаетъ въ вещи злыя, но вводятъ его совѣтники. Съ добрымъ думцею князь высокаго стола додумается, а съ лихимъ думцею и малаго стола лишенъ будетъ". Можетъ-быть, на тѣхъ же совѣтниковъ намекаетъ Даніилъ, приводя изреченіе о глупыхъ людяхъ: „Мудра бо мужа посылай, мало ему кажи; а безумна посылай, самъ не лѣнися по немъ ити", или же: „какъ во утелъ (разорванный) мѣхъ воду лити, такъ безумнаго учити". Вторую группу враговъ Даніила составляютъ почему-то женщины, противъ которыхъ онъ сильно возстаетъ, подбирая опять-таки нелестные для нихъ анекдоты и изреченія: „что есть злая жена? Мірской мятежъ, ослѣпленіе ума, начальница всякой злобы, засада спасенія, поборница грѣха. Лучше желѣзо варить, чѣмъ злую жену учить: желѣзо уваримъ, а злой жены не научимъ, ибо злая жена ни Бога не боится ни людей не стыдится, но всѣхъ укоряетъ и всѣхъ осуждаетъ". Съ радостью приводитъ Даніилъ анекдотъ о „злообразной женѣ", которой посовѣтовали не смотрѣться въ зеркало, чтобы не получить огорченія. Повторяетъ онъ и слѣдующее изреченіе: „не скотъ въ скотѣхъ коза, а не звѣрь въ звѣрехъ ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица въ птицахъ нетопырь, а не мужъ въ мужѣхъ, кѣмъ своя жена владѣетъ".

Этими памятниками мы заканчиваемъ обзоръ литературы до-монгольскаго періода; хотя мы и могли бы указать нѣкоторыя другія очень любопытныя произведенія этой эпохи, но они имѣютъ скорѣе культурно-историческій, нежели историко-литературный интересъ. Поэтому, прежде чѣмъ перейти къ монгольской эпохѣ, подведемъ итогъ тому литературному развитію, отдѣльные образцы котораго мы разсмотрѣли въ предыдущихъ главахъ.

Мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ сказать, чтобы наша литература была бѣдна въ до-монгольскую эпоху; не говоря уже о множествѣ переводныхъ памятниковъ, указанныхъ нами ранѣе, не говоря о произведеніяхъ утраченныхъ, число которыхъ, какъ мы можемъ судить по сохранившимся намекамъ, было довольно значительно, тѣ сочиненія, которыя мы имѣемъ отъ этой эпохи, свидѣтельствуютъ о высокомъ уровнѣ умственныхъ запросовъ, о разнообразіи литературныхъ интересовъ, объ отраженіи въ литературѣ общественной жизни въ различныхъ ея проявленіяхъ, о томъ, что зародившаяся литература заключала въ себѣ здоровые задатки будущаго развитія, если бы не вторглись внѣшнія причины, оказавшія весьма неблагопріятное вліяніе на ея дальнѣйшій ростъ.

Помати бж҃їи, и прч҃тонбц҃и. ѡбновлено бысїе ст҃ое
еѵ҃ліе в великоновѣградѣ. ч҃тнаго храма прч҃тыебц҃и
ч҃тнаго еи слвнаго благовѣщенїа нагородице. в лѣ҃. з҃
нѳ҃. їюлѧ. повелѣнїемъ благочтиваго црѧ и гдрѧ. велико
кнѧзѧ ивана васильевича всеѧ роусї. при пастве гдна пре
ѡщеннаго серапїона. архїепскпа, великаго новаграда,
и пскова.

Образцы письма. (Запись 1551 года объ обновленіи Мстиславова Евангелія).

Библіографія.

Къ Введенію:

Новиковъ. Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ. СПБ. 1772. (Переиздано *П. А. Ефремовымъ*. Въ книгѣ „Матеріалы для исторіи русской литературы" СПБ. 1867).

Крамзинъ. Пантеонъ россійскихъ авторовъ. СПБ. 1801—1803.

Митр. Евгеній. Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина, СПБ. 1818.—2-е изд. СПБ. 1817.

Его же. Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи. М. 1838, 2-е изд. М. 1845.

Филаретъ, арх. черниговскій. Обзоръ русской духовной литературы. СПБ. 1856 (3-е изд. СПБ. 1884).

С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ отъ начала русской образованности до нашихъ дней. Т. I. СПБ. 1889.— Т. II. СПБ. 1891.—Т. III СПБ. 1892.—Т. IV СПБ. 1895.—Т. V. СПБ. 1897.

Его же. Русскія книги. Т. I—III. СПБ. 1893—1899.

Его же. Русская поэзія. Вып. I—VIII. СПБ. 1893—99.

Его же. Источники словаря русскихъ писателей. СПБ. 1900.

Шевыревъ. Исторія русской словесности. 2 т. М. 1859 (послѣд. изд. СПБ. 1887).

Буслаевъ. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства 2 т. М. 1861.

Миллеръ О. Ѳ. Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности СПБ. 1862.

Его же. Русскіе писатели послѣ Гоголя. СПБ. 1872 (посл. изд. 3 тома. СПБ. 1907).

Галаховъ. Исторія русской словесности. 2 т. СПБ. 1875 (изд. 2-е—СПБ. 1881 и 3-е изд. М. 1894).

Порфирьевъ. Исторія русской словесности 2 т. Казань 1879—1886.

Пыпинъ. Исторія русской литературы, 4 т. СПБ. 1900 (2-е изд. 1904).

Тихонравовъ. Сочиненія, 3 т. М. 1900.

Архангельскій. Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Казань. 1896.

Владимировъ. Введеніе въ исторію русской словесности. Кіевъ 1896.

Макарій. Исторія русской Церкви. 12 т. М. 1868—1883.

Голубинскій. Исторія русской Церкви. 2 т. М. 1870—1898.

Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. 29 т. (Нов. изд. въ 6 т. СПБ. 1899).

Милюковъ. Исторія русской культуры. 3 т. СПБ. 1896—99.

Полевой. Исторія русской литературы. 3 т. СПБ. 1900.

Reingoldt. Geschichte der rusisschen Litteratur. Lpz. 1884—86.

Brücknez. Geschichte der russischen Litteratur. Lpz. 1905.

Waliszewsky. Litterature russe. P. 1900.

Къ главѣ II:

Иконниковъ. Опытъ русской исторіографіи. 2 т. Кіевъ. 1891—92.

Калайдовичъ и Строевъ. Обстоятельное описаніе славяно-россійскихъ рукописей библіотеки гр. Ѳ. А. Толстого. М. 1825 (Первое „Прибавленіе" къ этому описанію СПБ. 1825, и второе „Прибавленіе" М. 1827.)

Бычковъ. А. Ѳ. Описаніе церковно-славянскихъ и русскихъ сборниковъ Имп. Публичной библіотеки, т. 1. СПБ. 1882.

Бычковъ, И. А. Каталогъ собранія рукописей Ѳ. И. Буслаева, нынѣ принадлежащихъ И. Публ. Библіотекѣ. СПБ. 1897.

Бычковъ. И. А. Каталогъ собранія славяно-русскихъ рукописей П. Д. Богданова. 2 вып. въ „Отчетахъ" Имп. Публ. Библ. за 1888 и 1890 гг. и отдѣльно.

Востоковъ. Описаніе русскихъ и словянскихъ рукописей Румянцевскаго музея. СПБ. 1842.

Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго, описанныя самимъ составителемъ собранія. М. 1870.

Викторовъ. Описаніе рукописей И. Д. Бѣляева. М. 1881.

Горскій и Невоструевъ. Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки. 5 т. М. 1855—69.

Орловъ. Библіотека Моск. Синодальной типографіи. М. 1896.

Петровъ. Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ. 2 вып. М. 1892—97.

Порфирьевъ. Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ Казанской духовной академіи. 2 т. Казань. 1881—85.

Петровъ. Описаніе рукописей церковно-археологическаго музея при Кіевской духовной академіи. Кіевъ 1875—1879.

Леонидъ, арх. Описаніе славянскихъ рукописей библіотеки Свято-Троицкой Сергіевской лавры. 3 т. М. 1878—79.

Строевъ. Рукописи славянскія и россійскія, принадлежащія И. Н. Царскому. М. 1848.

Викторовъ. Описи рукописныхъ собраній въ книгохранилищахъ сѣверной Россіи. СПБ. 1890.

Строевъ. Описаніе рукописей монастырей Волоколамскаго, Новый Іерусалимъ, Саввина-Сторожевскаго и Пафнутіева-Боровскаго. СПБ. 1891.

Поповъ. Описаніе рукописей и каталогъ книгъ церковной печати библіотеки А. И. Хлудова. М. 1873. (Прибавленіе М. 1875).

Владимировъ. Древняя русская литература Кіевскаго періода XI-XIII вв. Кіевъ. 1901.

Соболевскій. Лекціи по исторіи русскаго языка. СПБ. 1891.

Его же. Древній церковно-славянскій языкъ. М. 1890.

Архангельскій. Творенія отцовъ Церкви въ древне-русской письменности. Вып. I-IV. Казань. 1889—1890.

Шестодневъ Іоанна, экзарха Болгарскаго напечатанъ въ Чтен. Общ. Ист. и Древ. Росс. при Моск. ун. 1879 г. VIII.

Козьма Индикопловъ. Христіанская топографія. Изд. Общ. люб. др. письменности. СПБ. 1886.

Карнѣевъ. Физіологъ, изд. Общ. люб. др. письм. СПБ. 1883.

Коломенская Палея, изд. учениковъ Н. С. Тихонравова. М. 1892.

Толковая Палея 1477 г. изд. Общ. люб. др. письм. СПБ. 1892.

Изборникъ Святослава. Пам. древ. письм. 1880.

Тихонравовъ. Памятники отреченной русской литературы, т. I и II. СПБ. 1863. Т. III. СПБ. 1894.

Памятники старинной русской литературы, изд. гр. Кушелевымъ-Безбородко, подъ редакціей Костомарова и Пыпина, 2 т. СПБ. 1861—62.

Тихонравовъ. Лѣтописи рус. литературы и древностей. 5 т. М. 1859-63.

Порфирьевъ. Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библ. СПБ. 1877 (Сборникъ Отд. р. яз. и слов. Ак. Наукъ, т. XVII).

Его же. Апокриф. сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библ. СПБ. 1890 (Сборн. От. рус. яз. и слов. Ак. Наукъ, т. II)

Его же. Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ. Казань. 1872.

Къ главѣ III:

Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Изд. проф. А. И. **Пономарева**. СПБ. 1902—5.

Никольскій. О литературныхъ трудахъ митр. Климента Смолятича. СПБ. 1892.

Шляковъ. О поученіи Владимира Мономаха. СПБ. 1899.

Хожденіе игумена Даніила. (Правосл. Палестин. Сборн. т. I, подъ редакціей М. А. Веневитинова). СПБ. 1883—85.

Путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія (въ міру Добрыни Ядрейковича) въ концѣ XII в. съ предисловіемъ и примѣчаніями Павла Савваитова СПБ. 1872.

Къ главѣ IV:

Срезневскій. Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ. СПБ. 1860.

Поповъ. Библіографическіе матеріалы. I. М. 1879 (Чт. Общ. Ист. и Др.)

Шахматовъ. Нѣсколько словъ о Несторовомъ житіи св. Θеодосія. СПБ. 1896.

Его же. Кіево-Печерскій патерикъ и Печерская лѣтопись (Изв. Отд. рус. яз. и слов. т. II, кн. 3.)

Викторова. Составители Кіево-Печерскаго патерика и позднѣйшая его судьба. Воронежъ. 1871.

Яковлевъ. Памятники русской литературы XII и XIII вѣковъ. СПБ. 1872.

Его же. Древне-кіевскія религіозныя сказанія. Варшава. 1875.

Шахматовъ. Житіе Антонія и Печерская лѣтопись. (Журн. Мин. Нар. Пр. 1898, III)

Абрамовичъ. Изслѣдованіе о Кіево-Печерскомъ патерикѣ, какъ историко-литературномъ памятникѣ. СПБ. 1902.

Сухомлиновъ. О древне-русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ. СПБ. 1856.

Бестужевъ-Рюминъ. Русская исторія, т. I. СПБ. 1872.

Его же. О составѣ русскихъ лѣтописей. (Лѣтоп. занятій Археогр. комиссіи т. IV. СПБ. 1868).

Шахматовъ. О начальномъ Кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ. М. 1897.

Платоновъ. Лекціи по русской исторіи. СПБ. 1899.

Къ главѣ V:

Барсовъ. Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси. М. 1887—1890.

Ждановъ. Русская поэзія въ до-монгольскую эпоху. Кіевъ. 1876.

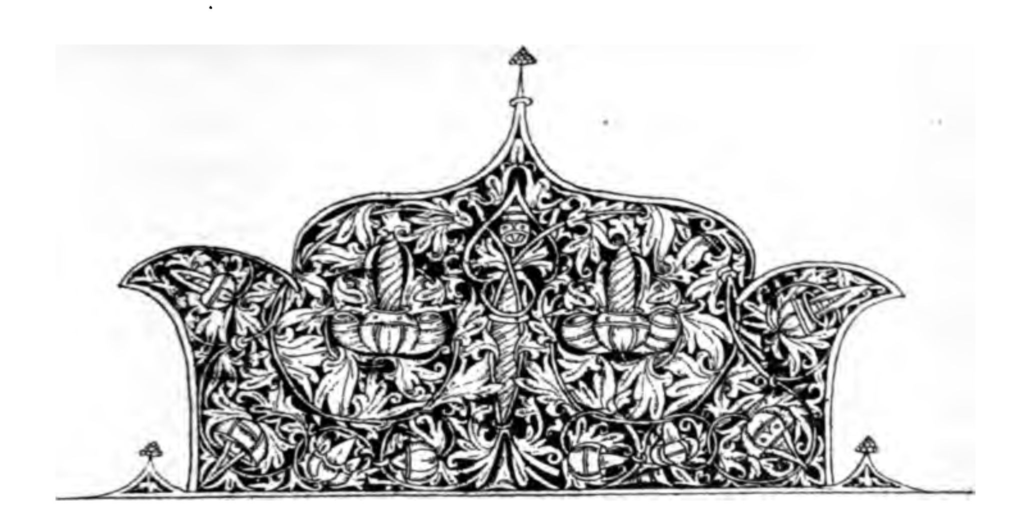
Лонгиновъ. Историческое изслѣдованіе сказанія о походѣ сѣверскаго князя Игоря Святославича на половцевъ. Одесса. 1892.

Шляпкинъ. Слово Даніила Заточника. СПБ. 1889.

Модестовъ. О посланіи Даніила Заточника (Журн. Мин. Нар. Пр.) 1880.

Лященко. О моленіи Даніила Заточника. СПБ. 1896.

Истринъ. Былъ ли Даніилъ Заточникъ дѣйствительно заточенъ? Одесса. 1902.



ГЛАВА VI.

Монгольскій періодъ.

Общій отличительный характеръ литературы первой поры монгольскаго времени обусловливается тѣмъ мрачнымъ настроеніемъ, которое вызвано было въ русскихъ тяжкимъ фактомъ татарскаго нашествія. Господствующимъ тономъ этого настроенія было покаяніе. Подъ ударами тяжкихъ бѣдствій среди русскихъ замѣчается стремленіе пересмотрѣть свою жизнь, открыть всѣ ея нехорошія стороны и устранить ихъ. Такое стремленіе находитъ себѣ выраженіе, прежде всего, въ произведеніяхъ духовныхъ писателей. Свѣтская литература за это время стушевывается, и мы не можемъ указать особенно выдающихся памятниковъ народно-поэтическаго творчества за время господства монголовъ. Впрочемъ, недавно г. Лопаревымъ открытъ былъ отрывокъ поэтическаго сказанія, относящійся къ изучаемой эпохѣ,—„Слово о погибели русской земли". Но и въ свѣтской литературѣ, какъ показываетъ открытый г. Лопаревымъ памятникъ, звучитъ также покаянная нота, характеризующая общее настроеніе татарскихъ подневольниковъ. Этотъ мрачный пессимизмъ особенно подчеркивался при воспоминаніи о недавнемъ процвѣтаніи „свѣтло-свѣтлой и красно украшенной земли Русской, при чемъ въ „Словѣ" могущество Руси представлялось сильно преувеличеннымъ, такъ что даже византійскій императоръ Мануилъ признается подвластнымъ русскаго князя.

Изъ духовныхъ писателей монгольскаго періода, оставившихъ послѣ себя памятники своей литературной дѣятельности, обращаютъ на себя вниманіе Кириллъ II, митр. Кіевскій, и Серапіонъ, еп. Владимирскій.

Митр. Кириллъ во время объѣзда своей епархіи замѣтилъ разные недостатки въ жизни своей паствы. Результатомъ этихъ

пастырскихъ наблюденій и было его поученіе *). Оно называется „правиломъ“ и входитъ въ составъ нашей „Кормчей“. Поученіе представляетъ собою проповѣдь, произнесенную, вѣроятно, на Владимирскомъ соборѣ (1274 г.). Съ самаго же начала авторъ говоритъ о бѣдствіяхъ, обрушившихся на русскую землю въ наказаніе за грѣхи народа, уклонившагося отъ исполненія правилъ св. отцовъ.

Послѣ такого приступа слѣдуетъ самое правило; имъ предписывается избѣгать бѣсовскихъ игръ, устраивавшихся на праздникахъ и сопровождавшихся кулачными боями, на которыхъ зачастую происходили смертоубійства. Чтобы сильнѣе побудить христіанъ къ исполненію такихъ предписаній, митрополитъ опредѣляетъ оставлять безъ погребенія всѣхъ нарушителей его правила, а священниковъ за погребеніе убитыхъ на игрищахъ лишать сана. Сюда же къ этому правилу присоединяется поученіе Кирилла „къ попамъ“, о достоинствахъ и обязанностяхъ духовныхъ служителей. Послѣдніе, какъ совершители св. таинствъ и посредники между Богомъ и людьми, сравниваются въ поученіи съ ангелами и серафимами, предстоящими у престола Господня. Отсюда авторъ выводитъ всю необходимость для нихъ быть высокими образцами нравственной жизни (онъ имъ заповѣдуетъ блюсти себя отъ пьянства, объяденія, отъ сваръ, тяжбъ, чтенія ложныхъ книгъ, не уклоняться отъ исполненія своихъ обязанностей учительства, благоговѣйнаго служенія и т. д.).

Это поученіе встрѣчается иногда отдѣльно отъ правила Кирилла и въ такомъ случаѣ имѣетъ заглавіе: „Поученіе епископа къ іереямъ“. Вѣроятно, оно сказано было Кирилломъ іереямъ на соборѣ, а потомъ въ качествѣ образцоваго наставленія было разослано по епархіямъ.

Серапіонъ, епископъ Владимирскій.

Отъ митр. Кирилла II мы имѣемъ одно только его „Правило“. Больше оставилъ послѣ себя современникъ его, еп. Серапіонъ, занимавшій Владимирскую каѳедру 1274—75 г. Произведеніямъ его посвящено изслѣдованіе юрьевскаго проф. Евг. Вяч. Пѣтухова (СПБ. 1888 г.), издавшаго, въ видѣ прибавленія къ своему труду, самыя эти произведенія. Г. Пѣтуховъ разобралъ составъ поученій Серапіона, указалъ ихъ источники и опредѣлилъ ихъ историко-культурное значеніе.

Серапіону принадлежатъ 5 поученій. Изъ нихъ первыя 3 замѣтно проникнуты покаяннымъ настроеніемъ и имѣютъ своимъ предметомъ указаніе, вмѣстѣ съ призывомъ къ исправленію, на тѣ грѣхи русской земли, за которые постигло ее монгольское бѣдствіе.

Разбирая эти три поученія, г. Пѣтуховъ нашелъ, что проповѣдникъ изображаетъ въ нихъ грѣхи народные въ извѣстномъ порядкѣ,

*) Эго поученіе см. у проф. Павлова въ „Памятникахъ древне-русскаго канон. права“.

придерживаясь опредѣленной схемы, представляя изъ нихъ своего рода лѣствицу прегрѣшеній. Мысль о подобной схематизаціи внушена была Серапіону византійскими образцами. Но справедливость требуетъ сказать, что для нашего проповѣдника эта византійская лѣствица была только формой, въ которую онъ вкладываетъ свое содержаніе. Серапіонъ близокъ къ жизни, вѣрно ее отражаетъ въ своихъ поученіяхъ и, если иногда и выбираетъ изъ византійской схемы грѣховъ, то только то, что подходитъ къ русской дѣйствительности его времени.

Свои поученія Серапіонъ произносилъ въ церкви, на что ясно показываютъ его жалобы на неисполненіе слушателями его назиданій и наставленій *).

Въ первомъ поученіи проповѣдникъ говоритъ о знаменіяхъ Господнихъ, которыя должны были бы предостеречь народъ отъ беззаконій и побудить къ нравственному исправленію. Эти знаменія онъ видитъ въ затменіи солнца и луны („знаменія въ солнцѣ и лунѣ"), въ землетрясеніяхъ („труси по мѣстомъ") и голодѣ. На землетрясеніе, какъ на проявленіе на землѣ гнѣва Божія, указывалъ въ свое время еще Несторъ. Въ томъ же смыслѣ говоритъ и Серапіонъ. „Земля, по его словамъ, отъ зачала утверждена и неподвижима повелѣніемъ Божіимъ, нынѣ двигается, грѣхы нашими колеблется, беззаконія нашего носити не можетъ". И все это происходитъ отчего? Оттого, что всѣ не послушали евангелія, апостола, пророковъ и великихъ свѣтилъ церкви — вселенскихъ святителей (Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста). Для вразумленія грѣшниковъ Богъ наказываетъ ихъ самымъ дѣломъ: Онъ „землю трясетъ и колеблетъ, беззаконья грѣхы многыя отъ земли отрясти хощетъ, яко листвіе отъ дерева". И не одно только землетрясеніе постигаетъ русскую землю, на нее обрушивается голодъ, моръ и „рати многыя". Несмотря на всѣ эти вразумленія, никто не пришелъ къ покаянію, пока, наконецъ, не надвинулся „языкъ немилостивъ", опустошившій русскую землю. Затѣмъ проповѣдникъ убѣждаетъ своихъ слушателей проникнуться покаяніемъ и исправиться отъ грѣховъ, при изображеніи которыхъ онъ пользуется упомянутой раньше схемой. Нѣкоторыя изъ ступеней этой лѣствицы прегрѣшеній мы можемъ встрѣтить еще раньше у Нестора, въ проповѣдяхъ Луки Жидяты и др.; еп. Лука, какъ и Серапіонъ, упоминаетъ, напр., о „рѣзоимствѣ".

Такой же характеръ имѣетъ и второе поученіе Серапіона. И здѣсь изображеніе тяжкихъ бѣдствій, постигшихъ русскій народъ, и увѣщаніе къ исправленію, какъ средству избавиться отъ этихъ бѣдствій. „Уже 40 лѣтъ,—въ такихъ чертахъ проповѣдникъ изображаетъ монгольское бѣдствіе,— тяготѣетъ надъ русскими „томленіе и мука, и въ сласть хлѣба своего изъѣсти не можемъ, и воздыханіе наше и печаль сушить кости наши".

*) См. начало II поученія въ хрестоматіи Буслаева 114 стр.: „Многажды глаголахъ вамъ".

Въ третьемъ поученіи, сходномъ по характеру съ первыми двумя, находимъ яркую картину татарскаго нашествія. Этотъ „языкъ немилостивъ“, не щадившій „ни красоты юны, ни немощи старець, ни младости дѣтій“, разрушилъ церкви, поругался надъ святынями, проливалъ кровь русскую, „аки воду многую“, напоившую землю, множество братій и чадъ увелъ въ плѣнъ. И вотъ послѣдствія этого нашествія: „села лядиною поростоша, величество наше смирися, красота наша погыбе, богатство наше инѣмъ въ корысть бысть... Въ поношеніе быхомъ живущимъ воскрай (около) земли нашея, въ посмѣхъ быхомъ врагомъ нашимъ“,— словомъ, нѣтъ такого наказанія, котораго не испытали бы русскіе.

Четвертое поученіе составлено было Серапіономъ по слѣдующему поводу. Около его времени въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ русскій народъ страдалъ отъ неурожая и голода. Народное мнѣніе приписывало это бѣдствіе всецѣло дѣйствію волшебниковъ и колдуновъ. Послѣднихъ разыскивали и подвергали всевозможнымъ пыткамъ съ цѣлью удостовѣриться, правильны ли подозрѣнія относительно ихъ сношеній съ нечистыми силами; ихъ бросали, напр., съ грузомъ въ воду и, если подвергавшіеся „суду Божію“ не тонули, то мнѣніе о ихъ „порчѣ“ становилось непоколебимымъ: вода-де—стихія чистая и потому не принимаетъ въ себя ничего нечистаго. Такое суевѣріе, какъ отмѣчаетъ г. Пѣтуховъ, извѣстно было не только у насъ, но и въ Зап. Европѣ и держалось тамъ очень долго. Въ XVI в. мы видимъ первые протесты противъ этого суевѣрія: Мальбраншъ, Беккеръ и іезуитъ Таннеръ пишутъ противъ колдовства, отрицаютъ всякую возможность для человѣка быть въ сношеніяхъ съ нечистыми духами и доказываютъ всю неудовлетворительность такъ называемаго „суда Божія“ для обнаруженія повинныхъ въ волшебствѣ и чародѣйствѣ. Такимъ образомъ голоса этихъ ученыхъ теологовъ раздаются 300 лѣтъ спустя послѣ нашего Серапіона. Но и потомъ—въ XVII и XVIII вв. суевѣріе продолжаетъ жить на Западѣ: мы знаемъ, какъ рьяно возставали противъ него энциклопидисты—„просвѣтители“ XVIII в., особенно Вольтеръ. У насъ суевѣріе извѣстно не только во времена Серапіона, но даже до послѣдняго времени. Отъ второй половины XVIII в. мы имѣемъ письмо управляющаго имѣніемъ гр. Тышкевича, въ которомъ онъ извѣщаетъ графа о сожженіи „6 чаровницъ“. Въ 1879 г. сожжена была въ Новгородской губ. крестьянка Аграфена Игнатьева по подозрѣнію въ колдовствѣ; въ 1885 г. въ Херсонской губ. былъ случай расправы крестьянъ съ тремя бабами, которыхъ они сочли за колдуній, задерживавшихъ дождь и производившихъ засуху; несчастныхъ купали и топили въ рѣкѣ, угрожали, умоляли и пр. Любопытно при этомъ то, что сами бабы поддерживали увѣренность, что онѣ колдуньи и что онѣ, дѣйствительно, задерживали дождь. Подобные же факты суевѣрія отмѣчаются проф. Пѣтуховымъ до 70-хъ гг. XIX в. и на Западѣ. Такимъ образомъ вѣра въ „судъ Божій“ держится чрезвычайно упорно чуть ли не до нашего времени, и потому весьма важно, что первый

извѣстный намъ протестъ противъ этого суевѣрнаго обычая раздался изъ устъ русскаго проповѣдника XIII вѣка. Невольно является вопросъ: откуда явились у Серапіона тѣ идеи, которыя онъ высказалъ? принадлежатъ ли онѣ лично ему? не возникли ли онѣ подъ вліяніемъ сочиненій какихъ-либо греческихъ церковныхъ учителей? Къ сожалѣнію, на эти вопросы мы не можемъ дать никакого отвѣта: быть можетъ, и существовали какіе-нибудь византійскіе источники сужденій Серапіона, но пока они намъ неизвѣстны. Во всякомъ случаѣ, даже если такіе источники и будутъ открыты, самая возможность воспріятія такихъ идей свидѣтельствуетъ о высотѣ нравственнаго сознанія русскаго проповѣдника такой отдаленной эпохи, и весьма вѣроятно предположеніе, что Серапіонъ не былъ совершенно одинокъ въ своихъ заявленіяхъ противъ „суда Божія“.

Возражая противъ подобнаго суевѣрія, Серапіонъ въ 4-мъ поученіи спрашиваетъ прежде всего слушателей: „отъ которыхъ книгъ или кыхъ писаній се слышасте яко волхвованіемъ глади бываютъ на земли и пакы волхвованіемъ жита умножаются?“ Затѣмъ проповѣдникъ указываетъ на то, что, если вѣрить темнымъ силамъ, то, слѣдовательно, надо и чтить ихъ, молиться имъ, чтобы онѣ давали дождь, давали тепло и плодородіе земли. Наконецъ онъ приводитъ слушателямъ логическій доводъ противъ дикой расправы съ заподозрѣнными въ волшебствѣ: божественное правило велитъ осуждать человѣка на смерть при многихъ свидѣтеляхъ („послухахъ“), а суевѣрные ставятъ послухомъ только „бездушное естество“—воду, и разсуждаютъ: „аще утопати начнетъ, неповинна есть, аще ли попловеть, волховь есть“. А что, какъ діаволъ, видя ваше маловѣріе, станетъ поддерживать брошеннаго въ воду „да не погрузится, дабы вовреши въ душегубство, яко оставивше послушьство боготвореннаго человѣка, идосте къ бездушному естеству—водѣ?“

Послѣднее, пятое, поученіе Серапіона тоже касается одного суевѣрія, которое весьма было распространено въ его время въ народѣ. Суевѣріе это никакъ не допускало погребенія умершихъ неестественною смертью, такъ какъ погребеніе такихъ людей, какъ думали, могло порождать народныя бѣдствія, особенно засуху, неурожай и т. п. Въ случаѣ бѣдствій, дѣйствительно, вырывали изъ земли погребенныхъ удавленниковъ, утопленниковъ и т. п. Проповѣдникъ глубоко возмущается всѣмъ этимъ и стремится вразумить маловѣровъ. Гнѣва Божія, проявляющагося въ указанныхъ бѣдствіяхъ, нельзя утишить, внушаетъ онъ слушателямъ, выкапываніемъ изъ земли удавленника или утопленника; этимъ хуже только можно прогнѣвить Бога. Для освобожденія отъ казней Божіихъ нужно нравственное исправленіе, искорененіе въ себѣ такихъ пороковъ, какъ разбой, грабленіе, пьянство, скупость, ложь, клевета, рѣзоиманіе и пр.

Таково содержаніе поученій еп. Серапіона. Общее во всѣхъ нихъ, какъ видимъ, указаніе грѣховъ русскаго народа и призывъ къ покаянію.

По формѣ всѣ поученія его отличаются простотою и задушевностью; въ нихъ проглядываетъ любовь пастыря-проповѣдника къ своей духовной паствѣ. Правда, иногда онъ строго выговариваетъ слушателямъ за ихъ невниманіе къ его пастырскимъ поученіямъ и за уклоненія отъ правилъ истинно-христіанской жизни, но это—строгость отца къ сыну. Простота изложенія сближаетъ еп. Серапіона съ другимъ уже извѣстнымъ намъ проповѣдникомъ Лукой Жидятой, и такимъ образомъ еп. Серапіонъ по своей проповѣднической манерѣ долженъ быть причисленъ къ той группѣ древне-русскихъ проповѣдниковъ, которые чужды были натянутаго искусственно-книжнаго направленія и матеріалъ для своихъ поученій почерпали изъ окружавшей ихъ дѣйствительности. Интересны поученія Серапіона и со стороны содержанія, особенно по имѣющимся въ нихъ указаніямъ на господствовавшія въ свое время суевѣрія и другіе недостатки въ жизни русскихъ. Эта послѣдняя черта въ поученіяхъ Серапіона сближаетъ его съ *анонимными писателями монгольскаго періода*, изображающими въ своихъ произведеніяхъ остатки язычества и различныя суевѣрія русскихъ.

Изъ числа такихъ анонимныхъ авторовъ обращаетъ на себя вниманіе *нѣкій христолюбецъ и ревнитель по правой вѣрѣ*. Послѣдній оставилъ намъ „Слово", которое помѣщено въ Паисіевскомъ сборникѣ (конца XIV в.) и въ Новгородскомъ сборникѣ (начала XV в.) и относится къ концу XIII или началу XIV в. Оно очень невелико по объему, но характерно и любопытно по содержанію; особенно важны въ немъ указанія автора на распространенные въ то время остатки языческой старины. „Христолюбецъ", проникнутый ревностью Иліи Ѳесвитянина по Богѣ Вседержителѣ, не можетъ терпѣть христіанъ, двоевѣрно живущихъ, вѣрующихъ въ „Перуна, и Хорса, и въ Мокошь, и въ Сима, и въ Регла, и въ Вилы". Такимъ образомъ „Христолюбецъ" даетъ цѣлый рядъ названій языческихъ божествъ, про которыхъ мы теперь даже не знаемъ. Онъ разсказываетъ и про то, какъ въ его время совершалось служеніе („требы") этимъ божествамъ: „короваи имъ ломятъ, и куры имъ рѣжютъ, огневи ся молятъ зовуще его Сварожичемъ". Словомъ, христіане „не хужьше суть жидовъ и еретикъ, иже въ вѣрѣ и въ крещеньи тако творятъ". Христолюбецъ отмѣчаетъ при этомъ индифферентизмъ современнаго ему духовенства, которое не только не противодѣйствовало такому двоевѣрію, но нерѣдко само готово „творить тоже". Въ „Словѣ" есть нѣкоторыя черты, которыя указываютъ на знакомство автора съ апокрифическимъ „видѣніемъ Павла."

Рядомъ съ „Словомъ Христолюбца" должны быть поставлены анонимныя поученія, усвоявшіяся, однако, для большей ихъ авторитетности свв. отцамъ Церкви; таковы, напр. „*Слово св. Григорія Богословца* изобрѣтено въ толцѣхъ, како первое погани суще языци служили идоломъ и еже и нынѣ мнози творятъ" и „два слова св. отца нашего Іоанна Златоуста". Первое „Слово" можемъ найти въ

тѣхъ спискахъ, въ которыхъ помѣщено и „Слово Христолюбца". Скорѣе всего это есть передѣлка слова св. Григорія Богослова на Богоявленіе съ присоединеніемъ толкованій къ нему, почему и сказано въ заглавіи „изобрѣтено въ толцѣхъ". Содержаніемъ „Слова Григорія Богословца" и двухъ словъ Златоуста служитъ обличеніе державшихся въ народѣ преданій и обрядовъ, языческихъ вѣрованій въ Перуна, Хорса, Мокошь, Рода, Рожеництъ, Дажьбога и др. и совершенія въ честь ихъ различныхъ обрядовъ („куры имъ рѣжютъ, къ кладезямъ приходяще молятся" и т. д.).

Во главѣ церковно-поучительной литературы XIV в. должны быть поставлены труды митрополитовъ Петра, Алексія и Кипріана и игумена Бѣлозерскаго монастыря Кирилла.

Памятники поучительной литературы XIV вѣка.

Св. Петръ, митроп. московскій, извѣстенъ, какъ церковно-политическій дѣятель своего времени (ум. 1326 г.). Съ его именемъ связанъ фактъ перенесенія митрополіи изъ Владимира въ Москву. Задачей св. Петра, какъ руководителя новой митрополіи, была организація послѣдней и введеніе въ ней новыхъ порядковъ церковной администраціи; съ этой цѣлью ему приходилось разъѣзжать по Московской епархіи, поучать духовенство и народъ. Памятникомъ такой организаторской дѣятельности св. Петра служатъ два его поученія. Первое поученіе къ „игуменомъ, попомъ и діакономъ" заключаетъ въ себѣ краткое указаніе прямыхъ обязанностей духовнаго чина. Подвѣдомственныя ему духовныя лица, по словамъ поученія, должны быть „пастухами истинными, а не наемниками, млеко снѣдающими и волну снимающими, а объ овцахъ не имѣющими попеченія"—вотъ основная мысль посланія св. Петра. Это поученіе въ древности пользовалось большимъ авторитетомъ, много разъ переписывалось и охотно цитировалось другими проповѣдниками; на него указываетъ пастырямъ Стоглавый соборъ, какъ на руководство въ ихъ дѣятельности.

Другое поученіе св. Петра имѣетъ спеціальный интересъ и представляетъ собой нѣчто въ родѣ циркуляра, окружного посланія. Здѣсь авторъ призываетъ свою паству къ трезвости, въ виду приближающагося поста, народу внушаетъ молиться, а духовенству запрещаетъ заниматься торговлею и ростовщичествомъ. Это послѣднее запрещеніе имѣетъ историко-культурный интересъ: мы видимъ, что даже само духовенство не было чуждо порока, противъ распространенія котораго въ народѣ вооружался въ свое время еще еп. Лука Жидята.

Поученіе другого московскаго митрополита, Алексія, имѣетъ такъ же, какъ и первое поученіе Петра, общій характеръ, обращено ко всей паствѣ, а не только къ одному духовенству. Въ немъ мы на-

ходимъ толкованіе евангельскихъ притчей (о сѣятелѣ и сѣмени и о виноградникѣ) вмѣстѣ съ присоединеніемъ къ этому указанія на христіанскія обязанности членовъ его паствы (о страхѣ Божіемъ, о почтеніи къ князьямъ и святителямъ и о повиновеніи имъ, о необходимости для всѣхъ церковной молитвы и причастія святыхъ Таинъ).

Тотъ же характеръ отличаетъ и посланія Кирилла, игумена Бѣлоозерскаго. Это былъ очень просвѣщенный и любознательный человѣкъ, оставившій послѣ себя нѣсколько собственноручныхъ списковъ книгъ св. писанія, Евангелія, Апостола, Псалтири и др. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчаются выписки даже изъ свѣтскихъ книгъ (напр., изъ физики Галена). Собранныя Кирилломъ рукописи послужили основаніемъ богатѣйшей Бѣлоозерской библіотеки. Кириллъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и образцовымъ пастыремъ. Извѣстно, какимъ авторитетомъ онъ пользовался среди представителей свѣтской власти, князей, къ которымъ онъ обращался съ словомъ утѣшенія въ бѣдствіяхъ и которымъ давалъ тѣ или другіе совѣты въ дѣлахъ управленія. Посланія его имѣютъ частный, личный характеръ; таковы его посланія: 1) Великому князю Василію Дмитріевичу о томъ, чтобы онъ примирился съ Суздальскими князьями, 2) Можайскому князю Андрею Дмитріевичу о его нравственныхъ обязанностяхъ и о лучшей организаціи управленія его удѣломъ, и 3) Звенигородскому князю Георгію Дмитріевичу, утѣшительное, по случаю болѣзни супруги его.

Болѣе значенія имѣетъ литературная дѣятельность митр. Кипріана (1376—1406 г.), съ именемъ котораго связывается новое направленіе, отразившееся на русскомъ языкѣ и стилѣ. Конецъ XIV и начало XV вѣка, намъ извѣстно, были временемъ проникновенія въ нашу литературу сербскихъ и болгарскихъ вліяній. Посредниками этихъ вліяній были сербскіе и болгарскіе пришельцы, которые приносили съ собою въ Россію рукописи и сами занимались литературной дѣятельностью. Митр. Кипріанъ по происхожденію былъ сербъ. Естественно, что сербскій языкъ по переселеніи Кипріана въ Россію долженъ былъ оставить свои слѣды въ его русской литературной рѣчи; кромѣ того, сербское вліяніе должно было проявиться и благодаря многочисленнымъ рукописямъ (такъ называемымъ „Кипріановскимъ“), принесеннымъ имъ изъ Сербіи. Особенно извѣстенъ его Требникъ, гдѣ впервые встрѣчаемъ статью, направленную противъ ложныхъ апокрифическихъ книгъ. Кипріанъ, самъ человѣкъ очень книжный, извѣстенъ своими заботами о распространеніи школьнаго просвѣщенія на Руси.

Памятниками его церковно-административной дѣятельности служатъ его посланія, касающіяся главнымъ образомъ внутренняго устройства церкви. Изъ этихъ посланій видимъ, что современное ему русское общество волновали вопросы, которые потомъ, черезъ 100 лѣтъ, возникли опять и раскололи общество на два противоположные

лагеря,—это именно вопросы о близости кончины міра и о монастырскихъ вотчинахъ. Монахъ долженъ быть чуждъ житейскихъ, матеріальныхъ интересовъ, о богатствѣ онъ не долженъ помышлять, какъ не помышляли о томъ великіе образцы монашеской жизни, Пахомій и Θеодосій,—вотъ точка зрѣнія на указанный вопросъ митр. Кипріана. „Святые отцы,—говоритъ онъ въ посланіи къ одному игумену,—не предали инокамъ владѣть полями и селами. Какъ можно однажды отрекшемуся міра и всего мірского связывать себя мірскими дѣлами, снова созидать то, что самъ же разрушилъ и такимъ образомъ быть противникомъ своихъ обѣтовъ?" Во время Кипріана достаточно было сослаться лишь на это въ подтвержденіе мысли о неумѣстности для монастырей владѣть вотчинами. Не то было потомъ, когда ту же мысль нужно было отстаивать болѣе сложными аргументами. Къ числу поучительныхъ сочиненій митр. Кипріана относится наконецъ, его прощальная грамота, написанная имъ за 4 дня до смерти; въ ней онъ проситъ у всѣхъ прощенія и напоминаетъ людямъ о бренности всего земного.

Для насъ особенно любопытно составленное Кипріаномъ житіе св. Петра, митр. московскаго. Мы уже разсматривали ранѣе произведенія житійной литературы, Патерикъ и отдѣльныя сказанія, принадлежащія Нестору и Іакову Черноризцу. Отличительными чертами ихъ служатъ простота стиля и возможно большій подборъ фактическихъ подробностей изъ жизни описываемыхъ святыхъ. Житіе, составленное Кипріаномъ, является совершенно въ иномъ видѣ. Сообщеніе о жизни и подвигахъ святого авторъ считаетъ неважнымъ, несущественнымъ въ житіи; прямая цѣль, которую должно преслѣдовать житіе—прославленіе, восхваленіе святого. Такую цѣль, по мнѣнію Кипріана, сказаніе достигаетъ въ томъ случаѣ, когда оно хорошо и витіевато изложено; нужно составить житіе, чтобы самая внѣшняя форма, стиль его производилъ впечатлѣніе на читателя. И дѣйствительно, житіе св. Петра очень небогато фактами, но зато оно испещрено лирическими отступленіями, въ которыхъ авторъ величаетъ и восхваляетъ святителя. Иногда у митр. Кипріана этотъ лиризмъ бываетъ естественнымъ и прочувствованнымъ, но иногда прямо видно, что онъ прибѣгаетъ къ нему только въ силу требованій усвоеннаго имъ агіографическаго направленія. Справедливость требуетъ замѣтить, что Кипріанъ пользуется новыми житійными пріемами умѣренно. Впослѣдствіи же, чѣмъ дальше, тѣмъ больше эти пріемы начинаютъ отвоевывать себѣ мѣсто въ агіографической литературѣ и въ житіяхъ, принадлежащихъ Пахомію Логоθету, выражаются въ крайнихъ формахъ. Риторическіе эффекты, въ родѣ восклицаній, вопрошеній и т. п. въ житіяхъ Пахомія совершенно скрываютъ за собой фактическія подробности изъ жизни святого. Изслѣдователь нашей житійной литературы В. О. Ключевскій опредѣляетъ значеніе Пахомія слѣдующимъ образомъ: „Пахомій вышелъ изъ средоточія православной греко-славянской образованности XIV—XV в., изъ Святой Горы, и вынесъ

оттуда высокое понятіе объ охранительной силѣ родной письменности для племени... Пахомія много читали въ древней Руси и усердно подражали пріемамъ его пера: его творенія служили едва ли не главными образцами, по которымъ русскіе агіобіографы съ конца XV в.

Изъ житія митрополита святого Алексія, составленнаго Пахоміемъ Логоѳетомъ. Списокъ начала XVII вѣка. Рисунокъ изображаетъ шествіе митрополита въ Орду, къ словамъ житія „идущу же ему въ орду". (Изд. Общ. Люб. Др. Письм.).

учились искусству описывать жизнь святого. Списатель одного изъ житій, выражая взглядъ русскихъ книжниковъ XV в., на Пахомія называетъ его отъ юности усовершившимся въ писаніи и во всѣхъ философіяхъ, превзошедшимъ всѣхъ книжниковъ разумомъ и мудростью. Такой человѣкъ былъ нуженъ на Руси въ XV в., и потому, когда онъ явился здѣсь, великій князь и митрополитъ съ соборомъ,

новгородскій владыка и игуменъ монастыря обращались къ нему съ просьбами и порученіями написать о томъ или другомъ святомъ. Достаточно пересчитать творенія Пахомія, приведенныя въ извѣстность, чтобы видѣть, для чего собственно было нужно на Руси его перо и что новаго внесло оно въ русскую письменность. Пахомій написалъ не менѣе 18 каноновъ и 3 или 4 похвальныя слова святымъ, 6 отдѣльныхъ сказаній и 10 житій; изъ послѣднихъ только 3 можно считать оригинальными произведеніями: остальныя—новыя редакціи или переложенія прежде написанныхъ біографій. Запасъ русскихъ церковныхъ воспоминаній, накопившійся къ половинѣ XV в., надобно было ввести въ церковную практику и въ составъ душеполезнаго чтенія, обращавшагося въ ограниченномъ кругу грамотнаго русскаго общества. Для этого надобно было облечь воспоминанія въ форму церковной службы, слова или житія, въ тѣ формы, въ какихъ только и могли они привлечь вниманіе читающаго общества, когда послѣднее еще не видѣло въ нихъ предмета не только для научнаго знанія, но и для простаго историческаго любопытства. Въ этой стилистической переработкѣ русскаго матеріала и состоитъ все литературное значеніе Пахомія. Онъ нигдѣ не обнаружилъ значительнаго литературнаго таланта; но онъ прочно установилъ постоянные, однообразные пріемы для жизнеописанія святого и для его прославленія въ Церкви и далъ русской агіобіографіи много образцовъ того ровнаго, нѣсколько холоднаго и монотоннаго стиля, которому и было легко подражать при самой ограниченной степени начитанности".

Южно-славянское вліяніе, такъ замѣтно отразившееся на сочиненіяхъ митр. Кипріана и Пахомія Логоѳета сказалось и вообще на стилѣ литературныхъ памятниковъ второй половины монгольскаго періода. Среди сочиненій, относящихся къ этому періоду, мы должны отмѣтить произведенія историческаго характера. Эти сочиненія представляютъ собой яркій образецъ усвоенной нашими книжниками южно-славянской манеры украшать стиль; по этой особенности они и носятъ названіе украшенныхъ повѣстей.

Украшенныя повѣсти.

Еще въ XIII стол. появляется цѣлый рядъ полуисторическихъ, полубеллетристическихъ повѣствовательныхъ сочиненій, имѣющихъ своимъ предметомъ то или другое замѣчательное историческое лицо или событіе,—таковы, напр., повѣсть о Батыевомъ нашествіи, имѣющая былинный характеръ, повѣсть о Евпатіи Коловратѣ, отличившемся при защитѣ Рязани противъ Батыя, повѣсть о житіи и храбрости Александра Невскаго, побѣдителя шведовъ, повѣсть о князѣ Довмонтѣ, извѣстномъ въ исторіи борьбы новгородцевъ съ Ливонскимъ рыцарскимъ орденомъ и Литвой, и др. Но для насъ особенный интересъ

представляютъ тѣ изъ повѣстей данной эпохи, которыя группируются около Куликовской битвы,—это именно сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ, Задонщина и Слово о житіи и преставленіи вел. кн. Дмитрія Іоанновича.

Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ приписывается рязанскому іерею Софронію (въ лѣтописи онъ называется рязанцемъ Софоніемъ). Какъ видно, авторъ имѣлъ подъ руками „Слово о полку Игоревѣ" и старался подражать ему. Но вмѣстѣ съ тѣмъ видно и то, что „Слово" не совсѣмъ ему было понятно, вслѣдствіе чего и подражаніе вышло неудачнымъ, неискуснымъ, заключающимъ въ себѣ зачастую странныя и непонятныя выраженія. Начинается сказаніе, напр., обращеніемъ къ Урану: „се повѣдай Уранъ, како случися брань на Дону православнымъ христіаномъ съ безбожными агаряны". Здѣсь, вѣроятно, мы имѣемъ искаженіе непонятнаго слова Боянъ, встрѣчающагося въ „Словѣ о полку Игоревѣ", при чемъ видимъ, что авторъ сказанія, исказивши означенное слово, какъ будто вспомнилъ имя изъ греческой миѳологіи, хотя весьма сомнительно предполагать въ Софроніи (или Софоніи) знакомство съ греческой миѳологіей. Послѣ обращенія въ сказаніи идетъ рѣчь о томъ, какъ Мамай „отъ наученія діавола" задался мыслью истребить православную вѣру на Руси. Онъ собираетъ свою рать и приказываетъ ей готовиться къ выступленію въ походъ. Великій князь Дмитрій ничего не знаетъ о намѣреніи Мамая. Узнаетъ о надвигающейся грозѣ рязанскій князь Олегъ, который измѣннически предлагаетъ Мамаю свои услуги въ походѣ противъ своего врага — великаго князя, склоняя къ тому же самому и князя Ольгерда. Мамай гордо принимаетъ пословъ и на предложеніе Олега отвѣчаетъ отказомъ, говоря, что въ чужой помощи онъ не нуждается: онъ-де располагаетъ такими военными силами, что при желаніи можетъ завоевать даже древній Іерусалимъ. Гордому Мамаю противопоставляется смиренный и благочестивый князь Дмитрій. Нашествіе сильнаго непріятеля онъ считаетъ наказаніемъ за грѣхи русскихъ людей; когда ему становится извѣстнымъ о приближеніи Мамая, онъ падаетъ на колѣни предъ образами, молясь, чтобы казнь Божія миновала русскую землю и коснулась лишь его одного. Затѣмъ онъ отправляетъ пословъ къ двоюродному брату Владиміру Андреевичу, а самъ идетъ къ митр. Кипріану, который совѣтуетъ князю откупиться золотомъ. Но въ то же время приносится вѣсть о переходѣ Ольгерда на сторону Мамая. Тогда митрополитъ благословляетъ князя итти на непріятеля. Далѣе слѣдуетъ описаніе выступленія русскихъ въ походъ, очень напоминающее собой такое же описаніе въ „Словѣ о полку Игоревѣ". Самому выступленію предшествуетъ поѣздка великаго князя къ преп. Сергію, отъ котораго онъ получаетъ благословеніе и двухъ спутниковъ, иноковъ Ослябю и Пересвѣта, — и молитва передъ гробницами св. Петра и православныхъ князей, предковъ Дмитрія. Выступленіе Дмитрія рисуется такими чертами: „князь же великъ Дмитрій Ивановичъ вступи въ златокованное стремя (въ

„Словѣ о полку Игоревѣ“: „вступи Игорь князь въ златъ стремень“) и сѣдѣ на своего любовнаго коня, а солнца съ восхода свѣтитъ въ путь его и вѣтрецъ тихъ и теплъ на нихъ вѣетъ“. Затѣмъ, описывается прощальный плачъ великой княгини Евдокіи въ аналогичныхъ, но менѣе выразительныхъ и сильныхъ по чувству чертахъ, сравнительно съ описаніемъ плача Ярославны въ „Словѣ“; стиль плача Евдокіи скорѣе молитвенный, нежели художественно-поэтическій. Послѣ этого изображается самый походъ подробно и опять очень сходно съ „Словомъ о полку Игоревѣ“. По переходѣ черезъ Донъ Дмитрій готовится къ битвѣ. Какъ въ „Словѣ“, такъ и здѣсь, битвѣ предшествуютъ предзнаменованія, и тамъ и здѣсь эти предзнаменованія очень сходны. „За многи дни, говорится въ сказаніи, придоша на то мѣсто мнози волцы, по вся нощи воютъ непрестанно (въ „Словѣ“: „вълцы грозу сърожать по яругамъ“): гроза бо велика есть слышати, храбрымъ полкомъ сердце утверждаетъ, и мнози врани собрашася необычно граютъ, галицы же свею рѣчью говорятъ и мнози орли отъ Усть-Дону приспѣша (въ „Словѣ“: „орли клектомъ на кости звѣри зовуть“), лисицы на кости брешутъ, ждучи дни грознаго, Богомъ изволеннаго, въ оньже нмать пастися множество трупа человѣческаго и кровопролитія, аки морскимъ водамъ“.

Наканунѣ битвы князь Дмитрій Іоанновичъ смотритъ свои войска: онъ выѣзжаетъ на возвышенное мѣсто, откуда представляется ему прекрасная картина войска, готоваго къ битвѣ; онъ видитъ образъ Спасителя, высоко поднятый надъ войскомъ и сіяющій на солнцѣ; какъ живыя, колышутся хоругви; оружіе и доспѣхи воиновъ блестятъ и сверкаютъ, какъ золото. Дмитрій сходитъ съ коня, падаетъ предъ образомъ Спасителя, изображеннымъ на знамени и молится. Ночью наканунѣ битвы Дмитрій съ воеводой Волынскимъ отправляются на Куликовское поле наблюдать знаменія. Воевода слѣзаетъ съ коня, припадаетъ къ землѣ и, прислушавшись, сообщаетъ князю, что ему чудится плачъ земли „на двѣ страны“, при чемъ „едина страна, аки нѣкая жена, плачущая чадъ своихъ, другая же страна, аки дѣвица (варіантъ: вдовица), просопе, аки въ свирѣль. Азъ чаю побѣды на поганыхъ, заключаетъ воевода, а крестьянъ (христіанъ) множество падетъ“. Полагаясь на волю Божію, Дмитрій на утро выступаетъ на бой, описаніе котораго опять-таки очень напоминаетъ извѣстное описаніе битвы въ „Словѣ“. „Треснуша копья харалужныя (стальныя) (въ „Словѣ“: трещать копья харалужная“) „звенятъ доспѣхи злаченые стучатъ щиты червленые, гремятъ мечи булатные и блистаются сабли“ (въ „Словѣ“: „гремлють сабли о шеломы“).

По окончаніи битвы князя Дмитрія находятъ израненнымъ подъ березой и сообщаютъ ему радостную вѣсть о побѣдѣ русскихъ: обрадованный князь восклицаетъ: „сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся!“ Дмитрій объѣзжаетъ на конѣ оставшихся въ живыхъ воиновъ и велитъ погребать убитыхъ. Этимъ заканчивается сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ спискахъ ко всему

изложенному прибавляется разсказъ о возвращеніи князя въ Москву, о встрѣчѣ его съ княгиней и о благодарственныхъ молитвахъ, принесенныхъ имъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ молился передъ выступленіемъ противъ татаръ.

Всматриваясь въ „Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ", мы не можемъ не замѣтить въ немъ, съ одной стороны, трогательныхъ мѣстъ, выражающихъ искреннее чувство, а съ другой — и поэтическихъ достоинствъ, украшающихъ его. Но при всемъ томъ, есть въ немъ и очень замѣтные недостатки. Отъ „Сказанія", прежде всего, за исключеніемъ отдѣльныхъ его мѣстъ, вѣетъ сухостью. Это вполнѣ понятно: авторъ беретъ старый памятникъ и старается во всемъ подражать ему; свои чувства онъ не можетъ изображать свободно и искренно: его стѣсняютъ подражаніе и, кромѣ того, реторическіе пріемы. Несмотря на все это, въ свое время „Сказаніе" было очень распространено, а черезъ нѣсколько лѣтъ породило новое подражательное произведеніе „Задонщину".

„Задонщина" представляетъ собой очень сложную литературную переработку. Образцомъ для подражанія авторъ ставитъ себѣ „Слово о полку Игоревѣ"; не довольствуясь, однако, этимъ источникомъ, въ ближайшее руководство для своего труда онъ беретъ, кромѣ того, сказаніе Софонія („азъ же помняху Рязанца Софонія", говоритъ онъ). Самый разсказъ „Задонщины" отличается простотой и по языку приближается къ народному складу. Оригинальнаго въ ней еще менѣе, нежели въ сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ; рабское подражаніе „Слову о полку Игоревѣ" въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обращается у него въ буквальную копировку. Все то, что говорится въ ней о князьяхъ, о половцахъ, о битвѣ и т. д., есть не что иное, какъ прямая переписка изъ „Слова".

Чтобы видѣть близость подражанія автора „Задонщины" своему основному источнику, для примѣра сопоставимъ слѣдующія мѣста и тамъ и здѣсь. Въ „Словѣ" про князя Игоря говорится, что онъ „поостри сердца своего мужествомъ"; авторъ „Задонщины" пишетъ: „князь великій Дмитрій Ивановичъ и братъ его Владиміръ Андреевичъ поостриша сердца своя мужествомъ". Въ первомъ говорится: „тогда Игорь князь вступи въ златъ стременъ", во второмъ: „тогда же князь великій Дмитрій Ивановичъ ступи въ свое златое стремя" (здѣсь подражаніе болѣе близкое, чѣмъ у Софонія, который стремя называетъ златокованнымъ). Въ описаніи битвы находимъ у автора „Задонщины" почти всѣ тѣ же черты, что и въ „Словѣ о полку Игоревѣ", и здѣсь, какъ и въ „Словѣ", встрѣчаемъ упоминаніе „о копіяхъ харалужныхъ" и другихъ оружіяхъ; какъ тамъ, такъ и здѣсь почти совершенно одинакова картина поля битвы: „черна земля подъ копыты костьми посѣяна, а кровію польяна", говорится въ „Словѣ", „тогда поля костьми насѣяны, кровьми польяны", читаемъ въ „Задонщинѣ". Есть въ ней подражаніе и плачу Ярославны, при чемъ авторъ переноситъ въ свое произведеніе цѣликомъ образы изъ „Слова". Плачущая Яро-

славна обращается къ Днѣпру и говоритъ про него, что онъ „пробилъ каменныя горы сквозѣ землю половецкую"; жена Микулина Марія въ „Задонщинѣ" взываетъ къ Дону и говоритъ про него тоже, что онъ прошелъ землю половецкую, между тѣмъ какъ половцевъ и земли половецкой на югѣ Россіи къ концу XIV в. уже не было.

Видно, что автору „Задонщины" нѣкоторыя выраженія „Слова о полку Игоревѣ" были неясны и непонятны, и онъ произвольно придаетъ имъ собственный смыслъ. Выраженіе, напр., „о русская земля! уже за шеломенемъ еси" въ „Задонщинѣ" переиначено такъ: „земля еси русская... за Соломономъ". „Вѣщій Баянъ" въ „Задонщинѣ" (напр., въ рукописи XVII в.) передѣлано „вѣщанный бояринъ".

Словомъ, мы могли бы привести цѣлый рядъ близкихъ параллелей между „Словомъ" и „Задонщиной", но достаточно и указанныхъ. Самымъ хорошимъ, картиннымъ мѣстомъ въ „Задонщинѣ" нужно признать описаніе конца битвы. Великій князь Дмитрій Ивановичъ вмѣстѣ съ братомъ и воинами становится „на костехъ" на полѣ Куликовскомъ. Грустно и жалостно рисуются поле, усѣянное трупами крестьянскими, и рѣка Донъ, обагрившаяся кровью убитыхъ. Князь разспрашиваетъ у окружающихъ объ убитыхъ, и тѣ даютъ длинный перечень послѣднихъ. Въ заключеніе князь обращается къ своимъ соратникамъ съ прощальнымъ словомъ и говоритъ имъ: „Простите мя, братіе, и благословите! Всѣмъ вѣнецъ въ будущемъ. И пойдемъ, брате, князь Владиміръ Андреевичъ, въ свою Залѣсскую землю, къ славному граду Москвѣ, и сядемъ, брате, на своемъ княженіи, а что есмя, брате, добыли и славнаго имени. Богу нашему слава".

Намъ остается упомянуть еще объ одномъ сказаніи, примыкающемъ къ циклу сказаній о Куликовской битвѣ — *О житіи и преставленіи великаго князя Дмитрія Ивановича.*

Это обыкновенное похвальное слово житійнаго характера. Предметъ сказанія — перечисленіе и восхваленіе достоинствъ и добродѣтелей вел. князя, который укрѣпилъ власть, водворилъ тишину, никому не досаждалъ, всѣхъ любилъ, обо всѣхъ скорбѣлъ, защищалъ слабыхъ и т. д.

Таковы разсмотрѣнныя нами сказанія или „украшенныя повѣсти". Поэтическій элементъ въ нихъ слабъ; искусственность беретъ надъ нимъ верхъ. Правда, есть въ нихъ поэтическія красоты, но повѣсти лишены истинной поэзіи, которая здѣсь неискренна, неестественна, стѣснена подражаніемъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ все больше эти украшенныя повѣсти становятся шаблонными, безцвѣтными.

Вторая половина монгольскаго періода характеризуется нѣсколько инымъ настроеніемъ русскаго народа, нежели первая его половина. Совершаются факты, которые приподнимаютъ народное самосознаніе и на смѣну прежнему покаянному настроенію даютъ надежды на лучшее будущее. Въ самомъ дѣлѣ, начинаетъ слагаться великорусское государство, оно растетъ и растетъ, возвышается власть и значеніе главы этого государства—великаго князя Москов-

скаго, съ другой стороны, ослабляется тяжкое монгольское иго, и отношенія между княземъ русскимъ и ханомъ становятся уже иными: со стороны перваго замѣчастся свобода въ отношеніяхъ къ хану, со стороны послѣдняго—покровительство. Это постепенное возвышеніе Москвы, возбуждая поэтическія надежды на возможное полное освобожденіе, вызываетъ цѣлый рядъ литературныхъ произведеній, которыя объясняютъ причины такого возвышенія и вмѣстѣ санкціонируютъ послѣднее.

Отличительною особенностью такого рода произведеній является ихъ легендарный характеръ. Къ числу ихъ относятся, во-первыхъ, „Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ", о перенесеніи оттуда на Москву царскихъ регалій. Былъ городъ Вавилонъ, въ которомъ сосредоточивалась власть надъ всѣмъ міромъ. Царь Вавилонскій владѣетъ регаліями, хранящимися въ палатахъ Навуходоносора, которыя оберегаетъ змѣй, извергающій изъ себя огонь, и гады. Овладѣть этими регаліями—значило пріобрѣсти царственную власть надъ вселенной. Константинопольскій императоръ Левъ черезъ пословъ добываетъ себѣ знаменитыя регаліи. Затѣмъ изъ Константинополя онѣ попадаютъ въ Москву, которая, вслѣдствіе этого, становится новымъ міродержавнымъ городомъ.

Къ этой легендѣ примыкаетъ другая, повѣствующая о странетвованіи бѣлаго клобука. Этотъ знакъ власти папы дѣлается съ нѣкотораго времени достояніемъ константинопольскаго патріарха, а потомъ переходитъ на Русь—въ Новгородъ, а отсюда къ московскому іерарху.

Сюда же относится, наконецъ, сказаніе о третьемъ Римѣ. Замѣтимъ, что два послѣднія сказанія появились уже позже, но мы упоминаемъ здѣсь о нихъ потому, что они примыкаютъ къ циклу сказаній, проникнутыхъ тенденціей возвеличенія Московскаго государства.

Помимо сказаній, та же самая тенденція возвышенія Москвы проникаетъ въ произведенія общеисторическаго содержанія—въ лѣтописи, которыя съ этого времени получаютъ официальный тенденціозный характеръ.

Библіографія.

Лопаревъ. Слово о погибели Русскыя земли. СПБ. 1892. (Изд. Общ. люб. др. пис.)

Пѣтуховъ. Серапіонъ Владимирскій, рус. проповѣдникъ XIII в. СПБ. 1888.

Буслаевъ. Историческая хрестоматія. М. 1861. (Здѣсь помѣщены „Слово нѣкоего христолюбца", „Слово Григорія Богословца" и др.)

Соболевскій. Южно-славянское вліяніе на русскую письменность въ XIV—XV вѣкахъ. СПБ. 1894.

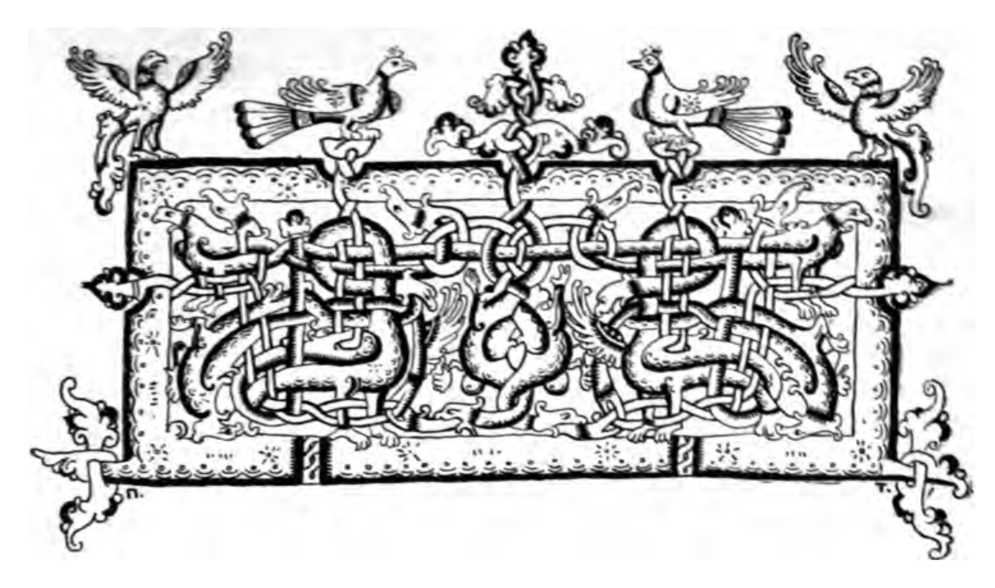
Ключевскій. Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. М. 1871.

Кадлубовскій. Очерки по исторіи древней русской литературы житій святыхъ. Варшава. 1902.

Срезневскій. Задонщина. СПБ. 1858.

Тимоѳеевъ. Сказанія о Кулик. битвѣ. Журн. Мин. Нар. Пр. 1885 г. № 8—9.

Ждановъ. Русскій былевой эпосъ. СПБ. 1894.



ГЛАВА VII.

Митрополитъ Фотій.

Переходя къ церковной поучительной литературѣ XV в., мы встрѣчаемся прежде всего съ проповѣдями и посланіями митр. Фотія (1410—1431 гг.). Время митрополичьяго служенія Фотія ознаменовано было важными церковными событіями (отдѣленіе кіевской митрополіи при Витовтѣ, ересь стригольниковъ, церковные споры въ Псковѣ и т. д.), вызывавшими къ себѣ такое или иное отношеніе съ стороны этого представителя іерархической власти. Въ историко - культурномъ отношеніи особенно важна возникшая около времени Фотія ересь стригольниковъ, противъ которой онъ написалъ нѣсколько своихъ пастырскихъ посланій.

Поученія митр. Фотія раздѣляются на 3 группы: 1) слова на праздники (на Благовѣщеніе, Срѣтеніе и недѣлю православія), 2) бесѣды на Воскресныя чтенія (въ недѣлю мясопустную и о блудномъ сынѣ) и 3) три бесѣды о казняхъ Божіихъ по случаю бездождія, голода и черной смерти. Произведенія Фотія по ихъ достоинствамъ нѣкоторые излѣдователи ставятъ очень низко, другіе, наоборотъ очень высоко. Такъ, церковный историкъ митр. Макарій *) отзывается о нихъ, какъ о произведеніяхъ, лишенныхъ жизни и силы, мало обработанныхъ, изобличающихъ въ авторѣ неискусство въ языкѣ, растянутыхъ, часто безсвязныхъ и непослѣдовательныхъ въ мысляхъ и т. д.; по мнѣнію этого историка, произведенія Фотія могутъ имѣть

---

*) „Истор. рус. Церкви“, т. V, стр. 210—217.

интересъ лишь историческаго памятника пастырской и никакъ не литературной дѣятельности Фотія.

Совершенно противоположный отзывъ о тѣхъ же самыхъ произведеніяхъ даетъ Шевыревъ, который видитъ въ Фотіи проповѣдника, близко принимающаго къ пастырскому сердцу обличаемый имъ порокъ, не стѣсняющагося пріемами проповѣднической риторики и хорошо владѣющаго чуждымъ ему языкомъ. Если разсматривать произведенія Фотія по группамъ, то къ нѣкоторымъ изъ нихъ, дѣйствительно, отзывъ митр. Макарія можетъ быть примѣненъ, зато другія изъ нихъ заслуживаютъ болѣе одобрительнаго отзыва. Дѣйствительно, поученія на праздники очень малосодержательны; бесѣды на недѣльныя чтенія близко напоминаютъ толкованія Златоуста и Өеофилакта Болгарскаго (напр., бесѣда на недѣлю мясопустную). Поученія о казняхъ Божіихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ представляютъ собою образецъ литературнаго заимствованія (изъ бесѣды Василія Великаго); но и при всей своей неоригинальности поученія Фотія приноровлены къ фактамъ современной дѣйствительности. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы находимъ живое отраженіе вопросовъ, волновавшихъ тогдашнее общество; таковъ, напр., вопросъ о кончинѣ міра, которую ожидали въ послѣднихъ годахъ XV стол. „Сей вѣкъ маловременный переходъ, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ поученій, грядетъ ночь, житія нашаго престаніе... Седьмая тысяча совершается, осьмая приходитъ и не преминетъ... Блаженъ, кто уготовилъ себя къ осьмой тысячѣ, будущей и безконечной".

По близкому отношенію къ своей эпохѣ важное значеніе имѣютъ посланія Фотія: 1) къ инокамъ (объ ихъ обязанностяхъ), 2) противъ стригольниковъ въ Псковѣ и 3) противъ задуманнаго Витовтомъ выдѣленія кіевской каѳедры въ самостоятельную митрополію.

Въ историко-культурномъ отношеніи для насъ особенный интересъ представляютъ, какъ мы указывали, ересь стригольниковъ и отношеніе къ ней Фотія.

Возникновеніе указанной ереси есть одинъ изъ симптомовъ новыхъ вѣяній въ русской жизни XV в., характеризующихъ собой подготовлявшійся переходъ къ новой эпохѣ въ исторіи нашей литературы. Ересь стригольниковъ возникла отчасти вслѣдствіе усилившихся у насъ иноземныхъ западныхъ вліяній.

Раньше въ исторіи нашей Церкви происхожденіе и сущность ереси объясняли очень просто. Названіе ея выводили изъ ремесла ея основателя, на послѣдователей смотрѣли, какъ на грубыхъ матеріалистовъ, не признававшихъ общественной молитвы и сомнѣвавшихся въ основныхъ догматахъ христіанства. Дальше такого взгляда на ересь старые изслѣдователи ея, въ томъ числѣ отчасти и митр. Макарій, не шли. Съ 60-хъ годовъ по почину Тихонравова, глубже взглянувшаго на это дѣло, взглядъ измѣняется. Этотъ ученый изслѣдователь увидалъ, что ересь стригольниковъ никакъ нельзя разсматривать изолированно отъ другихъ явленій тогдашней жизни и что

ее нужно ставить въ связь съ умственными движеніями XIV ст., центромъ которыхъ служилъ тогда Новгородъ.

Сущность ученія стригольниковъ не вполнѣ ясна: до насъ сохранились отрывочныя свѣдѣнія, по которымъ мы можемъ судить лишь о нѣкоторыхъ чертахъ ереси. Мы знаемъ, что основой ея былъ раціонализмъ, отрицательное отношеніе ко всему церковному строю, но откуда произошла она, еще не вполнѣ опредѣлено. По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, напр., Тихонравова, она представляетъ собой явленіе, порожденное исключительно западнымъ вліяніемъ, и есть развитіе началъ альбигойской секты, возникшей на Западѣ во время свирѣпствовавшей тамъ черной смерти и распространившихся эсхатологическихъ чаяній. Другіе изслѣдователи источникъ нашей ереси видятъ въ болгарскомъ богомильствѣ; такъ думаетъ, между прочимъ, проф. Успенскій. „Въ названіи „стригольники",—говоритъ онъ,—мы обратили вниманіе на то обстоятельство, что подъ этимъ словомъ нужно понимать не ремесло или занятіе Карпа, а отличительный признакъ секты, способъ или обрядъ посвященія въ вѣру. Нашедши въ византійскихъ и болгарскихъ извѣстіяхъ, касающихся богомиловъ или массаліанъ, указаніе, что они для посвященія въ свою вѣру употребляли обрядъ стриженія, иначе обрѣзанія, мы наведены были на мысль, что и русскіе стригольники обязаны своимъ именемъ тому же обряду, и что послѣдніе представляютъ собою богомильскую секту, перенесенную въ Россію при посредствѣ южныхъ славянъ. При всѣхъ недостаткахъ сохранившагося матеріала все же можно было отыскать слѣдующіе подлинные признаки ереси стригольниковъ: 1) отрицаніе церковной іерархіи; 2) усвоеніе права учительства всякому посвященному въ ученіе стригольниковъ; 3) уклоненіе отъ причастія или пониманіе подъ евхаристіей не причащенія тѣла и крови Христовой; 4) отрицаніе храмовъ, молитва подъ открытымъ небомъ и публичная исповѣдь; 5) дуалистическій взглядъ на мірозданіе; 6) отрицаніе воскресенія изъ мертвыхъ (и будущаго воздаянія). Въ виду указанныхъ наблюденій, предъ которыми отступаютъ на задній планъ черты, имѣющія отношенія къ русской средѣ и современнымъ церковнымъ настроеніямъ, мы приходимъ къ выводу, что стригольничество есть богомильскій отпрыскъ".

Такимъ образомъ составъ еретическихъ мнѣній приводитъ проф. Успенскаго къ тому заключенію, что ересь стригольниковъ была явленіемъ, занесеннымъ къ намъ отъ южныхъ славянъ, чуждымъ русской жизни и состоявшимъ внѣ органической связи съ послѣдней. Значеніе русской среды въ возникновеніи и распространеніи ереси, при этомъ мнѣніи, какъ видимъ, совершенно ограничено. Но если русская среда и не могла породить ереси стригольниковъ, однако она ее восприняла, а этотъ фактъ можетъ свидѣтельствовать только о томъ, что были, слѣдовательно, условія въ русской жизни, которыя благопріятствовали этому воспріятію. Такими условіями мы склонны признать именно особенности новгородской жизни. Каковы же были

эти особенности? Въ эпоху владычества татаръ Новгородъ сохранялъ сравнительную независимость и оставался въ довольно близкихъ сношеніяхъ съ Западомъ. Эти сношенія не прошли безслѣдно для умственной жизни новгородцевъ и ихъ быта. Дѣйствительно, черты западнаго вліянія отразились на нѣкоторыхъ литературныхъ памятникахъ, какъ, напримѣръ, въ довольно распространенномъ посланіи новгородскаго архіепископа Василія къ тверскому епископу Ѳеодору о земномъ раѣ, и въ разныхъ памятникахъ народной словесности, какъ это выяснено изслѣдованіями Вс. Ѳ. Миллера и М. Г. Халанскаго. Этотъ притокъ западныхъ вліяній въ Новгородъ при сравнительной независимости его отъ татаръ открываетъ полную возможность для возникновенія тамъ умственныхъ броженій, которыя, въ свою очередь, могли способствовать появленію разнаго рода религіозныхъ сектъ.

Въ своемъ посланіи въ Псковъ противъ ереси стригольниковъ митр. Фотій далекъ отъ того, чтобы регламентировать въ нихъ суровыя и насильственныя мѣры для ея искорененія. Онъ очень мягко относится къ еретикамъ, держась того убѣжденія, что на нихъ нужно дѣйствовать увѣщаніемъ; православнымъ онъ совѣтуетъ по возможности удаляться отъ нихъ и не имѣть съ ними общенія.

Путешествія.

Къ той же самой эпохѣ (къ XV в.) относятся любопытныя описанія путешествій. Первоначально коснемся путевыхъ записей нашихъ путешественниковъ, отправившихся на Ферраро-Флорентійскій соборъ. Изъ Россіи на этотъ соборъ отправились суздальскій епископъ Авраамій съ іеромонахомъ Симеономъ и какимъ-то неизвѣстнымъ суздальцемъ. Каждый изъ нихъ оставилъ послѣ себя свои путевыя замѣтки, въ которыхъ знакомитъ насъ съ подробностями, иногда очень интересными, изъ своего путешествія.

Путешествіе еп. Авраамія, въ общемъ мало интересное, представляетъ собой дневникъ, въ который авторъ заносилъ впечатлѣнія, полученныя имъ при посѣщеніи на пути тѣхъ или иныхъ городовъ и мѣстностей. Замѣчательно въ этомъ путешествіи описаніе мистеріи, видѣнной Аврааміемъ во Флоренціи. Сцена, какъ разсказываетъ Авраамій, раздѣлялась на два яруса. Въ верхнемъ былъ благообразный старецъ, въ царскомъ одѣяніи, который имѣлъ подобіе отчее, т.-е. изображалъ Бога Отца. Вокругъ его престола были разставлены отроки, „дивные образомъ“. Въ нижнемъ ярусѣ у изголовья постели сидѣлъ „лѣпообразный“ отрокъ, изображавшій Богородицу. Тутъ же у постели стояли четыре старца: это—пророки, у нихъ въ рукахъ свитки, которые они читали. Они спорили, откуда долженъ произойти Спаситель. Споръ кончился тѣмъ, что послышался „тюфячный громъ“, т.-е. пальба изъ пушекъ особаго устрой-

ства, а съ неба, т.-е. со второго яруса сошелъ отрокъ „чистообразный и кудрявый“, въ бѣлыхъ ризахъ, съ вѣтвью въ рукахъ, поющій тихимъ голосомъ. Это архангелъ Гавріилъ ведущій съ Богородицей почти такую же бесѣду, какая изложена въ Евангеліи отъ Луки. Онъ поднимается, и силы небесныя хвалятъ Бога. Огонь сыпался съ неба и зажигалъ свѣчи, которыхъ было до 5000, а громъ сопровождалъ восхожденіе ангела. Наконецъ затворились „запоны“, и скрылось „чудное видѣніе“ и „хитрое дѣяніе“. Въ этомъ описаніи замѣчательно непритворное наивное изумленіе Авраамія предъ художественнымъ исполненіемъ мистеріи, которую онъ называетъ „пречудной, несказанной“.

Спутникъ Авраамія, Симеонъ, по порученію епископа долженъ былъ описать все то, что происходило на самомъ соборѣ, не касаясь достопримѣчательностей и мѣстностей, встрѣчающихся на пути слѣдованія на соборъ, такъ какъ послѣднее было собственно задачей другого спутника Авраамія, неизвѣстнаго суздальца, составившаго такъ называемый „путникъ“. Судя по нѣкоторымъ выраженіямъ, Симеонъ записывалъ „словеса и прѣнія“ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, какъ только ихъ слышалъ. Выполняя свою работу, онъ долженъ былъ знать греческій или латинскій языки, на которыхъ велись соборныя пренія, и, вѣроятно, какъ полагаетъ г. Делекторскій, онъ зналъ греческій языкъ, однако не настолько, чтобы всегда хорошо понимать смыслъ греческой рѣчи. Будучи убѣжденнымъ противникомъ уніи, принятой нѣкоторыми іерархами, представлявшими греческую Церковь, Симеонъ навлекаетъ на себя гнѣвъ митрополита Исидора, рѣшается покинуть его свиту, изъ Венеціи бѣжитъ въ Новгородъ, куда прибылъ весною 1440 года. Здѣсь онъ находитъ пріютъ у новгородскаго владыки Евфимія, но въ слѣдующемъ году его постигло бѣдствіе. Живя въ Новгородѣ, онъ сошелся съ литовскимъ выходцемъ, княземъ Юріемъ Семеновичемъ, которому великій князь Казиміръ въ 1441 г. далъ въ удѣлъ Мстиславъ и Кричевъ, и который послѣ этого занялъ Смоленскъ. Въ этотъ городъ прибылъ митр. Исидоръ, и „имѣлъ надъ собой область латинскую“. Юрій, чтобы угодить Исидору, заманилъ въ Смоленскъ Симеона. Выданный митрополиту, Симеонъ всю зиму „сидѣлъ во двоихъ желѣзахъ, въ велицей нужи, въ единой свитцѣ и на босу ногу, и мразомъ и гладомъ и жаждою томимъ“. Привезенный затѣмъ въ Москву, онъ послѣ осужденія Исидора былъ освобожденъ „отъ веригъ желѣзныхъ“ и отправленъ въ Сергіевъ монастырь къ игумену Зиновію. Здѣсь много онъ разсказывалъ братіи о своихъ страданіяхъ за вѣру, а когда было окончено его дѣло, онъ снова явился къ новгородскому епископу Евфимію и, можетъ-быть, по его порученію, обработалъ свои записи, веденныя на соборѣ, придавъ имъ форму повѣсти о соборѣ.

Путешествіе Симеона сохранилось въ двухъ редакціяхъ; одна изъ нихъ издана проф. Павловымъ, другая проф. Поповымъ. Позднѣйшее изданіе обѣихъ редакцій принадлежитъ проф. Малинину.

Эти двѣ редакціи, въ общемъ сходныя въ исторіи изложенія собора, существенно различаются въ началѣ и концѣ. Въ связи съ путешествіемъ Симеона найдено „Слово избрано отъ святаго писанія, еже на латыню, и сказаніе о составленіи осмаго собора латыньскаго, и о изверженіи Сидора прелестнаго, и о поставленіи въ русской земли митрополитовъ, о сихъ же похвала благовѣрному великому князю Василію Васильевичу всея Руси“. Это „Слово“, изданное проф. А. Н. Поповымъ и представляющее исторію Флорентійской уніи и ея послѣдствій для Россіи, по мнѣнію проф. Павлова, было составлено Пахоміемъ Логоѳетомъ; но гораздо вѣроятнѣе предположеніе, обстоятельно аргументируемое г. Делекторскимъ, что „Слово“ также есть произведеніе Симеона. Наконецъ послѣднимъ сочиненіемъ Симеона г. Делекторскій признаетъ „Путешествіе Симеона Суздальскаго въ Италію“, изданное Сахаровымъ въ II т. „Сказаній русскаго народа“ по двумъ позднимъ спискамъ. Это „Путешествіе“ представляетъ сводъ свѣдѣній, извлеченныхъ изъ „Повѣсти“, „Слова“ и „Путника“, составленнаго неизвѣстнымъ суздальцемъ, изданнаго въ VI т. Древней Россійской Вивліоѳики.

Путешествіе Симеона интересно тѣмъ, что даетъ описаніе западныхъ странъ и городовъ, нравовъ и обычаевъ ихъ жителей, и представляетъ намъ то впечатлѣніе, какое производилось картинами западной природы и жизни на нашего странника. Симеону все кажется необычайнымъ, все его поражаетъ. Пріѣхавъ въ Дерптъ, онъ много удивляется каменнымъ постройкамъ, такъ какъ на Руси онъ видѣлъ только деревянныя; здѣсь же Симеонъ обращаетъ вниманіе на женскій монастырь, сравниваетъ его съ монастырями русскими, восхищается образцовыми порядками монастыря, замѣчаетъ, что монахини не ведутъ затворническаго образа жизни. Изъ Дерпта путешественники отправились черезъ Ригу моремъ за границу. Первый большой городъ, который посѣтилъ Симеонъ, былъ Любекъ. „И видѣхомъ,—говоритъ онъ,—градъ вельми чуденъ и поля бяху и горы велики, и садове красны, и палаты вельми чудны и сильны, и товара въ немъ много всякаго“. Особенно поражаетъ Симеона водопроводъ—продуктъ цивилизаціи, совсѣмъ невѣдомый въ Россіи: „и воды приведены въ него и текутъ по всѣмъ улицамъ по трубамъ, а иныя изъ столповъ“. Тутъ же находимъ описаніе драматическаго представленія.

Затѣмъ Симеонъ посѣтилъ Люнебургъ, гдѣ его вниманіе привлекаютъ фонтаны: „той же градъ подобенъ есть величествомъ Любеку, и среди града того суть столпы устроены, въ мѣди позлащены, вельми чудны, треть сажени вышины, и у тѣхъ столповъ у каждаго люди привязаны около тою же мѣдью, и истекаютъ изъ тѣхъ людей изъ всѣхъ воды сладки и студены, у иного изъ устъ, у иного изъ уха, а у иного изъ ока, а у иного изъ локтя, а у иного изъ ноздри. Воды истекаютъ прытко, яко вода течетъ изъ бочекъ. Тіи бо люди напояютъ весь градъ той и скоты. Проведеніе водъ тѣхъ вельми хитро, и стеканіе несказанно“.

Помимо усовершенствованій цивилизаціи, Симеонъ былъ пораженъ и природой западныхъ странъ. Немудрено, что послѣ русскихъ равнинъ и самыя небольшія горы изумляютъ Симеона, не говоря уже объ Альпахъ. Увидѣвъ Тирольскія Альпы, которыя онъ называетъ „полонинными горами" (планина — серб. слово, означаетъ гора), Симеонъ замѣчаетъ: „дивны горы тѣ и толикой высоты суть, яко облаки въ полъ ихъ ходятъ и облаки отъ нихъ взимаютъ. Снѣзи же лежатъ на нихъ отъ сотворенія горъ тѣхъ. Въ лѣтѣ же варъ зной великъ въ нихъ, но снѣгъ не бо таяше".

Далѣе Симеонъ отправляется въ Италію, гдѣ останавливается въ нѣсколькихъ городахъ. Больше всего онъ пробылъ во Флоренціи, гдѣ происходили засѣданія собора. Описывая Флоренцію, Симеонъ начинаетъ съ церквей, которыя онъ называетъ „божницами": „градъ Флоренція великъ вельми. Божницы въ немъ вельми красны и велицы, а палаты тѣ устроены бѣлымъ каменіемъ вельми высоки. А посреди города течетъ рѣка велика, и быстра вельми, и съ обѣ ея стороны устроены палаты". Затѣмъ идетъ описаніе лѣчебницы и богадѣльни: „есть же въ градѣ томъ лѣчебница велика и есть въ ней за тысячу кроватей, и на послѣдней кровати перины чудны съ одѣялы драгія. Тутъ же есть устроена хосродъ, а по нашему рекша богадѣльня немощнымъ и пришельцамъ страннымъ иныхъ земель; тѣхъ же болѣ кормятъ и одѣваютъ, и обуваютъ и держатъ честно, а кто ся оможетъ, той ударя челомъ граду, и пойдетъ хваля Бога". Обращаетъ онъ также вниманіе на торговлю и промышленность, замѣчаетъ процвѣтаніе шелководства, смотритъ, какъ дѣлаютъ бархатъ: „въ томъ же градѣ дѣлаютъ камки и аксамиты со златомъ; товару же всякаго множество, и садовъ масличныхъ, изъ тѣхъ маслицъ обдѣлываютъ деревянное масло. И ту во градѣ же сукна скарлатныя дѣлаютъ". Описываетъ Симеонъ и памятники искусства, но видно, что онъ не понимаетъ ихъ.

Затѣмъ на обратномъ пути онъ посѣтилъ Венецію и даетъ довольно хорошее описаніе каналовъ и собора св. Марка.

Хожденіе Аѳанасія Никитина.

Путешествія Авраамія и Симеона, какъ связанныя съ исторій Флорентійскаго собора, примыкаютъ къ духовной литературѣ, но уже совсѣмъ отдѣльно стоитъ въ ряду древнихъ путешествій „Хожденіе купца Аѳанасія Никитина за три моря въ Индію". Это хожденіе относится къ концу XV в. Аѳанасій отправился съ княжескимъ посломъ въ Шемаху, снарядивъ съ товарищами два судна, повезъ товары, надѣясь на выгодную торговлю. Но, какъ онъ говоритъ, его „оболгали псы-бесермены", тѣмъ не менѣе, попавъ разъ на Востокъ, предпринялъ и дальнѣйшее путешествіе, черезъ Персію, проникнувъ

въ Индію, которую всю прошелъ, побывавъ даже въ Цейлонѣ, хотя разсказываетъ, что былъ ограбленъ. На чужбинѣ его очень печалило, что приходилось отказаться отъ русскихъ обычаевъ, нарушать религіозныя постановленія. „Ино, братіе Русьтіи христіане,—говоритъ онъ,—кто хощетъ поити въ Индійскую землю и ты остави вѣру свою на Руси, да пойди въ Индустанскую землю". Въ Индіи Аѳанасій присматривается къ обычаямъ жителей, наблюдаетъ нравы, интересуется природой, которая его поражаетъ, при чемъ онъ сообщаетъ иногда очень наивныя данныя. „Есть,—говоритъ онъ,—въ томъ Аляндѣ птица гугукъ, летаетъ и кличитъ „кукъ, кукъ", а на которой хороминѣ сидитъ, то тутъ человѣкъ умретъ: а кто ю хочетъ убити, ино у нея изо рта огонь выйдетъ". Объ обезьянахъ, которыхъ онъ называетъ „мамонами", онъ разсказываетъ очень подробно: „а мамоны ходятъ въ нощи, да имаютъ куры, а живутъ въ горѣ или въ каменьѣ. А обезьяны-то тѣ живутъ въ лѣсу, и есть у нихъ князь обезьянскій, да ходитъ ратью своей; а кто ихъ замаетъ, и они ся жалуютъ князю своему, и они, пришедъ на градъ, дворы разволяютъ и людей побьютъ; а рати ихъ, сказываютъ, вельми много, и языкъ у нихъ свой; а дѣтей родятъ много; да который родится не въ отца ни въ матерь, они тѣхъ мечутъ по дорогамъ, иногда индустанцы тѣхъ имаютъ, а иныхъ учать всякому рукодѣлію".

Затѣмъ Никитинъ обращаетъ вниманіе на религію индусовъ, говоря, что они не знаютъ не только Христа, но даже и Магомета. Въ Индіи, по его словамъ, 64 разныхъ вѣры; господствующей является буддизмъ, и нашъ путешественникъ описываетъ буддійскій храмъ: „въ буханѣ Бутъ вырѣзанъ изъ камени изъ чернаго, вельми великъ, да хвостъ у него черезъ него, да руку правую поднялъ высоко, да простеръ ее, аки Устеніанъ, царь Царяградскій, а въ лѣвой рукѣ у него копіе, а на немъ нѣтъ ничего. Передъ Бутомъ же стоитъ волъ вельми великъ, а вырѣзанъ изъ камени чернаго, а весь золоченъ, а цѣлуютъ его въ копыто, а сыплютъ на него цвѣты". Упоминаніе объ Юстиніанѣ даетъ нѣкоторое основаніе предполагать, что Никитинъ былъ въ Константинополѣ и видѣлъ какую-то статую, изображавшую этого императора.

Затѣмъ мы находимъ еще религіозно-бытовыя подробности. „Индіяне же не ядятъ никотораго мяса, ни яловичины, ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины (а свиней же у нихъ вельми много), ѣдятъ же въ день дважды, а ночесь не ѣдятъ. А яства же ихъ плоха, а одинъ съ однимъ ни пьетъ, ни ястъ, ни съ женой". Тутъ же отмѣчаетъ онъ фактъ религіозной нетерпимости: представители разныхъ религій и сектъ въ Индіи чуждаются другъ друга; молятся они такъ же, какъ и русскіе, на востокъ, и храмы ихъ строятся на востокъ и „Буты стоятъ на востокъ"; „а кто у нихъ умретъ, и они тѣхъ сожигаютъ, да и пепелъ сыплютъ въ воду".

Описывая Индію, Аѳанасій Никитинъ много говоритъ о богатствѣ природы, о чудныхъ растеніяхъ. Онъ упоминаетъ объ алмазной

горѣ и даже оцѣниваетъ ее. Такимъ образомъ путешествіе Аѳанасія Никитина даетъ намъ очень своеобразную и довольно полную характеристику природы и быта Индіи того времени, когда ее посѣтилъ знаменитый Васко-де-Гама, такъ что было бы весьма любопытнымъ сравнить то, что сообщаетъ нашъ путешественникъ, со свѣдѣніями западными той же эпохи. Отличительными чертами нашего памятника являются постоянныя параллели къ русской жизни, патріотизмъ автора и его религіозное настроеніе, хотя онъ и не былъ духовнымъ лицомъ. Эта память о русской землѣ проходитъ черезъ все его произведеніе. „Уже придоша великіе дни четыре въ Бесерменской землѣ, а христіанства не оставихъ, далѣ Богъ вѣдаетъ, что будетъ. Господи, Боже мой, на тя уповахъ, спаси мя, Боже мой".

Со стороны языка путешествіе Аѳанасія Никитина замѣчательно, какъ памятникъ живой русской рѣчи, чуждой славянизмовъ, столь обычныхъ въ произведеніяхъ нашихъ писателей той поры. Наконецъ курьезной особенностью памятника надо признать употребленіе многихъ персидскихъ, арабскихъ и индійскихъ словъ, въ которыхъ большею частью заключаются славословія Богу.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Боцяновскій. Русскіе вольнодумцы XIV — XV вѣковъ. „Новое Слово" 1896, № 12.

Вадковскій. Изслѣдованіе о поученіяхъ Фотія, митрополита Кіевскаго и всея Руси. „Правосл. Собесѣдникъ" 1875.

Поповъ. Историко-литературный обзоръ древнерусскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ. М. 1875.

Павловъ. Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики. Спб. 1878.

Делекторскій. Критико-библіографическій обзоръ древнерусскихъ сказаній о Флорентійской уніи. „Журн. Мин. Нар. Пр." 1895, № 7.

Аѳанасій Никитинъ. Хожденіе за три моря. И. Срезневскій. Изслѣдованіе и текстъ. Спб. 1857.

ГЛАВА VIII.

Ересь жидовствующихъ.

Обращаемся къ новому слѣдующему за монгольскимъ, періоду въ исторіи нашей литературы.

Начало періода ознаменовано было полемикой, возгорѣвшейся по поводу ереси жидовствующихъ. Мы уже останавливали свое вниманіе на фактѣ проникновенія къ намъ западныхъ вліяній съ XIV стол., [illegible] которыхъ въ то время служилъ, главнымъ [illegible] Ересь жидовствующихъ есть одинъ изъ ре[illegible]ній на умственную жизнь русскихъ.

[illegible] данныммъ, ученіе жидовствующихъ представляетъ [illegible] развитіе стригольническаго раціонализма. Хотя [illegible]ніе „жидовствующихъ“, хотя элементы іудаизма въ [illegible] есть, и они замѣтно проглядываютъ въ сочине[illegible]ніхъ, старающихся въ нѣкоторыхъ случаяхъ обо[illegible]ного ученія на мнѣніяхъ западныхъ еврейскихъ [illegible] Маймонида), однако не это, не іудаизмъ составлялъ [illegible] для русскихъ сторону ереси; основой и [illegible]ныхъ въ ереси былъ раціонализмъ.

[illegible] въ тревожное у насъ время. Въ концѣ [illegible] важное событіе: оканчивалось седьмое [illegible] міра, и по общимъ вѣрованіямъ долженъ [illegible] міра. Вслѣдствіе такихъ ожиданій вполнѣ по[illegible]нность въ настроеніи русскаго общества: [illegible]казалось необходимымъ подготовиться, дать [illegible], и если не поздно, загладить свои [illegible] загробному міру становился гораздо болѣе [illegible] вопросы выдвигаются съ особенною [illegible] брожені[illegible] должно было ярче всего [illegible] почва уже была подготовлена болѣе [illegible], и когда явился еврей Схарія,

Царь Борисъ Ѳедоровичъ
Годуновъ

его ученіе стало распространяться очень быстро. Еретики отвергали основные догматы православной Церкви: ученіе о Св. Троицѣ, воплощеніи Іисуса Христа и двухъ Его естествахъ, божественномъ и человѣческомъ, отвергали поклоненіе иконамъ, мощамъ, нападали на монашество. Намъ трудно сказать что-либо опредѣленное о положительномъ ученіи еретиковъ, такъ какъ мы знаемъ только его отрицательную сторону, т.-е. знаемъ, что они отрицали въ христіанствѣ; но по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя мы имѣемъ о ереси, мы можемъ съ полной достовѣрностью утверждать, что, во-первыхъ, она имѣла, преемственную связь съ ересью стригольниковъ, а во-вторыхъ, главною ея чертой былъ раціонализмъ, такъ что правы, можетъ-быть, тѣ изслѣдователи, которые еврейскому, „жидовствующему“, элементу отводятъ въ доктринѣ еретиковъ второстепенное мѣсто.

Однако для насъ не столько интересно содержаніе ереси, какъ отношеніе къ ней свѣтской и духовной власти, какъ та полемика, которая возникла въ нашемъ духовенствѣ по вопросу о томъ, какъ слѣдуетъ относиться къ еретикамъ. Къ стригольникамъ власть относилась довольно мягко, и мы не имѣемъ извѣстій о сколько-нибудь настойчивомъ преслѣдованіи этой ереси. Другое дѣло было въ отношеніи къ ереси жидовствующихъ. Въ Новгородѣ, не говоря о людяхъ свѣтскихъ и массѣ духовенства, не отличавшагося особенно высокимъ уровнемъ умственнаго развитія, сектанты завербовали въ свою среду двухъ очень выдающихся священниковъ, пользовавшихся большимъ авторитетомъ, благодаря своей высоконравственной жизни. Изъ Новгорода ересь проникла въ Москву, гдѣ ея приверженцы основали сильную партію. Еретиковъ здѣсь поддерживала княгиня Елена, невѣстка Іоанна III, дьякъ Курицынъ и митр. Зосима *). Представители православнаго духовенства увидѣли явную опасность отъ такого успѣшнаго распространенія ереси, но по вопросу о томъ, какъ противодѣйствовать ему, образовались двѣ партіи, вступившія въ горячую между собой полемику. Къ первой партіи принадлежали архіепископъ новгородскій Геннадій и волоколамскій игуменъ Іосифъ, ко второй— преп. Нилъ Сорскій и его ученики, такъ называемые заволжскіе старцы.

Геннадій былъ человѣкъ энергичный, для своего времени просвѣщенный и заботившійся о распространеніи просвѣщенія. Такому-то человѣку пришлось прежде всего столкнуться съ ересью, такъ какъ онъ стоялъ во главѣ новгородскаго духовенства. На первыхъ порахъ нужно было дѣйствовать средствами мирнаго характера, увѣщаніемъ. Когда по истеченіи 7-й тысячи лѣтъ пророчества о концѣ міра оказались ложными, и еретики стали смѣяться надъ православными, упре-

*) Впрочемъ, насколько достовѣрно то, что митр. Зосима раздѣлялъ еретическія мнѣнія, судить трудно, такъ какъ свѣдѣнія объ этомъ дошли до насъ изъ пристрастныхъ источниковъ—отъ іосифлянъ, съ которыми Зосима расходился въ вопросѣ о мѣрахъ по отношенію къ еретикамъ.

кая ихъ въ суевѣріи, Геннадій рѣшился дать отпоръ такого рода насмѣшкамъ и указалъ, что Церковь нисколько неповинна въ тѣхъ суевѣріяхъ, которыя на нее взводятся жидовствующими, что она не признаетъ апокрифическихъ пророчествъ и, основываясь на Евангеліи, учитъ, что о времени конца міра мы ничего не знаемъ. Съ той же цѣлью борьбы съ еретиками, когда истекъ 1492 годъ, Геннадій продолжилъ пасхалію еще на 70 лѣтъ, и, наконецъ, чтобы дать православному духовенству большую опору въ состязаніяхъ съ жидовствующими, постоянно ссылавшимися на Ветхій Завѣтъ, Геннадій началъ переводъ Библіи. Сотрудниками его въ этомъ дѣлѣ были доминиканскій монахъ Веніаминъ, родомъ славянинъ, и переводчикъ посольскаго приказа Дмитрій Герасимовъ. Часть библейскихъ книгъ была переведена съ греческаго языка, а нѣкоторыя книги съ латинскаго, изъ такъ называемой Библіи - Вульгаты.

Кромѣ того, Геннадій понялъ, что самымъ могущественнымъ орудіемъ въ борьбѣ съ ересью должно быть образованіе духовенства, а между тѣмъ оно стояло чрезвычайно низко, какъ это видно изъ слѣдующаго отзыва Геннадія: „а се приведутъ ко мнѣ мужика и азъ велю ему дати апостолъ чести, и онъ не умѣетъ ни ступити, и азъ велю ему псалтирю дати, и онъ и по тому едва бредетъ, и азъ его оторку (т.-е. откажу ему) и они извѣтъ творятъ: земля, господине, такова, не можемъ добыти, кто бы гораздъ грамотѣ, ино вѣдь всю землю излаяти, что нѣтъ человѣка въ землѣ, кого бы избрати на поповство". Люди, бравшіеся учить другихъ, сами были почти безграмотными, и о такихъ учителяхъ Геннадій сообщаетъ намъ слѣдующія данныя: „а се мужики невѣжи учатъ ребятъ, да рѣчь ему испортятъ; да первое изучатъ ему вечерню, ино то мастеру принести каша да гривна денегъ, а завтреня также, а и свыше того, а часы то особо, да поминки опроче могорца (т.-е. кромѣ могорыча), что рядилъ отъ него; а отъ мастера отыдетъ, и онъ ничего не умѣетъ, только то бредетъ по книгѣ, а церковнаго настатія ничего не знаетъ". Поэтому-то Геннадій особенно заботится объ учрежденіи хорошихъ училищъ. „И азъ,—пишетъ онъ митрополиту,—того для бью челомъ государю, чтобы велѣлъ училище учинити, да его разумомъ и грозою, а твоимъ благословеніемъ то дѣло исправити; а ты бы, господине, отецъ нашъ, государямъ нашимъ великимъ князьямъ печаловался, чтобы велѣли училища учинити, а мой совѣтъ о томъ, что учити въ училищахъ, первое азбука да и подтительныя слова, да псалтирь съ слѣдованіемъ накрѣпко, и коли то изучатъ, можетъ послѣ того поучився канархати и чести всякая книга". Такимъ образомъ въ борьбѣ съ жидовствующими Геннадій поработалъ на пользу русскаго просвѣщенія: въ этомъ его несомнѣнная заслуга.

Правда, требованія архіепископа очень скромны, но въ нихъ проглядываетъ искренняя заботливость, полное сознаніе назрѣвшей необходимости, стремленіе къ прогрессу. Въ одной изъ своихъ статей проф. Соболевскій пытается смягчить господствующее мнѣніе о

крайнемъ невѣжествѣ русскихъ въ разсматриваемую нами эпоху; по его мнѣнію, грамотность, напр., была довольно распространеннымъ явленіемъ, чему доказательствомъ якобы могутъ служить сохранившіяся въ большомъ количествѣ рукописныя книги, собственноручныя подписи на разныхъ древнихъ дѣловыхъ бумагахъ и т. д. Но подобные доводы нельзя признать достаточно сильными. Извѣстно, что среди тогдашней знати—князей и бояръ—нерѣдко встрѣчались люди, съ

Гравюра изъ Библіи, изданной въ Прагѣ Францискомъ Скориною отдѣльными выпусками въ 1512—1519 гг.

трудомъ умѣвшіе подписать свое имя; въ духовенствѣ встрѣчались даже впослѣдствіи люди невѣжественные; наконецъ предъ нами краснорѣчивое свидѣтельство Геннадія, о состояніи у насъ просвѣщенія въ данную эпоху, не довѣрять которому мы не имѣемъ никакихъ основаній.

Но, къ сожалѣнію, въ той же борьбѣ Геннадій, кромѣ средствъ просвѣщенія рѣшился обратиться и къ другимъ мѣрамъ, рисующимъ его дѣятельность далеко не сочувственными красками. Геннадію принадлежитъ цѣлый рядъ посланій къ вліятельнымъ лицамъ, которымъ онъ указывалъ, какъ надо искоренять ересь. Между прочимъ, онъ

пишетъ и митр. Зосимѣ, котораго онъ подозрѣвалъ въ приверженности къ ереси: „только же ты, господинъ-отецъ нашъ, тѣхъ еретиковъ накрѣпко не обыщеши, да ихъ не велиши казнити, да проклятію предати, ино ужъ мы какіе будемъ владыки, что ли пакы пастырство зовется?“ Итакъ, еретиковъ надо предавать проклятію и казнить, а дальше Геннадій объясняетъ, что казнить слѣдуетъ по „градскому (гражданскому) закону“, т.-е. предавать еретиковъ смерти. При этомъ онъ ссылается на примѣръ испанскаго короля Фердинанда Католика, который всѣми мѣрами преслѣдовалъ еретиковъ въ своемъ государствѣ. Увлеченный этимъ западнымъ примѣромъ, Геннадій устроилъ у себя въ Новгородѣ очень близкое подобіе испанскому ауто-да-фе. Онъ приказалъ посадить осужденныхъ еритиковъ на лошадей лицомъ къ хвосту, надѣть на нихъ шлемы изъ берестовой коры съ надписью: „се есть сатанино воинство“. Въ такомъ видѣ они были проведены по всему городу и, наконецъ, шлемы на ихъ головахъ были сожжены. Подобная картина религіознаго преслѣдованія была новинкой на Руси, которой до того времени былъ совершенно чуждъ религіозный фанатизмъ. Въ народѣ, несмотря на византійское вліяніе, крѣпко держалось христіанское воззрѣніе, что „никого нельзя заставить силою вѣровать“, что „вѣруется не нуждою, а волею“. Въ виду этого весьма характерной представляется ссылка Геннадія на примѣръ испанскаго короля: эта ссылка показываетъ намъ, что при началѣ западное вліяніе проявляется у насъ въ весьма несимпатичной формѣ.

Близко къ Геннадію по вопросу о преслѣдованіи еретиковъ стоитъ *Іосифъ Волоцкій*. Онъ имѣлъ съ самаго ранняго возраста стремленіе къ монашеской жизни и 17 лѣтъ постригся въ монастырѣ Пафнутія Боровскаго. Здѣсь онъ скоро сталъ игуменомъ; но, будучи недоволенъ монахами, рѣшилъ основать свою обитель въ Волоколамскихъ лѣсахъ. Въ этомъ монастырѣ онъ ввелъ строгій уставъ. Онъ старался слѣдовать Θеодосію Печерскому, но отношенія его къ инокамъ были далеко не такія же, какъ у Θеодосія. Когда появились жидовствующіе, Іосифъ выступилъ съ обличительными посланіями противъ еретиковъ. Всѣхъ посланій 16, и собраны они въ особую книгу „Просвѣтитель“.

Въ первыхъ посланіяхъ или „словахъ“ Іосифъ опровергнулъ возраженія жидовствующихъ противъ основныхъ христіанскихъ догматовъ, высказывая въ образной формѣ вполнѣ правильные взгляды на христіанское вѣроученіе и мораль. Такъ, онъ говоритъ о двухъ естествахъ въ Іисусѣ Христѣ, прибѣгая къ слѣдующему сравненію: „Если кто скажетъ: когда человѣчество сроднилось съ Божествомъ, какъ же Богъ Слово не исполнился тѣлесной немощи? Какъ огонь въ желѣзѣ, сообщая ему своей силы, не уменьшается преподаніемъ, такъ и Богъ Слово подвигся изъ себя и вселился въ насъ, не претерпѣвъ превращенія... огонь желѣзныхъ свойствъ не причащается: черно желѣзо и студено, но разжигаясь въ огненный зракъ одѣ-

вается. Само будучи просвѣщаемо, не очерниваетъ огня, само распаляясь, не студитъ пламени. Такъ и человѣческая Господня плоть причастилась Божества, а не преподала Божеству своей немощу... Пречистое Божество исправляетъ страстное, само не наполняясь страсти. Такъ солнце проникаетъ и въ нечистыя мѣста, очищаетъ скверное, но не принимаетъ зловонія, а, напротивъ, изсушаетъ гніющее и очищаетъ скверну". Іосифъ очень обстоятельно разбираетъ заблужденія жидовствующихъ относительно многихъ догматовъ и обрядовъ, особенно же останавливается на монашествѣ, которое отвергалось еретиками.

Однако всѣ эти богословскія разсужденія для насъ менѣе интересны, чѣмъ тѣ мнѣнія, которыя высказываетъ Іосифъ по вопросу объ отношеніи власти къ еретикамъ. Онъ находитъ, что еретиковъ надо предавать казни, не допускаетъ даже возможности раскаянія и не вѣритъ въ его искренность. Если даже еретикъ раскается, то его, по мнѣнію Іосифа, все-таки слѣдуетъ заключить въ темницу, такъ какъ онъ сподобится великихъ милостей въ загробной жизни, если покаявшись умретъ въ темницѣ. Въ подтвержденіе своихъ требованій преслѣдовать еретиковъ, Іосифъ ссылается преимущественно на примѣры изъ Ветхаго Завѣта,—на Моисея, пророка Илію; изъ Новаго Завѣта онъ приводитъ примѣръ апостола Петра, словомъ своимъ казнившаго Ананію, а изъ позднѣйшей церковной исторіи ссылается на епископа Льва Катанскаго, который поразилъ волхва Иліодора: онъ взялъ волхва черезъ епитрахиль за руку, и тотъ сгорѣлъ. Свой „Просвѣтитель" Іосифъ заканчиваетъ слѣдующими словами: „Мы невѣрующихъ въ Святую и Единосущную Троицу повелѣваемъ мечемъ посѣщи и богатство ихъ на расхищеніе предать, повелѣваемъ ихъ казнить наравнѣ съ ворами и разбойниками... Такъ и вамъ повелѣваемъ творить: бози бо есть и сынове Вышняго, вашего ради спасенія написалъ се вамъ, да Божію волю сотворивъ, пріимете Божію милость. Васъ Богъ насадилъ за мѣсто себя на престолѣ своемъ: подобаетъ князьямъ и царямъ всякое тщаніе о благочестіи имѣть: солнцу бо свое дѣло свѣтить сущимъ на землѣ; царю—пещись о всѣхъ сущихъ подъ нимъ"... Весьма характерной чертой для Іосифа надо признать тотъ фактъ, что онъ не дѣлаетъ въ своихъ ссылкахъ различія между священнымъ писаніемъ и „градскимъ закономъ", который онъ наравнѣ съ св. писаніемъ считаетъ божественнымъ словомъ. Такимъ образомъ онъ представляется намъ начетчикомъ, не умѣющимъ достаточно оцѣнить значеніе своихъ источниковъ и потому впадающимъ въ смѣшеніе кесарева съ Божіимъ. Надо, однако, замѣтить, что такое смѣшеніе было занесено къ намъ изъ Византіи, гдѣ былъ сильно развитъ „цезаропапизмъ", который слѣдуетъ признавать остаткомъ стараго греко-римскаго язычества. По классическому воззрѣнію, свѣтская власть должна охранять религію, которая есть одно изъ государственныхъ учрежденій. Это воззрѣніе сохранилось въ Византіи, откуда было перенесено къ намъ и ярче всего выразилось въ проповѣди Іосифа Волоцкаго и его послѣдователей.

Взгляды Іосифа на отношенія къ еретикамъ вызвали энергичный протестъ со стороны заволжскихъ старцевъ, отъ лица которыхъ написалъ посланіе къ Іосифу князь-инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ. Это посланіе невелико по объему, но по содержанію и изложенію очень характерно: съ замѣчательной, мѣткой ироніей старцы возражаютъ на всѣ положенія Іосифа о преслѣдованіи еретиковъ и развиваютъ тѣ взгляды на свободу совѣсти, которыя выработаны были отцами Церкви и пользовались полнымъ сочувствіемъ въ древней Руси. „Правда,—говорятъ старцы,—что не кающихся еретиковъ и не покоряющихся велѣно заточить, а кающихся еретиковъ и свою ересь проклинающихъ Церковь Божія пріемлетъ съ простертыми дланями. А что ты, господине старецъ Іосифъ, написалъ, что Моисей скрижали руками разбилъ, то такъ; но когда Богъ захотѣлъ погубить Израиля, поклонившагося тельцу, тогда Моисей сталъ вопреки Господу и сказалъ ему: „если ихъ погубишь, то меня прежде ихъ погуби“, и Богъ не погубилъ Израиля Моисея ради. Видишь ли, господинъ, какъ любовь Моисеева къ согрѣшившимъ превозмогла гнѣвъ самый Божій. Такъ же Илія пророкъ, ревнуя по Бозѣ, заклалъ 400 жрецовъ Вааловыхъ, потому что не каялись, а покаявшихся принялъ на покаяніе, изъ нихъ же вышелъ послѣ и Авдей пророкъ“.

Старцы возражаютъ противъ заимствованія Іосифомъ примѣровъ изъ Ветхаго Завѣта, находя, что для христіанъ гораздо важнѣе Новый Завѣтъ. „Если ты повелѣваешь, Іосифъ, брату брата согрѣшившаго убить, то скоро и субботство будетъ и все ветхое закона, что Богъ ненавидитъ“. Указавъ на эту сторону, на „субботство“, въ проповѣди Іосифа, старцы переходятъ къ разбору его доказательствъ изъ исторіи христіанской Церкви. „А Петръ апостолъ Симона волхва молитвою разбилъ... и ты, господине Іосифъ, сотвори молитву, чтобы земля пожрала недостойныхъ еретиковъ или грѣшника. А Левъ, епископъ катанскій, Ліодора волхва епитрахилью связалъ и сжегъ при греческомъ царѣ,—то такъ. А ты, господине Іосифъ, что не испытаеши своей святости, зачѣмъ не связалъ архимандрита Касьяна своей мантіей? Пока бы онъ сгорѣлъ, а ты бы въ пламени его держалъ, и мы бы тебя, какъ одного изъ трехъ отроковъ, изъ пламени вышедшихъ, да и приняли. Поразумѣй, господине Іосифъ, какъ много розни промежъ Моисея и Ильи, и Петра и Павла апостоловъ, да и тебя отъ нихъ“.

Въ изложенномъ посланіи заволжскихъ старцевъ ярче всего высказался истинно-христіанскій взглядъ на необходимость свободы совѣсти, на вредъ принужденія въ дѣлѣ вѣры. Заволжскіе старцы были учениками и послѣдователями Нила Сорскаго, который происходилъ изъ рода Майковыхъ. Постригшись въ юности въ Бѣлозерскомъ монастырѣ, онъ посѣтилъ Аѳонскую гору, надѣясь тамъ найти идеалъ иноческой жизни, котораго напрасно искалъ въ монастыряхъ русскихъ. Посѣщая монастыри на Востокѣ, онъ плѣнился уставомъ скитскимъ, который значительно отличается отъ общежительнаго

студійскаго устава, принесеннаго къ намъ Ѳеодосіемъ Печерскимъ. Этотъ-то уставъ рѣшился онъ ввести въ своей обители, которую основалъ въ Вологодской области, въ печальномъ и мрачномъ мѣстѣ, среди лѣса, на берегу рѣки Соры (отъ нея и получила свое названіе обитель). Главное вниманіе обращалъ онъ на трудъ „не дѣлаяй да не ястъ". Но подвижничество внѣшнее—листъ, а плодомъ является подвижничество внутреннее, духовное самосовершенствованіе, которое приближаетъ къ Богу не только инока, но и всякаго человѣка. „Умная" молитва выше тѣлесной. Она скорѣе приводитъ къ цѣли, болѣе помогаетъ борьбѣ съ цѣлымъ рядомъ порочныхъ помысловъ, которыхъ Нилъ насчитываетъ восемь: чревообъяденіе, сладострастіе, сребролюбіе, гнѣвъ, печаль, уныніе, тщеславіе и гордость. Они побѣждаются молитвою, рукодѣліемъ и полнѣйшимъ порабощеніемъ тѣла духу, т.-е. аскетизмомъ. Останавливаясь на каждомъ изъ злыхъ помысловъ отдѣльно, Нилъ говоритъ, къ какимъ пагубнымъ послѣдствіямъ они приводятъ, и старается объяснить ихъ вредъ путемъ раціональныхъ доводовъ.

Обращаясь къ современному строю общественной жизни и къ жизни монашества, Нилъ отмѣчаетъ много ненормальныхъ сторонъ. Въ монашескомъ быту онъ видитъ полное отрицаніе заповѣди о нестяжательности, такъ какъ монахи владѣютъ громадными имѣніями, заселенными рабами и холопями Такимъ образомъ онъ касается очень важнаго вопроса о монастырскихъ имуществахъ,—вопроса, породившаго въ это время въ Москвѣ двѣ партіи: во главѣ первой партіи стоялъ Іосифъ Волоцкій, во главѣ второй—Нилъ Сорскій. Іосифъ съ нѣкоторымъ основаніемъ указывалъ, что монастырскія имѣнія не лишены большого значенія, давая возможность монахамъ дѣлать много добра. Монастыри, какъ доказывалъ Іосифъ, приготовляя достойныхъ пастырей Церкви, оказывая помощь нуждающимся, не должны нуждаться сами. Этотъ аргументъ можно признать очень существеннымъ, но, съ другой стороны, не слѣдовало упускать изъ виду, что при этомъ монашество уклонялось отъ нормальнаго образа своего бытія, погружалось въ хозяйственные расчеты, совсѣмъ не соотвѣтствовавшіе аскетическому идеалу: монахи угождали сильнымъ, заискивали у нихъ и не могли быть свѣточемъ, нравственнымъ образцомъ для мірянъ, а кромѣ того, владѣніе богатствами, иногда очень значительными, вело уже не къ одному избѣжанію нужды, но и къ прямой роскоши. Всѣ эти недостатки современной жизни монастырей указывались особенно ярко противникомъ Іосифа Волоцкаго, ученикомъ Нила Сорскаго, княземъ-инокомъ Вассіаномъ Патрикѣевымъ.

Библіографія.

Поповъ. Ересь жидовствующихъ. „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1877.

Костомаровъ. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ. Т. I.

Хрущовъ. Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, преп. игумена Волоколамскаго. СПБ. 1868.

Іосифъ Волоцкій. Просвѣтитель. Казань. 1882.

Никитскій. Очеркъ внутренней исторіи Церкви въ Великомъ Новгородѣ. СПБ. 1879.

Архангельскій. Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ. СПБ. 1882.

Павловъ. Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи. Одесса. 1871.

Нилъ Сорскій. Преданіе о жительствѣ скитскомъ. СПБ. 1864 (2 изд. М. 1869).

Его же. Посланіе (въ книгѣ „Преподобный Нилъ Сорскій“, СПБ. 1864).

ГЛАВА IX.

Литература въ XVI столѣтіи.

Намъ предстоитъ теперь обратиться къ изученію памятниковъ литературы XVI стол. и прежде всего къ указанію общаго характера, отличающаго эту эпоху въ исторіи литературы.

Къ концу Монгольскаго времени въ умственной жизни русскихъ сказываются новыя теченія, идущія съ разныхъ сторонъ. Нѣкоторыя изъ нихъ развиваются вслѣдствіе потребностей внутренней политической жизни, вслѣдствіе новыхъ воззрѣній на политическій строй государства, противоположныхъ прежнимъ воззрѣніямъ. Съ другой стороны, новыя вѣянія притекаютъ извнѣ, съ Запада, проникая къ намъ черезъ Новгородъ, а также при непосредственныхъ сношеніяхъ съ западнымъ міромъ. Западныя вѣянія сначало слабо, но потомъ все сильнѣе и сильнѣе охватываютъ и увлекаютъ москвичей и выражаются въ такихъ формахъ, которыя съ теченіемъ времени вызываютъ московскую старину на самозащиту противъ вторженія въ нее посторонних элементовъ. Люди, поддавшіеся вліянію извнѣ, начинаютъ критически относиться къ русской жизни, многаго въ ней не одобряютъ, замѣчаютъ разные недостатки, говорятъ, что нужно во всемъ ставить для себя образцомъ цивилизованный Западъ. Но съ другой стороны, вслѣдствіе нѣкоторыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, возвысившихъ и укрѣпившихъ Московское государство, уже сформировалось высокое мнѣніе о всемірномъ значеніи Москвы. Сперва въ повѣсти о „бѣломъ клобукѣ“, а затѣмъ въ посланіяхъ къ разнымъ лицамъ (дьяку Мисюрю Мунехину, великому князю Василію III и царю Іоанну Грозному) старца Псковскаго Елеазарова монастыря Филоѳея была развита теорія о третьемъ Римѣ. Согласно этой теоріи міровое владычество изъ древняго Рима за его еретичество перешло во второй Римъ, Царьградъ; но когда греки отпали на Флорентинскомъ со-

борѣ отъ православія, за это погибла власть второго Рима, и благодать возсіяла въ третьемъ Римѣ—Москвѣ, куда переданы царскія регаліи. Четвертому Риму не бывать, а потому съ отпаденіемъ Москвы отъ православія должно наступить пришествіе антихриста.

При такомъ мнѣніи, наоборотъ, нужно было охранять и защищать добрую московскую старину отъ притока постороннихъ вліяній и показать, что она дѣйствительно представляла собою извѣстную цѣнность. Отсюда является стремленіе подвести итоги прежнему развитію, отсюда и произведенія, имѣющія характеръ сводовъ: таковъ „Домострой"—сводъ правилъ домашней жизни, таковъ „Стоглавъ"—сводъ церковныхъ воззрѣній, таковъ политическій сводъ въ перепискѣ Іоанна Грознаго и кн. Курбскаго, таковъ, наконецъ, колоссальный сводъ литературныхъ памятниковъ—Великія Четьи-Минеи, составленныя митр. Макаріемъ.

Максимъ Грекъ.

Прежде, однако, чѣмъ обратиться къ разсмотрѣнію этихъ сводовъ, мы остановимся на литературной дѣятельности одного изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ писателей XVI вѣка, на произведеніяхъ Максима Грека.

О біографіи Максима Грека мы знаемъ немного: намъ извѣстно, что онъ родился въ Албаніи отъ знатныхъ и образованныхъ родителей, которые въ его житіи называются „философами". Послѣ первоначальнаго домашняго образованія, въ молодыхъ годахъ онъ отправляется въ Италію (въ концѣ XV и началѣ XVI в., въ эпоху сильнаго умственнаго движенія, извѣстнаго подъ именемъ гуманизма).

Это былъ расцвѣтъ классицизма, но съ возрожденіемъ античнаго міра „воскресли боги", для многихъ возродился и древній Олимпъ. Отсюда развивалось отрицательное отношеніе къ христіанству и его догматикѣ и морали. Какъ увидѣлъ Максимъ Грекъ, многіе искренне увлекались древнимъ язычествомъ, и такого увлеченія онъ не могъ не осудить.

Увлеченный общимъ примѣромъ, онъ дѣятельно изучаетъ классиковъ, но сближеніе съ Савонароллой гарантируетъ его отъ крайнихъ увлеченій, свойственныхъ тогдашнимъ итальянскимъ гуманистамъ. Савонаролла произвелъ на Максима Грека глубокое, обаятельное впечатлѣніе, и у Максима явилось стремленіе подражать знаменитому проповѣднику. Вспоминая впослѣдствіи о своемъ учителѣ, Максимъ называетъ его „святымъ подвижникомъ презельнымъ"; онъ разсказываетъ о проповѣдничествѣ Савонароллы, о дѣйствіи его рѣчей на современниковъ, о его преслѣдованіи, мученіи и смерти и, забывая то, что онъ латинянинъ, указываетъ на него, какъ на образецъ русскимъ инокамъ. Изъ Флоренціи, гдѣ Максимъ Грекъ проводилъ первые годы своего пребыванія въ Италіи, онъ отправляется въ Венецію.

Здѣсь судьба сближаетъ его съ знаменитымъ ученымъ Іоанномъ Ласкарисомъ и съ издателемъ классиковъ Альдомъ Мануччи. Изученіемъ классическаго міра Максимъ Грекъ заинтересовывается еще болѣе и занимается имъ дѣятельнѣе. Но и теперь, какъ и во Флоренціи, онъ далекъ отъ крайностей, хотя и не ощущаетъ на себѣ вліянія Савонароллы. Онъ становится ревностнымъ поклонникомъ науки, увлекается борьбою съ врагами просвѣщенія; такимъ защитникомъ науки онъ является и у насъ. Гдѣ послѣ этого продолжалъ Максимъ Грекъ свое образованіе — сказать трудно: высказывалось предположеніе, что онъ былъ въ Парижѣ. Дѣйствительно, у него мы находимъ описаніе Парижской академіи, однако отсюда не видно, чтобы Максимъ Грекъ лично посѣтилъ описываемую школу. „Якоже слышахъ", такъ выражается онъ въ своемъ описаніи. Очевидно, Парижская академія или университетъ знакомъ былъ ему не непосредственно, а по слухамъ.

Послѣ 2—3 лѣтъ пребыванія за границей, Максимъ Грекъ прибываетъ на Аѳонскую гору, гдѣ въ Ватопедскомъ монастырѣ онъ принимаетъ постриженіе, и здѣсь продолжаются его научныя занятія, но характеръ ихъ измѣняется: Максимъ Грекъ знакомится съ аѳонскими монастырскими рукописями, читаетъ и изучаетъ отцовъ и учителей церкви, и такимъ образомъ къ его гуманитарному образованію присоединяется богословское. Если раньше была опасность для него уклониться въ сторону раціонализма, то теперь, наоборотъ, онъ дѣлается ревнителемъ православія.

Въ Аѳонскомъ монастырѣ Максимъ Грекъ проживалъ до 1518 г. Нѣсколько раньше этого времени изъ Москвы отъ великаго князя Василія Ивановича пришло сюда посланіе съ просьбою отправить въ Россію инока-переводчика Савву для разбора великокняжеской библіотеки. Савва былъ слишкомъ старъ, и вмѣсто него отправили въ Москву Максима Грека, хотя тотъ не зналъ русскаго языка. Прибылъ въ Россію Максимъ Грекъ въ 1518 году. Вскорѣ ясно стало, что въ Москвѣ нуждались не столько въ упорядоченіи великокняжеской библіотеки, сколько въ переводчикѣ и исправителѣ богослужебныхъ книгъ: по прибытіи въ Москву Максиму Греку поручено было перевести сводную „Толковую псалтирь". Такъ какъ славянскаго языка онъ не зналъ, то къ нему въ сотрудники приставлены были Дмитрій Герасимовъ, Власій Толмачъ, Силуанъ и Михаилъ Медоварцевъ. Трудъ былъ очень большой,—предстояло перевести книгу огромную (въ 1500 листовъ); къ тому же процессъ работы осложнялся вслѣдствіе незнакомства Максима съ русскимъ языкомъ, такъ что онъ долженъ былъ самъ дѣлать переводы съ греческаго на латинскій, оставляя своимъ помощникамъ окончательный переводъ съ латинскаго на славянскій. При такихъ обстоятельствахъ весьма естественно было проникнуть въ переводъ Максима разнымъ погрѣшностямъ. Однако, когда онъ представилъ черезъ полтора года на судъ свою работу, митрополитъ Варлаамъ призналъ ее вполнѣ удовлетворительной и назвалъ

переводъ псалтири „источникомъ благочестія". Окончивъ первое порученіе, Максимъ Грекъ сталъ проситься на родину, но получилъ отказъ. Нѣсколько разъ еще онъ обращался съ тою же просьбой и всякій разъ ему отказывали.

Академикъ Голубинскій *) объясняетъ причину его настойчивыхъ просьбъ тѣмъ, что онъ не могъ свыкнуться съ Московской малокультурной атмосферой: онъ считалъ себя здѣсь лишнимъ человѣкомъ; къ тому же онъ привыкъ къ свободѣ, а здѣсь господствовала суровая власть; правда, и Востокъ тогда находился подъ гнетомъ турецкаго деспотизма, но Аѳонъ, гдѣ онъ жилъ, представлялъ счастливое исключеніе, сумѣвъ поставить себя такъ, что отношенія его къ Турціи ограничивались платой дани.

Первая просьба объ отпускѣ домой высказана была Максимомъ послѣ того, какъ онъ съ успѣхомъ окончилъ данное ему порученіе и заслужилъ одобреніе со стороны вел. князя, митрополита и собора. Если теперь онъ встрѣтилъ отказъ на свою просьбу, то потомъ, когда его труды по исправленію книгъ встрѣтили возраженія и вызвали противъ него недовольство въ москвичахъ, онъ тѣмъ болѣе не могъ разсчитывать на возвращеніе домой.

Оставшись въ Москвѣ, Максимъ получилъ новую работу: на него возложили исправленіе погрѣшностей въ нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгахъ. Дѣло было очень затруднительное, деликатное, такъ какъ погрѣшностей, граничившихъ съ еретичествомъ, было довольно много, указаніе же на нихъ со стороны пріѣзжихъ грековъ уже ранѣе вызывало протестъ со стороны москвичей, видѣвшихъ въ подобномъ указаніи оскорбленіе національнаго самолюбія: съ одной стороны, они говорили, что ихъ книги непорочны, такъ какъ ихъ употребляли наши святые и чудотворцы; съ другой стороны, имъ казалось, что только въ Россіи сохраняется православная вѣра во всей чистотѣ, и что греки совсѣмъ утратили свой прежній авторитетъ. Съ этими возраженіями пришлось встрѣтиться и Максиму, когда онъ принялся за порученное ему дѣло. Онъ исправлялъ Тріодь Цвѣтную, Евангеліе, Апостолъ, Часословецъ, Псалтирь. Нашелъ онъ въ этихъ книгахъ множество ошибокъ, о которыхъ онъ писалъ впослѣдствіи, когда поднялся ропотъ противъ его исправленій. Ему говорили то же самое, что прежнимъ порицателямъ нашихъ книгъ: „велію о человѣче, досаду тѣмъ дѣломъ прилагаешь возсіявшимъ на нашей землѣ преподобнѣйшимъ чудотворцамъ, они бо сицевыми священными книгами благоугодиша Богови и живуще и по преставленіяхъ отъ Него прославишася святынею и всякихъ чудесъ дѣйствомъ". Максимъ же такъ характеризовалъ состояніе нашихъ книгъ: „я учу всякаго человѣка право мудрствовать о воплощьшемся Богѣ Словѣ, т.-е. не глаголати Его единаго точію человѣка, по вашимъ часословцамъ... Также исповѣдую всею душою того же Богочеловѣка воскресшимъ

*) „Истор. рус. Церкви", т. II, 680 стр.

изъ мертвыхъ въ третій день, а не безконечною смертію умерша, какъ проповѣдуютъ Его вездѣ ваши толковыя Евангелія... Я учу вѣровать и проповѣдовать, что онъ по Божеству не созданъ, а не то, что созданъ и сотворенъ, какъ богохульствовалъ Арій и какъ проповѣдуютъ его вездѣ ваши Тріоди"... и т. д. Но если были значительныя погрѣшности въ нашихъ книгахъ, не слѣдуетъ забывать, что, взявшись за ихъ исправленіе, Максимъ совершилъ крайне рискованный поступокъ, такъ какъ не зналъ еще достаточно славянскаго языка. Отсюда произошли въ его работѣ нѣкоторые существенные промахи, чѣмъ не преминули воспользоваться его враги, указавшіе, что Максимъ не исправляетъ, но портитъ книги. Къ этому обвиненію присоединены были нѣкоторые факты, которые бросали тѣнь на политическую благонадежность Максима. Онъ сошелся съ заволожскими старцами, кромѣ того, завелъ знакомство съ тогдашнимъ либераломъ Берсенемъ-Беклемишевымъ, часто посѣщавшимъ келью Максима и иногда жаловавшимся на то, что великій князь теперь дѣла рѣшаетъ самъ третей у постели. Наконецъ Максимъ Грекъ вмѣстѣ съ митрополитомъ Варлаамомъ принялъ неосторожное участіе въ дѣлѣ о разводѣ великаго князя Василія Ивановича съ первой супругой Соломоніей, противномъ всякимъ каноническимъ правиламъ. Въ 1525 г. за всѣ эти провинности онъ былъ потребованъ къ суду, и съ этихъ поръ для него начинается жизнь, полная бѣдствій. Сначала его томятъ въ Волоколамскомъ монастырѣ, затѣмъ перемѣщаютъ въ Тверской Отрочь монастырь. Сколько ни молилъ онъ своихъ гонителей, сколько ни ходатайствовали за него восточные патріархи, его никакъ не хотѣли выпустить на свободу домой, и понятно почему: такой человѣкъ могъ быть очень опасенъ для репутаціи русскихъ за границей. Съ 1553 г. участь Максима была нѣсколько облегчена: онъ переведенъ былъ въ Троице-Сергіеву лавру, гдѣ и скончался (1556 г.). Такова печальная судьба человѣка, попавшаго въ среду малообразованныхъ людей, относившихся съ презрѣніемъ къ наукѣ и просвѣщенію.

Переходимъ къ литературнымъ произведеніямъ Максима Грека.

Оставляя въ сторонѣ сочиненія его по исправленію богослужебныхъ книгъ, всѣ остальныя изъ его произведеній мы можемъ раздѣлить на двѣ группы: на догматико-полемическія и нравоучительныя. Общій характеръ трудовъ первой группы обличительный; въ нихъ авторъ борется съ распространенными во множествѣ религіозными заблужденіями. Часть изъ нихъ направлена противъ Николая Нѣмчина (Булева), дѣятельнаго пропагандиста мысли о соединеніи православной Церкви съ католической и распространителя астрологическихъ суевѣрій. Послѣднія, впрочемъ, и раньше были очень знакомы русскимъ; мы знаемъ, что жидовствующіе особенно усердно занимались составленіемъ и распространеніемъ произведеній, въ родѣ Шестокрыла, Вороненграя и т. д. Но Николай Нѣмчинъ, какъ человѣкъ съ авторитетомъ (онъ былъ придворнымъ врачомъ), явился болѣе ревностнымъ и усерднымъ пропагандистомъ уже существовавшихъ

мнѣній, къ которымъ онъ присоединилъ, кромѣ того, новую мысль о соединеніи церквей. Въ опроверженіе противника Максимъ Грекъ пишетъ, что соединеніе возможно лишь въ одномъ случаѣ—подъ условіемъ отреченія латинянъ отъ своихъ заблужденій, которыя вовсе не такъ маловажны, какъ о нихъ думаетъ Николай. Подробно останавливаясь на заблужденіяхъ римской церкви (на догматахъ объ исхожденіи Св. Духа, о чистилищѣ, объ опрѣснокахъ и др.), онъ разбираетъ каждое изъ нихъ, стараясь ихъ опровергнуть. Аргументація у Максима въ данномъ случаѣ новаго ничего не представляетъ. Но католичество не такъ было опасно для русскихъ: въ неправославіи католиковъ всѣ были твердо убѣждены. Иное дѣло астрологія; астрологическія суевѣрія крѣпко держались въ непросвѣщенномъ русскомъ обществѣ; противъ нихъ и вооружается Максимъ Грекъ. Вѣра въ астрологію, доказываетъ онъ, противна основнымъ догматамъ Христовой вѣры, ибо она подрываетъ въ человѣкѣ вѣру въ промыслъ Божій, свободу человѣческой воли, ведетъ къ безразличію въ нравственныхъ достоинствахъ человѣка.

„Если нашъ разумъ и воля,—говоритъ Максимъ,—управляется зодіакальными вліяніями, то да будетъ отвергнутъ законъ, да будетъ отринуто Евангеліе, да прекратятся молитвы, потому что все это излишне и безполезно: мы находимся подъ необоримою властью деспотическихъ владыкъ, которые насильственно влекутъ насъ ко злу, Афродита (планета) въ блудъ, Марсъ въ убійство и разбой, Меркурій въ кражу, пусть никто не старается прилежать добродѣтели и убѣгать отъ зла, но, узнавъ свой жребій, каковъ онъ есть (подъ властью какой планеты кто состоитъ), пусть считаетъ себя добрымъ, если ему выпалъ жребій быть подъ властью добраго господина, и пусть не трудится освободиться отъ власти своего господина, если ему выпалъ жребій подъ злымъ быть, потому что это совершенно напрасно“.

Рядомъ съ астрологическими суевѣріями жили разныя другія, происхожденіе которыхъ восходило къ болѣе отдаленному времени, нежели происхожденіе первыхъ; таково, напр., суевѣрное мнѣніе о томъ, что не должно погребать утопленника, удавленника и вообще людей, умершихъ насильственною смертью,—мнѣніе, противъ котораго, припомнимъ, три вѣка тому назадъ боролся еп. Серапіонъ. Но, видно, проповѣди Серапіона были не такъ дѣйствительны, потому что и Максиму Греку пришлось говорить противъ того же самаго. По его словамъ, русскіе, суевѣрно не желая погребать насильственно умершихъ, оказываются безчувственнѣе морскихъ дельфиновъ, направляющихъ къ берегу трупы утопленниковъ, и безчеловѣчнѣе безбожныхъ татаръ, которые, хотя и не знаютъ евангельскаго и апостольскаго ученія, но, какъ люди, считаютъ справедливымъ оказывать милость къ таковымъ мертвецамъ и предавать тѣла ихъ погребенію.

Возставая противъ суевѣрія, Максимъ Грекъ хочетъ бороться съ самымъ источникомъ его, каковымъ служили, главнымъ образомъ, чрезвычайно распространенныя апокрифическія сочиненія, пользо-

вавшіяся у насъ безусловной вѣрой, на ряду съ св. писаніемъ. Даже среди духовенства были авторитетныя лица, не чуждавшіяся въ своихъ произведеніяхъ ссылокъ на отреченныя книги. Особенно извѣстны были ко времени Максима слѣдующія апокрифическія сказанія: Афродитіаново о чудѣ въ персидской землѣ, объ Іудѣ предателѣ, о рукописаніи грѣховнѣмъ и др. Разбирая подобныя сказанія, онъ указываетъ, прежде всего, точный критерій, при помощи котораго возможно опредѣлить истинность или отреченность той или другой книги. Сказаніе истинно, если, во-первыхъ, составителемъ было лицо надежное,— учитель или отецъ Церкви, если, во-вторыхъ, оно согласно съ Евангеліемъ и апостольскимъ ученіемъ, и, въ-третьихъ, если не заключаетъ въ себѣ самомъ противорѣчій.

Указанныя догматическія сочиненія Максима наиболѣе важны, но, кромѣ того, онъ писалъ много противъ евреевъ, жидовствующихъ, магометанъ, и оставилъ одно сочиненіе противъ язычества. Сочиненіе это, имѣвшее мало отношенія къ русской жизни, такъ какъ никто у насъ особенно язычествомъ, да еще греко-римскимъ, не интересовался, является, быть-можетъ, отголоскомъ итальянскихъ впечатлѣній Максима Грека и любопытно по тѣмъ пріемамъ, при помощи которыхъ Максимъ обличаетъ „еллинскую прелесть". Ложь язычества обнаруживается изъ характеристики его боговъ сравнительно съ христіанскимъ чистымъ представленіемъ о Богѣ: „не Зевсъ бѣсяся похотію блудною, ниже Фивъ (т.-е. Аполлонъ) волосатъ, съ отрокомъ играя и любовника своего убивъ неволею дискомъ; ниже богини, сварящася яблока дѣля златого (т.-е. богини, ссорящіяся изъ-за яблока); ниже Афродиты блудящи со Ареемъ, ниже боги между собою бои составляюща и копія другъ на друга мечуще; ино что сицево богомерзко обрящеши во всѣхъ святыхъ учительствахъ христіанскихъ". Къ обличенію язычества служитъ также и безнравственная жизнь древнихъ философовъ, изъ которыхъ Максимъ упоминаетъ Хризиппа и Эпикура.

Второй разрядъ произведеній Максима Грека, сочиненія нравоучительныя, гораздо важнѣе перваго, такъ какъ рисуетъ общественное состояніе Руси XVI вѣка *). Максимъ указываетъ, что одной изъ причинъ упадка нравственности является застой образованія, буквализмъ, не дающій мысли простора для развитія. Поэтому-то какъ въ догматико-полемическихъ, такъ и въ нравоучительныхъ своихъ произведеніяхъ Максимъ энергично вооружается противъ невѣжества,

*) Отмѣтимъ весьма обстоятельное сочиненіе г. Преображенскаго: „Общественное состояніе Россіи XVI в. по сочиненіямъ Максима Грека". Для обрисовки общественной жизни русскихъ XVI в. авторъ пользуется всѣмъ тѣмъ, что даетъ въ своихъ трудахъ Максимъ Грекъ. Для иллюстраціи своихъ выводовъ онъ дѣлаетъ иногда заимствованія и изъ другихъ сочиненій, относящихся къ разсматриваемой имъ эпохѣ. Но, подробно указывая на недостатки, характеризующіе общественную жизнь XVI вѣка, г. Преображенскій не выдѣляетъ, такъ сказать, основныхъ изъ этихъ недостатковъ—умственнаго застоя и буквализма, являющихся корнемъ для всѣхъ остальныхъ.

особенно въ средѣ духовенства, которое благодаря низкому уровню своего развитія, дальше обрядовой стороны въ религіи ничего не знаетъ и не можетъ оказывать нравственнаго воздѣйствія на свою паству, погруженную во всякіе пороки. Крайнею испорченностью отличаются судьи и правители, ихъ неправда и лихоимство губятъ населеніе, вызываютъ гнѣвъ Максима, который пытается ихъ усовѣстить, приводя имъ въ примѣръ ляховъ и нѣмцевъ. „Разжигаемые ненасытною жаждой сребролюбія, говоритъ Максимъ,—судьи и правители обижаютъ, лихоимствуютъ, расхищаютъ имѣніе вдовъ и сиротъ, выдумываютъ всякія вины противъ невинныхъ, не боясь Бога, страшнаго мстителя за обидимыхъ, не стыдясь людей, вокругъ нихъ живущихъ, т.-е. нѣмцевъ и ляховъ, которые, хотя и латиняне по вѣрѣ, но со всякимъ правосудіемъ и человѣколюбіемъ управляютъ дѣлами подвластныхъ по установленнымъ законамъ".

Въ одномъ „словѣ" Максимъ рисуетъ слѣдующую картину современнаго ему состоянія Россіи: на распутіи онъ встрѣтилъ женщину, облеченную во вдовью одежду и безутѣшно плачущую; со всѣхъ сторонъ ее окружали львы, медвѣди, волки и лисицы. На вопросъ путника, кто она, женщина назвалась Василіей (что значитъ по-гречески „царство") и сказала, что ее „хотятъ подручить себѣ славолюбцы и сластолюбцы, которые лютѣйшимъ образомъ морятъ всякими истязаніями подвластныхъ, пренебрегая угрозами слова Божія, пируя съ гуслями, тимпанами и сквернословіемъ". Эта картина представляетъ состояніе Россіи въ малолѣтство Іоанна Грознаго, когда боролись руководимыя эгоистическими расчетами партіи, которыя, дѣйствительно, стремились подручить себѣ царство, захватить власть въ свои руки. Совершая разныя безнравственныя дѣянія, многіе успокоивали свою совѣсть исполненіемъ церковныхъ обрядовъ, наружнымъ благочестіемъ, пожертвованіями на украшеніе храмовъ. Подобное лицемѣріе рѣзко обличается Максимомъ въ поученіи, озаглавленномъ „Словеса Божіи къ тверскому епископу Акакію". Максимъ представляетъ Акакія спрашивающимъ Бога, за что онъ прогнѣвался на жителей Твери, попустилъ быть страшному пожару, истребившему множество домовъ въ городѣ, когда они безпрестанно совершали ему праздники красногласнымъ пѣніемъ священниковъ и шумомъ доброгласныхъ свѣтлошумныхъ колоколовъ. На эту жалобу Богъ отвѣчаетъ, что всѣ знаки внѣшняго благочестія — „шумъ доброгласныхъ пѣній и колоколовъ и многоцѣнное украшеніе иконъ и благоуханіе различныхъ воней"— все это имѣетъ цѣну предъ Нимъ въ томъ случаѣ, когда оно сопровождается соотвѣтствующимъ внутреннимъ благочестивымъ настроеніемъ, когда приносится отъ законныхъ стяжаній и праведныхъ [illegible] въ противномъ случаѣ, это — лицемѣріе, которое только [illegible] „Какое Мнѣ наслажденіе отъ вашихъ красногласныхъ пѣній, [illegible] они возносятся ко Мнѣ вмѣстѣ съ рыданіями и [illegible] Мнѣ [illegible] колоколовъ. Въ [illegible] Я далъ Моисею и святительныя заповѣди, чтобы вы

особенно въ средѣ духовенства, которое благодаря низкому уровню своего развитія, дальше обрядовой стороны въ религіи ничего не знаетъ и не можетъ оказывать нравственнаго воздѣйствія на свою паству, погруженную во всякіе пороки. Крайнею испорченностью отличаются судьи и правители, ихъ неправда и лихоимство губятъ населеніе, вызываютъ гнѣвъ Максима, который пытается ихъ усовѣстить, приводя имъ въ примѣръ ляховъ и нѣмцевъ. „Разжигаемые ненасытной жаждой сребролюбія,—говоритъ Максимъ,—судьи и правители обижаютъ, лихоимствуютъ, расхищаютъ имѣніе вдовъ и сиротъ, выдумываютъ всякія вины противъ невинныхъ, не боясь Бога, страшнаго мстителя за обидимыхъ, не стыдясь людей, вокругъ нихъ живущихъ, т.-е. нѣмцевъ и ляховъ, которые, хотя и латиняне по вѣрѣ, но со всякимъ правосудіемъ и человѣколюбіемъ управляютъ дѣлами подвластныхъ по установленнымъ законамъ".

Въ одномъ „словѣ" Максимъ рисуетъ слѣдующую картину современнаго ему состоянія Россіи: на распутіи онъ встрѣтилъ женщину, облеченную во вдовью одежду и безутѣшно плачущую; со всѣхъ сторонъ ее окружали львы, медвѣди, волки и лисицы. На вопросъ путника, кто она, женщина назвалась Василіей (что значитъ по-гречески „царство") и сказала, что ее „хотятъ подручить себѣ славолюбцы и сластолюбцы, которые лютѣйшимъ образомъ морятъ всякими истязаніями подвластныхъ, пренебрегая угрозами слова Божія, пируя съ гуслями, тимпанами и сквернословіемъ". Эта картина представляетъ состояніе Россіи въ малолѣтство Іоанна Грознаго, когда боролись руководимыя эгоистическими расчетами партіи, которыя, дѣйствительно, стремились подручить себѣ царство, захватить власть въ свои руки. Совершая разныя безнравственныя дѣянія, многіе успокоивали свою совѣсть исполненіемъ церковныхъ обрядовъ, наружнымъ благочестіемъ, пожертвованіями на украшеніе храмовъ. Подобное лицемѣріе рѣзко обличается Максимомъ въ поученіи, озаглавленномъ „Словеса Божіи къ тверскому епископу Акакію". Максимъ представляетъ Акакія спрашивающимъ Бога, за что онъ прогнѣвался на жителей Твери, попустилъ быть страшному пожару, истребившему множество домовъ въ городѣ, когда они безпрестанно совершали ему праздники красногласнымъ пѣніемъ священниковъ и шумомъ доброгласныхъ свѣтлошумныхъ колоколовъ. На эту жалобу Богъ отвѣчаетъ, что всѣ знаки внѣшняго благочестія—„шумъ доброгласныхъ пѣній и колоколовъ и многоцѣнное украшеніе иконъ и благоуханіе различныхъ воней"—все это имѣетъ цѣну предъ Нимъ въ томъ случаѣ, когда оно сопровождается соотвѣтсвующимъ внутреннимъ благочестивымъ настроеніемъ, и когда приносится „отъ законныхъ снисканій и праведныхъ трудовъ", въ противномъ случаѣ, это—лицемѣріе, которое только прогнѣвляетъ Его. „Какое Мнѣ наслажденіе отъ вашихъ красногласныхъ пѣній, когда они возносятся ко Мнѣ вмѣстѣ съ рыданіями и выздыханіями Моего нищаго, вопіющаго ко Мнѣ отъ голода!.. Въ книгахъ повелѣлъ Я написать Мои спасительныя заповѣди, чтобы вы

Портретъ Ивана Грознаго

... духовенства, которое благодаря низкому уровню сво... обрядовой стороны въ религіи ничего не знаетъ ... оказывать нравственнаго воздѣйствія на свою паству, по... во всякіе пороки. Крайнею испорченностью отличаются ... и правители, ихъ неправда и лихоимство губятъ населеніе, ... гнѣвъ Максима, который пытается ихъ усовѣстить, при... имъ въ примѣръ ляховъ и нѣмцевъ. „Разжигаемые ненасытной ... сребролюбія,—говоритъ Максимъ,—судьи и правители оби... ствуютъ, расхищаютъ имѣніе вдовъ и сиротъ, выду... вины противъ невинныхъ, не боясь Бога, страшнаго ... видимыхъ, не стыдясь людей, вокругъ нихъ живущихъ, ... и ляховъ, которые, хотя и латиняне по вѣрѣ, но со ... правосудіемъ и человѣколюбіемъ управляютъ дѣлами под... по установленнымъ законамъ".

... иномъ словѣ" Максимъ рисуетъ слѣдующую картину со... ему состоянія Россіи: на распутіи онъ встрѣтилъ женщину, ... черную во вдовью одежду и безутѣшно плачущую; со всѣхъ сто... ронъ ее окружали львы, медвѣди, волки и лисицы. На вопросъ пут... ника, кто она, женщина назвалась Василіей (что значитъ по-гречески „царство") и ... сказала, что ее „хотятъ подручить себѣ славолюбцы и сластолюбцы, ... которые лютѣйшимъ образомъ морятъ всякими истяза... ніями н... ныхъ, пренебрегая угрозами слова Божія, пируя съ ... ами и сквернословіемъ". Эта картина представляетъ ... въ малолѣтство Іоанна Грознаго, когда боролись руко... ческими расчетами партіи, которыя, дѣйствительно, ... ручить себѣ царство, захватить власть въ свои руки. ... ныя безнравственныя дѣянія, многіе успокоивали свою ... ныхъ обрядовъ, наружнымъ благочестіемъ, ... еніе храмовъ. Подобное лицемѣріе рѣзко ... Максимъ ... поученіи, озаглавленномъ „Словеса Божія ... Акакію". Максимъ представляетъ Акакія ... за что онъ прогнѣвался на жителей Твери, ... ному пожару, истребившему множество домовъ ... безпрестанно совершали ему праздники крас... ногласнымъ ... священниковъ и шумомъ доброгласныхъ свѣтло... шумныхъ колоколовъ. На эту жалобу Богъ отвѣчаетъ, что всѣ знаки внѣшняго благочестія — „шумъ доброгласныхъ пѣній и колоколовъ и многоцѣнное украшеніе иконъ и благоуханіе различныхъ воней" — ... имѣетъ цѣну предъ Нимъ въ томъ случаѣ, когда оно сопро... соотвѣтствующимъ внутреннимъ благочестивымъ настрое... когда ... ится хотъ законныхъ снисканій и праведныхъ ... въ томъ случаѣ, это лицемѣріе, которое только ... Мнѣ ... ваншихъ красногла... вмѣстѣ съ рыданіями и ... Мои спасительныя заповѣди, чтобы на

могли знать, какъ подобаетъ угождать Мнѣ. Вы же книгу Моихъ словесъ снаружи и внутри весьма обильно украшаете серебромъ и золотомъ, а силу написанныхъ въ ней повелѣній Моихъ не принимаете, ни исполнять хотите, и, напротивъ, поступаете такъ, что какъ будто все написанное въ ней считаете за ложь и тщету... Установленные Мною праздники въ славу и честь Мою, а вамъ во святыню и для исправленія добраго житія, вы дѣлаете предлогомъ пьянства и безчинія, безобразно безчинствуя въ нихъ".

Помимо этихъ недостатковъ русскаго общества, Максимъ въ цѣломъ рядѣ „словъ" обличаетъ спеціальные недостатки духовенства и особенно возстаетъ противъ монастырскихъ имуществъ, въ чемъ вполнѣ оказывается солидарнымъ съ заволжскими старцами. Въ ряду этихъ сочиненій особенно интересны по своей доказательности „Стязаніе о извѣстномъ иноческомъ жительствѣ, лица же стязующихся Филоктимонъ да Актимонъ, сирѣчь любостяжательный да нестяжательный". Но указаніе Филоктимона, что Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ и др. заботились о своихъ имѣніяхъ, пріобрѣтали богатства и этимъ не прогнѣвили Бога, Актимонъ объясняетъ, что съ этими праведниками никакъ не могутъ себя сравнивать новѣйшіе монахи, прибѣгающіе къ самымъ неблаговиднымъ средствамъ для пріобрѣтенія богатствъ. „Гдѣ,—восклицаетъ онъ,—написано о нихъ (т.-е. о праведникахъ), что они отдавали свое серебро взаимъ съ ростомъ, или истязали росты на росты отъ убогихъ, и у немогущихъ отдать требуемое по причинѣ умноженія многолѣтнихъ ростовъ, расхищали оставшіяся у нихъ отъ послѣдней нищеты плохія стяжаньица, какъ это мы дѣлаемъ съ бѣдными селянами, которые не могутъ отдать занятое, которые безпрестанно трудятся и страждутъ въ селахъ нашихъ, во всѣхъ нашихъ потребахъ, внутри и внѣ монастыря? Гдѣ написано что-нибудь подобное о тѣхъ праведникахъ? Нигдѣ не найдешь. А мы, именующіе себя учениками евангельскими... добровольно отрекаемся отъ всѣхъ красныхъ міра сего суетнаго... и потомъ, забывши о своихъ обѣтахъ и вмѣнивши ихъ ни во что, заботимся пріобрѣсти себѣ опять стяжанія и стада всяческихъ скотъ, какъ и въ первомъ мірскомъ нашемъ житіи; предаемся безчисленнымъ житейскимъ тяжбамъ и ссорамъ... Преступая священную заповѣдь о нищелюбіи, которая составляетъ основаніе всѣхъ божественныхъ заповѣдей и союзъ совершенства, мы удручаемъ подвластную намъ нищую братію Христову тягчайшими ростами, гложемъ ихъ безпрестанно всякими монастырскими работами" *). Изъ другихъ сочиненій по вопросу о монастырскихъ дѣлахъ важна „Повѣсть страшна и достопамятна о совершенномъ иноческомъ жительствѣ", въ которой Максимъ Грекъ изображаетъ жизнь картезіанскаго монастыря во Флоренціи и характеризуетъ игумена этого монастыря, знаменитаго Іеронима Савонароллу.

*) Переводъ Порфирьева („Ист. рус. слов." I, стр. 533—4).

Ставя его образцомъ для нашихъ монаховъ, Максимъ считаетъ необходимымъ предупредить могущее возникнуть (и дѣйствительно впослѣдствіи возникшее) обвиненіе въ томъ, что онъ православнымъ предпочитаетъ латинянъ. „Сіе же,—говоритъ онъ,—пишу, не яко да покажу латинскую вѣру чисту совершенну и прямоходящу во всѣхъ,—да не будетъ во мнѣ таково безуміе,—но да яко покажу православнымъ, яко и у неправомудренныхъ и латынехъ есть попеченіе и прилежаніе евангельскихъ спасительныхъ заповѣдей и ревность за вѣру Спаса Христа, аще и не по совершенному разуму, якоже глаголетъ божественный Павелъ апостолъ о непокоривыхъ іудеяхъ... сице и латыне, аще и во многихъ соблазнишася, чюжа нѣкая и странная ученія приводяще, отъ сущаго въ нихъ многоученнаго елинскаго наказанія прельщаеми, но и не до конца отпадоша вѣры и надежды и любви, яже во Спаса Христа, егоже ради ко святымъ его заповѣдямъ уставляютъ прилѣжно иноческое ихъ пребываніе сущіи у нихъ мнихи, ихъ же единомудренно и братолюбно и нестяжательно и молчаливо и безпечально и востанливо ко спасенію многихъ подобаетъ и намъ подражати, да не обрящемся ихъ вторіи".

Такова жизнь и дѣятельность просвѣщеннаго человѣка XVI столѣтія, не подошедшаго къ современному московскому обществу и встрѣтившаго съ его стороны вмѣсто заслуженнаго сочувствія только преслѣдованіе. Правда, были люди, откликнувшіеся симпатіями на дѣятельность Максима Грека; таковы заволжскіе старцы и нѣкоторые изъ передовыхъ людей того времени, напр., Вассіанъ Патрикѣевъ. Но такихъ людей было мало, къ тому же партія недоброжелателей Максима находила себѣ опору во вліятельныхъ лицахъ и потому бороться съ нею было крайне трудно. Во главѣ іосифлянъ, противниковъ Максима, стоялъ митрополитъ Даніилъ.

Митрополитъ Даніилъ.

Митрополитъ Даніилъ—одинъ изъ плодовитыхъ писателей изучаемой эпохи, оставившій послѣ себя много разныхъ сочиненій. Ученикъ Іосифа Волоцкаго, онъ еще при жизни своего учителя получилъ игуменство въ Волоколамскомъ монастырѣ. Выдающееся положеніе этого монастыря выдвинуло Даніила въ кандидаты на митрополичью каѳедру, а его дипломатическія способности доставили ему послѣднюю (въ 1522 г.). Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ старался слѣдовать своему учителю: онъ такой же ревнитель вѣры православной и защищаетъ ее тѣми же пріемами, какъ и Іосифъ, т.-е. путемъ литературы, при содѣйствіи свѣтской власти и съ помощью силы. Даніилъ всегда оставался услужливымъ сторонникомъ Московскаго государя; ту же услужливость онъ старался оказывать и всѣмъ вообще власть имѣющимъ и особенно замѣтно обнаружилъ ее въ вопросѣ о разводѣ вел. князя Василія съ первой супругой.

Обширная литературная дѣятельность Даніила выразилась въ многочисленныхъ его словахъ и посланіяхъ, составившихъ два сборника. Изъ этихъ сборниковъ первый, извѣстный подъ именемъ „Соборника", заключаетъ въ себѣ 16 „словъ", объединенныхъ по извѣстному плану, вѣроятно, самимъ митр. Даніиломъ. Этотъ „Соборникъ", какъ говоритъ митр. Макарій, „представляетъ собою нѣчто цѣлое и составленъ, несомнѣнно, по образцу „Просвѣтителя", преп. Іосифа Волоколамскаго. Какъ Іосифъ въ своемъ просвѣтителѣ желалъ дать православнымъ руководство, направленное противъ господствовавшей тогда ереси жидовствующихъ и ихъ заблужденій, такъ и Даніилъ желалъ дать въ своемъ „Соборникѣ" подобное же руководство своимъ духовнымъ чадамъ, направленное противъ заблужденій и недостатковъ современнаго ему общества, и въ предисловіи къ своей книгѣ писалъ: „аще что кому ключаемо будетъ или противу еретическихъ рѣчей или межи православныхъ нѣкое стязаніе и рѣчи, и благодатію Божіею обрящетъ готово безъ труда въ коемждо словѣ, противу бываемыхъ нѣкоторыхъ винъ, къ благоугожденію Божію и пользѣ душамъ". Поученія обнаруживаютъ въ Даніилѣ человѣка начитаннаго, хорошо знакомаго съ св. писаніемъ, и вообще „божественнымъ писаніемъ", каковымъ именемъ въ то время обозначались не только духовныя сочиненія, но вся масса имѣвшагося литературнаго матеріала, и свѣтскія произведенія и даже ложныя, апокрифическія,—словомъ, въ Даніилѣ мы видимъ типичнаго начетчика XVI в., и въ сочиненіяхъ его мы напрасно стали бы искать критическаго отношенія къ тѣмъ основамъ, на которыхъ авторъ строитъ свои положенія; онъ—начетчикъ-компиляторъ, для котораго апокрифическія сочиненія подчасъ имѣютъ равный авторитетъ съ Откровеніемъ.

Каждое его поученіе состоитъ изъ 3-хъ частей: въ первой излагается тема или предметъ пастырской бесѣды, во второй приводятся подробныя свидѣтельства „божественныхъ писаній" для доказательства главной мысли поученія, третья заключаетъ въ себѣ „наказаніе", т.-е. нравоученіе и обличеніе современныхъ пороковъ. Для насъ особенный интересъ представляетъ третья часть въ поученіяхъ Даніила, такъ какъ здѣсь мы встрѣчаемъ полныя реализма картины изъ современнаго проповѣднику быта. Всѣ поученія Даніила отличаются обширностью, которая зависитъ, главнымъ образомъ, отъ второй ихъ части, гдѣ приводятся во множествѣ, очень часто безъ всякой системы, выписки изъ различныхъ книгъ.

Всѣ слова направлены противъ вольнодумцевъ, подъ которыми разумѣются люди въ родѣ Вассіана и бѣлозерскихъ старцевъ. Во второмъ словѣ находимъ такія жалобы на неуваженіе людей къ пастырскому слову: „Вездѣ и повсюду пастыри пріемлютъ бѣды и скорби отъ всѣхъ. Когда видитъ пастырь нѣкоторыхъ людей, глаголющихъ неподобное, или творящихъ законопреступное, и станетъ учить ихъ, то многую ненависть воздвигаютъ на него, надымаются, хапаютъ, досаждаютъ, ложная шеперанія (вздорныя выдумки, пустяки)

сшиваютъ, клеветы, студъ, укоризны, и если бы возможно было, то и умертвили бы: такъ прельщаетъ ихъ сатана своими лукавствами. Когда же пастырь снова начнетъ учить ихъ, говоря: о чада, такъ и такъ творити повелѣваютъ намъ Христовы заповѣди и прочія божественныя писанія, — они отвѣчаютъ, говоря: прежде себя научи... Иногда же говорятъ: до чего ты доучишь насъ; а ты самъ по писанію ли хранишь житіе; а онъ, а сей по писанію ли живутъ, а себя забылъ? О, отче, какъ тебѣ не срамно? Учитель снова начнетъ учить отъ божественнаго писанія, а они говорятъ: о, учитель нашъ, какъ фарисей, тщеславится; видишь ли, какъ онъ думаетъ о себѣ; видишь ли, какъ презорствуетъ; видишь ли, какъ гордится. Это и подобное и иное тьмочисленное говорятъ, ничего не стыдясь: такъ обезсрамилъ ихъ сатана. Когда же пастырь, усмотрѣвъ время, строго воспретитъ нѣкоторымъ на спасеніе ихъ, они станутъ говорить: это не по-отечески, не по-пастырски, не учительски; это обычай безчинныхъ, и развращенныхъ и человѣконенавистныхъ, и мучительскій, а не отеческій и учительскій. Если же кто, сѣдя на пастырскомъ и учительскомъ сѣдалищѣ, будетъ простъ, тихъ, кротокъ, смиренъ, то скажутъ: это человѣкъ простой, келейный, а не властительскій; не его дѣло учить и запрещать. Если бы кто изъ любомудрыхъ захотѣлъ исчислить и предать писанію пастырскія страданія, и молвы, и смущенія, то для этого потребовалось бы цѣлаго года".

Въ третьемъ словѣ встрѣчаемъ повтореніе тѣхъ же самыхъ жалобъ, при чемъ проповѣдникъ говоритъ, что его не хотятъ даже слушать, молитвы и поученія избѣгаютъ, какъ звѣря, „блаженную совѣтницу свою, совѣсть, попрали, отринули, испепелили", погрузились въ разные пороки, оставивъ мысль о воздаяніи на будущемъ судѣ Христовомъ и т. д. Въ остальныхъ поученіяхъ Даніилъ затрогиваетъ догматическія и отчасти обрядовые вопросы. Въ одномъ изъ „словъ" находимъ ссылку на мнимо-Θеодоритово ученіе о крестномъ знаменіи, которое впослѣдствіи внесено было въ Стоглавъ и послужило однимъ изъ основаній для ученія раскольниковъ о двуперстіи. Интересны бытовыя черты, отразившіяся на сочиненіяхъ Даніила. Такъ, въ одномъ изъ поученій онъ изображаетъ въ слѣдующихъ чертахъ страсть современниковъ къ роскоши и щегольству и связанные съ нею пороки: „Великій подвигъ совершаешь ты, угождая блудницамъ, перемѣняешь одежду, устанавливаешь походку, надѣваешь сапоги весьма красные (червленые) и весьма малые (тѣсные), такъ что ногомъ твоимъ приходится терпѣть великую нужду отъ тѣсноты и согнетенія ихъ... волосы твои не только бритвою и съ плотію снимаешь, но и щипцами съ корнемъ исторгаешь и не стыдишься выщипывать; позавидовавъ женамъ, мужское свое лицо претворяешь на женское".

Подобное же рѣзкое обличеніе щегольства и роскоши находится и въ 13 словѣ: „Какая тебѣ нужда во всѣ дни украшаться свѣтлыми одеждами, когда другіе и въ господскіе дни не имѣютъ обычныхъ одѣяній? Какая тебѣ нужда сверхъ мѣры одѣваться и умываться, и

зачѣмъ ты не только волосы свои, но и плоть свою съ волосами остригаешь отъ бороды и ланитъ своихъ?.. Какая тебѣ нужда носить сапоги, шитые шелкомъ? Или какая тебѣ нужда не только сверхъ мѣры умывать руки, но и налагать на персты свои золотые и серебряные перстни?.. И ради всего этого мы ищемъ многихъ доходовъ, а если чего тебѣ недостаетъ, какъ ты привыкъ по своему безумію имѣть многіе расходы, ты крадешь, насилуешь, грабишь, ябедничаешь, занимаешь и, не имѣя, чѣмъ отдать, бѣгаешь, запираешься, преступаешь клятву и совершаешь другія безчисленныя злодѣянія".

Нѣкоторыя слова Даніила имѣютъ отношеніе къ современнымъ вопрсcамъ; таково, напр., слово о нерасторженіи брака (по поводу развода великаго князя Василія съ первой супругой). Иногда приходилось обличать и своихъ помощниковъ, духовныхъ лицъ, въ разныхъ недостаткахъ; по крайней мѣрѣ, въ одномъ изъ словъ его мы встрѣчаемъ слѣдующую тираду: „Есть нынѣ нѣкоторые изъ священныхъ лицъ, пресвитеры и діаконы и иподіаконы, и чтецы, и пѣвцы, которые, глумясь, играютъ въ гусли, въ домры, въ смыки, также и въ зернь, и въ шахматы и тавлеи, проводятъ время въ пѣсняхъ бѣсовскихъ, въ безмѣрномъ и премногомъ пьянствѣ, любя всякое плотское мудрованіе и наслажденія болѣе духовнаго и дѣлая великій вредъ себѣ и инымъ. И мы отнынѣ научаемъ и напоминаемъ святыми писаніями, чтобы не быть такому безчинному обычаю, исполненному всякаго студа и срама, и зазрѣнія".

Вассіанъ Косой (кн. Василій Патрикѣевъ).

Вассіанъ Косой (въ міру бояринъ, князь Василій Ивановичъ Патрикѣевъ), постриженный насильно въ монахи при Иванѣ Васильевичѣ, былъ ревностнымъ и талантливымъ послѣдователемъ Нила Сорскаго, единомышленникомъ Максима Грека по нѣкоторымъ вопросамъ и противникомъ Іосифа Волоцкаго и митрополита Даніила. Человѣкъ знатнаго происхожденія, онъ участвовалъ въ нѣкоторыхъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ: въ 1494 г. былъ посланъ въ Литву, а въ 1496 г. былъ главнымъ воеводой въ войнѣ съ Швеціей. Принадлежа къ партіи, враждебной Софіи Палеологъ, подвергся опалѣ и въ 1499 г. былъ постриженъ и сосланъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Трудно было Вассіану примириться съ своимъ невольнымъ монашествомъ,—влекли его къ себѣ „исходящіе помыслы прежняго мірского житія", и онъ обратился за наставленіемъ къ Нилу Сорскому. Въ своемъ отвѣтѣ пр. Нилъ указалъ прежде всего на суетность и непрочность всего мірского. „И се самъ,—писалъ онъ,—отъ искуса разумѣеши, колики скорби и развращенія имать міръ сей мимоходящій и колика злолютства сотворяетъ любящимъ его и како посмѣвается отходя отъ работавшихъ ему, сладокъ являяся имъ, егда ласкаетъ

вещьми, горекъ бывая послѣди... Мнящаяся бо его благая повидимому суть блага, внутрь же исполнена многа зла"... Относительно жалобы Вассіана на воспоминанія о прежней жизни Нилъ писалъ: „А еже реклъ ми еси о помыслахъ нечистыхъ, иже отъ врага душъ нашихъ приносимыхъ, о сихъ не зѣло поглощайся скорбью и не ужасайся. Понеже не точію намъ, немощнымъ и страстнымъ, о семъ стуженіе бываетъ, но и сущимъ въ преуспѣяніи и въ житіи достохвальномъ пребывающимъ и благодати духовной отчасти сподобившимся, и симъ ратованіе бываетъ много отъ таковыхъ помыслъ и подвизи велици о сихъ обрѣтаются и благодатію Божіею едва отгоняютъ сихъ, тщащеся всегда на отсѣченіе ихъ. И ты симъ не утѣшайся, но тщателено отсѣцай лукавые помыслы... Твори что-либо рукодѣліемъ, симъ бо лукавые помыслы отгоняются... Изучай что отъ писанія изусть, въ томъ умъ полагая... Сохраняй же ся отъ бесѣдъ слышанія и зрѣнія неподобныхъ иже воздвижутъ страсти и укрѣпляютъ злые помыслы... Вся елика похвальна и честна и добродѣтельна, сія помышляй и твори, мудръ бывая во благое, всяку же злобу ненавидя, имѣй послушаніе къ наставнику и прочимъ отцемъ"... Иноку необходимо знать слово Божіе, и Нилъ поучаетъ: „Буди усерденъ къ послушанію божественныхъ писаній, и сихъ глаголы, яко водою животною напояя свою душу, тщися, елико по силѣ, по сихъ творити. Также имущимъ разумъ божественныхъ писаній и мудрованіе духовное и жительство свидѣтельствовано въ добродѣтеляхъ, таковымъ тщися повиноватися и тѣхъ житію подражатель быти". Утѣшая Вассіана, Нилъ говоритъ о необходимости страданій: „Отъ вѣка святіи, иже ходивше въ путѣхъ добродѣтелей, не токмо бѣды и скорби претерпѣвше, но и крестомъ и смертію шествуема бѣ стезя ихъ, и се есть знаменіе любве Божія, еже скорби прикоснутися кому о дѣланіи правды, и сіе глаголется даръ Божій... И въ семъ разнствуютъ любимицы Божіи отъ порочныхъ да сіи убо во скорбѣхъ живутъ; любящіи же міръ сіи въ пищи и покои веселятся. И се есть путь правый, еже претерпѣти искушеніе скорбей о благочестіи, и на сей путь наставляя, Богъ страдальцовъ своихъ приводитъ въ животъ вѣчный".

Послѣ этого посланія Вассіанъ смирился, но вполнѣ освоиться съ порядками иноческой жизни не могъ и въ будущемъ, такъ какъ примкнулъ къ числу людей свободомыслящихъ по вопросамъ политическимъ и религіознымъ. Быть-можетъ, онъ сближался и съ жидовствующими, но вполнѣ достовѣрно, что сильнѣйшее вліяніе на его міросозерцаніе оказали взгляды сперва Нила Сорскаго, а затѣмъ Максима Грека. Благодаря этимъ своимъ учителямъ, Вассіанъ отличался тѣмъ критическимъ отношеніемъ къ „божественнымъ писаніямъ", котораго не хватало противникамъ его, осифлянамъ. Одинъ изъ изслѣдователей дѣятельности Вассіана, Б. Ѳ. Боцяновскій характеризуетъ его критицизмъ слѣдующимъ образомъ: „Исходя изъ мысли своего учителя, что нужно жить „по святымъ писаніямъ", а также,

что „писанія многа, но не вся божественна суть“, Вассіанъ принялся за изученіе и „пытаніе“ памятниковъ церковной письменности и пришелъ къ убѣжденію въ ихъ неисправимости, въ существованіи массы противорѣчій. Это же изученіе доказало ему, что монастыри владѣли землями и крестьянами вопреки св. писанію, что партія, требовавшая секуляризаціи монастырскихъ земель, была вполнѣ права. Вся публицистическая и литературная дѣятельность Вассіана является какъ бы результатомъ этого убѣжденія“. Отрицательный взглядъ на монастырскія имѣнія вполнѣ гармонировалъ съ мистическимъ аскетизмомъ, который проповѣдывался учителемъ Вассіана, Ниломъ Сорскимъ. Дѣйствительно, если главною добродѣтелью инока должно считаться „умное дѣланіе“, т.-е. стремленіе къ самосовершенствованію, то матеріалистическій, утилитарный взглядъ осифлянъ на монастырскія имущества не могъ найти сочувствія у Вассіана. Вассіанъ ясно могъ видѣть, что, пріобрѣтая населенныя имѣнія и управляя ими, иноки весьма часто поступали совсѣмъ не по-иночески; тѣ дѣла благотворенія (питаніе нищихъ, странниковъ, богомольцевъ), на которыя ссылались защитники монастырскихъ имѣній, далеко не могли искупить всяческихъ компромиссовъ со своею совѣстью, на которые шли при этомъ иноки. „Умное дѣланіе“, спокойствіе, чистота совѣсти для Вассіана должно было представляться выше всего, и во имя этого „умнаго дѣланія“ онъ и долженъ былъ вмѣстѣ со своимъ учителемъ ополчаться противъ права монастырей владѣть населенными имѣніями, хотя бы защитники этого права и указывали на многія выгоды, истекающія изъ него какъ для подвластныхъ монахамъ крестьянъ, такъ и для богомольцевъ и пр.

Полемика Вассіана противъ монастырскихъ имуществъ началась въ 1503 г. и выразилась, главнымъ образомъ, въ двухъ сочиненіяхъ: 1) „Словѣ отвѣтномъ противу клевещущихъ истину евангельскую и о иноческомъ житіи и устроеніи церковнѣмъ“ и 2) „Собраніи Васьяна, ученика Нила Сорскаго, на Іосифа Волоцкаго“. Въ этихъ своихъ произведеніяхъ Вассіанъ обстоятельно разъяснялъ, насколько вредно дѣйствуетъ на иноковъ обладаніе селами. „Входя въ монастырь,— говорилъ онъ,—мы не перестаемъ всякимъ образомъ присвоивать себѣ чужое имущество. Вмѣсто того, чтобы питаться отъ своего рукодѣлія и труда, мы шатаемся по городамъ и заглядываемъ въ руки богачей. раболѣпно угождаемъ имъ, чтобы выпросить у нихъ село или деревеньку, серебро или какую-нибудь скотинку. Господь повелѣлъ раздавать неимущимъ, а мы, побѣждаемые сребролюбіемъ и алчностью, оскорбляемъ различными способами убогихъ братій нашихъ, живущихъ въ селахъ, налагаемъ на нихъ лихву на лихву, безъ милосердія отнимаемъ у нихъ имущество, забираемъ у поселянина коровку или лошадку, истязуемъ братій нашихъ бичами или прогоняемъ ихъ съ женами и дѣтьми изъ нашихъ владѣній, а иногда предаемъ княжеской власти на конечное разореніе. Иноки, уже посѣдѣлые, шатаются по мірскимъ судилищамъ и ведутъ тяжбы съ убогими

людьми за долги, даваемые въ лихву, или съ сосѣдями за межи селъ и мѣстъ, тогда какъ апостолъ Павелъ укорялъ коринѳянъ, людей мірскихъ, а не иноковъ, за то, что они ведутъ между собою тяжбы, поучалъ ихъ, чтобы лучше было бы имъ самимъ сносить обиды и лишенія, чѣмъ причинять обиды и лишенія своимъ братьямъ. Вы говорите, что благовѣрные князья дали вклады въ монастыри ради спасенія душъ своихъ и памяти родителей, и что, давши, сами они уже не могутъ взять обратно данное изъ рукъ Божіихъ. Но какая польза можетъ быть благочестивымъ князьямъ, принесшимъ Богу даръ, когда вы неправедно устраиваете ихъ приношеніе: часть годовыхъ сборовъ съ вашихъ имѣній превращаете въ деньги и отдаете въ ростъ, а часть сберегаете для того, чтобы во времена скудости земныхъ произведеній продать по высокой цѣнѣ? Сами богатѣете, обжираетесь, а работающіе вамъ крестьяне, братья ваши, живутъ въ послѣдней нищетѣ, не въ силахъ удовлетворить васъ тягостною службою, изнемогаютъ отъ лихвы вашей и изгоняются вами изъ селъ вашихъ, нагіе и избитые! Хорошее воздаяніе даете вы благочестивымъ князьямъ, принесшимъ даръ Богу! Хорошо исполняете вы заповѣдь Христову не заботиться объ утреннемъ днѣ!“ Осифляне, по уставу своего учителя, чинятъ судъ и расправу надъ подвластными имъ крестьянами внѣ стѣнъ монастыря, и Вассіанъ энергично протестуетъ противъ такого лицемѣрія. Онъ говоритъ: „Отвергшись страха Божія и своего спасенія, повелѣваютъ нещадно мучить и истязать не отдающихъ монастырскіе долги, только не внутри монастыря, а гдѣ-нибудь за стѣнами, передъ воротами!.. По ихнему, казнить христіанина внѣ монастыря не грѣхъ! О законоположитель! или лучше назвать тебя законопреступникъ! Если лучше считаешь грѣхомъ внутри монастыря мучить братію свою, то и за монастыремъ также грѣхъ! Область Бога, почитаемаго въ монастырѣ, не ограждается мѣстомъ. Всѣ концы земли въ рукахъ Его. Откуда же взялъ ты власть нещадно мучить братій, а особенно неправедно? Какой же ты хорошій хранитель евангельской заповѣди и апостольскихъ правилъ!..“ Соблюденіе обѣта нестяжательности давало инокамъ огромную нравственную силу: иноки не зависѣли отъ велѣній свѣтскихъ властей. „Наши же,—говоритъ Вассіанъ,—предстоящіе, владѣя множествомъ церковныхъ имѣній, только и помышляютъ о различныхъ одеждахъ и яствахъ; о христіанахъ же, братіяхъ своихъ, погибающихъ отъ мороза и голода, не прилагаютъ никакого попеченія, даютъ бѣднымъ и богатымъ въ лихву церковное серебро, а если кто не въ состояніи платить лихвы, не покажутъ милости бѣдняку, а до конца его разорятъ. Вотъ сколько изрядныхъ батогоносныхъ слугъ стоятъ передъ ними, готовые на мановеніе владыкъ своихъ! Они бьютъ и мучатъ и всячески терзаютъ священниковъ и мірянъ, ищущихъ суда передъ владыками“.

Кромѣ этихъ сочиненій по вопросу о монастырскихъ имуществахъ, Вассіану принадлежатъ еще два, въ которыхъ онъ также полемизи-

руетъ противъ осифлянства, но по другимъ уже мотивамъ. Это 1) „Предисловіе Нила и Васьяна, ученика его, на Іосифа, Волоцкаго игумена“, 2) „Того жъ инока пустынника Васьяна на Іосифа, игу-

Григорій Цамблакъ раздаетъ просфоры.
Изъ хроники Рейхенталя.

мена Волоцкаго, собраніе отъ святыхъ правилъ и отъ многихъ книгъ собрано“, и въ этихъ сочиненіяхъ Вассіанъ доказываетъ, что преслѣдованіе еретиковъ противно Евангелію, что воззрѣнія Іосифа Волоцкаго отличаются грубымъ формализмомъ, который несовмѣстимъ съ христіанскимъ стремленіемъ къ нравственному совершенствованію.

Разбирая тѣ основанія, на которыя опирались воззрѣнія Іосифа и его послѣдователей, Вассіанъ обнаружилъ замѣчательный критицизмъ по отношенію къ „божественнымъ писаніямъ": въ то время, какъ осифляне, обозначая этимъ терминомъ всякія старыя писанія, и св. писаніе, и творенія отцовъ Церкви, и апокрифы, и гражданскіе законы, не различали ихъ авторитетности, Вассіанъ находилъ, что надо испытывать писанія, провѣрять ихъ критически; онъ разсмотрѣлъ разныя новыя житія святыхъ и въ особенности остановился на изученіи Кормчей книги. Найдя въ ней множество недостатковъ, онъ испросилъ благословеніе митр. Варлаама на составленіе новой Кормчей, которую окончилъ въ 1518 г. Изъ этой книги онъ исключилъ тѣ статьи, на которыя ссылались защитники монастырскихъ имѣній, удалилъ свѣтскіе законы и вставилъ въ нее нѣкоторыя сочиненія чисто-аскетическаго характера.

Максимъ Грекъ (съ Тромонинскихъ листовъ).

Пока Вассіанъ былъ въ силѣ, пользуясь довѣріемъ вел. князя Василія Ивановича, этотъ критицизмъ не вредилъ ему, не навлекалъ на него опасныхъ обвиненій. Но благоволеніе великаго князя исчезло вслѣдствіе отрицательнаго отношенія Вассіана къ разводу великаго князя... Вассіанъ сталъ подозрителенъ въ политическомъ отношеніи, его начали обвинять, вмѣстѣ съ Максимомъ Грекомъ, въ измѣнѣ, и тутъ-то возникло дѣло объ исправленіи Вассіаномъ разныхъ книгъ. Въ 1531 г. его призвали на судъ. Здѣсь его обвинили въ томъ, что онъ хулилъ святыя правила, говоря, что они писаны отъ діавола, а не отъ Св. Духа, называлъ правила „кривилами", а о чудотворцахъ говорилъ, что они „смутотворцы", такъ какъ позволяютъ монастырямъ владѣть населенными имѣніями; что онъ ссылался въ своихъ правилахъ на еллинскихъ мудрецовъ: Омира, Аристотеля, Филиппа, Александра, Платона; что онъ не почитаетъ Пр. Богородицу, что Іисуса Христа онъ назвалъ тварью, что онъ не признавалъ чудотворцами Макарія Калязинскаго и митрополита Іону. Несмотря на шаткость многихъ обвиненій, Вассіанъ былъ осужденъ и сосланъ въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь. Здѣсь онъ вскорѣ умеръ, или, какъ говоритъ кн. Курбскій, его уморили „осифляне".

Библіографія.

Иконниковъ. Максимъ Грекъ. 2 т. Кіевъ. 1865—66.

Преображенскій. Нравственное состояніе русскаго общества въ XVI в. по сочиненіямъ Максима Грека и современнымъ ему памятникамъ. М. 1882.

Синайскій. Краткій очеркъ церковно-общественной дѣятельности пр. Максима Грека. СПБ. 1898.

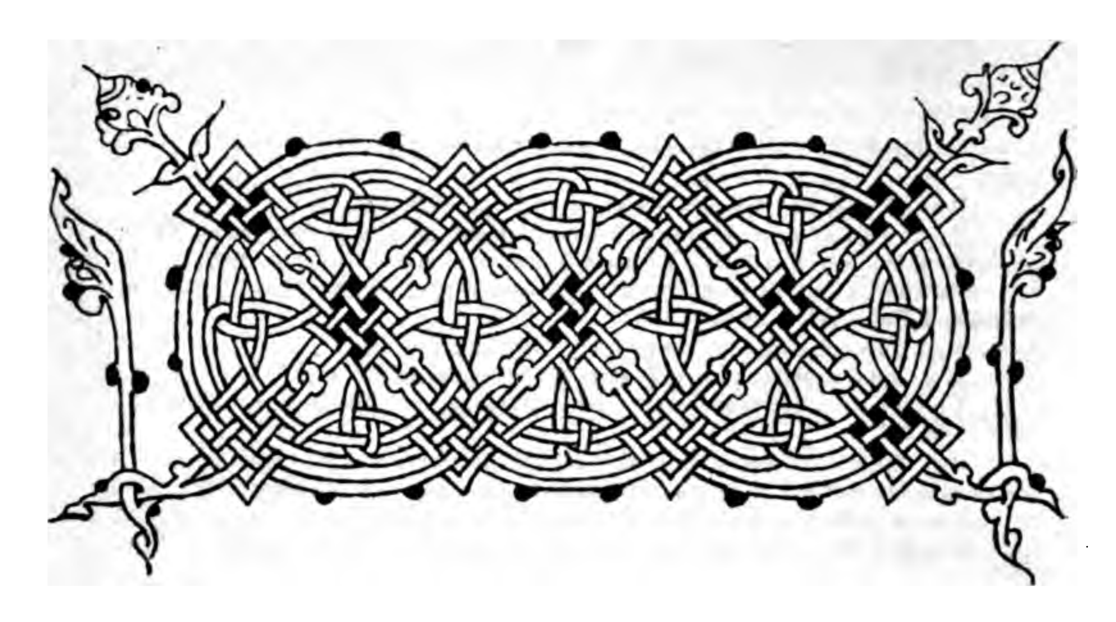
Максимъ Грекъ. Сочиненія. 3 т. Казань. 1859—62.

Жмакинъ. Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія. М. 1881.

Хрущовъ. Князь-инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ. „Древн. и Нов. Россія". 1875 г., № 3.

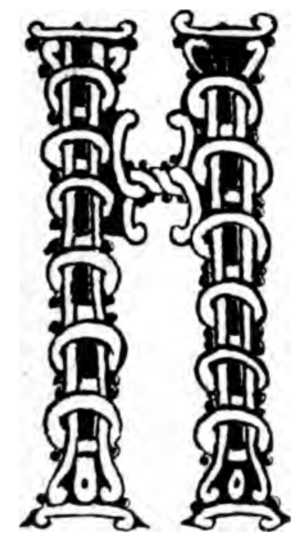
Вассіанъ. „Слово отвѣтно противу клевещущихъ истину евангельскую" и „О иноческомъ житіи и строеніи церковномъ". „Правосл. Собесѣдникъ" 1863 г., № 3.

Его же. Бесѣда преподобныхъ Сергія и Германа, Валаамскихъ чудотворцевъ, подъ редакціей М. А. Дьяконова и В. Г. Дружинина, изд. Археогр. комиссіи. СПБ. 1889.



ГЛАВА X.

Домострой.



ами раньше упомянуто было, что XVI в. далъ намъ нѣсколько памятниковъ литературныхъ, имѣющихъ характеръ сводовъ. Въ числѣ такихъ памятниковъ особенное значеніе имѣетъ какъ съ литературной, такъ и историко-культурной стороны, Домострой *).

Научное отношеніе къ этому интересному памятнику начинается съ 60 — 70-хъ годовъ. Самая обширная работа, посвященная Домострою, принадлежитъ г. Некрасову (въ „Чт. Моск. Общ. Истор. и Древн." 1872 г.), который изучилъ всѣ его списки, отмѣтивъ различіе между редакціями, указалъ параллельные памятники въ западной литературѣ. Г. Некрасовъ пришелъ къ тому любопытному выводу, что Домострой могъ выработаться не иначе, какъ въ теченіе продолжительнаго времени и, во всякомъ случаѣ, въ цѣломъ своемъ составѣ не можетъ быть приписанъ тому или другому лицу. Что касается Сильвестра, новгородскаго священника, съ именемъ котораго связывается обыкновенно происхожденіе Домостроя, то о немъ, какъ объ авторѣ, можно говорить только (по мнѣнію г. Некрасова) по отношенію къ 64 главѣ; по отношенію къ остальному составу Домо-

---

*) Списки Домостроя дошли до насъ въ двухъ изводахъ. Самый старшій списокъ перваго извода относится къ первой четверти или первой половинѣ XVI в.; въ немъ нѣтъ послѣдней—64 главы. Этотъ списокъ изданъ въ „Чт. Общ. Ист. и Древн." 1881 г. Ко второму изводу принадлежатъ тѣ списки Домостроя, въ которыхъ помѣщается 64 глава, содержащая завѣщаніе Сильвестра своему сыну; таковъ списокъ Коншина.

строя Сильвестръ не болѣе, какъ только редакторъ, сводившій уже готовый матеріалъ. Сравнивая Домострой съ западными аналогичными памятниками, г. Некрасовъ указываетъ, что ближе всего по характеру къ нему подходитъ средневѣковое „Наставленіе французскаго буржуа сыну“. Сложился, по мнѣнію проф. Некрасова, Домострой въ Новгородѣ и является отраженіемъ быта этого богатаго города. Въ общемъ, несмотря на нѣкоторыя возраженія, особенно проф. Михайлова, эти взгляды проф. Некрасова можно считать прочно установившимися въ нашей наукѣ.

Домострой состоитъ изъ 64 главъ. Первыя 63 составляютъ цѣльное законченное сочиненіе; послѣдняя же глава представляетъ собой что-то присоединенное къ этому цѣлому, механически съ нимъ связанное. Эта глава, безъ сомнѣнія, принадлежитъ священнику Сильвестру; что же касается первыхъ 63-хъ, то принадлежность ихъ Сильвестру можно понимать (согласно съ г. Некрасовымъ) только развѣ въ смыслѣ его редакторства и издательства: въ Домостроѣ слишкомъ много разныхъ наставленій и практическихъ правилъ, чтобы приписывать составленіе его одному лицу; хозяйственная, напр., часть въ немъ такъ мелочна, сложна, что необходимо предполагаетъ продолжительный предшествующій опытъ, не исчерпываемый жизненной практикой одного какого-либо лица; такъ же мелочно подробны нравственныя наставленія Домостроя и прибавленіе къ нему: „Указъ свадебному чину“ (напечатанный въ „Сказаніяхъ русскаго народа“ Сахарова).

Основная часть Домостроя, состоящая изъ 63 главъ и, какъ сказано, не принадлежащая перу Сильвестра, дѣлится на 3 отдѣла: 1) О строеніи духовномъ, 2) О строеніи мірскомъ и 3) О домовномъ строеніи (чисто-хозяйственнаго свойства). Надо принять во вниманіе, что эти части не особенно рѣзко разграничены: нерѣдко правила, относящіяся къ двумъ послѣднимъ частямъ, попадаютъ въ первую и наоборотъ. Источники, которыми пользовался авторъ слѣдующіе: книга Іисуса, сына Сирахова, изъ которой почерпнута идея о воспитаніи въ страхѣ Божіемъ, сборники Златоустъ, Измарагдъ, Маргаритъ, Стословъ патріарха Геннадія. Наставленія Домостроя носятъ чисто-практическій характеръ и кажутся намъ крайне грубыми. Но если смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія того періода, къ которому они относятся, то нашъ приговоръ придется значительно смягчить.

Соловьевъ, разбирая Домострой, дѣлаетъ характеристику Сильвестра; онъ отмѣчаетъ какъ главную черту этого человѣка желаніе угодить всѣмъ. Эта черта ясно выступаетъ въ послѣдней главѣ Домостроя, принадлежащей Сильвестру. На практикѣ это желаніе всѣмъ угодить трудно осуществимо, и Сильвестръ самъ могъ убѣдиться въ этомъ, когда не поладилъ съ царемъ Іоанномъ Грознымъ.

Первая часть этого памятника, „О строеніи духовномъ“, состоитъ изъ 15 главъ. Въ нихъ говорится подробно о томъ, въ чемъ состоитъ праведное житіе, и какъ должны ему слѣдовать „богобоязненные

люди". Если сравнить эту часть Домостроя съ той частью поученія Мономаха, въ которой говорится о томъ же предметѣ, то увидимъ много схожаго, хотя Домострой гораздо мелочнѣе и усиливаетъ аскетическія требованія. Мономахъ вообще совѣтуетъ молиться возможно чаще и соединять съ молитвою добрыя дѣла, авторъ Домостроя предлагаетъ жить по образцу жизни монашеской. Наставленія относительно того, какъ устроить въ домѣ религіозную жизнь, доходятъ до крайней мелочности: Домострой перечисляетъ, какія именно молитвы и когда должно читать, совѣтуя при этомъ относиться особенно внимательно къ иконамъ въ домѣ: устроить отдѣльную комнату въ домѣ для молитвы и курить въ ней ѳиміамомъ и ладаномъ. Въ главѣ 8-й объ этомъ говорится: „Въ дому своемъ всякому христіанину, во всякой храминѣ святые и честные образы, написаны на иконахъ по существу, ставити на стѣнахъ, устроивъ благолѣпно мѣсто со всякимъ украшеніемъ и со свѣтильники, въ нихъ же свѣщи предъ святыми образы возжигаются, на всякомъ славословіи Божіи и по отпѣніи погашаютъ; завѣсою закрываются всякія ради нечистоты и отъ пыли: благочестія ради и мягкою губою вытирати ихъ, и храмъ тотъ чистъ держати всегда, а къ святымъ образомъ касатися достойнымъ въ чистой совѣсти: и на славословіи Божіи, и на святомъ пѣніи и молитвѣ свѣчи вжигати и кадити благовоннымъ лададомъ и ѳиміамомъ". На молитву Домострой велитъ собираться всѣмъ вмѣстѣ, включая сюда и слугъ. Въ главѣ 12-й говорится: „По вся дни, въ вечерѣ, мужъ съ женою, и съ дѣтьми, и съ домочадцы, кто умѣетъ грамотѣ, отпѣть вечерня, павечерница, полунощница, съ молчаніемъ и со вниманіемъ, и съ кроткостояніемъ, и съ молитвою, и съ поклоны. Пѣти внятно и единогласно. Послѣ правила отнюдь ни пити, ни ѣсти, ни молвы творити, всегда; всему тому наукъ. А ложася спать, всякому христіанину по три поклона въ землю передъ Богомъ положити. А въ полунощи всегда, тайно вставъ, со слезами, прилежно Богу молитися, елико вмѣстимо, о своемъ согрѣшеніи; а утро возставая, такоже и комуждо по силѣ и по желанію". Домострой наставляетъ развить въ себѣ страхъ Божій, говоря, что это единственный путь къ спасенію, а также предписываетъ самую широкую благотворительность. „Въ монастыри и въ больницы заключенныхъ посѣщай,—сказано объ этомъ въ главѣ 9-й, — и милостыню по силѣ всякихъ потребныхъ подай, елико требуютъ; и видѣвъ бѣду ихъ и скорбь и всякую нужду, и елико возможно помогай имъ; и всякаго скорбна и нища, и бѣдна и нужна не презри, и введи въ домъ свой, напой, накорми, согрѣй"...

Домострой заповѣдуетъ посѣщать церковь и держать себя въ ней чинно: не повертываться спиной къ алтарю, не разговаривать, не думать о чемъ-либо другомъ, а входя въ церковь поклониться всѣмъ образамъ.

Что касается второй части Домостроя, о „строеніи мірскомъ" (гл. 16—29), то она наставляетъ прежде всего всякому развить въ

себѣ стремленіе угодить всѣмъ (это же совѣтуетъ Сильвестръ въ 64 гл.). Какъ уже было сказано выше, Соловьевъ находитъ вполнѣ правильно, что это стремленіе связано съ отступленіемъ иногда отъ основныхъ нравственныхъ принциповъ, что, конечно, нежелательно. Въ этой части указываются правила, какъ жить въ мірѣ съ женами, дѣтьми и домочадцами. Наиболѣе любопытны тѣ главы, въ которыхъ говорится о воспитаніи дѣтей (гл. 17) и объ обязанностяхъ жены (гл. 29). Наставленія о воспитаніи дѣтей, изложенныя въ Домостроѣ, почерпнуты изъ Книги премудрости Іисуса, сына Сирахова. Они кажутся намъ донельзя грубыми; такъ постоянно рекомендуется для поддержанія авторитета домовладыки и для внушенія страха Божія, прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ (жену побить плеткой, хотя и „вѣжливенько“ и „наединѣ“); но если обратить вниманіе на характеръ того періода, къ которому относится Домострой, то мы увидимъ, что дѣйствительность была гораздо хуже, и что постановленія Домостроя были значительнымъ ея смягченіемъ. Такая грубость въ нравахъ русскихъ въ значительной степени объясняется татарскимъ вліяніемъ, а отчасти, быть-можетъ, и византійскимъ. Но эта грубость нравовъ не была отличительной чертой исключительно русскаго народа: въ XVI и XVII стол. она замѣчается и на Западѣ. Наши представленія о западномъ рыцарствѣ, обыкновенно идеализирующія отношенія рыцарей къ женщинѣ, не совсѣмъ справедливы: на самомъ дѣлѣ, преклоненіе предъ женщиной и тамъ не исключало собой грубаго обращенія съ ней. Прекрасно характеризуетъ подобную грубость въ Венеціи Шекспировская „Комедія ошибокъ“, въ этой пьесѣ встрѣчается та же плетка въ отношеніяхъ мужа къ женѣ, которую допускаетъ и Домострой.

Изъ иллюстраціи къ „Житію Нифонта“.

Не менѣе грубости видно и въ воспитаніи дѣтей. Родители должны возбуждать и воспитывать въ дѣтяхъ страхъ Божій и страхъ

къ себѣ: „Казни сына своего, — говоритъ Домострой,—отъ юности, и покоитъ тя на старости твою, и дастъ красоту душѣ твоей. И не ослабляй, бія младенца: аще бо жезломъ біеши его, не умретъ, но здравѣе будетъ, ты бо бія его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти“.

Рядомъ съ суровыми наставленіями встрѣчаемся въ Домостроѣ и съ гуманными. Такъ, къ слугамъ Домострой повелѣваетъ относиться, какъ къ членамъ семьи: не обижать ихъ, заботиться не только, чтобъ имъ было хорошо въ матеріальномъ отношеніи, но и о душѣ ихъ; учить ихъ всякимъ ремесламъ, а дѣвушекъ—рукодѣльямъ и хозяйству, не изнурять ихъ работой, быть къ нимъ справедливыми, а на молитву собирать ихъ вмѣстѣ съ дѣтьми въ одну храмину. Если по отношенію къ слугамъ прилагается суровость, то такая же, какъ и къ дѣтямъ. Слугъ Домострой совѣтуетъ за особыя заслуги выпускать на свободу.

Ѣзда въ саняхъ съ проводниками на лыжахъ.
Рисунокъ къ „Посольству С. Герберштейна“.

Въ третьей части („О строеніи домовномъ“, гл. 30—63) заключаются подробныя до мелочности наставленія относительно домашняго обихода: тутъ говорится о томъ, какъ управлять домомъ и слугами, какъ вести хозяйство и соблюдать экономію; есть даже указаніе на весь годъ, какія подавать кушанья, какъ приготовлять и сохранять ихъ, какъ содержать посуду, платье,—словомъ, тутъ даны самыя подробныя правила „благоразсуднаго и порядливаго житія“. Первое правило въ домашнемъ хозяйствѣ—бережливость. Человѣкъ долженъ непремѣнно сообразоваться со средствами: „всякому человѣку, богату и убогу, велику и малу, разсудити себя и смѣтити. Аще кто не разсудя себя живетъ, и не смѣтя своего житія и промысла и добытка, и учнетъ, на люди глядя, жити не по силѣ и займуя, или неправеднымъ имѣніемъ, — и та честь будетъ съ великимъ безчестіемъ и съ укоризною и съ поношеніемъ“. Чтобы жить по средствамъ, надо пріобрѣтать всѣ припасы хозяйственные во-время и купленное надо сберегать. Затѣмъ Домострой даетъ мелкія указанія относительно того, какъ все заготовлять въ свое время: „ино у рубля четверти не додашь, а у десяти рублевъ по тому же“, и покупать надо не по мелочамъ, а оптомъ. Говорится, какъ надо устроиться, чтобы все потребное для хозяйства

приготовлялось дома: для этой цѣли въ домѣ надо имѣть всякихъ мастеровъ.

За этими наставленіями идетъ книга, заключающая въ себѣ рядъ указаній о томъ, какую пищу подавать въ разныя времена года и въ какомъ количествѣ. Это распредѣленіе, впрочемъ, примѣнительно собственно къ праздничнымъ днямъ. Въ этой книгѣ мы еще встрѣчаемъ нарядъ гостиный и свадебный, составляющіе особый отдѣлъ. Относительно экономіи говорится въ Домостроѣ, что въ особенности она выражается въ дѣлѣ воспитанія дочерей. Необходимо откладывать понемногу въ сундуки на имя дочери: „А у кого дочь родится, ино разсудные люди, отъ всякаго приплода на дочерь откладываютъ; на ея имя, или животинку растятъ съ приплодомъ, а у полотенъ, и у ширинокъ (платковъ) и у убрусовъ (полотенецъ) и рубашекъ, по вся годы ей въ пришенной (особый) сундукъ кладутъ: и платье, и саженье, и мониста, и святость (образа), и сосуды оловянные и мѣдные и деревянные, прибавляти понемногу всегда, а не вдругъ: себѣ не въ досаду, а всево будетъ полно. Ино дочери ростутъ, а страху Божію и вѣжеству учатся, а приданное съ ними вдругъ прибываетъ, и какъ замужъ сговорятъ, ино все готово... А по судьбамъ Божіимъ только та дочь преставится, ино ее надѣломъ поминаютъ по ея души сорокоустъ и милостыню изъ того даютъ".

Главное завѣдываніе всѣмъ домомъ лежитъ на хозяйкѣ, которая поэтому должна служить примѣромъ всѣмъ домашнимъ ни на минуту не оставаясь безъ дѣла. Она должна рано вставать, и не слуги ее будятъ, а она сама слугъ и всѣхъ домашнихъ будить должна; затѣмъ хозяйка дѣлаетъ указъ, т.-е. распредѣляетъ работу на весь день, но этимъ еще не оканчиваются всѣ ея хлопоты по хозяйству: она сама должна быть непремѣнно занята цѣлый день какимъ-нибудь рукодѣліемъ, и только болѣзнь позволяетъ ей оставаться безъ дѣла. Если же къ ней приходятъ гости, или она сама бываетъ въ гостяхъ, то, говоритъ Домострой, и въ этихъ случаяхъ она должна заниматься не сплетнями, а говорить о домашнемъ хозяйствѣ, рукодѣліи.

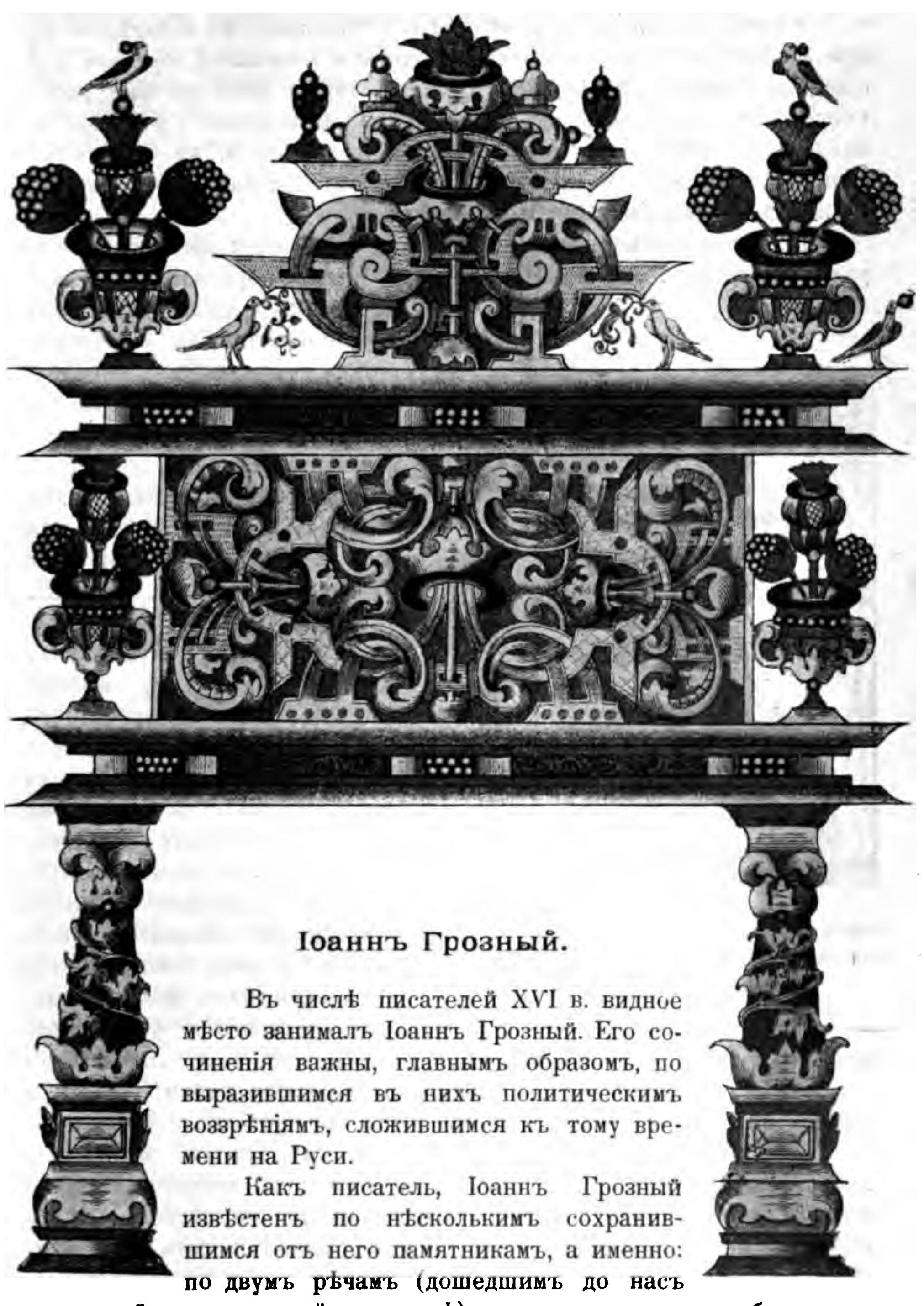
Какъ извѣстно, Домострой складывался въ теченіе долгаго періода времени и представляетъ поэтому литературный сводъ нравственныхъ, бытовыхъ и житейскихъ правилъ не одного лица, а цѣлаго общества. Сильвестръ же, имя котораго постоянно неразлучно связывается съ Домостроемъ, явился только завершителемъ уже созданной до него теоріи, закрѣпителемъ старины. Въ Домостроѣ мы личнаго, спеціально принадлежащаго Сильвестру, находимъ очень мало. Отъ себя онъ присоединилъ только послѣднюю главу, которая часто въ отличіе отъ остального Домостроя называется малымъ Домостроемъ. Въ этой главѣ заключаются наставленія отца (Сильвестра) сыну его Анѳиму. Въ этихъ наставленіяхъ слѣдуетъ обратить вниманіе на многія черты, характеризующія Сильвестра, какъ человѣка, въ высшей степени симпатичнаго: „Ты видѣлъ, сынъ мой, говоритъ онъ, какъ я жилъ въ этомъ житіи въ благочестіи и страхѣ Божіемъ, въ простотѣ сердца и

церковномъ прилежаніи, всегда пользуясь божественнымъ писаніемъ; какъ всякому я старался угодить въ потребныхъ случаяхъ и рукодѣліемъ, и службою, и покорностью, а не гордынею, не прекословіемъ. Не осуждалъ я никого, не осмѣивалъ, не укорялъ и ни съ кѣмъ не бранился... Не пропускалъ я никогда церковнаго пѣнія отъ юности моей и до сего времени, развѣ только по немощи. Никогда не презрѣлъ ни нищаго, ни страннаго, ни печальнаго, развѣ только по невѣдѣнію... Рабовъ своихъ всѣхъ освободилъ и надѣлилъ, и иныхъ выкупалъ изъ рабства и на свободу отпускалъ... Видѣлъ ты, чадо, какъ многихъ сиротъ, рабовъ и убогихъ я вспоилъ и вскормилъ до совершеннаго возраста и научилъ, кто къ чему способенъ... Никому ни въ чемъ я не лгалъ, не просрочивалъ, ни въ рукодѣліи, ни въ торговлѣ; ни кабалы, ни записи на себя ни въ чемъ не давалъ".

Московскіе всадники.
Рисунокъ къ „Посольству барона Сигизмунда Герберштейна" изд. 1549 г.

Въ этихъ словахъ заключается характеристика Сильвестра. Въ нихъ мы видимъ и отраженіе симпатичныхъ чертъ характера этого человѣка и въ то же время проглядываютъ черты несимпатичныя: это—желаніе всѣмъ „уноровити", всѣмъ угодить.

Въ этомъ отношеніи Сильвестръ, вѣроятно, не особенно сильно отличался отъ своихъ современниковъ: угодливость во многомъ была слѣдствіемъ того же страха передъ мнѣніемъ окружающихъ, который вообще обнаруживается въ наставленіяхъ Домостроя, и который былъ вполнѣ понятенъ въ грубой и жестокой обстановкѣ эпохи Грознаго.



Іоаннъ Грозный.

Въ числѣ писателей XVI в. видное мѣсто занималъ Іоаннъ Грозный. Его сочиненія важны, главнымъ образомъ, по выразившимся въ нихъ политическимъ воззрѣніямъ, сложившимся къ тому времени на Руси.

Какъ писатель, Іоаннъ Грозный извѣстенъ по нѣсколькимъ сохранившимся отъ него памятникамъ, а именно: по двумъ рѣчамъ (дошедшимъ до насъ въ чужой литературной передачѣ), изъ которыхъ одна была произнесена послѣ пожара 1547 г. при выборныхъ людяхъ, созванныхъ для возстановленія порядка, а другая—на Стоглавомъ соборѣ (1551 г.), по посланію въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь и по перепискѣ съ кн. Курбскимъ.

Рѣчи (особенно вторая—1551 г.) *) обличаютъ въ авторѣ обширную начитанность въ церковныхъ книгахъ, благодаря которой онъ свободно владѣетъ церковнымъ стилемъ. Но въ нихъ не выступаетъ предъ нами оригинальная литературная физіономія Грознаго, не найдемъ мы здѣсь ни его народнаго живого языка, ни его „кусательной" ироніи. Особенности литературнаго таланта Грознаго выступаютъ въ его посланіи и перепискѣ.

Посланіе это написано по слѣдующему поводу: настоятель Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, игуменъ Козьма, обратился къ Іоанну Грозному съ просьбой дать ему указанія, какъ бы ему справиться съ монахами — опальными боярами, которые не хотѣли его слушаться. И вотъ въ отвѣтъ на эту просьбу Іоаннъ Грозный написалъ посланіе, въ которомъ мы и встрѣчаемся съ этой „кусательною" ироніей. „Увы мнѣ, грѣшному, горе мнѣ, окаянному! Охъ мнѣ, скверному! Кто есмь азъ на такую высоту дерзати? Бога ради, господіе и отцы, молю васъ, престаните отъ таковаго начинанія. Азъ братъ вашъ недостоинъ есмь нарещися, но по евангельскому словеси, сотворите мя, яко единаго отъ наемникъ своихъ; тѣмъ же припадаю честныхъ ногъ вашимъ стопамъ, и милъ ся дѣю". Іоаннъ говоритъ, что самъ недостоинъ давать монахамъ наставленія; что, наоборотъ, ему, какъ міранину, слѣдуетъ учиться у иноковъ, „писано бо есть: свѣтъ инокамъ ангели, свѣтъ же міряномъ иноки". Дальше, однако, онъ вспоминаетъ о своемъ обѣтѣ постричься и замѣчаетъ, что онъ уже почти совсѣмъ инокъ, „и мнѣ мнится, окаянному, яко исполу есмь чернецъ аще и не отложихъ всякаго мірскаго мятежа, но уже рукоположеніе благословенія ангельскаго образа на себѣ ношу"; въ виду этого онъ и рѣшается дать наставленіе-совѣтъ инокамъ. „Видите ли, каково послабленіе иноческому житію, плача и скорби достойно?.. Великіе свѣтильники, Сергій, Кириллъ, Варлаамъ, Димитрій и Пафнутій и многіе другіе пре-

Иванъ Васильевичъ IV Грозный. (Съ нѣмецкой гравюры XVI вѣка изъ собранія Д. Ровинскаго).

*) Противъ принадлежности Іоанну Грозному первой рѣчи весьма серьезныя возраженія выставлены проф. С. Ѳ. Платоновымъ.

подобные въ русской землѣ, установили крѣпкіе уставы иноческому житію, а бояре, пришедши къ вамъ, ввели свои любострастные уставы. Значитъ, не они у васъ постриглись, а вы у нихъ, какъ бы не вы имъ рукоположники и учители, а они вамъ. Сегодня тотъ бояринъ одну страсть введетъ, а въ другой разъ иной другую слабость введетъ, и мало-по-малу весь обиходъ монастырскій испразднится, и будутъ всѣ обычаи мірскіе. Вѣдь по всѣмъ монастырямъ начальники сначала уставили крѣпкое житіе, а любострастные послѣ ихъ разорили... Въ монастыряхъ не только, что горячее, а фряжскія вина зазоръ: это ли путь спасенія? Это ли иноческое пребываніе?.. Это не путь спасенія, когда въ чернецахъ бояринъ не сострижетъ своего боярства, а холопъ своего холопства не избудетъ"... Затѣмъ Іоаннъ напоминаетъ, что единственное средство избавиться отъ неустройствъ и безпорядковъ и установить повиновеніе игумену заключается въ томъ, чтобы возвратиться къ точному исполненію монастырскаго устава, замѣчаетъ, что виденъ вообще упадокъ, оскудѣніе благочестія въ монастыряхъ, и дѣлаетъ строгій выговоръ братіи. Въ насмѣшкахъ Іоанна видна „кусательная" иронія, но высшимъ образцомъ въ этомъ отношеніи являются письма царя къ князю Курбскому.

Переписка Грознаго съ Курбскимъ, состоящая изъ 6 писемъ особенно интересна по выражающимся въ ней политическимъ тенденціямъ. Курбскій является здѣсь охранителемъ старыхъ боярскихъ традицій, Грозный—защитникомъ своихъ самодержавныхъ полномочій, Курбскій отстаиваетъ, главнымъ образомъ, два старинныхъ права: а) право совѣта бояръ и б) право отъѣзда. Первое право требовало отъ царя совѣтоваться въ важныхъ случаяхъ съ боярской думой и принимать, какъ обязательныя, всѣ рѣшенія послѣдней. По второму праву бояре прежде пользовались полною возможностью, въ случаѣ недовольства своимъ княземъ, переходить на службу къ другому; съ уничтоженіемъ же удѣловъ это право потеряло свое значеніе, и переходъ бояръ, которые теперь могли поступать на службу развѣ только къ иноземнымъ государямъ являлся измѣной. Грозный, вопреки Курбскому, отстаиваетъ свою неограниченную власть, не признаетъ за боярами право совѣта и на бояръ отъѣзжихъ смотритъ, какъ на измѣнниковъ, крамольниковъ.

Когда Курбскій увидалъ, что его партія при дворѣ находится подъ опалой, что прежніе царскіе совѣтники, Сильвестръ и Адашевъ, удалены, когда онъ, проигравъ сраженіе, понялъ, что этимъ можетъ навлечь на себя немилость Грознаго, онъ удалился въ Вольмаръ къ Сигизмунду-Августу, оправдывая себя стариннымъ дружиннымъ правомъ отъѣзда.

Желая разъяснить царю причину своего бѣгства, высказать все, что было на душѣ, князь Курбскій отправляетъ изъ Вольмара письмо со своимъ слугою Василіемъ Шибановымъ. Въ этомъ посланіи Курбскій, начиная прославленіемъ царя за прежнія его дѣянія, об-

виняетъ его въ избіеніи невинныхъ бояръ и воеводъ, спрашивая, въ чемъ провинились они. Господь, какъ говоритъ Курбскій, будетъ посредникомъ между ними и Іоанномъ и разсудитъ ихъ. „Не считаешь ли ты себя безсмертнымъ, или впалъ въ „небытную ересь", думаешь что тебѣ не придется отвѣчать передъ Богомъ, когда къ Нему будутъ вопіять объ отомщеніи души избіенныхъ тобою", говоритъ Курбскій. Далѣе онъ напоминаетъ царю о своихъ ранахъ и заслугахъ и о необходимости покинуть отечество: „Кровь моя,—пишетъ онъ,—якоже вода пролитая за тя, вопіетъ на тя ко Господу моему! Богъ сердцамъ зритель: не вѣмъ себя и не найдохъ ни въ чемъ же предъ тобою согрѣшивша; предъ войскомъ твоимъ хождахъ и не исхождахъ, и ни коего же тебѣ безчестія приведохъ; но токмо побѣды пресвѣтлы, помощью ангела Господня, во славу твою поставляхъ и никогда же полковъ твоихъ хребтомъ къ чюждимъ обратихъ, но паче одоленія преславныя на похвалу тебѣ сотворихъ". Затѣмъ Курбскій намекаетъ на дурную жизнь окружавшихъ царя опричниковъ и совѣтуетъ удалить злѣйшаго изъ нихъ, имени котораго онъ не называетъ. Думаютъ, что онъ разумѣетъ Ѳедора Басманова. Въ концѣ своего посланія Курбскій, между прочимъ, говоритъ: „Писаніе сіе, слезами измоченное въ гробъ съ собою повелю вложити, грядуще съ тобою на судъ Бога моего, Іисуса Христа". „Лица же моего,—заключаетъ Курбскій,—не узришь до второго пришествія".

На это первое письмо Курбскаго царь отвѣчалъ обширнымъ посланіемъ. Очевидно, онъ былъ и пораженъ дерзостью холопа, который осмѣлился писать ему, а также былъ задѣтъ за живое упреками князя, а потому въ своемъ посланіи называетъ письмо Курбскаго „пропитаннымъ змѣинымъ ядомъ", хотя „на видъ, — говоритъ онъ,—оно и кажется медовымъ". Далѣе, изложивъ права свои на престолъ отцовъ своихъ, онъ съ ѣдкой ироніей упрекаетъ Курбскаго въ намѣреніи быть ярославскимъ государемъ *), въ заговорѣ противъ него, Іоанна, съ прочими измѣнниками и въ ложномъ благочестіи. „Если бы ты былъ благочестивъ,—говоритъ Іоаннъ,—то дѣйствовалъ бы согласно съ св. писаніемъ, которое говоритъ: „Всяка душа владыкамъ предвладующимъ да повинуется", а не погубилъ бы душу ради тѣла, но все бы вытерпѣлъ отъ меня". Желая еще болѣе устыдить Курбскаго, онъ въ примѣръ ему приводитъ вѣрность слуги его, Василія Шибанова. Царь старается растрогать князя, напоминая ему, что онъ вмѣстѣ съ литовцами будетъ проливать кровь русскую, и конь его будетъ топтать младенцевъ русскихъ, въ чемъ онъ уподобится Ироду.

На бояръ отъѣхавшихъ онъ смотритъ, какъ на измѣнниковъ, и права совѣтоваться за боярами не признаетъ. Гдѣ власть монархи-

*) Курбскій происходилъ отъ княжеской вѣтви Мономахова дома и былъ внукомъ удѣльнаго ярославскаго князя, перешедшаго на службу къ Іоанну III; отличался и военной доблестью и былъ, кромѣ того, образованнѣйшій человѣкъ своего времени, какъ ученикъ Максима Грека.

ческая, неограниченная, тамъ, по мнѣнію Іоанна, царь воленъ совѣтоваться или нѣтъ съ окружающими его. Если же царь будетъ слушаться его окружающихъ, то хорошаго изъ этого ничего не выйдетъ. Съ ѣдкой ироніей спрашиваетъ онъ Курбскаго, о какихъ заслугахъ говоритъ онъ, не въ Казанской ли землѣ, гдѣ вмѣсто виновныхъ губилъ невинныхъ; не подъ Тулой ли, гдѣ вмѣсто преслѣдованія крымцевъ обѣдалъ у воеводы, или, можетъ-быть, вспоминаетъ онъ о доблестяхъ подъ Вольмаромъ, гдѣ былъ разбитъ литовцами? Въ отвѣтъ на обѣщаніе Курбскаго, что царь не узритъ лица его, Іоаннъ рѣзко замѣчаетъ: „кто же захочетъ такого еѳіопскаго лица видѣти?"

Въ жестокихъ мѣрахъ своихъ Іоаннъ обвиняетъ своихъ бояръ, желающихъ по его мнѣнію, ему зла съ самаго его малолѣтства. Онъ жалуется на дерзкое ихъ обращеніе съ нимъ, припоминаетъ, между прочимъ, какъ Василій Шуйскій, напр., придя къ нему, безцеремонно положилъ свою ногу на постель.

Царь увѣренъ, что Богъ не приметъ жалобъ Курбскаго, которыми тотъ грозитъ на страшномъ судѣ, и говоритъ даже, что Курбскій намѣреніемъ взять съ собою въ гробъ свою грамоту отступаетъ отъ заповѣди христіанской прощать обиды, а потому недостоинъ и христіанскаго отпѣванія.

Письмо свое Іоаннъ заключаетъ ироническимъ замѣчаніемъ, „по премудрому Соломону, съ безумнымъ не множи словеса; обличенія бо ему о правдѣ злоба слышати".

Въ отвѣтъ на это посланіе было прислано „краткое отвѣщаніе на зѣло широкую эпистолію великаго князя московскаго". Тутъ Курбскій называетъ посланіе Грознаго „широковѣщательнымъ и многошумящимъ", смѣется надъ тѣмъ, что въ посланіи этомъ „со многою яростью и лютостью отъ многихъ священныхъ книгъ хватано, не строками и не стихами, какъ свойственно искуснымъ и ученымъ, а цѣлыми книгами и пареміями"; говоритъ, что неприлично такъ писать въ чужую землю, гдѣ много образованныхъ людей. Затѣмъ Курбскій упрекаетъ царя, замѣчая, что нехорошо такъ „грызть кусательно" невиннаго человѣка, который, какъ изгнанникъ и оскорбленный, нуждается въ утѣшеніи. Выраженіемъ „грызть кусательно" Курбскій какъ нельзя лучше охарактеризовалъ одну изъ главныхъ чертъ царя— ѣдкую иронію. Въ заключеніи онъ прибавляетъ, что хотѣлъ бы отвѣчать на каждое Іоанново слово, но разсудилъ молчать и отдать все на судъ Божій.

Переписка затѣмъ прекратилась до 1577 г., когда Іоаннъ взялъ Вольмаръ; довольный своими побѣдами, отправилъ онъ отсюда грамоту къ Курбскому, въ которой, славя успѣхи своего оружія, снова возвращается къ первому письму Курбскаго, разбираетъ его еще разъ, обвиняетъ бояръ въ измѣнѣ и строптивости и говоритъ, что Богъ его не оставляетъ: даетъ ему побѣды и безъ пособія бояръ. Онъ снова указываетъ, что жестокость его вызвана обидами, нанесенными ему боярами, а также тѣмъ, что они погубили его жену, царицу

Анастасію, и довели его до „Кроновой жертвы", т.-е. до сыноубійства. Заканчивается посланіе словами: „и гдѣ ты хотѣлъ успокоиться отъ всѣхъ трудовъ своихъ, въ Вольмарѣ, и туда Богъ принесъ насъ на покой твой, и гдѣ ты хотѣлъ спастись отъ насъ, мы и тутъ по Божьей воли тебя нашли".

Но когда успѣхъ войны перешелъ на сторону Литвы, въ свою очередь, и Курбскій написалъ къ Іоанну изъ завоеваннаго Баторіемъ Полоцка два письма, въ которыхъ доказываетъ, что прежнія побѣды были дѣломъ доблестныхъ мужей; теперь этихъ мужей при царѣ уже нѣтъ, а потому нѣтъ успѣха и въ войнѣ.

Такимъ образомъ вся эта переписка (1564—1573) между царемъ и бывшимъ его подданнымъ состоитъ изъ шести писемъ, изъ которыхъ два принадлежатъ Іоанну, а четыре—Курбскому.

Переписка эта имѣетъ важное историческое значеніе: въ ней отразилась та борьба, которую велъ Грозный съ боярами. Курбскій тутъ является представителемъ боярской партіи, и основная мысль его та, что царь долженъ руководствоваться совѣтами рады, т.-е. собранія бояръ, и признавать за ними право отъѣзда. Грозный же не признаетъ за боярами права отъѣзда и выражаетъ мысль, что царь не долженъ находиться ни подъ чьей опекой, долженъ править самостоятельно, и подданные должны быть вѣрными слугами царя, а не самочинниками. Но въ полемикѣ отразилась и личность обоихъ противниковъ. Курбскій учился у Максима Грека, былъ знакомъ съ грамматикой, риторикой и діалектикой, а затѣмъ довершилъ свое образованіе въ Литвѣ, гдѣ выучился латинскому языку, прочелъ и перевелъ много богословскихъ сочиненій. Неудивительно, что письма его отличаются гораздо большею литературною обработкою, чѣмъ письма Грознаго, который также прекрасно былъ знакомъ съ св. писаніемъ, съ твореніями отцовъ Церкви и съ лѣтописями, но все же былъ лишь простымъ начетчикомъ, а потому не умѣлъ искусно пользоваться своимъ литературнымъ запасомъ, выписывалъ цитаты „не строками и стихами, но цѣлыми книгами и пареміями", какъ замѣчаетъ Курбскій. Въ изложеніи его нѣтъ порядка, чему отчасти причиной служитъ и страстная его натура: онъ не излагаетъ ровно, спокойно, а бросается

Посольство Ивана Грознаго къ Римскому цесарю въ 1576 году.

отъ предмета къ предмету и часто по нѣскольку разъ возвращаются къ одному и тому же; отсюда и происходитъ то многорѣчіе, за которое Курбскій называетъ одно изъ его посланій широковѣщательнымъ и многошумящимъ. Несмотря на эти недостатки, письма Грознаго обличаютъ большой умъ ихъ автора, сказавшійся въ необыкновенномъ искусствѣ отражать нападки и наносить удары. Особенно замѣчательно его умѣнье поймать противника на словѣ и обратить противъ него же его собственное оружіе. Слогъ его чрезвычайно силенъ: выраженія его мѣтки, оригинальны, близки къ живой народной рѣчи и часто проникнуты той ироніей, за которую Курбскій назвалъ его рѣчь „кусательною". Изложеніе Курбскаго, хотя и отличается большей стройностью, но по яркости оно уступаетъ изложенію Грознаго. Къ тому же въ языкѣ его много словъ и оборотовъ польскихъ и латинскихъ.

Тѣ же политическіе взгляды Курбскаго выражаются и въ его историческихъ запискахъ, которыя написаны въ Литвѣ и самимъ авторомъ названы такъ: „Исторія великаго князя Московскаго о дѣлѣхъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима". Исторія эта состоитъ изъ девяти главъ и заключаетъ въ себѣ описаніе жизни Грознаго отъ самаго его дѣтства до 1578 года. Въ первой главѣ Курбскій, указавъ поводъ, по которому появилось его сочиненіе, описываетъ юность Іоанна, его дурное воспитаніе и затѣмъ исправленіе Сильвестромъ и Адашевымъ; во второй главѣ—Казанскій походъ и покореніе Казани; въ III главѣ—возвращеніе Іоанна въ Москву, болѣзнь его, поѣздку въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, бесѣду съ Вассіаномъ Топорковымъ, волненіе казанцевъ и набѣги крымскаго хана; въ IV-ой главѣ — лифляндскую войну и покореніе Астрахани, заслуги Сильвестра и Адашева; въ V-ой главѣ — начало злу, вслѣдствіе удаленія Сильвестра и Адашева; въ VI, VII и VIII-ой главахъ—заключается описаніе казней; въ IX главѣ Курбскій сравниваетъ Іоанна съ другими мучителями и новыхъ мучениковъ съ древними. Основная мысль „Исторія" та же, что и въ письмахъ къ Грозному: царь долженъ совѣтоваться съ боярами. Чтобы доказать силу и значеніе бояръ въ качествѣ царскихъ совѣтниковъ, Курбскій проводитъ свою мысль послѣдовательно по плану: дурно воспитанный, Іоаннъ совершенно исправляется подъ вліяніемъ добрыхъ совѣтниковъ, но съ ихъ удаленіемъ все измѣнилось: „Воскурилось гоненіе великое и пожаръ лютости по землѣ русской возгорѣлся".

Это систематическое изложеніе фактовъ, съ указаніемъ связи между причиной и слѣдствіемъ, возвышаетъ „Исторію" Курбскаго надъ погоднымъ и отрывочнымъ лѣтописнымъ изложеніемъ. Разсказъ Курбскаго отличается полнотою, стройностью и единствомъ. На всемъ этомъ нельзя не видѣть слѣдовъ вліянія западной образованности. Въ отношеніи къ описываемымъ событіямъ „Исторія" эта, какъ записки современника и очевидца, имѣетъ свое значеніе: изъ нея мы узнаемъ о подробностяхъ многихъ событій, какъ, напр., о

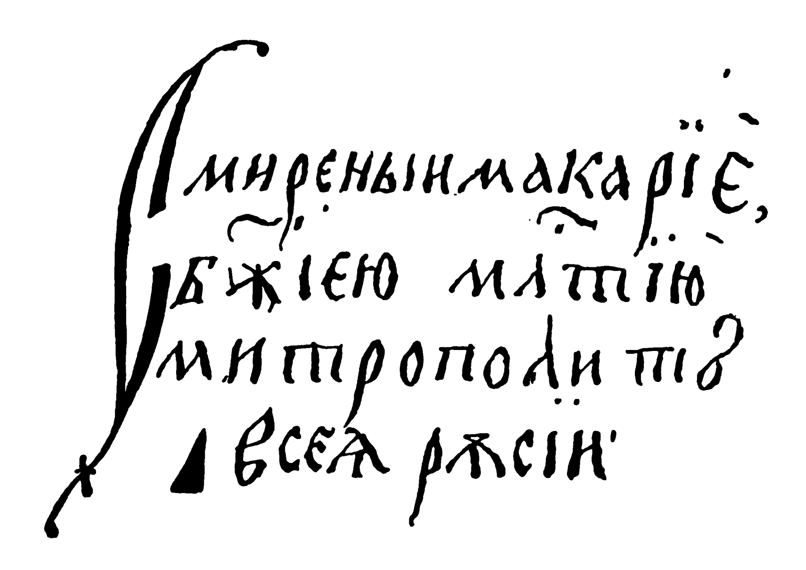
казанскомъ походѣ, о лифляндской войнѣ и др. Но, съ другой стороны, надо имѣть въ виду то обстоятельство, что записки эти составлены человѣкомъ, увлеченнымъ интересами своей партіи, человѣкомъ, задавшимся напередъ цѣлью—провести извѣстную мысль, наконецъ, человѣкомъ, лично затронутымъ и считавшимъ себя обиженнымъ. Все это было настолько сильно, что помѣшало Курбскому остаться вполнѣ безпристрастнымъ въ своихъ отношеніяхъ къ Іоанну Грозному, а потому историческая критика совѣтуетъ пользоваться этими записками съ осторожностью, указывая, что въ нихъ встрѣчается рядъ противорѣчій. Такъ, напр., Курбскій разсказываетъ слѣдующее: „Приходитъ царь до одного старца (Вассіана Топоркова) въ келію и вѣдая, еже отцу его единосовѣтенъ былъ и во всемъ угоденъ и согласенъ, вопрошаетъ его: „како бы моглъ добрѣ царствовати, и великихъ и сильныхъ своихъ въ послушествѣ имѣти?“ И подобало рещи ему: самому царю достоитъ быти яко главѣ, и любити мудрыхъ совѣтниковъ своихъ, яко свои уды, и иными множайшими словесы отъ священныхъ писаній ему подобало о семъ совѣтовати и наказати царя христіанскаго, яко достоило епископу нѣкогда бывшу, пачежъ престарѣвшемуся уже въ лѣтахъ довольныхъ. Онъ же что рече? Абіе началъ шептати ему на ухо по древней своей обыкновенной злости, яко и отцу его древле ложное сикованціе (обманъ, клевета) шепталъ, и тако слово реклъ: „аще хощеши самодержавцемъ быти, не удержи себѣ совѣтника ни единаго мудрѣйшаго себя: понеже самъ еси всѣхъ лучше, тако будеши твердъ на царствѣ, и все имѣти будеши въ рукахъ своихъ! Аще будеши имѣти мудрѣйшихъ близу себя, по нуждѣ будеши послушенъ имъ“. И еще соплете силлогизмъ сатанинскій. Царь же абіе руку его поцѣловалъ и рече: „О, аще и отецъ былъ бы живъ, такого глагола полезнаго не повѣдалъ бы ми!“

С. М. Соловьевъ вполнѣ правильно замѣтилъ, что разсказъ этотъ вымышленъ: если совѣтъ былъ сказанъ на ухо, то никто его знать не могъ, знали только двое—Вассіанъ и царь Іоаннъ; первый не сказалъ бы, боясь гнѣва царя и бояръ; зная же гордый характеръ и умъ (или, по крайней мѣрѣ, хитрость) царя Іоанна, мы не можемъ предположить, чтобы онъ сообщилъ это самъ.

Макарьевскія Четьи-Минеи. Степенная книга. Лѣтописи XVI вѣка.

Объединеніе политическое въ эпоху Грознаго дополнялось объединеніемъ духовнымъ, церковнымъ и литературнымъ. Въ томъ отношеніи виднымъ дѣятелемъ представляется митрополитъ всероссійскій Макарій, предпринявшій обновленіе русской Церкви, которому должно было предшествовать закрѣпленіе накопившагося стараго преданія, и если въ политической жизни новыя воззрѣнія, формулировавшіяся Грознымъ, опирались на „собираніе русской земли“,

то и церковное обновленіе должно было исходить изъ аналогичнаго собиранія, которое выразилось прежде всего въ формѣ канонизаціи русскихъ святыхъ на соборахъ 1547 и 1549 годовъ. Эта канонизація подготовлялась новыми условіями политической жизни, такъ какъ съ упраздненіемъ удѣловъ мѣнялось значеніе мѣстныхъ святынь. „Каждый удѣлъ, — говоритъ г. Васильевъ, — сосредоточивался около какой-нибудь святыни. Поэтому послѣдняя служила залогомъ отдѣльности и индивидуальности области. Отсюда, какъ скоро тотъ или другой удѣлъ терялъ свою святыню, то вмѣстѣ съ нею терялъ какъ бы и свою самостоятельность, что и выражалось наглядно перемѣщеніемъ святыни изъ покореннаго удѣла въ главный городъ покорившаго". Мѣстные, удѣльные святые становились московскими и



Подпись митрополита Макарія.

этимъ пріобрѣтали значеніе святыхъ всей Руси: святой, память котораго раньше почиталась только въ Ростовѣ, получая признаніе со стороны Москвы, дѣлался святымъ и для Новгорода и Пскова, прославлялся всей русской Церковью, которая въ силу теоріи третьяго Рима получала весьма высокое положеніе въ восточномъ христіанствѣ. „Новое положеніе Церкви,—говоритъ акад. Голубинскій,— требовало, чтобы она, доказывая свои права на него, украшалась всею духовною красотой, которая была ей дана, и чтобы она сохранялась на высотѣ своего стоянія молитвами всего сонма своихъ чудотворцевъ. И вотъ митр. Макарій, желая предпринять дѣло обновленія Церкви уже съ готовою помощью себѣ всѣхъ русскихъ чудотворцевъ, и началъ съ этого общаго торжественнаго прославленія тѣхъ изъ нихъ, которые оставались дотолѣ непрославленными или, точнѣе, мало, недостаточно прославленными".

Въ связи съ этимъ прославленіемъ святыхъ стоитъ огромное литературное предпріятіе митр. Макарія,—составленіе Великихъ Четьихъ-Миней, которое было начато имъ еще въ 1529 г., когда онъ былъ новгородскимъ архіепископомъ. Въ это собраніе должны были по плану Макарія войти не только житія святыхъ, но вообще всякія церковно-поучительныя произведенія, такъ или иначе имѣющія отношеніе къ памяти святыхъ. Получилась колоссальная энциклопедія, въ которую были включены „всѣ святыя книги, которыя въ русской землѣ обрѣтаются“. Закончeнъ былъ этотъ трудъ въ 1541 г., и его списокъ Макарій положилъ у св. Софіи въ Новгородѣ на поминъ родителей, но затѣмъ онъ продолжалъ свои Минеи и въ Москвѣ и въ 1552 г. поднесъ царю другой экземпляръ, списокъ съ котораго положилъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Въ предисловіи къ царскому списку Макарій кратко говоритъ объ исторіи своей работы: „А писалъ есми сіа святыя великія книги въ Великомъ Новѣградѣ, какъ есми тамо былъ архіепископомъ; а писалъ есми и събиралъ и въ едіно мѣсто ихъ совокуплялъ дванадесять лѣтъ многимъ имѣніемъ и многими различными писари, не щедя сребра и всякихъ почестей, но и паче же многи труды и подвиги подъяхъ отъ исправленія иностранскихъ и древнихъ пословицъ, преводя на русскую рѣчь; и сколько намъ Богъ дарова уразумѣти, толико и възмогохомъ исправити; иная же и доднесь въ нихъ неисправлена пребысть, и сіа оставихомъ по насъ могущимъ съ Божіею помощію исправити. А и гдѣ буду погрѣшихъ отъ своего неразуміа о тѣхъ странскихъ древнихъ пословицъ, или будетъ гдѣ посредѣ тѣхъ святыхъ книгъ написано ложное и отреченное слово святыми отцы, а мы того не возмогохомъ исправити и отставити, и о томъ отъ Господа Бога прошу прощеніе за молитвъ всѣхъ святыхъ, иже въ книгахъ сихъ написанныхъ“.

Хотя изъ послѣднихъ словъ и видно, что работа не отличалась критическимъ отношеніемъ къ матеріалу, что рядомъ съ истинными святыми книгами въ Минеи могли входить и ложныя и отреченныя, что это было предпріятіе начетчика того же типа, къ которому принадлежали Іосифъ Волоцкій и митр. Даніилъ, а не ученаго типа Максима Грека, тѣмъ не менѣе, нельзя не изумляться громаднымъ объемомъ исполненнаго Макаріемъ дѣла. Чтобы охарактеризовать этотъ объемъ, достаточно указать на то, что въ изданіи (далеко незаконченномъ) Миней Археографической комиссіи каждая изъ ихъ 12 книгъ составляетъ три фоліанта по 600 страницъ въ два столбца. Понятно, что такое дѣло не могло быть совершено усиліями одного человѣка, и Макарій долженъ былъ собрать кружокъ сотрудниковъ. „Однихъ, — говоритъ г. Заусцинскій,—онъ привлекъ къ себѣ не щадя злата сребра и почестей, а другіе работали такъ же, какъ и онъ, изъ любви къ дѣлу. Такимъ образомъ составилось цѣлое литературное общество, одни члены котораго рылись въ монастырскихъ библіотекахъ, вездѣ старались найти нужный имъ матеріалъ, другіе переписывали раз-

ныя редакціи житій, третьи уже составляли новыя житія или передѣлывали старыя сообразно требованіямъ времени. Такое общество— явленіе единственное въ то время въ московской Руси. Изъ сотрудниковъ Макарія мы знаемъ весьма образованнаго человѣка Дмитрія Герасимова Толмача, боярскаго сына Василія Тучкова, іеромонаха Илью, сообщающаго намъ, что и самъ Макарій много внесъ въ свои Минеи. Работа этихъ помощниковъ Макарія производилась примѣнительно къ новому литературному вкусу, къ тому „плетенію словесъ“, о которомъ мы упоминали, говоря о Пахоміи Логоѳетѣ. Особенно характерно для этой риторики житіе Михаила Клопскаго,

Изъ иллюстрацій къ „Сказанію о Мамаевомъ побоищѣ“.

составленное Тучковымъ, который опредѣляетъ свою задачу въ предисловіи къ житію такимъ образомъ: „Слышалъ я нѣкогда, какъ читали книгу о плѣненіи Трои. Въ этой книгѣ плетены многія похвалы еллинамъ отъ Омира и Овидія. Только единой ради буйственной храбрости такой похвалы сподобились, что память о нихъ не изгладилась въ теченіе многихъ лѣтъ, но хотя Еркулъ (Геркулесъ) и храбръ, однако въ глубину нечестія погружался и тварь паче Творца почиталъ. Также и Ахиллъ и троянскаго царя Пріама сыновья были еллины, и отъ еллинъ похваляемые, сподобились такой прелестной славы. Кольми паче мы должны похвалять и почитать святыхъ и преблаженныхъ и великихъ нашихъ чудодѣлателей, которые такую побѣду надъ врагами одержали и такую благодать отъ Бога пріяли, что не

только человѣки, но и самые ангелы ихъ почитаютъ и славятъ. Мы ли же не будемъ о чудесахъ ихъ проповѣдать?“ *).

Житія святыхъ и ихъ сочиненія расположены по тѣмъ числамъ календаря, когда празднуется ихъ память. Подробное оглавленіе состава Миней было дано Ундольскимъ, а мы приведемъ краткую его характеристику, сдѣланную А. Н. Пыпинымъ. Указавъ на календарное размѣщеніе матеріала, Пыпинъ говоритъ: „Произведенія писателей, которые не были святыми, и которыхъ поэтому нельзя было пріурочить къ святцамъ, помѣщались въ приложеніяхъ къ послѣднимъ числамъ разныхъ мѣсяцевъ, такъ, напримѣръ, размѣщены Патерики, сочиненія Іосифа Евреина, Никона Черногорца, Іоанна, экзарха болгарскаго, Пчела, Козьма Индикопловъ, Странникъ игумена Даніила, посланія русскихъ князей, митрополитовъ и епископовъ и т. д. Вообще въ Минеяхъ Макарія собраны произведенія всѣхъ отдѣловъ старой церковной литературы: книги священнаго писанія и толкованія на нихъ; рядъ патериковъ; прологи; сочиненія отцовъ Церкви и святыхъ русскихъ и греческихъ; сочиненія, не принадлежащія писателямъ святыхъ, но пользовавшіяся большимъ уваженіемъ по церковнымъ вопросамъ и христіанскому нравоученію: путевыя записки, монастырскіе уставы, грамоты, Кормчая книга, житія святыхъ и особенно житія святыхъ русскихъ, отчасти составленныя именно для сборника Макарія“.

Съ именемъ митр. Макарія связано происхожденіе еще одного важнаго историческаго и литературнаго памятника эпохи Іоанна Грознаго, такъ называемой „Степенной книги“, заглавіе которой дается обыкновенно по слѣдующимъ строкамъ ея введенія: „Книга степенная царскаго родословія, иже въ Рустей земли въ благочестіи просіявшихъ богоутвержденныхъ скипетродержителей, иже бяху отъ Бога яко райская древеса насаждени при исходищихъ водъ, и правовѣріемъ напояеми, благоразуміемъ же и благодатію возрастаеми, и божественною славою осіяваеми явишася, яко садъ доброрастенъ, и красенъ листвіемъ и благоцвѣтущъ, многоплоденъ же и зрѣлъ, и благоуханія исполненъ; великъ же и высоковерьхъ, и многочаднымъ благородіемъ, яко свѣтило зрачными вѣтвьми расширяемъ, богоугодными же добродѣтельми преспѣваемъ, мнози отъ корени и отъ вѣтвей многообразными подвиги, яко златыми степеньми, на небо восходную лѣствицу непоколеблемо водрузиша, по ней же невозбраненъ къ Богу восходъ утвердиша, себѣ же и сущимъ по нихъ“. Въ этомъ риторическомъ характерѣ введенія рисуется довольно опредѣленно направленіе и изложеніе этого тенденціознаго историческаго труда, прославляющаго царскую власть, являющагося тоже своего рода итогомъ новыхъ политическихъ воззрѣній. Это прославленіе достигается не только риторическими пріемами, но особенно уста-

*) Переводъ на современный языкъ Буслаева (Очерки, т. II, стр. 241).

новленіемъ царской генеалогіи, по которой московскіе цари производятся отъ Пруса и кесаря Августа, чѣмъ, какъ извѣстно, сильно кичился Іоаннъ Грозный. По этой своей тенденціи Степенная книга примыкаетъ къ тому циклу произведеній, который возникъ въ связи съ возвышеніемъ Москвы и включаетъ въ себя, какъ мы видѣли, сказанія о Вавилонскомъ царствѣ, о Мономаховыхъ регаліяхъ, о Москвѣ, какъ третьемъ Римѣ.

Авторъ новѣйшаго изслѣдованія объ этомъ памятникѣ, П. Г. Васенко, установивъ, что Макарію принадлежала иниціатива составленія Степенной, и что составителемъ ея былъ царскій духовникъ

Изъ иллюстрацій къ „Сказанію о Мамаевомъ побоищѣ".

Андрей, впослѣдствіи занимавшій престолъ митрополита съ именемъ Аѳанасія, приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ о значеніи этого произведенія: „Степенная является сборникомъ статей агіобіографическаго характера, расположенныхъ по генеалогической схемѣ и основанныхъ, главнымъ образомъ, на матеріалѣ, почерпнутомъ изъ историческихъ сочиненій. Такимъ образомъ, не будучи историческимъ сборникомъ по цѣли своего составленія, Степенная до нѣкоторой степени была имъ по матеріалу, изъ котораго созидались ея отдѣлы и статьи... Степенная не причисляетъ себя къ лѣтописцамъ и не считаетъ себя историческимъ сочиненіемъ. Несмотря на это, схема, по которой расположены „повѣсти", вошедшія въ составъ этого сборника, и матеріалъ, при помощи котораго онѣ составлены, давали

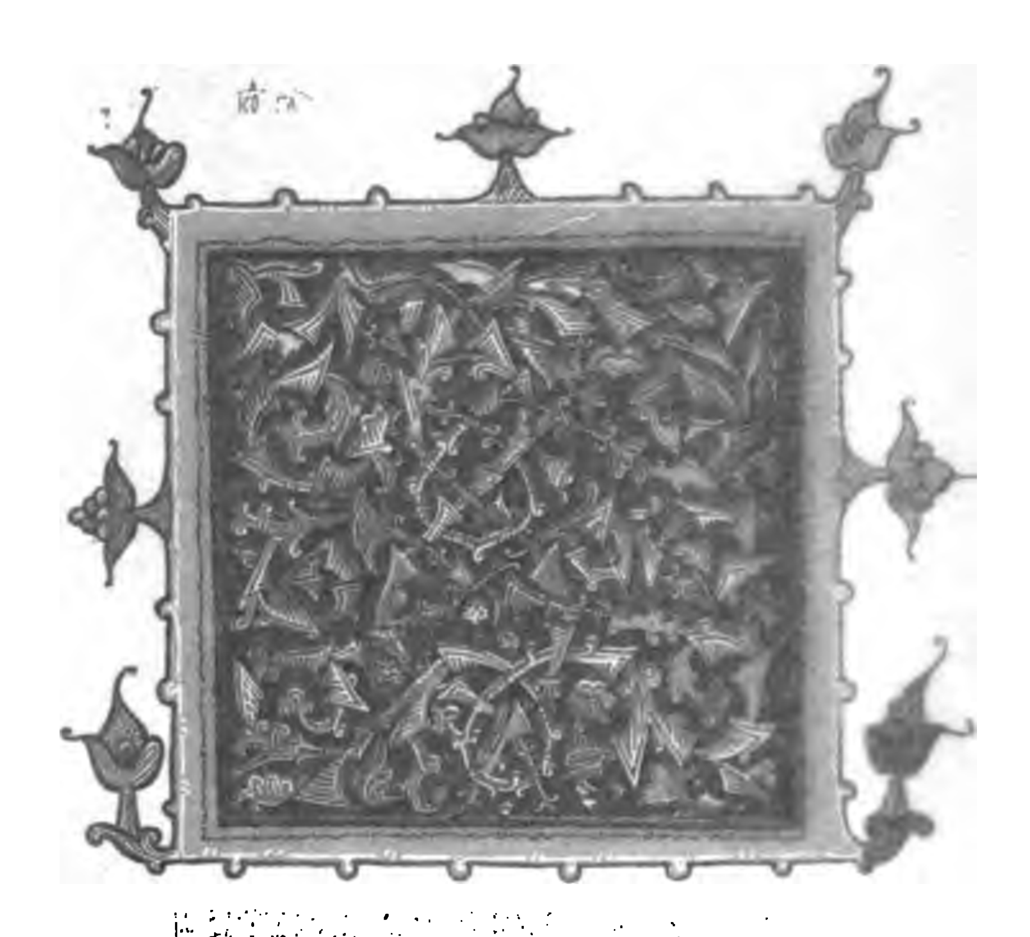
возможность уже въ старину причислять Степенную къ лѣтописцамъ и пользоваться ея схемой для историческихъ сочиненій. Въ этомъ-то отношеніи вліяніе Степенной на древнерусскую историческую мысль и было весьма значительнымъ".

Рядомъ со Степенной книгой, какъ выраженіе исторической мысли XVI в., слѣдуетъ поставить весьма любопытный памятникъ, который новѣйшіе ученые опредѣляютъ, какъ „Историческую энциклопедію". Это — лицевой лѣтописный сводъ, задуманный по чрезвычайно широкому плану. Н. П. Лихачевъ характеризуетъ его содержаніе слѣдующими словами: „Лѣтописи человѣчества отъ сотворенія міра, черезъ книгу Бытія и хронографы, черезъ возможно полный сводъ старыхъ русскихъ лѣтописей, должны были быть закончены подробнымъ изложеніемъ событій счастливаго царствованія государя царя и великаго князя Ивана Васильевича". Такъ широко задуманный сводъ долженъ былъ отличаться и выдающеюся внѣшностью, онъ былъ великолѣпно иллюстрированъ, и объ этой грандіозной внѣшности мы можемъ судить по дошедшимъ до насъ остаткамъ свода; они, по указанію А. Е. Прѣснякова, „содержатъ 9.700 съ лишнимъ листовъ и болѣе 16.000 иллюстрацій". Нѣкоторыя части этого свода были напечатаны отдѣльно: въ 1772 г. былъ изданъ кн. М. М. Щербатовымъ „Царственный Лѣтописецъ", въ XIX в. Археографическая комиссія издала въ „Полномъ собраніи русскихъ лѣтописей" въ т. IX—XI другіе отдѣлы „энциклопедіи", но въ цѣломъ составѣ она не издана, да, быть-можетъ, и не извѣстна намъ, такъ какъ очень рано была разбита, раздроблена. „Такая судьба роскошнаго изданія, вышедшаго изъ рукъ царскихъ мастеровъ,—говоритъ г. Прѣсняковъ,— была бы совсѣмъ непонятна, если бы оно изготовлено было въ XVII в. Для лицевого свода XVI в. естественно, что буря Смутнаго времени разнесла и растрепала его листы". Какъ бы то ни было, и въ томъ, что сохранилось до насъ, проявляется грандіозный замыселъ изложенія всемірной исторіи съ цѣлью возвеличенія Московскаго государства. Та же цѣль была и при составленіи другого обширнаго лѣтописнаго свода XVI в., называемаго Никоновскою лѣтописью, потому что онъ былъ положенъ митр. Никономъ въ Новоіерусалимскій монастырь.

Стоглавъ.

На ряду съ Домостроемъ, перепиской Грознаго съ Курбскимъ, „Исторіей" Курбскаго и другими, только что разсмотрѣнными произведеніями мы поставимъ замѣчательный памятникъ XVI столѣтія, также имѣющій характеръ свода. Это дѣянія собора 1551 г., такъ называемый Стоглавъ.

Въ 1551 году царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, руководимый наставленіями митрополита Макарія, созвалъ въ Москвѣ церковный соборъ, которому предложилъ рядъ вопросовъ о различныхъ „не-



Образцы письма и украшеній.

Изъ псалтыря съ возслѣдованіемъ. Рукопись XV в., хранится въ библіотекѣ Троице-Сергіевой лавры.

Вязь читается такъ: „Кондаки и икосы пресвятѣй пречистѣй преблагословеннѣй Владычицы нашей Богородицы Приснодѣвы Маріи, глаголются откровенною главою чести ради и величества и любве ея къ намъ“.

строеніяхъ", прося указать средства къ ихъ исправленію. Дѣянія этого собора, т.-е. вопросы царя съ отвѣтами, были раздѣлены на сто главъ, составившихъ довольно большую книгу, названную по числу главъ Стоглавомъ или Стоглавникомъ.

Среди ученыхъ долгое время было сомнѣніе въ подлинности этого памятника. Поводомъ для такого сомнѣнія служили, главнымъ образомъ, находящіяся въ Стоглавѣ раскольническія мнѣнія (о двуперстіи, сугубой аллилуія и др.). Въ 50-хъ годахъ историкъ церкви, митр. Макарій (тогда епископъ Винницкій), въ своей „Исторіи русскаго

Присяга.
(Изъ „Описанія путешествія" А. Олеарія).

раскола" призналъ подлинность Стоглава. Въ 60-хъ годахъ появилось первое его изданіе, сдѣланное сначала въ Лондонѣ въ 1860 году, по крайне неисправному списку, книгопродавцемъ Трюбнеромъ; затѣмъ онъ былъ изданъ въ 1862 г. редакціей журнала Казанской духовной академіи „Православный Собесѣдникъ", по списку XVII вѣка; въ 1863 г. книгопродавцемъ Кожанчиковымъ по краткому списку половины XVII вѣка, и, наконецъ, въ 1890 г. профессоромъ Московской духовной академіи, Н. И. Субботинымъ, по списку XVI в., съ варіантами по двумъ другимъ спискамъ также XVI вѣка и по казанскому изданію.

Книга можетъ быть раздѣлена на пять частей:

а) Прежде всего (гл. 1—4), излагается исторія созыва Стоглаваго собора и приводится рѣчь царя Ивана Васильевича, обращенная къ собору, въ которой онъ проситъ отцовъ собора потрудиться съ нимъ и позаботиться объ „утвержденіи“ древнихъ преданій христіанской истинной вѣры. „Прежніе обычаи,—говоритъ тутъ Грозный,—поисшатались, и въ самовластіи учинено по своимъ волямъ и прежніе законы порушены“.

б) Далѣе (гл. 5) слѣдуетъ 37 вопросовъ, предложенныхъ царемъ собору на разсмотрѣніе. Предлагая эти вопросы, царь просилъ соборъ подвергнуть ихъ строгому суду и исправить все, что слѣдуетъ. Эти вопросы царя касались преимущественно дѣлъ церковныхъ, религіи и нравственности. Особенно царь указывалъ на порчу общественныхъ нравовъ, на малограмотность духовенства и на уклоненія отъ древняго благочестія.

в) Затѣмъ (гл. 6—40) идутъ отвѣты собора. Въ нихъ соборъ, вмѣстѣ съ царемъ, обличаетъ распространенные пороки и заблужденія и указываетъ мѣры исправленія зла.

г) Глава 41-ая занята 32-мя дополнительными вопросами царя, а далѣе (гл. 42—97) идутъ отвѣты собора на эти вопросы.

д) Въ послѣднихъ, заключительныхъ главахъ (98—100) содержится, между прочимъ, постановленіе о „преданіи писанію“ всей дѣятельности собора.

Въ вопросахъ и отвѣтахъ Стоглава указывается на тѣ же недостатки русской жизни, которые уже отмѣчали раньше митрополитъ Даніилъ, Максимъ Грекъ и нѣкоторые другіе, а именно: искаженіе иконописи и богослужебныхъ книгъ, неисполненіе и неправильное пониманіе догматовъ и обрядовъ православной Церкви, различнаго рода остатки язычества, какъ-то: святочныя игры, гаданье, и т. п., а также недостатки лицъ духовныхъ: нерадѣніе къ паствѣ, малое и плохое знакомство съ св. писаніемъ и отрицательныя черты монашества. Отвѣты, которые даетъ Стоглавъ на вопросы Іоанна, не достигаютъ цѣли, которую имѣлъ въ виду Іоаннъ, ставя свои вопросы собору: говоря объ устраненіи того или иного недостатка, отцы собора не указываютъ никакихъ дѣйствительныхъ средствъ; такъ, напримѣръ, когда царь жалуется на отсутствіе школъ, соборъ отвѣчаетъ: „надо завести“, но не объясняетъ, какимъ образомъ это сдѣлать, и какое устройство дать будущимъ школамъ.

Для ознакомленія съ просвѣщеніемъ XVI вѣка особенно важны главы 25 и 26—„о ставленникахъ и попахъ“. Въ главѣ 25-ой говорится, что нѣтъ на Руси людей грамотныхъ, а въ священники ставятъ, кого придется: иные попы знаютъ только Псалтырь и Евангеліе, да и наизусть, другіе умѣютъ читать только по опредѣленной книгѣ, а третьи, и того хуже, дальше складовъ не двинулись; нечего и требовать отъ подобныхъ людей сознательнаго отношенія къ долгу. Когда же спрашиваютъ такихъ людей, почему они плохо грамоту разумѣютъ, они отвѣчаютъ, что научиться получше было не у кого:

учителями являлись или подобные имъ грамотеи, или ихъ отцы, учившіеся у такихъ же самоучекъ, а потому плохо разумѣвшіе грамоту. Въ слѣдующей, 26-ой главѣ указывается даже мѣра для искорененія этого зла; но, прекрасная въ теоріи, она была неосуществима на практикѣ. Соборъ предлагалъ учредить въ каждомъ городѣ при домахъ добрыхъ и свѣдущихъ священниковъ школы, въ которыхъ бы дѣтей обучали грамотѣ, пѣнію церковному и письму. Прекрасная идея, но какъ ее осуществить? Гдѣ взять добрыхъ и свѣдущихъ пастырей, да еще по всѣмъ городамъ?

Увеселенія женщинъ.
(Изъ „Описанія путешествія въ Москвѣ“ А. Олеарія).

Далѣе въ главѣ 23 говорится объ исправленіи книгъ. На вопросъ царя, какъ помочь горю, слѣдуетъ отвѣтъ, опять-таки очень мало дѣйствительный: „издавать съ добрыхъ переводовъ“. А гдѣ взять эти добрые переводы и какіе—этого не указывается.

Для свѣдѣній о бытовой и обрядовой жизни русскаго народа интересна глава 41-ая. Въ ней царь и соборъ возмущаются противъ остатковъ язычества, выражающихся въ свадебныхъ и различныхъ другихъ обрядахъ, сопровождающихъ жизнь русскаго человѣка, въ святочномъ гаданіи, въ нѣкоторыхъ праздникахъ съ играми, какъ Радуницѣ, Русаліяхъ о Іоанновѣ днѣ (игры наканунѣ Ивана Купалы) и пр. Приведемъ слова Стоглава: „Въ мірскихъ свадьбахъ играютъ

глумотворцы и органники, и смѣхотворцы и гусельники и бѣсовскія пѣсни поютъ; и какъ въ церкви вѣнчаться поѣдутъ, священникъ со крестомъ ѣдетъ, а передъ нимъ со всѣми тѣми играми бѣсовскими рыщутъ, а священницы имъ о томъ не возбраняютъ, и священникамъ о томъ достоитъ запрещати. Да въ нашемъ же православіи тяжутся, нѣцыи же не прямо тяжутся: и поклепавъ крестъ цѣлуютъ, или образа святыхъ, на полѣ біются (выходятъ на поединокъ) и кровь проливаютъ, и въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ поученій пособіе имъ творятъ: кудесы бьютъ и во Аристотелева врата и въ Рафли смотрятъ и по звѣздамъ, и по планитамъ глядаютъ, и смотрятъ дней и часовъ, и тѣми дьявольскими дѣйствы міръ прельщаютъ и отъ Бога отлучаютъ".

Стоглавъ старается вступить въ открытую борьбу съ этими остатками язычества. Но это уже не ново: борьба идетъ давно и на ея поприщѣ выдвинулись Серапіонъ Владимирскій, Ѳеодосій Печерскій („Поученіе о казняхъ Божіихъ"), Иларіонъ, митрополитъ кіевскій, и нѣкоторые другіе.

Слабыя стороны въ жизни духовенства, а равно и разныя нестроенія въ церковной жизни, вызвавшіе созваніе Стоглаваго собора, благопріятствовали распространенію ересей. Послѣ ереси жидовствующихъ появились двѣ ереси — Башкина и Ѳеодосія Косого.

Матвѣй Семеновичъ Башкинъ былъ сынъ боярскій, неизвѣстно откуда родомъ, по мнѣнію Н. И. Костомарова, „судя по фамиліи, татарскаго происхожденія", а по предположенію митр. Макарія—„человѣкъ, если не знатный, то богатый или достаточный".

Въ Великій постъ 1553 г. Башкинъ пришелъ на исповѣдь къ священнику московскаго Благовѣщенскаго собора, Симеону, и, по словамъ послѣдняго, высказалъ ему нѣкоторыя свои недоумѣнія по вопросамъ нравственности. „Бога ради, пользуй меня душевно,—говорилъ Башкинъ Симеону,—ибо надобно не только читать написанное въ евангельскихъ бесѣдахъ, но и выполнять на дѣлѣ; все начало отъ васъ, и потому вамъ, священникамъ, слѣдуетъ насъ учить; въ Евангеліи же сказано: научитеся отъ Меня, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ; иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть. Но какая нужда человѣку быть смирнымъ, кроткимъ и тихимъ? Это ваша обязанность: сперва исполняйте сами, а потомъ и учите".

Въ другой разъ Башкинъ пригласилъ Симеона къ себѣ и, цитируя апостольскій текстъ: „Весь законъ въ словеси скончевается: возлюбиши искренняго своего, яко самъ себѣ; аще себе грызете и снѣдаете, блюдите, да не другъ отъ друга снѣдени будете", говорилъ: „А мы Христовыхъ рабовъ у себя держимъ. Христосъ всѣхъ братіею нарицаетъ, а у насъ на иныхъ кабалы, на иныхъ бѣглыя, а на иныхъ нарядныя, а на иныхъ полныя, а я благодарю Бога моего, у меня что было кабалъ и полныхъ, то я все изодралъ, да держу своихъ людей добровольно: добро ему, и онъ живетъ; а не добро—и

онъ куда хочетъ. А вамъ, отцамъ, хорошо бы посѣщать насъ почаще и наставлять, какъ намъ жить, и какъ людей у себя держать, не изнуряя ихъ. Объ этомъ я видѣлъ въ правилахъ, и мнѣ это показалось хорошимъ".

Послѣ этого разговора Башкинъ показывалъ Симеону Апостолъ, „по мѣстомъ ивощенъ до трети", и предлагалъ ему другіе „недоумѣнные" вопросы, которые представились Симеону „развратными", такъ что онъ отказался отъ ихъ разрѣшенія. Тогда Башкинъ просилъ его посовѣтоваться съ знаменитымъ Сильвестромъ: „Онъ тебѣ скажетъ, и ты тѣмъ пользуй душу мою; а тебѣ я знаю, нѣкогда объ этомъ думать въ суетѣ мірской: ни въ день ни въ ночи покоя не знаешь".

Когда наступилъ Петровъ постъ, Симеонъ повѣдалъ Сильвестру о своемъ „необычномъ" духовномъ сынѣ, который, по всей вѣроятности, бесѣдовалъ о своихъ недоумѣніяхъ и съ другими лицами, вызывая ихъ смущеніе не совсѣмъ заурядным любопытствомъ по отношенію къ вопросамъ церковной нравственности: по крайней мѣрѣ, Сильвестръ уже зналъ о немъ и замѣтилъ Симеону: „Каковъ тотъ сынъ духовный будетъ, слово про него не добро носится", а затѣмъ пожелалъ узнать, что у него въ Апостолѣ воскомъ „мѣчено".

Когда царь, ходившій на богомолье въ Кирилловъ монастырь, возвратился въ Москву, Сильвестръ сказалъ ему о Башкинѣ и его недоумѣніяхъ, а Симеонъ „Апостолъ государю отнесъ". Кромѣ Сильвестра и Симеона, царю докладывалъ о Башкинѣ и протопопъ Андрей, а до Алексѣя Адашева дошли слухи, что у Башкина есть единомышленники, впадающіе въ еретичество, которое напоминало секту жидовствующихъ: „Испражняютъ владыку нашего Христа, непщуютъ Сына Божія быти и преславныя дѣйства таинства, и о Литургіи, и о причастіи, и о Церкви, и о всѣхъ православныхъ въ вѣрѣ христіанской". Не входя пока въ разсмотрѣніе дѣла, такъ какъ получено было извѣстіе о предполагаемомъ набѣгѣ крымцевъ, царь выѣхалъ въ Коломну, а Башкина велѣлъ арестовать, посадить у себя въ подклѣть и поручилъ его двумъ іосифскимъ старцамъ, Герасиму Ленкову и Филофею Полеву.

Башкинъ отрицалъ свое еретичество, но, находясь въ заключеніи, заболѣлъ, „богопустнымъ гнѣвомъ обличенъ бысть, бѣсу преданъ и языкъ извѣся, непотребная и нестройная глаголаше на многіе часы". Потомъ онъ „въ разумъ пріиде" и слышалъ будто бы голосъ: „Нынѣ ты исповѣдуешь меня Богородицею, а враговъ моихъ, своихъ единомышленниковъ, таишь". Это видѣніе побудило его къ сознанію сперва передъ духовникомъ, а затѣмъ передъ высшей духовной властью, по приказанію которой онъ „своею рукою исписа и свое еретичество и свои единомышленники о всемъ подлинно".

Башкинъ призналъ своими единомышленниками Григорія и Ивана Борисовыхъ и какихъ-то Игнатія и Ѳому, указалъ, что свое ученіе принялъ отъ аптекаря Матѳея, родомъ литвина, и отъ Андрея Хо-

тѣева—латынниковъ, и что заволжскіе старцы не только „не хулили его злобы“, но и утверждали въ ней. По извѣстію Курбскаго, вольномысліе Башкина шло не отъ латынниковъ, но отъ „люторскихъ ересей“, хотя это извѣстіе ничѣмъ не подтверждено. Бесѣды съ заволжскими старцами у Башкина бывали, но трудно рѣшительно утверждать, чтобы старцы поддерживали еретичество Башкина: вѣроятно, въ силу своей широкой вѣротерпимости, они не препятствовали Башкину толковать о религіи, искать разрѣшенія нравственныхъ вопросовъ, но противъ догматическихъ его заблужденій они и сами возставали, тѣмъ болѣе, что для нихъ и самое еретичество этой „горячей головы“, какъ называетъ Башкина новѣйшій изслѣдователь, г. Калугинъ, представлялось скорѣе ребячествомъ.

Такъ можно заключить изъ дѣла о бывшемъ троицкомъ игуменѣ Артеміи. Кирилловскій игуменъ Симеонъ писалъ царю: когда онъ объявилъ Артемію, что Башкинъ уличенъ въ ереси, то Артемій отвѣчалъ на это: „Не знаю, что за ересь такая! Сожгли Курицына да Рукаваго, и теперь не знаютъ, за что ихъ сожгли“. Артемій сказалъ на это на соборѣ: „Не помню, такъ ли я про новгородскихъ еретиковъ говорилъ, я новгородскихъ еретиковъ не помню, и самъ не знаю, за что ихъ сожгли и кто ихъ судилъ, то я говорилъ это про себя, не зналъ я: они того не знаютъ“. Митрополитъ, обратившись на соборѣ къ Артемію, говорилъ ему: „Матвѣй Башкинъ ереси проповѣдывалъ, Сына Единороднаго отъ Отца раздѣлилъ, называлъ Сына неравнымъ Отцу, говорилъ: сдѣлаю грубость Сыну, и въ страшное пришествіе Отецъ можетъ избавить меня отъ муки, а сдѣлаю грубость Отцу, то Сынъ не избавитъ; молился Матвѣй одному Богу Отцу, а Сына и Св. Духа оставилъ; теперь Матвѣй во всемъ этомъ кается, дѣла всѣ свои на соборѣ обнажилъ“. Артемій отвѣчалъ митрополиту: „Это Матвѣй по ребячески поступалъ, и самъ не знаетъ, что дѣлалъ своимъ самосмышленіемъ: въ Писаніи этого не обрѣтается и въ ересяхъ не написано“. Митрополитъ говорилъ: „Прежніе еретики не каялися,—и святители ихъ проклинали, а цари ихъ осуждали, и заточали, и казнямъ предавали“. Артемій отвѣчалъ: „За мною посылали еретиковъ судить, и мнѣ такъ не судить, что казни ихъ предать, да теперь еретиковъ нѣтъ и никто не споритъ“. Митрополитъ говорилъ ему: „Написалъ Матвѣй молитву къ Единому Началу, Бога Отца одного написалъ, а Сына и Св. Духа оставилъ“. Артемій отвѣчалъ: „Что ему досталось еще время, вѣдь есть молитва готовая Манасіина къ Вседержителю“. Митрополитъ сказалъ на это: „То было у Христова пришествія, а кто теперь тамъ напишетъ къ Единому Началу, тотъ еретикъ“. Артемій отвѣчалъ: „Манасіина молитва въ большомъ ефимонѣ написана, и говорятъ ее“.

Изъ приведеннаго разговора ясно видно, что „либеральничанье“ (какъ выражается митрополитъ Макарій) Артемія, а съ нимъ и другихъ заволжскихъ старцевъ, было только въ снисходительномъ взглядѣ ихъ на „ребяческое самосмышленіе“ Башкина и въ болѣе

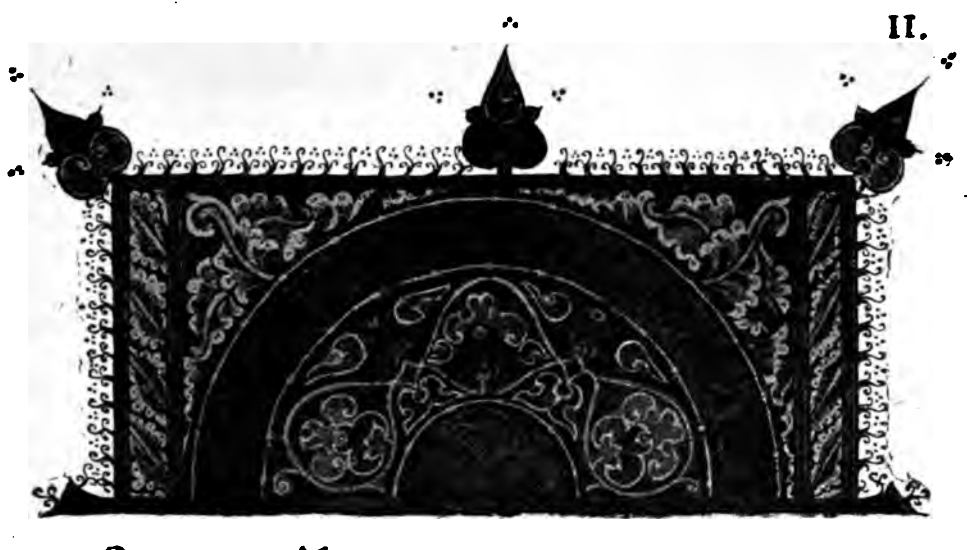
свободномъ отношеніи къ буквѣ „божественнаго писанія“, чѣмъ это было обычно въ средѣ тогдашняго преимущественно осифлянскаго духовенства. Башкинъ представлялся, вѣроятно, Артемію и старцамъ, а можетъ-быть, дѣйствительно былъ только человѣкомъ, ищущимъ правильнаго пониманія нравственныхъ христіанскихъ наставленій, а вмѣстѣ и догматики, но не утверждающимъ завѣдомо еретическое ученіе. Однако на соборѣ, открывшемся въ октябрѣ того же 1553 года, собранномъ послѣ того, какъ „многими глаголы вниде въ слухи“ царя о злыхъ ученіяхъ Башкина, еретичество его и его единомышленниковъ было формулировано такъ: 1) не признаютъ Іисуса Христа равнымъ Богу Отцу, а нѣкоторые и другихъ поучаютъ на это нечестіе; 2) Тѣло и Кровь Христову считаютъ простымъ хлѣбомъ и виномъ; 3) святую, соборную и апостольскую Церковь отрицаютъ, говоря, что собраніе вѣрныхъ—только Церковь, а эти созданныя—ничто; 4) изображенія Христа, Богоматери и всѣхъ святыхъ называли идолами; 5) покаяніе ни во что полагаютъ, говоря: какъ перестанетъ грѣшить, такъ и нѣтъ ему грѣха, хотя и у священника не покается; 6) отеческія преданія и житія святыхъ баснословіемъ называютъ; на семь вселенскихъ соборовъ гордость возлагаютъ, говоря: все это они для себя писали, чтобы имъ всѣмъ владѣть, и царскимъ и святительскимъ: однимъ словомъ, все св. писаніе баснословіемъ называютъ, Апостолъ и Евангеліе неправильно излагаютъ.

За неимѣніемъ подлинныхъ показаній Башкина нѣтъ никакой возможности судить, насколько правильна эта формулировка его взглядовъ, но все-таки можно съ большой вѣроятностью предполагать, что въ этомъ изложеніи, сдѣланномъ обличителями Башкина, есть значительная доля преувеличеній и казуистическихъ толкованій, которымъ подвергались слова увлекавшагося вольнодумца. За свое еретичество Башкинъ былъ осужденъ соборомъ къ ссылкѣ въ Волоколамскій монастырь.

Что касается троицкаго игумена Артемія, то его дальнѣйшая дѣятельность ярко обнаруживаетъ, насколько неосновательно было выставленное противъ него подозрѣніе въ еретичествѣ: онъ удалился въ Литву и здѣсь вмѣстѣ съ кн. Курбскимъ выступилъ какъ ревностный защитникъ православія противъ лютеранства, социніанства и всякихъ раціоналистическихъ нападокъ. „Отношеніе Артемія къ тогдашнимъ теченіямъ умственной жизни русскаго общества,—говоритъ новѣйшій изслѣдователь его сочиненій г. Вилинскій,—можетъ быть въ немногихъ словахъ выражено слѣдующимъ образомъ: отправная точка его развитія—вліяніе раціоналистическаго направленія, своего рода свободомысліе, приведшее его къ исканію истины; въ этомъ исканіи Артемій встрѣчаетъ ученіе мистиковъ, воспринимаетъ его и понемногу освобождается отъ вліянія раціоналистическаго ученія; наши данныя застаютъ Артемія въ тотъ періодъ его духовнаго развитія, когда это освобожденіе почти уже завершилось, и отъ прежняго остались лишь слабые слѣды. Ученіе заволжскихъ

старцевъ окончательно опредѣлило воззрѣнія Артемія и проявилось въ его посланіяхъ. Полемическая дѣятельность, гдѣ Артемію пришлось отстаивать догматы и обрядность православія, внѣшнимъ образомъ сближаетъ его съ сторонниками консервативнаго направленія, но это сближеніе только внѣшнее, ибо Артемій вовсе не былъ защитникомъ старины и даже въ защитѣ имъ обрядности виденъ заволжскій старецъ. Соотвѣтственнымъ образомъ опредѣлится и значеніе посланій Артемія въ литературѣ московской Руси: посланія эти являются памятникомъ, характеризующимъ одно изъ культурныхъ направленій XVI вѣка—заволжскую доктрину въ ея примѣненіи къ литературной борьбѣ противъ проникновенія шедшихъ съ запада теченій: въ этой роли заволжская доктрина превращается, въ пользованіи ея сторонника, въ основаніе для защиты православія, но отнюдь не всей старины; она создаетъ для автора посланій опредѣленное религіозное настроеніе, съ точки зрѣнія котораго онъ ведетъ свою полемику, являясь, повидимому, вовсе не противникомъ общаго обновленія жизни, лишь бы послѣднее не противорѣчило тѣмъ религіознымъ убѣжденіямъ, которыя представляются правильными его сознанію. Полемика ведется въ Литвѣ, и новыя теченія, очевидно, идутъ чрезъ Литву; обнаруживая это, посланія Артемія подтверждаютъ новый путь проникновенія западнаго вліянія, который открылся послѣ прекращенія сношеній Новгорода съ Западной Европой. Въ ряду другихъ данныхъ, посланія указываютъ лишь на шедшее чрезъ Литву религіозное движеніе; но если вспомнить значеніе религіи въ жизни древне-русскаго человѣка, то будетъ ясно, что движеніе въ области религіи подготовляло почву для перемѣнъ въ быту общественномъ и частномъ и шло объ руку съ послѣднимъ". Полемизируя противъ раціоналистовъ въ вопросахъ религіи, Артемій долженъ былъ итти своимъ путемъ, такъ какъ у него не было предшественниковъ, и тотъ же изслѣдователь справедливо замѣчаетъ, что „при недостаткѣ полемическихъ сочиненій, посланія Артемія опредѣляютъ собою содержаніе и направленіе тогдашней южно-русской противолютеранской полемики, если не считать еще посланій Курбскаго, который также полемизировалъ противъ лютеранъ... Полемическія произведенія Артемія пользовались успѣхомъ у современниковъ и цѣнились ими: цѣнность же ихъ возвышалась тѣмъ болѣе, что у Артемія въ юго-западной литературѣ предшественниковъ не было, а потому аргументы и пріемы полемики приходилось еще создавать ему самому".

Подъ вліяніемъ бесѣдъ съ Артеміемъ, религіозное вольнодумство проявилось и у другого москвича, у Ѳеодосія Косого, о которомъ мы узнаемъ, главнымъ образомъ, изъ обширнаго полемическаго трактата, написаннаго противъ него Зиновіемъ, инокомъ Отенскимъ, и какъ относительно Башкина трудно положительно утверждать, чтобы всѣ обвиненія его въ еретичествѣ были правильны, такъ и относительно Косого мы не имѣемъ вполнѣ прочныхъ данныхъ для ха-



Мѣсяца марта въ а҃ день житие святыя
Евдокии. Благослови отче.

Образцы письма: скоропись XVI вѣка.

рактеристики его еретическихъ заблужденій. Быть-можетъ, и у него было исканіе религіозной истины, отвлекавшее отъ традиціонной догмы и понятое противниками, какъ настоящее еретичество, и основываясь исключительно на показаніяхъ противниковъ, о взглядахъ Косого такъ же трудно судить, какъ и о взглядахъ Башкина. „Несомнѣнно,—говоритъ г. Вилинскій, — у Ѳеодосія Косого, какъ и у другихъ русскихъ религіозныхъ вольнодумцевъ XVI вѣка, было стремленіе отрѣшиться отъ традиціонныхъ воззрѣній, но несомнѣнно также и то, что положительная сторона его ученія была довольно слаба и туманна. Даже въ Литвѣ онъ являетъ свои мнѣнія болѣе отрицательной ихъ стороной, чѣмъ положительной; тѣмъ больше есть основаній предполагать это для Москвы, гдѣ уже самый протестъ и отрицаніе давали нѣкотораго рода нравственное удовлетвореніе вольнодумцу". Можно думать, что положительная сторона ученія Косого выработалась уже въ Литвѣ, гдѣ онъ познакомился съ лютеранствомъ и антитринитаріанствомъ; но въ его отрицаніи, въ его нападкахъ на духовенство слышатся отголоски мнѣній, которыя могли существовать и въ Москвѣ.

Противъ Косого, какъ сейчасъ сказано, вооружился инокъ Зиновій, написавшій въ обличеніе его мнѣній два обширныхъ сочиненія. „Посланіе многословное" и „Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи". Особенно любопытно послѣднее изъ этихъ сочиненій. Оно написано въ формѣ бесѣдъ Зиновія съ послѣдователями Косого, крылошанами Спасова Хутынскаго монастыря, монахами Герасимомъ и Аѳанасіемъ и міряниномъ Ѳедоромъ-иконописцемъ. Состоитъ оно изъ 56 главъ или десяти пришествій крылошанъ. Примыкая въ своей аргументаціи во многомъ къ „Просвѣтителю" Іосифа Волоцкаго, Зиновій раздѣляетъ съ этимъ своимъ образцомъ и его религіозную нетерпимость. Однако въ его изложеніи есть и нѣкоторыя новыя черты: онъ выходитъ за предѣлы „божественнаго писанія" и пытается иногда основываться на разумѣ. Изслѣдователь его трудовъ, г. Калугинъ, видитъ въ этой особенности Зиновія нѣчто весьма цѣнное, „великое завоеваніе въ области мысли", полагая, что „такая широта мышленія, такой обобщающій синтезъ показываютъ въ авторѣ личность высоко-даровитую, съ недюжинными способностями, достаточно развитыми образованіемъ чрезъ чтеніе тогдашней литературы богословской и естественно-научной". Въ этомъ отзывѣ мы не можемъ не отмѣтить достаточной доли преувеличенія: „знакомство съ естественно-научной литературой" у Зиновія не переходило за предѣлы того круга, который опредѣлялся Шестодневомъ, Физіологомъ, Козьмой Индикопловомъ и т. п. сочиненіями; а доказательства отъ разума были довольно-таки примитивными, въ родѣ хотя бы такого аргумента: ученіе Косого ложно уже потому, что онъ называется косымъ, косое не можетъ быть прямымъ, а не прямое не можетъ быть истиннымъ: развращеніе его очей есть признакъ развращенности ума и души. Столь же примитивно указаніе на то, что

Косому, какъ бѣглому рабу, нельзя довѣрять, потому что гражданскіе законы отвергаютъ свидѣтельство рабовъ. Ничего особенно оригинальнаго нѣтъ и въ томъ доводѣ, что ученіе Косого ложно потому, что оно ново, такъ какъ апостолъ Павелъ проклялъ всякое новое ученіе. Что касается „Многословнаго посланія“, то вѣроятнѣе его принадлежность Артемію.

Библіографія.

Домострой по списку Общ. истор. и древн. россійскихъ. М. 1882. Изданіе, приготовленное А. Н. Поповымъ, съ предисловіемъ И. Е. Забѣлина.

Архим. Леонидъ. Благовѣщенскій іерей Сильвестръ. М. 1874.

И. Н. Ждановъ. Сочиненія, т. I. СПБ. 1905.

Некрасовъ. Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго Домостроя. М. 1873.

Михайловъ. Къ вопросу о редакціяхъ Домостроя. „Ж. М. Н. Пр.“ 1889, II и III.

Его же. Еще къ вопросу о Домостроѣ. „Ж. М. Н. Пр.“ 1890, VIII.

Устряловъ. Сказаніе князя Курбскаго. СПБ. 1833.

Горскій. Жизнь и истор. значеніе кн. А. М. Курбскаго. Казань. 1854.

М. П-скій. Князь А. М. Курбскій. Казань. 1873.

А. Н. Ясинскій. Сочиненія кн. Курбскаго, какъ историческій матеріалъ Кіевъ. 1889.

Заусцинскій. Макарій, митрополитъ всея Россіи. „Ж. М. Н. Пр.“ 1881, №№ 10 и 11.

Великія Четьи-Минеи, изд. Имп. Археогр. Комиссіи, СПБ. 1869 (пока вышло 6 томовъ).

Ундольскій. Оглавленіе Четьихъ - Миней митр. Макарія, составленное справщикомъ, монахомъ Евфиміемъ. „Чт. Общ. Ист. и Древн.“ 1847, кн. II.

Архим. Іосифъ. Подробное оглавленіе великихъ Четьихъ-Миней. М. 1892.

Васильевъ. Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ. М. 1893.

Голубинскій. Исторія канонизаціи святыхъ въ русской Церкви. Сергіевъ Посадъ. 1894.

Лебедевъ. Стоглавый соборъ 1551 г. М. 1882.

Васенко. Степенная книга царскаго родословія. СПБ. 1904.

Щепкинъ. Два лицевыхъ сборника Моск. Истор. Музея, въ „Археолог. Изв. и Замѣткахъ“ Моск. Археолог. Общ. 1897, № 4.

Его же. Лицевой сборникъ Имп. Рос. Ист. Музея. „Изв. Отд. рус. яз. и слов. И. Ак. Наукъ“ 1899, т. IV.

Прѣсняковъ. Московская историческая энциклопедія XVI вѣка. „Изв. Отд. рус. яз. и слов.“ 1900, т. V.

Шахматовъ. Рецензія на книгу Н. П. Лихачева. Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ. СПБ. 1899. Въ „Изв. Отд. рус. яз. и слов.“ 1900, т. IV.

Костомаровъ. Русская ист. въ жизнеописаніяхъ, т. I.

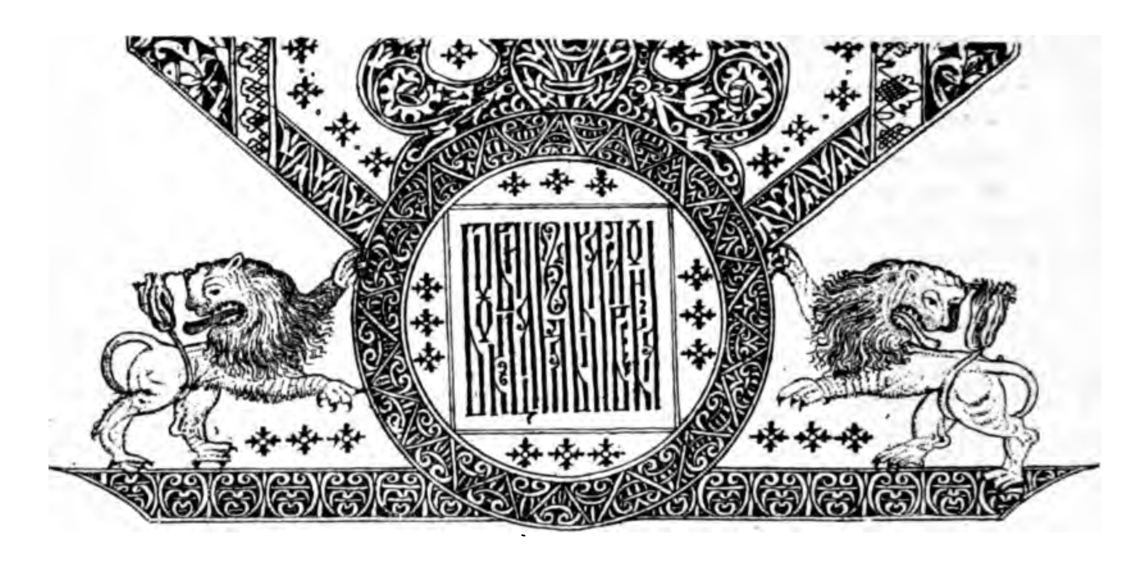
Бороздинъ. Русское религіозное разномысліе. СПБ. 1907.

Зиновій. Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи. Казань. 1863.

Его же. Посланіе многословное. М. 1880.

Калугинъ. Зиновій, инокъ Отенскій, и его богословско-полемическія и церковно-учительныя произведенія. Казань. 1894.

Вилинскій. Посланія старца Артемія. Одесса. 1906.



ГЛАВА XI.

Юго-западная литература.

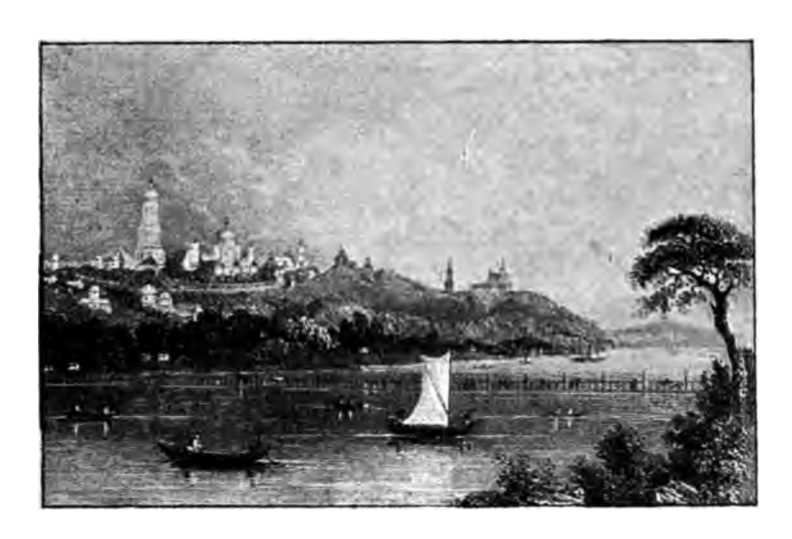
Теперь обратимся къ литературѣ другой половины русской земли — юго-западной, кіевской Руси, которая живетъ особой жизнью и своими особыми интересами. Общеніе между сѣверной Русью и юго-западной прерывается со времени монгольскаго ига. Съ этого времени и тамъ и здѣсь являются два независимыхъ направленія. Въ политическомъ и въ церковномъ отношеніяхъ кіевская Русь живетъ отдѣльною жизнью отъ сѣвера. Объединительная политика московскаго князя не простирается на юго-западную сторону; съ другой стороны, является независимая отъ московскаго іерарха Кіевская митрополія.

Мы не знаемъ, какъ развивались наука и литература на юго-западѣ Руси. Было предположеніе, что нашествіе татаръ положило конецъ всякой культурѣ и гражданской жизни въ этомъ углу Россіи. Но проф. Антоновичъ и Дашкевичъ доказали неосновательность подобнаго предположенія; наоборотъ, они установили тотъ фактъ, что въ XIII столѣтіи и далѣе культура на юго-западѣ продолжала существовать, чѣмъ только и можно объяснить возрожденіе и развитіе ея въ XV и XVI стол.

Къ концу XVI стол. въ юго-западной Руси замѣчается особенно сильное умственное движеніе, толчкомъ для котораго послужили внѣшнія событія. Польское правительство сознаетъ необходимость болѣе прочнаго сліянія этого края съ Польшей, и однимъ изъ

средствъ для осуществленія этого признается объединеніе западно-руссовъ съ поляками на религіозной почвѣ черезъ введеніе уніи (Брестской въ 1596 г.). Условія уніи извѣстны (православнымъ оставлены были ихъ обряды, зато они должны были признать церковное главенство папы и принять въ символъ вѣры filoque). Эта церковная унія нашла поддержку въ стремленіи высшаго кіевскаго духовенства, дѣйствовавшаго заодно съ дворянствомъ, къ независимости отъ власти московскаго патріарха и явилась вмѣстѣ съ тѣмъ причиной раздѣленія высшаго духовенства и дворянства съ народомъ.

Вслѣдъ за уніей является, однако, и противодѣйствіе ей, которое идетъ со стороны городовъ, другой части духовенства (неуніат-



Кіево-Печерская лавра.

скаго) и отдѣльныхъ знатныхъ лицъ, напр., князей Курбскаго, Острожскаго, Оболенскаго и др. Но наибольшую силу въ борьбѣ за православіе проявляютъ западно-русскія церковныя братства. Все это движеніе чрезвычайно разнообразно и даетъ сильныя побужденія къ развитію литературы.

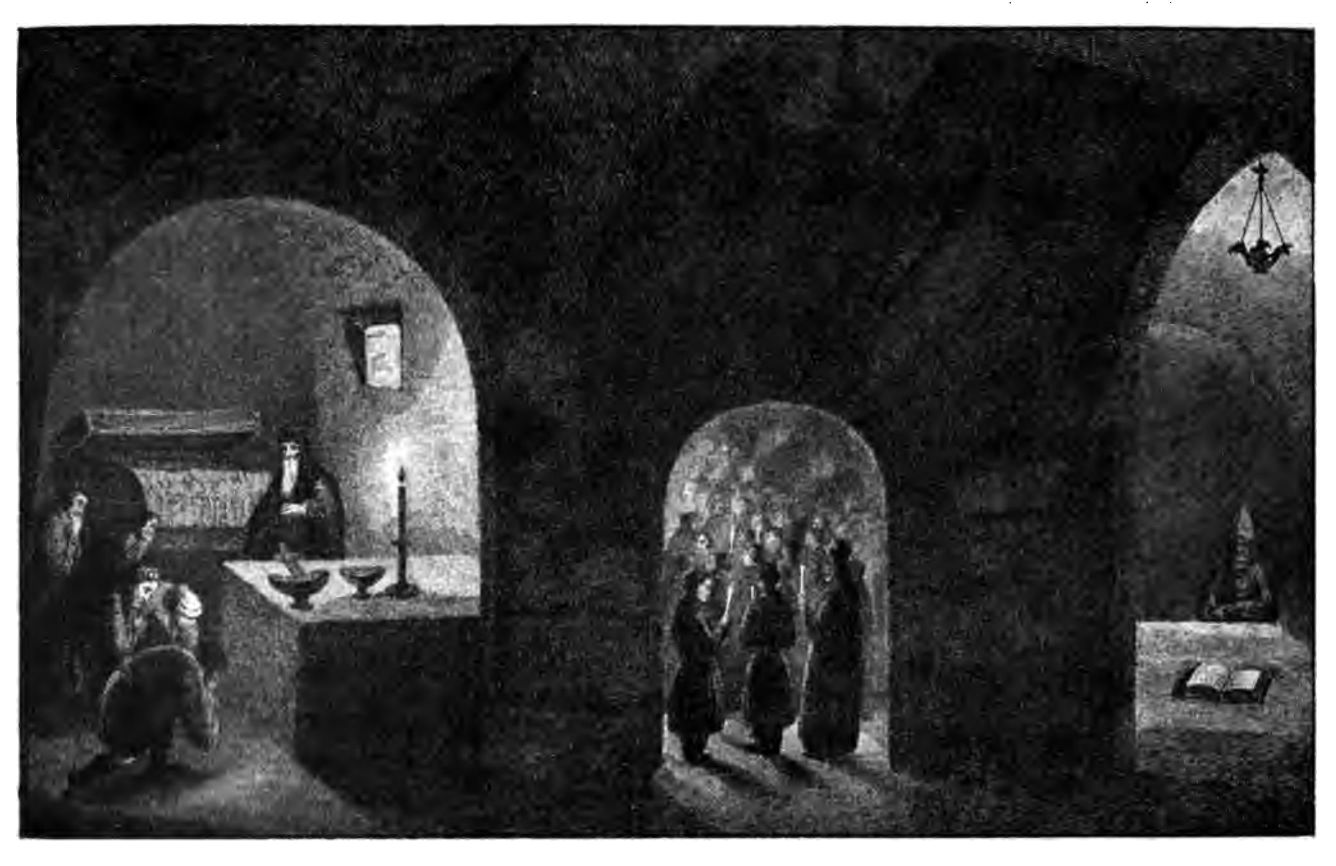
Такъ какъ главнымъ орудіемъ пропагандистовъ католицизма, іезуитовъ, была школа, воспитывавшая юношество въ извѣстномъ направленіи, подготовлявшая проповѣдниковъ и защитниковъ латинскаго ученія, то приходилось и православнымъ обратиться къ этому же оружію, создать свою школу, которая, владѣя всѣми научными пособіями противнаго лагеря, могла бы выставить достаточно сильныхъ борцовъ за православіе. Такія школы создаются братствами, а иногда и частными лицами, по образцу іезуитскихъ коллегіумовъ. Наиболѣе замѣчательною изъ нихъ была Кіевская, основанная Богоявленскимъ братствомъ, а послѣ ея преобразованія митрополитомъ

Петромъ Могилою, получившая названіе Кіево-Могилянскаго коллегіума, ставшая центромъ всего южно-русскаго просвѣщенія. Школу составляли 8 классовъ: фара или аналогія, инфима, грамматика, синтаксима, поэзія, риторика, философія и богословіе; учащіеся въ первыхъ шести классахъ назывались учениками, а въ двухъ послѣднихъ—студентами. Преподаваніе велось по строго схоластической системѣ. Во главѣ наукъ поставлено было богословіе, интересамъ котораго должны были служить всѣ знанія, сообщаемыя школой. Особенное вниманіе обращалось на діалектику и риторику, какъ на практическія орудія борьбы за вѣру. Для развитія діалектики устраивались примѣрные диспуты, темой для которыхъ избирались спорные вопросы, допускавшіе возможность противоположныхъ мнѣній. Подобные диспуты, въ которыхъ состязающіеся спорили безъ искренняго внутренняго убѣжденія, которые являлись лишь средствомъ проявить остроуміе, находчивость въ защитѣ иногда и ложнаго положенія, не вырабатывали въ учащихся твердыхъ, опредѣленныхъ воззрѣній, не давали имъ яснаго міросозерцанія, и вслѣдствіе этого возможна была крайняя перемѣнчивость убѣжденій. Кромѣ діалектики, въ западно-русскихъ школахъ большое вниманіе обращалось на риторику, какъ средство подготовить столь же искусныхъ проповѣдниковъ, какими были главные противники православія—іезуиты. Риторика изучалась по сочиненіямъ Цицерона и Квинтиліана, но очень скоро появились и оригинальныя руководства по этому предмету. Съ тою же цѣлью развитія словеснаго искусства проходилась и піитика, т.-е. теорія поэзіи, и ученики упражнялись въ сочиненіи разнаго рода замысловатыхъ стихотвореній, въ которыхъ строчки располагались такъ, что получались фигуры яйца, бокала и т. п.

Изъ оригинальныхъ руководствъ по риторикѣ самое любопытное принадлежитъ извѣстному проповѣднику Іоанникію Голятовскому. Эта книга озаглавлена: „Наука альбо способъ сложенія казаній“, т.-е. проповѣдей.

По теоріи Голятовскаго, проповѣдь должна состоять изъ четырехъ частей: приступа или экзордіума, предложенія или пропозиціи, изложенія или нарраціи и заключенія или конклюзіи. Первая часть должна возбудить любопытство слушателей, для чего можно намекнуть на какое-нибудь чудо, о которомъ будетъ разсказано въ нарраціи. Во второй части заключается краткое указаніе темы, которая развивается и обставляется доказательствами въ третьей части. При расположеніи матеріала въ проповѣди Голятовскій совѣтуетъ руководствоваться слѣдующими вопросами, которые называются топиками: кто чинилъ (дѣлалъ)? что чинилъ? въ какомъ мѣстѣ? съ кѣмъ? какъ? когда?

Изъ отвѣтовъ на эти вопросы создается легко проповѣдь; такъ, напримѣръ, по этимъ вопросамъ можно развить слѣдующее простое предложеніе: Іисусъ Христосъ былъ распятъ. Кто—Царь царей, король королей; распятъ, страдалъ, гдѣ? въ градѣ великомъ Іерусалимѣ;



Кіево-Печерскія пещеры.

кѣмъ? жидами (характеристика ихъ и описаніе Іерусалима). Когда же даны отвѣты на всѣ вопросы, то проповѣдникъ приступаетъ къ четвертой части — заключенію. Въ ней дѣлается обобщеніе всего сказаннаго раньше, а кромѣ того, въ эту часть проповѣди Голятовскій рекомендуетъ вводить такіе эпизоды, которые бы привлекли слушателей въ слѣдующій разъ; надо, напримѣръ, оканчивая слово, обѣщать въ слѣдующій разъ какую-нибудь новость или необычайное диво: напримѣръ, сказавъ, что будутъ раздаваться одежды брачныя, въ слѣдующій разъ начать проповѣдь текстомъ изъ Евангелія: „Друже, како вшелъ еси, не имый одѣянія брачна“, и объяснить, что исполняя обѣщаніе, проповѣдникъ поучаетъ изъ слова Божія, т.-е. раздаетъ брачныя одежды, безъ которыхъ никто не можетъ войти на бракъ небесный. Или же, если проповѣдникъ говоритъ въ Цвѣтную недѣлю и собирается проповѣдывать и въ Страстную, то можетъ сказать, что на будущей недѣлѣ предстоитъ страшный судъ, и сойти съ каѳедры; когда же наступитъ Страстная недѣля, начать проповѣдь такъ: „Православные христіане! въ прошлый разъ я сказалъ, что на этой недѣлѣ будетъ страшный судъ, а вотъ теперь и есть страшный судъ, потому что Пилатъ Понтійскій и жиды судятъ и приговариваютъ на смерть Христа Спасителя нашего“. Голятовскій указываетъ источники, изъ которыхъ надо черпать матеріалъ для проповѣдей. На первомъ мѣстѣ стоитъ, конечно, св. писаніе, потомъ творенія святыхъ отцовъ Церкви, но можно заимствовать также и изъ книгъ свѣтскаго содержанія, каковы, напримѣръ, исторіи, хроники о разныхъ царствахъ и странахъ, а также изъ книгъ о звѣряхъ, птицахъ и гадахъ, рыбахъ, деревьяхъ, камняхъ и т. п. Самому Голятовскому, напримѣръ, пригодилась книга о камняхъ при составленіи „Слова на Срѣтеніе“. Въ этомъ словѣ Голятовскій называетъ Іисуса Христа камнемъ многоцвѣтнымъ, примѣняетъ къ нему различныя названія драгоцѣнныхъ камней: карбункула, ясписа, шифера, хризолита, агата, аметиста, смарагда, топаза, магнита и т. п., и затѣмъ сравниваетъ свойства Христа съ этими камнями, въ чемъ и состоитъ почти все Слово.

Слово на Успеніе Богородицы онъ начинаетъ текстомъ: „Предста Царица одесную Тебѣ, въ ризы позлащены одѣяна“... а такъ какъ говорится, что Богоматерь соткала себѣ ризу изъ нитокъ льняной, шерстяной, шелковой и золотой, то проповѣдникъ поясняетъ, что нитки эти означаютъ разныя добродѣтели Богоматери: нитка льняная означаетъ терпѣніе, шерстяная — чистоту и невинность, шелковая — смиреніе и покорность, золотая — мудрость. Во второй части своей „Науки альбо способа о сложеніи казаній“ Голятовскій наставляетъ, какъ проповѣднику пользоваться его словами и поученіями для составленія новыхъ поученій. Иногда бываетъ возможно имя одного святого замѣнить именемъ другого, но можно дѣлать и болѣе существенныя перемѣны; напримѣръ, если въ одномъ поученіи къ Іисусу Христу примѣняются названія дорогихъ камней,

Изъ житія Николая Чудотворца.

Рукопись XVI вѣка, хранится въ Румянцевскомъ Музеѣ.

Изд. Т-ва И. Д. Сытина.

въ другомъ—изъ этихъ самыхъ камней можно сдѣлать архіерейскую корону святителю Николаю, а нитки, изъ которыхъ Богородица соткала себѣ одежду, можно употребить на приготовленіе ризы св. Онуфрію. Наконецъ Голятовскій учитъ, какъ изъ цѣлаго слова сдѣлать одну часть для другого слова и, наоборотъ, изъ одной части сдѣлать цѣлое слово. Отсюда видно, что составленіе проповѣдей было дѣломъ чисто-механическимъ, въ которомъ на первомъ планѣ стоитъ соблюденіе формы и установленныхъ пріемовъ. О внутреннихъ же качествахъ проповѣди Голятовскій почти ничего не говоритъ. Въ этомъ отношеніи онъ дѣлаетъ проповѣдникамъ только одно замѣчаніе: не доводить своихъ слушателей до отчаянія. Напримѣръ: „Можно смутить и устрашить, сказавши, что дѣлающіе зло не достигнутъ неба, но потомъ нужно утѣшить и подать надежду на спасеніе, если покаются и перестанутъ дѣлать зло".

По этому образцу составлялись всѣ западно-русскія проповѣди, какъ самого Іоанникія Голятовскаго, такъ и его современниковъ, изъ которыхъ наиболѣе выдающимися были Лазарь Барановичъ и Антоній Радивиловскій. Счастливое исключеніе представлялъ одинъ Іоаннъ Вышенскій. Въ его проповѣдяхъ не было ничего схоластическаго, искусственнаго, натянутаго. Онъ говорилъ живымъ, взятымъ прямо изъ народной рѣчи языкомъ, его стиль богатъ оригинальными выраженіями, характеризующими современную дѣйствительность. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ его посланія, написаннаго по поводу нападокъ на монашескую жизнь: „Подвигъ и борьба есть жизнь тоя (т.-е. монашеская), которой ты не знаешь; еще или на войну не выбрался, еще еси доматуръ, еще еси кровоѣдъ, мясоѣдъ, волоѣдъ, скотоѣдъ, звѣроѣдъ, свиноѣдъ, куроѣдъ, птахоѣдъ, сытоѣдъ, сластоѣдъ, маслоѣдъ, пирогоѣдъ; еще еси периноспалъ, мягкоспалъ, подушкоспалъ; еще еси перцолюбецъ и другихъ бредень горько и сладколюбецъ; еще еси конфектолюбецъ, еще еси гортанолюбецъ; еще еси дѣтина; еще еси младенецъ".

Литература Смутнаго времени.

Въ XVI и въ началѣ XVII в. только что охарактеризованная западно-русская образованность развивается совершенно отдѣльно отъ той духовной жизни, которую можно было наблюдать въ Москвѣ, и лишь къ концу первой половины XVII в. замѣчается переходъ западно-русскаго ученья и литературы въ Москву. Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ послѣднемъ фактѣ, слѣдуетъ остановиться на нѣкоторыхъ явленіяхъ московской литературы начала XVII в., такъ называемаго Смутнаго времени, когда было прервано мирное развитіе того историческаго процесса, который привелъ къ сложенію Московскаго царства. Общественно-политическое броженіе не могло не отразиться въ литературѣ и породило своеобразную публицистику, съ одной стороны, закрѣплявшую изстаринныя традиціи, а съ другой—

пролагавшую путь для новыхъ умственныхъ теченій. „Событія, взволновавшія народную жизнь, грозившія не только цѣлости, но самому существованію государства, не могли,—говоритъ А. Н. Пыпинъ,—не вызвать историческихъ записей, воспоминаній, попытокъ объяснить происхожденіе смуты и весь ходъ необычайныхъ переворотовъ. Дѣйствительно, Смутное время произвело довольно обширную литературу историческихъ сказаній; въ нихъ отразились разныя политическія тенденціи; но между ними историкъ не найдетъ произведенія, которое удовлетворило бы его полнотою разсказа или, по крайней мѣрѣ, цѣльностью историческаго взгляда; для историка литературы представится здѣсь только повтореніе тѣхъ же писательскихъ пріемовъ, какіе отличаютъ предыдущую эпоху. Въ старое время извѣстна была только лѣтопись, которая подъ конецъ стала почти исключительно офиціальнымъ изложеніемъ событій; не было мѣста ни для критики событій ни для разсказа, близкаго къ жизни, передающаго настоящіе факты. Письменность, нѣкогда старательно изгонявшая изъ книги простую дѣйствительность народнаго быта, кончала тѣмъ, что старинный писатель отвыкъ говорить иначе, какъ въ томъ условномъ стилѣ, къ которому пріучала книга; а послѣдніе два вѣка въ особенности привили ему ту риторическую манеру, подъ которой факты пріобрѣтали странное, натянутое и, наконецъ, фальшивое освѣщеніе. Лишь изрѣдка, когда являлась необходимость прямо назвать реальные вопросы, писатель находилъ оригинальный и образный языкъ, взятый прямо изъ народной рѣчи; если же онъ хотѣлъ говорить о болѣе высокихъ предметахъ, касался понятій нравственныхъ, хотѣлъ поучать и т. п., онъ тотчасъ впадалъ въ обычный тонъ учительныхъ книгъ, считалъ долгомъ говорить мудреными книжными словами и, какъ увидимъ этому примѣры, запутывался въ добрословіи до совершенной невразумительности. Это было весьма понятно: сказывалось вѣковое отсутствіе школы; не было логическаго воспитанія мысли, не было самостоятельно пріобрѣтаемаго знанія; размѣры историческаго соображенія ограничивались наличнымъ составомъ письменности; книжное образованіе сводилось къ механическому навыку начетчика, гдѣ глубокомысліемъ могъ казаться высокопарный наборъ словъ. Съ другой стороны, также въ теченіе вѣковъ, съ мрачныхъ временъ татарскаго ига и до „строгаго правленія“ Грознаго, мысль все больше отучалась отъ какой-либо самостоятельности въ дѣлахъ общественныхъ и народныхъ: она была подавлена авторитетомъ,—и когда авторитетъ отступилъ, какъ теперь, неподготовленная мысль не умѣла разобраться въ явленіяхъ, которыя совершались кругомъ. Государство спаслось народнымъ инстинктомъ—религіознымъ, когда народъ, давно исполненный чувствомъ превосходства своей вѣры, не хотѣлъ допустить вмѣшательства людей чужой ненавидимой религіи, и инстинктомъ политическимъ, когда, справедливо не довѣряя себялюбивому боярству, онъ искалъ спасенія только въ возстановленіи стараго порядка вещей съ царской

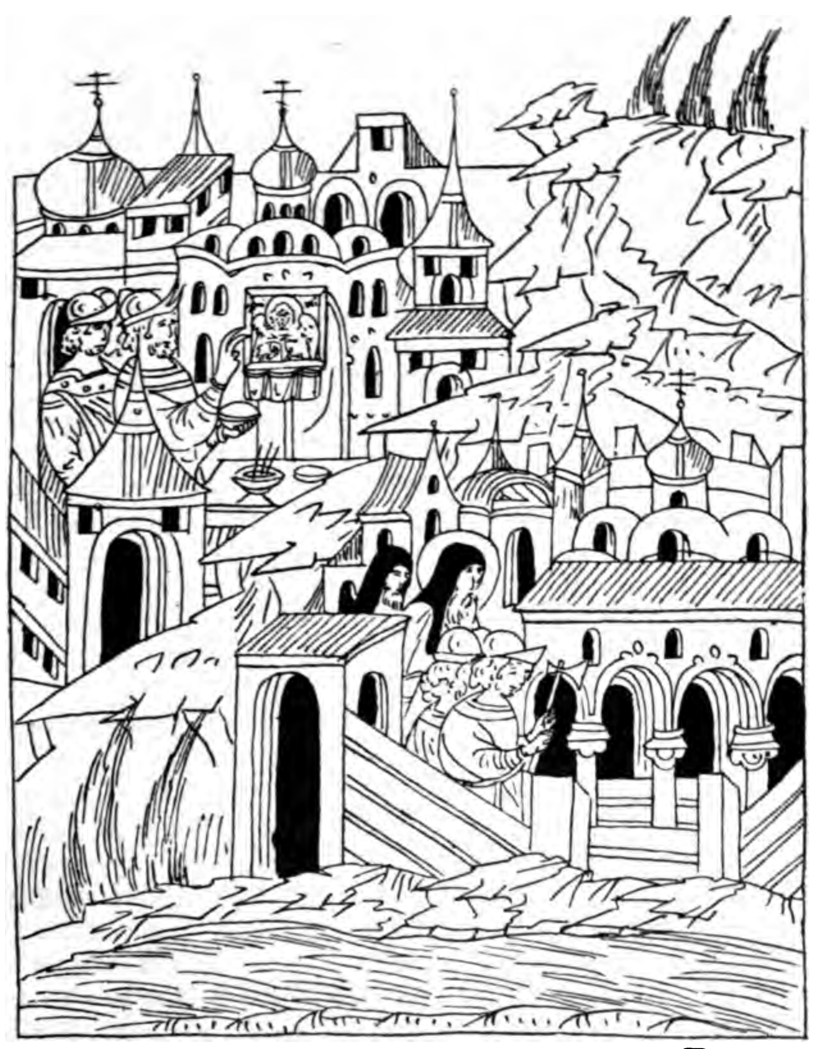
властью, господствующей равно надъ всѣми областями національной жизни. Но историки, изучая повѣствованія современниковъ о Смутномъ времени, напрасно ищутъ въ нихъ пониманія того сложнаго броженія, которое происходило въ жизни".

Часть произведеній, изображающихъ смуту, написана въ самое Смутное время, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ развивавшихся событій; другія повѣствованія о смутѣ составлены въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича; третью категорію составляютъ сочиненія болѣе позднія. Къ первому разряду принадлежитъ повѣсть 1606 г., вошедшая, какъ первая часть, въ составъ такъ называемаго „Иного сказанія о самозванцахъ", „Повѣсть, како неправдою восхити на Москвѣ царскій престолъ Борисъ Годуновъ", „Повѣсть о видѣніи нѣкоему мужу духовну", разсказанная протопопомъ Терентіемъ, „Новая повѣсть о преславномъ Россійскомъ царствѣ и великомъ государствѣ Московскомъ", „Плачъ о плѣненіи и о конечномъ разореніи Московскаго государства", повѣсти о чудесныхъ видѣніяхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, Владимирѣ и о видѣніи монаху Варлааму въ Великомъ Новгородѣ, „Повѣсть о нѣкоей брани належащей на благочестивую Россію", „Повѣсть о перенесеніи мощей царевича Димитрія". Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ чувствуется, такъ сказать, біеніе пульса современной общественной жизни, ярко отражается, стремленіе объяснить происходящую смуту, внушить читателю тотъ или иной взглядъ на развертывающуюся драму. „Разборъ наиболѣе раннихъ произведеній, написанныхъ въ смуту, показываетъ, — говоритъ проф. С. Ѳ. Платоновъ,—что ея современники мало думали о передачѣ въ потомство замѣчательныхъ событій своего времени. Публицистическія задачи въ однихъ произведеніяхъ, обличеніе грѣховъ и благочестивая мораль въ другихъ—далеко отводили писателей отъ спокойнаго и систематическаго изображенія ихъ эпохи. Взять одинъ или нѣсколько фактовъ современной жизни, объяснить и обсудить ихъ съ точки зрѣнія своей партіи или съ точки зрѣнія личнаго отвлеченнаго міровоззрѣнія,—вотъ обычный пріемъ писателя Смутнаго времени. Авторъ повѣсти 1606 года и авторъ подметнаго письма 1610—1611 года кажутся политическими дѣятелями, а не историками. Протопопъ Терентій съ своимъ новгородскимъ подражателемъ и составитель „Плача о разореніи Московскаго государства" выступаютъ съ проповѣдью покаянія, съ обличеніемъ общественныхъ грѣховъ. Одиноко стоитъ среди раннихъ писателей авторъ „Повѣсти о перенесеніи мощей царевича Димитрія": онъ заботится о простомъ описаніи фактовъ, но и онъ рисуетъ ихъ агіографически, а не исторически".

Среди этихъ памятниковъ мы встрѣчаемся прежде всего съ любопытнымъ образцомъ офиціозной публицистики въ Повѣсти 1606 г., написанной какимъ-то монахомъ въ началѣ царствованія Василія Шуйскаго съ цѣлью защиты совершившагося недавно переворота, сверженія перваго самозванца... Повѣсть, говоритъ проф. Платоновъ,

написана была тогда, когда авторъ ея узналъ, что въ государствѣ вторично началось броженіе во имя Димитрія, и что тишинѣ, которая должна была бы наступить со сверженіемъ ложнаго царя, угрожаетъ опасность. Въ своемъ послѣсловіи онъ обращается съ наставленіемъ къ какому-то „грубителю Божію“ и грозитъ ему: „аще... не премѣнишися отъ злаго сего обычая своего, ей реку ти, постражеши здѣ и въ будущемъ, яко же сей проклятый еретикъ Гришка Отрепьевъ“. Дидактическій тонъ, красною нитью проходящій чрезъ всю Повѣсть, въ послѣсловіи усиливается: писатель пространно объясняетъ, что погибель самозванца была неизбѣжнымъ слѣдствіемъ его „законопреступленія“, и что такое же возмездіе грозитъ всякому его послѣдователю. Авторъ даже открыто признается въ дидактическихъ цѣляхъ своего произведенія, говоря, что писалъ свою Повѣсть „прочитающимъ на пользу и въ предыдущія времена по насъ будущимъ человѣкомъ на память, а прочимъ зломысленникомъ, рачащимъ его (т.-е. самозванца) злонравному преступленію, дабы пришли во умиленіе и отъ таковыхъ лукавствій престали“.

Рядомъ съ подобной публицистикой офиціальнаго оттѣнка, поддерживавшей правительство, развилась и самостоятельная публицистика въ оригинальной формѣ повѣстей о чудесныхъ откровеніяхъ, видѣніяхъ, которыми Божественный промыслъ направлялъ русскихъ людей на путь истины. Въ то время общаго возбужденія, напряженнаго ожиданія исхода изъ царившей смуты, такія видѣнія отлично передавали характерное настроеніе московской интеллигенціи и народа. Наиболѣе яркою въ этомъ отношеніи представляется написанная протопопомъ Благовѣщенскаго собора Терентіемъ „Повѣсть о видѣніи нѣкоему мужу духовну“. Содержаніе повѣсти слѣдующее: нѣкій духовный мужъ былъ разбуженъ ночью звономъ колокола, и какой-то его знакомый сказалъ ему, чтобы онъ шелъ въ Успенскій соборъ, гдѣ узритъ „преславное видѣніе“. Придя къ западнымъ дверямъ собора, духовный мужъ поклонился до земли и, ставъ, увидѣлъ „двери церковныя отверсты и Господа моего, сѣдяща на престолѣ ангелы обстоима, и Пречистую Богородицу, надежду нашу и заступницу, одесную престола стоящу, и Предотечю Крестителя Ивана о лѣвую, и лики святыхъ пророкъ, и апостолъ, и мученикъ, и святитель, и преподобныхъ, и праведныхъ, ихъ же многихъ святыхъ и азъ, недостойный, знаю, на образъ ихъ святый зря. И видѣлъ Святую Богородицу, молящуся Сыну своему и Богу нашему, и кланяющися Ей до земли. Азъ же недостойный отъ того ужаснаго видѣнія въ велицѣ страсѣ и трепетѣ бывъ, и къ единой странѣ церковныхъ дверей приникся. И зряхъ видѣнія того страшнаго, и слышахъ гласъ умильный Пречистыя Богородицы, къ Сыну своему глаголюща: О Сыну мой Боже! пріими молитву Матере твоея, пощади люди своя, познавшихъ Тебе, истиннаго Бога, и Мене, Матерь твою, Сыну мой вселюбезный, и не ходившихъ въ пути твоя и не сотворшихъ воли твоея; и нынѣ убо мнози отъ нихъ вспоминаютъ



Того же лѣта во Тфери скончаше подписы
вати церковь на городѣ святого Архистра
тига Михаила. Того же лѣта преставися А
рсеней епископъ тферскіи, прибавилъ при Го
рашо Тмаки реки, у церкви пречистыя Бо
городици, иже на Желтиковѣ.

Иллюстраціи къ житію Арсенія, еп. тверского, въ „Лицевомъ Царственномъ Лѣтописцѣ“.

грѣхи своя и хотятъ пріити на покаяніе; отврати отъ нихъ праведный гнѣвъ свой и помилуй ихъ ради своея многія милости. И слышахъ убо гласъ онъ пресладкій Владыки и Бога моего къ Матери своей глаголющи: О Мати моя вселюбезная, многажды твоихъ ради молитвъ отвращаю праведный гнѣвъ свой отъ нихъ; но зѣло стужаютъ Ми злобами своими и лукавыми нравами, понеже бо церковь мою оскверниша злыми своими праздными бесѣдами, и Мнѣ ругатели бываютъ, вземше убо отъ скверныхъ языкъ нерекія ихъ обычаи и нравы: брады своя постригаютъ, и содомская дѣла творятъ, и неправедный судъ судятъ, и правымъ убо насилуютъ, и грабятъ чужая именія, и многая иная скверная ихъ дѣла творятъ, ихъ же ненавидитъ духъ мой святый. Надежда же наша Пречистая Богородица, преклоншися ко пречистыма ногама Его, слезы точащи и глаголющи, и Предотеча съ нею поклонися, и вси святіи съ ними: помилуй, Владыко, родъ крестьянскій да обратятся и престанутъ отъ злобъ своихъ и въ покаяніе пріидутъ и къ тому не станутъ творити ихъ. Ты бо, Владыко милостивъ, пріимаеши кающихся. И возрѣ убо Господь на Матерь свою милостивымъ си окомъ и на Предотечю и на вся святыя и испусти гласъ свой пресладкій: О Мати Моя! не стужай ми, и ты, друже мой Крестителю Иване, и вси мои святіи. Не рѣхъ ли Вамъ, яко нѣсть истины во царѣ же и въ патріарсѣ, ни во всемъ священномъ чину, ни во всемъ народѣ моемъ, новѣмъ Израили, яко не ходятъ по преданіи моемъ и заповѣдей моихъ не хранятъ. Многажды хотѣхъ помиловати ихъ, о Мати моя, твоихъ ради молитвъ, но раздражаютъ утробу мою всещедрую своими ихъ окаянными и студными дѣлы; и сего ради, Мати моя, изыди отъ мѣста сего, и вси святіи съ Тобою; азъ же предамъ ихъ кровоядцемъ и немилостивымъ разбойникомъ, да накажутся малодушніи и пріидутъ въ чувство, и тогда пощажу ихъ. И еще убо глагола Мати Его, госпожа наша Пречистая Богородица: уже ли презрѣ Матери своея прошеніе, о Сыну мой, прекрасный свѣте мой? Премилостивый же Господь тогда тихимъ гласомъ рече къ Ней: Тебе ради, Мати моя, пощажу ихъ, аще покаются; аще же ли не покаются, то не имамъ милости сотворити надъ ними". Весь этотъ разговоръ Богородицы со Христомъ, весьма характеристичный для взгляда того времени на смуту, неизвѣстный „мужъ духовный" сообщилъ протопопу Терентію, который записалъ его для вразумленія современниковъ.

Число сочиненій, написанныхъ о смутѣ непосредственно за ея окончаніемъ, не особенно велико, и по характеру своему они близки къ публицистикѣ. „Труды о смутѣ, написанные вскорѣ послѣ ея окончанія — Временникъ Тимоѳеева и Сказаніе Палицына, — говоритъ проф. Платоновъ,—отличаются тѣми же чертами, какъ и современные смутѣ памятники. Ни у Тимоѳеева ни у Палицына нѣтъ стремленія собирать подробности происшедшихъ на ихъ глазахъ бѣдствій; оба писателя ищутъ объясненія этихъ бѣдствій, изображаютъ причины смуты и ставятъ событія въ прагматическую связь, не описывая ихъ

шагъ за шагомъ. Тимоѳеевъ болѣе выдержалъ такой способъ изложенія; въ книгѣ же Палицына, представляющей сборникъ разновременныхъ статей, литературные пріемы измѣняются не одинъ разъ. Старецъ Авраамій изъ обличителя-моралиста превращается въ скромнаго историка своей обители и слагаетъ панегирикъ ея святымъ; затѣмъ, возвращаясь на прежнюю точку зрѣнія и обсуждая факты общественной жизни, онъ пишетъ апологію своей собственной дѣятельности. Оба писателя сообщаютъ много фактовъ, еще больше личныхъ мнѣній; оба они даютъ значительный матеріалъ для историка. Но въ этомъ матеріалѣ точно такъ же, какъ въ болѣе раннихъ трудахъ, изслѣдователь долженъ прежде всего принимать во вниманіе личность автора съ его индивидуальными и партійными интересами; онъ долженъ помнить, что имѣетъ дѣло не съ лѣтописцемъ, а съ общественнымъ дѣятелемъ и мыслителемъ, далекимъ отъ задачъ спокойнаго историка".

Такого рода „спокойные историки" являются нѣсколько позже, но въ ихъ трудахъ публицистика замѣнялась риторическими украшеніями. „У Хворостинина, Катырева-Ростовскаго, автора Новаго Лѣтописца, Рукописи Филарета и другихъ болѣе мелкихъ произведеній, стремленіе описать фактъ играетъ преобладающую роль, — говоритъ тотъ же изслѣдователь.— Личные взгляды и цѣли этихъ писателей мало замѣтны. Новый лѣтописецъ мѣстами превращается даже въ собраніе мелкихъ замѣтокъ, не только лишенныхъ всякой внутренней связи и литературной формы, но и противорѣчащихъ другъ другу. Однако объективность изложенія въ этихъ памятникахъ не всегда можетъ быть ручательствомъ точности и искренности ихъ показаній. Если нѣтъ въ нихъ публицистическихъ выходокъ, если исчезла уже страстность моральныхъ поученій, то превзошли другіе элементы творчества и явились новыя точки зрѣнія... Условная правильность внѣшней литературной формы была писателямъ дороже исторической точности и поэтому фактами поступались очень легко, если этого требовала риторическая красота изложенія. Мы можемъ только удивляться тому, съ какой сдержанностью относились къ изображенію смуты Хворостининъ, Катыревъ-Ростовскій, Шаховской и редакторы Рукописи Филарета. Какъ мало живыхъ личныхъ впечатлѣній занесли они въ свои труды и какъ зато послушно слѣдовали литературнымъ требованіямъ своего времени! Искусственность формы позволяла писателю съ большимъ удобствомъ скрывать фактъ за фразой—и необходимо обстоятельное знакомство съ личностью и біографіей самого автора, чтобы понять, какъ мало передалъ онъ намъ изъ того, что онъ видѣлъ и могъ обстоятельно знать". Что касается риторическихъ украшеній, къ которымъ прибѣгали авторы этихъ сказаній, то слѣдуетъ сказать, что въ нихъ не было ничего оригинальнаго: это было то же самое „плетеніе словесъ", которое началось въ нашихъ житіяхъ святыхъ съ XIV в. и захватило нашу исторіографію со временъ составленія Степенной книги и Исторической энциклопедіи.

Библіографія.

Макарій Булгаковъ (митр. московскій). Исторія Кіевской академіи. Кіевъ, 1846.

Голубевъ. Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. Т. I. Кіевъ. 1883, т. II.—Кіевъ. 1898.

Его же. Исторія Кіевской духовной академіи. Кіевъ. 1883.

Харламповичъ. Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка. Казань. 1898.

Памятники полемической литературы въ Западной Руси, изд. Археогр. Комис. (Русск. Истор. Библіотека, тт. IV—VII), т. I.—СПБ. 1878, т. II.—СПБ. 1882.

Скабалановичъ. Апокрисисъ Христофора Филалета. СПБ. 1873.

Завитневичъ. Палинодія Захаріи Копыстенскаго. Варшава. 1883.

Сумцовъ. Іоанникій Голятовскій. Харьковъ. 1885.

Его же. Іоаннъ Вышенскій. Харьковъ. 1886.

Платоновъ. Древне-русскія повѣсти и сказанія о Смутномъ времени. СПБ. 1888.

Памятники древней русской письменности, относящіеся къ Смутному времени. (Русск. Истор. Библ., т. XIII). СПБ. 1891.

Эмалевыя украшенія XVII вѣка.

Орнаментъ рѣзныхъ по дереву царскихъ вратъ XVI вѣка.

ГЛАВА XII.

Необходимость исправленія церковныхъ книгъ.

Переходъ въ Москву (въ XVII в.) западно-русской образованности совершается въ то время, когда здѣсь, на Москвѣ, былъ поднятъ вопросъ объ исправленіи церковныхъ книгъ и обрядовъ, — вопросъ, вызвавшій появленіе раскола старообрядческаго, который въ то же время былъ расколомъ въ русскомъ обществѣ и въ историко-культурномъ смыслѣ: одна часть общества пошла по новому пути, другая застыла въ унаслѣдованныхъ традиціяхъ и съ пріемами мышленія старой Руси. Вопросъ объ исправленіи книгъ и обрядовъ, въ свою очередь, выдвигалъ и другой, тѣсно связанный съ нимъ вопросъ — объ образованіи и школахъ.

Фактъ испорченности церковныхъ книгъ сознавался у насъ уже довольно рано. На него указывалъ въ свое время Максимъ Грекъ; его констатировалъ Стоглавый соборъ, однако не давшій, какъ намъ извѣстно, никакихъ практическихъ мѣръ для его устраненія. Равнымъ образомъ и самое исправленіе книгъ началось еще гораздо раньше Никона. Припомнимъ попытки въ этомъ родѣ Максима Грека, вызвавшія собой недовольство въ русскихъ, видѣвшихъ въ дѣлѣ Максима „причиненіе досады" угодникамъ, которые спасались по старымъ книгамъ. Послѣ Максима попытки къ исправленію книгъ были предпринимаемы не разъ. Правились книги при Іоаннѣ Грозномъ, которымъ построенъ былъ печатный Московскій дворъ. Особенно энергично взялись за это дѣло при патріархѣ Филаретѣ. Послѣ смуты исправленіе поручено было Діонисію, архимандриту Троицкому съ его помощниками, Арсеніемъ Глухимъ, Иваномъ Насѣдкой и др. Послѣдніе начали исправленіе Требника, но когда они выкинули изъ молитвы на водоосвященіе слова „и огнемъ", противъ нихъ поднялось общественное мнѣніе москвичей, увидѣвшихъ въ означенной поправкѣ ересь. Говорили, что де справщики хотятъ истребить въ мірѣ стихію огня. Только заступничество патріарха

Филарета спасло справщиковъ отъ жестокихъ преслѣдованій за мнимое еретичество.

Попытки исправленія продолжались и потомъ, а между тѣмъ книги все болѣе и болѣе портились: въ нихъ все „опись къ описи прибавлялась". И все это понимали и сознавали лучшіе люди того времени. Въ концѣ-концовъ стало яснымъ, что вести дѣло попрежнему нельзя; необходимъ радикальный пересмотръ и исправленіе богослужебныхъ книгъ, чего достичь было возможно только путемъ сличенія испорченныхъ книгъ съ ихъ первоначальными оригиналами, греческими подлинниками. Но вѣдь для такого дѣла необходимы были образованные люди, школы; у насъ же не было ни тѣхъ ни другихъ. Правда, такихъ людей можно было достать среди грековъ и западноруссовъ, но опять-таки какъ тѣ, такъ и другіе пользовались на Москвѣ самой нелестной репутаціей.

Подозрительное отношеніе къ грекамъ вызвано было Флорентійской уніей и паденіемъ Константинополя, въ которомъ видѣли наказаніе Божіе за отступничество. Прежде всего это выразилось въ преніяхъ съ преподобнымъ Евфросиномъ Псковскимъ, противники котораго объясняли, что греки „отъ истины свергнулися и печать антихристову на челѣ и десницѣ пріяша". Посланія старца Елизарова монастыря, Филоѳея, установивъ теорію о Москвѣ — третьемъ Римѣ, еще болѣе укрѣпили убѣжденіе въ неправославіи грековъ и въ исключительномъ положеніи Москвы, какъ хранительницы чистой Христовой вѣры.

Отрицательный взглядъ на грековъ поддерживался въ значительной мѣрѣ поведеніемъ тѣхъ грековъ, которые довольно часто являлись въ Москву по торговымъ или церковнымъ дѣламъ. Греки-торговцы, приходя на Русь, обижали русскихъ, прибѣгали ко всевозможнымъ мошенничествамъ, продавали, напр., стеклянныя поддѣлки вмѣсто драгоцѣнныхъ камней и жемчуга. Нисколько не лучше были и духовныя лица, приходившія за подаяніемъ. Очень часто это бывали самозванцы. Крижаничъ разсказываетъ объ одномъ такомъ самозванцѣ Софроніи, который силою заставлялъ его сочинить подложную грамоту отъ царьградскаго патріарха. Крижаничъ замѣчательно ярко характеризуетъ дѣйствія грековъ на Руси. „Корыстолюбивые греки,— говоритъ онъ,—подъ сѣнью благочестія волочатся по нашимъ странамъ безъ нужды и совершаютъ многіе поступки противъ святыхъ правилъ, черезъ что падаетъ добрый церковный порядокъ. Всякія святыни они обращаютъ въ товаръ... и готовы продать намъ тысячу разъ Христа, когда Іуда продалъ лишь одинъ разъ. За пенязи они посвящаютъ свинопасовъ и мясниковъ, которыхъ не посвятили въ Бѣлой Россіи свои епископы. За пенязи разрѣшаютъ всякіе браки и позволяютъ одному мужу перемѣнить пять-шесть женъ, отсылая старыхъ въ монастырь. За пенязи отпускаютъ людямъ грѣхи ихъ, безъ исповѣди и безъ покаянія; даютъ разрѣшительныя грамоты тому, кто даетъ деньги, и такимъ образомъ отсылаютъ души прямо въ адъ. За

пенязи продаютъ святое миро. Изъ-за денегъ скитаются, выдумываютъ предлоги для нищенства и выпрашиванія милостыни". Такою испорченностью отличались не только простые греки, торговцы и духовныя лица низшихъ разрядовъ, — не лучше были и епископы. Такъ, іерусалимскій патріархъ Паисій въ своихъ корыстолюбивыхъ расчетахъ не особенно стѣснялся какими-либо нравственными соображеніями,

Царь Алексѣй Михайловичъ. (Изъ Альбома Мейербера).

какъ это видно, напр., изъ слѣдующаго сообщенія Павла, архидіакона Алеппскаго. „Дѣйствительно, въ свитѣ патріарха было не болѣе 35 человѣкъ. Но патріархъ еще набралъ въ число своихъ спутниковъ разнаго сброда и въ спискѣ назвалъ ихъ священниками, архимандритами и клириками разныхъ монастырей, и это все для того, чтобы, благодаря спутничеству большой свиты, получить большую милостыню".

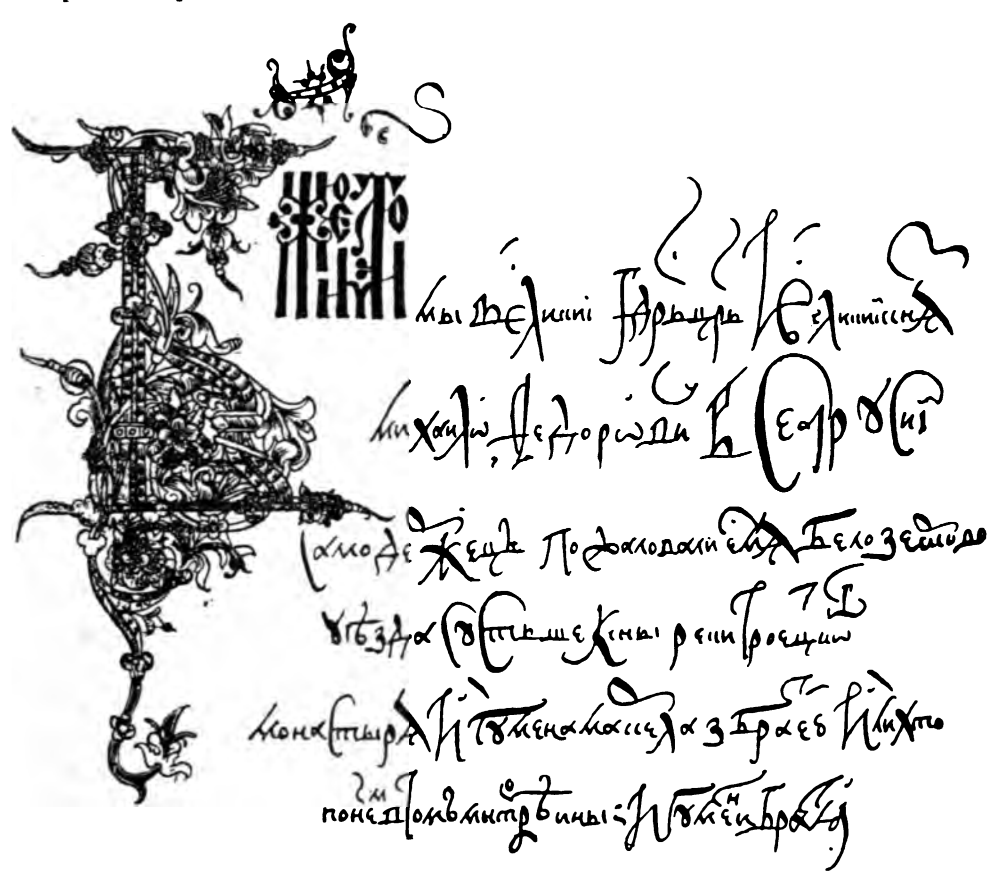
Между прочимъ, въ свитѣ этого патріарха попалъ въ Москву и будущій главный справщикъ при патріархѣ Никонѣ, старецъ Арсеній Грекъ. О немъ очень враждебно отзывались всѣ наши расколоучители, и въ свое время о немъ далъ неодобрительный отзывъ Арсеній Сухановъ, и на основаніи несомнѣнныхъ архивныхъ данныхъ, сохранившихъ собственныя показанія Арсенія Грека, мы знаемъ, что это былъ человѣкъ чрезвычайно покладистыхъ религіозныхъ убѣжденій. Учась въ Венеціи въ іезуитскомъ коллегіумѣ, онъ былъ католикомъ, въ Царьградѣ возвратился въ православіе, принималъ разъ магометанство, въ Молдавіи опять перешелъ въ православіе, въ Польшѣ былъ уніатомъ; попавши въ Соловецкій монастырь, до того умѣло притворялся, крестился двумя перстами, хвалилъ мѣстные обряды, говорилъ монахамъ: „Воистину, братіе, у насъ и половины вѣры нѣтъ", и такъ расположилъ ихъ къ себѣ, что они дали о немъ Никону очень хорошій отзывъ.

Такого рода образцы нравственнаго паденія грековъ еще сильнѣе подкрѣпляли установившійся отрицательный взглядъ москвичей на греческое православіе. Сами восточные святители иногда высказываютъ такія мнѣнія, которыя вполнѣ, повидимому, подтверждаютъ церковное первенство Московскаго государства на всемъ православномъ Востокѣ. Патріархъ цареградскій Іеремія говорилъ царю Ѳеодору Іоанновичу: „Понеже убо ветхій Римъ падеся Аполлинаріевою ересью, вторый же Римъ, иже есть Константинополь, Агарянскими внуцы отъ безбожныхъ турокъ обладаемъ, твое же, о благочестивый царю, великое россійское царствіе, третій Римъ благочестіемъ всѣхъ превзыде"... Съ большой похвалой отзывался о московскомъ православіи также и Ѳеофанъ, патр. іерусалимскій.

Отрицательный взглядъ москвичей на грековъ нашелъ для себя самое полное выраженіе въ сочиненіяхъ Арсенія Суханова. Арсеній, по порученію властей, совершилъ поѣздку на греческій Востокъ и послѣ этой поѣздки составилъ свой „Проскинитарій", въ которомъ передаетъ веденныя имъ съ греками пренія. Здѣсь авторъ развиваетъ такую мысль: былъ у Бога возлюбленный родъ Израиль, но онъ не позналъ Бога, и Господь Богъ отвергъ его, а на его мѣсто избралъ грековъ и прочихъ вѣрующихъ. Но и греки „возгордились", стали мнить себя источникомъ вѣры, и за такое ихъ „высокоуміе" Богъ отринулъ ихъ и передалъ въ руки басурманъ. Съ этихъ поръ они находятся „у темной власти подъ началомъ" и сами почти совсѣмъ „обасурманились". Вслѣдствіе этого ихъ никакъ уже нельзя признать источникомъ правой вѣры: „у нихъ было христіанство, да миновалось".

Такого же отрицательнаго взгляда придерживались москвичи и по отношенію къ малороссамъ. Особенной подозрительностью отличалось время патріарха Филарета, который изъ личныхъ наблюденій въ польскомъ плѣну надъ бытомъ западноруссовъ пришелъ къ крайне отрицательному на нихъ взгляду, и свое недовѣріе къ нимъ осуществлялъ въ цѣломъ рядѣ мѣръ (запрещеніе литовской печати

книгъ, испытаніе приходящихъ изъ Бѣлоруссіи), направленныхъ противъ вторженія къ намъ разныхъ неправославныхъ ученій изъ Западной Россіи. Послѣ смерти Филарета Никитича, въ кратковременное правленіе партріарха Іоасафа I, отношенія церковной власти къ кіевлянамъ смягчаются, но въ обществѣ, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ неотмѣненныхъ постановленій Филарета, все-таки сохраняется недовѣріе къ православію южноруссовъ, удерживающееся и впослѣдствіи.



Образцы письма: скоропись 1614 года.

Но рядомъ съ этими отрицательными взглядами на грековъ и малороссовъ въ Москву постепенно, съ одобренія правительственныхъ круговъ, проникаетъ другое къ нимъ отношеніе, и этимъ облегчается возможность вліянія на москвичей западно-русской и греческой образованности. Такого рода новое теченіе прежде всего обнаруживается въ дѣятельности Московскаго печатнаго двора во время патріаршества Іосифа, такъ какъ издается рядъ переводовъ западно-русскихъ произведеній: „Кириллова книга“, напечатанная въ 1664 г., составленная протопопомъ Черниговскаго московскаго собора, Михаиломъ Роговымъ, цѣликомъ изъ полемическихъ сочиненій южно-русскихъ писателей: Стефана Зизанія, Захаріи Копыстенскаго, Василія, свя-

щенника Острожскаго. Въ 1648 г. издана „Славянская грамматика" Мелетія Смотрицкаго. Въ томъ же году печатается „Книга о вѣрѣ". составленная игуменомъ кіевскаго Михайловскаго монастыря, Наѳанаиломъ. Въ 1649 г. выходитъ еще одинъ переводъ южно-русскаго изданія, такъ называемый „Малый Катихизисъ" Петра Могилы. Въ 1650 г. напечатана въ первый разъ „Кормчая книга", въ которую внесена глава „о тайнѣ супружества", заимствованная изъ Требника Петра Могилы, а сюда включенная изъ католическихъ требниковъ.

Вліяніе западно-русское и греческое выражается также и въ вопросѣ объ учрежденіи въ Москвѣ школы. Мысль о школѣ была не новая. Еще въ 1593 г. александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ писалъ царю Ѳеодору Іоанновичу: „Устрой у себя, царь, греческое училище (φροντιστέον μαθήματων ἑλληνικῶν), какъ живую искру священной мудрости, потому что у насъ источникъ мудрости грозитъ изсякнуть до основанія". Но не было ничего сдѣлано, и первая попытка учредить школу относится ко времени патріарха Филарета. Въ 1632 г. пріѣхалъ въ Москву протосинкеллъ александрійскаго патріарха, архимандритъ Іосифъ. Ему было предложено остаться въ Москвѣ на службѣ, и изъ грамоты къ нему отъ царя и патріарха мы узнаемъ, что въ Москвѣ былъ или учреждался въ это время особый учительный дворъ, на которомъ Іосифъ долженъ былъ обучать дѣтей, можетъ-быть, для того, чтобы приготовить себѣ преемниковъ въ переводахъ. Но этой школѣ не суждено было долго просуществовать: она закрылась, какъ думаетъ митрополитъ Макарій, со смертью архимандрита Іосифа, и въ Москвѣ заботились въ это время о прісканіи вмѣсто Іосифа другого учителя. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключать на основаніи грамоты къ царю Михаилу Ѳеодоровичу константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса, который писалъ: „Я нынѣ хотѣлъ прислать къ вамъ, великимъ государямъ, учителя Киріака отъ святой Аѳонскія горы, но онъ ѣхать не могъ, потому что старъ и безсиленъ; сказывалъ мнѣ архимандритъ Амфилохій, чтобы прислать къ вамъ, великимъ государямъ, иного учителя, и я буду впредь сыскивать".

Въ 1640 г. кіевскій митрополитъ Петръ Могила предлагалъ царю Михаилу Ѳеодоровичу устроить въ Москвѣ училище, въ которомъ кіевскіе монахи обучали бы дѣтей греческому и славянскому языку, но этой мысли суждено было осуществиться только въ слѣдующее царствованіе. Черезъ пять лѣтъ послѣ этого, уже при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, прибыло въ Москву отъ собора восточныхъ патріарховъ торжественное посольство, во главѣ котораго стоялъ Ѳеофанъ, митрополитъ палеопатрасскій. Ѳеофанъ подалъ царю очень интересную записку, въ которой указывалъ на бѣдственное состояніе православной Церкви на Востокѣ. Онъ говорилъ, что латины и люторы, пользуясь тѣмъ, что у грековъ нѣтъ своихъ типографій, печатаютъ ихъ богослужебныя книги, творенія св. отцовъ, и наполняютъ ихъ разными своими искаженіями, „вмѣщаютъ лютое зѣліе, поганую свою ересь". Бороться съ ними невозможно, потому что они пересиливаютъ

деньгами. Патріархъ Кириллъ Лукарисъ попробовалъ завести свою типографію, но они предали его невѣрнымъ бусурманамъ, испортили печать, причинили на 10.000 руб. убытку, такъ что онъ едва спасся. Единственная надежда у грековъ на православнаго великаго русскаго государя. Извѣщая все это государю, Ѳеофанъ обращался къ нему со слѣдующей просьбой: „Да повелиши быть греческой грамотѣ и пріѣхати греческому учителю учить русскихъ дѣтей философства и богословія, греческому языку и по русскому... Здѣсь исполнятся древнія книги, будутъ ихъ печатать и переводить на русскій языкъ прямо, подлинно и благочестиво".

Вѣроятно, вслѣдствіе этой записки, Ѳеофану было поручено пригласить такого учителя, и по его рекомендаціи въ 1646 г. прибылъ въ Москву цареградскій архимандритъ Венедиктъ, который прожилъ здѣсь до мая слѣдующаго года. Однако онъ здѣсь не понравился. Какіе-то люди, считавшіе себя, по его словамъ, „великими учеными и мудрецами", находили, что онъ непригоденъ для того дѣла, которое ему предполагалось поручить. Чтобы чѣмъ-нибудь его занять, ему дали переводить латинскую книгу объ индѣйскомъ царствѣ, которую онъ и перевелъ со своимъ толмачомъ Ивашкой Соболевымъ. Обнаружились разные не совсѣмъ чистые въ нравственномъ отношеніи поступки Венедикта, и, наконецъ, ему дали милостыню, посовѣтовали не называться впредь учителемъ и отправили на родину.

Въ 1649 году произошло очень важное обстоятельство, подѣйствовавшее и на ходъ книжныхъ исправленій, въ смыслѣ усиленія греческаго вліянія, и отразившееся также и на школьномъ вопросѣ: это былъ пріѣздъ въ Москву іерусалимскаго патріарха Паисія, который чуть ли ни съ первыхъ дней своего пребыванія въ Москвѣ началъ относиться критически къ замѣчаемымъ имъ особенностямъ московской церковной жизни, указывая нѣкоторымъ изъ своихъ московскихъ вліятельныхъ знакомыхъ на необходимость исправленія обрядовъ русской Церкви и согласованія ихъ съ греческими. Изъ этихъ знакомцевъ Паисія, которымъ онъ передавалъ свои „зазиранія", особенно понравился ему молодой Новоспасскій архимандритъ Никонъ; въ письмѣ своемъ къ царю Алексѣю Михайловичу Паисій отзывается, что Никонъ—„мужъ благоговѣйный и преданный государю", что ему полюбилась бесѣда Никона, а потому онъ и проситъ позволенія свободно съ нимъ видѣться и разговаривать. Другимъ собесѣдникомъ патріарха Паисія былъ Стефанъ Вонифатьевъ.

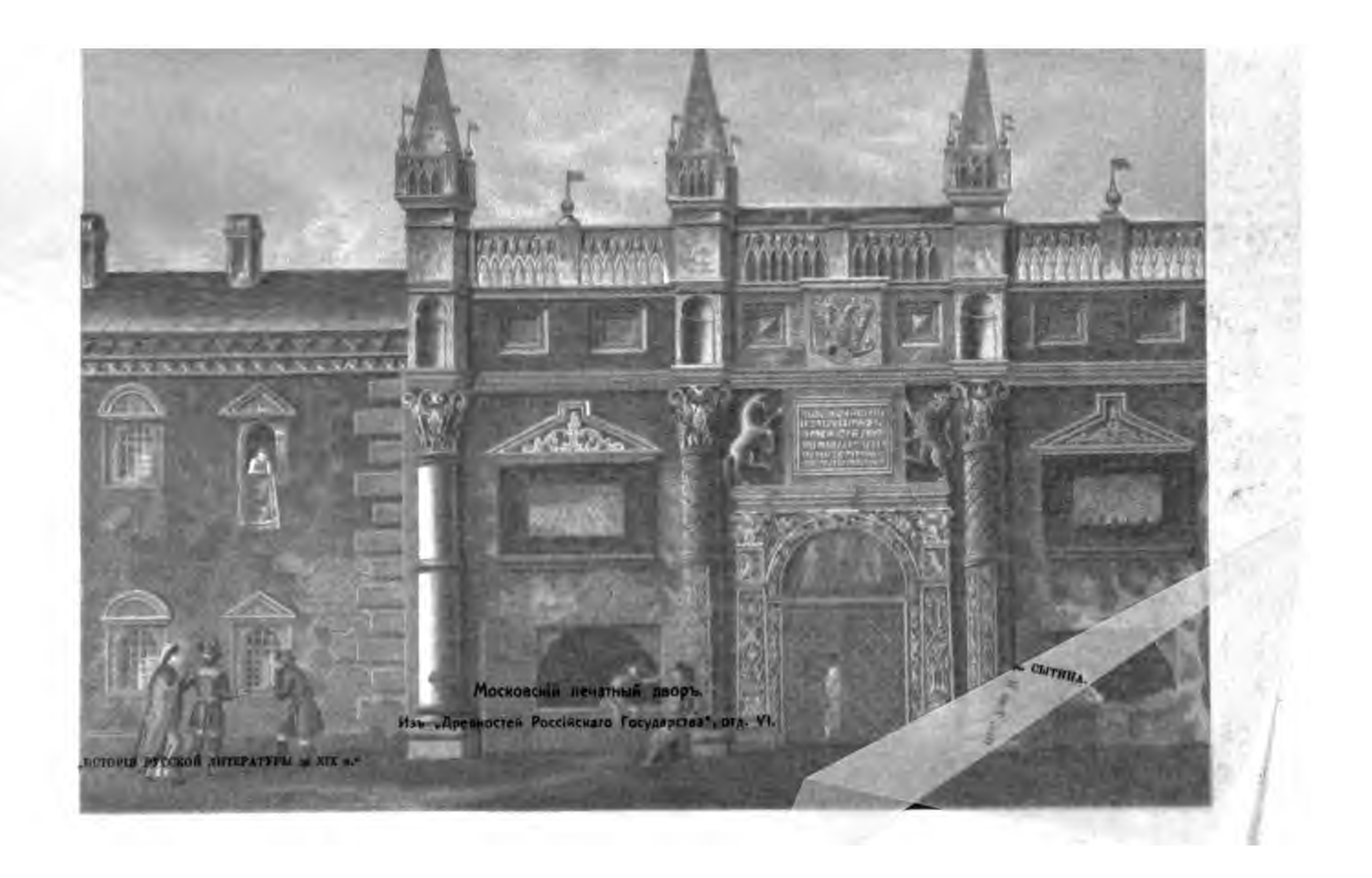
Здѣсь мы должны сказать о московскомъ кружкѣ, сгруппировавшемся около царскаго духовника Стефана Вонифатьева, и имѣвшемъ въ свое время весьма сильное вліяніе на ходъ церковныхъ дѣлъ. Самъ Вонифатьевъ, будучи въ силу своего положенія, лицомъ очень вліятельнымъ, отличался, кромѣ того, высокими нравственными качествами. По причинѣ всего этого онъ пользовался большимъ авторитетомъ и былъ заправилой собравшагося около него кружка.

Для характеристики этой личности важенъ сохранившійся до насъ сборникъ „Книга, глаголемая Златоустъ“, съ подписью по мѣстамъ „Стефана Вонифатьева келейная“. Въ этомъ сборникѣ находимъ „Слово о правдѣ“, которое, по всей вѣроятности, принадлежитъ самому Стефану.

Въ „словѣ“ послѣ указанія въ духѣ теоріи третьяго Рима на то, что, кромѣ „россійскаго языка“, нѣтъ нигдѣ правовѣрующаго государя, проповѣдникъ считаетъ необходимымъ намѣтить для царя тѣ средства, которыми онъ можетъ подтвердить свое правовѣріе. Тутъ мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми реальными чертами русскаго быта; такъ, проповѣдникъ указываетъ на тягость „ямскихъ собраній“, на притѣсненія сборщиковъ царскихъ податей; упоминаются также и „царскіе землемѣрительніи писаріе, которые много медлятъ и много брашна у ратаевъ изъядаютъ“. Перечисливъ эти недостатки общественнаго строя, авторъ рекомендуетъ, между прочимъ, снять съ земледѣльцевъ ярмо ямской гоньбы и возложить его на купцовъ, „елицы во градѣхъ продающе и скупающе и прикупы богатѣюще, понеже многа прибытка стяжатели суть“; никакихъ же другихъ тягостей при этомъ на купцовъ не налагать. Въ трехъ другихъ сочиненіяхъ упомянутаго сборника говорится подробно о русскихъ суевѣріяхъ, о пьянствѣ и церковномъ строеніи.

Кромѣ такихъ литературныхъ поученій, Стефанъ Вонифатьевъ дѣйствовалъ на молодого благочестиваго царя и на окружающихъ его бояръ своими личными бесѣдами. По словамъ біографа Неронова, Стефанъ Вонифатьевъ „зѣло пекся, да не совратится умъ царя въ нѣкая злая, и бояръ увѣщеваше со слезами непрестанно, да имутъ судъ правый безъ мзды и не на лица зряще да судятъ“. При бракосочетаніи царя съ Марьей Ильиничной Милославской Стефанъ „и моленіемъ и запрещеніемъ устрои не быти смѣху никаковому, ниже кощунамъ, ни бѣсовскимъ играніямъ, ни пѣснямъ студнымъ, ни сопелному, ни трубному козлогласованію“, такъ что вліяніе Стефана на царя началось очень скоро послѣ его вступленія въ должность духовника. Всѣ эти наставленія Стефана отличались мягкостью; очень рѣдко онъ рѣшался кого-нибудь оскорблять, а потому и пользовался общею любовію, такъ что даже впослѣдствіи, когда Стефанъ перешелъ на сторону Никоновскихъ новшествъ, Аввакумъ вспоминалъ объ этомъ времени съ полнымъ сочувствіемъ: „Добро было при протопопѣ Стефанѣ,—писалъ онъ царю Алексѣю Михайловичу,—яко все быша тихо и немятежно, ради его слезъ и рыданій и негордаго ученія; понеже не губилъ Стефанъ никого до смерти, яко же Никонъ, ниже поощрялъ на убіеніе“.

Единственный извѣстный намъ примѣръ рѣзкости Стефана упоминается въ челобитной 1649 г. патріарха Іосифа царю Алексѣю Михайловичу. Отсюда мы узнаемъ, что Стефанъ жаловался за что-то царю на патріарха и на весь освященный соборъ, говорилъ, что въ Московскомъ государствѣ нѣтъ Божіей Церкви, а патріарха и всѣхъ



Московскій печатный дворъ.

Изъ „Древностей Россійскаго Государства", отд. VI.

архіеревъ называлъ волками и губителями. Причина такихъ рѣзкихъ сужденій Стефана остается неизвѣстной; вѣроятно, онъ такъ выражался подъ вліяніемъ бесѣдъ съ Паисіемъ.

Вторымъ крупнымъ дѣятелемъ въ кружкѣ Стефана является протопопъ Иванъ Нероновъ. Это былъ человѣкъ уже совершенно иного характера. Еще юношей онъ пришелъ на Рождественскихъ праздникахъ въ Москву и, идя мимо какого-то „бѣсовскаго игралища“ и „узрѣвъ плищь и различная подобія демонская и видѣвъ домъ великій, изъ него же исхождаше множество юношей и человѣкъ молодыхъ и состарѣвшихся, бѣсовскому тому игралищу послѣдующихъ“, „разжегся

Въѣздъ посольства ф. Кленка въ Москву въ 1675 году.
(Изъ Амстердамскаго изданія).

духомъ“ и началъ обличать принимающихъ участіе въ игрищахъ, за что они, по сказанію „Житія“, набросились на него, какъ дикіе звѣри, и били немилостиво, такъ что „Іоаннъ отъ многаго того біенія лежаше, аки мертвъ, отъ вечера даже до полунощи“. Затѣмъ „Житіе“ сообщаетъ намъ о томъ, что Нероновъ учился около Великаго Устюга у нѣкоего богобоязненнаго человѣка, именемъ Тита. Грамота давалась Неронову съ большимъ трудомъ. „Іоаннъ учашеся зѣло медленно, яко единъ букварь учаше лѣто и мѣсяцевъ шесть. И непрестанно моляшеся Господу Богу, да подастъ ему разумъ божественнаго Писанія... Многажды и учитель, прилежаніе его зря и косенъ того умъ видя, плакаше о немъ“. Далѣе въ „Житіи“ разсказывается, что всѣ эти трудности разрѣшились чудеснымъ отверзеніемъ ума Іоаннова. При всѣхъ житійно шаблонныхъ прикрасахъ этого повѣствованія мы видимъ, что въ своемъ ученьи Іоаннъ проявилъ немалую настойчивость.

Затѣмъ мы находимъ Іоанна священникомъ въ селѣ Никольскомъ, около Юрьевца, и тутъ онъ опять выступаетъ въ роли обличителя, нападаетъ на „пьянство и многое безчинство“ іереевъ своего села и этимъ такъ возстановляетъ ихъ всѣхъ противъ себя, что они подаютъ на него патріарху Филарету челобитную, подъ которой подписался даже и тесть Іоанна, а также и нѣкоторые міряне. Вслѣдствіе этого Нероновъ вынужденъ былъ тайно ночью бѣжать въ Троице-Сергіевскую лавру, гдѣ въ это время архимандритомъ былъ знаменитый Діонисій, съ которымъ Іоаннъ много бесѣдуетъ о духовныхъ дѣлахъ и читаетъ божественное писаніе. Діонисій принялъ сторону Іоанна, написалъ о томъ патріарху, и послѣ разслѣдованій Іоаннъ возвращенъ былъ назадъ въ село Никольское. „Діяволъ же, не терпя добродѣтели мужа сего, паки наущаше тѣхъ же нань іереевъ, влагая имъ ненависть велію на истиннаго служителя Божія, и распыхахуся зѣло сердцы своими на праведнаго и непрестанно поношаху тому, съ досадами укоряюще его“.

Такія отношенія стали подъ конецъ невозможными, и Нероновъ удалился въ Лысково. Здѣсь онъ пользовался наставленіями священника Ананіи, въ домѣ котораго онъ жилъ, много успѣлъ въ изученіи божественнаго писанія и, завершивъ этимъ свое образованіе, съ благословенія Ананіи перешелъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ и начинаетъ служить въ опустѣвшей деревянной церкви Воскресенія Христова. Забота о благоустройствѣ этого храма, строгое и точное исполненіе богослужебнаго чина, постоянное и вполнѣ доступное для простыхъ слушателей толкованіе священнаго писанія и твореній отцовъ Церкви вскорѣ обратили на Іоанна общее вниманіе и любовь нижегородскаго населенія, такъ что онъ въ своей дѣятельности уже не ограничивался одной своей церковью, „но исхождаше по стогнамъ града и на торжища, нося съ собою книгу великаго свѣтильника Іоанна Златоуста, именуемую Маргаритъ, возвѣщая всѣмъ путь спасенія“.

Однако вскорѣ Нероновъ подвергся гоненію со стороны нижегородскаго воеводы, Ѳеодора Шереметева, тѣмъ болѣе, что Іоаннъ иногда всенародно выступалъ съ обличеніемъ воеводы, который былъ „жестокъ и суровъ зѣло и мздоимецъ“. Шереметевъ приказалъ Іоанна посадить въ темницу и наложить „на выю и нозѣ его узы желѣзныя“. Заступничество патр. Филарета спасло Неронова отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій, онъ былъ выпущенъ изъ темницы и продолжалъ свою проповѣдническую дѣятельность въ Нижнемъ-Новгородѣ, при чемъ ему не одинъ разъ еще пришлось сталкиваться съ разными лицами въ ревностномъ исполненіи своихъ обязанностей, какъ онъ ихъ понималъ.

По восшествіи на престолъ царя Алексѣя Михайловича, Стефанъ Вонифатьевъ, достигнувъ своего вліятельнаго положенія, перевелъ Неронова изъ Нижняго-Новгорода въ Москву и назначилъ его протопопомъ церкви Казанской Богородицы. Переселившись въ Москву,

Нероновъ съ такимъ же успѣхомъ, какъ и въ Нижнемъ-Новгородѣ, продолжаетъ свое проповѣдничество и, какъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Стефана Вонифатьева и потому лицо очень авторитетное, принимаетъ дѣятельное участіе въ различныхъ церковныхъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ улучшенію религіознаго и нравственнаго состоянія русскаго общества. Къ этимъ двумъ лицамъ вскорѣ

Изъ Сійскаго иконописнаго подлинника.
(Бесѣда царя Алексѣя Михайловича и патріарха Никона).

присоединяются и другія, напр., протопопъ Аввакумъ, костромской протопопъ Даніилъ, муромскій протопопъ Логгинъ.

Когда явился въ Москву патр. Паисій, то съ нимъ, какъ мы указали, сблизились Никонъ и Стефанъ Вонифатьевъ, хотя на такое сближеніе съ греками другіе члены кружка смотрѣли не совсѣмъ одобрительно. Кромѣ этихъ двухъ лицъ, очень можетъ быть, что патріархъ Паисій имѣлъ значеніе и для ихъ друга Ѳ. М. Ртищева, давъ новый толчокъ его стремленіямъ къ насажденію въ Москвѣ школьнаго ученія. Паисій, по всей вѣроятности, указывалъ такъ же, какъ и ранѣе

его приходившіе греческіе іерархи, на пользу учрежденія въ Москвѣ школы, и въ качествѣ учителя риторики въ этой будущей школѣ былъ оставленъ въ Москвѣ и Арсеній Грекъ. Кромѣ этого, царь просилъ патріарха Паисія пріискать на Востокѣ между учеными греками „учителя премудраго и православнаго, который не имѣлъ бы никакого порока благочестивой вѣры, да учинитъ учительство и учитъ эллинскій языкъ“. Во время же пребыванія патріарха Паисія въ Москвѣ царь Алексѣй Михайловичъ писалъ преемнику Петра Могилы, кіевскому митроп. Сильвестру Коссову, прося „приговорити и прислати“ въ Москву священно-иноковъ Арсенія Сатановскаго и Дамаскина Птицкаго, которые вызывались для перевода Библіи на славянскій языкъ. Митрополитъ прислалъ Арсенія Сатановскаго и Епифанія Славинецкаго, а въ 1650 году пріѣхалъ Дамаскинъ Птицкій. Между прочимъ, этимъ ученымъ кіевлянамъ предполагалось поручить и „риторское ученіе“, но школы они не создали.

Въ это же время, или нѣсколько ранѣе, какъ предполагаетъ митр. Макарій, Ѳ. М. Ртищевъ основалъ свое училище близъ дороги изъ Москвы въ Кіевъ, у церкви св. Андрея Стратилата, въ двухъ поприщахъ отъ Москвы. Здѣсь онъ построилъ монастырь во имя св. Преображенія Господня и поселилъ тридцать монаховъ, вызванныхъ изъ Кіево-Печерской лавры, изъ Межигорскаго и др. малороссійскихъ монастырей, „въ житіи и чинѣ и во чтеніи и пѣніи церковномъ и келейномъ правилѣ изрядныхъ“. Въ настоятели имъ онъ выбралъ Досиѳея. Кромѣ этихъ иноковъ, Ртищевъ былъ въ сношеніяхъ съ Епифаніемъ Славинецкимъ и др. учеными малороссами; онъ любилъ ученыхъ людей и проводилъ съ ними иногда цѣлыя ночи въ любезномъ собесѣдованіи; онъ постоянно заботился о матеріальномъ благосостояніи своего монастыря, давалъ ему все потребное изъ своего имѣнія; благодаря такому дѣятельному его участію, монахи успѣшно вели дѣло обученія московскаго юношества, а также перевели съ греческаго на славянскій языкъ много душеполезныхъ книгъ.

Новшество, заводимое Ртищевымъ, обратило на себя общее вниманіе и возбуждало различные толки, далеко не всегда сочувственные. Извѣстное подозрительное отношеніе москвичей къ малороссамъ было распространено и на монаховъ, вызванныхъ Ртищевымъ: ихъ тоже заподозрили въ неправославіи и опасались итти къ нимъ въ науку. Въ 1650 г. со стороны нѣкоего чернеца Саула къ царю поступилъ доносъ на новыхъ учителей и на ихъ науку. Доносчикъ выставляетъ, между прочимъ, на видъ то, что кіевляне обучаютъ и латинскому языку, а „кто по-латыни научится, тотъ съ праваго пути совратится“.

Московскіе люди къ самому установленію школы относились, по всему вѣроятію, не особенно сочувственно, и, какъ бы въ подтвержденіе своихъ опасеній, они замѣчаютъ, что молодые люди, ихъ дѣти, попавшіе въ эту школу, совершенно отрываются отъ нихъ, просятся со слезами въ Кіевъ и скептически относятся къ авторитету благо-

честивыхъ протопоповъ, пользующихся такимъ почетомъ при дворѣ и въ духовномъ мірѣ, осмѣливаются про нихъ говорить, что они „враки вракуютъ“. Можно предполагать въ указанномъ доносѣ отголосокъ сужденій самихъ благочестивыхъ протопоповъ, Ивана, Степана и др., которымъ не нравилась конкуренція ученыхъ кіевлянъ, смотрѣвшихъ на нихъ свысока, какъ на невѣждъ; но при этомъ нельзя не замѣтить, что эти сужденія находили для себя вполнѣ подготовленную почву въ томъ тревожномъ настроеніи, которое охватывало москвичей при усиливавшемся наплывѣ западныхъ новшествъ.

Къ концу XVI и въ XVII вѣкѣ, по мѣрѣ развитія государства и по мѣрѣ возникновенія въ немъ разныхъ новыхъ потребностей, все болѣе и болѣе сознается необходимость, съ одной стороны, во введеніи западныхъ новшествъ, а съ другой—въ западныхъ людяхъ, которые, поступая на русскую службу, могли бы отвѣчать новымъ запросамъ и потребностямъ. Государству необходимы ремесленники, офицеры, торговцы и т. д., и оно призываетъ ихъ съ Запада и дѣлаетъ ихъ учителями русскихъ.

Конечно, на службу въ малознакомую, полуварварскую страну, къ русскому государю шли съ Запада не лучшіе люди, а являлся разный сбродъ, своего рода „казаки западно-европейскіе“, какъ ихъ мѣтко называетъ Соловьевъ, „извѣчнымъ занятіемъ которыхъ было—служить въ семи ордахъ, семи королямъ, искать хорошаго жалованья и добычи въ службѣ разныхъ государей; служилые иноземцы были совершеннѣйшіе космополиты, отличавшіеся полнымъ равнодушіемъ къ судьбамъ той страны, гдѣ они временно поселились, отличавшіеся легкой нравственностью. Трудно было сыскать между ними кого-нибудь съ научнымъ образованіемъ: такіе люди не пошли бы въ наемныя дружины; но это были обыкновенно люди живые, развитые, много видѣвшіе, пріятные и веселые собесѣдники, любившіе хорошо, весело пожить, попировать за полночь, беззаботные, живущіе день за день, привыкшіе къ крутымъ поворотамъ судьбы“.

Иноземцы сразу начали досаждать тому же государству, которое ихъ призывало. Въ очень большомъ количествѣ провозили они чрезъ Архангельскъ контрабанду, отъ чего государевой казнѣ чинилась не малая поруха; провозили табакъ и иные заповѣдные товары, а изъ Московскаго государства вывозили шелкъ-сырецъ и всякіе другіе товары. За границей дѣлалось много фальшивыхъ московскихъ серебряныхъ денегъ, очень худого качества, мѣшанныхъ наполовину съ мѣдью; эти деньги обмѣнивались въ Россіи на старые московскіе рубли чистаго серебра. Но иноземцы не ограничивались такими дѣйствіями и совершенно открыто отказывались исполнять нѣкоторыя правительственныя распоряженія.

Дѣйствуя иногда въ разрѣзъ съ правительственными распоряженіями и въ ущербъ государственнымъ финансамъ, нѣмцы были гораздо тягостнѣе для земскихъ людей. Въ 40-хъ годахъ XVII столѣтія произошли значительные безпорядки и смуты во многихъ мѣстностяхъ

Московскаго государства, и изъ челобитной торговыхъ людей разныхъ городовъ мы узнаемъ, что причиною этому были, между прочимъ, притѣсненія отъ нѣмцевъ, жившихъ на Руси по торговымъ дѣламъ. „А ихъ, государь,—говорится въ челобитной,—нѣмецкое злодѣйство къ намъ, холопямъ и сиротамъ твоимъ, всего государства торговымъ людямъ, и лукавый умыселъ тебѣ, праведному государю, мы, холопи твои, объявляемъ". Злодѣйство нѣмецкое было, дѣйствительно, очень велико и могло возбуждать сильнѣйшіе взрывы народнаго негодованія. Ежегодно пріѣзжало въ Московское государство торговыхъ людей англичанъ человѣкъ 60—70 и больше. Они устроили свои склады въ Архангельскѣ, Холмогорахъ, на Вологдѣ, въ Ярославлѣ, въ Москвѣ и др. городахъ, такъ что ихъ поселенія при Михаилѣ Өеодоровичѣ доходили по Волгѣ уже до самой Астрахани. Окончательно водворившись въ Московскомъ государствѣ, нѣмцы завели постоянную торговлю не только по его окраинамъ, но и во внутреннихъ городахъ. Это были въ большинствѣ представители богатыхъ и старинныхъ торговыхъ фирмъ и пользовались покровительствомъ русской власти, такъ что конкуренція съ ними была для мѣстныхъ торговцевъ нелегка и даже опасна. Началось искусственное поднятіе и пониженіе цѣнъ на товары: „Какъ который товаръ будетъ подороже, и они тотъ товаръ учнутъ продавать, а который товаръ будетъ подешевле и на который товаръ походу нѣтъ, и они тотъ товаръ держатъ у себя въ домѣхъ года по два и по три, да какъ товаръ подымется въ цѣнѣ, такъ и продавать учнутъ". Цѣны на московскіе товары такъ упорно сбивались, что многіе купцы „плачучи отдавали свой товаръ за безцѣнокъ". Прежде англійскіе нѣмцы вымѣнивали свои товары на русскіе черезъ мѣстныхъ купцовъ посредниковъ, теперь стали покупать они сами на мѣстахъ ихъ производства, „своимъ заговоромъ", и „разсылаютъ,—заявляли русскіе люди въ своей челобитной,—покупать по городамъ и въ уѣзды, закабаля и задолжа многихъ бѣдныхъ и должныхъ русскихъ людей, и тѣ товары покупя, русскіе люди привозятъ къ нимъ, а они провозятъ въ землю свою безпошлинно; а иные русскіе товары они, аглинскіе нѣмцы, у города продаютъ на деньги галанскимъ и бараборскимъ и анбурскимъ нѣмцамъ, а вѣсятъ у себя на дворѣ въ свои телѣги и увозятъ на галанскіе и на бараборскіе и на анбурскіе корабли тайно, и твою государеву пошлину крадутъ, и всѣми торгами, которыми искони вѣчными мы, холопи и сироты твои, торговали, завладѣли аглинскіе нѣмцы, и оттого мы, холопи и сироты твои, своихъ искони вѣчныхъ старыхъ торговыхъ промысловъ отстали и къ Архангельскому городу ѣздить перестали".

Для примѣра торговые люди въ своей челобитной приводятъ слѣдующую уловку нѣмцевъ, отъ которой чинилась поруха и государевой казнѣ и земскимъ людямъ: первоначально получили право торговли въ Московскомъ государствѣ только 23 человѣка, которые и были поименованы въ жалованной грамотѣ; но изъ нихъ остава-

лось въ живыхъ всего 3 или 4 человѣка, да и тѣ уже не ѣздили въ Россію, а пріѣзжали совсѣмъ другіе люди, не имѣвшіе никакого права на это, называясь братьями, племянниками, приказчиками лицъ, записанныхъ въ грамоту.

Еще характернѣе случай, бывшій съ ярославцемъ, торговымъ человѣкомъ, Антономъ Лаптевымъ, который поѣхалъ при Михаилѣ Θеодоровичѣ въ Голландію съ пушнымъ товаромъ; тамъ у него ничего не купили, а когда онъ вернулся въ Архангельскъ, тѣ же нѣмцы взяли его мѣха по большой цѣнѣ. Русскіе люди, видя такое коварство нѣмцевъ, начали ихъ укорять въ неблагодарности за милости русскаго государя. А нѣмцы говорили: „Для того мы у Антона Лаптева товару не купили, чтобы инымъ русскимъ людямъ ѣздить въ наше государство не было повадно; а только въ нашихъ государствахъ русскіе люди учнутъ торговать такъ же, какъ мы у васъ, и мы всѣ станемъ безъ промысловъ, такъ же оскудѣемъ, какъ и вы, торговые люди; да не токмо вы, русскіе люди, въ наши государства пытались пріѣзжать, кизыльбаши съ товарами своими, съ шелкомъ-сырцомъ и мы у нихъ потому же товаровъ не купили, и они, живучи долгое время, и опять назадъ съ товаромъ своимъ поѣхали къ себѣ и послѣ того и ѣздить не стали; а вамъ бы, торговымъ людямъ, и то поставить себѣ въ большую находку, что его, Онтона, и съ голоду не уморили“. Подобный же фактъ былъ и съ дьякомъ Назарьемъ Чистого. И не одни торговые люди терпѣли отъ иноземцевъ, много выносили отъ нихъ и другіе классы народа: солдаты и мелкіе служилые люди, которыхъ должны были нѣмцы учить ратному строю, не мало терпѣли отъ нихъ, при чемъ въ большинствѣ случаевъ оставались вѣчными учениками и подчиненными нѣмцевъ; черезъ торговлю въ значительной экономической зависимости находились отъ нихъ сельскіе и городскіе жители, а подчасъ даже подвергались оскорбленіямъ. Такъ, въ Москвѣ нерѣдки были кутежи и попойки нѣмецкихъ офицеровъ и солдатъ, и послѣ нихъ пьяные иноземцы буйно расхаживали по городу и били всякаго попадавшагося имъ навстрѣчу.

Не по нраву были, конечно, русскимъ людямъ такія притѣсненія и выходки нѣмцевъ, тяжело имъ было сносить все это, и расправлялись они сами съ своими притѣснителями, и обращались они съ жалобой и мольбой о защитѣ къ высшему правительству и къ самому государю: въ 1646 году была подана челобитная отъ торговыхъ людей, въ 1649 двѣ челобитныя: одна отъ дворянъ, другая отъ торговыхъ людей. Въ одной челобитной просили государя: „Заморскихъ нѣмцевъ изъ Московскаго государства выслать и впредь велѣть русскимъ людямъ торговать съ нѣмцами у Архангельскаго города“, такъ какъ „московскіе гости и торговые люди во всѣхъ торгахъ и промыслѣхъ отъ нѣмецъ погибли и разорилися до конца, да нѣмцы-жъ, будучи въ Московскомъ государствѣ, провѣдываютъ про вѣсти и пишутъ въ свои земли всякіе дѣла“. Предлагалось даже

нѣчто въ родѣ выкупа, чтобы избавиться отъ нѣмцевъ. „А что-де нѣмцы,—говорилось въ челобитной,—будучи въ Московскомъ государствѣ и въ городѣхъ, устроили себѣ дворы и на дворѣхъ поставили палаты, и только де укажетъ государь тѣ ихъ дворы со всѣмъ строеньемъ оцѣнить, чего тѣ дворы стоятъ, и за тѣ де дворы гости и торговые люди и денги по цѣнѣ нѣмцамъ заплатятъ міромъ. А у которыхъ де нѣмецъ Московскаго государства на торговыхъ людехъ есть кабальные долги, и тѣ-де долги нѣмцамъ русскіе заплатятъ, а чего-де будетъ тѣмъ должникамъ заплатить вскорѣ будетъ немочно, и тѣ-де достальные долги нѣмцамъ заплатятъ гости-жъ и торговые люди міромъ. А на комъ-де нѣмцы скажутъ долговые деньги безъ кабалъ, и тому бы, государь, по своему государеву уложенью вѣрить не велѣлъ: будетъ де кому нѣмцы въ какихъ долгахъ вѣрили безкабально, и они-де съ тѣми людьми въ долгу сочтутца по душамъ". Однако всѣ такія жалобы и проекты изгнанія нѣмцевъ не могли вести ни къ какимъ послѣдствіямъ, такъ какъ правительство само призывало нѣмцевъ и не могло имъ не покровительствовать.

Тѣмъ болѣе трудно было москвичамъ бороться съ нѣмцами, что теперь уже начиналось ихъ культурное вліяніе, имъ начинали уже подражать. Въ высшемъ классѣ московскаго общества встрѣчается уже много людей, перенявшихъ заморскіе нѣмецкіе обычаи; нѣкоторые бояре выпускаютъ своихъ женъ изъ теремовъ; царицы ѣздятъ въ открытыхъ экипажахъ; многіе молодые люди бреютъ бороду, курятъ и нюхаютъ проклятое заморское зеліе—табакъ. Являются, правда, какъ исключенія, но все же являются, личности, въ родѣ кн. Ивана Хворостинина, которыя уже прямо высказываютъ полное презрѣніе къ своему родному быту и преклоняются предъ иноземными новшествами. Въ указѣ царя и патріарха отъ 1623 г. говорилось, что кн. Хворостининъ, подвергшійся сильному латино-польскому вліянію въ Смутное время, не позволялъ людямъ своимъ ходить въ церковь, „а которые пойдутъ, тѣхъ билъ и мучилъ, говорилъ, что молиться не для чего"; держалъ у себя много образовъ латинскаго письма и много латинскихъ еретическихъ книгъ; собирался уѣхать въ Литву и нарядиться тамъ по-гусарски; говорилъ, что въ Москвѣ и людей нѣтъ, народъ все глупый, жить ему не съ кѣмъ, и поэтому онъ хочетъ уѣхать въ Римъ или въ Литву. Въ книжкахъ его сочиненія, писанныхъ стихами, найдены великія укоризны русскимъ людямъ, что они „сѣютъ землю рожью, а живутъ все ложью, что ему пріобщенія съ ними нѣтъ никакого".

Рядомъ съ этимъ фактомъ можно поставить и эпизодъ съ молодыми людьми, отправленными при Борисѣ Годуновѣ за границу, откуда они уже не возвращались.

Но рядомъ съ этимъ постепеннымъ увлеченіемъ иноземщиной шло противодѣйствіе ему со стороны представителей старинной русской культуры, сохранявшихъ исконную антипатію къ латинамъ, переданную изъ Византіи. Правда, эта антипатія у насъ была все-

таки значительно смягчена, и даже въ духовенствѣ, начиная съ Ѳеодосія Печерскаго, слышались голоса, допускавшіе милостивое отношеніе къ латинамъ, за что обѣщалась даже мзда отъ Бога; даже и нетерпимое осифлянство не касалось латинъ, хотя относительно своихъ домашнихъ еретиковъ оно не скупилось на казни. Въ народѣ же, по всей вѣроятности, терпимость къ иноземцамъ была еще шире. Но, относясь съ нѣкоторою мягкостью къ латинамъ и люторамъ, народъ былъ въ правѣ ожидать и отъ нихъ такого же отношенія къ своей вѣрѣ, къ своимъ нравамъ, а между тѣмъ иноземцы не отличались особенной деликатностью; они позволяли себѣ насмѣшки надъ православіемъ, надъ обрядами, надъ многими сторонами духовной жизни москвичей, которыя казались имъ странными; иногда они прямо даже пытались пропагандировать латинскія или протестантскія мнѣнія, чѣмъ и вызывали противъ себя порой очень рѣзкіе протесты. Олеарій сообщаетъ о полковницѣ Лесли, которая „въ противность русской вѣрѣ, заставляла подвластныхъ ей русскихъ крестьянокъ ѣсть въ постные дни мясо... а что всего ужаснѣе, однажды схватила она со стѣны икону ихъ, бросила въ топившуюся печку и сожгла“.

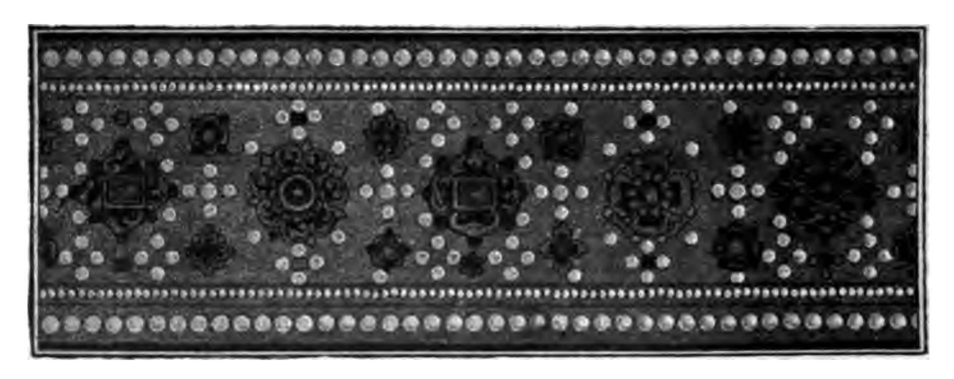
Очень неудобной представлялась близость лютеранскихъ церквей къ православнымъ, такъ какъ, по жалобамъ духовенства, нѣмцы чинили этимъ великій соблазнъ народу. Жалуясь на такое положеніе дѣлъ, духовенство просило запретить нѣмцамъ покупать дворы и учинить особый указъ о старыхъ дворахъ и относительно кирокъ.

Интересны споры, происходившіе въ концѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича, по вопросу о переходѣ въ православіе королевича датскаго Вольдемара. Со стороны протестантовъ тутъ ясно высказались пропагандистскіе замыслы, встрѣтившіе, правда, рѣшительный отпоръ въ средѣ московскаго духовенства и народа. При этихъ спорахъ представители православія оказались на высотѣ своей задачи. Но эти диспуты представляются намъ высоко интересными по тому вниманію, съ которымъ за ними слѣдили люди всѣхъ слоевъ общества. Съ сильнымъ и тревожнымъ вниманіемъ наблюдали русскіе люди за ходомъ этихъ преній, потому что тутъ, по ихъ взгляду, ставился вопросъ объ ихъ самобытности, которая отождествлялась для нихъ съ православною вѣрою; приходилось защищать свой вѣками созданный домашній и общественный строй жизни, свои вѣрованія и убѣжденія. Москвичи думали, что живя вмѣстѣ съ иноземцами, они подвергаются опасности утратить свое старинное правовѣріе и испортить свой національный обликъ. Указывали на необходимость самобытнаго развитія: „въ коейждо странѣ свой обычай, — писалъ патріархъ Іосифъ въ окружномъ посланіи къ духовенству и мірянамъ,—не приходитъ чужой законъ въ другую страну, но каждая своего обычая законъ держитъ“. Ординъ-Нащокинъ говорилъ: „что намъ за дѣло до обычаевъ иноземныхъ, ихъ платье не по насъ, и наше не по нихъ“.

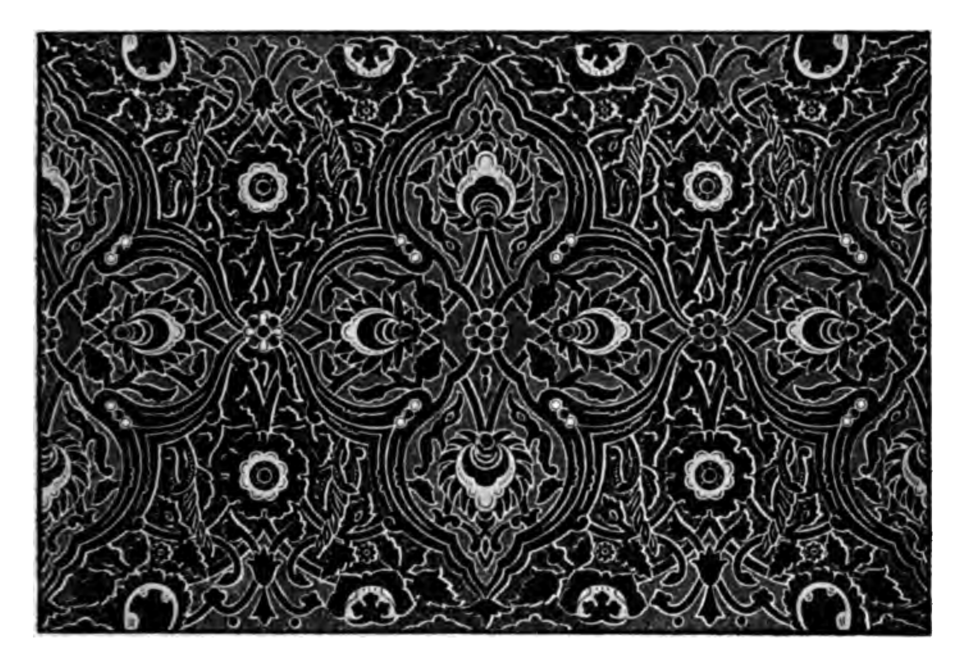
Тѣмъ болѣе страшнымъ казался этотъ наплывъ всякихъ западныхъ новшествъ, что въ это время возбуждалось тревожное ожиданіе кончины міра, вслѣдствіе предсказанія въ „Кирилловой книгѣ" „второго Христова прихода иже имать быти въ осьмомъ вѣцѣ".

Такимъ образомъ, время это было переходное и, какъ обыкновенно бываетъ, исполненное всеобщаго напряженія и тревоги за будущее. Уже теперь приготовлялась почва для раскола, но покуда еще сохранялось равновѣсіе между требованіями исправителей и ихъ противниковъ, хотя можно было предвидѣть, что нуженъ незначительный толчокъ, чтобы его нарушить.

Такой толчокъ вскорѣ представился; случилось важное событіе— перемѣна патріарха. Умеръ патріархъ Іосифъ. Много выдающагося совершилось въ русской Церкви при его управленіи, но въ послѣднее время личное его участіе въ дѣлахъ Церкви значительно ослабѣло, благодаря дѣятельности кружка Вонифатьева и примыкавшаго къ этому кружку новгородскаго митрополита Никона. Да и въ послѣдніе годы своей жизни почившій патріархъ впалъ въ душевное состояніе, граничившее съ умственнымъ разстройствомъ. Его стяжательность и бережливость доходили до крайности: ни одинъ изъ патріарховъ не оставилъ такой, какъ Іосифъ, большой келейной казны, которую онъ копилъ, вѣроятно, изъ опасенія потерять свое мѣсто. Царь Алексѣй Михайловичъ, дѣлавшій опись его имущества, нашелъ у него деньгами 13.400 рублей да, кромѣ того, много сосудовъ серебряныхъ и дорогихъ вещей. Все это не было у него записано, онъ все „наизусть вѣдалъ", и все содержалось въ замѣчательномъ порядкѣ. Подъ конецъ жизни Іосифъ, видя возвышеніе Никона и постоянно сталкиваясь съ ревнителями кружка Вонифатьева, сталъ опасаться: „перемѣнить меня, скинуть меня хотятъ,—безпрестанно говорилъ онъ,—а будетъ и не отставятъ, и самъ за соромъ стану бить челомъ объ отставкѣ, и денегъ приготовилъ себѣ на дорогу".



Орнаментъ доличнаго иконы кисти Никиты Павловца (1677 г.).



Расписной по дереву орнаментъ на столѣ царевны Софьи Алексѣевны.

Патріархъ Никонъ.

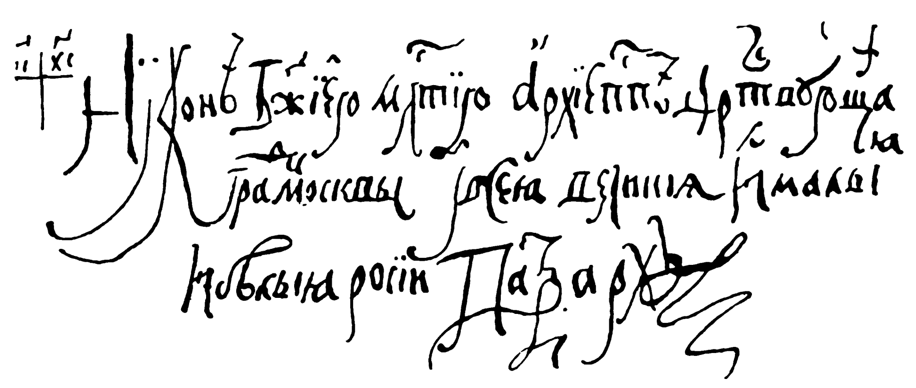
Предстояло избрать новаго патріарха. По своему положенію въ Церкви, по вліянію на царя, однимъ изъ первыхъ кандидатовъ на это мѣсто былъ новгородскій митрополитъ Никонъ. Сынъ „простыхъ родителей", по указанію Шушерина, или „черемисина", и „русалки" (вѣроятно, русачки), по показанію Аввакума, онъ въ раннемъ дѣтствѣ испыталъ притѣсненія отъ злой мачехи, но это только способствовало выработкѣ въ немъ крѣпкаго характера. Выучившись грамотѣ, онъ полюбилъ чтеніе книгъ. Въ книгахъ онъ встрѣчалъ образы сильныхъ духомъ иноковъ-подвижниковъ, его влекло подражать имъ, и онъ ушелъ въ монастырь Макарія Желтоводскаго. По просьбамъ родныхъ, онъ вышелъ изъ обители, женился и получилъ священническое мѣсто. Но въ міру онъ не могъ оставаться, почти насильно заставилъ жену постричься, а самъ удалился въ Анзерскій скитъ подъ началъ старца Елеазара. Однако онъ не ужился въ скиту, поссорился съ Елеазаромъ и такъ вооружилъ его противъ себя, что тотъ даже на него не хотѣлъ и смотрѣть. Тогда Никонъ перешелъ въ Кожеезерскій монастырь, гдѣ продолжалъ предаваться усиленнымъ аскетическимъ трудамъ и чтенію божественнаго писанія. Его выбрали въ игумены. Слава о немъ, какъ о начетчикѣ и подвижникѣ, распространялась повсюду. Въ 1646 г. ему случилось пріѣхать въ Москву по монастырскимъ дѣламъ. Тутъ его узналъ царь, на котораго онъ произвелъ очень хорошее впечатлѣніе, и Никонъ остался въ Москвѣ

архимандритомъ Новоспасскаго монастыря. Съ этого времени начинается его дружба съ царемъ, который любилъ наслаждаться его „богодухновенною бесѣдою“. Видя „тщаніе и попеченіе его объ убогихъ“, царь приказалъ ему принимать и докладывать себѣ „челобитныя объ обидимыхъ“. Занимая такое выдающееся положеніе, Никонъ принималъ дѣятельное участіе во многихъ церковныхъ преобразованіяхъ этого времени, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ кружкомъ Стефана Вонифатьева и съ Ѳ. М. Ртищевымъ и сумѣлъ сойтись съ пришлыми малороссами и греками и понять необходимость совѣта съ ними въ разныхъ нашихъ церковныхъ исправленіяхъ. Въ 1649 г. Никонъ былъ назначенъ митрополитомъ новгородскимъ. На этомъ новомъ мѣстѣ во всей силѣ обнаружился его крутой и непреклонный характеръ. Его дѣйствія во время извѣстнаго новгородскаго мятежа показали, что онъ принадлежалъ къ такимъ людямъ, которые не могутъ ничѣмъ поступиться и готовы итти на всякія страданія за свое дѣло: Никона такъ избили, что онъ кровью кашлялъ и едва не умеръ. Но въ то же время люди, ему подобные, бываютъ часто способны и на сильнѣйшій деспотизмъ. Новгородцы жаловались, что Никонъ чинилъ многія неистовства и смуту въ міру великую. Незадолго до смерти Іосифа Никонъ былъ посланъ въ Соловецкій монастырь за мощами св. митрополита Филиппа. Съ нимъ было отправлено нѣсколько бояръ, съ которыми онъ обращался довольно круто, требуя отъ нихъ строгаго выполненія церковныхъ предписаній, заставляя ихъ поститься и молиться. Имъ приходилось съ нимъ такъ тяжело, что въ письмахъ къ царю и друзьямъ своимъ они жаловались, что они совсѣмъ пропали, что лучше бы имъ гдѣ-нибудь на Новой Землѣ, за Сибирью, съ княземъ И. И. Лобановымъ пропасть, нежели ѣздить съ новгородскимъ митрополитомъ, такъ какъ онъ силою заставляетъ говѣть—„но никого,—добавляли они,—силою не заставитъ Богу вѣровать“.

Когда умеръ Іосифъ, Никонъ еще не вернулся изъ Соловокъ. Въ замѣстители умершаго патріарха кружокъ мѣтилъ Стефана Вонифатьева. Но тотъ отказался. Тогда царь отсылаетъ въ Соловецкій монастырь письмо къ Никону, котораго проситъ прибыть въ Москву поскорѣе для участія въ выборахъ новаго патріарха. Никонъ пріѣхалъ въ Москву. Съ Вонифатьевымъ и со всей братіей онъ обошелся хорошо, „яко лисъ, челомъ да здорово“, какъ выражается Аввакумъ, который объясняетъ такое обращеніе Никона желаніемъ задобрить ихъ, чтобы они не мѣшали ему достигнуть патріаршества. Но такое объясненіе, можетъ-быть, и не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ Никонъ могъ не сомнѣваться въ рѣшеніи царя, а просто ему не было никакого пока основанія ссориться съ своими старыми друзьями. Никонъ былъ избранъ въ патріархи и при этомъ въ своей рѣчи къ царю и освященному собору онъ непремѣннымъ условіемъ принятія патріаршества ставилъ обѣщаніе со стороны избиравшихъ его слушать его, „какъ начальника и пастыря, и отца крайнѣйшаго“

во всемъ. Требуя такого обѣщанія отъ своей будущей паствы, Никонъ, конечно, имѣлъ въ виду заняться исправленіемъ церковныхъ недостатковъ, въ духѣ тѣхъ „зазираній“, которыя убѣдили его въ окончательной негодности старыхъ путей.

Заявивши въ своей рѣчи при вступленіи на патріаршій престолъ о своемъ желаніи заняться устраненіемъ недостатковъ русской церковной практики, Никонъ на первое мѣсто поставилъ вопросъ объ исправленіи богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, согласно съ греческими образцами. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми знатоками греческаго языка, въ числѣ которыхъ былъ и Епифаній Славинецкій, Никонъ усердно начинаетъ изучать документы и книги, находившіеся въ его патріаршей книгохранительницѣ. Между прочимъ, онъ обратилъ вниманіе на греческую грамоту объ учрежденіи патріаршества въ



Автографъ патріарха Никона.

Москвѣ; въ ней говорилось, что Россія во всемъ должна быть согласна съ вселенскими патріархами, не только въ вопросахъ догматическихъ и нравственныхъ, но и въ обрядахъ, и потому надо истреблять и предавать анаѳемѣ всякую новину.

Но кому же поручить исправленіе книгъ? Старыми справщиками при патріархѣ Іосифѣ Никонъ не могъ быть особенно доволенъ, такъ какъ они, по незнакомству съ греческимъ языкомъ, не могли удовлетворять тѣмъ требованіямъ, которыя онъ предъявлялъ къ книжнымъ исправленіямъ. Къ дѣлу привлекается Арсеній Грекъ, о пребываніи котораго въ Москвѣ первое извѣстіе относится къ 1652 г., когда онъ назывался безмѣстнымъ старцемъ. Въ то же время съ печатнаго двора удаляются прежніе справщики (Иванъ Насѣдка, Савватій, Сила Григорьевъ).

Такія дѣйствія патріарха возбуждаютъ противъ него недоброжелательное и даже враждебное отношеніе прежде всего со стороны кружка Вонифатьева. Очень многіе были недовольны Арсеніемъ Грекомъ. Недоброжелательство и недовѣріе къ патріарху-новатору еще болѣе возрастаетъ, когда онъ издаетъ „Слѣдованную Псалтирь“

и въ этомъ изданіи измѣняетъ правило о великопостныхъ поклонахъ и крестномъ знаменіи. Послѣ того, какъ по церквамъ разослано было это распоряженіе Никона, къ Неронову собралась опальная его братія, чтобы посовѣтоваться о томъ, что слѣдуетъ предпринять. Весьма важно въ этомъ случаѣ, что братія сошлась не у Стефана Вонифатьева, который былъ до сихъ поръ настоящимъ главою кружка. Что имъ дѣлать, не знали они, только видѣли, „яко зима хощетъ быти, сердце озябло и ноги задрожали“. Нероновъ удалился въ Чудовъ монастырь, оставивъ свою церковь на попеченіе Аввакуму. Цѣлую недѣлю молился онъ, запершись въ палаткѣ, и, наконецъ, слышитъ онъ отъ образа Спасителя голосъ, говорящій ему, что настало время страданія, что Россіи грозитъ отпаденіе отъ вѣры, и надо сопротивляться. Тотчасъ же поспѣшилъ онъ сообщить о своемъ видѣніи Аввакуму, Павлу, еп. коломенскому, протопопу костромскому, Даніилу и всей братіи. Получивъ такимъ образомъ какъ бы нѣкоторое благословеніе свыше, Аввакумъ и Даніилъ выступили съ протестомъ, выбрали изъ божественнаго писанія доказательства противъ Никонова распоряженія о поклонахъ и о сложеніи перстовъ и подали царю большую челобитную, до насъ не дошедшую. Государь, какъ предполагаетъ Аввакумъ, отдалъ ее Никону, но Никонъ ничего не сдѣлалъ челобитчикамъ, вѣроятно, еще не желая преслѣдовать людей, которые пользовались такимъ вліяніемъ въ прежнее патріаршество и съ которыми самъ былъ ранѣе друженъ, но теперь уже съ нѣкотораго времени порвалъ связь.

Однако, хотя это дѣло на время заглохло, не многаго нужно было, чтобы разгорѣлись страсти и нарушилось спокойствіе. Новое столкновеніе съ Никономъ произошло болѣе изъ-за личныхъ мотивовъ. Въ 1653 г. патріархъ созвалъ у себя въ Крестовой палатѣ соборъ для суда надъ муромскимъ протопопомъ Логгиномъ. Этого члена Нероновскаго кружка обвинялъ муромскій воевода въ томъ, будто онъ похулилъ иконы Спасителя, Богородицы и всѣхъ святыхъ. Въ сущности дѣло, какъ оно излагается Нероновымъ въ „Росписи спорныхъ рѣчей съ патріархомъ Никономъ“ и Муромскими жителями въ ихъ челобитной за Логгина мѣстному епископу, было совсѣмъ неважное. Жена муромскаго воеводы пришла къ Логгину подъ благословеніе. Логгинъ почему-то спросилъ: „не бѣлена ли ты?“ Присутствовавшіе за нее вступились и обратились къ протопопу съ слѣдующимъ казуистическимъ вопросомъ: „Что ты, протопопъ, хулишь бѣлила? безъ бѣлилъ не пишутся образа Спасителя, Богородицы и всѣхъ святыхъ“. Логгинъ отвѣчалъ: „Какими составами пишутся образа, такіе и составляютъ писцы, а какъ такіе составы положить на ваши рожи, такъ и сами не захотите; самъ Спасъ, Пречистая Богородица честнѣе своихъ образовъ“. По утвержденію Неронова, Никонъ, не разслѣдовавъ дѣла, велѣлъ отдать Логгина жестокому приставу.

Негодуя на такое распоряженіе, Нероновъ упрекалъ Никона въ томъ, что тотъ пересталъ держаться своихъ прежнихъ взглядовъ на грековъ и малороссовъ и разошелся съ своими прежними друзьями. Въ своихъ упрекахъ онъ дошелъ даже до оскорбленій и дерзостей по отношенію къ Никону, чѣмъ и навлекъ на себя вскорѣ наказаніе: его сослали подъ началъ въ Новоспасскій монастырь, откуда, затѣмъ, препроводили въ Вологду. Попалъ подъ опалу и протопопъ

Патріархъ Никонъ. (Изъ Альбома Мейербера).

Аввакумъ, возбуждавшій народъ своими проповѣдями противъ Никона. Были сосланы и другіе члены кружка.

Такъ было подавлено возникшее движеніе, но лишь на время, не совсѣмъ. Вскорѣ въ церковныхъ сферахъ совершаются такія событія (печатаются новыя книги, онѣ одобряются соборными постановленіями, предается анаѳемѣ двуперстіе и др.), которыя снова вызываютъ противниковъ Никона на систематическое противодѣйствіе. Нуженъ былъ удобный моментъ для выраженія протеста, и онъ скоро представился.

Московское государство было постигнуто великимъ народнымъ бѣдствіемъ—моровою язвою 1654 года, сгубившею множество людей всякаго состоянія. Это бѣдствіе, въ связи съ начавшейся польской войной, было истолковано, какъ Божіе наказаніе за отступничество отъ старой, правой вѣры,— наказаніе, къ тому же предсказанное, какъ утверждалось, царю Іоанномъ Нероновымъ. Конечно, сосланные протопопы и ихъ сторонники въ Москвѣ не могли упустить такого случая, чтобы не указать на него народу, какъ на яркое удостовѣреніе своей правоты и неправды Никона. Между тѣмъ, по указу патріарха, отсутствовавшаго въ Москвѣ, отбирались и уничтожались распространенныя въ большомъ количествѣ иконы латинскаго письма. Распоряженіе это исполнялось очень усердно и притомъ далеко не умѣло, такъ что вызывало ропотъ въ темномъ народѣ, не отдававшемъ себѣ отчета въ полной основательности требованія патріарха и потому увидѣвшемъ въ этомъ дѣлѣ еретичество и иконоборство. Обнаружилось волненіе. Въ соборную церковь, гдѣ былъ у обѣдни управлявшій Москвой кн. М. П. Пронскій, пришли многіе земскіе и разныхъ слободъ люди и принесли икону Спаса Нерукотвореннаго съ выскребленнымъ ликомъ и подписью. Когда бояринъ вышелъ изъ церкви, собравшіеся стали жаловаться ему на поруганіе, учиненное надъ образомъ патріархомъ, и говорили, что имъ было видѣніе, побуждавшее встать противъ такого поруганія. Бояринъ уговорилъ толпу разойтись по домамъ, но вечеромъ къ Красному крыльцу опять собрались земскіе люди. Однако на этотъ разъ воеводамъ удалось успокоить народъ, но черезъ нѣсколько дней волненіе повторилось: Пронскій писалъ царицѣ, что какая-то Степанида Калужанка съ братомъ Терешкою разсказываютъ видѣнія и запрещаютъ печатать книги.

Подобныя явныя вспышки протеста были рѣдки. Усиленнѣе велась, такъ сказать, подпольная пропаганда протестовавшихъ. Особенно старался въ этомъ отношеніи Нероновъ, за которымъ шли и его ученики, напр., братья Плещеевы, находившіеся съ учителемъ въ дѣятельной перепискѣ. Самъ Нероновъ всюду, гдѣ только представлялся случай, энергично заявлялъ свои протесты и проповѣдывалъ о наступленіи послѣднихъ временъ. Все это движеніе становится интенсивнѣе съ тѣхъ поръ, какъ Никонъ оставляетъ патріаршество. Нарождается цѣлая литература, направленная противъ него и его дѣла и доказывавшая наступленіе кончины міра.

Изъ раскольническихъ писателей этого времени наше вниманіе обращаетъ на себя Спиридонъ Потемкинъ. Это былъ человѣкъ съ большими связями, даровитый, широко образованный, знакомый съ языками греческимъ, латинскимъ и немного еврейскимъ. Ему принадлежитъ сборникъ изъ 9 главъ, называемый „Книгою о правой вѣрѣ". (Содержаніе: 1) о крестномъ знаменіи, 2) о Св. Духѣ Господѣ, 3) о книжномъ реформованіи и двунадесяти сатаниныхъ ученикахъ, 4) о связаніи сатаны и паки развязаніи, 5) о прелести и предотечахъ ан-

Образцы письма и украшеній.

Изъ Псалтыря съ возслѣдованіемъ. Рукопись XV в., хранится въ библіотекѣ Троице-Сергіевой лавры.

Первая вязь читается такъ: „Канунъ благовѣщенія пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи“.

Изд. Т-ва И. Д. СЫТИНА.

тихриста, 6) о премудрости Божіей, 7) о нечувственнѣхъ христіянѣхъ и т. д.).

Главнымъ основаніемъ нападокъ Спиридона Потемкина на новоисправленныя книги и на исправителей является то положеніе, что Церковь Христова „не требуетъ никакова исправленія, того ради яко ни погрѣшити можетъ, ни исправленія требуетъ". Непогрѣшимость

Патріархъ Никонъ въ полномъ облаченіи. (Изъ альбома Мейербера).

Церкви выражается не только въ вѣрѣ, крещеніи и священствѣ, но и въ томъ, что Церковь „не можетъ поползнутися ни въ малѣйшемъ отъ догматъ святыхъ"; но такъ какъ буквализмъ, отличавшій въ равной мѣрѣ въ эту эпоху и старообрядцевъ и православныхъ, не отличалъ въ существѣ догмата отъ обряда, то у Спиридона Потемкина вполнѣ послѣдовательно явилось положеніе, что Церковь не можетъ погрѣшить „ни въ единомъ словѣ, ни во псалмѣхъ, ни во ирмосахъ, ни въ обычаяхъ и нравѣхъ писанныхъ и держимыхъ,—вся бо церковная свята суть, и держаніе не пресѣчеся ни на единъ часъ".

Изъ такого взгляда естественно вытекаетъ, что всякая попытка исправленія есть порча, производимая кознями сатаны, который старается, чтобы всѣ уклонилися въ латинскую ересь, и поэтому исправители „купно съ жидами путь устилаютъ антихристу богомерзкими догматы, еретическими составы“. Оригиналы, съ которыхъ правятся новыя книги, испорчены разными латинскими вставками. „Нынѣ выходятъ книги еретическія, реформованныя, полныя злыхъ догматовъ, изъ Рима, Париса, изъ Винецыи, греческимъ языкомъ, но не по древнему благочестію, ихъ же прелагаютъ на словенскій языкъ“. Насѣявши такимъ образомъ многоразличные плевелы, исправители сами постоянно сбиваются со своего пути и не знаютъ, чего держаться: „на всяко лѣто десятижды себе реѳормуютъ на горшее, а никогда же въ разумъ истинный пріити не могутъ“.

Своимъ противникамъ, похваляющимся ученостью, Спиридонъ старается доказать въ духѣ прежнихъ представленій суетность мірского ученія. „Человѣцы бо,—говоритъ онъ,—научившеся грамматики, и риторики, но и самыя философіи, аще не прибѣгнутъ ко истинному учителю Христу, то что поможетъ грамматика, и что пособствуетъ риторика, и како наставитъ философія на путь истинный: единъ бо философъ аріянинъ, а другій македонянинъ, а третій лютеръ, инъ же кальвинъ, а інъ римлянинъ, и иныхъ множество, но сіи вси учатся въ римскихъ училищахъ, яже суть школы латинскія, а за ученіе не даютъ ничесо же, кромѣ душъ своихъ“. Указавъ на слабую сторону образованія исправителей, Спиридонъ Потемкинъ обличаетъ ихъ жизнь, во многомъ не соотвѣтствовавшую старымъ аскетическимъ идеаламъ: „Веліе диво, что видѣвше люди послѣдуютъ имъ! Вѣру ли, но та развращена; дѣла ли, и тѣ завистны; любовь ли, и та невѣдома никому; постъ ли, за щеками носа не знать; трезвеніе ли, всегда руки дрожатъ съ похмелья, а безъ горѣлки ни единъ часъ, безъ роскоши и безъ рыбы ни во единъ пятокъ; а труды церковныя, кто свидѣтель?“ Замѣчательно, что къ патріарху Никону Спиридонъ Потемкинъ относится сравнительно мягко. Не есть ли такое отношеніе къ Никону результатъ вліянія родственника Спиридона, Ѳ. М. Ртищева, который сохранялъ дружбу съ Никономъ и въ то же время не отстранялся отъ защитниковъ старины?

Единственное средство устранить всѣ еретическія нововведенія исправителей Потемкинъ видитъ въ созваніи собора. Кромѣ всего этого, Потемкинъ указываетъ на рядъ явленій, свидѣтельствующихъ о наступленіи послѣднихъ временъ и царства антихриста (на что указываетъ уже и самое заглавіе нѣкоторыхъ изъ его словъ, напр., 3, 4 и 5-го).

Рядомъ съ „Книгой“ Потемкина существовали и распространялись и другія сочиненія, преслѣдующія ту же самую цѣль—доказать неправоту Никона и наступленіе временъ антихриста. Въ числѣ ихъ мы должны упомянуть о рядѣ легендъ о Никонѣ, записанныхъ въ „Житіи“ инока Корнилія и въ раскольнической „Повѣсти о рожденіи

и воспитаніи и о житіи и кончинѣ Никона, бывшаго патріарха Московскаго и всея Россіи".

Первымъ человѣкомъ, провидѣвшимъ пагубу, грядущую отъ Никона, былъ, по этимъ легендамъ, Елеазаръ Анзерскій, въ скиту котораго жилъ Никонъ. Старецъ этотъ говорилъ своей братіи: „О, какова смутителя и мятежника Россія въ себѣ питаетъ!" Въ доказательство истины своего предреченія Елеазаръ передавалъ, что онъ видѣлъ около шеи Никона, который совершалъ литургію „змія черна и зѣло велика оплетшася". Свидѣтелями богопротивныхъ дѣйствій Никона, когда онъ былъ новгородскимъ митрополитомъ, были келарь больничной обители Соловецкаго монастыря, Кирикъ, и старецъ Андреянъ, видѣвшіе на его сапогахъ распятіе и образъ Богородицы, такъ что онъ представился попирающимъ святыню. Иноку Корнилію было въ тонкомъ снѣ видѣніе: спорили темнообразный и благообразный, и темнообразный, защищавшій четвероконечный крестъ, одолѣлъ благообразнаго.

Распространеніе подобныхъ легендарныхъ разсказовъ легко могло привести къ тому радикальному заключенію, что Никонъ не предтеча антихриста, но уже самъ антихристъ; такъ училъ старецъ Ефремъ Потемкинъ, пропагандировавшій свои теоріи устно и письменно въ уѣздахъ Нижегородскомъ и Ветлужскомъ, предсказывая, между прочимъ, голодъ въ теченіе семи лѣтъ. Ученіе это было очень распространено и долго держалось, такъ что впослѣдствіи его пришлось опровергать даже Аввакуму.

Въ такомъ печальномъ положеніи были церковныя дѣла послѣ ухода Никона съ патріаршаго престола. Велась борьба не только противъ личности бывшаго патріарха, но и противъ его дѣла, которое представлялось дѣломъ антихриста.

Между тѣмъ возвратился изъ ссылки одинъ изъ самыхъ рьяныхъ противниковъ Никона, защитниковъ церковной старины—протопопъ Аввакумъ. Возвратившагося протопопа встрѣчаютъ чрезвычайно радостно, „яко ангела Божія", и онъ становится главой противониконіанской старообрядческой партіи.

Шествіе патріаршее.

Орнаментъ съ оловяно-слюдяныхъ украшеній XVII вѣка.

Протопопъ Аввакумъ.

Наконецъ въ 1666—67 гг. происходитъ церковный соборъ съ участіемъ восточныхъ патріарховъ, который осуждаетъ паріарха Никона и вмѣстѣ раскольниковъ за ихъ противленіе Церкви. Послѣдніе разсылаются по разнымъ мѣстамъ Россіи (въ Пустозерскъ, Боровскъ, Сибирь и т. д.), которыя дѣлаются центромъ раскольнической пропаганды. Возникаетъ обширная раскольничья литература, поддерживающая старыя традиціи. На ряду съ этимъ обнаруживается и другое противоположное теченіе, идущее отъ исправителей, пришлыхъ малороссовъ. Однако, прежде чѣмъ говорить объ этомъ теченіи, покончимъ со старымъ и остановимся на наиболѣе видномъ представителѣ его—протопопѣ Аввакумѣ, едва ли не самомъ талантливомъ писателѣ XVII столѣтія.

Протопопъ Аввакумъ оставилъ послѣ себя весьма большое количество сочиненій, ихъ насчитываютъ до 60. Изъ нихъ нѣкоторыя очень обширны по своему размѣру; таковы, напр., его „Житіе" (автобіографія Аввакума) и истолковательныя сочиненія.

Всѣ сочиненія Аввакума можно подраздѣлить на слѣдующія три группы: 1) „Житіе", имъ самимъ составленное, 2) сочиненія истолковательныя и 3) посланія къ отдѣльнымъ лицамъ и цѣлымъ группамъ его почитателей.

Среди сочиненій Аввакума самымъ важнымъ какъ по объему, такъ и по содержанію является его автобіографія. Она была прежде всего издана Н. С. Тихонравовымъ по списку неисправному, при чемъ издатель не указалъ, какого времени списокъ и какими внѣшними особенностями онъ отличается, такъ что изданіемъ Тихонравова приходилось пользоваться, какъ первоисточникомъ, до выхода въ свѣтъ V тома „Матеріаловъ" Н. И. Субботина. Здѣсь „Житіе" напечатано по списку Хлудовской библіотеки, варіанты же приведены по спискамъ той же библіотеки и по изданію Тихонра-

вова. Важныя отличія представляетъ къ ненапечатаннымъ ранѣе текстамъ списокъ Казанской духовной академіи, подробно описанный нами въ „Христ. Чтеніи“ 1888 г. и напечатанный въ полномъ составѣ въ „приложеніяхъ“ къ нашей книгѣ „Протопопъ Аввакумъ“. Эта казанская редакція по времени относится къ 1674—75 гг. Ее можно считать принадлежащею самому Аввакуму.

Отъ этихъ замѣчаній о спискахъ „Житія“ перейдемъ къ его разбору. Уже въ самомъ началѣ видно, что оно не есть простая автобіографія, но написано съ тою цѣлью „да не забвенію будетъ предано дѣло Божіе“, и слѣдовательно, должно подробно раскрывать и выяснять, въ чемъ состояло это дѣло Божіе. Такимъ образомъ автобіографія становится сразу житіемъ святого, характеризущимъ его борьбу съ отступниками, работу во славу Христа. Поэтому-то, уже въ предисловіи Аввакумъ обращается къ главному заблужденію никоніанъ, къ опущенію въ символѣ вѣры слова „истиннаго“, при чемъ, ссылаясь на Діонисія Ареопагита, старается доказать, что „истинный“ есть присносущее имя Божіе, что „истины испаденіе сущаго отверженіе есть, отъ сущаго же Богъ испасти не можетъ и еже не быти нѣсть“. Ссылка на Діонисія Ареопагита сдѣлана довольно точно: пропущено только нѣсколько словъ, не имѣющихъ важнаго значенія. Отступничество никоніанъ указывается, по мнѣнію Аввакума, небесными знаменіями, бывшими въ 1654 г. и 14 лѣтъ спустя. Оба эти момента важны въ жизни Аввакума: въ 1653—54 гг. начиналось на него гоненіе Никона, а черезъ 14 лѣтъ его разстригли и прокляли. Далѣе Аввакумъ говоритъ о сугубой аллилуіи, ссылаясь на Діонисія Ареопагита и на житіе Евфросина Псковскаго, и исповѣдавъ свою вѣру, при чемъ останавливается на тѣхъ вопросахъ, которые послужили поводомъ его разногласія съ другимъ расколоучителемъ, діакономъ Ѳеодоромъ, приступаетъ къ разсказу о своей жизни.

Житійный характеръ сочиненія сказывается, прежде всего, въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ чертахъ. Мы замѣчаемъ въ немъ какую-то неопредѣленность мѣста, времени и дѣйствующихъ лицъ; точныхъ хронологическихъ данныхъ почти совсѣмъ нѣтъ. Аввакумъ говоритъ какъ-то смутно: „во ино время“, „по малѣ времени“, различно показываетъ онъ, сколько времени былъ онъ съ Пашковымъ, то шесть или семь лѣтъ, то десять; мѣсто и лица обозначаются такъ: „переселихся въ ино мѣсто“, „инъ начальникъ“. Такъ какъ жизнь Аввакума представляется имъ, какъ дѣло Божіе, то происходятъ частыя уклоненія отъ нити разсказа для защиты этого дѣла Божія, и мы часто встрѣчаемся съ фразами „паки на первое возвратимся“, „полно о семъ“, послѣ которыхъ возобновляется прерванный разсказъ.

Дѣло Божіе подкрѣпляется чудесами, видѣніями и благочестивыми подвигами, о которыхъ должно быть много разсказовъ, но нельзя думать, чтобы Аввакумъ намѣренно выдумывалъ свои чудеса и явленія ему отъ Бога: онъ былъ искренно убѣжденъ, что все

было такъ, какъ онъ передаетъ. Чудеса эти можно объяснять вполнѣ естественнымъ образомъ, или какъ факты дѣйствительные, но получившие въ глазахъ Аввакума сверхъестественную окраску, или какъ результатъ галлюцинацій, которыя были весьма возможны при его аскетическихъ упражненіяхъ и при постоянномъ нервномъ возбужденіи въ борьбѣ съ врагами, или литературнымъ заимствованіемъ, конечно, косвеннымъ, т.-е. скорѣе вліяніемъ житійныхъ образовъ на фантазію, стремившуюся и въ дѣйствительности найти что-либо подобное этимъ образамъ. Замѣчательно, что Аввакумъ простодушно иногда самъ даетъ ключъ къ истолкованію своихъ чудесъ, иногда прямо указываетъ на реальное обстоятельство, ихъ объясняющее, а то даже обнаруживаетъ и литературный источникъ; напр., разсказывая, какъ онъ вылѣчилъ куръ у боярыни Пашковой, онъ присовокупляетъ: „еще Козьма и Даміанъ человѣкомъ и скотомъ благодѣйствовали, цѣлили о Христѣ". Большая часть чудесъ весьма обыкновенна: напримѣръ, разсказы объ исцѣленіяхъ отъ болѣзней, объ изгнаніи бѣсовъ, составляютъ необходимую принадлежность всякаго житія; средство прогонять бѣсовъ и лѣчить болѣзни—крестъ, священное масло—то же самое. Весьма многія чудеса заимствованы изъ Дѣяній и посланій апостольскихъ, напр., освобожденіе отъ оковъ, принесеніе пищи ангеломъ; нѣкоторыя чудеса имѣютъ источникъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, напр., чудесная курочка Пашковой, несущая ежедневно по два яичка, показывающая неистощимость пищи, можетъ быть приравнена къ чуду пророка Елисея со вдовой пророческаго ученика и т. д.

Но не столько важно то или другое объясненіе чудесъ, сколько взглядъ на нихъ самого Аввакума, опредѣленіе ихъ внутренняго смысла, насколько они выражаютъ тѣ или иныя воззрѣнія Аввакума. Сообщая въ изобиліи о своихъ чудесахъ и ожидая упрека въ нескромности, Аввакумъ оправдывается примѣромъ Павла и Варнавы, которые на соборѣ въ Іерусалимѣ разсказывали передъ всѣми, „елика сотвори Богъ знаменія и чудеса въ языцѣхъ съ ними". Надо возвѣщать о чудесахъ не во славу себѣ, а для прославленія Божія: „Пускай рабъ Христовъ веселится чтучи". Никогда не слѣдуетъ забывать, что чудеса творятся силою Божіею: „надо помнить сіе, не насъ ради, не намъ, но имени Своему славу Господь даетъ". Ради этого при чудесахъ не слѣдуетъ возноситься гордостью: „Іуда былъ тоже чудотворецъ, но сребролюбія ради изгнанъ бысть". Чудеса творитъ Богъ и черезъ недостойныхъ: „древле благодать дѣйствоваше осломъ при Валаамѣ, и при Іуліанѣ мученикѣ—рысью, и при Сисиніи—оленемъ; говорили человѣческимъ гласомъ"... Какъ явное свидѣтельство въ пользу Божьяго дѣла, разсказы о чудесахъ составляютъ особенность всѣхъ житій раскольническихъ: о своихъ чудесахъ повѣствуетъ и Ѳеодоръ діаконъ, и инокъ Епифаній, о чудесахъ Неронова много разсказывается въ его біографіи, написанной Ѳеоктистомъ, Златоустовскимъ игуменомъ.

Общій смыслъ всѣхъ чудесъ—проявленіе Божіей справедливости: Богъ стоитъ всегда за правыхъ и не даетъ ихъ въ обиду. Какой-то начальникъ сталъ притѣснять Аввакума, покушался даже на его жизнь, стрѣлялъ изъ пищалей, но „Божіею волею на полкѣ порохъ пыхнулъ, а пищаль не стрѣлила", и это повторилось два

Протопопъ Аввакумъ.

раза. Когда Еремѣй, сынъ Пашкова, сталъ заступаться за Аввакума, воевода выстрѣлилъ въ сына три раза, но все была осѣчка, онъ кинулъ пистоль, казакъ выстрѣлилъ и осѣчки не было. За обиду праведника Богъ строго караетъ. Начальникъ въ Лопатицахъ, послѣ одного нападенія на Аввакума, вдругъ сильно заболѣлъ, и за помощью пришлось обратиться къ тому же Аввакуму: „Воля Божія"

смирила притѣснителя, заставила кланяться угнетенному,—„болше у Христа тово остра шелепуга-та". Дощаникъ Пашкова послѣ наказанія Аввакума кнутомъ не могъ тронуться съ мѣста, пока Пашковъ не раскаялся въ своей несправедливости.

Особенно угодна Богу твердость въ вѣрѣ древле-православной: у Ѳедора юродиваго разсыпаются „желѣза", Аввакуму ангелъ приноситъ въ Андроньевомъ монастырѣ пищу. Характеренъ разсказъ, показывающій, что Богъ для того только, чтобы утолить жажду праведника, совершаетъ великія чудеса: „Егда въ Даурахъ я былъ,—говоритъ Аввакумъ,—на рыбной промыслъ къ дѣтямъ по льду зимою по озеру бѣжалъ... Пить мнѣ захотѣлось и, гораздо отъ жажды томимъ, итти не могу. Среди озера стало: воды добыть нельзя... Сталъ, на небо взирая, говорить: Господи, источивый изъ камене въ пустынѣ воду людемъ, жаждущему Израилю, тогда и днесь Ты еси, напой мене ими же вѣси судьбами, Владыко Боже мой!.. Затрещалъ ледъ предо мною и разступися чрезъ все озеро сюду и сюду и паки снидеся: гора велика льду стала!.. Оставилъ мнѣ Богъ пролубку маленьку и я, падше, насытился. И плачу, и радуюся, благодаря Бога. Потомъ и пролубка сдвинулася, и я, возставъ, поклоняся Господу, и паки побѣжалъ по льду, куды мнѣ надобе къ дѣтямъ".

Богъ ободряетъ вѣрныхъ своихъ слугъ въ ихъ борьбѣ за благочестіе, Онъ прославляетъ ихъ, черезъ другихъ людей возвѣщаетъ о ихъ правотѣ и о чести, которой они удостоиваются на небесахъ. Служанка Аввакума, кумычка Анна заснула на три дня, и во снѣ ей показали ангелы какія-то чудесныя палаты Аввакума.

Черезъ вѣрныхъ своихъ слугъ Богъ оказываетъ благодѣянія и другимъ людямъ: такъ, напримѣръ, Пашкову былъ посланъ урожай, когда онъ послушался совѣтовъ Аввакума.

Награждая за добрыя дѣла, за исповѣданіе правой вѣры, Богъ не терпитъ нарушенія своихъ заповѣдей и караетъ преступниковъ. Но передъ казнью Онъ посылаетъ разныя знаменія, чтобы злые люди образумились; такъ, были знаменія предъ несчастнымъ походомъ Еремѣя Пашкова за шаманское гаданье: „лошади подъ ними взоржали вдругъ, и коровы тутъ возревѣли, и овцы и козы заблѣяли, и собаки взвыли, и сами иноземцы, что собаки, завыли: ужасъ на всѣхъ напалъ". Наказанія Божьи бываютъ весьма различны. Еремѣй Пашковъ за суевѣріе и гаданіе потерпѣлъ неудачу въ походѣ, невѣстка Пашкова за обращеніе къ знахарю поплатилась усиленіемъ болѣзни ребенка. Строже всего наказывается нарушеніе церковныхъ правилъ, иногда чисто-мелочныхъ внѣшнихъ предписаній благочестія, работа въ праздникъ, лѣнь къ молитвѣ и т. д. За подобныя нарушенія закона насылаются на человѣка бѣсы. Бѣсы насылались даже на самого Аввакума.

Такъ какъ всѣ наказанія, въ томъ числѣ и бѣсы, посылаются Богомъ за наши грѣхи, то необходимо покаяніе, которое имѣетъ великую силу, такъ какъ „не сегодня кающихся есть Богъ". Общее

наставленіе о дѣйствіяхъ противъ бѣса такое: „боится бѣсъ креста Христова, да воды святыя, да священнаго масла, а совершенно бѣжитъ отъ тѣла Христова".

Такимъ образомъ разсказы Аввакума о чудесахъ имѣютъ важное значеніе для характеристики его міросозерцанія. Обратимся теперь къ фактической сторонѣ „Житія", которое заключаетъ обильный матеріалъ не только для біографіи самого Аввакума, но и для характеристики цѣлой эпохи, ея выдающихся дѣятелей; конечно, матеріалъ односторонній, пристрастный, и потому требующій крайне осторожнаго отношенія; но этотъ недостатокъ объективности помогаетъ намъ узнать взгляды Аввакума на тѣ или другія событія и лица, и этимъ намъ болѣе уясняется его личность.

Посмотримъ прежде всего, какимъ представляетъ Аввакумъ самого себя. Онъ повсюду является помощникомъ угнетенныхъ и слабыхъ, защитникомъ ихъ противъ сильныхъ притѣснителей: таковъ онъ еще въ селѣ, когда онъ возстаетъ противъ начальника, отнявшаго дочь у вдовы; въ Дауріи онъ заступается за старухъ, которыхъ самодурствующій воевода хочетъ выдать замужъ. За все это его преслѣдуютъ разные начальники: одинъ „у руки отгрызъ персты, якъ песъ зубами", другой стрѣляетъ въ него изъ пищали, въ Тобольскѣ его хотятъ утопить, Пашковъ мучитъ его такъ, что онъ иногда доходитъ до отчаянія и ропщетъ на Бога. Аввакума „тѣшатъ" тѣ рѣчи изъ священнаго писанія, гдѣ проповѣдуется неослабное страданіе; онъ переноситъ всѣ преслѣдованія съ непоколебимой твердостью: „сила Божія возбраняетъ" ему просить у Пашкова снисхожденія. Старается онъ побѣждать своихъ гонителей кротостью и смиреніемъ: на ругательства одного отвѣчаетъ: „благодать въ устнѣхъ твоихъ, Иванъ Родіоновичъ, да будетъ!"—другого вылѣчиваетъ отъ болѣзни, даже Пашкова онъ смягчаетъ кротостью, и тотъ говоритъ: „Спаси Богъ! отечески творишь,—нашево зла не помнишь"; люди, которыхъ онъ вывезъ изъ Сибири, были его враги. Однако иногда онъ дѣйствуетъ и сурово: ломаетъ домры и хари у скомороховъ, проситъ у Бога неудачи Еремѣю въ походѣ, бьетъ свою жену. Правда, иногда спохватывается и кается въ такихъ дѣйствіяхъ: жену онъ умоляетъ о наказаніи за то, что оскорбилъ; особенно сильно проявляется энергія Аввакума въ борьбѣ съ никоніанами, отъ старой вѣры его не могутъ отвратить ни мученія ни заманчивыя обѣщанія въ родѣ „духовничества"; онъ неутомимый пропагандистъ: повсюду, куда онъ ни является, въ Тобольскѣ, въ Москвѣ, на Мезени, онъ распространяетъ расколъ, „запустошаетъ" никоніанскія церкви. Весьма рѣдки случаи его слабости въ этомъ отношеніи,—но здѣсь его спасаютъ чудесныя видѣнія.

Несмотря на всю строгость нравственныхъ правилъ, иногда Аввакуму самому случается впасть въ искушеніе. Онъ разсказываетъ слѣдующій случай. Когда онъ еще служилъ въ селѣ, къ нему пришла на исповѣдь дѣвица, „многими грѣхми обременена, блудному

дѣлу и малакіи всякой повинна“. Исповѣдуя ее, онъ почувствовалъ соблазнъ, „внутрь жегомъ огнемъ блуднымъ“. Онъ употребилъ весьма сильное средство: „въ той часъ зажегъ три свѣщи и прилѣпилъ къ налою, и возложилъ руку на пламя и держалъ, дондеже во мнѣ угасло злое разженіе“. Этотъ случай близко подходитъ къ разсказу, помѣщенному въ Прологѣ, подъ 27 декабря, какъ къ нѣкоему старцу пришла блудница, и онъ, почувствовавъ „разженіе“, сжегъ свои пальцы. Трудно опредѣлить въ виду такого сходства, является ли разсказъ Аввакума простымъ литературнымъ заимствованіемъ, или съ нимъ былъ дѣйствительно такой случай, и онъ подражалъ древнему старцу.

Аввакуму приходилось въ его бурной и богатой разнообразными приключеніями жизни сталкиваться со многими лицами, и въ „Житіи“ передъ нами выступаетъ длинный рядъ историческихъ дѣятелей. Конечно, всѣ симпатіи Аввакума на сторонѣ защитниковъ старины, которые исполнены огненной ревности, и которымъ покровительствуетъ Самъ Богъ. Напротивъ, въ самыхъ мрачныхъ краскахъ представляются ихъ утѣснители, патріархъ Никонъ и духовныя власти, русскія и греческія. Благодаря имъ, Россія уподобляется Персидѣ, въ которой мучили христіанъ. „Чюдо! какъ то въ познаніе не хотятъ пріитти!—восклицаетъ Аввакумъ,—огнемъ да кнутомъ, да висѣлицею хотятъ вѣру утвердить! Которые то апостолы научили такъ? Не знаю. Мой Христосъ не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить, ежебы огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицей въ вѣру приводить... Татарскій богъ Махметъ написалъ въ своихъ книгахъ сице: „непокоряющихся нашему преданію и закону повелѣваемъ ихъ главы мечемъ подклонити“. А нашъ Христосъ ученикамъ своимъ никогда такъ не повелѣлъ“. Это никоніанское мучительство не должно устрашать правовѣрныхъ, и Аввакумъ призываетъ своихъ послѣдователей къ открытому исповѣданію старой вѣры: „вотъ тебѣ царство небесное дома родилось! Богъ благословитъ, мучься за сложеніе перстъ, не разсуждай много!“

Призывъ къ смерти и страданіямъ, къ постоянной открытой борьбѣ противъ Никоновыхъ новшествъ вдохновлялъ многихъ, и въ „Житіи“ Аввакумъ выводитъ нѣкоторыхъ своихъ учениковъ, напр., боярыню Морозову, княгиню Урусову, Марью Данилову и др. Особый разрядъ обличителей представляютъ собой юродивые, которые, пользуясь огромнымъ вліяніемъ на народъ, могли нисколько не стѣсняться въ своихъ противоцерковныхъ дѣйствіяхъ. Таковъ былъ юродивый Ѳедоръ. „Хорошъ“ былъ, по отзыву Аввакума, и юродивый Аѳанасій, но этотъ былъ „Ѳедора посмирнѣе и въ подвигѣ малехнее покороче“.

За борьбой старой и новой партіи внимательно слѣдило все русское общество, болѣе сочувствовавшее, по показаніямъ Аввакума, старолюбцамъ. Царь Алексѣй Михайловичъ, человѣкъ мягкій

до крайности, добрый, благочестивый, является заступникомъ ревнителей старины: онъ проситъ Никона не разстригать Аввакума. Тѣ мѣры, которыя царь предпринимаетъ противъ раскольниковъ, объясняются такъ же, какъ это дѣлается Аввакумомъ въ другихъ его сочиненіяхъ, дѣйствіемъ „лестчаго духа", проводниками котораго представляются Никонъ и другія духовныя власти. Одинаково съ царемъ относятся къ раскольникамъ и бояре: „всѣ бояре-те до насъ добры", они даютъ Аввакуму денегъ, принимаютъ его „яко ангела", но и они не въ силахъ противиться до конца „лестчему духу".

Въ сочувствіи царя и бояръ раскольникамъ сказывается отчасти и вліяніе терема, женской половины русскаго общества. Женщины у Аввакума вообще отличаются большею религіозностью и чувствительностью, чѣмъ мужчины. Аввакумъ постоянно находитъ поддержку въ женщинахъ: ему покровительствуютъ жена и невѣстка воеводы Пашкова, отношенія къ нему Цѣхановицкой доходятъ до высокой степени религіознаго экстаза, въ Москвѣ у него цѣлая большая группа ревностныхъ ученицъ изъ высшаго класса, во главѣ которыхъ стоитъ Морозова; его вліяніе проникаетъ въ теремъ царицы Маріи Ильиничны, такъ что у царя съ царицей происходитъ великое нестроеніе, когда Аввакума разстригаютъ.

Кромѣ автобіографическаго повѣствованія и разсказовъ о чудесахъ, „Житіе" заключаетъ въ себѣ не мало отступленій полемическаго свойства, которыми тоже должно поддерживаться „дѣло Божіе", составляющее главную цѣль сочиненія. Этотъ обзоръ содержанія „Житія" приводитъ насъ къ заключенію, что считать его сочиненіемъ историческимъ нельзя: по самой своей основѣ, какъ защита „Божія дѣла", какъ „книга живота вѣчнаго", оно является сочиненіемъ поучительно-полемическимъ, при чемъ автобіографическій матеріалъ играетъ въ немъ служебную роль доказательства правоты дѣла старолюбцевъ. По своему стилю „Житіе" отличается тѣми же особенностями реализма и просторѣчія, которыя видны въ другихъ сочиненіяхъ Аввакума.

Истолковательныхъ сочиненій у Аввакума нѣсколько. Посвящены они толкованію св. писанія. Это именно слѣдующія сочиненія:

1) „Списаніе и собраніе о божествѣ и твари"; 2) „Толкованія на псалмы и пареміи"; 3) „Бесѣда объ Авраамѣ", и 4) „Бесѣда о наятыхъ дѣлателяхъ".

„Списаніе и собраніе о божествѣ и твари" (первое по времени произведеніе Аввакума) написано въ опроверженіе апокрифической „Бесѣды трехъ святителей", но опроверженіемъ апокрифическаго памятника оно является только въ началѣ, а затѣмъ Аввакумъ занимается толкованіемъ первыхъ трехъ главъ книги Бытія и излагаетъ кратко содержаніе послѣдующихъ пяти главъ. На разборѣ опроверженія не будемъ останавливаться. Источниками для толкованія послужили Златоустъ („Маргаритъ") и, главнымъ образомъ, Палея.

Заимствуя свои толкованія изъ Палеи, Аввакумъ часто пользуется и тѣми апокрифическими сказаніями, которыя вошли въ Палею или Хронографъ; а иногда у него встрѣчаются подробности, взятыя изъ апокрифовъ, существовавшихъ отдѣльно отъ Палеи.

Вліяніе апокрифа прежде всего можно видѣть въ разсказѣ о грѣхопаденіи первыхъ людей: какъ въ апокрифическомъ „Исповѣданіи Евы", такъ и въ передачѣ Аввакума, змій сперва приходитъ къ Адаму, а когда тотъ отказывается послѣдовать его соблазнительному совѣту, обращается къ Евѣ: о змѣѣ говорится, что она была „хорошей звѣрь, красной, докамѣстъ не своровала, ноги у нея и крылья были". Послѣдняя подробность, можетъ-быть, возникла подъ вліяніемъ живописныхъ изображеній зміевъ (напр., змія, убиваемаго Георгіемъ Побѣдоносцемъ) и народныхъ поэтическихъ представленій. Въ апокрифической книгѣ Адама о змѣѣ говорится: „Сколько онъ былъ прежде высокъ, столько же теперь онъ униженъ; прежде онъ былъ выше всѣхъ животныхъ, а теперь ползаетъ на своемъ чревѣ; прежде онъ былъ красивѣе всѣхъ животныхъ, а теперь отвратительнѣе". Можетъ-быть, эта характеристика змѣя, довольно близко совпадающая съ библейскими данными, осложнилась изображеніемъ змѣя съ крыльями и ногами въ какомъ-нибудь неизвѣстномъ намъ апокрифѣ, повліявшемъ на толкованіе Аввакума, хотя можетъ быть также, что мы имѣемъ въ этомъ случаѣ дѣло съ собственнымъ домысломъ Аввакума.

Изъ Палеи заимствованъ разсказъ о смерти и погребеніи Авеля: Каинъ убиваетъ своего брата „во главу каменемъ"; Авель „лежитъ непогребенъ"; „Адамъ и Ева плакашася: не вѣдаютъ, камо дѣти его"; тогда прилетаютъ двѣ горлицы, изъ которыхъ одна убиваетъ другую и закапываетъ въ землю, послѣ чего и Адамъ „мертвеца своего въ землю закопалъ".

Упоминаніе о двухъ дочеряхъ Адама и о занятіяхъ Сифа астрономіей („имена нарече всѣмъ звѣздамъ небеснымъ, и изочте ихъ, и хитрость свою предаде по писанію") имѣетъ источникомъ апокрифическія сказанія.

Извѣстіе о гигантахъ заимствовано также, повидимому, изъ апокрифическихъ источниковъ, хотя, можетъ-быть, дополненныхъ самимъ Аввакумомъ; послѣднее мы можемъ предположить, такъ какъ одна изъ подробностей этого упоминанія о гигантахъ не встрѣчается въ извѣстныхъ намъ сказаніяхъ „Еллинскаго Лѣтописца" и Палеи. Разсказъ о построеніи Ноева ковчега и о собраніи въ ковчегъ звѣрей, при чемъ Ной „ударяше въ било", также находится въ связи съ повѣствованіемъ Палеи и со сказаніемъ Меѳодія Патарскаго. Наконецъ вліяніе апокрифовъ (входившихъ въ Палею) можно видѣть и въ слѣдующемъ разсказѣ о столпотвореніи Вавилонскомъ: „Сію проклятую хитрость (т.-е. астрологію) по потопѣ въ пятьсотное лѣто, при столпотвореніи, Невродъ исполинъ обрѣте, послѣ людей потопныхъ. Онѣ прежде потопа написали гадая на дву столпахъ,

на каменномъ, да на плинфеномъ: аще ли, рѣша, вода пріидетъ, ино-де останется послѣ воды каменной; аще ли огнь пріидетъ, ино-де останется кирпишной. И Невродъ обрѣте на столпѣ каменномъ, и бысть врагъ таковы же Богу: умыслилъ столпъ здати. Собравъ людей, рече: аще пріидетъ паки вода, и мы со столпа вполчимся Богу небесному и брань сотворимъ. И вознесъ того вверхъ 10.000 саженъ, а шириною 3.000. И видѣ Богъ безуміе ихъ, разсѣя всѣхъ по лицу земли; и столпъ двѣ доли разорилъ, а треть оставилъ. И оттолѣ начаша глаголати вся различными языки. Одинъ Еверъ не присталъ совѣту и дѣлу ихъ: тотъ старымъ языкомъ и говоритъ,— сирскимъ, имже Адамъ и вси прежде говорили". Преданіе о происхожденіи астрологіи отъ Неврода находится въ отрывкѣ изъ „Временника Георгія Амартола", изданномъ Порфирьевымъ; разсказъ же о столпотвореніи въ Палеѣ имѣетъ форму, очень близкую къ перифразу Аввакума.

Эти замѣтки объ источникахъ толкованій Аввакума на книгу Бытія дополнимъ однимъ не совсѣмъ точнымъ указаніемъ самого Аввакума. Представивъ картину страшнаго суда на основаніи „Словъ" Ефрема Сирина и Палладія Мниха (изъ сборника 1647 г.) и не упоминая этихъ источниковъ, Аввакумъ говоритъ о будущихъ мукахъ грѣшниковъ: „А всѣхъ злѣйше мука въ тартарѣ будетъ: огнь и студень лютая будетъ. Тамо мучатся еллинстіи бози, тамо вси отступники будутъ, тамо и діаволъ съ бѣсы осужденъ будетъ, и мучени будутъ во вѣки вѣкомъ. Разумѣешь ли, слышателю, гдѣ писаніе возвѣщаетъ тартаръ? Патрикій Прусскій пишетъ сице: адъ убо сотворенъ въ пустошныхъ земли, надъ твердію; низу же его на тверди, тамо зодіи ходятъ, тамо планиты обтекаютъ, и оттого строится подъ твердію и въ тартарѣ преглубокомъ лютая студень; еще же и огнь негасимый тамо же будетъ". Эта ссылка на Патрикія Прусскаго дѣлается, вѣроятно, на память по тѣмъ словамъ, которыя приписаны этому святому въ Прологѣ, подъ 19 мая. Проложное изображеніе тартара, „идѣже бози еллинстіи пріобрѣтоша житіе" дополнено у Аввакума упоминаніемъ о „планитахъ и зодіяхъ".

Таковы заимствованія Аввакума изъ его источниковъ, но разсматриваемое сочиненіе представляетъ важность преимущественно по тѣмъ оригинальнымъ своимъ чертамъ, которыя особенно ярко характеризуютъ истолковательные пріемы Аввакума, постоянно имѣющаго въ виду свою паству и примѣняющагося къ ея житейскому и умственному складу. Въ этихъ оригинальныхъ толкованіяхъ можно видѣть, пожалуй, очень грубый реализмъ, граничащій съ цинизмомъ, но никакъ нельзя отказать имъ въ яркой образности и жизненности, благодаря которой они должны были представляться вполнѣ понятными и производить сильное впечатлѣніе на тѣхъ, для кого они писались.

Подобное значеніе имѣетъ крайне своеобразная идея уподобить Адама и Еву послѣ имъ грѣхопаденія пьянымъ людямъ. „Ева, вы-

слушавъ зміи, приступи къ древу, вземъ грезнъ и озоба его, и Адаму даде: понеже древо красно видѣніемъ и добро въ снѣдь, смоковь красная, ягоды сладкія, слова межю собою льстивыя! Онѣ упиваются, а дьяволъ въ то время смѣется. Увы невоздержанія! Увы небреженія заповѣди Господни! Оттоли и доднесь въ слабоумныхъ человѣкахъ такъ же лесть творится! Подчиваютъ другъ друга зеліемъ нерастворенпымъ, сирѣчь зеленымъ виномъ процѣженнымъ и прочими питіи и сладкими брашны, а опослѣ и посмѣхаютъ другъ друга, упившагося допьяна! Слово въ слово, что въ раю было при діаволѣ и при Адамѣ. Паки Бытія: и вкусиста Адамъ и Ева отъ древа отъ него же Богъ заповѣда; и обнажистася. О, миленькія! Пріодѣти стало некому! Ввелъ діаволъ въ бѣду, а самъ и въ сторону! Лукавый хозяинъ накормилъ, напоилъ, да и со двора спехнулъ; пьяный валяется на улицѣ ограбленъ, никто не помилуетъ! Паки Бытія: Адамъ же и Ева сшиста себѣ листвіе смоковишное отъ древа, отъ него же вкусиста, и прикрыста срамоту свою, и скрыстася, подъ дерево возлегоста. Проспалися бѣдныя съ похмелья, ано и самимъ себя соромъ: борода, усъ въ блевотинѣ, а.... со здоровныхъ чашъ кругомъ голова идетъ и на плечахъ не держится! А инъ отца и честнова сынъ, пропився на кабакѣ, подъ рогожею на печи валяется! Увы, тогдашнева Адамова безумія и нынѣшнихъ адамленковъ!"

Столь же оригинальными представляются комментаріи Аввакума къ отвѣтамъ, которые даны были Богу Адамомъ и Евой: слова Адама: „жена, юже ми даде", объясняются слѣдующимъ образомъ, при чемъ далѣе развивается приведенная параллель съ пьянымъ человѣкомъ: „Просто рещи: нашто де мнѣ такую дуру сдѣлалъ? Самъ неправъ, да на Бога же пѣняетъ! И нынѣ похмельные тоже шпыняя говорятъ: нашто Богъ и сотворилъ хмель! Весь пропился и ѣсть нечего! Да меня же де избили всево! А иной говоритъ: Богъ де судитъ его — допьяна упоилъ. Правится бѣдной будто отъ неволи такъ здѣлалось!" По поводу отвѣта Евы, что ее прельстилъ змѣй, является опять такое замѣчаніе, которое обнаруживаетъ стремленіе, Аввакума приноровиться къ реальности, окружающей его паству: „Дѣло кругомъ пошло, другъ на друга переводятъ: а всѣ за одно своровали! А змія говоритъ: діаволъ научилъ мя. Бѣдные, бѣдные, всѣ правы, и виноватова нѣтъ, а полишное на шеѣ виситъ!"

Такія же своеобразныя подробности реальнаго объясненія находимъ мы въ разсказѣ объ убіеніи Каиномъ Авеля: Каинъ принесъ въ жертву Богу „хлѣбенко худой, который негоденъ себѣ", Авель же— „барана лучшаго"; по поводу отвѣта Каина Богу Аввакумъ замѣчаетъ: „Своровавъ, да и запирается, будто ни въ чемъ не бывалъ! А руки въ крови, полишнее на вороту!"

Отмѣтимъ подобную же черту въ разсказѣ о Вавилонскомъ столпотвореніи: „А работы тоя было, нужи тоя терпѣли дѣлаючи мученики сатанины! И роженицѣ женѣ дни не дадутъ полежать,

остави младенца, бѣдная, поволокись на столпъ съ кирпичемъ, или со известью. И ребенокъ бѣдной трехъ годовъ потащись туды же съ кирпичемъ на столпъ".

Наконецъ укажемъ оригинальное филологическое толкованіе, можетъ-быть, заимствованное Аввакумомъ изъ какого-нибудь неизвѣстнаго намъ Азбуковника, а можетъ-быть, и составляющее плодъ его собственныхъ соображеній. Это толкованіе слова „жидъ": „Жидове словутъ потому, понеже жителіе земли обѣтованной"

Прочія истолковательныя сочиненія Аввакума отличаются отъ разсмотрѣннаго по своему тону. Здѣсь тонъ ровный, спокойный, лишь по мѣстамъ встрѣчаются полемическія отступленія. Другія сочиненія обнаруживаютъ въ авторѣ иное настроеніе. Тамъ онъ спокойно разсуждаетъ и не вдается въ полемику, здѣсь, наоборотъ, онъ всегда видитъ предъ глазами своихъ противниковъ — никоніанъ, и ожесточенно полемизируетъ съ ними; отсюда тонъ въ этихъ сочиненіяхъ неспокойный, страстный, слѣдуя которому, Аввакумъ зачастую отступаетъ отъ главной своей цѣли въ пользу перебранки съ никоніанами. И эти сочиненія, какъ и разсмотрѣнныя, носятъ на себѣ черты реализма и также полны заимствованій изъ разныхъ источниковъ, напр., изъ Толковой Псалтири, изъ Палеи, Физіолога (напр., толкованія объ орлѣ, оленѣ и др.) и изъ твореній отцовъ Церкви.

Третій отдѣлъ сочиненій Аввакума составляютъ его сочиненія полемическія, написанныя въ формѣ посланій къ отдѣльнымъ лицамъ, а иногда и цѣлымъ обществамъ. Эти соборныя посланія, впрочемъ, мало отличаются отъ первыхъ. И въ тѣхъ и въ другихъ Аввакумъ касается различныхъ вопросовъ, главнымъ изъ которыхъ былъ вопросъ объ отношеніи къ никоніанамъ и объ организаціи старообрядческихъ обществъ послѣ ихъ отдѣленія отъ православной Церкви. Отношенія къ никоніанамъ рекомендуются въ посланіяхъ Аввакума самыя враждебныя: никоніане—враги и Бога и ихъ, старолюбцевъ. „Съ еретикомъ какой миръ?—говоритъ онъ.—Бранися съ нимъ и до смерти, и не повинуйся его уму развращенному. Своего врага люби, а не Божія, сирѣчь еретика и ненавистника душевнаго уклоняйся и ненавиди, отрицайся его душею и тѣломъ". Аввакумъ нападаетъ на нихъ не только за ихъ отступленіе отъ вѣры, но и за ихъ религіозныя преслѣдованія; послѣднія онъ совершенно отвергаетъ, говоря, что ни Христосъ ни апостолы ихъ не заповѣдывали, хотя самъ, должно сказать, далеко не отличается религіозной терпимостью. Въ этомъ отношеніи онъ идетъ по пути осифлянства. „Воли мнѣ нѣтъ да силы,—говоритъ онъ,—перерѣзалъ бы, что Илья пророкъ студныхъ и мерзкихъ жрецовъ всѣхъ, что собакъ". Конечно, болѣе всего должна быть сурова расправа съ Никономъ: „Какъ бы добрый царь, повѣсилъ бы его на высокое древо, яко древле Артаксерксъ Амана, хотяща погубить Мардохея и родъ Израилевъ искоренити. Миленькой царь Иванъ Васильевичъ скоро бы указъ сдѣлалъ такой собакѣ".

Такія рѣзкія сужденія Аввакума, конечно, обусловливались отчасти раздраженіемъ, которое вызывалось въ немъ преслѣдованіями Никона. Это состояніе было причиной желанія смерти, которую Аввакумъ изображаетъ въ поэтическихъ чертахъ. Онъ одобряетъ даже самосожженіе. „Въ нынѣшнее время, — говоритъ Аввакумъ въ посланіи къ Симеону (иноку Сергію), — въ нашей Россіи сами въ огонь идутъ отъ скорби великія, ревнуя по благочестіи, яко и древле апостоли; не жалѣютъ себя, но Христа ради и Богородицы въ смерть идутъ. Бысть овыхъ еретики пожигаютъ; а иніи распальшеся любовью и плакавъ о благовѣріи, не дождався еретическаго осужденія, сами въ огонь дерзнувше, да цѣло и непорочно соблюдутъ правовѣріе, и сожегше своя тѣлеса, душу въ руцѣ Божіи предаша. Ликовствуетъ со Христомъ во вѣки вѣкомъ, самовольныя мученики, рабы Христовы, вѣчная имъ память во вѣки вѣкомъ. Добро дѣло содѣяли, чадо Сергій, надобно такъ разсуждать; мы между собою блажимъ кончину ихъ, аминь. Аввакумъ писалъ своею рукою здѣсь“.—„А въ огнѣ томъ,—продолжаетъ онъ въ томъ же посланіи,—здѣсь не большое время потерпѣть, — аки окомъ мигнуть, такъ душа и выскочитъ. Боишься пещи той? Дерзай, плюнь на нея, не бойся! До пещи той страхъ; а егда въ нея вошелъ тогда и забылъ вся. Егда же загорится, а ты увидишь Христа и ангельскія силы съ Нимъ, емлютъ душу-ту отъ тѣлесъ, да и приносятъ ко Христу: а онъ—надежда благословляетъ и силу ей даетъ божественную, не уже къ тому бываетъ тяжка, но яко восперенна, туды же со ангелы летаетъ равно яко птичка попархиваетъ, — рада изъ темницы той вылетѣла! Вотъ пѣла до того плачуще: изведи изъ темницы душу мою, исповѣдатися имени твоему. Мене ждутъ праведницы, дондеже воздаси ми“. Это опоэтизированіе огня и смерти производило сильное впечатлѣніе на послѣдователей Аввакума и вызывало въ нихъ стремленіе къ выполненію завѣтовъ своего учителя. Если это такъ, то нельзя ли Аввакума считать первымъ представителемъ теоріи добровольнаго самосожженія? Но прежде спросимъ: для какой цѣли Аввакумъ рекомендовалъ своимъ послѣдователямъ самосожженіе? Есть предположеніе, что Аввакумъ имѣлъ въ виду именно добровольное самосожженіе и понималъ его въ смыслѣ средства для унаслѣдованія вѣчной славы. Но такое предположеніе не выдерживаетъ критики. Вѣрнѣе предположить, что Аввакумъ предписывалъ самосожженіе въ качествѣ средства для того, чтобы избѣжать преслѣдованія никоніанъ и полиціи. И мы, дѣйствительно, видимъ, что къ самосожженію прибѣгали всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда раскольники видѣли явную опасность со стороны властей. Самъ Аввакумъ всегда говорилъ, что лучше умереть, нежели отдать себя въ руки никоніанамъ. О добровольномъ же самосожженіи, разсчитанномъ на достиженіе вѣчной славы, онъ нигдѣ не говоритъ. Такимъ образомъ самосожженіе, по взгляду Аввакума,—своего рода средство самозащиты.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ.

Съ картины Н. П. Загорскаго.

Есть, наконецъ, у Аввакума нѣсколько такихъ сочиненій, которыя посвящены имъ разрѣшенію различныхъ частныхъ вопросовъ (напр., о крестномъ знаменіи, объ антихристѣ и т. д.). Подобные вопросы важны и интересны собственно для исторіи Церкви и раскола; насъ могутъ интересовать лишь литературные пріемы, которыхъ придерживается Аввакумъ. Во всѣхъ его сочиненіяхъ мы замѣчаемъ стремленіе къ реализму. Это стремленіе ведетъ автора къ тому, что онъ нѣкоторыя догматическія положенія облекаетъ въ такія выра-

Алексѣй Михайловичъ принимаетъ шведскаго посла Пальмквиста въ 1674 г.

женія, которыя заставляютъ подозрѣвать его въ еретичествѣ. Особенно это обнаружилось въ полемическихъ его сочиненіяхъ противъ діакона Ѳедора, до насъ не дошедшихъ. Они извѣстны намъ по тѣмъ выдержкамъ, которыя есть у Димитрія Ростовскаго (въ „Розыскѣ“) и Питирима Нижегородскаго (въ „Пращицѣ“). Съ точки зрѣнія православной Церкви, въ этихъ сочиненіяхъ дѣйствительно заключалось еретичество. Напр., въ „Розыскѣ“ св. Димитрія передаются такія разсужденія Аввакума о Св. Троицѣ: „Вѣруй въ трисущную Троицу. Несѣкомое сѣки по равенству, не бойся, едино существо на три существа, тожде и естества“; далѣе въ главѣ 19: „Христова душа отъ креста на небо къ Отцу пошла! Воскресши же отъ гроба, Христосъ сниде во адъ съ тѣломъ по воскресеніи мертвыхъ“; въ гл. 24 сообщается, что Аввакумъ назвалъ свою книгу

„евангеліемъ вѣчнымъ; не мною де написано, но перстомъ Божіимъ". Кромѣ этого, отъ Димитрія Ростовскаго и изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ, что Аввакумъ неправильно разсуждалъ о воплощеніи Христовомъ, объ ангелахъ и др. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подлинныхъ еретическихъ сочиненій Аввакума, и наши сужденія по этому вопросу могутъ имѣть лишь характеръ предположеній. Еретикомъ въ истинномъ значеніи этого слова мы Аввакума никакъ не можемъ считать, но мы не можемъ также отрицать, что въ его *словахъ* было еретичество. Догматическихъ вопросовъ онъ касается и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, гдѣ разсуждаетъ о нихъ вполнѣ какъ православный, хотя и здѣсь нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ выраженій, какъ-будто еретическихъ. Что же касается полемики Аввакума съ діакономъ Ѳеодоромъ,—полемики въ которой обнаружилось его еретичество, то мы не должны забывать личныхъ свойствъ полемистовъ: вѣдь это были простые начетчики, не ученые богословы, а заспорили они о самыхъ важныхъ, сложныхъ, трудныхъ богословскихъ вопросахъ (о Троицѣ, воплощеніи, о двухъ естествахъ въ Іисусѣ Христѣ и т. п.). Естественно, что въ спорѣ они оба увлекались, но каждый въ свою сторону, и Аввакумъ, по крайней своей пылкости, долженъ былъ въ полемикѣ увлекаться гораздо больше. Оба противника разсуждаютъ совсѣмъ по православному тамъ, гдѣ они не полемизируютъ; но какъ только начинается полемика, она принимаетъ характеръ еретическаго разсужденія, при чемъ однако, все еретичество заключается въ яркой образности выраженія. Заподозривъ Ѳеодора въ томъ, что онъ сливаетъ три лица Св. Троицы въ одно, Аввакумъ усиленно настаиваетъ на догматѣ несліянности этихъ лицъ, отчего и являются у него еретическія фразы о разсѣченіи Троицы (которую, однако, онъ называетъ „несѣкомой"), о трехъ Царяхъ небесныхъ и т. п.

Библіографія.

Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія, изд. братствомъ св. Петра митрополита, подъ редакціей проф. Н. И. Субботина. 9 томовъ. М. 1875—1890.

Каптеревъ. Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ. М. 1887.

Гиббенетъ. Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона. Спб. 1884.

Проскинитарій Арсенія Суханова (Правосл. Палест. Сборникъ, вып. 21).

Каптеревъ. Характеръ отношеній Россіи къ правосл. Востоку. М. 1885.

Соколовъ. Отношеніе протестантизма къ Россіи. М. 1879.

Цвѣтаевъ. Протестанты и протестантство въ Россіи. М. 1887.

Бѣлокуровъ. Библіотека московскихъ царей. М. 1899.

Соболевскій. Переводная литература московской Руси XV—XVII вв. Спб. 1901.

Бороздинъ. Протопопъ Аввакумъ. Спб. 1900 (изд. 2-е).

Смирновъ. Внутренніе вопросы въ расколѣ. Спб. 1899.

Перетцъ. Раскольничьи сказанія о патр. Никонѣ. Изв. Отд. рус. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ. 1900 г.

Бѣлокуровъ. Арсеній Сухановъ. М. 1891.

ГЛАВА XIII.

Среди представителей новаго направленія русской литературы прежде всего обращаютъ на себя вниманіе ученые малороссы, которые появляются въ Москвѣ съ половины XVII в. Въ своей литературной дѣятельности они являлись проводниками культурныхъ идей Запада, подготовлявшими мало-по-малу почву для реформы Петра Великаго. Разсмотрѣніе ихъ дѣятельности покажетъ намъ, что пропасть, отдѣлявшая дореформенную Русь отъ новаго времени, вовсе не такъ была велика, какою ее обыкновенно представляли себѣ еще въ недавнее время.

На первыхъ же порахъ юго-западное направленіе въ нашей литературѣ выразилось въ двухъ теченіяхъ — греческомъ и латинскомъ. Среди образованныхъ людей того времени мы видимъ, съ одной стороны, группу лицъ, которыя, не довольствуясь кіевскимъ образованіемъ, съ схоластическимъ, латинскимъ оттѣнкомъ, восполняютъ его образованіемъ греческимъ. Такое восполненіе естественно должно было отразиться на общемъ характерѣ ихъ міросозерцанія. Представители этой греческой партіи встрѣчаютъ симпатіи со стороны духовенства, отказавшагося отъ раскольническихъ традицій, поддержку въ пришлыхъ грекахъ и, наконецъ, опору въ высшей іерархіи. Съ другой стороны, мы видимъ людей образованныхъ, отличающихся совсѣмъ инымъ складомъ мыслей и характеромъ своего образованія. Это—представители латинской партіи, которая выступаетъ проводникомъ новыхъ идей. Большинство изъ нихъ, по окончаніи братскихъ школъ, съ цѣлью пополненія своего образованія, предпринимаетъ путешествія, но не на Востокъ, а на Западъ. Само собою понятно, что при такихъ обстоятельствахъ вполнѣ возможно было заразиться мнѣніями, близкими къ католицизму, еретическими, съ точки зрѣнія православія. Блестящія, соблазнительныя новшества, которыя они приносятъ съ собою съ Запада, находятъ и имъ симпатіи и поддержку со стороны свѣтскихъ людей.

Къ концу XVII стол. борьба между этими двумя направленіями сильно обостряется и захватываетъ все московское общество. Изъ этой борьбы побѣдительницей выходитъ греческая партія, но лишь по внѣшности; оставила слѣды своего сильнаго вліянія и латинская партія, которая успѣла завладѣть образованіемъ русскаго юношества.

Подробно не будемъ останавливаться на обзорѣ дѣятельности той и другой партіи. Достаточно будетъ ознакомиться съ наиболѣе крупными, типичными ихъ представителями.

Самыми учеными представителями греческой партіи были Епифаній Славинецкій и ученикъ его Евѳимій Премудрый; изъ среды латинской партіи особенно выдѣляются Симеонъ Полоцкій и ученикъ его Сильвестръ Медвѣдевъ.

Дѣятельность Епифанія—этого выдающагося своей ученостью и трудолюбіемъ образованнаго человѣка XVII стол., котораго изслѣдователи называютъ родоначальникомъ духовнаго движенія,—не изучена надлежащимъ образомъ. Нѣкоторые же матеріалы для ознакомленія съ его личностью и трудами можемъ найти въ статьѣ проф. Пѣвницкаго (въ „Труд. Кіев. дух. акад.“), а также въ книгѣ г. Прозоровскаго „Сильвестръ Медвѣдевъ“. Но все это только матеріалы. Цѣльнаго очерка его личности еще не имѣемъ, и характеръ его просвѣтительной дѣятельности не выясненъ какъ слѣдуетъ.

О жизни Славинецкаго извѣстно немногое: родина его Малороссія, учился онъ въ Кіевской братской школѣ и докончилъ свое образованіе за границей, по возвращеніи откуда сдѣлался преподавателемъ въ Кіевской коллегіи. Епифаній обладалъ большою для своего времени ученостью: кромѣ славянскаго языка, онъ отлично зналъ языки греческій, латинскій и польскій, былъ знакомъ и съ еврейскимъ. Отлично изучивъ писанія св. отцовъ и греческую и латинскую духовную литературу, онъ имѣлъ, кромѣ того, обширныя познанія и въ области свѣтскихъ наукъ.

Всѣмъ сердцемъ преданный наукѣ, онъ не имѣлъ въ виду матеріальныхъ выгодъ, но хотя и былъ, собственно говоря, кабинетнымъ ученымъ, ученость его не была безплодной для общества. У современниковъ Епифаній пользовался славою „ученѣйшаго“ человѣка, авторитетъ его они цѣнили очень высоко. Признаніе его способностей уже на родинѣ выразилось тѣмъ, что его выбрали для посылки въ Москву, гдѣ ему поручаются важнѣйшія ученыя должности (главнаго справщика книгъ и начальника школы). Никонъ дорожилъ имъ, и Епифаній отъ его имени писалъ посланія. По пріѣздѣ въ Москву Епифаній весь погрузился въ свои занятія и холодно относился къ мірской жизни, потому-то онъ и не оставилъ по себѣ яркаго слѣда въ исторіи.

Скромная жизнь Епифанія отразилась въ его ученыхъ трудахъ. Литературная дѣятельность Славинецкаго была обширна, разнообразна и плодовита; началъ онъ съ исправленія богослужебныхъ книгъ. Дѣло это Епифаній повелъ осторожно, обдуманно; сотрудниками и помощ-

никами его были Арсеній Сатановскій, Дамаскинъ Птицкій, архимандритъ Діонисій, грекъ Арсеній, инокъ Евѳимій и др. Подъ руководствомъ Епифанія были исправлены и напечатаны слѣдующія книги: „Служебникъ", съ предисловіемъ, составленнымъ Епифаніемъ, „Часословъ", „Тріоди Цвѣтная и Постная", „Слѣдованная Псалтирь", „Общая Минея", „Ирмолой". Кромѣ этихъ книгъ, Епифаній перевелъ съ греческаго и напечаталъ въ 1656 г. объяснительную книгу „Новая Скрижаль", въ которой объяснены литургія и различные обряды восточной Церкви. Къ этой книгѣ Епифаній приложилъ исторію исправленія книгъ въ Россіи, разъясняя поводы, побудившіе къ этому предпріятію, излагая дѣянія собора, состоявшагося въ Москвѣ по этому дѣлу, и опровергая нападки враговъ исправленія книгъ.

Исправляя книги, Епифаній увидѣлъ, что въ находившейся тогда въ употребленіи печатной Библіи Острожскаго изданія было столько погрѣшностей и ошибокъ, что ее трудно было исправить, и онъ рѣшилъ приступить къ новому переводу Библіи, и хотя онъ получилъ на это разрѣшеніе отъ царя Алексѣя Михайловича въ 1674 г., однако переводъ этотъ ему сдѣлать не удалось: смерть прекратила его труды— онъ успѣлъ перевести только Новый Завѣтъ и Пятикнижіе Моисея, и поэтому вмѣсто новаго перевода въ 1663 г. была перепечатана Библія Острожскаго изданія съ поправками болѣе замѣтныхъ ошибокъ.

Епифаній занимался также переводами другихъ книгъ: такъ, онъ переводилъ „Правила св. апостоловъ", „Правила вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ", „Номоканонъ" Фотія съ толкованіями византійскихъ юристовъ, собраніе церковныхъ правилъ и византійскихъ гражданскихъ законовъ и житія нѣкоторыхъ святыхъ, которыя хотя и были уже извѣстны русскимъ людямъ, но въ искаженномъ видѣ. Кромѣ духовныхъ книгъ, Епифаній переводилъ съ латинскаго языка и нѣкоторыя свѣтскія книги, по части педагогики, исторіи, географіи и даже анатоміи. Переводы Епифанія отличаются неудобопонятностью, тяжелымъ слогомъ, причиной чему надо считать чрезмѣрное стремленіе къ точности, отчего въ русской рѣчи встрѣчаются обороты, свойственные греческому и латинскому языкамъ. Большой начитанности, большихъ знаній и усидчивости требовала филологическая дѣятельность Епифанія Славинецкаго, которая выразилась въ составленіи двухъ лексиконовъ: 1) для объясненія словъ, встрѣчающихся въ церковныхъ книгахъ и церковномъ богослуженіи, 2) Греко-славяно-латинскаго словаря, содержащаго въ себѣ до 7 тысячъ словъ, который для тѣхъ временъ былъ громадной работой.

Въ сохранившихся въ Кіево-Печерской лаврѣ рукописяхъ Епифанія находится до 50-ти его словъ и поученій, изъ которыхъ одни написаны для произнесенія съ каѳедры, для общаго назиданія, другія имѣютъ частную цѣль и написаны для извѣстнаго круга людей; такъ, три слова вызваны были обстоятельствами раскола, есть нѣсколько словъ къ священникамъ и монахамъ. Надъ этими словами возвышается своими достоинствами слово о милосердіи: въ этомъ словѣ

мы находимъ замѣчательный проектъ „братства милости“, т.-е. организаціи общественной благотворительности.

Значительно болѣе можемъ мы сказать о литературной дѣятельности представителя другого направленія Симеона Петровича Ситніановича Полоцкаго. Онъ родился въ 1629 году въ Бѣлоруссіи. Кто были его родители, изъ какой среды онъ происходилъ — это неизвѣстно. Мы знаемъ только, что ученье его началось съ семилѣтняго возраста и продолжалось 14 лѣтъ. Послѣ букваря онъ перешелъ по общераспространенному обычаю къ Часослову и Псалтири. Дальнѣйшее образованіе онъ получилъ въ Кіево-Могилянской коллегіи. Послѣ Кіево-Могилянской коллегіи Симеонъ слушалъ дополнительныя лекціи въ нѣсколькихъ высшихъ іезуитскихъ школахъ, такъ что онъ былъ по своему времени личностью съ выдающимся образованіемъ. Въ 1656 г. онъ принялъ монашество въ Полоцкомъ Богоявленскомъ монастырѣ и сталъ учителемъ братской первоначальной школы. Въ томъ же году царь Алексѣй Михайловичъ проѣзжалъ черезъ Полоцкъ. Симеонъ, слѣдуя обычаю Кіевской академіи—слагать вирши на торжественные случаи, выступилъ со своими учениками, заставивъ ихъ произнести царю торжественные „Метры на пришествіе государя“ собственнаго сочиненія. Эта новинка очень понравилась государю и онъ обласкалъ молодого ученаго. Съ того времени у Симеона зарождается мысль посѣтить Москву, но это желаніе осуществилось только въ 1664 г.

Какъ человѣкъ осторожный, онъ запасается рекомендательнымъ письмомъ отъ своего бывшаго учителя Лазаря Барановича къ Паисію Лигариду, митрополиту газскому. Паисій былъ въ то время въ Москвѣ по случаю собора по дѣлу патріарха Никона и пользовался большимъ почетомъ. Несомнѣнно, что знакомство это было важно для обоихъ: для Паисія, такъ какъ онъ пріобрѣлъ себѣ умнаго и образованнаго переводчика (самъ Паисій не зналъ по-русски), Симеонъ же пріобрѣталъ себѣ сильнаго покровителя и сразу становился на виду, такъ какъ ему приходилось сопровождать митрополита на всѣ совѣты и засѣданія собора, даже въ покои самого царя, по дѣлу Никона. Кромѣ того, Полоцкій не замедлилъ воспользоваться своимъ стихотворнымъ искусствомъ и на всякій торжественный случай въ царской жизни подноситъ свои стихотворенія. „Въ стѣнахъ дворца,— говоритъ Майковъ,—впервые появляется придворный стихотворецъ, и самая новость этого занимательнаго и пріятнаго явленія не могла не располагать въ его пользу“. Почти сразу послѣ прибытія Симеона въ Москву, по указу государя, ему поручаютъ обучать латинскому языку молодыхъ подьячихъ Тайнаго приказа, чтобы приготовить изъ нихъ хорошихъ переводчиковъ. Для этого была построена особая школа въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Несомнѣнно, что Полоцкій внесъ туда многіе порядки Кіево-Могилянской коллегіи: учили „по-латынямъ“, греческій языкъ не былъ предметомъ изученія, потому что и самъ Полоцкій не зналъ его.

Въ то же время сношенія съ Паисіемъ Лигаридомъ не только не прекращаются, но еще болѣе укрѣпляются, главнымъ образомъ, благодаря важнымъ событіямъ того времени. 1666 г. былъ знаменателенъ въ исторіи русской Церкви. На московскомъ соборѣ, кромѣ участія въ дѣлѣ патріарха Никона въ качествѣ переводчика, Симеонъ, какъ авторитетный ученый, велъ споры противъ раскольниковъ. Въ отвѣтъ на раскольническія челобитныя Симеонъ составилъ и издалъ

Симеонъ Полоцкій.
(Изъ книги „Портреты именитыхъ мужей Россійской Церкви".
Изд. П. Бекетова. 1843).

обширное сочиненіе „Жезлъ правленія". Книга эта была признана соборомъ „Жезломъ изъ чистаго сребра Божія слова и отъ священныхъ писаній и праведныхъ винословій сооруженнымъ", которымъ хулы раскольниковъ „посѣкаются". Это первое произведеніе Полоцкаго — богословскаго характера, хотя, впрочемъ, оно выходитъ отъ лица всего собора, такъ что имя Симеона еще не упоминается. Опроверженіе это состоитъ изъ двухъ частей: изъ общей, или предисловія, и частной — опроверженія челобитенъ. Въ предисловіи объясняется

значеніе духовной власти, символомъ которой и служитъ жезлъ. Симеонъ говоритъ, что соборъ заботится возстановить эту власть и напоминаетъ отпавшимъ отъ истиной вѣры, что Церковь всегда съ радостью готова принять ихъ. Потомъ Полоцкій разбираетъ челобитныя Никиты и Лазаря и опровергаетъ возводимыя ими обвиненія противъ православныхъ. Къ сожалѣнію, въ этой книгѣ есть крупные недостатки. Иногда Симеонъ уклоняется отъ прямого отвѣта, иногда онъ даже впадаетъ въ грубыя ошибки, напримѣръ: время пресуществленія св. даровъ онъ объясняетъ въ духѣ католическомъ. На нападки раскольниковъ онъ отвѣчаетъ не спокойнымъ тономъ увѣщанія и вразумленія, но зачастую самъ осыпаетъ противниковъ рѣзкою бранью и выражаетъ желаніе загородить имъ уста жезломъ. Конечно, эту грубость отчасти можно объяснить духомъ времени, но въ общемъ все это повело къ новымъ нареканіямъ со стороны раскольниковъ.

Во второй половинѣ 1667 г. Симеонъ становится воспитателемъ царевичей Алексѣя и Ѳеодора. Предметы, которомъ онъ ихъ обучалъ, были тѣ же, что и въ Спасской школѣ, т.-е. Полоцкому принадлежало уже не первоначальное обученіе, а высшее, а также общее руководство. Не осталось безъ вліянія Симеона и умственное развитіе замѣчательной дочери царя Алексѣя Михайловича, царевны Софьи. Для обученія царскихъ дѣтей Симеонъ написалъ три книги. Содержаніе первой изъ нихъ вполнѣ опредѣляется ея заглавіемъ: „Житіе и ученіе Христа Господа и Бога нашего, отъ божественныхъ Евангелій расположенное съ показаніемъ свидѣтельствъ св. евангелистовъ, о чесомъ вси 4, или 3, или 2, или точію одинъ и въ коей главѣ пишетъ“.

Второе сочиненіе „Вѣнецъ вѣры“ заключаетъ въ себѣ изложеніе основныхъ христіанскихъ догматовъ, при чемъ въ своихъ толкованіяхъ Симеонъ пользуется латинскими источниками, и если не впадаетъ въ латинство, то не дѣлаетъ противъ него почти никакихъ возраженій; кромѣ того, онъ даетъ иногда вѣру апокрифическимъ сказаніямъ и заимствуетъ многія свѣдѣнія, иногда не имѣющія никакого отношенія къ предмету его сочиненія, изъ книгъ свѣтскихъ, такъ что по содержанію своему „Вѣнецъ вѣры“ почти не можетъ быть названъ богословскимъ произведеніемъ. Важное достоинство книги состоитъ въ простомъ, общедоступномъ и занимательномъ изложеніи. Третье изъ помянутыхъ сочиненій, „Краткій катихизисъ“, есть собственно сокращеніе „Вѣнца“.

Съ тѣми же педагогическими цѣлями (какъ полагаютъ, для семилѣтняго Петра Великаго) Симеонъ напечаталъ впослѣдствіи „Букварь“, въ предисловіи къ которому даетъ такое наставленіе начинающему учиться:

„Отроче юный, отъ дѣтства учися
Письмена знати и разумъ потщися;
Не возлѣнися трудовъ положити,

Имать бо польза многа быти.
Аще ся видитъ досадно стужати,
Но сладко плоды трудовъ собирати".

„Букварь" по содержанію далеко не то, что современныя намъ азбуки: это книга, заключающая въ себѣ изложеніе основныхъ началъ вѣры и нравственности, а также рядъ практическихъ наставленій. Кромѣ этого, были и еще нѣкоторыя педагогическія изданія Симеона, показывающія, съ какой любовью онъ относился къ своему учительству.

Но онъ при этомъ не ограничивался однимъ частнымъ преподаваніемъ во дворцѣ, а былъ усерднымъ пропагандистомъ идеи про-

Попойка.
(Изъ описанія путешествія А. Олеарія).

свѣщенія въ Московской Руси. Много онъ сдѣлалъ для осуществленія этого завѣтнаго своего желанія, содѣйствовавъ основанію перваго въ Москвѣ высшаго училища, славяно-греко-латинской академіи, и, еще больше, отстаивая идею просвѣщенія и борясь противъ невѣжества, царившаго въ Москвѣ, многочисленными своими литературными произведеніями.

Изъ этихъ произведеній упомянемъ прежде всего о проповѣдяхъ, изъ которыхъ составились два сборника: „Обѣдъ душевный" и „Вечеря душевная". Разъясняя въ нихъ догматическія христіанскія истины и давая нравственныя наставленія своей паствѣ, Симеонъ

не разъ указывалъ, что корень всѣхъ недостатковъ современнаго ему русскаго общества кроется въ отсутствіи просвѣщенія. Отсюда истекаютъ разныя суевѣрія, противъ которыхъ Симеонъ энергично возстаетъ, грубость нравовъ и др. пороки. Поэтому онъ обращается къ родителямъ съ увѣщаніемъ, чтобы они учили своихъ дѣтей и нравственно воспитывали. Прежде всего они должны дѣйствовать на дѣтей примѣромъ собственной жизни: „Отецъ долженъ быть въ дому какъ солнце, мать—какъ луна, чада—какъ звѣзды". Говоря о воспитательныхъ средствахъ, Симеонъ допускаетъ тѣ же суровыя мѣры, какія рекомендовались Домостроемъ: „Снопа аще не млатиши, орѣха аще не разбіеши, не возмеши хлѣба и ядра, — не пріимеши сытости и сладости; чадъ же аще не біеши, — не сподобишися радости".

Обличая недостатки общества, Симеонъ вообще въ проповѣдяхъ выражается очень сдержанно. Совсѣмъ иное мы видимъ въ его стихотвореніяхъ, которыя тоже составили два сборника: „Риѳмологіонъ" и „Вертоградъ многоцвѣтный". Первый представляетъ мало интереса: это стихотворенія, написанныя на разные примѣчательные случаи въ царскомъ домѣ, произведенія, такъ сказать, офиціальнаго поэта. Гораздо любопытнѣе „Вертоградъ"; содержаніе его весьма разнообразно: здѣсь и эпитафіи, и молитвы, и изреченія, и сатирическія картинки нравовъ, и стихотворенія, касающіяся религіозныхъ истинъ, явленій природы и т. п. Довольно большой отдѣлъ посвященъ обличенію пороковъ разныхъ классовъ русскаго общества. Такъ, въ стихотвореніи „Купецтво" Симеонъ даетъ живой очеркъ старинныхъ русскихъ торговыхъ обычаевъ и купеческихъ нравовъ. Еще ярче характеристика отрицательныхъ сторонъ хорошо знакомаго Симеону быта духовенства и монашества въ стихотвореніи „Монахъ". Указавъ на тѣ идеальныя требованія, которыя долженъ выполнить монахъ, Симеонъ восклицаетъ:

„Но—увы!—безчинія! Благъ чинъ погубися,
Иночество въ безчинство во многихъ преложися".

Изобразивъ затѣмъ распущенность монаховъ, онъ обращается къ нимъ:

„Престаните, иноци, сія зла творити,
Тщитеся древнимъ отцемъ святымъ точны быти,
Да идѣже они суть въ вѣчной радости,
Будсте имъ общницы присныя сладости".

Видимъ мы въ этихъ стихотвореніяхъ Полоцкаго и обличенія произвола и злоупотребленій сильныхъ и знатныхъ людей, и обличенія невѣжества, и призывъ къ просвѣщенію.

Особый разрядъ поэтическихъ произведеній Полоцкаго составляютъ его драмы. Въ 1672 году появляется въ Москвѣ нѣмецъ

Іоганнъ-Готфридъ Грегори и подъ покровительствомъ боярина Матвѣева, по указу государя, ставитъ различныя пьесы въ Коломенскомъ дворцѣ. Эти театральныя зрѣлища, представлявшія въ Москвѣ совершенную новинку, пользовались сюжетами религіозными. Предпріимчивый Симеонъ былъ прекрасно знакомъ съ театромъ еще въ Кіевѣ, а потому онъ принимается за комедію, не упуская случая послужить просвѣщенію и этимъ способомъ. Симеонъ написалъ двѣ пьесы: „Комедію о царѣ Навуходоносорѣ и трехъ отрокахъ, въ пещи сожженныхъ" и „Комедію о блудномъ сынѣ". Первая представляетъ собою развитіе стараго церковнаго обряда, такъ называемаго „пещного дѣйства" и близка по содержанію къ библейскому повѣствованію. Гораздо интереснѣе вторая пьеса, въ которой при евангельскомъ сюжетѣ замѣчаются намеки на современныя Полоцкому обстоятельства. Состоитъ она изъ 6 частей съ прологомъ и эпилогомъ. Въ прологѣ объясняется значеніе драматическихъ представленій:

Пасторъ Грегори.

„Не тако слово въ памяти держится,
Яко же аще что дѣломъ явится,
Христову притчу дѣйствомъ явити
Здѣ умыслихомъ и чиномъ вершити.
О блудномъ сынѣ сія рѣчь будетъ наша,
Аки вещь живу узритъ милость ваша".

Затѣмъ въ комедіи подробно представляется уходъ блуднаго сына изъ родительскаго дома, расточительная жизнь его, бѣдствія и возвращеніе къ отцу. Въ ходѣ дѣйствій отклоненій отъ евангельской притчи нѣтъ, но любопытны нѣкоторыя рѣчи, рисующія разладъ между двумя поколѣніями и стремленія молодежи къ новому, неизвѣстному. Сынъ проситъ у отца разрѣшенія путешествовать, выставляя слѣдующіе мотивы:

„Богъ волю далъ есть: се птицы летаютъ,
Звѣріе въ лѣсахъ вольно пребываютъ,
И ты мнѣ, отче, изволь волю дати,

Разумну сущу весь міръ познати;
Твоя то слава и мнѣ слава будетъ,
До конца міра всякъ насъ не забудетъ.

Молодой человѣкъ думаетъ о славѣ, и эти мечты одобряются его отцомъ, но главная цѣль стремленій сына—воля, которой онъ не видитъ въ родительскомъ домѣ. Вотъ какъ онъ описываетъ свою жизнь дома:

„Бѣхъ у отца яко рабъ плѣненный,
Во предѣлахъ домовыхъ яко въ тюрьмѣ замкненный.
Не то бяше свободно творити,
Ждахъ обѣда, вечери, хотяй ясти, пити,
Не свободно играти, въ гости не пущано,
А на красныя лица зрѣти запрещано.
Во всякомъ дѣлѣ указъ, безъ того ничто же
Ахъ, колико неволя, о мой святый Боже!
Отецъ, яко мучитель сына си томляше,
Ничего же творити по воли даяше.
Нынѣ, слава Богови! отъ узъ свободихся,
Едва въ чужую страну, едва отмолихся.
Яко птенецъ изъ клѣтки на свѣтъ испущенный,
Желаю погуляти, тѣмъ быти блаженный“.

Исканіе воли окончилось бѣдствіями, такъ какъ блудный сынъ не зналъ, какъ разумно распорядиться своею свободой, и отсюда естественно истекало нравоученіе въ эпилогѣ пьесы:

„Юнымъ се образъ старѣйшихъ слушати,
На младый разумъ свой не уповати“.

Такимъ образомъ, молодежи внушалось послушаніе, которое въ эту переходную эпоху расшатывалось, но укрѣпляя авторитетъ старшихъ, пьеса имъ самимъ показывала ненормальность чрезмѣрнаго стѣсненія молодежи, законность ея стремленій къ свѣту, хотя эти стремленія и проявлялись въ неразумныхъ формахъ.

Таковы эти первые представители двухъ направленій юго-западнаго русскаго просвѣщенія, перенесеннаго въ Москву. Хотя они и сильно различались какъ по личному характеру, такъ и по характеру своего образованія, но рѣзкихъ столкновеній между ними не происходило. Совсѣмъ иначе сложились обстоятельства, когда на общественную арену выступили ихъ ученики: представитель греческой партіи, чудовскій инокъ Евѳимій, поддерживаемый братьями Лихудами, и его противникъ, ученикъ Симеона Полоцкаго, Сильвестръ Медвѣдевъ.

Сынъ курскаго подьячаго, Сильвестръ (въ міру Семенъ) родился въ 1641 г. и, вѣроятно, въ началѣ 60-хъ годовъ XVII в. уже переселился въ Москву, поступивъ на службу въ приказъ тайныхъ дѣлъ. Съ 1665 по 1668 г. онъ учится у Симеона Полоцкаго „по латынямъ“, живя вмѣстѣ съ нимъ при Заиконоспасскомъ монастырѣ. При

помощи „устоглаголанныхъ словесъ“ своего учителя, систематическаго прохожденія курса и обширнаго чтенія, Сильвестръ за это время усвоиваетъ языки польскій и латинскій, изучаетъ риторику, піитику, исторію, философію и богословіе; впослѣдствіи этотъ кругъ знаній былъ расширенъ изученіемъ греческаго и, можетъ-быть, нѣмецкаго языковъ: по крайней мѣрѣ, не даромъ Сильвестръ пріобрѣталъ нѣмецкія книги. Вліяніе Полоцкаго на Сильвестра было очень сильно, и послѣдній всегда высоко цѣнилъ авторитетъ своего учителя. Такъ, въ 1676 г. онъ писалъ Полоцкому: „азъ превеліимъ душевнымъ веселіемъ возвеселихся и Его, Бога, всякихъ благъ дателя, о таковой ми присножелательной радости благодарилъ, яко сподобивый мя Онъ, дивный во избранныхъ своихъ церковныхъ учителяхъ, въ твоемъ преподобіи первую учительскую должность зрѣти“.

Побывавъ въ 1668—69 гг. по служебнымъ дѣламъ въ Курляндіи и проживъ затѣмъ нѣсколько лѣтъ въ разныхъ монастыряхъ и пополняя при этомъ свое образованіе при помощи чтенія, Сильвестръ въ 1677 г. пріѣзжаетъ въ Москву и остается здѣсь по приказанію царя Ѳедора Алексѣевича. По догадкѣ г. Прозоровскаго, это приказаніе могло послѣдовать не безъ вліянія со стороны Симеона Полоцкаго, такъ какъ „Полоцкій, изнуренный уже своею разностороннею дѣятельностью, быть-можетъ, желалъ видѣть около себя своего усерднаго поклонника-ученика, талантливость котораго подавала большія надежды, что онъ будетъ дѣятелемъ, вполнѣ способнымъ замѣнить собою сходящаго со сцены своего наставника“, а также можетъ быть, что Полоцкій, „имѣлъ въ виду сдѣлать Сильвестра своимъ преемникомъ при дворѣ государя“... Поселившись въ Спасскомъ монастырѣ, гдѣ ему, по царскому повелѣнію, была отведена „богатѣйшая на иныхъ всѣхъ келлія“, Сильвестръ находится въ постоянномъ общеніи со своимъ учителемъ, бесѣдуетъ съ нимъ, много читаетъ подъ его руководствомъ, исполняетъ при немъ обязанности домашняго секретаря; въ кругъ этихъ обязанностей входятъ веденіе обширной корреспонденціи и редактированіе литературныхъ трудовъ Полоцкаго. Г. Прозоровскій, послѣ обстоятельнаго изслѣдованія, пришелъ къ заключенію, что „пересмотръ и редактированіе Сильвестромъ сочиненій Полоцкаго представляетъ для насъ немаловажный интересъ въ томъ именно отношеніи, что такое занятіе послужило для Сильвестра наилучшею подготовкою къ должности книжнаго справщика на печатномъ дворѣ. Примѣры дѣятельнаго участія Медвѣдева въ редактированіи произведеній Полоцкаго, обнаруживая въ своемъ авторѣ близкое знакомство съ текстомъ книгъ св. писанія и умѣніе искусною рукою исправлять чужія ошибки и выяснять чужія недомолвки, какъ нельзя лучше свидѣтельствуютъ и съ почти непререкаемою очевидностью (особенно, если имѣть еще въ виду ранѣе пріобрѣтенныя Сильвестромъ обширныя и многостороннія познанія) говорятъ за полную подготовленность Медвѣдева къ болѣе или менѣе успѣшнымъ занятіямъ его по должности книжнаго справщика“.

Передъ назначеніемъ на эту должность въ 1678 г., патріархъ поручилъ Сильвестру „чести книгу Апостолъ съ древними Апостолы рукописными и харатейными славянскими, съ кіевскими, кутеинскими, виленскими, съ Бесѣдами Апостольскими и со иными преводы, и ту книгу Апостолъ въ нужныхъ мѣстѣхъ править“. Менѣе, чѣмъ въ годъ, эта работа была окончена, при чемъ, какъ это видно изъ сохранившагося корректурнаго экземпляра изданія, Медвѣдевъ съ своими помощниками руководился не только славянскими рукописями, но и греческимъ текстомъ. Кромѣ этого важнѣйшаго труда Сильвестръ принимаетъ участіе и въ другихъ многочисленныхъ изданіяхъ Печатнаго двора, дѣятельность котораго, какъ показываетъ простой перечень его изданій за это время, была весьма обширна.

Изъ книги Симеона Полоцкаго „Притча о Блудномъ сынѣ“.

Послѣ смерти Полоцкаго въ 1680 г., Сильвестръ, унаслѣдовавшій всю библіотеку своего учителя, оплакавъ его въ „Надгробномъ надписаніи“, рѣшается приняться за собираніе и изданіе его сочиненій, на что скоро послѣдовало царское повелѣніе. Въ слѣдующемъ году уже выпускается „Обѣдъ душевный“, а въ 1683 г. — „Вечеря душевная“, при чемъ редактированіе производилось Сильвестромъ такъ же тщательно, какъ и при жизни его учителя. Ставши издателемъ сочиненій Полоцкаго, Сильвестръ вмѣстѣ съ тѣмъ явился преемникомъ его просвѣтительной дѣятельности. Вскорѣ послѣ смерти Полоцкаго онъ назначается „строителемъ“ Заиконоспасскаго монастыря. По характеру этой должности, соотвѣтствовавшей настоятельству, Сильвестръ много заботится о матеріальномъ устройствѣ монастыря, но главнымъ его дѣломъ такъ же, какъ и у Полоцкаго, является строительство духовное, забота о русскомъ просвѣщеніи, въ чемъ онъ находитъ для себя поддержку прежде всего со стороны царя Ѳедора Алексѣевича, который относится къ нему съ глубокимъ уваженіемъ и любовью, видя въ немъ „духъ премудрости“.

Благодаря такому расположенію царя, Сильвестръ скоро занимаетъ при дворѣ то же положеніе, что принадлежало его учителю: онъ становится придворнымъ поэтомъ. По поводу бракосочетанія царя онъ пишетъ „Привѣтство брачное“, а по смерти государя сочиняетъ „Плачъ и утѣшеніе двадесятьма двѣма виршами, по числу лѣтъ его царскаго величества, яже поживе въ мірѣ“; оба эти произведенія, конечно, не имѣютъ никакой цѣнности, но любопытны, какъ образцы схоластической школьной поэзіи, которою подготовлялся будущій русскій ложноклассицизмъ. Своимъ положеніемъ при дворѣ Сильвестръ пользуется такъ же, какъ и его учитель, для просвѣтительныхъ цѣлей. 15 января 1682 г., по ходатайству Сильвестра, послѣдовалъ царскій указъ о строеніи Заиконоспасскаго монастыря „для ученья двухъ келлій поземныхъ“, и въ томъ же году, вѣроятно, началась и дѣятельность новой школы, открытой по желанію „царя-мудростилюбца“. Въ этой школѣ, число учениковъ которой, конечно, не было особенно велико, Сильвестръ преподавалъ грамоту, „словенское ученіе и латынь“. Съ теченіемъ времени Сильвестръ мечталъ о значительномъ расширеніи своей преподавательской дѣятельности и о дальнѣйшемъ развитіи основаннаго имъ учрежденія: свою небольшую школу онъ думалъ обратить въ академію, для чего составилъ „привилей“, поднесенный имъ царевнѣ Софьѣ. Въ школьныхъ формахъ стихотворнаго „врученія“ къ этому „привилею“ выражается искренняя радость Сильвестра, что „въ Москвѣ невѣжества темность прогонится“, что отнимается отъ москвичей поношеніе, „яко Россія не вѣсть наукъ знати“, что „всѣ россы просвѣтятся“. Въ этихъ скованныхъ правилами схоластической піитики стихахъ проглядываетъ то же одушевленіе во имя науки, что такъ ярко сказалось впослѣдствіи въ ложноклассическихъ одахъ Ломоносова. Можетъ-

Изъ книги Симеона Полоцкаго „Притча о Блудномъ сынѣ“.

быть, и не совсѣмъ случайно параллель между этими двумя радѣтелями нашего просвѣщенія идетъ еще дальше: какъ у Ломоносова антагонистами являлись пришлые люди, „наукъ россійскихъ недоброхоты“, такъ и Сильвестръ въ своихъ мечтахъ объ основаніи академіи встрѣтился съ чужеземными учителями, „самобратіями“ Іоанникіемъ и Софроніемъ Лихудами. Учредить академію пришлось не ему, а этимъ двумъ грекамъ, съ которыми возникло у него препирательство (правда, по другому поводу), споръ, доходившій до такихъ крайностей, что его наблюдателямъ и участникамъ онъ казался подобнымъ „сикилійскому огню“.

Возгорѣлся этотъ „сикилійскій огонь“ изъ-за вопроса о времени пресуществленія св. Даровъ въ таинствѣ евхаристіи. Въ сущности этотъ вопросъ являлся поводомъ къ выясненію основной культурной тенденціи Сильвестра и его кружка, ихъ стремленія избавиться отъ безусловнаго подчиненія авторитету грековъ въ дѣлахъ просвѣщенія и избрать иной путь духовнаго развитія. Эта тенденція довольно ярко видна въ слѣдующихъ словахъ Сильвестра: „елико въ Россію грековъ духовнаго чина пріѣзжаютъ, то оныхъ наши духовніи едва не всѣхъ вопрошаютъ: како они нынѣ вѣрятъ, и какъ у нихъ въ чинѣхъ церковныхъ творится, дабы и намъ съ вами быти во всемъ согласнымъ? И еже они повѣдаютъ: нынѣ у насъ сице и сице творится, то и наши духовніи, не справяся оономъ съ писаніемъ древнихъ св. отецъ и со уставами, абіе яко младенцы, учителемъ уподобляющеся, весьма тщатся по словеси грековъ такожде творити. А оныхъ грековъ опросити не хощутъ, тако ли прежде у нихъ издревле быша или не тако, и чесо ради нынѣ у нихъ такое бысть премѣненіе, дабы они о томъ писаніемъ отвѣтъ дали, и оное бы ихъ писаніе согласити гдѣ съ писаніемъ древнихъ св. отецъ и со уставы, и согласная бы и правая держати, а несогласная и ново отъ нихъ вводная отрѣвати... А нынѣ, увы! нашему таковому неразумію вся вселенная смѣется,—не точію же та, но и сами тіи нововыѣзжіе греки смѣются и глаголютъ: „Русь глупая, ничтоже свѣдущая“. И не точію тако глаголютъ, но и свиніами насъ быти порицаютъ, вѣщающе сице: „мы куда хощемъ, тамо духовныхъ сихъ и обратимъ,—вѣдимъ бо ихъ, ничтоже самихъ знающихъ, и намъ, яко безсловесны суще, во всемъ, въ немже хощемъ, послѣдствуютъ“.

При такомъ непріязненномъ отношеніи къ грекамъ, Сильвестръ не могъ примириться съ той авторитетной ролью въ дѣлахъ просвѣщенія, на которую изъявили притязаніе братья Лихуды, и которую имъ удалось занять, благодаря поддержкѣ патр. Іоакима. Столкновеніе между двумя партіями, медвѣдевской, латинствующей, или скорѣе питавшей, вслѣдъ за Симеономъ Полоцкимъ, склонность къ западному просвѣщенію, и лихудовской, греческой, было неизбѣжно, и внѣшнимъ поводомъ къ нему послужилъ, какъ уже сказано, вопросъ о времени пресуществленія св. Даровъ. Лихуды высказали мнѣніе, что пресуществленіе совершается не при произнесеніи словъ Спаси-

Букварь Каріона Истомина.

теля: „Пріимите и ядите“ и т. д., но при молитвѣ священника, совершающаго литургію. Мнѣніе, отвергнутое Лихудами, встрѣтило многихъ защитниковъ, во главѣ которыхъ сталъ Сильвестръ; на Руси это латинское мнѣніе, установленное Флорентинскимъ соборомъ, не было новостью: оно безъ противорѣчій принималось въ западной Россіи, да и въ Московскомъ государствѣ успѣло прочно утвердиться, даже было не задолго передъ тѣмъ принято патр. Іоакимомъ, который теперь сталъ на сторону Лихудовъ. Споръ, возникшій между двумя партіями, вскорѣ принялъ острый характеръ и увлекъ все общество, такъ что по свидѣтельству современника, о пресуществленіи св. Даровъ „разглагольствовали не только мужи, но и жены и дѣти вездѣ другъ съ другомъ—въ схожденіяхъ, въ собесѣдованіяхъ, на пиршествахъ, на торжищахъ, а гдѣ любо случится кто другъ съ другомъ, въ яковомъ-любо мѣстѣ, временно и безвременно“.

Начата была полемика сочиненіемъ Сильвестра, вышедшимъ въ 1685 г. подъ заглавіемъ: „Книга, глаголемая хлѣбъ животный, изъясненная вкратцѣ христіанскія ради общеувѣрительныя пользы душѣ и отъ соблазнительныхъ и сумнительныхъ помысловъ, на общее спасеніе всему христіанству: о пресвятѣйшей тайнѣ, преданнѣй и утвержденнѣй самѣмъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. О Евхаристіи или, рекше, о пречистыхъ тайнахъ тѣла и крове Господни. Въ ней же различная изобрѣтаются собесѣдованія съ благопрѣніемъ, ко множайшему увѣренію, со вопросы и отвѣты ученика со учителемъ любезнымъ, отъ Св. Евангелія, и посланій апостольскихъ, и писаній богоносныхъ отецъ—ко увѣщанію его твердому“. Какъ видно изъ этого заглавія, сочиненіе имѣетъ діалогическую форму; въ немъ излагаются доводы въ защиту латинскаго по существу мнѣнія, раздѣляемаго Сильвестромъ; характеръ изложенія спокойный, умѣренный, рѣзкости по отношенію къ противникамъ не обнаруживается.

Въ отвѣтъ на „Хлѣбъ животный“, извѣстный ученикъ Епифанія Славинецкаго, чудовскій инокъ Евѳимій написалъ рѣзко-обличительное сочиненіе: „Показаніе на подвергъ латинскаго мудрованія, подвергаемый подъ св. восточную православную церковь“. Однако споръ этимъ не могъ завершиться, такъ какъ греческая партія не признавала, вѣроятно, опроверженія Евѳимія достаточно убѣдительнымъ, и въ концѣ 1687 г. было выпущено новое обличеніе мнѣній Сильвестра: „Тетрати церкве святыя возмутителей и слову Божію“, вызвавшія сперва краткій отвѣтъ Сильвестра, сохранившійся до насъ лишь въ незначительномъ отрывкѣ, а затѣмъ обширное его сочиненіе, озаглавленное: „Книга о маннѣ хлѣба животнаго, еже есть: о тѣлѣ и крови Христовѣ яже всѣмъ вѣрующимъ, яко Господними глаголы, а не иными пресуществленіе бываетъ, услаждаетъ, насыщаетъ, увеселяетъ, и отъ грѣхъ очищающи и спасающи животъ вѣчный имъ даруетъ“. Эта книга, отличающаяся рѣзкими выходками противъ Лихудовъ, была выпущена въ свѣтъ не сразу, а первоначально Силь-

вестръ издалъ только часть ея: „Предисловіе къ читателю“. Останавливаясь только на внѣшнихъ фактахъ полемики, мы не разсматриваемъ содержанія всѣхъ этихъ сочиненій, потому что оно представляетъ почти исключительно богословскій интересъ; укажемъ лишь, что въ „Маннѣ“ Сильвестръ обращается, какъ къ своей сторонницѣ, къ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, а этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, что богословская по существу полемика связывалась съ разными другими стремленіями, обнаруживавшимися въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ. Отвѣтомъ на „Манну“ была столь же обширная книга Лихудовъ: „Акосъ, или врачеваніе, противополагаемое ядовитымъ угрызеніямъ зміевымъ“, вышедшая въ декабрѣ 1687 г. Почти черезъ годъ послѣ этого Сильвестръ издалъ „Извѣстіе истинное“, въ которомъ излагаетъ исторію книжнаго исправленія въ Москвѣ, а передъ этимъ перевелъ латинское сочиненіе Кассандра, „Книгу, глаголемую церковносоставникъ“, касающуюся того же вопроса о пресуществленіи. Завершается полемика сочиненіемъ Лихудовъ „Показаніе истины“ и затѣмъ офиціальнымъ церковнымъ осужденіемъ мнѣнія Сильвестра. Съ этимъ осужденіемъ совпало и политическое преслѣдованіе за участіе Сильвестра въ замыслахъ Ѳ. Шакловитаго и царевны Софіи, и въ 1691 г. этотъ представитель новаго просвѣщенія былъ казненъ.

Если Сильвестръ Медвѣдевъ прошелъ школу духовную, которая непосредственно связывала его съ пришлыми представителями науки, то нужно сказать, что новыя просвѣтительныя стремленія съ середины XVII в. проявляются въ Москвѣ и независимо отъ школы: въ обществѣ все болѣе и болѣе замѣчается людей, которые относятся отрицательно къ старому укладу московской жизни, рѣшаются рѣзко критиковать различныя ея стороны и указываютъ на необходимость новыхъ путей развитія, на необходимость просвѣщенія. Къ числу такихъ людей принадлежитъ дьякъ посольскаго приказа Григорій Котошихинъ, авторъ сочиненія „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“. Это сочиненіе написано за границей—въ Стокгольмѣ, куда Котошихинъ долженъ былъ скрыться изъ Москвы отъ преслѣдованій. Содержаніе книги чисто дѣловое. Она начинается краткимъ изложеніемъ исторіи Россіи до Алексѣя Михайловича, затѣмъ, послѣ описанія быта царей и разныхъ придворныхъ обычаевъ, Котошихинъ говоритъ объ управленіи Московскаго государства, о приказахъ, войскѣ, торговыхъ и посадскихъ людяхъ, крестьянахъ, боярахъ. Вообще о своихъ соотечественникахъ Котошихинъ отзывается крайне отрицательно, говоритъ, что ихъ „натура не богобоязливая“, что они „спесивы“, ни къ чему не способны и т. д. Главный ихъ недостатокъ—отсутствіе воспитанія, „понеже въ государствѣ своемъ наученія никакого доброва не имѣютъ и не пріемлютъ, кромѣ спесивства и безстыдства, и ненависти, и неправды“. Это невѣжество печально отражается на государственныхъ дѣлахъ, какъ это видно изъ слѣдующаго описанія засѣданій боярской думы: „И какъ царю лучится сидѣть съ тѣми бояры и думными

людьми въ думѣ о иноземскихъ и о своихъ государственныхъ дѣлехъ, и въ то время бояре и окольничiи и думные дворяне садятца по чиномъ... А лучитца царю мысль свою объявити, и онъ имъ объявя приказываетъ, чтобъ они, бояре и думные люди, помысля къ тому дали способъ; и кто изъ тѣхъ бояръ поболши и разумнѣе, или кто и изъ меньшихъ, и они мысль свою къ способу объявливаютъ; а иные бояре, брады своя уставя, ничего не отвѣщаютъ, потому что царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многiе изъ нихъ грамотѣ не ученые и не студерованные"...

Говоритъ Котошихинъ и о невѣжествѣ женщинъ: „Московскаго государства женскiй полъ грамотѣ не ученые, и не обычай тому есть, а породнымъ разумомъ простоваты и на отговоры не смышлены и стыдливы, понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ, и опричь самыхъ ближнихъ, родственныхъ, чужiе люди никто ихъ, и они людей видѣти не могутъ, и по тому мочно дознатца, отъ чего бы имъ быти гораздо разумнымъ и смѣлымъ; такъ же какъ и замужъ выйдутъ, и ихъ потому жъ люди видаютъ мало". Особенно много отрицательныхъ чертъ отмѣчаетъ Котошихинъ, описывая боярскiя свадьбы и обманы, при нихъ совершающiеся, чиновничьи злоупотребленiя и т. д. Виною всему невѣжество, заставляющее враждебно относиться ко всякимъ попыткамъ исканiя свѣта, сближенiя съ другими народами, и Котошихинъ съ горечью описываетъ, какiя препятствiя ставятся въ Москвѣ тѣмъ, кто желаетъ поѣхать за границу. Конечно, мы можемъ предположить, что въ книгѣ Котошихина есть преувеличенiя, и потому ею нельзя руководиться, какъ вполнѣ надежною характеристикой Московской жизни; но тѣмъ не менѣе она важна, какъ памятникъ, рисующiй намъ настроенiе передовыхъ, критически мыслившихъ русскихъ людей XVII в. Вообще книга Котошихина является протестомъ противъ крайней замкнутости, застоя русской жизни и выражаетъ стремленiе къ западному просвѣщенiю, къ которому многiе призывали русскихъ людей.

Тотъ же призывъ къ западному просвѣщенiю мы слышимъ и въ сочиненiяхъ пришлаго серба Юрiя Крижанича, который, однако, крайне враждебно относится къ нѣмцамъ и, совѣтуя у нихъ перенять всяческiя знанiя, предостерегаетъ отъ подчиненiя имъ такъ же, какъ возстаетъ противъ грековъ, эксплуатирующихъ и обманывающихъ довѣрчивыхъ москвичей. Но на сочиненiяхъ Крижанича мы останавливаться не будемъ: ихъ разсмотрѣнiе не входитъ въ область исторiи русской литературы, такъ какъ авторъ—не русскiй и писалъ не по-русски.

Скажемъ нѣсколько словъ о любопытномъ памятникѣ, въ которомъ проявилась совершенно противоположная тенденцiя, стремленiе оградиться отъ всякаго чуждаго вліянiя. Это — духовное завѣщанiе патрiарха Iоакима. Послѣ распоряженiй чисто личнаго характера патрiархъ даетъ свое пастырское наставленiе царямъ Iоанну и

Петру Алексѣевичамъ, „да пребываютъ они, государи, въ прародительскомъ своемъ благородномъ царскомъ достоинствѣ благочестиво и праведно, во всякомъ изрядствѣ, жительствовати въ чистотѣ, воздержанiи же и святынѣ“. Убѣждая царей свято охранять православную вѣру, блюсти правосудiе, заботиться о благѣ подданныхъ, чтобы „избавити всякаго отъ неправды“, патрiархъ особенно много распространяется о вредѣ, причиняемомъ иновѣрцами и еретиками. „Еще же,—говоритъ онъ,—да никако же они, государи, попустятъ кому христiанамъ православнымъ въ своей державѣ съ еретиками-иновѣрцами, съ Латины, Лютеры, Калвины, безбожными татары (ихъ же гнушается Господь и церковь Божiя съ богомерзкими прелестьми ихъ проклинаетъ) общенiя въ содружествѣ творити, но яко враговъ Божiихъ и ругателей церковныхъ тѣхъ удалятися; да повелѣваютъ царскимъ своимъ указомъ, отнюдь бы иновѣрцы, пришедъ здѣ въ царство благочестивое, вѣръ своихъ не проповѣдывали и въ укоризну о вѣрѣ не разговаривали ни съ кѣмъ, и обычаевъ своихъ иностранныхъ, по своимъ ихъ ересямъ, на прелесть христiанамъ не вносили, и сiе бы имъ запретити подъ казнiю накрѣпко, и молбищныя бы по прелестямъ ихъ еретическихъ соборищъ строити не давати мѣста всеконечно; которыя здѣ и есть близь или между христiанскихъ домовъ, и тѣ разорити годно и должно, яко дiявольскiя сонмища: татарове бо зловѣрныя, еретики же церкви святыя отступные, и вся суть прокляты, зане апостолъ святый Павелъ и въ единой христiанской вѣрѣ братiй сущихъ, пiянствующихъ же и безчинствующихъ, отлучатися и не примѣшатися къ нимъ заповѣда, кольми паче таковыхъ еретиковъ-развратниковъ и хулителей святыя вѣры нашея отлучатися всячески подобаетъ!“ Ссылаясь на апостола, запрещающаго общенiе съ блудниками, пьяницами, лихоимцами, хищниками, патрiархъ утверждаетъ, что „въ иновѣрцахъ вся сiя злобы господствуютъ, обаче вѣрные люди многи и честнiи съ ними ядятъ не стыдящеся и не боятся грѣха, уклоняющеся же отъ заповѣди сея и завѣщанiя отъ церкве святыя, презирающiи и творящiи сами себѣ законъ презорствомъ“. Такимъ людямъ грозитъ проклятiе, возвѣщенное Псалмопѣвцемъ, и патрiархъ спрашиваетъ: „Коимъ убо образомъ можетъ цѣлость государства своего въ лѣпотѣ держатися и во угожденiи быти Богу?“ Отвѣтъ одинъ: „Егда вси люди истинствуютъ, о добрыхъ дѣлѣхъ прилежатъ, и содержатъ благiя и постоянныя нравы и да не навыкнутъ иностранныхъ обычаевъ непотребныхъ и неутвержденныхъ въ вѣрѣ, и писанiя невѣдущiи со иновѣрными о вѣрѣ не глаголютъ и лестнаго ученiя ихъ весьма да не слушаютъ, но да возъимѣютъ въ крѣпости отеческая благоразсудная и воздержная поступленiя въ дѣлѣхъ и вещахъ“.

Патрiархъ возмущается тѣмъ, что въ царскомъ войскѣ начальствованiе вручается иновѣрцамъ; онъ умоляетъ царей „отставити таковыхъ враговъ христiанскихъ отъ таковыхъ дѣлъ всесовершенно“, такъ какъ они только „гнѣвъ Божiй наводятъ“ на христiанское

воинство. „Ибо православніи христіане, по чину и обычаю церковному, молятся Богу; а они сѣять, еретики, и свои мерзкія дѣла исполняютъ и христіанскаго моленія гнушаются. Христіане Пречистую Дѣву Богородицу Марію чествующе, всячески о помощи просятъ и всѣхъ святыхъ; еретики же, будучи начальниками въ полкахъ, ругаются тому, и по прелести ихъ хулы износятъ, и никако же почитаютъ Пресвятую Богородицу и всѣхъ святыхъ, такожде и иконъ святыхъ не почитаютъ и всему христіанскому благочестію посмѣваютъ. Христіане постятся; еретики же никогда; ихъ же, по гласу апостольскому, Богъ чрево“. Вслѣдствіе того, что начальство дается еретикамъ, русскія войска терпятъ, по мнѣнію Іоакима, пораженія, какъ это случилось въ крымскомъ походѣ кн. В. В. Голицына. Патріархъ заканчиваетъ свое завѣщаніе настойчивымъ требованіемъ стѣсненій для иноземцевъ. „Паки воспоминаю,—говоритъ онъ,—еже бы иновѣрцомъ еретикомъ костеловъ римскихъ, кирокъ нѣмецкихъ, татаромъ мечетовъ, въ своемъ государствѣ и обладаніи всеконечно не давати строити нигдѣ, новыхъ латинскихъ и иностранскихъ обычаевъ и въ платьи премѣнъ по иноземски не вводити, ибо тѣмъ нѣтъ благочестіе христіанскаго царства во удобствіи имать пространятися и вѣра въ Господа Бога возрастати день отъ дне. Удивляюся же азъ царскаго синклита совѣтникомъ палатнымъ и правителемъ, которые на посольствахъ въ иныхъ земляхъ и царствахъ бывали, како кое государство нравъ и обычай имать, каковы въ одеждахъ и поступкахъ, тако держать, и иннаго не пріемлютъ и въ своихъ владѣніяхъ иныхъ вѣръ людей никаковыхъ достоинствъ не сподобляютъ; а еже не своея вѣры молитвенныхъ храмовъ иноземцамъ никако же попущаютъ сотворити, ни въ которомъ еретическомъ царствѣ, кая окрестъ насъ суть; яко въ нѣмецкихъ есть ли благочестивыя вѣры церковь, гдѣ бы христіаномъ было прибѣжище? Нигдѣ же! А здѣ чего и не бывало, и то еретикомъ повелѣно, что своихъ еретическихъ проклятыхъ соборищъ молбищныя храмины построили, въ которыхъ благочестивыхъ людей злобнѣ кленутъ и лаютъ, и вѣру укоряютъ, и иконы святыя попираютъ, и христіаномъ намъ ругаются, и зовутъ идолопоклонниками и злобожниками! И се нѣсть добро, но всячески зло“.

Въ этихъ словахъ ярко выражается отчаяніе, охватывавшее защитниковъ стараго уклада русской жизни, при видѣ тѣхъ западныхъ новшествъ, которыя все болѣе и болѣе отвоевывали себѣ права на дальнѣйшее развитіе и укрѣпленіе въ Москвѣ. Слова эти обращены были къ тому государю, который рѣшительно вступилъ на новый путь усвоенія „иностранскихъ“ нравовъ и обычаевъ, и написаны они были всего за нѣсколько лѣтъ до неслыханнаго событія, перваго путешествія русскаго государя на Западъ... Ясно, что они не достигали цѣли и являлись лишь своего рода отходною умиравшему старому строю...

Библіографія.

Пекарскій. Представители кіевской учености въ половинѣ XVII столѣтія Отеч. Зап. 1862, кн. 2, 3 и 4.

Образцовъ. Кіевскіе ученые въ Великороссіи. „Эпоха" 1865, I.

Любимовъ. Борьба между представителями великорусскаго и малорусскаго направленія въ Великороссіи въ концѣ XVII и началѣ XVIII вв. Ж. М. Н. Пр. 1875, VIII и IX.

Пѣвницкій. Епифаній Славинецкій, одинъ изъ главныхъ дѣятелей духовной литературы въ XVII вѣкѣ. Тр. Кіев. Дух. Акад. 1861, №№ 8—10.

Брайловскій. Филологическіе труды Епифанія Славинецкаго. Рус. Филолог. Вѣстн. 1890, т. XXIII.

Майковъ. Очерки изъ исторіи рус. лит. XVII и XVIII ст. СПБ. 1889 т. I (о Симеонѣ Полоцкомъ).

Татарскій. Симеонъ Полоцкій, его жизнь и дѣятельность. М. 1886.

Поповъ. Симеонъ Полоцкій, какъ проповѣдникъ. М. 1886.

Никольскій. Русскіе выходцы изъ заграничныхъ школъ въ XVII ст. Прав. Обозр. 1863, № 3.

Его же. Григорій Скибинскій. Тамъ же, № 11.

Бороздинъ. Русское религіозное разномысліе. СПБ. 1907.

Прозоровскій. Сильвестръ Медвѣдевъ. Его жизнь и дѣятельность. М. 1896.

Бѣлокуровъ. Сильвестра Медвѣдева „Извѣстіе Истинное". М. 1886.

Козловскій. Сильвестръ Медвѣдевъ. Кіевъ. 1894.

Мирковичъ. О времени пресуществленія св. Даровъ. Вильна. 1886.

Брайловскій. Письма Сильвестра Медвѣдева. СПБ. 1901.

Сменцовскій. Братья Лихуды. СПБ. 1899.

Смирновъ. Іоакимъ, патр. Московскій. М. 1881.

Житіе и завѣщаніе св. патр. московскаго Іоакима. Изд. общ. люб. др. письм. СПБ. 1879.

Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михаиловича. СПБ. 1840, 2-е изд.—СПБ. 1859, 3-е изд.—СПБ. 1884.

Гротъ. Новыя свѣдѣнія о Котошихинѣ по шведскимъ источникамъ. Сборн. Отд. Рус. яз. и слов. Ак. Наукъ, т. 29. СПБ. 1882.

Маркевичъ. Григорій Карповъ Котошихинъ и его сочиненіе о Московскомъ государствѣ въ половинѣ XVII вѣка. Одесса. 1895.

Охарактеризованныя выше стремленія къ новшествамъ, навѣянныя москвичамъ съ Запада, находили себѣ выраженіе не только въ научныхъ трудахъ, богословскихъ сочиненіяхъ, проповѣдяхъ, сатирахъ, каковыми являются произведенія разсмотрѣнныхъ нами до сихъ поръ писателей, но и въ цѣломъ рядѣ заимствованныхъ или оригинальныхъ произведеній чисто-беллетристическаго характера, въ литературѣ повѣстей и романовъ. На нихъ-то теперь мы и остановимъ свое вниманіе.

Изученію древне-русской беллетристики необходимо предпослать выясненіе вопроса о томъ, какимъ образомъ она развивалась, какимъ путемъ она къ намъ проникала и, наконецъ, изъ какихъ источниковъ черпала свое содержаніе.

Съ принятіемъ христіанства у насъ (какъ это было раньше въ Византіи и на Западѣ) старая народная словесность была строго осуждена духовенствомъ, видѣвшимъ въ ней остатокъ язычества и стремившимся замѣнить ее благочестивыми сказаніями въ христіанскомъ духѣ. Но удовлетвореніе фантазіи есть вполнѣ законная потребность человѣческаго духа, и поэтому, рядомъ съ духовной литературой, къ намъ рано начинаютъ проникать произведенія литера-

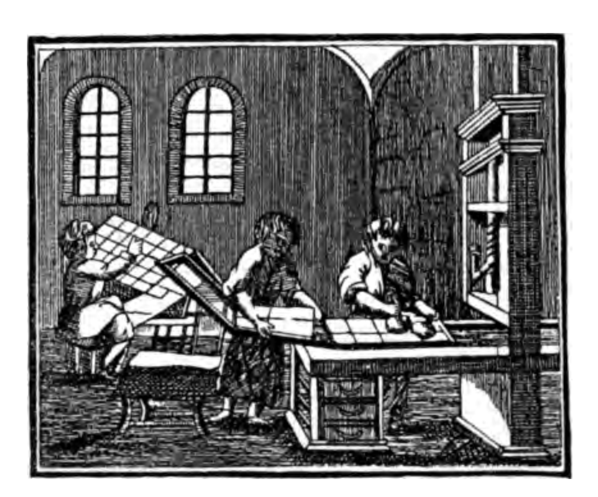
туры повѣствовательной, представляющія соединеніе христіанскихъ и языческихъ элементовъ и дающія обильную пищу для народной фантазіи.

До XVI в. такого рода произведенія приходили къ намъ исключительно изъ Византіи, при посредствѣ южно-славянскихъ земель, или съ Востока; въ XVI и XVII вв. значительно усиливается заимствованіе повѣствовательныхъ памятниковъ съ Запада, при чемъ посредникомъ этого заимствованія является Польша. На русской почвѣ всѣ эти заносныя произведенія подвергались переработкѣ и измѣнялись иногда до неузнаваемости. Такимъ образомъ древне-русскія повѣсти, по своему происхожденію, могутъ быть, какъ это указалъ А. Н. Веселовскій, сгруппированы въ три отдѣла: 1) повѣсти византійскія, каковы: Александрія, Троянскія дѣянія, Девгеніево дѣяніе, 2) восточныя—романъ о Варлаамѣ и Іосафѣ, повѣсть о Шемякиномъ судѣ и др., и 3) западныя—Римскія Дѣянія, повѣсть о Мелюзинѣ и др. Кромѣ того, въ древне-русской литературѣ были и нѣкоторыя оригинальныя повѣсти, въ родѣ повѣстей о Горѣ-Злосчастіи, о Ершѣ Ершовичѣ и др.

Изъ группы византійскихъ романовъ мы остановимся на „Александріи", авторомъ которой назывался грекъ Каллисѳенъ, жившій въ III в. послѣ Р. Х.; но такъ какъ его авторство не удостовѣрено, то его обыкновенно называютъ Псевдо-Каллисѳеномъ; въ IV вѣкѣ произведеніе это было переведено на латинскій языкъ и, наконецъ, въ V—VI вв. на армянскій. Одна изъ латинскихъ редакцій „Александріи" X вѣка была очень популярна на Западѣ, дала матеріалъ для западно-европейскихъ обработокъ повѣсти объ Александрѣ Великомъ и перешла къ арабамъ. Такимъ образомъ, романъ Каллисѳена во всевозможныхъ передѣлкахъ получилъ необыкновенное распространеніе, и образъ македонскаго завоевателя окружился поэтическимъ ореоломъ, видоизмѣнявшимся, смотря по средѣ, къ которой онъ пріурочивался: въ европейскихъ поэмахъ онъ явился рыцаремъ; у мусульманъ сталъ любимымъ народнымъ героемъ, и имя его становится на ряду съ Семирамидой, которая пользуется необыкновенной популярностью въ восточныхъ сказаніяхъ. Разсказъ Псевдо-Каллисѳена украшенъ чудесными подробностями, но популярность его объясняется не столько этими подробностями, сколько его нравственнымъ колоритомъ. Въ одномъ мѣстѣ Александръ характеризуется такимъ образомъ „имѣяше соудъ правъ въ языцѣ, также и вѣру непоколебиму и руцѣ податливѣ, сильныя яко желѣзныя и мимо текущая вмѣняше; долготерпѣливъ къ согрѣшающимъ безмѣрно. Сими же четырьми добродѣтельми четиремъ въселеньные концемъ самодрьжць назва се, сими бо добродѣтельми въсако царство окормляти подобаетъ".

Указаны четыре добродѣтели Александра: правда, непоколебимая вѣра, щедрость и милосердіе; благодаря этимъ свойствамъ, Александръ сталъ идеальнымъ царемъ. Біографія его значительно уклоняется

отъ того, что дается намъ историческими источниками. Александръ является сыномъ не Филиппа, а египетскаго жреца Нектанеба. Подъ руководствомъ Аристотеля онъ занимается изученіемъ Иліады и Одиссеи, Вергилія и астрономіи. Далѣе слѣдуетъ разсказъ о подвигахъ Александра. Онъ осаждаетъ Аѳины и встрѣчается съ Діогеномъ, который и поучаетъ его взять городъ хитростью. Изъ Аѳинъ Александръ идетъ въ Римъ, гдѣ проявляетъ необыкновенную милость къ жителямъ города. Изъ Рима онъ отправляется въ Іерусалимъ. Особенно богато чудесными подробностями описаніе похода Александра въ Индію. Онъ встрѣчается и борется съ „дивьими женами", съ шестиногими и шестирукими людьми, съ исполинскими муравьями и чудовищными раками. Александръ пріѣзжаетъ на Макарійскій (блаженный) островъ. На этомъ островѣ люди нагіе, потомки Сиѳа (нагомудрецы) ведутъ ангельскій образъ жизни, не причастны ни къ какимъ людскимъ смутамъ. Александру такъ нравится ихъ жизнь, что онъ готовъ остаться у нихъ, но ему жаль бросить своихъ македонянъ. На возвратномъ пути изъ Индіи Александръ заключилъ за двумя горами, сошедшимися по его молитвѣ, нечистые народы сѣвера. Подробность эта, какъ мы знаемъ, есть въ апокрифическомъ сказаніи Меѳодія Патарскаго. Затѣмъ далѣе описывается смерть Александра и изображается плачъ жены его, Роксаны: „Роксана же царица багряницу царскую раздра до земли и власы главы своея распростеръ и съ плачемъ и жалостію отъ болѣзнена сердца ко Александру яко къ живу глаголаше: „О Александре, всего свѣта царь и господине, премудрый во человѣцѣхъ, не зриши ли мене; поне въ чужей земли оставилъ мя еси, а самъ, яко солнце съ солнцемъ подъ землю зашелъ еси? О небо, солнце, луна и вси звѣзды, дряхлымъ образомъ срыдайте ми плачъ! О земле и основаніе вѣчныхъ утвержденій, горы же и холмы, плачитеся со мной днесь и поточите источници слезъ, дондеже езера наполнятся и горы напьются полыни, ибо и горести всякія горчайши мнѣ зѣло днесь".

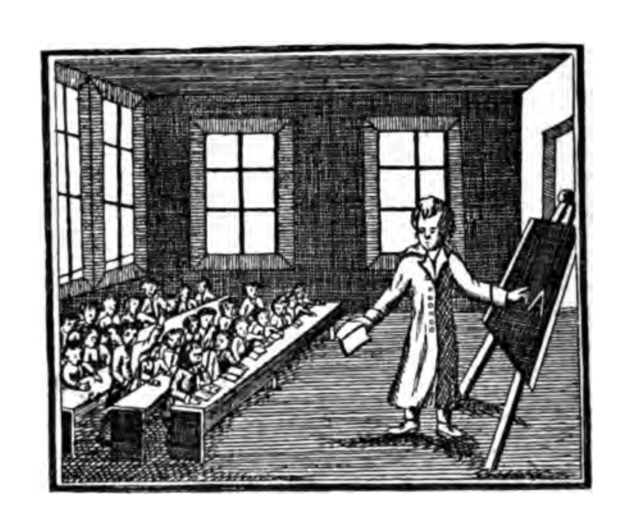


Типографія. Съ стар. русск. гравюры.

Къ группѣ византійской принадлежатъ „Троянскія дѣянія" и „Девгеніево дѣяніе". Эта послѣдняя повѣсть особенно интересна потому, что имѣла вліяніе на наши былины. Нѣкоторые изслѣдова-

тели видятъ связь между сказаніемъ о Дигенисѣ и былинами о Святогорѣ и Ильѣ Муромцѣ.

Изъ восточныхъ романовъ особенно замѣчателенъ романъ о Варлаамѣ и Іоасафѣ, представляющій легендарную исторію Будды. Содержаніе романа слѣдующее: у индійскаго царя долженъ родиться сынъ. Царь призываетъ звѣздочетовъ и они предсказываютъ, что его сынъ перейдетъ въ новую вѣру, которая научитъ его милосердію. Чтобы избѣгнуть исполненія этого пророчества, царь рѣшается удалить своего сына отъ свѣта. Онъ окружаетъ его прекрасными воспитателями, но запрещаетъ имъ говорить Іоасафу о существованіи смерти, болѣзни, старости, бѣдности и горя. Но однажды юношѣ случайно встрѣтилось двое мужей: одинъ прокаженный, другой слѣпой. Отъ нихъ онъ узнаетъ, что существуютъ старость, болѣзнь, и что всѣмъ безъ исключенія суждена смерть. У царевича вырывается восклицаніе о томъ, какъ горестна жизнь, и у него возникаетъ въ умѣ вопросъ, есть ли еще другая жизнь и другой міръ. Царевичъ ищетъ человѣка, который могъ бы разрѣшить его недоумѣніе и успокоить его. Такимъ человѣкомъ оказывается старецъ Варлаамъ. Между Варлаамомъ и Іоасафомъ происходитъ діалогъ, въ которомъ высказывается очень много поучительныхъ мыслей, послѣ чего Варлаамъ обращаетъ Іоасафа въ христіанство (въ этомъ послѣднемъ фактѣ сказалась особенность христіанской обработки буддійскаго сюжета).



Училище. Со старинной русской гравюры.

Тѣмъ же поучительнымъ характеромъ отличается и другая заимствованная съ Востока повѣсть „О двѣнадцати снахъ царя Шахаиши". Этотъ царь, жившій „въ нѣкоихъ странахъ древнихъ" видѣлъ сны, которые толкуетъ философъ Мамеръ. Толкованіе дается эсхатологическое: сны предвѣщаютъ кончину міра, когда всѣ развратятся, возстанутъ другъ на друга, погибнетъ правая вѣра и т. д. Основа разсказа отмѣчается въ Шахъ-Наме, Калила-и-Димна, хотя онъ и осложнился болѣе поздними христіанскими добавленіями. Самое имя Шахаиши, которое А. Н. Веселовскій основательно сближалъ съ Шахиншахомъ, даетъ основаніе предполагать заимствованіе не чрезъ византійцевъ, а непосредственно съ Востока, около XV вѣка.

Изъ другихъ восточныхъ повѣстей замѣчательна по внесенному впослѣдствіи русскому колориту повѣсть о Шемякиномъ судѣ, имѣющая связь съ сочиненіемъ о судахъ Соломона. Содержаніе этой повѣсти слѣдующее: бѣдный братъ проситъ богатаго ссудить ему лошадь съѣздить въ лѣсъ по дрова, но у лошади, по несчастію, оторвался хвостъ, и хозяинъ ея ведетъ бѣдняка судиться за причиненный ему убытокъ. По дорогѣ, остановившись на ночлегъ, бѣдный братъ упалъ съ полатей и зашибъ до смерти ребенка въ люлькѣ: отецъ ребенка явился вторымъ истцомъ противъ бѣдняка. Подходя къ городу, убогій бросается съ моста, чтобы покончить съ собою, и убиваетъ хвораго старика, котораго сынъ везъ въ баню. Такимъ образомъ, противъ него является еще и третій истецъ, и всѣ четверо предстали предъ „праведнаго судью“ Шемяку. Бѣднякъ завязалъ въ платокъ камень и показываетъ его исподтишка Шемякѣ. Судья принимаетъ этотъ знакъ за посулъ и рѣшаетъ дѣло въ пользу отвѣтчика. Богатому брату онъ велитъ отдать свою лошадь убогому, пока у нея не отрастетъ хвостъ; сыну убитаго старика предлагаетъ такое возмездіе: пусть онъ самъ сбросится съ моста, а отвѣтчикъ станетъ внизу и т. д. Истцы отступаются, а Шемяка ждетъ награды отъ бѣдняка; когда же тотъ объясняетъ ему значеніе своихъ жестовъ и показываетъ камень, онъ крестится и говоритъ: „Слава Богу, что я по немъ судилъ“. Въ этотъ разсказъ вкралось сатирическое отношеніе къ старинному суду и стремленіе связать имя Шемяки съ историческимъ Шемякой (Дмитріемъ), но они имѣютъ очень мало общаго. Въ первоначальныхъ восточныхъ разсказахъ, изъ которыхъ возникла наша повѣсть, сатиры не было, и судья былъ совсѣмъ праведный. „Съ точки зрѣнія формальнаго правосудія и совершившагося факта,—говоритъ Веселовскій,—бѣднякъ дѣйствительно виновенъ и можетъ быть приговоренъ къ уплатѣ проторей и убытковъ, но судья принимаетъ во вниманіе неумышленность преступленія и, судя по правдѣ, ставитъ такъ вопросъ обвиненія, присуждаетъ отвѣтчиковъ къ такимъ пенямъ, что онѣ падаютъ всей своей тяжестью на истцовъ, и тѣ предпочитаютъ отказаться отъ иска. Въ такомъ свѣтѣ являлся праведный судья въ тѣхъ восточныхъ сказкахъ (въ утраченной индійской, въ тибетскомъ Дзанглунѣ), отраженіемъ которыхъ, сильно видоизмѣненнымъ, является нашъ Шемякинъ судъ. Видоизмѣненія эти объясняются устной передачей повѣсти и вліяніемъ сходныхъ, по всей вѣроятности, еврейскихъ сказаній, разработавшихъ мотивъ „судовъ“ въ примѣненіи къ библейскому суду Соломона. Результатомъ этихъ вліяній было совершенно новое освѣщеніе повѣсти, опредѣлившее ея особый характеръ и вмѣстѣ причины ея популярности на Руси: судъ остался такимъ же праведнымъ, но судья изрекалъ его уже не по долгу совѣсти, а потому, что надѣялся на посулъ отъ подсудимаго. Въ той случайной побѣдѣ человѣческой правды надъ кривдой, которая также случайно становится ея орудіемъ, лежала глубокая иронія, которую русская сказка разработала нѣсколько односторонне:

типъ неправеднаго судьи, котораго перехитрилъ простакъ. заслонилъ все остальное, и сказка стала сатирой на судейскіе порядки, развитіемъ пословицы: съ подьячимъ водись, а камень за пазухой держи".

Наконецъ изъ группы восточныхъ повѣстей упомянемъ и весьма популярную сказку о Еруланѣ Лазаревичѣ: его отецъ соотвѣтствуетъ персидскому Зальзеру, а самъ Еруланъ есть персидскій богатырь, Рустемъ.

Третья группа повѣстей—западная, какъ сказано, сильно разрастается у насъ, начиная съ XVI столѣтія и даже даетъ матеріалъ для сказочной словесности. Такъ, напримѣръ, сказка о Бовѣ Королевичѣ чисто западнаго происхожденія и сюжетъ ея заимствованъ изъ романа о рыцарѣ Бово. Названія другихъ лицъ—тоже передѣлка западныхъ именъ, напримѣръ, Pulicane передѣланъ въ Полкана, Meretrix въ Меликтрису и т. д. Кромѣ сказки о Бовѣ, къ намъ перешло съ Запада много и другихъ рыцарскихъ романовъ. Таковы „Исторія о Мелюзинѣ", волшебницѣ, превращающейся въ наказаніе въ полузмѣю, получеловѣка, „Исторія о храбромъ князѣ Петрѣ Златыхъ Ключахъ и прекрасной королевнѣ Магиленѣ неаполитанской", чувствительно повѣствующая о приключеніяхъ двухъ нѣжныхъ любовниковъ, „Повѣсть о преславномъ римскомъ кесарѣ Оттонѣ", безвинно преслѣдующемъ свою прекрасную жену, „Исторія о чешскомъ королевичѣ Брунсвикѣ", „Исторія о Трысчанѣ и Изотѣ" (Тристанѣ и Изольдѣ). Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ стараго русскаго читателя увлекали разнообразныя картины приключеній, самое же рыцарство представлялось ему не совсѣмъ яснымъ. „Рыцарскій обиходъ, какъ объясняетъ Веселовскій, усваивался внѣшнимъ образомъ; многое показываетъ, что иныя его черты были не ясны и понимались въ половину. Подробно описывается вооруженіе рыцарей, ихъ поединки, обычай вызова перчаткой, турниры, въ которыхъ рядомъ съ рыцаремъ является и его конюшій, „оправца"... Славянскому читателю эти картины были понятны, какъ понятенъ былъ горделивый отказъ воителя сказаться побѣжденнымъ, чтобы спасти свою жизнь, и желаніе узнать имя противника, и радость, когда противникъ оказывался именитымъ рыцаремъ: славно будетъ пасть отъ его руки, еще славнѣе — сразить его. Въ такихъ случаяхъ рыцарскіе обычаи могли итти навстрѣчу народному юначеству, какъ оба сходились въ осужденіи убійства спящаго врага... Но едва ли вразумителенъ былъ символизмъ другихъ рыцарскихъ обрядовъ, и смутными могли слагаться представленія о „ѣзжалыхъ" рыцаряхъ (chevaliers errants), ищущихъ „фортуны", о дѣвушкахъ, бродящихъ по свѣту съ какимъ-нибудь невещественнымъ порученіемъ". Внѣшнимъ образомъ усваивался также идеалъ рыцарства—„доброть" и „дворность": служеніе дамамъ, courtoisie, шло слишкомъ въ разрѣзъ съ обычными представленіями древней Руси о женщинѣ.

Рядомъ съ рыцарскими романами съ Запада шли сборники поучительныхъ и занимательныхъ разсказовъ. Таковы: „Римскія Дѣянія",

Листы изъ ариѳметики Смотрицкаго.

„Великое Зерцало“, „Апофеегматы“, „Фацеціи“. Иногда въ нихъ, какъ въ послѣднемъ изъ указанныхъ сборниковъ, заключались только грубоватые смѣхотворные разсказы, но преимущественно въ виду имѣлось поученіе. Тотъ же поучительный элементъ виденъ и въ занесенной съ Запада повѣсти: „Преніе живота со смертью“. Сильный, могучій богатырь странствуетъ по полю и наѣзжаетъ на чудо-чудное, оказавшееся смертью. Самъ же рыцарь олицетворяетъ жизнь. У витязя былъ острый мечъ, обоюдо-наточенъ, побивалъ онъ много полковъ, покорялъ много сильныхъ царей. Отличался онъ силой и храбростью и говорилъ высокія и гордыя слова. Но является смерть, вооруженная множествомъ пилъ и мечей и другихъ орудій. Ими она „козноդѣйствуетъ“ на разрушеніе человѣка. Удалецъ пугается ее и спрашиваетъ, зачѣмъ она явилась. Она отвѣчаетъ, что пришла за нимъ. Рыцарь ей возражаетъ, что не желаетъ итти за ней, и начинаетъ надъ ней глумиться. Когда же узнаетъ, кто она, рыцарь смиряется и умоляетъ ее о пощадѣ, проситъ отпустить покаяться; но смерть ничего не хочетъ слышать и подкашиваетъ его косой, при чемъ говоритъ: „не такихъ богатырей, какъ ты, а прибрала я“. Эта повѣсть особенно должна была сдѣлаться популярной въ виду того интереса къ вопросамъ о концѣ міра, о загробной жизни, о воздаяніи за ихъ дѣла праведникамъ и грѣшникамъ на томъ свѣтѣ, того интереса, которымъ объясняется чрезвычайное распространеніе у насъ въ XVI и XVII вв. синодиковъ. Въ этихъ послѣднихъ памятникахъ, какъ показалъ проф. Е. В. Пѣтуховъ, очень много поучительныхъ сказаній, располагающихъ человѣка къ покаянію.

Изъ оригинальныхъ русскихъ повѣстей обращаетъ на себя особенное вниманіе повѣсть о Горѣ-Злосчастіи, по своему происхожденію могущая быть поставленною въ связь съ тѣми апокрифическими и народными сказаніями, которыя посвящены хмелю и вину.

Въ одной пѣснѣ хмель похваляется такимъ образомъ:

„Нѣту меня хмелюшки лучше,
Нѣту меня хмеля веселѣе;
Меня государь, хмеля, знаетъ,
Князья и бояре почитаютъ,
Монахи, патріархи благословляютъ,
Безъ хмеля свадебъ не играютъ,
А гдѣ бьются, гдѣ дерутся—всѣ во хмелю.
Безъ хмеля не мирятся, имъ помирятся“.

Хмель, похваляющійся такимъ могуществомъ, часто приводитъ къ очень грустнымъ послѣдствіямъ, которыя особенно ярко изображены въ повѣсти о Горѣ-Злосчастіи. Повѣсть начинается воспоминаніями о прародителяхъ Адамѣ и Евѣ, которые согрѣшили, вкусивъ виноградного плода, за что и подверглись изгнанію „изъ рая эдемскаго на землю низкую“, а отъ нихъ пошло „племя непокорливо“, которое Господь караетъ, смиряючи разными скорбями и напастями. Слѣдую-

Листы изъ ариѳметики Смотрицкаго.

щій за этимъ вступленіемъ разсказъ, являющійся какъ бы развитіемъ общаго положенія о каказаніи за непокорность, повѣствуетъ намъ о молодцѣ, не слушавшемся отца и матери. Стыдно было ему отцу покориться, матери поклониться, хотѣлось ему жить, какъ ему любо. Накопилъ онъ себѣ, „пятьдесятъ рублевъ", находилъ онъ себѣ „пятьдесятъ друговъ". Къ нему набираются въ друзья разные люди. которые научаютъ его пить:

„Испей ты, братецъ мой названный,
Въ радость себѣ, и въ веселіе, и во здравіе.
Хоть и упьешься, братецъ, допьяна,
Ино гдѣ пилъ, тутъ и спать ложись,
Надѣйся, надѣйся на меня, брата названа,
Я сяду стеречь и досматривать.
Сберегу я тебя, милъ другъ, тебя накрѣпко,
Сведу я тебя ко отцу твоему и матери".

Но друзья оказываются невѣрными, и остается молодецъ обобранный: подъ голову ему положенъ кирпичъ, самъ накрытъ гуней кабацкою, въ ногахъ у него лежатъ лапотки-отопочки, а мила-друга и близко нѣтъ. Молодецъ идетъ въ дальнюю „незнамую сторону" и попадаетъ къ добрымъ людямъ, они садятъ его за дубовый столъ и, разспросивши его объ его судьбѣ, наставляютъ его на путь истинный. Молодецъ возвратился снова въ хорошее состояніе, нажилъ себѣ имѣніе и невѣсту себѣ присмотрѣлъ, да тутъ на бѣду расхвастался, а похвальба къ добру не приводитъ:

„А всегда гнило слово похвальное,
Похвала живетъ—человѣку погубь".

Похвальбу молодца подслушало Горе-злосчастье и говоритъ ему:

„Не хвались ты, молодецъ, своимъ счастьемъ,
Не хвастай своимъ богатствомъ,
Бывали люди у меня, горя,
И мудрѣе тебя и досуже,
И я ихъ, горе, перемудрило.
Учинилося имъ злосчастіе великое,
До смерти со мной боролися.
Во зломъ злосчастіи покорилися.
И не могли у меня, горя, уѣхати.
Наги они во гробъ вселилися,
Отъ меня накрѣпко землей накрылися;
Босоты и наготы они избыли,
И я отъ нихъ, горе, миновалось,
А злосчастіе на ихъ могилѣ осталось.
Еще возграяло я, горе, къ инымъ привязалось.
А мнѣ, горю и злосчастью, не въ кустахъ же жить,
И батогомъ меня не выгонишь,
А гнѣздо мое и вотчина во бражникахъ".

Портретъ Екатерины II.

Привязалось горе къ молодцу и преслѣдуетъ его. Молодецъ, по совѣту горя, рѣшилъ пропить свое состояніе, потому что къ нищему никто не привяжется:

„Да никто къ нагому не привяжется,
А нагому, босому шумить—разбой“.

Разорившись, приходитъ онъ голодный на берегъ рѣки и вспоминаетъ горе:

„Ахти мнѣ, злосчастіе горинское
До бѣды меня, молодца, домыкало“.

Онъ рѣшается избавиться отъ горя. Горе выскочило „изъ-за камени“.

„Босо, наго, нѣтъ на горѣ ни ниточки,
Еще лычкомъ горе подпоясалось,
Богатырскимъ голосомъ воскликало:
„Стой ты, молодецъ, меня, горя, не уйдешь никуды.
Не мечися въ быстру рѣку,
Да не буди въ горѣ кручиноватъ:
А въ горѣ жить, не кручинну быть,
А кручинну въ горѣ погинути“.

Добрый молодецъ утѣшился, подходитъ къ перевозу и поетъ веселую пѣсню, за что его перевозятъ черезъ рѣку. Онъ пытается убѣжать отъ горя, но оно закаркало надъ нимъ, какъ злая ворона надъ соколомъ:

„Не на часъ я къ тебѣ, горе-злосчастіе, привязалося.
Хоть до смерти съ тобой помучаюсь“.

Какія мѣры онъ ни принимаетъ, горе его всюду преслѣдуетъ.

„Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,
А горе за нимъ бѣлымъ кречетомъ,
Молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
А горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ,
Молодецъ пошелъ въ поле сѣрымъ волкомъ,
А горе за нимъ съ борзыми во слѣдъ,
Молодецъ сталъ въ полѣ ковыль-трава,
А горе пришло съ косою вострою,
Да еще злосчастіе надъ молодцомъ посмѣялося
Быть тебѣ, травонька, посѣченной,
Лежать тебѣ, травонька, покошенной,
И буйны вѣтры быть тебѣ развѣянной“.

Единственнымъ спасеніемъ является монастырь:

„Спомянуетъ молодецъ спасенный путь,
И потомъ молодецъ въ монастырь пошелъ постригатися.
А горе-злосчастіе у святыхъ воротъ оставается,
Къ молодцу впредь не привяжется“.

Исходъ повѣсти соотвѣтствуетъ старому аскетическому направленію. Тотъ же аскетическій колоритъ виденъ и въ развязкѣ „Повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ“, который далъ на себя „рукописаніе“ бѣсу. Привороженный женою нѣкоего Бажена, Савва вздумалъ обратиться къ помощи бѣса. Подчинивъ Савву своей власти, бѣсъ водитъ его гулять по разнымъ городамъ, пріучаетъ къ безпорядочной жизни. Савва совершаетъ ратные подвиги, но разболѣлся, призвалъ іерея, и тутъ ему открылось, что онъ попалъ во власть нечистой силы. Богородица спасаетъ Савву, и онъ идетъ въ монахи. Совсѣмъ другимъ характеромъ, чѣмъ изложенныя повѣсти. отличается „Исторія о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ и стольничьей Нардина - Нащокина дочери Аннушкѣ“. По своему содержанію, по типу главнаго дѣйствующаго лица, эта „исторія“ можетъ быть отнесена къ обширной группѣ такъ называемыхъ Schelmenromane, въ которыхъ изображались похожденія ловкихъ плутовъ. Такіе романы бывали у насъ переводимы, настоящая же повѣсть есть оригинальная попытка рисующая русскіе нравы. Фролъ Скобѣевъ соотвѣтствуетъ проходимцамъ, изображавшимся въ западныхъ романахъ. Онъ, бѣдный дворянинъ, влюбленный въ дочь Ордына-Нащокина (Нардина) Аннушку, и старается втереться въ ихъ домъ. Но проникнуть туда ему очень трудно. Подкупивъ мамку Аннушки, Фролъ, одѣтый въ женское платье, проникаетъ въ домъ. Фролъ очень понравился Аннушкѣ. Но тутъ явилось еще одно препятствіе: Нардинъ - Нащокинъ вызвалъ Аннушку въ Москву „для того, что сватаются къ ней женихи, стольничьи дѣти“. Фролъ говоритъ: „хотя животъ свой утрачу, а отъ Аннушки не отстану; либо буду полковникъ, либо покойникъ“, и самъ переселяется въ Москву. Разузнавъ при посредствѣ той же

Бояринъ А. Л. Ордынъ-Нащокинъ.

мамки о жизни Аннушки, онъ рѣшается ее похитить. Благопріятный случай скоро представляется: сестра Нардина-Нащокина, монахиня, проситъ отпустить къ ней погостить племянницу. Аннушка даетъ объ этомъ знать Фролу, и онъ идетъ къ стольнику Ловчикову, который очень къ нему расположенъ, и проситъ дать ему карету для смотринъ невѣсты. Въ этой каретѣ онъ пріѣзжаетъ какъ бы изъ монастыря за Аннушкой. Мамка узнаетъ его, но онъ опять даетъ ей деньги и такимъ образомъ увозитъ Аннушку и женится на ней. Когда объ этомъ похищеніи Аннушки узнаетъ стольникъ Ловчиковъ, давшій карету, Фролъ объясняетъ ему, что такъ какъ, давъ карету, Ловчиковъ сталъ его сообщникомъ въ похищеніи Аннушки, то, чтобы самому выпутаться изъ этого дѣла, онъ долженъ просить у Нащокина прощенія Фролу. Они условливаются дѣйствовать такимъ образомъ: придутъ вмѣстѣ въ Успенскій соборъ къ обѣднѣ, а потомъ на Ивановскую площадь, гдѣ соберутся всѣ стольники, и здѣсь Фролъ признается Нащокину въ похищеніи. Когда Нащокинъ откажетъ Фролу, вступится Ловчиковъ и начнетъ убѣждать Нащокина простить похитителя, такъ какъ бракъ уже состоялся и ничего измѣнить нельзя. Вся эта программа выполнена, но Нащокинъ упорствуетъ, и тутъ Фролу помогаетъ новая хитрость. Родителямъ жаль своей дочери, и они посылаютъ человѣка узнать о ея здоровьѣ, а когда этотъ посланный приходитъ въ домъ Скобѣева, Фролъ велитъ ей притвориться больной, и говоритъ посланному, что болѣзнь происходитъ отъ родительскаго гнѣва, такъ какъ отецъ съ матерью ее бранятъ и клянутъ, и чтобы выздоровѣть ей, нужно заочное благословеніе родителей. Это разжалобило родителей: они послали ей благословеніе и дорогой образъ. Вслѣдъ затѣмъ посылаютъ огромное количество всякихъ запасовъ. Такимъ образомъ завязались сношенія. Наконецъ родители приглашаютъ Аннушку и Фрола къ себѣ. Сперва родители ее побранили, но затѣмъ посадили ее съ собой. Къ Фролу

Артамонъ Матвѣевъ.

обращаются съ такой рѣчью: „А ну, плутъ, что стоишь? Садись тутъ же, тебѣ ли, плуту, моей дочерью владѣть?“ Когда сѣли за столъ, Нащокинъ не велѣлъ никого принимать изъ посторонниxъ, такъ какъ времени у него нѣтъ: „для того, что съ зятемъ своимъ, съ воромъ и плутомъ Фролкою, кушаетъ“. Наконецъ Нащокинъ соглашается признать бракъ Аннушки со Скобѣевымъ и даетъ молодымъ вотчину и денегъ. Въ этой повѣсти видна грубость и какая-то примитивность морали: одобренія дѣйствіямъ Скобѣева мы не видимъ, но не видимъ, съ другой стороны, ихъ осужденія.

Въ этомъ отношеніи гораздо выше стоитъ повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ сынѣ Щетинниковѣ, передающая съ поразительной вѣрностью, хотя и въ сатирическомъ освѣщеніи, всѣ формы нашего судопроизводства въ XVII в. Повѣсть начинается слѣдующей жалобой леща: „Рыбамъ господамъ: великому осетру и бѣлугѣ, бѣлой рыбицѣ бьетъ челомъ Ростовскаго озера сынчишка боярскій лещъ съ товарищами. Жалоба, господа, намъ на злого человѣка, на Ерша Щетинника и на ябедника. Въ прошлыхъ, господа, годахъ было Ростовское озеро за нами, а тотъ Ершъ, злой человѣкъ, Щетинниковъ наслѣдникъ, лишилъ насъ Ростовскаго озера, расплодился тамъ Ершъ по рѣкамъ и озерамъ; онъ собою малъ, а щетины у него, аки лютыя рогатины, и онъ свидится съ нами на стану и тѣми острыми своими щетинами подкалываетъ наши бока и прокалываетъ намъ ребра и суется по рѣкамъ и по озерамъ, аки бѣшеная собака, путь свой потерявъ. А мы, господа, христіански, лукавствомъ жить не умѣемъ, а браниться и тяготиться съ лихими людьми не хотимъ, а хотимъ быть оборонены вами, праведными судьями“.

Судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: „Ты, Ершъ, истцу Лещу, отвѣчаешь ли?“ Отвѣтчикъ Ершъ рече: „Отвѣчаю за себя, господа, и за товарищей своихъ въ томъ, что то Ростовское озеро было старина дѣдовъ нашихъ, а нынѣ наше, и онъ, Лещъ, жилъ у насъ въ сусѣдствѣ на днѣ озера, а на свѣтъ не выхаживалъ“. Такимъ образомъ обвиненіе Леща оказывается неправильнымъ.

„А я, господа, Ершъ, Божіей милостью, отца своего благословеніемъ и материнскими молитвами не смутьянщикъ, не воръ, не тать и не разбойникъ, въ приводѣ никогда не бывалъ, воровского у меня ничего не вынимали; человѣкъ я добрый, живу я своей силою, а не чужою, знаютъ меня на Москвѣ и въ иныхъ великихъ городахъ князи и бояре, стольники и дворяне, жильцы московскіе, дьяки и подьячіе и всякихъ чиновъ люди, и покупаютъ меня дорогою цѣною и варятъ меня съ перцемъ и съ шафраномъ и ставятъ предъ собою честно и многіе добрые люди кушаютъ съ похмелья и кушавши поздравляютъ“. Тогда судьи спрашиваютъ Леща, какія у него доказательства. Онъ ссылается на свидѣтельство другихъ рыбъ. Особенно сердитъ на Ерша Осетръ; онъ разсказываетъ: „Тотъ же Ершъ обманулъ меня, Осетра, стараго мужика, и приведе меня къ неводу и рече ми: „Братецъ, Осетръ, пойдемъ въ неводъ, есть тамъ много рыбы“. И я его

нача посылати впередъ. И онъ, Ершъ, мнѣ рече: „Братецъ, Осетръ, коли меньшой братъ ходитъ напередъ большого?“ И я на его, господа, прелестное слово положился и въ неводъ пошелъ, обратился въ неводъ, да увязъ, а неводъ, что боярскій дворъ: итти—ворота широки, а выйти узки. А тотъ Ершъ за неводъ выскочилъ въ ячею, а самъ мнѣ насмѣхался: „Ужели ты, братецъ, въ неводу рыбы наѣлся?“ А какъ меня поволокли вонъ изъ воды, и тотъ Ершъ нача прощатися: „Братецъ, братецъ Осетръ, не поминай лихомъ“. А какъ меня мужики на берегу стали бить дубинами по головѣ и я нача стонать, и онъ, Ершъ рече ми: „Братецъ, Осетръ, терпи Христа ради“.

Судьи приговорили Ерша выдать головой Лещу и предать торговой казни: бить кнутомъ и послѣ кнута повѣсить въ жаркіе дни противъ солнца за его воровство и ябедничество. А у суднаго дѣла сидѣли люди добрые: дьякъ былъ Сомъ съ большимъ усомъ, а доводчикъ—Карась, а списокъ съ суднаго дѣла писалъ Вьюнъ; а печаталъ Ракъ своей задней клешней, а у печати сидѣлъ Вандышъ (снитокъ) переяславскій.

Речетъ Ершъ судьямъ: „Господа судьи! судили вы не по правдѣ, судили по мздѣ: Леща съ товарищами оправдали, а меня обвинили“. Плюнулъ Ершъ судьямъ въ глаза и скочилъ въ хворостъ: только того Ерша и видѣли“...

Главное достоинство этой повѣсти, какъ видимъ, состоитъ въ реалистическомъ изображеніи прежняго суда, отличавшагося взяточничествомъ и лицепріятіемъ.

Королевна Магилена.

Храбрый рыцарь Петръ Златые Ключи.

Библіографія.

Пыпинъ. Очерки литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ. СПБ. 1857.

Веселовскій. Глава о повѣстяхъ въ I т. „Ист. рус. словесности“ Галахова, изд. 1880 г. СПБ.

Его же. Изъ исторіи романа и повѣсти. СПБ. 1888.

Костомаровъ и Пыпинъ. Памятники старинной русской литературы. СПБ. 1860.

Буслаевъ. Истор. очерки рус. народ. слов. и искусства. М. 1861.

Аѳанасьевъ. Нар. рус. легенды. М. 1865.

Его же. Нар. рус. сказки. М. 1869.

ГЛАВА XV.

Литература Петровской эпохи.

Мы уже дали общую характеристику эпохи Петра Великаго, указали ея особенность въ томъ, что Россія усваивала чисто внѣшнюю культуру, заимствовала азбуку западнаго просвѣщенія.

Мы указывали также, что существуетъ два взгляда на Петра I: западниковъ, превозносившихъ Петра, и славянофиловъ, признававшихъ его дѣятельность вредною для историческаго развитія Россіи.

Оба эти направленія въ оцѣнкѣ дѣятельности Петра Великаго имѣютъ длинную исторію, начало которой относится непосредственно къ его эпохѣ: и въ его время были многочисленны его панегиристы, какъ съ другой стороны выдвигалось много хулителей его личности и дѣлъ.

Но что дѣлаетъ Петръ? Какія онъ ставитъ себѣ цѣли? Онъ прежде всего заботится о просвѣщеніи, устраиваетъ школы, которыхъ почти не было у насъ: только предъ самымъ его восшествіемъ на престолъ возникаютъ въ Москвѣ нѣсколько училищъ. Правда, въ Малороссіи и раньше были школы, но онѣ работаютъ для отдѣльной мѣстности, для окраины, тогда какъ центръ остается безъ школъ. Греко-латинская академія не можетъ удовлетворить нарастающимъ потребностямъ; онѣ требуютъ техниковъ, спеціалистовъ, а не богослововъ, выходившихъ изъ академіи. Нужно было устроить

Нужно было устроить новыя школы; за это дѣло и принимается царь, стремясь создать планъ устройства народнаго просвѣщенія.

Что касается литературы изучаемаго времени, то она отличается практическимъ, дѣловымъ характеромъ. Причина этого понятна. Народилось много новыхъ потребностей, со стороны правительства предпринимались новыя мѣры,—все это требовало объясненія, а въ иныхъ случаяхъ оправданія посредствомъ литературы. Нужно было объяснить, почему правительство въ своей политикѣ становится на новый путь. Такъ какъ начинанія и мѣры правительства были необычны и возбуждали въ народѣ разные толки, надо было дать отвѣтъ на эти толки. Все это даетъ начало оригинальной правительственной публицистикѣ, которая выражалась то въ формѣ мотивировки, сопровождавшей новые указы, то въ видѣ спеціальныхъ брошюръ, издававшихся по приказу государя и нерѣдко при его непосредственномъ личномъ участіи. Тотъ же публицистическій характеръ замѣтенъ и у духовныхъ писателей, которые старались разъяснить народу дѣйствія правительства.

Гр. Андрей Матвѣевъ.
Съ портрета, раб. Риго, грав. Колпакова.

Но практическій характеръ литературы Петровскаго времени выразился не только въ томъ, что она приняла публицистическое направленіе, а также и въ изданіи цѣлаго ряда руководствъ, посвященныхъ извѣстнымъ спеціальнымъ цѣлямъ. Являются практическія руководства по фортификаціи, морскому дѣлу, математикѣ и т. д., приноровленныя частью къ школьному преподаванію, частью къ потребностямъ самообразованія для тѣхъ, кто почему-либо не имѣлъ возможности обучаться въ школѣ.

На ряду съ заботами использовать литературу для практическихъ цѣлей, у Преобразователя было стремленіе распространить у насъ книги гуманитарнаго, общеобразовательнаго характера. Переводятся трактаты по исторіи, философіи, государственному праву

(Гуго Гроцій, Пуффендорфъ и др.). Правда, переведены были труды, которые на Западѣ уже устарѣли; но для Россіи они не утратили своего значенія. Заимствованіе шло заднимъ числомъ, но для насъ было своевременнымъ. Переведены были и чисто - литературнаго характера произведенія (напр., по миѳологіи), прямо разсчитанныя на удовлетвореніе любознательности читателей.

Графъ Петръ Андреевичъ Толстой.

Рядомъ съ переводной литературой зарождается и оригинальная, которая сначала имѣла тоже отчасти дѣловой характеръ. Появляется первая у насъ газета „Русскія Вѣдомости“ (въ 1703 г.), которая потомъ подъ названіемъ „Петербургскія Вѣдомости“ издавалась Академіей Наукъ. „Русскія Вѣдомости“ замѣнили собой прежніе, такъ называемые „куранты“ — газету, которая составлялась дьяками посольскаго приказа, должна была сообщать извѣстія о западной Европѣ, подносилась въ рукописи самому государю и издавалась только для государя и его приближенныхъ, но не для публики. Сознавая важность изданія общедоступной газеты, Петръ положилъ начало „Вѣдомостямъ“. По содержанію онѣ были гораздо шире „куран-

товъ". Въ нихъ давались не только политическія извѣстія, но и свѣдѣнія изъ области техническаго знанія, литературы и науки. Притомъ сообщенія касались какъ западной жизни, такъ и русской.

Мы теперь остановимъ вниманіе на отдѣльныхъ фактахъ петровской литературы — на произведеніяхъ духовныхъ и свѣтскихъ писателей.

ВѢДОМОСТИ.
На москвѣ вновь нынѣ пушекъ мѣдныхъ
гоубицъ и мартировъ вылито 400.
тѣ пушки, ядромъ, по 24. по 18. и по 12
фунтовъ. гоубицы бомбомъ пудовые и полу-
пудовые. мартиры бомбомъ девяти трехъ и дву
пудовые и менше. И еще много формъ готовыхъ
великихъ, и среднихъ к литью пушекъ гоубицъ.
и мартировъ: А мѣди нынѣ на пушечномъ дворѣ,
которая приготовлена къ новому литью, болше
40000 пудъ лежитъ.
Повелѣніемъ его величества московскіе школы
умножаются, и 45 человѣкъ слушаютъ философію,
и уже діалектику окончили.
В математической штюрманской школѣ болше 300
человѣкъ учатся, и добрѣ науку пріемлютъ.
На москвѣ ноября съ 24 числа, по 24 декабря
родилося мужеска и женска полу 386 человѣкъ.
Из персиды пишутъ: Индѣйскій царь послалъ
в дарахъ великому государю нашему слона, и иныхъ
вещей не мало. Из града шемахи отпущенъ
онъ въ астрахань сухимъ путемъ.
Из казани пишутъ, На рекѣ соку нашли много
нефти, и мѣдной руды, из той руды мѣдь
выплавили изрядно, от чего чаютъ не малой
быть прибыль московскому государству.
Изъ сибири пишутъ. Въ китайскомъ

Снимокъ съ 1-й страницы „Вѣдомостей."

Конечно, въ литературѣ петровскаго времени должно было выразиться такое или иное отношеніе современниковъ къ реформамъ преобразователя, а равнымъ образомъ и къ личности его самого. Отношеніе это далеко не у всѣхъ было одинаковымъ: были лица, которыя сочувствовали преобразовательнымъ планамъ и начинаніямъ Петра; но были и такія, которыя относились враждебно ко всему этому и въ современныхъ событіяхъ видѣли проявленіе злого духа.

Реформа при этомъ осуждалась не по религіознымъ только мотивамъ, но и по соображеніямъ иного характера. Въ дѣйствіяхъ Петра нѣкоторые видѣли проявленіе насилія, деспотизма. Были попытки протеста. Къ числу такихъ протестантовъ принадлежалъ, между прочимъ, фельдмаршалъ кн. Дм. Мих. Голицынъ. Онъ не стѣснялся подчасъ открыто и рѣзко выразить свое неудовольствіе, а разъ, вернувшись домой послѣ объясненія съ государемъ, бросилъ его портретъ и топталъ его ногами. Донесли объ этомъ царю. „Если бы то случилось персонально,—замѣтилъ Петръ,—я бы расправился, а съ фигурою всякъ чинить можетъ, что хочетъ"—и простилъ Голицыну.

Другіе мотивы для выраженія неодобренія и порицанія дѣйствій Петра были у массы. Послѣдняя посмотрѣла на дѣло, конечно, съ религіозной точки зрѣнія. Являются легенды, сказанія и т. д., въ которыхъ императоръ приравнивался народомъ къ антихристу, а раскольники прямо признали въ немъ воплощеніе этого антихриста и въ нововведенной паспортной системѣ увидѣли печать антихристову. Раскольники находили себѣ сочувствіе. Нѣкій Гришка Талицкій распространялъ подметныя тетради, въ которыхъ доказывалъ, что Петръ—воцарившійся антихристъ, при чемъ признаки дьявольскаго происхожденія царя усмотрѣлъ въ имени Петра, въ его новомъ титулѣ и въ его необычныхъ дѣйствіяхъ. Монахъ Самуилъ тоже признавалъ Петра антихристомъ на томъ основаніи, что новый титулъ его—императоръ—значитъ: имъ перетерли людей.

Но были, какъ мы выше замѣтили, люди, которые питали полное сочувствіе къ реформамъ и къ личности самого реформатора. Иногда, впрочемъ, подобные люди не одобряли нѣкоторыхъ его мѣръ и особенно его частной жизни.

Изъ писателей, современниковъ реформы, наиболѣе видное мѣсто занимаютъ два выдающихся іерарха — Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ. Авторъ одного изъ лучшихъ изслѣдованій о дѣятельности этихъ іерарховъ, извѣстный славянофилъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, замѣтилъ слѣдующую особенность въ направленіи церковной дѣятельности Стефана и Ѳеофана: первый изъ нихъ является противникомъ протестантизма, второй — противникомъ католицизма; но ни тотъ ни другой не могли избрать себѣ для борьбы съ антипатичной доктриной средствъ изъ одного только православнаго ученія. Стефанъ для борьбы съ протестантизмомъ обращается къ католицизму, а Ѳеофанъ для борьбы съ католицизмомъ заимствуетъ аргументацію изъ протестантства. Оба создаютъ свои системы — антипротестантскую и антикатолическую, при чемъ ни та ни другая не является чисто-православною. Одинъ полемизаторъ въ нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ совпадаетъ съ католичествомъ, другой — съ протестантствомъ. Твердаго православнаго критерія у обоихъ нѣтъ. И это, по мнѣнію Самарина, является особенностью не только въ трудахъ разсматриваемыхъ имъ дѣятелей, но вообще въ трудахъ всѣхъ послѣдующихъ богослововъ послѣ петровской эпохи.

Обратимся къ литературной дѣятельности Ѳеофана Прокоповича. Плодовитый писатель, Ѳеофанъ Прокоповичъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ и ревностнѣйшихъ поклонниковъ великаго преобразователя. Онъ прежде всего авторъ „Духовнаго Регламента“. Хотя этотъ памятникъ, опредѣлившій устройство синодальное и вообще новое русское церковное управленіе, есть произведеніе не литературное, а юридическое, на немъ слѣдуетъ остановиться въ виду тѣхъ взглядовъ на просвѣщеніе, которые въ немъ проводятся. Духовная власть, какъ разъяснялъ „Регламентъ“, должна бороться съ суевѣріями, а для борьбы есть два средства—сила и просвѣщеніе. Нѣкоторые говорили, что наука распространяетъ ереси и не можетъ содѣйствовать укрѣпленію вѣры. Но такое мнѣніе въ „Регламентѣ“ рѣшительно опровергается. Безъ ученія въ Церкви должны установиться нестроенія, раздоры и ереси. Мы можемъ найти больше ересей среди невѣжественныхъ людей, и во всякомъ случаѣ ересь является не отъ учености, а отъ неяснаго, превратнаго пониманія, которому легче подвергаются невѣжды. Источникъ ересей—гордость и злоба. „Когда нѣтъ свѣта ученія, нельзя быть доброму поведенію Церкви и нельзя не быти нестроенію и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ, еще же раздорамъ и пребезумнымъ ересямъ. Дурно многіе говорятъ, что ученіе виновно есть ересей, ибо кромѣ древнихъ отъ гордаго глупства, а не отъ ученія бѣсновавшихся еретиковъ наши же глупые раскольщики не отъ грубости ли и невѣжества толь жестоко возбѣсновалися? А хотя и отъ ученыхъ человѣкъ бываютъ ересіархи, яковый былъ Арій, Несторій и иные нѣцыи, но ересь оныхъ родилась не отъ ученія, а отъ скудости священныхъ писаній разумѣнія, а возросли и укрѣпились отъ злобы и гордости, которая не попустила имъ перемѣнить дурное ихъ мнѣніе уже и по познанію истины противъ совѣсти своей. И если посмотримъ черезъ исторіи, аки чрезъ зрительныя трубки, на мимошедшіе вѣки, то увидимъ все худшее въ темныхъ, нежели въ свѣтлыхъ ученіемъ временахъ“.

Ѳеофанъ Прокоповичъ.
Съ портрета, гравир. И. Ческимъ.

Ревностнымъ защитникомъ преобразованій Петра Ѳеофанъ выступаетъ и въ своихъ проповѣдяхъ. Говоря о противникахъ реформы, онъ часто прибѣгаетъ къ мѣткой ироніи: „суть нѣцыи (и далъ бы Богъ, дабы не были многіе), или тайнымъ бѣсомъ льстиміи, или меланхоліею помрачаемы, которые таковаго нѣкоего въ мысли своей имѣютъ урода, что все имъ грѣшно и скверно мнится быти, что либо увидятъ чудно, весело, велико и славно, аще и праведно и правильно и не богопротивно; напримѣръ: лучше любятъ день ненастливый, нежели ведро; лучше радуются вѣдомостьми скорбными, нежели добрыми; самого счастія не любятъ и не вѣмъ, какъ то о самихъ себѣ думаютъ, а о прочихъ такъ: аще кого видятъ здрава и въ добромъ поведеніи, то, конечно, не святъ; хотѣли бы всѣмъ человѣкомъ быти злообразнымъ, горбатымъ, темнымъ, неблагополучнымъ и развѣ въ таковомъ состояніи любили бы ихъ. Таковыхъ Еллини нарицали мисантропи, сіесть человѣконенавидцы. И есть давная и дивная повѣсть о нѣкоемъ таковомъ, Тимонѣ именемъ, жителѣ аѳинейскомъ: той толико болѣзновалъ сею страстію, и ненавидя добраго поведенія въ людяхъ, толь жадно желалъ злоключенія своему отечеству, что послѣжде сошелъ съ ума и таковый обморокъ и мечтаніе возымѣлъ, аки бы ему подлинно нѣкто донесъ, будто аѳинеи всѣ хотятъ вѣшаться: мужіе, рече, аѳинейстіи, есть у меня въ вертоградѣ древо великое, и много крѣпкихъ вѣтвей на немъ, да для потребнаго на мѣстѣ томъ зданія срубить хощу скоро же; молю васъ, идите, вѣшайтеся, ибо дома ждать не могу. Не обрѣтаются ли и нынѣ таковіи? Аще и не въ таковой мѣрѣ, обаче суть тако злобныи и понурыи". Въ другихъ своихъ проповѣдяхъ Ѳеофанъ разъясняетъ значеніе отдѣльныхъ нововведеній, построеннаго Петромъ флота, путешествій русскихъ юношей за границу, указывая, что эти путешествія прямо необходимы; говоритъ онъ и о духовной реформѣ и о дѣлѣ царевича Алексѣя, смущавшемъ многихъ современниковъ. Иногда онъ въ одной проповѣди сосредоточиваетъ защиту и разъясненіе чуть ли не всѣхъ реформъ Петра Великаго: такъ онъ сдѣлалъ въ 1716 г. въ проповѣди на день рожденія царевича Петра Петровича, такъ же говорилъ онъ и въ своемъ замѣчательномъ надгробномъ словѣ Петру. Слово это представляетъ образцовую характеристику дѣятельности Петра и проникнуто неподдѣльнымъ, глубокимъ чувствомъ. „Что се есть?—восклицалъ Ѳеофанъ— до чего мы дожили, о россіяне? Что видимъ? Что дѣлаемъ?—Петра Великаго погребаемъ... Виновникъ безчисленныхъ благополучій нашихъ и радостей, воскресившій аки отъ мертвыхъ Россію и воздвигшій въ толикую силу и славу, или паче рождшій и воспитавшій, прямый сый отечествія отецъ... скончалъ жизнь"... Оплакавъ Петра, Ѳеофанъ навсегда остался защитникомъ его дѣла, когда при преемникахъ Петра подняли голову поклонники старины.

Далеко не такимъ безусловнымъ почитателемъ личности и дѣла Петра былъ Стефанъ Яворскій Въ началѣ своего поприща онъ

ПРІКЛАДЫ
КАКО ПІШУТСЯ
КОМПЛЕМЕНТЫ
разные на немецкомъ языкѣ,
ТО ЕСТЬ ПІСАНІЯ
ОТЪ ПОТЕНТАТОВЪ
КЪ ПОТЕНТАТОМЪ,
Поздравителные і сожалѣтелные, і иные:
Такожде между сродніковъ
і пріятелеі.

Переведены съ Немецкого на Россиски языкъ напечатаные повелѣніемъ благочестівѣішаго великого Государя Царя, І великого Князя

ПЕТРА АЛЕКСІЕВІЧА

Всея великія і малыя іБѣлыя Россіі самодержца.

Прі благороднѣішемъ Государѣ царевичѣ, і великомъ Князѣ

АЛЕКСІІ ПЕТРОВІЧѢ.

Въ царствующемъ великомъ Градѣ Москвѣ.
Лѣта Господня 1708. Апрілліа.

Обложка книги Феофана Прокоповича.

прославлялъ государя, поражался разнообразіемъ его дарованій, разносторонностью свѣдѣній, восхвалялъ отдѣльные факты его правительственной дѣятельности, его военные подвиги. При этомъ, согласно со школьной юго-западной теоріей, онъ иногда допускалъ восхваленіе чрезмѣрное. Такъ, въ одномъ словѣ онъ примѣняетъ къ Петру Великому то, что говорилось объ Іисусѣ Христѣ: „Христу Спасителю нашему удивляхуся Іудеи: како сей вѣсть книги, не учився! Тако и о монархѣ нашемъ глаголати можно: како сей вѣсть книги, не учився?"

Но съ теченіемъ времени отношеніе измѣнилось. Произошла перемѣна оттого, что Стефанъ не сочувствовалъ многимъ мѣрамъ Петра въ отношеніи духовенства. Говоря объ этихъ мѣрахъ, онъ начинаетъ обличать и личные недостатки преобразователя. Раздра-

Изъ „Описанія Петербурга" Рубана.

женіе было иногда такъ сильно, что онъ писалъ проповѣди, невѣроятно рѣзкія, и потомъ не рѣшался ихъ произносить. Вотъ образецъ такой не произнесенной проповѣди относительно устроенныхъ Петромъ ассамблей: „Ей, царю Валтасаре, что творишь? Сосуди то церковные, а ты ихъ на пьянство употребляешь. Помятуй же, что тебѣ тое не минется: выпьешь изъ тѣхъ сосудовъ горькій полынь ярости Божія. Гнѣвается на то Богъ, егда кто добра церковныя, Ему данныя, похищаетъ, а еще на зло употребляетъ. Забылся я, что такъ дерзновенно глаголю истину, гдѣ истину не любятъ. Однако жъ не слушаетъ того царь Валтасаръ; пьютъ нещадно сивачъ; кто не выпьетъ, штрафъ про здравіе изъ сосудовъ церковныхъ; всѣ доброй мысли, всѣ шумны, всѣ веселы. А то нечаянно явится рука нѣкая, пишущая приговоръ на смерть цареви. Отъ тебѣ церковное добро куда пошло!"

Это не было сказано, но черезъ четыре года произнесена была проповѣдь, въ которой въ крайне рѣзкихъ выраженіяхъ Яворскій порицалъ разводъ Петра съ Евдокіей Лопухиной и новую его же-

Переписать и
въ планѣ орѳографіи

нитьбу. „Се имате мзду, закона Божія разорители,—говорилъ Стефанъ,—и слышите громы, заповѣдей Божіихъ преступницы! Того ради не удивляйтеся, что многомятежная Россія наша доселѣ въ кровныхъ буряхъ волнуется; не удивляйтеся, что по толикихъ смятеніяхъ доселѣ не имамы превожделѣннаго мира. Кто законъ Божій

Стефанъ Яворскій.

разоряетъ, отъ того миръ далече отстоитъ; гдѣ правда, тамъ и миръ. Море—свирѣпное море—человѣче законопреступный! Почто ломаеши и сокрушаеши и разоряеши берега? Берегъ есть законъ Божій, берегъ есть во еже не прелюбы сотворити, не вожделѣти жены ближняго, не оставляти жены своея; берегъ есть во еже хранити благочестіе, посты, а наипаче Четыредесятницу, берегъ есть почитати

иконы. Христосъ гласитъ во Евангеліи: аще кто церкви не послушаетъ, буди тебѣ яко язычникъ и мытарь". Возставалъ Стефанъ и противъ осужденія царевича Алексѣя Петровича, въ сношеніяхъ съ иностранцами видѣлъ опасность для вѣры, и въ противоположность Ѳеофану Прокоповичу возставалъ противъ путешествій, говоря: „Многимъ случается, яко едва чуждыя узрятъ земли, отлучившися отъ своего отечества, и отъ вѣры удаляются".

Библіографія.

Пекарскій. Наука и литература при Петрѣ Великомъ. 2 т. СПБ. 1862.
Шмурло. Петръ Великій въ русской литературѣ. СПБ. 1889.
Толстой, гр. Д. А. Академическая гимназія въ XVIII в. СПБ. 1886.
Его же. Академическій университетъ. СПБ. 1886.
Самаринъ, Ю. Ѳ. Сочиненія, т. V. М. 1880 (Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ).
Морозовъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ какъ писатель. СПБ. 1880.
Чистовичъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время. СПБ. 1868.

Крышка табакерки Петра Великаго.

Видъ Петербургской стороны и крѣпости. (Изъ „Брюсова календаря“).

ГЛАВА XVI.

Свѣтскіе писатели эпохи Петра Великаго.

Познакомимся теперь со свѣтскими писателями, современниками Петра. Передъ нами одинъ изъ оригинальнѣйшихъ людей этой эпохи Ив. Тих. Посошковъ — по происхожденію крестьянинъ. Онъ сторонникъ реформы. Онъ видитъ недостатки въ состояніи общества переходной поры, и потому взглядъ его на современную жизнь до нѣкоторой степени отрицателенъ. Въ своемъ „Отеческомъ завѣщаніи“ Посошковъ возстаетъ, какъ противъ легкомысленнаго подражанія Западу, такъ и противъ неразумныхъ защитниковъ старины. „Буди неподвиженъ, — совѣтуетъ онъ своему сыну, — но стой, яко мраморный столбъ, на недвижномъ камени утвержденный; не склоняйся ни на шуюю сторону, ниже на мнимое десно, понеже отъ мнимыя десности многое множество народа древле отъ истиннаго благочестія совратилося, въ вѣчную погибель снидоша, овыя же во лжехристовщину, овыя же во лжемоисеевщину, иніи же во оплазливую поповщину, иніи же во всеконечную безпоповщину, и во иныя многоразличныя вѣры нарзванія разыдошася... И ты, сыне мой, крѣпко сему внимай и храни себя отъ ихъ прелестей опасно, дабы тебѣ не поползнутися въ люторское и ихъ раскольничье проклятое мудрованіе. Нынѣ бо мнози изъ русскаго народа, научившися отъ иноземцевъ, отъ правыя своея древнея вѣры въ лютеранское зловѣріе начинаютъ склоняться и отъ Мартина Лютера установленные, слабые и рискованные и весьма развращенные законы начинаютъ принимати, свои же древніи, отъ самого Бога и учениковъ Его и отъ ихъ преемниковъ, святыхъ отецъ, установленные законы отмещутъ. А то забыли, колико въ

древней вѣрѣ Господь Богъ угодившихъ Ему явными и дивными чудесы прославилъ; а Мартинъ Лютеръ возсталъ, тому уже слишкомъ двѣсти лѣтъ минуло, а не видѣть, не слышать, кто бы въ ихъ нововымышленной вѣрѣ, живой или мертвый, чудотворецъ явился; только такихъ чудотворцевъ видимъ много, что могутъ до полуночи, ино есть и до самаго свѣта, въ скаканіи и танцованіи безъ сна проводити, умѣютъ же и пити съ музыками, и карты играти, и таковая ихъ чудотворенія извѣстно мы вѣмы. Обаче всѣхъ насъ, во благочестіи сущихъ, да сохранитъ Господь Богъ отъ такова ихъ чудотворенія".

Къ протестантамъ Посошковъ вообще относится крайне неприязненно, какъ это видно и изъ другихъ мѣстъ „Завѣщанія". Такое отношеніе явилось, вѣроятно, подъ вліяніемъ Стефана Яворскаго, котораго Посошковъ чрезвычайно уважалъ и авторитетомъ котораго онъ руководился въ религіозныхъ вопросахъ. Нападаетъ Посошковъ на протестантовъ за разныя внѣшнія особенности, за то, что они въ церквахъ сидятъ, а не стоятъ, бываютъ въ церкви въ парикахъ, молясь не крестятся и не кладутъ поклоновъ. Крайне возмущаетъ его, что и русскіе носятъ парики: „Есть бо нѣцыи и изъ нашего праваго христіанства, научившеся отъ нихъ, во время божественныя литургіи, въ церкви стоятъ въ парукахъ и въ явленіе Пресвятаго Тѣла Христова не снимаютъ ихъ съ главъ своихъ. И ты, сыне мой, таковаго безумія отнюдь себѣ не пріемли и не мни того, яко бы въ парукѣ въ церкви стояти безгрѣшно было. То себѣ вѣждь, яко аще въ парукѣ стояти безгрѣшно, то и въ шапкѣ уже безгрѣшно: вся бо сія едино есть покрывало". Нужно замѣтить, что эта нѣсколько на нашъ современный взглядъ курьезная вражда къ парикамъ объясняется у Посошкова не одними религіозными мотивами: въ парикахъ онъ видитъ нѣчто ненужное, роскошь, занесенную къ намъ корыстными иноземцами. „Намъ,—говоритъ онъ,—иноземцевъ деньгами не наполнить; они тому вельми рады, еже бы мы во уборствѣ великомъ и въ парукахъ ходили, только бы ихъ деньгами осыпали. Вмѣстное ли то дѣло, еже накладные волосы рублевъ по пятидесяти и больше продаютъ, а что въ нихъ есть, понося токмо да бросить. Намъ же ни золотомъ, ни серебромъ, ниже накладными волосами подобаетъ себя украшати, но паче подобаетъ намъ себя украшати въ воинскомъ дѣлѣ храбростью, въ судейскомъ дѣлѣ правосудіемъ, въ купечествѣ праведнымъ и неподвижнымъ словомъ и товаромъ не лестнымъ, мастеровымъ же людемъ въ тщательномъ художествѣ, въ духовномъ же дѣлѣ, паче всѣхъ воспомянутыхъ украшеній, украшатися книжнымъ ученіемъ грамматическимъ, и риторскимъ, и философскимъ разумомъ".

Излагая въ своемъ „Завѣщаніи" разныя правила нравственныя, поучая сына, какъ надо жить, Посошковъ во многомъ повторяетъ наставленія стариннаго Домостроя, почему его книгу можно считать обновленнымъ Домостроемъ. Обновленіе заключается въ нѣкоторыхъ

совѣтахъ Посошкова, въ которыхъ сказалось вліяніе духа времени, духа преобразовательной эпохи: онъ требуетъ, чтобы дѣти учились, и программы обученія значительно у него шире, чѣмъ въ Домостроѣ, а кромѣ того, важенъ его взглядъ на жену, которую онъ называетъ помощницей мужа.

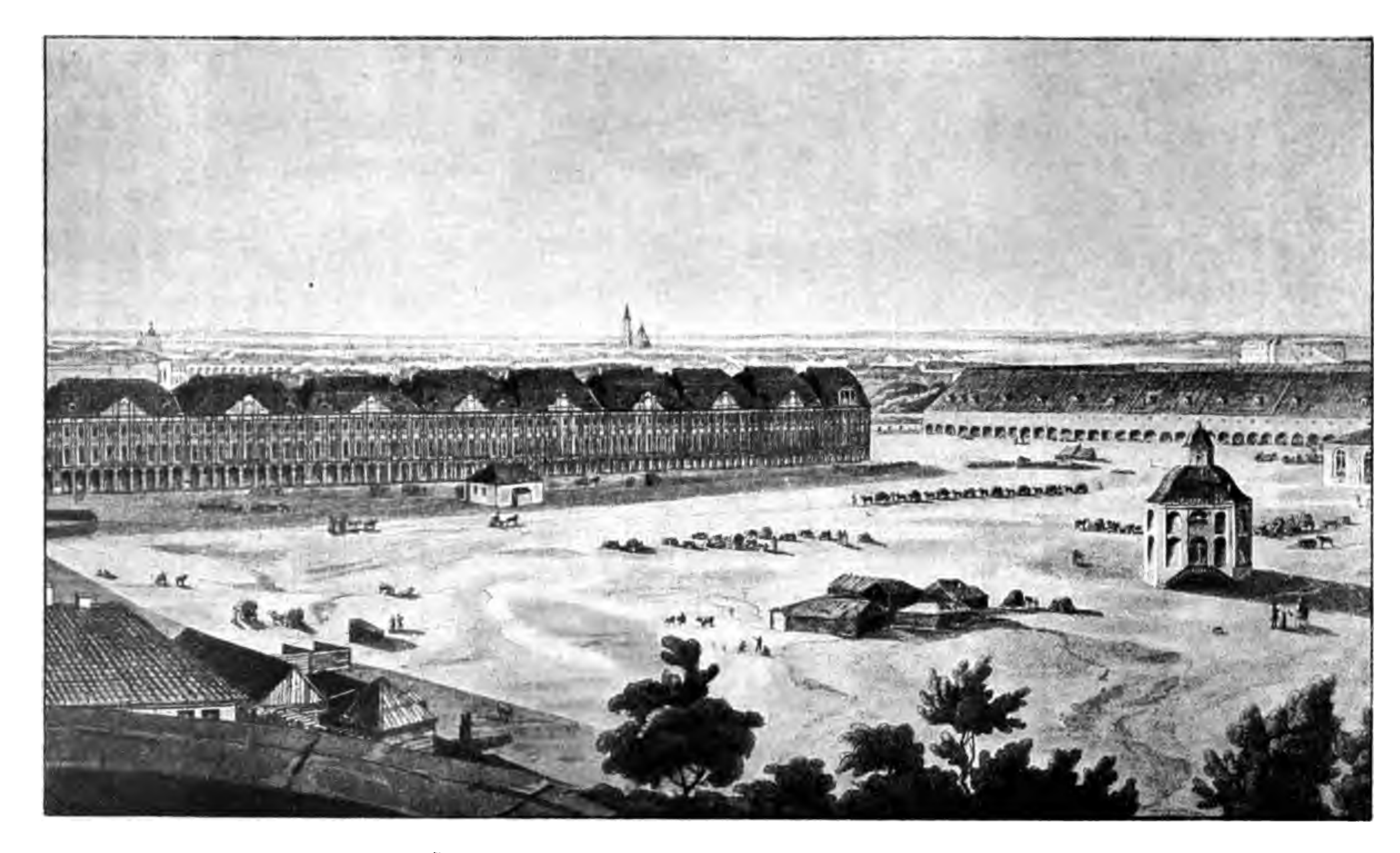
Автографъ Петра Великаго.

Если мы въ этой книгѣ видимъ враждебное отношеніе къ иностранцамъ, то мы не можемъ еще выводить отсюда, что Посошковъ не былъ сторонникомъ реформъ Петра: эта враждебность къ нѣмцамъ объясняется религіозными основаніями, а также слѣдуетъ имѣть въ виду, что почти всѣ нападки Посошкова касаются только внѣшней стороны западнаго просвѣщенія, той внѣшней стороны, которая особенно бросалась въ глаза, такъ какъ она-то почти исключительно усваивалась современниками Посошкова. Это ложное просвѣщеніе, какъ мы увидимъ, сдѣлалось предметомъ нападокъ почти всѣхъ сатириковъ XVIII в., и нападая на „паруки“ и „танцованія“ Посошковъ

является только предшественникомъ этихъ сатириковъ. Что же касается внутренняго содержанія западнаго просвѣщенія, то Посошковъ, какъ человѣкъ въ высшей степени разумный, никоимъ образомъ не могъ быть его врагомъ, какъ это видно изъ его замѣчательнаго политико-экономическаго трактата: „Книги о скудости и богатствѣ“, которая является главнымъ сочиненіемъ Посошкова. Это одинъ изъ проектовъ, которыхъ не мало представлялось Петру людьми, шедшими навстрѣчу реформы. Эта сторона дѣятельности Посошкова выяснена изслѣдованіемъ недавно скончавшагося выдающагося нашего историка Н. П. Павлова-Сильванскаго, который вообще изучилъ различные проекты реформъ современниковъ Петра, изъ которыхъ иные опережали самого великаго преобразователя. Къ числу такихъ проектовъ относится и книга Посошкова. „Она, какъ говоритъ А. Н. Пыпинъ, была именно знаменательна, какъ сочувствіе разумнаго, истинно-народнаго человѣка старой Россіи къ предпринятому обновленію“. Такое сочувствіе не было плодомъ увлеченія: Посошковъ критически относился къ недостаткамъ современной жизни, внимательно присматривался къ окружающему и понималъ, насколько необходимы для Россіи реформы; онъ видѣлъ также и то, какъ тяжело было дѣйствовать Петру „прямому радѣтелю, единому истинному правдолюбцу“.

„Видимъ мы вси,—говорилъ онъ,—какъ великій нашъ монархъ трудитъ себя да ничего не успѣетъ, потому что пособниковъ по его желанію не много: онъ на гору аще и самъ десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ, то какъ его дѣло скоро будетъ? И аще кого онъ и жестоко накажетъ, ажно на то мѣсто сто готово, и того ради, не измѣняя древнихъ порядковъ, сколько ни бившись, покинуть будетъ“. И вотъ Посошковъ, при всей своей „мизерности“, рѣшилъ посвятить книгу самому государю и, представляя ее, объяснилъ: „Въ россійскомъ народѣ присмотрѣхъ отчасти, яко во владущихъ судіяхъ, тако и въ подвластныхъ, многое множество содѣвающіяся неправды и всякихъ неисправностей. Того ради возжелахъ предъ очи твоего Императорскаго Величества о достовѣрныхъ и слышанныхъ и мнимыхъ дѣлѣхъ предложити, по мнѣнію своему, изъявленіе“. Въ этомъ изъявленіи говорится о „неисправѣ“, т.-е. о современныхъ неустройствахъ, и о „поправѣ“, т.-е. о средствахъ устранить замѣчаемые недостатки. Критика современнаго положенія Россіи обнаруживаетъ въ Посошковѣ удивительное знаніе и пониманіе, вынесенное изъ массы наблюденій, проекты же „поправы“ рисуютъ намъ этого самоучку, какъ чрезвычайно смѣлаго реформатора: Посошковъ высказалъ такія пожеланія, которыя были осуществлены черезъ много десятилѣтій послѣ него, да частью не осуществлены и теперь, и ихъ проведеніе въ жизнь составляетъ задачу будущаго, какъ, напримѣръ, мысль о всеобщемъ обязательномъ обученіи.

Поставивъ вопросъ, „отъ чего приключается напрасная скудость и отчего гобзовитое (обильное) богатство умножается“, Посошковъ



Зданіе 12 коллегій, нынѣ С.-Петербургскій университетъ.
(Съ акварели Аткинсона; вправо—павильонъ, въ которомъ хранился Готорпскій глобусъ, находящійся теперь въ Царскомъ Селѣ).

даетъ ему такое разрѣшеніе, къ которому европейская экономическая наука пришла значительно позже. Мы далеки отъ патріотическаго намѣренія отнимать для Посошкова у Адама Смита титулъ „отца политической экономіи“, такъ какъ вѣдь отецъ всегда имѣетъ естественную связь со своимъ дѣтищемъ, а Посошковъ къ развитію экономической науки никакого отношенія не имѣлъ, тѣмъ болѣе, что сочиненія его сдѣлались извѣстными только въ 40-хъ годахъ XIX столѣтія. Но зато взгляды, высказанные Посошковымъ, показываютъ въ немъ почти геніальный умъ: если бы этотъ умъ былъ дисциплинированъ, онъ могъ бы сдѣлать очень много. Посошковъ обнаруживаетъ необыкновенное умѣнье пользоваться матеріаломъ; его критика приводитъ къ поразительнымъ заключеніямъ, а его мысли тѣ же, что и у англійскаго экономиста.

Вотъ его опредѣленіе народнаго богатства: „Не то царственное богатство, еже синклитъ царскаго величества въ златотканныхъ одеждахъ ходитъ, но то царственное богатство, ежели бы весь народъ по мѣстностямъ своимъ богатъ былъ самыми домовыми внутренними своими богатствами, а не внѣшними одеждами или позументнымъ украшеніемъ; ибо украшеніемъ одеждъ не мы богатимся, но тѣ государства богатятся, изъ коихъ тѣ украшенія привозятъ къ намъ, а насъ въ имѣніи тѣми украшеніями истончеваютъ“. Давши такое научное опредѣленіе государственнаго богатства, Посошковъ указываетъ и необходимое нравственное условіе для бытія богатства: будетъ соблюдено это условіе, будетъ и богатство, и разъясненію того, какъ этого достигнуть, посвящены многіе отдѣлы его книги. Условіе въ сущности очень простое:

„Паче же вещественнаго богатства надлежитъ всѣмъ намъ обще, говоритъ Посошковъ,—пещися о невещественномъ богатствѣ, то-есть о истинной правдѣ. Правдѣ отецъ Богъ, и правда вельми богатство и славу умножаетъ и отъ смерти избавляетъ, а неправдѣ отецъ діаволъ, и неправда не токмо вновь не богатитъ, но и древнее богатство оттончеваетъ и въ нищету приводитъ и смерть наводитъ... И подобаетъ намъ паче всего пещись о снисканіи правды, а когда правда въ насъ утвердится, то не можно царству нашему россійскому не богатитися и славою не возвыситися“.

Но чтобы выполнить это условіе, пріобрѣсти „невещественное богатство“, необходимо коренное преобразованіе всей русской жизни, и прежде всего Посошковъ обращаетъ вниманіе на двѣ стороны общественнаго устройства—просвѣщеніе и судъ. Нужно приложить всѣ заботы къ тому, чтобы повсюду распространить просвѣщеніе, которое Посошковъ понимаетъ не какъ простое начетчичество, а гораздо шире, требуя „грамматическаго ученія“, ибо безъ него „не только пресвитеру, но и простолюдину вельми трудно. И раскольниковъ отъ чего умножилось? Точію отъ недознанія въ писаніи: аще бы правописаніе они знали, то не стали бы новоисправныхъ книгъ хулити“. Но нужно сперва подготовить „учительское сословіе“, т.-е.

Гавріилъ Романовичъ Державинъ.

Съ портрета Боровиковскаго.

духовенство, которое по своему образованію стоитъ, къ сожалѣнію, очень низко: „Пресвитеры не токмо отъ люторскія или отъ римскія ереси, но отъ самаго дурацкаго раскола не знаютъ, чѣмъ себя оправити, и не то, чтобы кого отъ невѣрія въ вѣру привести, но и того не знаютъ, что то есть реченіе вѣра, и церковныя службы како прямо отправити не знаютъ. Видѣлъ я въ Москвѣ пресвитера изъ знатнаго дома боярина Льва Кирилловича Нарышкина, что и татаркѣ противъ ея заданія отвѣту здраваго дать не умѣлъ; что же можетъ рещи сельской попъ, иже и вѣры христіанскія, на чемъ основана, не вѣдаетъ“. Нужно поэтому устроить школы, въ которыхъ приготовлялись бы знающіе священники, и въ духовный санъ не принимать не ученыхъ; кромѣ же этого, чтобы дать „учительскому сословію“ возможность, какъ слѣдуетъ, исполнять обязанности по дѣлу просвѣщенія народа, необходимо духовенство обезпечить матеріально, вывести его изъ того тягостнаго положенія, въ какомъ оно теперь находится. „Не знаю, говоритъ Посошковъ,—какъ дѣется въ прочихъ земляхъ, чѣмъ питаются въ прочихъ земляхъ сельскіе попы, а о семъ весьма извѣстенъ, что у насъ въ Россіи сельскіе попы питаются своею работой и ничѣмъ они отъ пахотныхъ мужиковъ не отмѣнны; мужикъ за соху, и попъ за соху, мужикъ за косу, и попъ за косу, а церковь святая и духовная паства остается въ сторонѣ. И въ праздничный день, гдѣ было идти въ церковь на славословіе Божіе, а попъ съ мужиками пойдетъ овины сушить, и гдѣ было обѣдню служить, а попъ съ причетники хлѣбъ молотитъ, и въ таковыхъ суетахъ живуще, не токмо стадо Христово пасти, но и себя не упасти“.

Образованіе необходимо для всѣхъ сословій, для дворянъ, купцовъ, а также и для крестьянъ, о просвѣщеніи которыхъ никто въ то время и не думалъ.

„Не малая,—говоритъ Посошковъ,—пакость чинится крестьянамъ и отъ того, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ... Какой къ нимъ ни пріѣдетъ съ указомъ и безъ указа, да скажетъ, что указъ у него есть, то тому и вѣрятъ, и оттого пріемлютъ себѣ излишніе убытки, потому что всѣ они слѣпые, ничего не видятъ, не разумѣютъ“... Здѣсь опять проглядываетъ живая, практическая мысль: вѣдь именно по темнотѣ народъ вѣритъ всякимъ нелѣпымъ слухамъ и часто становится жертвой обмана. Ради охраненія отъ этого, можно „поневолить крестьянъ, чтобы они дѣтей своихъ, десяти лѣтъ и ниже, отдавали дьячкамъ въ наученье грамоты и, науча грамотѣ, учили бы ихъ писать... Не худо бы и такъ учинить, чтобы не было и въ малой деревнѣ безъ грамотнаго человѣка, и положить имъ крѣпкое опредѣленіе, чтобы безотложно дѣтей своихъ отдавали учить грамотѣ, и положить имъ срокъ года на три или на четыре. А буде въ четыре года дѣтей своихъ не научатъ, такожде кои ребята и впредь подрастутъ, а учить ихъ не будутъ, то какое ни есть положить на нихъ и страхованіе (т.-е. устрашеніе)“. Къ сожалѣнію, всѣ эти просвѣти-

тельные проекты Посошкова, въ которыхъ ярко выразилась его „презѣльная горячесть“ и которые такъ гармонировали съ широкими просвѣтительными планами самого Петра Великаго, и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ остаются прекрасною мечтою.

Второе орудіе пріобрѣтенія „невещественнаго богатства“ есть правильная организація суда, а между тѣмъ и въ этомъ отношеніи мы сильно страдаемъ. Посошковъ рельефно выставляетъ на видъ страшныя злоупотребленія въ судахъ, отчего „царство въ скудость приходитъ“. Здѣсь онъ отказывается отъ своихъ предубѣжденій противъ нѣмцевъ, ставитъ ихъ въ примѣръ русскимъ и говоритъ: „Намъ сіе вельми зазорно: не точію у иноземцевъ, свойственныхъ христіанству, но и бусурманы судъ чинятъ правиленъ; а у насъ вѣра святая, благочестивая и на весь свѣтъ славная, а судная расправа никуда не годная; какіе указы его императорскаго величества ни состоятся, всѣ они ни во что образуются, но всякъ по своему обычаю дѣлаетъ“. Въ негодованіи Посошковъ утверждаетъ, что „всѣ пакости и непостоянство въ насъ чинятся отъ неправаго суда“, и настаиваетъ на необходимости реформы. Въ принципіальныхъ основаніяхъ судоустройства, имъ рекомендуемыхъ, можно видѣть то, что было осуществлено судебною реформою императора Александра II: Посошковъ желалъ суда равнаго для всѣхъ, всѣмъ доступнаго, прямого и праваго. Но какъ добиться желаемаго? „Не токмо суда весьма застарѣлаго, не разсыпавъ его и подробну не разсмотря, не исправить, но и хоромины ветхія, не разсыпавъ всея и не разсмотря всякаго бревна, всея гнилости изъ нея не очистить. А судебное дѣло не токмо одному человѣку, но и множество умныхъ головъ надобно созвать, дабы всякая древняя гнилость и малѣйшая кривость исправити, тяжкая бо есть судебная статья“. Прежде всего надо составить новое уложеніе, на основаніи всѣхъ существующихъ указовъ, а также принявъ во вниманіе и иностранныя законодательства и даже турецкое, если въ немъ „сыщется что доброе“. Этой работой должны заняться выборные люди отъ всѣхъ сословій, въ томъ числѣ и отъ крестьянъ: „и въ Мордвѣ разумные люди есть, то како во крестьянѣхъ не быти людямъ разумнымъ?“ Послѣ этого „новосоставленные пункты должно освидѣтельствовать всѣмъ народомъ, самымъ вольнымъ голосомъ, а не подъ принужденіемъ“. Здѣсь Посошковъ считаетъ нужнымъ указать, что этимъ „народосовѣтіемъ“ нисколько не „снижается“ самодержавная власть.

Таковы главныя мысли этого замѣчательнаго сочиненія; есть въ немъ много и другихъ здравыхъ разсужденій, хотя у Посошкова, какъ у самоучки, попадаются иногда и весьма наивные проекты. Но другія стороны его произведеній насъ не интересуютъ: онъ важенъ для насъ, какъ весьма оригинальный типъ, порожденный преобразовательной эпохой, а приведенныя выше его разсужденія въ литературномъ отношеніи представляются крайне любопытными, такъ какъ требованія просвѣщенія и правильной организаціи суда, нападки на

невѣжество и неправосудіе составляютъ общую тему почти всѣхъ нашихъ писателей XVIII вѣка, да слышатся не рѣдко и въ XIX столѣтіи. Борьба съ невѣжествомъ—дѣло всего этого періода, и сочиненія Посошкова служатъ хорошимъ доказательствомъ того, что недостатки существующаго строя сознавались не только людьми, стояв-

Василій Никитичъ Татищевъ.

шими во главѣ правленія, но и многими другими изъ среднихъ и даже низшихъ слоевъ.

Если Посошковъ представляется талантливымъ самоучкой, то другой свѣтскій писатель Петровской эпохи—В. Н. Татищевъ—уже человѣкъ, получившій систематическое образованіе, настоящій „птенецъ гнѣзда Петрова".

Обращаясь къ его произведеніямъ, мы должны прежде всего остановиться на его „Духовной къ сыну", которая получаетъ особенный интересъ при сопоставленіи съ „Завѣщаніемъ" Посошкова:

это уже не подновленный Домострой, а произведенiе человѣка новой эпохи, который даетъ подробный планъ образованiя, какое, по его мнѣнiю, необходимо каждому дѣятелю.

Прежде всего, по словамъ Татищева, человѣкъ долженъ подумать о своемъ религiозномъ воспитанiи: оно должно основываться на чтенiи Библiи, катихизиса и творенiй св. отцовъ, при чемъ при чтенiи Библiи необходима нѣкоторая осторожность. „Юности честное зерцало“ представляется, какъ лучшее нравственное наставленiе. По изученiи книгъ духовно-православныхъ, надо изучать книги духовныя неправославныя, такъ какъ, если мы не изучимъ католицизма и протестантизма, мы не будемъ въ состоянiи опровергать ихъ. Но Татищевъ убѣждаетъ при этомъ чтенiи не увлекаться и, какъ противовѣсъ ему, рекомендуетъ чтенiе прологовъ и житiй святыхъ, но только послѣ тщательнаго изученiя св. писанiя: „въ нихъ многiя исторiи въ истинѣ бытiя кажется оскудѣваютъ и неразсуднымъ соблазны къ сомнительству о всѣхъ въ нихъ положенныхъ подать могутъ“.— „Однакожъ,—заключаетъ Татищевъ,—тѣмъ не огорчевайся, но разумѣвай, что все оное къ благоуханному наставленiю предписано и тщися подражати дѣламъ ихъ благимъ“.—Въ этомъ критическомъ отношенiи къ писанiю, сравнительно съ Посошковымъ, есть уже нѣкоторая новизна.

Изъ свѣтскихъ наукъ Татищевъ совѣтуетъ прежде всего изучать науки математическiя, артиллерiйскiя, фортификацiю и особенно нѣмецкiй языкъ, исторiю и географiю; затѣмъ онъ говоритъ о законахъ гражданскихъ и воинскихъ. „Необходимо нужно есть знать законы гражданскiе и воинскiе своего отечества и для того, конечно, въ младости надобно тебѣ уложенiе и артикулы воинскiе, сухопутные и морскiе изучить, а нѣкогда и печатные указы прочитать, дабы какъ скоро къ какому дѣлу опредѣлишься, могъ силу надлежащихъ къ тому законовъ разумѣти; наипаче же объ ономъ по причинѣ собственныхъ своихъ и постороннихъ дѣлъ съ искусными людьми разговаривать, и порядкамъ, якоже и толкованiю законовъ, не меньше и коварствы ябедническiя познавать, и не дѣлать, научиться должно, что тебѣ къ истинному счастью послужитъ“.

Нѣсколько курьезнымъ представляется разрѣшенiе вопроса, какой языкъ нужнѣе всего знать. „Какъ люди,—говоритъ Татищевъ,— разной породы суть и по оному разныя науки и услуги себѣ и своимъ дѣтямъ избирать склонность имѣютъ, такъ и языки должны полезные и нужные къ тѣмъ наукамъ и услугамъ избирать. Напримѣръ, кто хочети сына своего въ духовенство привести, то необходимо нужно ему: 1) еврейскiй, на которомъ Ветхiй завѣтъ написанъ; 2) греческiй для того, что на ономъ Новый завѣтъ, соборы первые вселенскiе и помѣстные и всѣхъ Восточной церкви и многихъ западныхъ учителей книги писаны; 3) латинскiй, на которомъ наиболѣе нужныхъ священнику книгъ, яко риторическiя, метафизическiя, моральныя и ѳеологическiя находятся. Но у насъ, хотя указомъ Петра

Великаго, по примѣру другихъ государствъ и по разсужденію нашего священства, шляхетству въ священникахъ быть опредѣлено, однакоже днесь ничего еще не видимъ. Мню, что никто первый быть не хочетъ, или для того, что священство, для ихъ подлаго обхожденія и недостатка въ наукѣ, въ презрѣніи находится. Да и научась, получить оное, по обстоятельствамъ супружества, неблагонадежно, ибо кто женится по случаю не на дѣвицѣ, священства недостоинъ; и на исповѣди иногда передъ Богомъ сказать не хочетъ или, сказавъ правду, принужденъ будетъ не малыми деньгами докупаться, да если бы то ему не помѣшало, то другое опаснѣе есть, что если, по несчастью, его жена погрѣшитъ или умретъ, то онъ уже священства лишится или принужденъ будетъ въ монашество противъ воли и возможности вступить. Еще же женатый, хотя сколько бы ученъ ни былъ и благочестиво жилъ, въ чинъ епископа не допустится. И для того шляхетству учиться для духовнаго чина, кромѣ самой подлости, не охотно. Однакоже, кто бы какой философской наукѣ учиться хотѣлъ, то ему латинскій и греческій языки для знанія древнихъ философскихъ мнѣній весьма полезны, но понеже и на французскій всѣ оные переведены и отъ разныхъ ученыхъ преизрядными примѣчаніями изъяснены, то можно и симъ языкомъ довольну быть. Особливо же знатному шляхетству велико-бѣлорусскому нуженъ и полезенъ нѣмецкій языкъ, для того, онаго много въ Россіи подданныхъ, такожъ сосѣдственные намъ пруссы, Германія и прочія. Онаго мало же меньше нуженъ французскій языкъ, зане оный вездѣ между знатными употребляемъ и лучшія книги во всѣхъ шляхетству полезныхъ наукахъ на ономъ находятся; но Казанской губерніи шляхетству, хотя и оные языки для пріобрѣтенія науки полезны, но по сосѣдству и всегдашнему съ татары обхожденію и татарскій, а другихъ губерній сарматскіе языки нужны. Затѣмъ сосѣднихъ государствъ: китайскій, мунгольскій и турецкій не токмо тѣмъ, которые могутъ тамо быть, но и для пріобрѣтенія находящихся у нихъ собственныхъ наукъ и знанія ихъ исторій не безполезны“.

Отъ педагогическихъ наставленій Татищевъ переходитъ къ разсужденію нравственнаго характера: говоритъ о необходимости почитанія родителей, — въ чемъ видно сходство съ Домостроемъ. Говоритъ онъ, что жениться надо не раньше 30 лѣтъ: „вступающіе въ бракъ раньше много ко пріобрѣтенію науки и черезъ службу въ неисканіи себѣ благополучія препятствуютъ; а наипаче многократно здравіе себѣ разрушаютъ“. Выборъ невѣсты зависитъ отъ жениха (прогрессъ, сравнительно со Домостроемъ), но слѣдуетъ посовѣтоваться въ этомъ случаѣ съ родителями. Выбирать невѣсту слѣдуетъ не по красотѣ, не по молодости и не по богатству, но не слѣдуетъ брать жену ни ниже, ни выше себя по общественному положенію: „изъ подлости взятыя жены, хотя бываютъ довольно милы и честнаго житья, но ихъ родственники за подлость непріятны, презрѣніе и поношеніе наносятъ, а особливо холопки, какъ бы оныя доста-

точны ни были, честные дворяне великое къ нимъ отвращеніе имѣютъ. Хотя отцы ихъ по своему природному коварству иногда въ чиновныхъ людяхъ бываютъ, однакоже всегда состарѣвшая подлость въ сердцахъ ихъ обрѣтаетъ свое жилище, а великородные иногда гордостью надменны, и супругамъ уничтожительные являются".—Жену надо любить, надо быть ей вѣрнымъ, не надо и ревновать, а быть съ ней кроткимъ, но не надо давать ей надъ собою власти: „Если бы,—разсуждаетъ Татищевъ,—что тебѣ и противно показалось, ненадобно скоро и запальчиво поступать, но добрымъ порядкомъ, тайно, разсужденіемъ отъ того отвратить и на лучшіе поступки направить, а не разглашать, ниже вида невѣрности другимъ показывать. Паче же имѣя то въ памяти, что жена тебѣ не раба, но товарищъ, помощница и во всемъ должна другомъ быть нелицемѣрнымъ, такъ и тебѣ къ ней должно быть".

Отъ семейныхъ отношеній Татищевъ переходитъ къ отношеніямъ общежительнымъ: „Никакого человѣка дуракомъ не называй,—говоритъ онъ,—но предъ всѣми себя смиряй, а повыситься ни предъ каковыми и самыми простыми людьми не моги, понеже гордымъ Богъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать свою". Настаивая на необходимости смиренія и милосердія, онъ вспоминаетъ изреченіе: „блаженъ человѣкъ, иже и скоты милуетъ". Далѣе онъ говоритъ о государственной службѣ, при чемъ терпѣніе ставитъ выше всего: „Въ службѣ государю и государству долженъ ты быть вѣренъ и прилеженъ во всякомъ положенномъ на тебѣ дѣлѣ, такъ о пользѣ общей, какъ о своей собственной, прилежать государю, яко отъ Бога поставленной надъ тобой власти, честь и повиновеніе отдавать. Главное же повиновеніе въ томъ состоитъ, что ни отъ какой услуги, куда бы тебя ни опредѣлили, не отрицайся и ни на что самъ не называйся, если хочешь быть въ благополучіи". Бываетъ иногда, что нѣкоторые увлекаются отличіями и наградами и подвергаются за это „великимъ опасностямъ и горестямъ", но, „невзирая на такія злостныя нападки, мужественно и благоразумно вѣрность храни, ко пользѣ всеобщей неусыпно прилежи, власть и честь государя до послѣдней капли крови защищай; съ хвалящими вольности другихъ государствъ и ищущими власть монарха уменьшить никогда не согласуйся". Въ примѣръ гибели отъ подобныхъ взглядовъ Татищевъ приводитъ верховниковъ. „Паче всего тайность государя прилежно храни и никому не открывай; всего же болѣе женщинъ и льстецовъ чистыхъ охраняйся, чтобъ нечаянно изъ тебя не вывѣдали. Никогда о себѣ не воображай, чтобъ ты правительству столь много надобенъ былъ, что безъ тебя обойтиться будетъ невозможно, и о другихъ того не думай, знай, что такихъ людей Богъ въ свѣтѣ не создавалъ".

Одно изъ наставленій „Духовной" особенно интересно для характеристики Татищева и его времени; оно касается взятокъ. За неправедный образъ дѣйствія, за пристрастіе нельзя брать взятокъ; но

Господа сенаторы

За показанную в таком деле службу не точию мне но паче всему отечеству в приискании и приведении порождения сына моего а подданного злодея и мучителя отца и отечества определяется Александру Румянцеву из капитанов гвардии майором и генерал-адъютантом да деревни Александра Кикина да Кирилла Матюшкина и по всему на лучшее сочинить жалование с того взятых из его подачи:

Петръ

…итьпитербхе
…генваря 1718

Автографъ Петра Великаго.

можно иногда принимать отъ просителей благодарность. Если, напримѣръ, тяжущійся проситъ ускорить дѣло и это можно сдѣлать законнымъ путемъ, то и благодарность за это не будетъ взяткой. Конечно, такое различіе между благодарностью и взяткой слишкомъ тонко и можетъ допускать очень много толкованій. И мы, дѣйствительно, знаемъ, что и самъ Татищевъ не былъ свободенъ отъ взятокъ и въ концѣ своей жизни былъ даже привлеченъ къ суду за нихъ. Строго осуждать его за это мы не можемъ: такова была эпоха, таковы были нравы, и данное наставленіе хорошо характеризуетъ эти нравы. Однако для насъ существенно важно, что большинство наставленій выражаютъ новый духъ, который проявляется въ критическомъ отношеніи къ окружающему и въ исканіи новыхъ путей, новыхъ способовъ дѣятельности.

Кромѣ „Духовной" Татищева, интересенъ также его „Разговоръ о пользѣ наукъ"; онъ представляетъ развитіе положеній, высказанныхъ въ „Духовной" по вопросу о воспитаніи. „Разговоръ" этотъ показываетъ, что Татищевъ человѣкъ разносторонне образованный, знакомый не только съ математикой и инженерными науками, но и съ исторіей и географіей.

Плодомъ изученія двухъ послѣднихъ наукъ явилось нѣсколько сочиненій и, между прочимъ, „Исторія Россійская", состоящая изъ пяти частей. Значенія научнаго она уже не имѣетъ, въ литературномъ же отношеніи она представляетъ не малый интересъ по нѣкоторымъ общимъ взглядамъ, которые въ ней высказываются. По своимъ политическимъ убѣжденіямъ Татищевъ былъ монархистъ; онъ понималъ, что форма правленія зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ, положенія страны, климата, степени просвѣщенія и т. п., а потому для Россіи, „великія области, съ открытыми границами, гдѣ народъ ученіемъ и разумомъ не просвѣщенъ, и болѣе за страхъ, нежели отъ собственнаго благонравія, въ должности содержится", онъ считалъ единственно подходящею формою правленія—монархію. Интересны также нѣкоторые отрицательные взгляды Татищева на церковь и духовенство, сложившіеся подъ вліяніемъ западныхъ роціоналистовъ, Гоббса, Бейля, Фонтенеля, Пуффендорфа. Такъ, онъ обвиняетъ русское духовенство въ томъ, что оно поддерживало народное невѣжество: „нашествіемъ татаръ,—говоритъ онъ,—какъ власть государей умалилася, а духовныхъ возрасла, тогда симъ, для пріобрѣтенія большихъ доходовъ и власти, полезнѣе явилось народъ въ темнотѣ невѣдѣнія и суемудрія содержать; для того все ученіе въ училищахъ и въ церквахъ пресѣкли и оставили".

Для своего труда Татищевъ поработалъ очень много; значительную часть жизни онъ посвятилъ на собираніе источниковъ, которые отличались большимъ разнообразіемъ. Онъ пользовался не только извѣстіями лѣтописей (которыя ему извѣстны были въ 11 спискахъ), но и тѣмъ, что сохранилось въ народной памяти въ формѣ легендъ, пѣсенъ, сказаній. Изъ лѣтописей, бывшихъ въ рукахъ Тати-

С

Ги

и

ту

П

вол

ни

гас

[redacted]

Представляемо,
ведливо; но они
шенію ихъ сумт
Я прилагаю пр
торые они нет
Вашего Сіятель
ча, или чрезъ к
зумить ихъ, чт
гражданскому
тивна. Тѣмъ
была напечат
воспрещать оно
нымъ своимъ
тесь сомною, ч
состоитъ въ т
вное правленіе
же нынѣ, ил
пїитичесни.
не можетъ
будетъ про
нѣ недоумѣв
обязаннымъ

можі
мѣрі
ным
тако
можо
что
свое
жда
нраі
Одн
выр
шен
собе

о пс
въ „
что
толі
геоі

соч
час
нош
взг
убѣ
пра
кли
обл
не
нра
дяг
отр
жи
Фо
въ
тат
ны
вла
сол
сѣ

тел
ко
то
сп

Вашему Сїятельству, когда

щева, важна такъ называемая Іоакимовская, по отрывкамъ которой Татищевъ думалъ возстановить преданія самой древнѣйшей эпохи русской исторіи и даже считалъ авторомъ первой нашей лѣтописи не Нестора, а Іоакима. Но научная критика отвергла такое предположеніе и установила, что многія извѣстія Іоакимовой лѣтописи—баснословны.

На другихъ сочиненіяхъ Татищева, какъ имѣющихъ спеціальный характеръ, останавливаться не будемъ; отмѣтимъ только, что они важны для характеристики разностороннихъ знаній и дарованій этого дѣятеля петровской эпохи. Не будемъ останавливаться также и на дѣятельности Татищева, какъ администратора. Укажемъ только, что всюду онъ былъ или иниціаторомъ, или главнымъ помощникомъ, всюду проявлялъ умѣнье примѣняться къ обстоятельствамъ. Къ реформамъ Петръ Татищевъ относился очень сочувственно, что вполнѣ понятно: онъ самъ созданъ этими реформами и безъ нихъ невозможна была бы его дѣятельность.

Такихъ просвѣщенныхъ и дѣятельныхъ сторонниковъ реформъ Петра, какъ Татищевъ, было немного. Мы уже указали на двухъ духовныхъ и двухъ свѣтскихъ писателей; къ нимъ же надо отнести и перваго нашего сатирика, князя Антіоха Дмитріевича Кантемира.

Родился Кантемиръ въ 1709 г. въ семьѣ молдавскаго господаря, перешедшаго потомъ въ русское подданство при Петрѣ Великомъ. Отецъ его былъ разносторонне-образованнымъ человѣкомъ съ развитымъ литературнымъ вкусомъ, любилъ искусство, зналъ нѣсколько европейскихъ и восточныхъ языковъ и занимался научными трудами, напримѣръ, по исторіи. Такой же образованной личностью была и мать его, происходившая изъ греческаго императорскаго дома Кантакузеновъ. Отсюда понятно, что еще дома Кантемиръ долженъ былъ получить хорошее образованіе и нѣкоторую подготовку къ литературнымъ занятіямъ.

Систематическое образованіе Кантемиръ началъ подъ руководствомъ ученаго грека Анастасія Кондоиди (впослѣдствіи еп. Аѳанасія вологодскаго). Кромѣ того, учителемъ его былъ воспитанникъ заиконоспасской школы — Ив. Ильинскій, человѣкъ съ солиднымъ образованіемъ, занимавшійся переводами и интересовавшійся литературою. Послѣ домашняго обученія Кантемиръ поступилъ въ славяно-греко - латинскую академію, а потомъ въ гимназію при Академіи Наукъ Въ эти годы ученія Кантемиръ хорошо познакомился съ произведеніями древней классической литературы: любимымъ его поэтомъ былъ Горацій, привлекавшій его нравоучительнымъ характеромъ своей лирики.

Въ 1726 г. Кантемиръ произведенъ былъ въ прапорщики Преображенскаго полка. Въ этомъ же году начинается и его литературная дѣятельность. По совѣту Ильинскаго, онъ составилъ симфонію на Псалтирь, которая и была напечатана въ слѣдующемъ году. Въ это же время онъ занимается переводами и составленіемъ любовныхъ

пѣсенокъ. Преобразовательная дѣятельность Петра нашла въ немъ человѣка, глубоко сочувствовавшаго предпринимаемымъ нововведеніямъ. Этимъ объясняется обличительный тонъ его произведеній, направленныхъ противъ враговъ реформы Петра. Первыя двѣ сатиры, распространившіяся въ рукописи уже въ 1729 г., вызвали со стороны Ѳеофана Прокоповича слѣдующіе привѣтственные стихи, посвященные юному обличителю:

„Не знаю, кто ты, пророче рогатый;
    Знаю, коликой достоинъ ты славы.
Да почто жъ было имя укрывати? [1])
    Знать тебѣ страшны сильныхъ глупцовъ нравы.
Плюнь на ихъ грозы, ты блаженъ трикраты.
    Благо, что далъ Богъ умъ тебѣ толь здравый;
Пусть весь міръ будетъ на тебя гнѣвливый,
    Ты и безъ счастья довольно счастливый“.

Въ 1730 году появляется третья сатира „О различіи страстей человѣческихъ“, посвященная Ѳеофану Прокоповичу; въ 1731, — еще двѣ, въ первой изъ которыхъ сатирикъ даетъ характеристику своего творчества. Въ 1731 году Кантемиръ пишетъ четыре басни, въ которыхъ очерчиваетъ внутреннюю политику и нападаетъ на верховниковъ, и поэму „Петриду“, гдѣ изображаетъ кончину Петра Великаго.

Въ 1730 г. Кантемиръ принималъ участіе и въ политическихъ событіяхъ—онъ явился однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ партіи, дѣйствовавшей противъ верховниковъ, добивавшихся ограниченія самодержавной власти при Аннѣ Іоанновнѣ. Покровительство князя Черкасскаго, желавшаго выдать за Кантемира свою дочь, рѣдкая образованность Кантемира выдвигаютъ его на служебномъ поприщѣ. Въ 1731 г., когда ему было еще только 22 года, онъ получаетъ назначеніе въ Лондонъ въ качествѣ резидента. Молодой Кантемиръ, однако, оказался вполнѣ на своемъ мѣстѣ и съ настойчивостью, искусной ловкостью дѣйствовалъ въ интересахъ Россіи, напр., въ вопросѣ объ избраніи желательнаго для нея кандидата на польскій престолъ. Здѣсь, въ Лондонѣ, онъ продолжалъ заниматься литературой и написалъ свои остальныя сатиры.

Въ 1737 году Кантемиръ переводится на высшую должность—на постъ полномочнаго министра въ Парижъ, гдѣ и остается до конца жизни. Здѣсь онъ сближается съ учеными и литераторами (напр., съ Монтескье, Мопертюи, Фонтенелемъ и др.) и продолжаетъ литературную дѣятельность. Къ этому времени относятся преимущественно его переводные труды. Умеръ Кантемиръ въ 1744 году.

---

[1]) Сатиры Кантемира ходили по рукамъ его пріятелей въ рукописи, безъ имени ихъ автора.

Обращаясь къ литературнымъ произведеніямъ Кантемира, мы видимъ, что изъ нихъ наибольшее историческое значеніе имѣютъ его сатиры, а потому онъ самъ вполнѣ правильно оцѣниваетъ характеръ своего дарованія, когда въ своей четвертой сатирѣ, обращаясь „къ своей музѣ“, говоритъ:

Я знаю, что когда хвалы принимаюсь писать,
Когда, Муза, твой нравъ сломить стараюсь,
Сколько ногти ни грызу и тру лобъ вспотѣлый,
Съ трудомъ стишка два сплету, да и тѣ не спѣлы,
Жостки досадны ушамъ, и на тѣ походятъ,
Что по цѣлой азбукѣ святыхъ житье входятъ.
Духъ твой лѣнивъ и въ зубахъ вязнетъ твое слово,
Не забавно, не красно, не сильно, не ново;
А какъ въ нравахъ вредно что усмотрю, умняе
Сама ставши, подъ перомъ стихъ теперь течетъ скоряе.
Чувствую самъ, что тогда въ своей водѣ плавлю,
И что чтецовъ я своихъ зѣвать не заставлю.
Проворенъ, веселъ спѣшу, какъ вождь на побѣду
Или какъ попъ съ похоронъ къ жирному обѣду.

Кромѣ природнаго дарованія, къ сатирѣ склоняла Кантемира и современная ему русская дѣйствительность, заполненная борьбою противъ враговъ просвѣщенія, и въ этомъ отношеніи Кантемиръ является продолжателемъ дѣла, начатаго представителями юго-западной образованности въ XVII столѣтіи. Не будучи такимъ образомъ вполнѣ оригинальнымъ по содержанію своихъ сатиръ, Кантемиръ и съ внѣшней стороны не совсѣмъ самостоятеленъ. Какъ онъ самъ признается, онъ „топталъ слѣды Горація, Буало, Ювенала и Персія“, при чемъ болѣе всего подражалъ первымъ двумъ, „отъ которыхъ много занялъ, къ нашимъ обычаямъ присвоивъ“. Несмотря на эти слѣды подражанія, Кантемиръ тѣмъ не менѣе занимаетъ въ нашей литературѣ очень видное мѣсто, такъ какъ въ чужія формы влагалъ содержаніе, взятое изъ русской жизни.

Первая сатира Кантемира — „Къ уму своему“ или „На хулящихъ ученіе“, является подражаніемъ сатирѣ Буало („A mon esprit“). Въ ней, подъ видомъ нападокъ на свой „недозрѣлый“ умъ, авторъ на самомъ дѣлѣ вступаетъ въ борьбу съ невѣждами и недоброхотами истиннаго просвѣщенія своего времени. Онъ говоритъ своему уму:

„Уме недозрѣлый, плодъ недолгой науки!
Покойся, не понуждай къ перу мои руки:
Не писавъ летящи дни вѣка проводити
Можно, и славу достать, хоть творцомъ не слыти.
Ведутъ къ ней не трудные въ нашъ вѣкъ пути многи,
На которыхъ смѣлыя не запнутся ноги.
Всѣхъ непріятнѣе тотъ, что босы проклали
Девять сестеръ. Многи на немъ силу потеряли

Не дошедъ; нужно на немъ потѣть и томиться,
И въ тѣхъ трудахъ всякъ тебя, какъ мору, чужится
Смѣется, гнушается. Кто надъ столомъ гнется,
Пяля на книгу глаза, большихъ не добьется
Палатъ, ни расцвѣченна мраморами саду;
Овцу не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду".

Затѣмъ авторъ рисуетъ четыре знаменитыхъ типа людей, возстающихъ на науку въ виду ея, по ихъ мнѣнію, полной безполезности и даже вреда. Выставляются противъ науки возраженія, которыя слышались еще въ XVII столѣтіи; но есть и новыя возраженія противъ просвѣщенія: это нападки на него враговъ болѣе опасныхъ—нападки людей, усвоившихъ себѣ только внѣшній лоскъ просвѣщенія и отказавшихся отъ его внутренняго содержанія. Для нихъ важны лишь внѣшнія цивилизованныя манеры и внѣшнія отличія; самая сущность цивилизаціи — свѣтъ знанія — съ ихъ точки зрѣнія, вещь безполезная и потому ненужная.

Первый изъ хулителей науки (Критонъ) увѣряетъ, что отъ науки расшатывается религія: наука—источникъ ересей и расколовъ; людей, преданныхъ ей, наука приводитъ къ безбожію.

„Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ, къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не знали,
Теперь къ церкви соблазну Библію честь стали;
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину"...

Въ этомъ протестѣ противъ науки во имя религіи видимъ отраженіе нѣкоторыхъ современныхъ обстоятельствъ. Приходилось науку защищать прежде всего именно съ этой стороны. Въ числѣ такихъ защитниковъ просвѣщенія былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, но даже Стефанъ Яворскій, современникъ Прокоповича и сподвижникъ Петра, и тотъ видѣлъ опасность для вѣры отъ распространенія въ народѣ науки.

Противъ этого еще можно было возражать, но гораздо труднѣе, чтобы не сказать, невозможно было опровергать людей съ практическимъ расчетомъ, требовавшихъ отъ науки матеріальныхъ выгодъ. Вотъ, что говорили такіе люди въ лицѣ своего представителя Сильвана (второй типъ):

„Ученье намъ голодъ наводитъ;
Живали мы прежъ сего, не зная латынѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ мы живемъ нынѣ,
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали,
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли".

Сильванъ выставляетъ возраженія противъ разныхъ отдѣльныхъ отраслей научнаго знанія. Онъ не признаетъ ни психологіи, ни метафизики: по его мнѣнію, „испытывать силу и предѣлы души“—дѣло людей сумасшедшихъ, а „вывѣдывать строй міра и перемѣну или причину вещей“—такъ же глупо, какъ „глупо лѣпить горохъ въ стѣну“. Все это безсмысленно и безполезно:

„Прирастетъ ли мнѣ съ того день въ жизни, иль въ ящикъ
Хотя грошъ? Могу ль чрезъ то узнать, что приказчикъ,
Что дворецкій крадетъ въ годъ?..“

Наука не просто безполезна, она даже вредна. Медицина, напримѣръ, не что иное, по мнѣнію Сильвана, какъ однѣ враки. Врачи говорятъ, якобы причина болѣзней — неправильное кровообращеніе: „будто они видятъ внутрь живо тѣло“; признаки головной боли ищутъ въ рукѣ, а пока врачи „въ такихъ басняхъ время проводятъ, лучшій сокъ изъ нашего кармана въ ихъ входитъ“.

Изображеніе школы изъ „Букваря“ Поликарпова. М. 1701 г.

Третій врагъ науки (Лука) возстаетъ на нее за то, что она удаляетъ отъ общества и вообще является помѣхой для веселой жизни:

„Наука содружество людей разрушаетъ;
Люди мы къ сообществу Божія тварь стали,
Не въ нашу пользу одну смысла даръ пріяли.
Что же пользы иному, когда я запруся
Въ чуланъ; для мертвыхъ друзей живущихъ лишуся?
Когда все содружество, вся моя ватага
Будетъ чернило, перо, песокъ да бумага?
Въ весельи, въ пирахъ мы жизнь должны провождати;
И такъ она недолга, на что коротати,
Крушиться надъ книгою и повреждать очи?“

Четвертый типъ (Медоръ), порожденный новымъ временемъ щеголь, жалѣетъ, что бумага вмѣста папильотокъ уходитъ на книги, и съ полнымъ пренебреженіемъ говоритъ о Сенекѣ, Цицеронѣ и Виргиліи, ставя выше ихъ фунтъ доброй пудры, портного Рекса и сапожника Егора. Все это показываетъ, что Медоръ опаснѣе другихъ трехъ хулителей науки. Онъ вноситъ въ отношенія къ ней что-то

легкомысленное, и его просвѣщеніе нѣчто болѣе зловредное, чѣмъ полное невѣжество.

Представивъ четыре указанныхъ типа, Кантемиръ затѣмъ даетъ общую картину своей эпохи, царящаго невѣжества и отрицаемой науки:

„Къ намъ не дошло время то, въ коемъ председала
Надъ всѣмъ мудрость, и вѣнцы она раздѣляла,
Будучи способъ одна къ вышнему восходу.
Златой вѣкъ до нашего не дотянулъ роду;
Гордость, лѣность, богатство, мудрость одолѣло,
Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло.
Подъ митрой гордится то, въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Судитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ.
Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ страдавши на морѣ корабельной службы.
Всѣ кричатъ: никакой плодъ не видимъ съ науки;
Ученыхъ хоть голова полна,—пусты руки".

Главными достоинствами въ такомъ обществѣ являются нѣкоторыя свѣтскія отличія въ родѣ карточной игры, знанія вкуса въ винахъ, танцевъ и т. п. Достаточно обладать такими достоинствами, чтобы проложить себѣ дорогу къ „высшей степени" и почестямъ. Такимъ образомъ съ старыми предразсудками и невѣжествомъ соединялось усвоеніе внѣшней только культуры.

Вторая сатира „Филаретъ и Евгеній" или „На зависть и гордость дворянъ злонравныхъ" написана Кантемиромъ, какъ онъ самъ объясняетъ въ примѣчаніи, съ цѣлью обличенія дворянъ, тщеславившихся однимъ своимъ благородствомъ. Сатира имѣетъ форму діалога Евгенія—дворянина и Филарета—любителя добродѣтели. По содержанію и по формѣ она заимствована изъ сатиръ Ювенала (девятой) и Буало (третьей).

На вопросъ Филарета: „Что такъ смутенъ, дружокъ мой?"— Евгеній начинаетъ жаловаться на то, что „высокую степень" стали занимать теперь люди, этого не заслуживающіе по своему низкому происхожденію.

„Кто недавно продавалъ въ рядахъ мѣшокъ соли
Кто глушилъ насъ, „сальныя", крича, „ясно свѣчи
Горятъ", кто съ подовыми горшкомъ истеръ плечи,
Тотъ на высоку степень вспрыгнувши блистаетъ"...

Евгеній никакъ не можетъ примириться съ тѣмъ, что онъ остался забытымъ, несмотря на свое происхожденіе отъ знатныхъ

предковъ, пользующихся извѣстностью со временъ самой Ольги. Благородство въ немъ „унываетъ", такъ какъ не сильно принести ему никакой пользы. Филаретъ — любитель истины и добродѣтели — возражаетъ Евгенію, указывая ему на то, что есть и другія болѣе справедливыя основанія для предоставленія извѣстнымъ людямъ почетныхъ мѣстъ и должностей. Онъ разъясняетъ, что право на истинное благородство не дается однимъ происхожденіемъ, его не дастъ одна „грамота, плѣсенью и червями изгрызенная", нѣтъ—

„Благородными явитъ одна добродѣтель".

Добродѣтель эта должна проявляться въ томъ, чтобы нести труды военные, „судъ судя, забыть свои страсти", облегчить народу подати, хранить „чистыми и руки и совѣсть" и т. д. Между тѣмъ Евгеній ничего подобнаго про себя сказать не можетъ. Послѣ этого замѣчаетъ Филаретъ:

„Мало жъ пользуетъ тебя звать хоть сыномъ царскимъ,
Буде въ нравахъ съ гнуснымъ ты не разнишься псарскимъ".

Филаретъ соглашается, что заслуги предковъ должны давать привилегію и ихъ потомкамъ, но въ томъ только случаѣ, когда внуки въ нравахъ успѣваютъ и идутъ по стопамъ дѣдовъ. И Кантемиръ словами Филарета рисуетъ жизнь знаменитыхъ предковъ и въ параллель къ ней изображаетъ нравы ихъ потомковъ:

„Пѣлъ пѣтухъ, встала заря, лучи освѣтили
Солнца верхи горъ; тогда войско выводили
На поле предки твои, а ты подъ парчею.
Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душею,
Грозно соплешь, пока дня пробѣгутъ двѣ доли,
Зѣвнулъ, растворилъ глаза, выспался до воли,
Тянешься ужъ часъ-другой, нѣжишься, ожидая
Пойло, что шлетъ Индія, иль везутъ съ Китая,
Изъ постели къ зеркалу однимъ спрыгнешь скокомъ,
Тамъ ужъ въ попеченіи и трудѣ глубокомъ,
Женскихъ достойную плечъ завѣску на спину
Вскинувъ, волосъ съ волосомъ прибираешь къ чину...
Въ обѣдъ и на ужинѣ частенько двоится
Свѣча въ глазахъ, часто полъ подъ тобой вертится,
И обжорство тебѣ въ ротъ куски управляетъ.
Гнусныхъ тогда полкъ друзей тебя окружаетъ,
И глодая до костей самыхъ, нравъ веселый,
Тщиву душу, и въ тебѣ хвалитъ разумъ спѣлый.
Сладко щекотятъ тебѣ ухо красны рѣчи,
Вздутымъ поднятъ пузыремъ, чаешь, что подъ плечи
Не дойдетъ тебѣ людей все прочее племя"...

Таковы недостатки потомковъ. Въ противоположность имъ ихъ предки были людьми дѣйствительно благородными и благонравными. Они не знали неравенства: да такъ всегда и должно быть, ибо ни Адамъ, ни Ной „дворянъ не родили“. Если все-таки и было и должно быть отличіе нѣкоторыхъ, то оно должно обусловливаться личными заслугами, а не однимъ только происхожденіемъ.

Третья сатира имѣетъ форму посланія къ архіепископу новгородскому Ѳеофану Прокоповичу („О различии страстей человѣческихъ“). Сатира отличается отвлеченнымъ характеромъ, хотя по мѣстамъ и встрѣчаются яркія и живыя картины. Послѣднія заимствованы изъ Ѳеофраста и Лабрюйера и къ русской жизни не имѣютъ отношенія. То же слѣдуетъ сказать про четвертую („Къ музѣ своей“) и пятую („Сатиръ и Періергъ“), и даже въ шестой сатирѣ („О истинномъ блаженствѣ“) находимъ только лишь нѣкоторые намеки на современную жизнь. Ближе къ жизни и современности стоитъ седьмая сатира въ формѣ посланія къ князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому („О воспитаніи“). Въ сатирѣ этой Кантемиръ подражаетъ четырнадцатой сатирѣ Ювенала. Здѣсь авторъ ставитъ своей задачей доказать, что источникомъ всевозможныхъ пороковъ является дурное воспитаніе. Особенно важно дать человѣку въ дѣтствѣ хорошіе нравственные устои. Кантемиръ сообщаетъ нѣсколько правилъ для воспитателей. Важнѣйшимъ средствомъ къ нравственному воспитанію ребенка является добрый примѣръ старшихъ:

„. . . . . то одно я знаю,
Что если я добрую, лѣнивъ, запускаю
Землю свою—обрастетъ худою травою;
Если прилежно вспашу, довольно покрою
Навозомъ песчаную, жирнѣе ужъ станетъ,
И довольный плодъ съ нея трудокъ мой достанетъ.
Каково бъ съ природы рукъ сердце намъ ни пало,
Есть, есть время нѣкое, въ коемъ злу не мало
Склонность уймемъ, буде всю истребить не можемъ,
И утвердиться въ добрѣ доброму поможемъ.
Время то суть первыя младенчества лѣта“.

Итакъ, наиболѣе удобнымъ временемъ, когда слѣдуетъ влагать въ человѣка стремленія къ добру, являются младенческіе годы. Наши какъ достоинства, такъ и недостатки начинаютъ складываться именно въ эту пору. Въ дѣтскіе годы для образованія нравственнаго характера слишкомъ большое значеніе имѣетъ воздѣйствіе ближайшей среды; отсюда вся важность и необходимость для старшихъ являть въ себѣ всегда и во всемъ добрый примѣръ предъ своими воспитанниками. Не то находитъ Кантемиръ въ дѣйствительности:

„. . . . . Часто дѣти были бы честнѣе.
Если бъ и мать и отецъ предъ младенцемъ знали
Собой владѣть, и языкъ свой въ уздѣ держали,
Правдой и неправдою куча мнѣ копится

Николай Ивановичъ Новиковъ

Съ портрета Левицкаго.

Изд. Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Денегъ, и нужусь всю жизнь въ высоку добиться
Степень; полвѣка во снѣ, въ пирахъ провождаю
Въ сластяхъ всякихъ по уши себя погружаю:
Одинхъ счастливыми я зову лишь обильныхъ,
И сотью (сто разъ) то въ часъ твержу: завидую сильныхъ
Своевольству я людей и дружбу ихъ тщуся
Всячески достать себѣ, убогимъ смѣюся;
А однакожъ требую, чтобъ сынъ мой доволенъ
Былъ малымъ, чтобъ смиренъ былъ и собою воленъ
Зналъ обуздать похоти и съ одними знался
Благонравными и тѣмъ подражать лишь тщался.
По водѣ тогда мои вотще пишутъ вилы.
Домашній, показанный, часто примѣръ силы
Будетъ важной, и итти станетъ сынъ тропою,
Котору протоптану видитъ предъ собою"..

Недостатки воспитанія ведутъ къ распространенію и укорененію невѣжества, которое свило себѣ гнѣздо даже тамъ, гдѣ въ особенности нѣтъ ему мѣста.

Въ 9-ой сатирѣ „Къ солнцу" (или „На состояніе свѣта сего") Кантемиръ рисуетъ невѣжество, послужившее, между прочимъ, причиной появленія раскола. Раскольникъ—

„Мужикъ, который соху оставилъ недавно,
Аза въ глаза не знаетъ и болтнуть исправно,
А прислушайся, что вретъ и что его вздоры!
Вѣдь не то, какъ на Волгѣ разбиваютъ воры.
Да что жъ? Онъ то вретъ богословски рѣчи:
Какія предъ иконы должно ставить свѣчи,
Что теперь въ церквахъ вошло старинѣ противно
Какъ бредобритіе терпитъ Богъ, то ему дивно.
На что, баетъ, Библію отдаютъ въ печати,
Котору христіанамъ больно грѣшно знати?.."

Авторъ говоритъ далѣе о вкоренившихся суевѣріяхъ и предразсудкахъ (напримѣръ, въ родѣ того, что земля стоитъ на четырехъ китахъ, что солнце послѣ дня „въ палаты въ отдышку заходитъ", что брадобритіе—ересь и т. п.) и о повальномъ невѣжествѣ, какъ ихъ источникѣ. Кантемиръ глубоко скорбитъ, что просвѣщеніе прививается слабо, да и то болѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ. Заводятся новыя просвѣтительныя учрежденія, которыя de facto существуютъ лишь ради приличія.

„Вонъ дивись, какъ ученія заводятъ заводы;
Строятъ безмѣрнымъ коштомъ тутъ палаты славны;
Славятъ, что ученія будутъ тамо главны;
Тщатся хоть именемъ умножить къ нимъ чести
(Коли не дѣломъ); пишутъ печатныя вѣсти [1]);
„Вотъ завтра ученія высоки зачнутся,
Вотъ ужъ и учители заморски сберутся:
Пусть какъ можно всякъ скоро о себѣ радѣетъ
Кто оныхъ обучаться охоту имѣетъ"...

[1]) Намекъ на Академію Наукъ.

Жаждущіе свѣта знанія надѣются, что будетъ наука и что будетъ удовлетворено ихъ стремленіе къ ней; на самомъ дѣлѣ „высокихъ наукъ тамъ стѣни не бывало“.

Если обратимся къ вопросу о томъ, каковъ же нравственный идеалъ нашего сатирика, то увидимъ, что этотъ идеалъ есть счастливое, мирное довольство. Эту мысль о золотой срединѣ и умѣренности Кантемиръ заимствовалъ у Горація. Вотъ какъ она выражается въ его сатирѣ „Объ истинномъ блаженствѣ“:

„Тотъ въ сей жизни блаженъ, кто малымъ доволенъ,
Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ воленъ
Мыслей, что мучатъ другихъ, и топчетъ надежну
Стезю добродѣтели къ концу неизбѣжну.
Малый свой домъ, на своемъ построенный полѣ,
Кое дастъ нужное умѣренной волѣ,
Не скудный, не лишній кормъ, и средню забаву,
Гдѣ бъ съ другомъ съ другимъ я могъ, по моему нраву
Выбраннымъ, въ лишни часы прогнать скуки бремя,
Гдѣ бъ, отъ шуму отдаленъ, прочее все время
Провожать межъ мертвыми греки и латины,
Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины,
Учася знать образцомъ другихъ, что полезно,
Что вредно въ нравахъ, что въ нихъ гнусно иль любезно:
Желанія всѣ мои крайни составляетъ“...

Итакъ, „крайнія желанія“ Кантемира сводятся къ тихой, спокойной жизни, среди хорошей обстановки, въ кругу близкихъ друзей, въ занятіяхъ науками и искусствами. Тотъ же идеалъ выражается и въ 8-й сатирѣ („На безстыдну нахальчивость“). И здѣсь та же мысль объ умѣренномъ довольствѣ, какъ залогѣ истиннаго счастья:

„Съ древле добродѣтели средину держали
Межъ двумя крайми, гдѣ злы нравы засѣдали“.

Съ младенчества, говоритъ сатирикъ, мы привыкли бояться нищеты или презрѣнія толпы; отъ этого ударяемся въ другую крайность—въ стяжаніе богатства, исканіе почестей, тогда какъ во всѣхъ вещахъ надо искать прямой мѣры, златой середины. У всякаго дѣла свои границы: кто перейдетъ ихъ, или кто не дойдетъ до нихъ—равно глупы. Къ истинной славѣ ведутъ не многія средства: живи тихо, стремись къ тому, что честно, что полезно тебѣ и другимъ. Награда добра въ самомъ добрѣ. Правда, такой идеалъ не ведетъ человѣка къ великимъ дѣламъ; при немъ исчезаетъ всякое понятіе о высшихъ нравственныхъ задачахъ человѣка, о борьбѣ, напримѣръ, со зломъ и т. п. Такой идеалъ можетъ привести къ индиферентизму въ сферѣ общественной дѣятельности. И Кантемиръ даже согласенъ на такой индиферентизмъ. Здѣсь мы не можемъ не отмѣтить явнаго и рѣзкаго противорѣчія между жизнью сатирика и его литератур-

ной дѣятельностью. Это объясняется вѣроятно, литературными вліяніями на него. Въ дѣйствительности, онъ самъ боролся со зломъ въ своихъ сатирахъ, боролся во имя идеи. Онъ никогда не жилъ той спокойной жизнью, которую въ своихъ произведеніяхъ выставляетъ „крайнимъ желаніемъ" для себя. Даже во время своего пребыванія въ Парижѣ онъ не могъ равнодушно вспоминать о темныхъ сторонахъ жизни Россіи и писалъ оттуда рѣзко - обличительныя сатиры. Въ нихъ есть много реальныхъ чертъ, вѣрно воспроизводящихъ дѣйствительность. Но на ряду съ этимъ реализмомъ замѣчается отрѣшенность отъ дѣйствительности, внушенная ему господствовавшимъ взглядомъ на литературныя занятія, какъ на стилистическія упражненія. Его произведенія не всегда были выраженіемъ его свободнаго творчества, это были упражненія въ литературѣ. Такой взглядъ на литературныя занятія, послужившій причиной противорѣчій между жизнью Кантемира и его литературнымъ словомъ, не одному ему былъ свойственъ. Это общій недостатокъ литераторовъ XVIII вѣка.

В. К. Тредьяковскій.
Съ грав. Колпашникова.

Для новой зарождающейся свѣтской литературы, безъ сомнѣнія, прежде всего необходимо было освоиться съ формой. Начало этому положено было Кантемиромъ. Его сатиры часто совершенно отрѣшены отъ жизни и современной дѣйствительности, и въ этомъ ихъ главный недостатокъ. Однако важно то, что благодаря ему пріобрѣтаетъ права гражданства извѣстная литературная форма. Разъ она есть, при дальнѣйшемъ развитіи литературы, найдется для нея и живое содержаніе.

Вслѣдъ за Кантемиромъ на поприщѣ усвоенія нашей литературой формъ и выработки стиля идутъ съ своими произведеніями Тредьяковскій и Ломоносовъ.

Василій Кирилловичъ Тредьяковскій родился въ семействѣ астраханскаго священника въ 1703 году. Въ Астрахани сначала обучался онъ у римско-католическихъ монаховъ-капуциновъ, познакомившихъ его съ словесными науками. Двадцати лѣтъ отъ роду, „желая большаго ученія", отправился онъ въ Москву, гдѣ и поступилъ въ славяно-греко-латинскую академію и посвятилъ себя занятію словесными науками и писанію стиховъ. Курса въ академіи Тредьяковскій не кончилъ: говорятъ, что онъ написалъ фальшивый паспортъ іеродіакону Спасскаго монастыря и, боясь наказанія за это, бѣжалъ въ „европскія" страны. Въ 1726 году онъ былъ въ Голландіи и жилъ у посланника Ив. Гав. Головкина, занимаясь французскимъ языкомъ. Отсюда (въ 1727 году) пробрался въ Парижъ „пѣшкомъ, ради крайней бѣдности", и поступилъ въ здѣшній университетъ. Послѣдній славился тогда ученымъ — историкомъ Ролленомъ, подъ руководствомъ котораго Вас. Кир. изучалъ исторію и литературу. Изучалъ онъ здѣсь также богословіе, философскія и математическія науки,— словомъ, запасся солиднымъ образованіемъ и въ Россію явился очень ученымъ человѣкомъ (въ 1730 году). Съ этого времени начинается его ученая карьера. Сначала онъ былъ сдѣланъ переводчикомъ при Академіи Наукъ, черезъ два года получилъ званіе секретаря. Когда президентомъ Академіи Наукъ, барономъ Корфомъ, учреждено было россійское собраніе изъ переводчиковъ, Тредьяковскій открылъ его рѣчью „о чистотѣ россійскаго языка", въ которой указалъ, что члены собранія должны не только заботиться объ усовершенствованіи природнаго языка въ стихахъ и прозѣ, но и заняться составленіемъ грамматики, риторики, стихотворной науки и словаря. Черезъ десять лѣтъ Тредьяковскій получилъ званіе профессора латинской и россійской элоквенціи при Академіи. Впрочемъ, профессура досталась ему не безъ затрудненій и борьбы. Академическая конференція не хотѣла допустить его, по его словамъ, въ свою „компанію". Тогда Тредьяковскій обратился съ прошеніемъ въ сенатъ, гдѣ выставилъ свои права на профессуру. Сенатъ призналъ его жалобу основательной, и по представленію сената и по ходатайству гр. М. Л. Воронцова императрица Елизавета Петровна повелѣла дать ему каѳедру, онъ и профессорствовалъ въ теченіе 18 лѣтъ. Лекціи его, безъ сомнѣнія, принесли пользу его слушателямъ. Двое изъ его слушателей — Барсовъ и Поповскій — сдѣлались потомъ извѣстными литераторами и занимали профессорскія каѳедры при Московскомъ университетѣ. Какъ членъ Академіи Наукъ, Тредьяковскій стоялъ на сторонѣ Ломоносова, хотя и не ладилъ съ нимъ, и былъ врагомъ нѣмецкой партіи. Когда Таубертъ, адъюнктъ и совѣтникъ Академіи представилъ свои предложенія объ улучшеніи состоянія ученаго учрежденія, Тредьяковскій протестовалъ противъ одного параграфа,

какъ заключающаго въ себѣ обидное для національнаго самолюбія предпочтеніе иноземныхъ ученыхъ русскимъ ихъ сотоварищамъ. Онъ находилъ, что этотъ параграфъ „противенъ натуральной правотѣ, по которой каждый любитъ прежде себя самого", и обиденъ нынѣшнимъ и будущимъ россійскимъ членамъ. Но въ критикѣ научныхъ работъ онъ былъ вполнѣ объективенъ, не отдавая предпочтенія русскимъ предъ иностранцами. Съ Ломоносовымъ не сходился Тредьяковскій по нѣкоторымъ научнымъ вопросамъ, но, главнымъ образомъ, по своему характеру. Ломоносовъ былъ прямолинейнымъ человѣкомъ, и тамъ, гдѣ онъ дѣйствовалъ рѣшительно, Тредьяковскій, наоборотъ, поступалъ уклончиво; онъ слишкомъ унижался и не внушалъ къ себѣ уваженія. Если у Ломоносова и были враги, все же они видѣли въ немъ силу. У Тредьяковскаго же ея не было. Если Ломоносова ненавидѣли, то Тредьяковскаго презирали.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію литературной дѣятельности Тредьяковскаго.

Сочиненія его можно раздѣлить на двѣ категоріи: 1) поэтическія и 2) ученыя. О первыхъ много не скажешь; это не художественныя поэтическія произведенія, а упражненія въ версификаціи примѣнительно къ его теоріи. Въ эту группу входятъ нѣсколько произведеній силлабическаго размѣра, затѣмъ оды, посланія, написанныя тоническимъ размѣромъ, и, наконецъ, знаменитая его Телемахида. Всѣ они по поэтическому своему достоинству не имѣютъ никакой цѣны: мы привыкли только смѣяться надъ ними. Впрочемъ, приписывая Тредьяковскому нѣкоторые отрывки, мы иногда ошибаемся и называемъ сочиненіемъ Тредьяковскаго то, чего онъ никогда не могъ написать.

Какъ на образецъ безвкусія и отсутствія всякаго поэтическаго таланта, можно указать на стихи, помѣщенные въ руководствѣ по піитикѣ, именно на отрывокъ изъ оды „О сдачѣ города Гданска 1734 г.":

„Кое странное піанство
Къ пѣнію мой гласъ бодритъ!
Вы Парнасское убранство.
Музы! умъ не васъ ли зритъ?
Струны ваши сладкогласны,
Мѣру, лики слышу красны;
Пламень въ мысляхъ возстаетъ.
О! Народы, всѣ внемлите:
Бурны вѣтры! не шумите:
Анну стихъ мой воспоетъ"...

Кое-какой смыслъ здѣсь, конечно, есть, но поэзіи нѣтъ. Что касается Телемахиды, то она служила образцомъ безвкусія еще въ XVIII вѣкѣ. На эрмитажныхъ собраніяхъ Екатерины II прежнее наказаніе, введенное Петромъ,—выпить кубокъ орла,—было замѣнено чтеніемъ извѣстнаго числа стиховъ изъ Телемахиды. Роль, которую эта поэма сыграла въ развитіи нашего стихотворства, крайне печальна:

въ теченіе многихъ лѣтъ никто не рѣшался браться за гекзаметръ, считая его неподходящимъ для русскаго языка. Пушкинъ нашелъ въ ней только два удачныхъ стиха; остальные совершенно плохи, какъ, напримѣръ начало:

„Древия размѣра стихомъ пою отцелюбнаго сына,
Кой отъ природныхъ бреговъ отплывъ и странствуя долго
Былъ провождаемъ вездѣ Палладою Ментора въ видѣ:
Много жъ коль ни страдалъ отъ гнѣвныя онъ Афродиты,
За любострастныхъ сея утѣхъ презоръ мерзѣнными;
Но прикровенна премудрость съ нимъ отъ всѣхъ бѣдъ избавляла,
И возвратившуся въ домъ даровала рождшаго видѣть“...

Иногда Тредьяковскій покушается на игру словъ, но также неудачно. Вообще стихотворная дѣятельность его—выраженіе грубаго, жалкаго педантизма.

Ко второй группѣ произведеній Тредьяковскаго относится много переводовъ и его собственныхъ произведеній, больше теоретическаго характера, которыя въ свое время не остались безъ вліянія, и эта сторона его дѣятельности вызывала доброжелательные для Тредьяковскаго отзывы. Такъ, Пушкинъ говоритъ, что изученіе Тредьяковскаго приноситъ болѣе пользы, нежели изученіе прочихъ нашихъ старыхъ писателей: Сумароковъ, Херасковъ не стоятъ его.

Быть-можетъ, намъ придется нѣсколько ограничить оцѣнку, произведенную Пушкинымъ, особенно въ виду новѣйшихъ изслѣдованій проф. В. Н. Перетца, доказавшаго, что мысль о тоническомъ стихосложеніи заимствована Тредьяковскимъ у другихъ; но тѣмъ не менѣе мы должны признать цѣнность научныхъ трудовъ Тредьяковскаго для его времени. Труды эти слѣдующіе: 1) „О началѣ поэзіи и стихотворства“, 2) Способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ“, 3) „О древнемъ, среднемъ и новомъ стихосложеніи“, 4) „Разговоръ объ орѳографіи“ и 5) „Предъизъясненіе объ ироической піимѣ“. Мысли, высказанныя здѣсь, были не совсѣмъ обыкновенны для XVIII вѣка. Тредьяковскій заявляетъ, что стихотворство и поэтическое творчество два не совпадающія понятія: „Иное быть піитомъ, а иное стихи писать“. Въ поэзіи видѣлъ онъ не просто подражаніе, а творчество, и, какъ Платонъ, считалъ ее „влитою въ человѣческіе разумы свыше отъ Бога“. Творить, подражать и вымышлять—вотъ отличительныя черты поэзіи, по ученію нашего профессора. „Твореніе,—говоритъ онъ при этомъ,—есть расположеніе вещей послѣ оныхъ избранія; вымышленіе есть изобрѣтеніе возможностей, представленіе дѣйствій, каковы они не сами по себѣ, но какъ они быть могутъ или долженствуютъ; а подражаніе есть слѣдованіе во всемъ естеству описаніемъ вещей и дѣлъ по вѣроятности и подобію правдѣ“.

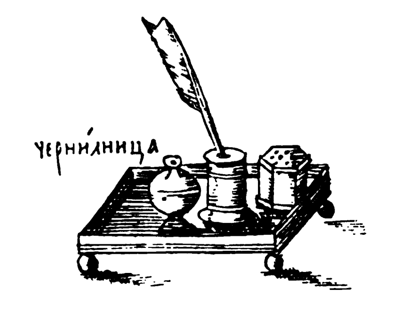
Сужденіе это, устанавливающее различіе между поэзіей и стихотворствомъ, конечно, очень важно для XVIII вѣка, когда всякія упражненія въ стихотворствѣ считались поэзіей. Въ „Разсужденіи о древнемъ, среднемъ и новомъ стихосложеніи“ онъ говоритъ о происхожденіи

различныхъ родовъ поэзіи. Она имѣетъ религіозное начало, и виновниками ея возникновенія Тредьяковскій считаетъ жрецовъ; первымъ поэтомъ былъ древній Іувалъ (по Библіи). „Сей человѣкъ, по Тредьяковскому, первый поэтъ и музыкантъ". Затѣмъ идетъ пастушеская поэзія, тоже очень древняя. Точно такъ же, предполагаетъ Тредьяковскій, развилась литература и у русскихъ.

Кромѣ разсужденій о поэзіи и литературномъ стихѣ, образцомъ для котораго долженъ служить народный стихъ, мы находимъ у Тредьяковскаго и разсужденія о прозѣ: „Слово о богатомъ, различномъ, искусномъ и несходственномъ витійствѣ", прочитанное имъ въ академическомъ собраніи въ 1745 г., когда онъ получилъ званіе профессора элоквенціи. Онъ даетъ рядъ правилъ, необходимыхъ для пользованія риторикой. Первое условіе красоты слога—постоянная работа надъ своимъ языкомъ роднымъ, который нужно изучать въ теченіе всей жизни. Въ своихъ разсужденіяхъ онъ ссылается на авторитетъ Квинтиліана. Кромѣ этого у Тредьяковскаго есть и филологическія изслѣдованія. Объясненія, дающіяся въ нихъ, часто бываютъ очень курьезны, но не надо забывать, что Тредьяковскій писалъ въ XVIII вѣкѣ, когда эти объясненія вовсе не казались такими странными, какъ теперь: тогда многіе прибѣгали къ подобнаго рода филологическимъ толкованіямъ.

Библіографія:

Посошковъ. Сочиненія, 2 т. Изд. М. П. Погодина, М. 1842—1863.
Bruckner. Iwan Possoschkow. Lpz. 1878.
Прилежаевъ. Завѣщаніе отеческое. С.-ПБ. 1893.
Павловъ-Сильванскій. Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго. С.-ПБ. 1897.
Н. А. Поповъ. Татищевъ и его время. М. 1861.
Его же. Ученые и литературные труды Татищева. (Ж. М. Нар. Пр. 1886).
Бестужевъ-Рюминъ. Біографіи и характеристики. С.-ПБ. 1882.
Кантемиръ. Сочиненія, письма и избранные переводы, подъ редакціей Ефремова, со статьею В. Я. Стоюнина. С.-ПБ. 1867—1868—2 т.
Венгеровъ. Русская поэзія. Вып. I, С.-ПБ. 1893.
Александренко. Реляціи А. Д. Кантемира. Варшава. 1892.
Сементковскій. Кантемиръ, его жизнь и литературная дѣятельность, С.ПБ. 1893.
Тредьяковскій. Сочиненія. 3 т. Изд. Смирдина. С.-ПБ. 1849.
Пекарскій. Исторія Академіи Наукъ. Т. II. С.-ПБ.



ГЛАВА XVII.

Несмотря на обиліе матеріала и изслѣдованій, біографія М. В. Ломоносова не можетъ, однако, считаться вполнѣ ясной, и теперь есть еще нѣкоторые пробѣлы, которые, можетъ-быть, никогда не удастся заполнить. Даже въ вопросѣ о годѣ его рожденія для насъ встрѣчаются затрудненія. Одни относятъ эту дату къ 1709 г., другіе— къ 1711, 1712 г., а нѣкоторые даже къ 1715 году. Рѣшить, какое показаніе вѣрнѣе, теперь едва ли возможно безъ новыхъ матеріаловъ. Дѣтство Ломоносова тоже характеризуется неодинаково, особенно съ момента его ухода изъ дому. Первоначальное воспитаніе его лучше всего очерчено въ изслѣдованіяхъ В. И. Ламанскаго.

Родомъ Ломоносовъ былъ изъ деревни Денисовки, Холмогорскаго уѣзда, Архангельской губерніи. Отецъ его, Василій Дороѳеевъ, былъ крестьянинъ рыбакъ, мать—дочь дьякона. Какъ женщина грамотная, она внушила ему первые начатки религіи, а можетъ-быть, и грамотности. Но она скоро умерла; отецъ мальчика женился во второй разъ, но мачеха не взлюбила пасынка; она смотрѣла на его занятія, какъ на пустую трату времени и на нежеланіе работать. Первымъ учителемъ Ломоносова, если не считать матери, былъ крестьянинъ той же деревни, Иванъ Шубный, у котораго мальчикъ и научился грамотѣ. Первыми учебниками Ломоносова надо считать: 1) грамматику Мелетія Смотрицкаго, 2) стихотворную псалтирь Симеона Полоцкаго и 3) ариѳметику Магницкаго. Что касается грамматики, то это очень любопытная книга. Въ ней авторъ указываетъ отличіе грамматики русскаго языка отъ грамматики церковно-слявянскаго; но что здѣсь особенно любопытно, такъ это различіе между видами и временами русскаго глагола, которое подмѣтилъ и указалъ Смотрицкій,—различіе, котораго Ломоносовъ впослѣдствіи не замѣчалъ. Ломоносовъ, стремясь пригнать русскую грамматику къ схемамъ латинской и нѣмецкой, указывалъ въ русскомъ глаголѣ множество временъ, что было, конечно, невѣрно.

ГЛАВА XVII.

Несмотря на обиліе матеріала и изслѣдо М. В. Ломоносова не можетъ, однако, считаться вполн есть еще нѣкоторые пробѣлы, которые, можетъ-(удастся заполнить. Даже въ вопросѣ о годѣ его ро встрѣчаются затрудненія. Одни относятъ эту дату къ къ 1711, 1712 г., а нѣкоторые даже къ 1715 году показаніе вѣрнѣе, теперь едва ли возможно безъ но Дѣтство Ломоносова тоже характеризуется неоди съ момента его ухода изъ дому. Первоначально лучше всего очерчено въ изслѣдованіяхъ В. И. Лам

Родомъ Ломоносовъ былъ изъ деревни Денисов уѣзда, Архангельской губерніи. Отецъ его, Василій крестьянинъ рыбакъ, мать—дочь дьякона. Какъ же она внушила ему первые начатки религіи, а может ности. Но она скоро умерла; отецъ мальчика же разъ, но мачеха не взлюбила пасынка; она смотрѣл какъ на пустую трату времени и на нежеланіе р учителемъ Ломоносова, если не считать матери, б той же деревни, Иванъ Шубный, у котораго мал грамотѣ. Первыми учебниками Ломоносова надо с тику Мелетія Смотрицкаго, 2) стихотворную п Полоцкаго и 3) ариѳметику Магницкаго. Что кас то это очень любопытная книга. Въ ней авторъ у грамматики русскаго языка отъ грамматики цер но что здѣсь особенно любопытно, такъ это разли ви и временами русскаго глагола, которое подмѣтилъ и ука Смотрицкій,—различіе, котораго Ломоносовъ впослѣдствіи не замѣ Ломоносовъ, стремясь пригнать русскую грамматику къ схе латинской и нѣмецкой, указывалъ въ русскомъ глаголѣ множ временъ, что было, конечно, невѣрно.

Также полезна была для Михаила Васильевича и ариѳметика Магницкаго. Это своего рода энциклопедія изъ различныхъ естественно-научныхъ и обиходно-житейскихъ отраслей знанія. Ломоносовъ получилъ изъ нея не одно только понятіе о числахъ,—это были „врата его учености“. При своихъ большихъ способностяхъ будущій ученый скоро прошелъ эти врата и не безъ пользы для себя. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ломоносову приходилось работать и для семьи, оказывать помощь отцу. Въ качествѣ „зуйка“—мальчика на побѣгушкахъ, онъ не разъ отправлялся на рыбные промыслы. Онъ побывалъ въ Архангельскѣ, на Бѣломъ морѣ, въ Соловецкомъ монастырѣ, Ледовитомъ океанѣ, видѣлъ здѣсь своеобразную красоту дикой сѣверной природы. Величественныя картины сѣвернаго сіянія поражали будущаго поэта и ученаго и пробуждали въ немъ двоякое чувство: съ одной стороны, религіозный восторгъ предъ силой создавшаго все это Творца, съ другой — желаніе объяснить, стремленіе проникнуть въ тайны природы. Но работа не позволяла ему предаваться празднымъ мечтамъ, приходилось постоянно быть на чеку, постоянно подвергаться опасностямъ. Эти труды и опасности закаляли его волю, послужили къ образованію той „благородной упрямки“, которая помогла ему осуществить его завѣтную мечту—получить образованіе; съ той же „благородной упрямкой“ и впослѣдствіи онъ горячо отстаивалъ право русскаго человѣка на умственную самостоятельность.

М. В. Ломоносовъ.
(Изъ собранія Д. А. Ровинскаго).

Шестнадцати лѣтъ Ломоносовъ уходитъ изъ дому. Этотъ фактъ опять темное мѣсто въ его біографіи: нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что онъ ушелъ тайкомъ, безъ вѣдома родителей; но

впослѣдствіи найденъ былъ паспортъ, выданный Ломоносову изъ волостного правленія; а этотъ паспортъ не могъ быть выданъ ему безъ вѣдома родителей; поэтому предположеніе о тайномъ уходѣ необходимо оставить.

Путешествіе до Москвы было довольно затруднительно; Ломоносовъ совершилъ его съ рыбнымъ обозомъ. По дорогѣ онъ прожилъ нѣкоторое время въ Андроніевомъ Сійскомъ монастырѣ, исполняя обязанности псаломщика. Въ январѣ 1731 г. онъ прибылъ въ Москву. Первую ночь онъ провелъ въ рыбномъ ряду на саняхъ въ усердной молитвѣ. По разсказамъ Штелина, одинъ приказчикъ, узнавъ въ Ломоносовѣ земляка, пригласилъ его къ себѣ и представилъ монаху Заиконоспасскаго монастыря, который помѣстилъ его въ навигацкую школу; отсюда Ломоносовъ впослѣдствіи перешелъ въ славяно-греко-латинскую академію. О его поступленіи въ академію передаютъ одинъ фактъ, вызывающій сомнѣніе: разсказываютъ, что Ломоносовъ, желая попасть сюда, назвалъ себя сыномъ священника, но потомъ признался въ своемъ обманѣ Ѳеофану Прокоповичу, прося только не удалять его; послѣдній успокоилъ Ломоносова.

Какъ тяжело было для юноши Ломоносова жить въ Москвѣ, объ этомъ онъ говоритъ самъ въ письмѣ къ своему покровителю Ивану Ивановичу Шувалову, въ 1753 г.: „Обучаясь въ спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную силу имѣли. Съ одной стороны, отецъ, никогда дѣтей, кромѣ меня, не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровнымъ потомъ нажилъ и которое послѣ его смерти чужіе люди расхитятъ. Съ другой стороны, несказанная бѣдность; имѣя одинъ алтынъ въ день жалованія, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше, какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и на другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны, пишутъ, что, зная отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны, школьники, малые ребята, кричатъ и перстами указываютъ: смотри-де, какой болванъ лѣтъ въ 20 пришелъ латыни учиться“.

Однако Ломоносовъ проявилъ свою „благородную упрямку“ и пересилилъ всѣ „отвращающія отъ наукъ стремленія“. Онъ окончилъ Московскую академію, которая дала ему основы классическаго образованія: Ломоносовъ изучилъ латинскій языкъ и познакомился съ римской литературой. Онъ интересовался также и естественными науками. Услыхавъ, что онѣ хорошо поставлены въ Кіевской академіи, онъ въ 1734 году уѣхалъ въ Кіевъ, но скоро вернулся обратно.

По окончаніи Московской академіи Ломоносову представлялась возможность получить предлагаемое мѣсто священника. Но въ это

время изъ Петербурга пришло требованіе—прислать изъ академіи 12 лучшихъ учениковъ для вновь открытаго Петербургскаго университета. Ломоносовъ попалъ въ число посланныхъ и такимъ образомъ неожиданно выбился на новую дорогу. Академическая гимназія, университетъ вызывали въ немъ наилучшія надежды: но эти учрежденія, какъ мы знаемъ, стояли очень невысоко: ни профессора, ни студенты, не соотвѣтствовали своему назначенію. Профессора пріѣхали въ Россію за наживой, выдающихся людей среди нихъ почти не было. Студенты и гимназисты ничего не дѣлали; они получали жалованье и употребляли его на кутежи. Учиться въ такой атмосферѣ было трудно. Тѣмъ не менѣе Ломоносовъ и здѣсь проявилъ свою волю и свои способности и, когда явилась потребность въ людяхъ, знающихъ горное дѣло и нужно было посылать за границу для подготовки и знакомства съ инженерными науками, выборъ палъ на трехъ лицъ и въ томъ числѣ на Ломоносова [1]). Академія послала ихъ въ Германію, сначала въ Марбургъ, гдѣ они должны были прослушать университетскій курсъ философіи и математики, а затѣмъ въ Фрейбергъ, въ которомъ находилась извѣстная горная академія, для изученія металлургіи. Послѣ этого имъ предстояло путешествіе по Европѣ для ознакомленія съ заводами и ихъ устройствомъ.

Въ Марбургѣ Ломоносовъ пробылъ три года и занимался подъ руководствомъ знаменитаго профессора математики и философіи—Вольфа. Здѣсь онъ довершилъ свое образованіе. Вольфъ, несмотря на свой педантизмъ и сухость въ своихъ ученыхъ трудахъ, много сдѣлалъ для русскихъ студентовъ и хорошо сошелся съ ними въ личныхъ отношеніяхъ. Студенты цѣнили въ своемъ учителѣ его умъ, познанія, и уважали Вольфа; отъ него же они усвоили и научное міросозерцаніе; наука объяснила для нихъ какъ внѣшнюю жизнь, такъ и внутренній ея смыслъ. Наука не противорѣчила у нихъ религіи, а была подспорьемъ для послѣдней. Ломоносовъ надолго сохранилъ уваженіе и благодарность къ Вольфу и велъ съ нимъ впослѣдствіи переписку. Съ своей стороны и Вольфъ постоянно съ похвалой отзывался о занятіяхъ Ломоносова въ своихъ сообщеніяхъ Академіи.

Въ Марбургѣ, впрочемъ, развились у Ломоносова и нѣкоторыя дурныя наклонности: онъ увлекался разгульной жизнью тогдашнихъ нѣмецкихъ студентовъ и началъ пьянствовать. Эта пагубная привычка еще болѣе развилась въ зрѣлыхъ годахъ и отчасти была причиной преждевременной кончины Ломоносова.

Послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Марбургѣ Ломоносовъ отправился въ Фрейбергъ. Здѣсь положеніе студентовъ измѣнилось. Академія, зная о вольной жизни студентовъ у Вольфа, предупредила новаго ихъ наставника, Генкеля, чтобы онъ обращался съ ними построже; кромѣ того, Академія Наукъ неаккуратно высылала деньги

[1]) Двое другихъ были — Виноградовъ и Рейзеръ.

на содержаніе студентовъ. Строгое обращеніе Генкеля и недохватъ денегъ возбуждаютъ негодованіе студентовъ противъ профессора, въ которомъ они видѣли строгаго педанта, много думающаго о себѣ, а на самомъ дѣлѣ бывшаго ничтожной величиной въ научномъ отношеніи. Ломоносовъ даже жаловался на него Академіи, что онъ самыя обыкновенныя знанія выдаетъ за таинственныя, и что отъ него нельзя многому научиться. Понятно, что при такихъ отношеніяхъ между студентами и профессоромъ скоро наступилъ разрывъ; Ломоносовъ вернулся въ Марбургъ въ 1740 г. Въ этомъ же году, онъ посѣщалъ рудники въ Гарцѣ и познакомился съ извѣстнымъ тогда въ Германіи спеціалистомъ по металлургіи и химіи—Крамеромъ.

За своими занятіями химіей, металлургіей и вообще естественными науками Ломоносовъ не забывалъ и другихъ предметовъ. По инструкціи, данной студентами отъ Академіи, они должны были изучать языки—латинскій, нѣмецкій и французскій, не оставляя упражненій и въ русскомъ. И вотъ, чтобы показать свои успѣхи, Ломоносовъ посылаетъ въ 1738 г. донесеніе на нѣмецкомъ языкѣ о лекціяхъ, которыя онъ посѣщалъ, разсужденіе по предмету физики на латинскомъ и стихотворный переводъ четырехстопными хореями Фенелоновой оды „Уединеніе“ на русскомъ языкѣ. Въ слѣдующемъ 1739 году онъ послалъ оду „На взятіе Хотина“, въ которой подражалъ частью Гюнтеру („На миръ Австріи съ Турціею въ 1718 г.“), частью Буало („На взятіе Намура Людовикомъ XIV въ 1692 г.“). Ода Ломоносова изображала побѣду Миниха и была написана по правиламъ ложноклассицизма. Къ ней было приложено „Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства“. „Письмо“ было встрѣчено въ россійскомъ собраніи возраженіями Тредьяковскаго, но на нихъ не обратили вниманія. Своимъ разсужденіемъ и одой Ломоносовъ окончательно устанавливалъ въ русской литературѣ тоническое стихосложеніе вмѣсто несвойственнаго нашему языку стихосложенія силлабическаго.

Въ жизни Ломоносова послѣ ссоры съ Генкелемъ наступили тяжелые дни. Къ этому времени онъ женился въ Марбургѣ на дочери, по однимъ свѣдѣніямъ, портного, по другимъ—бывшаго члена городской думы и церковнаго старшины—Елизаветѣ Цильхъ. Расходы увеличивались. Ломоносову приходилось входить въ долги, а денегъ не было. Есть даже извѣстіе, что его хотѣли посадить за долги въ тюрьму и что онъ, спасаясь отъ кредиторовъ, рѣшился тайно бѣжать изъ Марбурга въ Голландію, но на дорогѣ встрѣтился съ прусскими вербовщиками, которые, напоивъ его, уговорили вступить въ военную службу и отвели въ крѣпость Везель, откуда онъ ночью спасся бѣгствомъ и возвратился въ Марбургъ.

Въ 1741 г. онъ послалъ въ Академію прошеніе, прося позволенія вернуться въ Россію, и въ іюлѣ того же года онъ дѣйствительно пріѣхалъ въ Петербургъ. Семью онъ вызвалъ къ себѣ только черезъ два года. По своимъ выдающимся способностямъ и познаніямъ Ломоносовъ долженъ былъ занять въ Академіи одно изъ первыхъ мѣстъ,

но онъ встрѣтилъ препятствія со стороны академической канцеляріи, которая не хотѣла поручать ему профессорскую каѳедру. Вмѣсто этого Ломоносову поручили привести въ порядокъ металлургическій кабинетъ, что онъ блестяще и выполнилъ. Но и послѣ этого его не назначили профессоромъ и откладывали это назначеніе до тѣхъ поръ, пока Ломоносовъ не подалъ прошенія на Высочайшее имя; въ этомъ прошеніи онъ говорилъ о своихъ правахъ на профессорскую каѳедру, о своихъ трудахъ и познаніяхъ. Наконецъ, въ 1742 г. онъ былъ назначенъ на должность адъюнкта физики съ жалованьемъ по 360 р. въ годъ. Помимо физики ему было поручено преподаванiе географіи, химіи, а также обученіе стихотворству и стилю россійскаго языка. Въ то же время онъ долженъ былъ писать различныя научныя работы. Черезъ три года Ломоносовъ былъ назначенъ профессоромъ химіи и въ этомъ званіи оставался до конца жизни.

Заглавный листъ изъ „Грамматики“ Ломоносова.

Дѣятельность этого ученаго и поэта была очень разнообразна и широка. Въ письмѣ къ Ив. Ив. Шувалову (1753 г.) онъ такъ ее характеризуетъ: „Кто по своей профессіи читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссертаціи (на академическихъ актахъ) и внѣ оной сочиняетъ разные стихи и проекты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ и исторію своего отечества, отъ того я ничего больше требовать не имѣю“.

Съ 1757 г. Ломоносовъ становится членомъ канцеляріи, а затѣмъ управляющимъ гимназіей и университетомъ, и такимъ образомъ долженъ принимать участіе въ администраціи академіи. Съ момента вступленія его въ число членовъ Академіи Наукъ, у него начинается непрерывная борьба съ нѣмецкой партіей, съ „непріятелями науки россійской, которые не давали возрастать свободно насажденію Петра Великаго". Главнымъ непріятелемъ была академическая канцелярія, захватившая въ свои руки управленіе и хозяйственными и учеными дѣлами Академіи, такъ что ученая корпорація профессоровъ находилась у нея въ зависимости и не имѣла самостоятельности. Во главѣ канцеляріи стояли—начальникъ ея Шумахеръ и его помощникъ и зять, Таубертъ,—люди, по словамъ Ломоносова, „скудные въ наукахъ". Но, пользуясь покровительствомъ временщиковъ, они захватили въ свои руки власть и распоряжались всѣмъ по-своему, сообразуясь лишь со своими интересами и пренебрегая интересами какъ казны, такъ и науки. Таубертъ распоряжался казенными деньгами, какъ своими. Ломоносовъ жаловался, что Шумахеръ и Таубертъ занимаютъ лучшія квартиры, пользуются доходами и не обращаютъ вниманія на университетъ и гимназію, что они больше думаютъ о роскошныхъ шкапахъ, чѣмъ о книгахъ и ихъ содержаніи.

Столкновенія съ иностранцами, которые, по мнѣнію Ломоносова, не выдерживали никакой критики, часто принимали довольно бурный характеръ. Понятно, что нѣмецкая партія старалась избавиться отъ такого непріятнаго сослуживца и не разъ подавала жалобы на Ломоносова, требуя для него „наказанія на тѣлѣ и лишенія состоянія"; и Ломоносову пришлось даже около полугода получать половинный окладъ жалованья; но онъ все-таки не прекращалъ своей борьбы и на угрозы, что ему дадутъ отставку, отвѣчалъ: „Скорѣе можно отставить отъ меня Академію, чѣмъ меня отъ Академіи". Впослѣдствіи, въ прошеніи на Высочайшее имя (въ 1762 г.), онъ откровенно ставилъ на видъ свои заслуги: „Состоя на службѣ тридцать одинъ годъ, обращался я въ наукахъ со всякимъ возможнымъ раченіемъ и въ нихъ пріобрѣлъ такое знаніе, что, по свидѣтельству разныхъ академій и великихъ ученыхъ людей, принесъ ими знатную славу отечеству: таковымъ ученіемъ, одами, публичными рѣчьми и диссертаціями пользовалъ и украшалъ Академію двадцать лѣтъ, на природномъ языкѣ разнаго рода сочиненіями грамматическими, историческими, стихотворческими, историческими, также и до высокихъ наукъ надлежащими, физическими, химическими и механическими; стиль россійскій въ эти двадцать лѣтъ несравненно вычистился передъ прежнимъ и много способнѣе сталъ къ выраженію идей трудныхъ, въ чемъ свидѣтельствуетъ общая апробація моихъ сочиненій и во всякихъ письмахъ употребляемыя въ нихъ слова и выраженія, что къ просвѣщенію народа много служитъ; присутствуя въ канцеляріи Академіи Наукъ членомъ полшеста года безъ повышенія чина и прибавки жалованья, отпра-

влялъ я должность мою со всякимъ раченіемъ, такъ что гимназія, университетъ и географическій департаментъ пришли во много лучшее передъ прежнимъ состояніе“.

Къ счастью для Ломоносова, у него былъ покровитель, Ив. Ив. Шуваловъ, вѣрившій и понимавшій его. Шувалову пришла мысль основать университетъ въ Москвѣ, и Ломоносовъ съ радостью ухватился за нее. Онъ вѣрилъ, что въ Москвѣ не будетъ нѣмцевъ, значитъ, не будетъ тѣхъ неустройствъ и ненормальностей, которыя были въ Петербургѣ. Ломоносовъ составляетъ планы, штаты для профессоровъ, проектируетъ устройство гимназіи при университетѣ. Послѣ учрежденія Московскаго университета онъ разсчитываетъ хлопотать объ открытіи такого же университета, не зависящаго отъ Академіи, въ Петербургѣ. Онъ пишетъ, что его „единственное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы привести въ вожделѣнное теченіе гимназію и университетъ, откуда могутъ произойти многочисленные Ломоносовы“. Но планамъ его не суждено было осуществиться: императрица не утвердила ихъ, такъ какъ была больна, и дѣло надолго было отложено. Не разъ еще обращался онъ съ различными проектами о мѣрахъ къ развитію русскаго просвѣщенія, несмотря на то, что всегда встрѣчалъ противодѣйствіе нѣмецкой партіи. Причины своей непрерывной борьбы онъ изложилъ въ письмѣ къ Теплову. „Я бы охотно молчалъ и жилъ въ покоѣ, писалъ онъ въ 1761 г., да боюсь наказанія отъ правосудія и всемогущаго Промысла, который не лишилъ меня дарованія и прилежанія въ ученіи, далъ терпѣніе и благородную упрямку и смѣлость къ преодолѣнію всѣхъ препятствій къ распространенію наукъ въ отечествѣ, что мнѣ всего дороже... За общую пользу, а особливо за утвержденіе наукъ въ отечествѣ, и противъ отца своего родного возстать за грѣхъ не ставлю... Я къ сему себя посвятилъ, чтобъ до гроба моего съ непріятелями наукъ россійскихъ бороться, какъ уже борюсь двадцать лѣтъ: стоялъ за нихъ съ молоду, на старость не покину“.

Недоброжелателями Ломоносова иногда были и русскіе люди; къ числу ихъ относятся Тредьяковскій и Сумароковъ. Въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ Ломоносовъ, безъ сомнѣнія, былъ правъ: въ одномъ онъ справедливо видѣлъ педанта, унижающаго науку своимъ угодничествомъ предъ сильными людьми; а другой былъ, по его мнѣнію, человѣкъ надутый, чванный и съ малыми познаніями. Отсюда отрицательныя отношенія къ нимъ и постоянныя столкновенія.

Значеніе Ломоносова для русской науки и литературы представляется выясненнымъ въ достаточной степени. Впрочемъ, и теперь приходится встрѣчаться со странными мнѣніями, высказывающимися по этому вопросу; подобныя мнѣнія попадаютъ даже въ учебныя руководства. Такъ, въ одномъ учебникѣ говорится: Ломоносовъ могъ бы быть прекраснымъ первоклассным ученымъ, если бы онъ самъ изъ-за патріотизма не пожелалъ размѣняться на мелочи. Съ этой точки зрѣнія Ломоносовъ является предъ нами не болѣе, какъ дилетан-

томъ, ничего не создавшимъ въ научной области; его дѣятельность имѣла бы гораздо большее значеніе, если бы онъ спеціализировался въ той или другой научной отрасли. Но такое заключеніе очень мало обосновано. Мы имѣемъ оцѣнку трудовъ Ломоносова, произведенную профессорами Московскаго университета (въ книгѣ, изданной ими въ 1865 г. по поводу столѣтія со дня смерти Ломоносова). Нѣсколько спеціалистовъ по естественнымъ наукамъ согласно пришли къ тому заключенію, что въ астрономіи, химіи, геологіи, физикѣ и т. п. Ломоносовъ не только стоялъ на одномъ уровнѣ съ современными ему западными учеными, но въ нѣкоторыхъ открытіяхъ и теоретическихъ построеніяхъ опередилъ свое время.

Ломоносовъ является предъ нами человѣкомъ съ чрезвычайно разнообразными научными интересами: его вниманіе обращается на различныя научныя отрасли. Но все это объединяется въ немъ цѣльнымъ научнымъ міросозерцаніемъ, которое проходитъ красной нитью чрезъ всѣ его работы по изученію природы. Это изученіе въ его глазахъ дѣло святое, возвышающее человѣка, содѣйствующее познанію высшихъ законовъ бытія. Значитъ, для такого ума, какъ Ломоносовъ, невозможно было замкнуться въ узкую спеціализацію. Говорить послѣ этого о патріотизмѣ, побудившемъ Ломоносова якобы размѣняться на мелочи, не приходится.

Спеціалистъ избираетъ для себя обыкновенно одну область знанія и часто упускаетъ изъ виду ея отношенія къ другимъ областямъ. Ломоносовъ въ силу указаннаго научнаго его міросозерцанія не могъ быть такимъ спеціалистомъ. На ряду съ природой для него несомнѣнный интересъ представляло и изученіе человѣка. Если на его трудахъ и лежитъ печать патріотизма, то только въ томъ, что онъ въ своихъ изысканіяхъ сосредоточиваетъ вниманіе преимущественно на Россіи (на ея исторіи, языкѣ, литературѣ и т. д.) И здѣсь опять-таки онъ отнюдь не является дилетантомъ, и тутъ онъ новаторъ, опередившій свое время. Правда, реформа русскаго стихосложенія была совершена раньше, еще до него, зато Ломоносовъ— авторъ замѣчательныхъ трудовъ по теоріи словесности и научной грамматикѣ. Справедливость требуетъ замѣтить, что въ его грамматикѣ попадаются серьезныя фактическія ошибки, но онѣ все-таки нисколько не мѣшаютъ видѣть въ Ломоносовѣ серьезнаго теоретика.

Справедливая оцѣнка дѣятельности Ломоносова дана еще Пушкинымъ. Эта оцѣнка насколько кратка, настолько же мѣтка и правдива. Пушкинъ назвалъ Ломоносова „первымъ русскимъ университетомъ": дѣйствительно, научная разносторонность въ Ломоносовѣ доходитъ до универсальности и въ то же время не приводитъ его къ дилетантизму. Предъ нами глубокій и всесторонній ученый съ цѣльнымъ научнымъ міросозерцаніемъ. Важны, конечно, для русской науки его ученыя изысканія, но едва ли не важнѣе то, что эти труды и вообще вся его дѣятельность послужили импульсомъ къ дальнѣйшему развитію русскаго знанія. Не всѣ стороны его научной дѣятельности

Александръ Николаевичъ Радищевъ.

Съ современнаго портрета, хранящагося въ Саратовскомъ Радищевскомъ Музеѣ.

Изд. Т-ва И. Д. СЫТИНА.

[illegible] научной области, его [illegible] если бы онъ [illegible] отрасли. Но [illegible] Ломоносова [illegible] интереснаго [illegible] со дня смерти Ломоносова [illegible] естественныхъ наукамъ [illegible] астрономія, химія, геологія, [illegible] только стоялъ на одномъ уровнѣ [illegible] и [illegible] но въ нѣкоторыхъ открытіяхъ [illegible] опередилъ свое время.

[illegible] человѣкомъ съ чрезвычайно [illegible] интересами: его вниманіе [illegible] Но все это объединяется [illegible] которое проходитъ [illegible] изученію природы. Это [illegible] человѣка, содѣйствующее [illegible] Значитъ, для такого ума [illegible] узкую специальность [illegible] Ломоносова [illegible]

[illegible] обыкновенно одну область [illegible] отношенія съ другими [illegible] научнаго его міросозерцанія [illegible] На ряду съ природой для [illegible] интересъ представляло и изученіе человѣка. Если [illegible] патріотизма [illegible] только въ томъ, [illegible] сосредоточивается вниманіе [illegible] исторіи, языка, литературы и т. д. [illegible] и тутъ [illegible] Правда, реформа русскаго [illegible] Ломоносова [illegible] теоріи словесности [illegible] что въ [illegible] фактическія ошибки, но [illegible] Ломоносова [illegible] Ломоносова [illegible] русскихъ [illegible]

сразу же нашли себѣ продолжателей, но важно то, что имъ было положено начало: онъ возбуждаетъ научныя стремленія въ обществѣ. Если сначала эти стремленія выражались только въ отдѣльныхъ единицахъ, то впослѣдствіи они захватили широкіе круги общества. Наконецъ планъ образованія и устройства университета въ Россіи— такое дѣло Ломоносова, которое даетъ ему полное право называться „первымъ русскимъ университетомъ“.

Обращаясь къ разсмотрѣнію научной дѣятельности Ломоносова, остановимся сначала на общихъ воззрѣніяхъ его на науку.

Общій взглядъ на науку сложился у него подъ значительнымъ вліяніемъ его учителя Вольфа. Этотъ взглядъ хорошо выражается въ похвальной одѣ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, когда онъ говоритъ о пользѣ наукъ. Въ другихъ сочиненіяхъ онъ распространяется о той гармоніи, которую наука вноситъ въ міросозерцаніе человѣка, и о томъ вліяніи, какое она на него оказываетъ. Въ программѣ публичныхъ лекцій по физикѣ онъ говоритъ: „Кто, разобравъ часы, усмотрѣлъ изрядныя и пріятныя фигуры частей, пристойное ихъ расположеніе, взаимный союзъ и причину движенія: не больше ли веселится ихъ красотою, не надежнѣе ли чаетъ самихъ въ нихъ постояннаго движенія, не безопаснѣе ли полагается на ихъ показаніе времени, не вящше ли удивляется хитрому художеству, и хвалитъ самого мастера, нежели тотъ, кто смотритъ только на внѣшній видъ сея машины, внутренняго строенія не зная? Равнымъ образомъ, кто знаетъ свойства и смѣшеніе малѣйшихъ частей, составляющихъ чувствительныя тѣла, изслѣдовалъ расположеніе органовъ и движенія законы, натуру видитъ, какъ нѣкоторую художницу, упражняющуюся предъ нимъ безъ закрытія въ своемъ искусствѣ“...

Слѣдовательно, и изученіе природы должно итти вглубь, ибо только оно дастъ истинное понятіе о ней, оно же приведетъ къ воззрѣнію на нее, какъ на единое художественное цѣлое. Начиная лекціи по химіи, Ломоносовъ написалъ „Слово о пользѣ химіи“, въ которомъ провелъ параллель между человѣкомъ ученымъ и человѣкомъ, ничего не знающимъ. „Представьте,—говорилъ онъ,—что одинъ человѣкъ немногія нужнѣйшія въ жизни вещи, всегда предъ нимъ обращающіяся, только назвать умѣетъ; другой не токмо всего, что искусство произвело чрезъ многіе вѣки, имена, свойства и достоинства языкомъ изъясняетъ, но и чувствамъ нашимъ отнюдь не подверженныя понятія ясно и живо словомъ изображаетъ... Одинъ, думая, что за лѣсомъ, въ которомъ онъ родился, небо съ землею его соединилось, страшнаго звѣря, или большое дерево за божество толь малаго своего міра почитаетъ; другой, представляя себѣ великое пространство, хитрое строеніе и красоту всея твари, съ нѣкоторымъ священнымъ ужасомъ и благоговѣйною любовію почитаетъ Создателеву безконечную премудрость и силу“.

Истинная наука, по мнѣнію Ломоносова, ведетъ къ упраздненію предразсудковъ, но отнюдь не стоитъ въ противорѣчіи съ религіей. Вѣра и наука могутъ быть мирно объединены. Въ прибавленіи къ разсужденію „Явленіе Венеры, на солнцѣ наблюденное" Ломоносовъ объясняетъ: „Правда и вѣра суть двѣ сестры родныя, дщери одного Всевышняго Родителя, никогда между собою въ распрю прійти не могутъ, развѣ кто изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія на нихъ вражду всклеплетъ". Между ними не можетъ быть междоусобія: оно бываетъ лишь мнимое и легко устранимое. „Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги. Въ одной показалъ свое величество, въ другой — свою волю. Первая — видимый сей міръ, имъ созданный, чтобы человѣкъ, смотря на огромность, красоту и стройность его зданій, призналъ божественное всемогущество, по мѣрѣ себѣ дарованнаго понятія. Вторая книга — Священное Писаніе. Въ ней показано Создателево благоволеніе къ нашему спасенію. Въ сихъ пророческихъ и апостольскихъ богодухновенныхъ книгахъ истолкователи и изъяснители суть великіе церковные учители. А въ оной книгѣ сложенія видимаго міра сего физики, математики, астрономы и прочіе изъяснители божественныхъ, въ натуру вліянныхъ дѣйствій, суть таковы, каковы въ оной книгѣ пророки, апостолы и церковные учители. Не здраво разсудителенъ математикъ, ежели онъ хочетъ божескую волю вымѣрять циркуломъ. Таковъ же и богословіи учитель, если онъ думаетъ, что на псалтыри научиться можно астрономіи и химіи". Раздоръ между наукой и религіей есть нѣчто ненормальное. И та и другая— откровеніе одного и того же всемогущаго Бога. Но ни одна не должна вторгаться въ область другой. Такой взглядъ на взаимныя отношенія между наукой и религіей сообщаетъ научному міросозерцанію Ломоносова характеръ цѣльности и единства. Для него познаніе природы есть дѣло святое, которое отнюдь не упраздняетъ религіознаго чувства, а, наоборотъ, содѣйствуетъ его укрѣпленію и возвышенію. И природа—эта великая художница, работающая по высшему велѣнію, и религія для него одинаково являются источникомъ возвышеннаго вдохновенія.

Охарактеризовавъ взглядъ Ломоносова на науку вообще, обратимся къ разсмотрѣнію его трудовъ по русскому языку и словесности.

Остановимся прежде всего на извѣстномъ его разсужденіи „О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ". Въ этомъ сочиненіи Ломоносовъ опредѣляетъ то значеніе, которое имѣетъ славянскій языкъ для русскаго литературнаго стиля, помогая его очистить отъ чуждыхъ элементовъ. Всѣ слова русскаго языка могутъ быть раздѣлены на три категоріи: 1) слова, одинаково употребляемыя, какъ въ славянскомъ, такъ и въ русскомъ языкахъ, напр.: Богъ, слава, рука, почитаю; 2) церковно-славянскія слова, мало-употребительныя въ русскомъ языкѣ, но всѣмъ понятныя, напр.: отверзаю,

Господень, насажденный: 3) русскія слова, не встрѣчающіяся въ церковныхъ книгахъ, напр.: ручей, говорю, который, пока, лишь. Сообразно съ этимъ дѣленіемъ словъ, въ русскомъ литературномъ языкѣ Ломоносовъ различаетъ три штиля, высокій, посредственный и низкій: первымъ пишутся поэмы, оды, прозаическія разсужденія о важныхъ предметахъ, вторымъ—театральныя сочиненія, стихотворныя дружескія письма, сатиры, эклоги, элегіи, низкій же штиль употребляется въ комедіяхъ, эпиграммахъ, пѣсняхъ, прозаическихъ дружескихъ письмахъ и описаніяхъ обыкновенныхъ дѣлъ. Изложенная теорія трехъ стилей представляетъ собою примѣненіе къ русскому литературному языку тѣхъ правилъ, которыя утвердились въ европейскихъ руководствахъ по стилистикѣ и были впервые намѣчены у классиковъ, а затѣмъ подробно развиты въ разсужденіи Данте „De vulgari eloquio". Согласно этимъ правиламъ, Данте считалъ итальянскій языкъ низкимъ стилемъ, а латинскій—высокимъ, и его знаменитая поэма была признана комедіей именно потому, что была написана по-итальянски. Несмотря на свою условность, теорія трехъ стилей у насъ продержалась до XIX столѣтія и была упразднена лишь послѣ реформы Карамзина и поэтической дѣятельности Пушкина, сблизившаго литературный языкъ съ живою рѣчью.

Рядомъ съ этимъ разсужденіемъ слѣдуетъ поставить „Риторику" Ломоносова: это теорія не только ораторскаго искусства, но и вообще прозы. Она является первымъ трудомъ въ этой области на русскомъ языкѣ, такъ какъ употреблявшіяся ранѣе въ русскихъ школахъ руководства по риторикѣ всѣ писались по-латыни. Кромѣ этого, важны новые примѣры, которыми Ломоносовъ подкрѣплялъ излагаемыя имъ правила.

Въ области теоріи поэзіи большое значеніе имѣетъ „Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства", въ которомъ Ломоносовъ излагаетъ теорію тоническаго стихосложенія. Аргументы его не новы, были уже представлены въ упомянутомъ выше разсужденіи Тредьяковскаго, но существенное значеніе имѣютъ въ письмѣ Ломоносова отличные образцы новаго стихосложенія, наглядно доказывавшіе его преимущество предъ силлабическимъ размѣромъ.

Наконецъ въ ряду филологическихъ работъ Ломоносова видное мѣсто занимаетъ его „Россійская грамматика", которая является первымъ опытомъ построенія у насъ научной грамматики: зная отлично живой русскій языкъ въ разныхъ его нарѣчіяхъ, изучивъ церковно-славянскій языкъ, Ломоносовъ могъ приняться за выполненіе такой задачи. Академикъ Гротъ, опредѣляя значеніе труда Ломоносова, говорилъ: „Русскіе въ правѣ гордиться появленіемъ у себя въ серединѣ XVIII вѣка такой грамматики, которая не только выдерживаетъ сравненіе съ однородными трудами за то же время у другихъ народовъ, давно опередившихъ Россію на поприщѣ науки, но и обнаруживаетъ въ авторѣ удивительное пониманіе началъ языковѣдѣнія". Однако нужно сказать, что, стремясь сблизить нашу грамматику

съ западными грамматическими схемами, Ломоносовъ иногда впадаетъ въ ошибки: такой ошибкой слѣдуетъ считать его теорію глагольныхъ временъ, которою онъ замѣнилъ ученіе о видахъ, изложенное вполнѣ правильно въ знакомомъ ему съ дѣтства руководствѣ Мелетія Смотрицкаго. Впослѣдствіи наука вернулась къ теоріи видовъ глагольныхъ, а Ломоносовская схема временъ была отвергнута.

Поэтическія произведенія Ломоносова важны тѣмъ, что они являются прекраснымъ подтвержденіемъ его теоретическихъ изысканій. Количество ихъ (поэтическихъ произведеній) невелико, но по достоинству они—выдающееся для своего времени явленіе.

Ломоносову принадлежитъ 11 духовныхъ одъ, 19 похвальныхъ, нѣсколько похвальныхъ надписей, мелкихъ стихотвореній, есть сатирическое стихотвореніе („Гимнъ Бородѣ"), есть, наконецъ, попытки, хотя и неудачныя, драмы („Тамира и Селимъ" „Дамофонтъ") и поэмы (неоконченная „Петрида"). Такимъ образомъ Ломоносовъ испыталъ свои силы во всѣхъ родахъ литературы. Но по преимуществу онъ—лирикъ. Онъ первый у насъ представилъ въ своихъ одахъ торжественную лирику, которая, просуществовавъ XVIII вѣкъ, перешла даже и въ XIX-й. Его имя обыкновенно ставится на ряду съ именами другихъ двухъ лицъ, которые были у насъ начинателями въ двухъ другихъ родахъ литературы — съ именами Сумарокова (драма) и Хераскова (поэма).

Въ одахъ Ломоносова сказалось вліяніе ложно-классицизма. Въ нихъ онъ является ложноклассикомъ—подражателемъ Пиндара и Горація. Первымъ опытомъ его въ этомъ родѣ былъ переводъ оды Фенелона. Оригинальный образецъ ложно-классической оды онъ представилъ въ своемъ произведеніи „На взятіе Хотина", хотя и здѣсь замѣтно подражаніе нѣмецкому поэту Гюнтеру.

При разсмотрѣніи одъ Ломоносова лучше держаться ихъ классификаціи на духовныя и похвальныя. Особенно характерными являются первыя. Въ этихъ одахъ, которыя иногда представляютъ собой переложенія изъ Св. Писанія, выражается преимущественно мысль о божественномъ всемогуществѣ и величіи. Наиболѣе рельефно эта мысль выражена въ „Одѣ, выбранной изъ книги Іова": могуществу Бога противопоставляется безсиліе человѣка. Авторъ обращается къ человѣку, который ропщетъ на Бога:

„О, ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ!
Внимай, коль въ ревности ужасно
Онъ къ Іову изъ тучи рекъ!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистая
И гласомъ громы прерывая,
Словами небо колебалъ,
И такъ его на распрю звалъ.

„Сбери свои всѣ силы нынѣ.
Мужайся, стой и дай отвѣтъ.

Гдѣ былъ ты, какъ Я въ стройномъ чинѣ
Прекрасный сей устроилъ свѣтъ:
Когда Я твердь земли поставилъ,
И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
Величество и власть Мою?
Яви премудрость ты свою!

Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
Безчислены тьмы новыхъ звѣздъ,
Моей возженныхъ вдругъ рукою,
Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ
Мое Величество вѣщали;
Когда отъ солнца возсіяли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи?

Кто море удержалъ брегами,
И безднѣ положилъ предѣлъ,
И ей свирѣпыми волнами
Стремиться далѣ не велѣлъ?
Покрытую пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ туманъ,
И съ суши сдвинулъ океанъ?"

Человѣку надо терпѣть и надѣяться на Бога-Промыслителя:

„Святую волю почитая,
Имѣй свою въ терпѣньи часть.
Онъ все на пользу нашу строитъ,
Казнитъ кого, или покоитъ.
Въ надеждѣ тяготу носи,
И безъ роптанія проси".

Изъ числа духовныхъ одъ слѣдуетъ особенно отмѣтить два „размышленія о Божьемъ величествѣ", которыя справедливо считаются самыми выдающимися поэтическими созданіями Ломоносова. Эти оды проникнуты искреннимъ религіознымъ чувствомъ; съ другой стороны, въ нихъ даны прекрасныя картины природы. Онѣ являются вѣрнымъ выраженіемъ его цѣльнаго міросозерцанія, въ которомъ у Ломоносова гармонически объединялись и стремленіе къ знанію, и любовь къ природѣ, и пониманіе чрезъ изученіе ея величія Бога. Это все и высказывается въ его „Размышленіяхъ".

„Утреннее размышленіе" начинается картиной восходящаго солнца и пробуждающейся природы:

„Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой до земли
И Божія дѣла открыло"...

При созерцанiи этой картины духъ поэта проникся весельемъ и въ немъ зарождается мысль о томъ, „каковъ Зиждитель самъ?“

„Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло, приблизившись воззрѣть;
Тогда бъ со всѣхъ открылся странъ
Горящiй вѣчно океанъ

Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ,
Тамъ вихри пламенны крутятся,
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ...

Сiя ужасная громада
Какъ искра предъ Тобой одна,
О коль пресвѣтлая лампада,
Тобою, Боже, возжжена
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что ты творить намъ повелѣлъ“...

Тѣ же мотивы религiознаго восторга, возбуждаемаго созерцанiемъ природы и размышленiемъ о научныхъ проблемахъ, о безсилiи человѣка проникнуть въ тайны мiрозданiя, встрѣчаемъ и въ „Вечернемъ размышленiи“. Поэтъ рисуетъ здѣсь картину сѣвернаго сiянiя, которое давно, еще съ дѣтства, было ему знакомо:

„Лицо свое скрываетъ день:
Поля покрыла темна ночь,
Взошла на горы мрачна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонились прочь
Открылась бездна, звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкiй прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
Такъ я въ сей безднѣ углубленъ
Теряюсь, мысльми утомленъ.

Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество цвѣтовъ;
Несчетны солнца тамъ горятъ,
Народы тамъ и кругъ вѣковъ;
Для общей славы божества
Тамъ равна сила естества.

Но гдѣ жъ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря;
Не солнце ль ставитъ тамъ свой тронъ?

Не льдисты ль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ нощь на землю день вступилъ!"

Мы видимъ здѣсь оригинальные эпитеты и странныя, повидимому, сочетанія понятій („хладный пламень" и т. п.), которые, однако,

Гипсовый слѣпокъ съ головы Петра I.
(Находится въ Имп. Эрмитажѣ).

вполнѣ подходятъ къ сѣверному сіянію. Послѣ этой необыкновенной и необъяснимой картины вполнѣ естественно обращеніе поэта къ тѣмъ,

...которыхъ быстрый зракъ
Проницаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малый вещи знакъ
Являетъ естества уставъ!"

Несмотря на то, что ученымъ извѣстенъ путь планетъ, однако далеко не обо всемъ они знаютъ, и ихъ отвѣтъ не удовлетворитъ недоумѣвающаго зрителя сѣвернаго сіянія: „Сомнѣній полонъ ихъ отвѣтъ“ даже о томъ, „что окрестъ ближнихъ мѣстъ“, не говоря уже о вопросахъ мірозданія. Все это приводитъ поэта къ логическому выводу о бытіи и всемогуществѣ Творца:

„Скажите жъ, коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ!
Несвѣдомъ тварей вамъ конецъ:
Скажите жъ, коль великъ Творецъ!“

Итакъ, однимъ источникомъ поэтическаго вдохновенія служила для Ломоносова религія; другимъ источникомъ, откуда почерпалъ онъ свое вдохновеніе, былъ глубокій патріотизмъ, выразившійся въ его похвальныхъ одахъ. Однако и здѣсь, въ торжественной лирикѣ, Ломоносовъ не просто поэтъ, но поэтъ - ученый.

Первая по времени ода Ломоносова „На взятіе Хотина“ представляетъ собой образецъ ложно-классической торжественной лирики, но и въ ней нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ чертъ истиннаго поэтическаго вдохновенія. Гораздо интереснѣе ода „на день восшествія на престолъ императрицы Елизаветы Петровны“ (1747 г.). Въ свое время эта ода явилась выраженіемъ тѣхъ чувствъ, которыя раздѣляли весьма многіе люди при воцареніи императрицы Елизаветы. Новое царствованіе подавало отрадныя для многихъ надежды на оживленіе и дальнѣйшее осуществленіе завѣтовъ и плановъ, начертанныхъ Преобразователемъ и попранныхъ при его непосредственныхъ преемникахъ. Кромѣ того, русское національное самолюбіе при преемникахъ Петра сильно страдало, такъ какъ послѣдніе окружали себя временщиками-иностранцами; торжествовала нѣмецкая партія и это торжество было больно и унизительно для русскихъ. Вполнѣ понятенъ отсюда тотъ восторгъ, съ которымъ встрѣчено было появленіе на престолѣ дочери Петра. Восторгъ этотъ отразился и въ изучаемой одѣ. Въ ней, согласно съ правилами ложно-классической лирики, Ломоносовъ обращается къ воспоминаніямъ о Петрѣ и восхваленіямъ его дѣяній. Эти правила требовали отъ одописцевъ въ началѣ оды помѣщать именно восхваленіе предковъ. Но въ нашей одѣ, впрочемъ, такое отступленіе является вполнѣ естественнымъ, такъ какъ дѣятельность Елизаветы въ представленіи поэта связывалась неразрывно съ трудами Петра и упрочивала лишь то, что было намѣчено послѣднимъ. Важнымъ фактомъ было и то, что императрица отказалась отъ войны со шведами. Ода и начинается восхваленіемъ мира и тишины:

„Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!“

ПУТЕШЕСТВІЕ

ИЗЪ

ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

„Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно, и лаяй.„

Тилемахида, Томъ II. Кн: XVIII. стих: 514.

1790.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

А. М. К.

Любезнѣйшему другу.

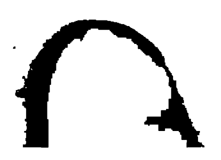
Что бы разумъ и сердце произвести ни захотѣли, тебѣ оно, О! сочувственникъ мой, посвящено да будетъ. Хотя мнѣнія мои о многихъ вещахъ различествуютъ съ твоими, но сердце твое бьетъ моему согласно -- и ты мой другъ.

Я взглянулъ окрѣстъ меня -- душа моя, страданіями человѣчества уязвленна стала. Обратилъ взоры мои во внутренность мою -- и узрѣлъ, что бѣдствіи человѣка произходятъ отъ человѣка, и часто отъ того только, что онъ взираетъ непрямо на окружающіе его предметы. Уже ли, вѣщалъ я самъ себѣ, природа толико скупа была къ своимъ чадамъ, что отъ блудящаго невинно, сокрыла истинну на вѣки? Уже ли сія грозная мачиха произвела насъ для того, чтобъ чувствовали мы бѣдствія, а блаженство николи? Разумъ мой вострепеталъ отъ сея мысли, и сердце мое далеко ее отъ себя оттолкнуло. Я человѣку нашелъ утѣшителя въ немъ самомъ. „Отъими завѣсу съ очей природнаго чув„ствованія — и блаженъ буду.„ Сей гласъ природы раздавался громко въ сложеніи моемъ. Воспрянулъ я отъ унынія моего,

вЪ которое повергли меня чувствительность и сострадание; я ощутилЪ вЪ себѣ довольно силЪ, что бы противиться заблужденію; и ---- веселіе неизреченное! я почувствовалЪ, что возможно всякому соучастникомЪ быть во благодѣйствіи себѣ подобныхЪ. -- Се мысль побудившая меня начертать что читать будетЪ. Но если, говорилЪ я самЪ себѣ, я найду коголибо, кто намѣреніе мое одобритЪ; кто ради благой цѣли, неопорочитЪ неудачное изображеніе мысли; кто сострадаетЪ со мною надЪ бѣдствіями собратіи своей; кто вЪ шествіи моемЪ меня подкрѣпитЪ; не сугубой ли плодЪ произойдетЪ отЪ подЪятаго мною труда? . . . . . Почто почто мнѣ искать далеко кого либо? Мой другЪ! ты близь моего сердца живешЪ -- и имя твое да озаритЪ сіе начало.

ВЫѢЗДЪ.

Отужинавъ съ моими друзьями я легъ въ кибитку. Ямщикъ по обыкновенію своему поскакалъ во всю лошадиную мочь, и въ нѣсколько минутъ я былъ уже за городомъ. Разставаться трудно, хотя на малое время съ тѣмъ, кто намъ нуженъ сталъ на всякую минуту бытія нашего. Разставаться трудно: но блаженъ тотъ, кто разстаться можетъ не улыбаяся любовь или дружба стрегутъ его утѣшеніе. Ты плачешь, произнося прости; но воспомни о возвращеніи твоемъ, и да изчезнутъ слезы твои при семъ во ображеніи, яко роса предъ лицемъ солнца. Блаженъ возрыдавшій надѣяйся на утѣшителя; блаженъ живущій иногда въ будущемъ; блаженъ живущій въ мѣчтаніи. Существо его усугубляется, веселія множатся и спокойствіе упреждаетъ нахмурен-



ность грусти, разпложая образы радости въ зерцалахъ воображенія. — Я лежу въ кибиткѣ. Звонъ почтоваго колокольчика наскучивъ моимъ ушамъ призвалъ наконецъ благодѣтельнаго Морфея. Горесть разлуки моея преслѣдуя за мною въ смертоподобное мое состояніе представила меня воображенію моему уединенна. Я зрѣлъ себя въ пространной долинѣ, потерявшей отъ солнечнаго зноя всю пріятность и пестроту зелености; не было тутъ источника на прохлажденіе, не было древесныя сѣни на умѣреніе зноя. Единъ, оставленъ, среди природы пустынникъ! Возтрепеталъ. — Нещастной возопилъ я, гдѣ ты? гдѣ дѣвалося все, что тѣбя прельщало? гдѣ то, что жизнь твою дѣлало тебѣ пріятною? Неужели веселости тобою вкушенныя были сонъ и мѣчта? — По щастію моему случившаяся на дорогѣ рытьвина, въ которую кибитка моя толкнулась, меня разбудила —

Съ этой тишиной поэтъ сравниваетъ самое императрицу. Водвореніе въ Россіи мира и спокойствія является залогомъ процвѣтанія наукъ; надежды на это поэтъ выражаетъ въ слѣдующихъ восторженныхъ классическихъ стихахъ:

„О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ!
О ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободрены
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать!“

Эта мысль о будущихъ Платонахъ и Невтонахъ вполнѣ естественна въ устахъ такого просвѣщеннаго патріота, какимъ былъ Ломоносовъ. Такой же вдохновенной строфой является и переводъ тирады изъ рѣчи Цицерона („Pro Archia poeta“):

„Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ щастливой жизни украшаютъ,
Въ нещастной случай берегутъ,
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и наединѣ;
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ“.

Въ этой одѣ, на ряду съ истинно-поэтическими вдохновенными мѣстами, встрѣчаемъ черты слѣдованія пріемамъ торжественной ложно-классической лирики. Видимъ, что ода, во-первыхъ, построена по извѣстному плану, шаблонному для всѣхъ ложно-классическихъ одъ, встрѣчаются миѳологическія имена и образы (Минерва, Нептунъ, Плутонъ, Марсъ), совершенно чуждые русской дѣйствительности, напримѣръ:

„Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечъ въ петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на россійскій флагъ“...

Однимъ изъ важнѣйшихъ аксессуаровъ ложно-классической оды признавался лирическій безпорядокъ. Это требованіе, предъявляемое

теоретиками—ложно-классиками къ одѣ, явилось результатомъ неправильнаго и неяснаго пониманія Пиндаровскихъ одъ. У Пиндара въ одахъ, при его искренномъ восторженномъ отношеніи къ воспѣваемому лицу, неровность въ изложеніи и быстрый переходъ отъ одного настроенія къ другому были вполнѣ естественными. Ложноклассицизмъ же возвелъ этотъ лирическій безпорядокъ въ обязательную норму для торжественной оды. Значитъ то, что было явленіемъ вполнѣ нормальнымъ, обратилось въ поэтическій пріемъ, слѣдуя которому ложно-классическіе одописцы наполняли свои произведенія дѣланными, искусственными эффектами. Ломоносовъ въ данномъ случаѣ не составлялъ исключенія; подтвержденіемъ послужитъ хотя бы разсматриваемая ода. Вообще ложно-классицизмъ стѣснялъ поэтическое творчество, вводилъ въ оды сухость, холодность чувства, наполнялъ ихъ пустыми риторическими эффектами, которыми восполнялся недостатокъ истиннаго вдохновенія и живого чувства. Эти недостатки весьма замѣтны и у Ломоносова. Но винить его за это нельзя: таковы были литературные обычаи, и Ломоносовъ считалъ своей задачей привить ихъ къ намъ и дать соотвѣтствующіе образцы, чтобы въ этомъ отношеніи сравняться съ западными литературами.

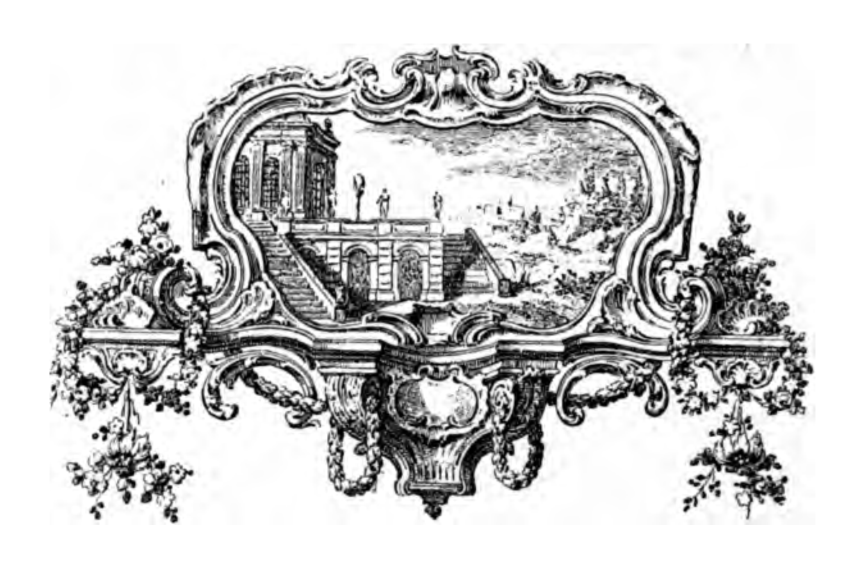
Кромѣ одъ, у Ломоносова есть произведеніе, въ которомъ видимъ проявленіе несомнѣннаго его сатирическаго таланта; это — „Гимнъ бородѣ“, злая насмѣшка надъ раскольниками, а также и вообще надъ всѣми противниками преобразовательной дѣятельности Петра.

Въ Западной Европѣ въ эпоху Ломоносова была весьма распространена дидактическая поэзія. Ломоносовъ, поставившій своей задачей познакомить русскихъ съ существовавшими на Западѣ литературными формами, представилъ образчикъ и этой поэзіи, именно въ своемъ „Письмѣ о пользѣ стекла“ (къ Ив. Ив. Шувалову). Это „письмо“ возникло не случайно: авторъ занимался мозаикой, и эти занятія его не могли не заинтересовать нѣкоторыми техническими пріемами. Произведеніе въ общемъ мало поэтично, но хороша его форма, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть присутствіе и дѣйствительныхъ поэтическихъ мотивовъ. Напр., разсуждая о различномъ употребленіи стекла, онъ говоритъ:

„Когда неистовый свирѣпствуя Борей
Стѣсняетъ мразомъ насъ въ упругости своей;
Великой не терпя и строгой перемѣны,
Скрываетъ человѣкъ себя въ толстыя стѣны.
Онъ былъ бы принужденъ безъ свѣту въ нихъ сидѣть,
Или съ дрожаніемъ несносный хладъ терпѣть.
Но солнечны лучи онъ сквозь стекло впускаетъ
И лютость холода чрезъ то же отвергаетъ:

Или о барометрахъ, напримѣръ, онъ замѣчаетъ:

„Но что еще? Уже въ стеклѣ намъ барометры
Хотятъ предвозвѣщать, коль скоро будутъ вѣтры;
Коль скоро дождь густой на нивахъ изсушитъ,
Иль облаки прогнавъ, ихъ солнце изсушитъ,
Надежда наша въ томъ обманами не льстится:
Стекло поможетъ намъ и дѣло совершится“.



Перейдемъ теперь къ дѣятельности современниковъ Ломоносова, которые, несмотря на то, что были неизмѣримо ниже его по своимъ талантамъ, все-таки занимаютъ видное мѣсто въ исторіи нашей литературы и которыхъ современники ставили даже въ одинъ уровень съ Ломоносовымъ. Ломоносову современники ставили то въ заслугу, что въ ихъ глазахъ онъ являлся „россійскимъ Пиндаромъ". Въ одно время съ „Пиндаромъ" явился у нас и „россійскій Расинъ"—А. П. Сумароковъ.

Сумароковъ родился въ 1718 г. и происходилъ изъ старой боярской фамиліи. Образованіе получилъ онъ въ Петербургскомъ Шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, куда поступилъ въ 1732 г. Не столько интересной для насъ является учебная программа корпуса, сколько то, какъ воспитанники проводили здѣсь свободное время. Это обстоятельство изъ учебной поры Сумарокова имѣло лично для него весьма важное и благотворное значеніе. Дѣло въ томъ, что часы учебнаго досуга посвящались здѣсь литературнымъ собраніямъ, на которыхъ читались разныя сочиненія. Въ литературномъ кадетскомъ кружкѣ зародилась мысль и о введеніи въ корпусѣ театра. Какъ то, такъ и другое не прошло безслѣднымъ для Сумарокова. Здѣсь въ корпусѣ онъ начинаетъ литературную дѣятельность. Первое стихотвореніе — „Поздравительная ода на новый 1740 г." было написано имъ еще въ корпусѣ, здѣсь же пишетъ онъ и пѣсенки, которыя пріобрѣли вскорѣ большую популярность, перелагались на ноты и распѣвались „знатными дамами и господами".

Театральныя представленія увлекли Сумарокова къ попыткамъ испробовать свои силы и въ драмѣ. Въ 1747 г. онъ написалъ трагедію „Хоревъ", которая представлена была въ присутствіи импе-

ратрицы Анны Іоанновны и за которую авторъ получилъ Высочайшую благодарность. Одобреніе со стороны императрицы опредѣлило характеръ дальнѣйшей дѣятельности Сумарокова. По окончаніи курса въ кадетскомъ корпусѣ, Сумароковъ поступилъ въ военную службу, прослужилъ до чина бригадира, вышелъ въ отставку и отдался всецѣло литературнымъ занятіямъ.

Кромѣ драмы, Сумароковъ пробуетъ свои силы во всѣхъ родахъ литературнаго творчества: пишетъ и лирическія стихотворенія, и сатиры, и критическія замѣтки, и журнальныя статьи. И всюду онъ выступаетъ, какъ противникъ Ломоносова. Это соперничество является самымъ больнымъ мѣстомъ въ жизни и дѣятельности Сумарокова. Онъ хотѣлъ быть столь же разностороннимъ литераторомъ, какъ и Ломоносовъ, хотѣлъ показать, что заслуги послѣдняго слишкомъ преувеличены; онъ пишетъ критическія статьи, которыми старается умалить популярность Ломоносова, волнуется, доходитъ до личной перебранки и этимъ, конечно, много вредитъ своей репутаціи, какъ человѣка. Вообще личность Сумарокова представляется весьма несимпатичной. Умеръ онъ въ 1777 году.

Русская драма, какъ и новоевропейская драма вообще, началась мистеріями, или духовными представленіями, еще до временъ Петра В. Мистеріи эти, появившіяся сначала въ Кіевѣ, и перенесенныя отсюда въ Москву, представлялись и при Петрѣ В., а въ духовныхъ школахъ существовали въ теченіе всего XVIII вѣка, хотя, подвергшись вліянію реформы и новаго образованія, онѣ утратили свой первоначальный, исключительно религіозный, характеръ; царевны Софья и Наталья Алексѣевны писали трагедіи и комедіи, заимствуя содержаніе для нихъ изъ церковной исторіи и житій святыхъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ написалъ траги-комедію „Владиміръ“, изображающую введеніе въ Россіи христіанства. При Петрѣ В. представлялись и чисто свѣтскія переводныя пьесы. Таковы были: „Докторъ принужденный“ (Le médecin malgré lui) Мольера, „Сципіонъ Африканскій“ (съ нѣмецкаго), „Принцъ Пикель Гярингъ, или Жоделетъ“, „Дафнисъ“, „Дорогія смѣянныя“ (Les précieuses ridicules) Мольера, „Донъ Жуанъ“. Изъ оригинальныхъ пьесъ къ этому времени относятся „интерлюдіи“.

При вступленіи на престолъ Анны Іоанновны при дворѣ давала представленія труппа итальянскихъ актеровъ, присланная въ Петербургъ, на время коронаціи, изъ Дрездена польскимъ королемъ Августомъ. Эти представленія такъ понравились императрицѣ, что въ 1735 г. была выписана цѣлая труппа актеровъ и актрисъ, между которыми были пѣвцы и пѣвицы, дававшие современныя оперы въ придворномъ театрѣ. Во время коронаціи Елизаветы Петровны французская труппа, приглашенная изъ Касселя, давала оперу Метастазіо: „Милосердіе Тита“; она и послѣ это давала трагедіи и комедіи. Въ 1757 г. прибыла въ Петербургъ итальянская труппа Локателли для балета и оперы. Елизавета любила театръ. Она требовала, чтобы всѣ придвор-

ные и служащіе посѣщали его. Должностныя лица обязывались подпискою быть на всѣхъ представленіяхъ, и однажды, когда на французскую комедію явилось мало зрителей, въ тотъ же вечеръ были разосланы ѣздовые къ болѣе значительнымъ людямъ съ запросомъ, почему они не были, и съ увѣдомленіемъ, что впредь за непріѣздъ полиція будетъ каждый разъ взыскивать по 50 руб. штрафу.

Но до 1756 г. въ столицѣ не было отдѣльнаго театра для русскихъ представленій; представленія давались при кадетскомъ корпусѣ, въ придворномъ театрѣ, въ комнатахъ самаго дворца, и первый отдѣльный театръ явился не въ столицѣ, а въ провинціи — въ Ярославлѣ. Сынъ костромского купца, Волковъ, разыгрывавшій сначала духовныя драмы въ Московской академіи, видѣвшій потомъ въ Петербургѣ итальянскую оперу и представленія трагедій Сумарокова кадетами, составилъ въ Ярославлѣ труппу изъ своихъ братьевъ и дѣтей купцовъ и подьячихъ и въ кожевенномъ сараѣ своего вотчима представилъ драму „Эсѳирь". Представленіе такъ понравилось тогдашнему ярославскому воеводѣ Мусину-Пушкину и помѣщику Майкову, что они убѣдили ярославскихъ купцовъ и дворянъ построить въ Ярославлѣ театръ. Театръ былъ построенъ въ широкихъ размѣрахъ, такъ что могъ вмѣщать въ себѣ до 1000 зрителей.

Когда узнали объ этомъ въ Петербургѣ, то вытребовали сюда Волкова съ его труппой и заставили сыграть при дворѣ „Хорева" Сумарокова, въ присутствіи императрицы. Игра ярославскихъ актеровъ понравилась; но такъ какъ они не имѣли надлежащаго образованія, то лучшихъ изъ нихъ—Волкова, Дмитревскаго, Шумскаго и Попова — помѣстили въ кадетскій корпусъ для обученія иностраннымъ языкамъ и словесности. Между тѣмъ въ 1756 г. открытъ былъ въ Петербургѣ постоянный русскій театръ. Первымъ директоромъ его былъ назначенъ Сумароковъ, а первыми актерами были братья Волковы, Ѳедоръ и Григорій, трагикъ Дмитревскій и комикъ Шумскій.—Сумароковъ, еще до открытія театра, съ 1750 г. управлялъ театральными представленіями въ кадетскомъ корпусѣ и при дворѣ; въ это время, послѣ „Хорева", онъ написалъ четыре трагедіи: „Гамлетъ", „Синавъ и Труворъ", „Аристона" и „Семира". Послѣ назначенія директоромъ, онъ долженъ былъ усилить драматическую дѣятельность; должность директора театра въ первое время состояла не въ томъ только, чтобы управлять театромъ, но и въ томъ, чтобы ставить на сценѣ пьесы собственнаго сочиненія. Сумароковъ написалъ еще четыре трагедіи: „Ярополкъ и Дамиза", „Вышеславъ", „Димитрій Самозванецъ" и „Мстиславъ". Всѣхъ комедій онъ написалъ 12 („Опекунъ", „Лихоимецъ", „Три брата совмѣстника", „Ядовитый", „Нарциссъ", „Приданое обманомъ", „Чудовищи", „Трессотиніусъ", „Пустая ссора", „Рогоносецъ по воображенію", „Мать, совмѣстница дочери", „Вдорщица"). Директоромъ театра Сумароковъ состоялъ по 1761 г., когда онъ былъ уволенъ, вслѣдствіе непріятныхъ столкно-

веній съ графомъ Сиверсомъ, который исправлялъ должность прокурора при русскомъ театрѣ [1]).

Изъ произведеній Сумарокова наибольшее значеніе для его времени имѣли трагедіи. Онѣ представляли собой новое зрѣлище; по нимъ же общество знакомилось съ формами ложно-классицизма и съ тѣми новыми просвѣтительными идеями, которыя такъ часто выражались у насъ въ царствованіе Екатерины II и которыя легли въ основу ея „Наказа".

Первая трагедія Сумарокова носила названіе „Хоревъ". Сюжетъ ея таковъ: русскій князь Кій разбилъ кіевскаго князя Завлоха и овладѣлъ Кіевомъ; при этомъ попала къ нему въ плѣнъ дочь Завлоха, Оснельда, ребенокъ одного года. Черезъ 15 лѣтъ Завлохъ осадилъ Кіевъ и требуетъ выдачи дочери. Между тѣмъ Оснельда любитъ Хорева, брата Кія, и Хоревъ отвѣчаетъ ей взаимностью. Въ душѣ Оснельды—коллизія: съ одной стороны, она не можетъ забыть оскорбленія, нанесеннаго ей и отцу братомъ Хорева, а съ другой — любитъ Хорева. Въ это время одинъ коварный и злобный бояринъ доноситъ ложно Кію на Хорева, будто онъ хочетъ измѣнить. Кій, чтобы испытать вѣрность Хорева, посылаетъ его сражаться противъ Завлоха, а Оснельду велитъ заключить въ тюрьму. Хоревъ храбро сражается и беретъ Завлоха въ плѣнъ. Кій убѣждается въ невинности брата и приказываетъ освободить Оснельду, но ему доносятъ, что она лишила себя жизни. Тогда и Хоревъ, узнавъ объ этомъ, закалывается. Клеветникъ-бояринъ, видя свои замыслы открытыми, тоже прибѣгаетъ къ самоубійству.

Царевна Наталья Алексѣевна.
Съ портрета рис. худ. Борелемъ.

---

[1]) Порфирьевъ. Исторія русской словесности. Часть II, стр. 222—224.

Трагедія написана довольно звучными стихами, которые вмѣстѣ съ кровавыми сценами привлекали къ ней вниманіе публики и доставили ей успѣхъ. Недостатки „Хорева" тѣ же, что и вообще всякой ложно-классической трагедіи. Укажемъ эти отрицательныя черты; теперь для насъ очевидно, что онѣ отрицательны, но въ то время думали иначе и считали ихъ необходимымъ условіемъ всякой пьесы. Эти черты: слѣдующія: 1) Главными дѣйствующими лицами трагедій были по большей части цари и герои, при чемъ они не были живыми людьми, а являлись олицетвореніемъ страстей и добродѣтелей. Особенно ярко видно это въ „Димитріи Самозванцѣ". Самозванецъ представленъ противоестественнымъ злодѣемъ; онъ и во снѣ и наяву думаетъ о томъ, какъ бы побольше натворить бѣдъ; онъ называетъ себя врагомъ естества, божества и человѣка и понимаетъ, что ему за это съ престола показана дорога прямо въ адъ. Въ концѣ трагедіи онъ восклицаетъ:

„Ступай, душа, во адъ и буди вѣчно плѣнна!
Ахъ, если бы со мной погибла вся вселенна!"

Второй отрицательной чертой ложно-классическихъ трагедій является соблюденіе трехъ такъ называемыхъ единствъ: мѣста, времени и дѣйствія. События трагедій должны были произойти на одномъ и томъ же мѣстѣ и въ промежутокъ времени не долѣе сутокъ. Стѣснительныя условія единствъ вели къ усиленію въ драмѣ лирическаго и эпическаго элементовъ, чѣмъ ослаблялось дѣйствіе, т.-е. самое существо драмы; такъ какъ многія событія происходили въ другихъ мѣстахъ, не на сценѣ, и не въ то время, въ которое развивалось самое теченіе пьесы, то приходилось о всемъ этомъ разсказывать, и въ ложно-классическомъ театрѣ необходимы были лица, не дѣйствующія, а повѣствующія или выслушивающія признанія героевъ, такъ называемые вѣстники и наперсники.

Оба эти недостатка были общими для всѣхъ тогдашнихъ трагедій. Публика, слушая и читая трагедіи Сумарокова, не обращала вниманія на эти недостатки. Ее больше привлекали, помимо сюжета и дѣйствія, тѣ нравственныя, философскія и политическія сентенціи, — плодъ просвѣтительныхъ вліяній Екатерининской эпохи, которыя высказывались дѣйствующими лицами. Такъ, въ „Дмитріи Самозванцѣ" есть разсужденія о папской власти, о вредѣ фанатизма и т. п.; въ „Мстиславѣ" развивается мысль Монтескье о чести, какъ основѣ власти и героическихъ дѣлъ. Въ „Хоревѣ" дается идеалъ князя, который „хочетъ равно и ложь и истину внимать и слѣпо никого не хочетъ осуждать".

Эти сентенціи увеличивали успѣхъ трагедій Сумарокова. Статья современнаго журнала, разбирая „Синава и Трувора", видитъ особенную заслугу Сумарокова въ томъ, что онъ славитъ правосудіе и человѣколюбіе, ополчается противъ неправды и жестокости. Но когда

вашего И…

наипаче щаст…

щедрота и

и облобызаю

всеми…

1797.

декабр.

подобныя сентенціи стали высказываться чаще и совершенно открыто, онѣ потеряли свой интересъ новизны. Благодаря этому, исчезла часть привлекательности трагедій, и онѣ потеряли свое значеніе. Тѣмъ не менѣе, репутація русскаго Расина оставалась за Сумароковымъ до начала XIX стол., когда появилась критика, выяснившая недостатки его трагедій, и тогда эти послѣднія были вытѣснены другими пьесами. Съ этихъ поръ трагедіи Сумарокова имѣютъ только историческій смыслъ.

Ѳ. Г. Волковъ.
Съ портрета А. Лосенко, грав. Уокеромъ.

Иначе обстоитъ дѣло съ комедіями; въ нихъ онъ часто даетъ дѣйствительную жизнь, являясь сторонникомъ просвѣтительнаго направленія и осмѣивая, какъ невѣжество, такъ и фальшивое просвѣщеніе. Правда, въ комедіяхъ, какъ и въ трагедіяхъ, Сумароковъ не всегда оригиналенъ и часто даетъ передѣлки, а то даже и просто переводы съ западноевропейскихъ произведеній; такъ, въ комедіи „Лихоимецъ", характеръ Лихоимца онъ списалъ съ Мольеровскаго Гарпагона; въ комедіи „Опекунъ" главное лицо списано съ Тартюфа. Но это не мѣшало Сумарокову вставлять сюда свои оригинальныя сцены, приноравливать пьесы къ русской жизни и вводить чисто-русскіе типы. Въ комедіи „Чудовищe" онъ порицаетъ и осмѣиваетъ современныхъ „петиметровъ" въ лицѣ щеголя Дюлижа. Дюлижъ презираетъ все нефранцузское; онъ оскорбляется даже, когда предполагаютъ, что онъ говоритъ по-нѣмецки. Все русское онъ презираетъ и вовсе не интересуется имъ: когда упоминаютъ при немъ объ Уложеніи, онъ спрашиваетъ, что это за звѣрь. Все образованіе заключается во внѣшнемъ лоскѣ, въ открываніи щегольскомъ табакерки, въ одѣваніи по модѣ и т. п.; въ этомъ онъ видитъ главную пользу, видитъ возможность служить отечеству и къ этому направлены всѣ его цѣли. Реформы оказали на Дюлижа и ему подобныхъ

лишь то дѣйствіе, что они „изъ человѣковъ ненапудренныхъ превратились въ напудренную скотину". Дюлижъ является въ русской литературѣ предшественникомъ Фонвизинскаго Иванушки.

Впрочемъ, комизмъ у Сумарокова бываетъ иногда только внѣшній. Таковъ онъ, напр., въ фарсѣ „Трессотиніусъ", въ которомъ осмѣиваются въ лицѣ двухъ ученыхъ педантовъ (Трессотиніуса и Бобембіуса)—Тредьяковскій и Ломоносовъ. Трессотиніусъ обращается къ молодой дѣвицѣ и объясняется ей въ любви въ формѣ слѣдующей пѣсенки:

„Красоту на вашу смотря, распалился я, ей, ей!
Изволь меня избавить ты отъ страсти тѣмъ моей!
Бровь твоя меня пронзила, голосъ кровь зажогъ,
Мучишь ты меня, Климена, и стрѣлою сшибла съ ногъ!"

Въ этой же пьесѣ Трессотиніусъ вступаетъ въ споръ съ Бобембіусомъ о буквѣ „т" (твердо), какъ правильнѣе писать ее—о трехъ ли ножкахъ или объ одной (Тредьяковскій, печатая свои сочиненія, держался второго начертанія); Трессотиніусъ говоритъ: „Я содержу, что „твердо" объ одной ногѣ правильнѣе, ибо у грековъ, отъ которыхъ мы литеры получили, оно объ одной ногѣ, а треножное „твердо" есть нѣкакій уродъ". На это Бобембіусъ отвѣчаетъ: „Мое „твердо" о трехъ ногахъ и для того стоитъ твердо, ergo—оно твердо; а твое „твердо" нетвердое, ergo—оно нетвердо. Твое „твердо" слабое, не надежное, а потому презрительное, гнусное, позорное, скаредное".

Кромѣ драматическихъ произведеній, Сумароковъ писалъ еще сатиры; въ нихъ онъ осмѣиваетъ то же, что осмѣиваетъ и Кантемиръ, но у Сумарокова форма часто бываетъ живѣе, разнообразнѣе. Нѣкорыя сатиры не лишены остроумія и до сихъ поръ еще не вполнѣ потеряли свой интересъ. Онъ осмѣивалъ взяточничество и казнокрадство, невѣжество, пристрастіе къ иностранному, нападалъ даже на нѣкоторыя стороны крѣпостного права. Между сатирами замѣчательны: „Хоръ къ превратному свѣту", „Кривой толкъ", „О благородствѣ". Первая изъ нихъ написана хорошими стихами, въ которыхъ Сумароковъ подражалъ складу народныхъ пѣсенъ:

„Прилетѣла на берегъ синица
Изъ-за полночнаго моря,
Изъ-за холодна океана.

Дальше идетъ порицаніе русскаго общества чрезъ противопоставленіе ему другого, лучшаго общества. Стали синицу, „гостейку пріѣзжу", спрашивать, какіе „обряды" существуютъ за моремъ, а она отвѣчаетъ:

„Сильные безсильныхъ тамъ не давятъ,
Предъ большихъ бояръ лампадъ не ставятъ,
Всѣ дворянски дѣти тамъ во школахъ:
Ихъ отцы и сами учились;
Учатся за моремъ и дѣвки;
За моремъ тово не болтаютъ:
Дѣвушкѣ-де разума не надо;
Надобно ей личико да юбка,
Надобны румяны да бѣлилы“.

ХОРЕ́ВЪ

ТРАГЕ́ДІЯ,

АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА.

Хор Гамл: Арм: Син- и Груз-
госарски Кирилу Ивановичу
Голоческому отъ Автора
21го: Авг: 764 въ С:П:Б:
— Александръ Сумароковъ.

Эти строки очень характерны; въ нихъ обличается то же, на что впослѣдствіи нападали Фонвизинъ и Новиковъ. Интересны также и мысли о женскомъ образованіи. Въ этой же сатирѣ есть насмѣшки надъ презрѣніемъ къ родному языку. Синица продолжаетъ разсказывать:

„Тамъ языкъ отцовскій не въ презрѣньи
Только въ презрѣньи тѣ невѣжи,
Кои свой языкъ уничтожаютъ.
Кои, долго странствуя по свѣту,

Чужестраннымъ воздухомъ не кстати
Головы пустыя набивая,
Пузыри надутые вывозятъ".

Драматическими произведеніями и сатирами не ограничилась дѣятельность Сумарокова; онъ писалъ во всѣхъ родахъ словесности, поэтическихъ и прозаическихъ. Кромѣ того, онъ издавалъ и журналъ. Съ 1759 года начала выходить „Трудолюбивая Пчела", образцомъ для которой послужили англійскіе сатирическіе журналы. Наполнялся этотъ журналъ частью переводными, частью оригинальными стихами, принадлежавшими, главнымъ образомъ, самому издателю. Въ одной книжкѣ журнала написано: „Весь сей мѣсяцъ А. Сумарокова". Любопытны критическія статьи Сумарокова. Онъ нападалъ въ нихъ на Тредьяковскаго и въ особенности на Ломоносова, упрекая его въ грамматическихъ погрѣшностяхъ, въ употребленіи оборотовъ и формъ, не свойственныхъ русскому языку. Критика его по большей части исключительно внѣшняя: онъ подолгу останавливается на отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ и осуждаетъ Тредьяковскаго за то, что тотъ ввелъ слова „предметъ", „обнародовать", „тѣсная дружба", „первѣйшій", „главнѣйшій" и т. д. „Предметъ", по мнѣнію Сумарокова, значитъ цѣль, „тѣсная дружба" — принужденная дружба и т. д. Этимъ только часто и ограничивается его критика.

Въ другихъ своихъ статьяхъ онъ является защитникомъ ложноклассицизма и если замѣчалъ въ литературѣ попытку провести новыя вѣянія, то горячо возставалъ противъ нея. Такъ, когда въ Москвѣ въ частномъ театрѣ поставили комедію Бомарше „Евгеній", переведенную Пушниковымъ, пьесу въ новомъ родѣ — „слезную" или „мѣщанскую" (т.-е. чувствительную и изображающую жизнь простыхъ людей), то Сумароковъ пришелъ въ негодованіе, написалъ объ этомъ Вольтеру и, получивъ сочувственный отвѣтъ знаменитаго писателя, сталъ печатно бранить испорченность вкуса въ обществѣ, называя новую пьесу „пакостной", а ея переводчика—„подьячимъ". „Неужели Москва болѣе повѣритъ подьячему, чѣмъ Вольтеру и мнѣ?" писалъ онъ въ своей статьѣ. Въ появленіи подобныхъ пьесъ онъ видитъ признаки свѣтопреставленія.

Любопытна еще статья Сумарокова „О копистахъ", любопытна въ томъ смыслѣ, что показываетъ, до чего доходило самохвальство Сумарокова, когда онъ касался своихъ заслугъ: „что только видѣли Аѳины и видитъ Парижъ, то нынѣ Россія стараніемъ моимъ увидѣла... До чего въ Германіи многими стихотворцами не достигли, до того я одинъ, и въ такое еще время, въ которое у насъ науки словесныя только начинаются и нашъ языкъ едва чиститься началъ, однимъ своимъ перомъ достигнуть могъ"... А въ одномъ проектѣ о посылкѣ его за границу для обозрѣнія заграничныхъ театровъ Сумароковъ, требуя выдачи въ годъ 7.000 руб., кромѣ пенсіи, писалъ: „еслибы таковымъ перомъ, какъ мое, описана была вся Европа, не дорого бы

стало Россіи, еслибъ она и триста тысячъ рублевъ на это невозвратно употребила".

Какъ бы ни былъ, однако, Сумароковъ смѣшонъ въ своихъ притязаніяхъ, намъ не должно забывать, что онъ имѣлъ важное значеніе

ТРУДОЛЮБИВАЯ

ПЧЕЛА.

Генварь 1759 года.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

въ исторіи литературы. Онъ стоялъ на рубежѣ двухъ эпохъ, такъ какъ конецъ его дѣятельности совпадалъ со временемъ царствованія Екатерины II, и на немъ видно, какъ отражались идеи энциклопедистовъ на представителяхъ стараго поколѣнія,—тѣ самыя идеи, которыя легли въ основу дѣятельности,—какъ литературной, такъ и общественной, многихъ людей того времени.

Библіографія:

Куникъ. Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ въ XVIII вѣкѣ. СПБ. 1865.

Билярскій. Матеріалы для біографіи Ломоносова. СПБ. 1865.

Ламанскій Ломоносовъ и Петербургская Академія Наукъ. (Чтен. Общ. Ист. и Др. при Моск. Ун. 1865, кн. I).

Пономаревъ. Матеріалы для библіографіи литературы о Ломоносовѣ. СПБ. 1872. (Сборникъ отд. рус. яз. и слов. Ак. Наукъ, т. VIII).

Буличъ. Сумароковъ и современная ему русская критика. СПБ. 1854.

Венгеровъ. Русская поэзія. т. I.

ГЛАВА XVIII.

Эпоха Екатерины II.

Въ Екатерининскую эпоху особенно ярко обнаружилось вліяніе западной энциклопедической философіи, и первымъ проводникомъ идей этого направленія была сама императрица Екатерина II. Въ складѣ ея ума и характера есть такія не женскія черты, что многіе современники находили, что ей слѣдовало бы быть мужчиной, а Вольтеръ даже называлъ ее „Екатерина Великій" (Catherine le Grand), а не Великая. И сама она говорила: „Привычка ли это или дѣло вкуса, но я могу вести разговоръ только съ мужчинами".

Будучи цесаревной и не найдя счастья въ семьѣ, императрица отдалась литературнымъ занятіямъ и изученію русской жизни. Учителемъ русскаго языка къ ней былъ приглашенъ академикъ Ададуровъ и съ помощью его Екатерина сдѣлала большіе успѣхи; но систематическія занятія продолжались не долго: они были прекращены по желанію императрицы Елисаветы Петровны, которая нашла, что Екатерина „и такъ умна". Впослѣдствіи Екатерина жаловалась на прекращеніе своихъ занятій русскимъ языкомъ и въ этомъ видѣла причину своихъ орѳографическихъ ошибокъ. „Я могла учиться русскому языку только изъ книгъ, безъ учителей, и это есть причина, что я плохо знаю правописаніе", говорила она своему секретарю Грибовскому.

Изучая Россію, русскій языкъ и русскую литературу, Екатерина слѣдитъ и за умственнымъ движеніемъ на Западѣ; она много читаетъ и имѣетъ большую библіотеку съ серьезными научными книгами. — Здѣсь были Тацитъ, Аристотель, Платонъ, Бари („Исторія Германіи"), Бароній („Церковная исторія"), Монтескье, Вольтеръ и цѣлый рядъ другихъ писателей. Больше всего Екатерина интересовалась политико - философскими трудами, почему ее особенно увлекалъ „Духъ законовъ".

Екатерина вела переписку со многими передовыми людьми того времени—съ Вольтеромъ, Дидро, Гриммомъ, г-жей Жофренъ и др. Послѣдней она писала между прочимъ: „Духъ законовъ“ долженъ быть требникомъ для всѣхъ государей, если только они не лишены здраваго смысла“. Къ нѣкоторымъ объ вышеупомянутыхъ лицъ императрицы относилась съ энтузiазмомъ, какъ, напр., къ Вольтеру, котораго она считала идеаломъ писателя. Сама императрица писала Гримму: „Вольтеръ — мой учитель; онъ, или лучше сказать, его произведенiя, развили мой умъ и мою голову; я его ученица“. Въ такихъ же дружескихъ отношенiяхъ, какъ и съ Вольтеромъ, находилась она и съ энциклопедистами — Даламберомъ и Дидро. Перваго она пыталась даже пригласить въ воспитатели в. к. Павла Петровича, и когда тотъ отказался отъ этой должности, Екатерина писала ему. „Вы рождены, вы призваны содѣйствовать счастью и даже просвѣщенiю цѣлой нацiи: отказываться въ этомъ случаѣ, по моему убѣжденiю, значитъ отказываться дѣлать добро, къ которому вы стремитесь. Ваша философiя основана на человѣколюбiи, позвольте же вамъ сказать, что она не достигнетъ своей цѣли, если вы отказываетесь служить человѣчеству, насколько это возможно для васъ“.

Но, при всемъ уваженiи къ европейскому просвѣщенiю и къ его представителямъ, при увлеченiи идеями передовыхъ философовъ, Екатерина была предохранена отъ рабскаго имъ подражанiя, благодаря своему знакомству съ русской жизнью. Она объясняла, что она русская императрица, призванная для управленiя Русскимъ царствомъ, для блага русскаго народа, и не можетъ не сообразоваться съ реальными условiями. Часто она остроумно отвѣчала увлекающимся теоретикамъ. Такъ, о Дидро она писала, что „много и часто бесѣдовала съ нимъ, но больше съ любопытствомъ, чѣмъ съ пользой. Если бы я его словамъ повѣрила, то пришлось бы все поставить вверхъ ногами въ моемъ царствѣ. Законодательство, административная часть,—все должно было бы перевернуться, чтобы дать мѣсто его непрактическимъ терiямъ. Видя, что ни одно изъ тѣхъ великихъ нововведенiй, которыя онъ проповѣдывалъ, не было приведено въ исполненiе, онъ высказалъ нѣкоторое удивленiе и даже высшую степень неудовольствiя. Тогда, говоря откровенно, я сказала ему: г. Дидро, я прислушиваюсь съ величайшимъ удовольствiемъ ко всему тому, что вашъ блестящiй умъ внушилъ вамъ высказать мнѣ. Всѣ ваши великiе принципы, которые я очень хорошо понимаю, могутъ составить очень хорошее сочиненiе, но для дѣла они не годятся. Во всѣхъ вашихъ предположенiяхъ относительно введенiя реформъ вы забываете только одно, именно разницу, которая существуетъ между вашимъ положенiемъ и моимъ; вы работаете только на бумагѣ, которая все терпитъ и никакихъ препятствiй не представляетъ ни вашему воображенiю ни вашему перу; но я, бѣдная императрица, я работаю на человѣческой кожѣ, которая чувствительна и щекотлива въ высшей степени“. Желая охранить себя отъ чьего-либо исключительнаго влiя-

Млстивы Гдрь

два писма вашего П
получилъ которыми
которыми вы мне дост
иашное вдовеъ мне ста
Писали, и хотя мне сіе
Помощь почитаю вамъ П
Превосходителства и пр
Желаніе ваше хотя
и в той силе мне в моив
Принявъ да 200 четверт
следствино вамъ от
очемъ и к тем вашим ф

с велик
ч.чин
дѣиъ
лучш
віе Гд

е: Гогд
дѣи:

ниемъ усердствомъ вашихъ лесовъ и желаваемъ пребыва-
ніемъ, для того паче вашимъ мнениемъ инд делѣ пришед
отписать оной отрезъ к вы можетъ о твердыхъ
вѣдомостей получить изволите, впротчемъ пребываю
а съ совершеннымъ почтеніемъ

вашего высокопревосходительства

Милостиваго Гдря моего

Покорный слуга

В. Татищевъ

мо
1747:

нія, она склонялась къ эклектизму: Въ одномъ изъ писемъ къ Вольтеру она говорила: „Мой девизъ—пчела, которая, летая съ растенія на растеніе, собираетъ медъ для своего улья, и надпись: полезное“.

Увлеченіе Екатерины взглядами энциклопедистовъ выразилось болѣе всего въ „Наказѣ“, который составлялся очень долго и былъ предметомъ особенныхъ заботъ императрицы. Въ „Наказѣ“ она хотѣла выразить основныя, руководящія идеи, которыя должны были лечь въ основу дѣятельности комиссіи, учрежденной въ 1766 г. для составленія новаго уложенія. Эти же идеи легли въ основу и ея собственной дѣятельности въ различныхъ областяхъ, главнымъ образомъ, въ литературной. „Наказъ“ имѣетъ такое же значеніе въ Екатерининскую эпоху, какое „Духовный Регламентъ“ въ Петровскую, а потому онъ, даже будучи не литературнымъ, а законодательнымъ памятникомъ, и долженъ быть поставленъ во главѣ обзора литературы Екатерининской эпохи.

Имп. Екатерина II (въ дѣтскомъ возрастѣ). (Рис. Розиной Лисчевской въ 1740 году).

Въ „Наказѣ“ видны различныя вліянія, и прежде всего вліяніе Монтескье. Кромѣ того, въ отдѣлѣ о преступленіяхъ и наказаніяхъ императрица руководствовалась сочиненіемъ итальянскаго ученаго Беккаріи, а въ отдѣлѣ о воспитаніи—сочиненіемъ Локка и отчасти, хотя очень мало,—Руссо. Вліяніе Локка и Руссо въ „Наказѣ“ не особенно, впрочемъ, сильно, такъ какъ вопросы о воспитаніи она затрагиваетъ здѣсь только мимоходомъ, зато въ другихъ ея сочиненіяхъ, въ которыхъ этотъ вопросъ разрабатывается глубже,—тамъ и вліяніе Локка и Руссо сильнѣе.

Главная цѣль „Наказа“ и первое желаніе императрицы—„видѣть нашъ народъ столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастье и довольство на землѣ простираться можетъ“. Императрица говоритъ также, что народы сотворены не

для земныхъ обладателей, а что, наоборотъ, на владѣтеляхъ лежитъ, долгъ заботиться о процвѣтаніи ихъ подданныхъ. Эти идеи заимствованы изъ сочиненія Монтескье.

„Наказъ“ составлялся въ теченіе 2-хъ лѣтъ. Сначала никто не зналъ о его существованіи, и только черезъ полтора года послѣ того какъ „Наказъ“ былъ начатъ, Екатерина показала его Панину, Орлову и Сумарокову. Панинъ отнесся къ „Наказу“ нѣсколько скептически, хотя сказалъ, что въ немъ изложены истины, способныя низвергнуть стѣны („des axiomes à renverser les murailles“).

Но съ большимъ недоброжелательствомъ отнесся къ „Наказу“ Сумароковъ. Онъ придирчиво и мелочно возражалъ противъ разныхъ положеній „Наказа“ и даже противъ самаго составленія законовъ чрезъ выбранныхъ депутатовъ. „Большинство голосовъ,—пишетъ онъ,—истины не утверждаетъ, утверждаютъ мнѣніе великій разумъ и безпристрастіе“. Екатерина на это замѣтила: „большинство истины не утверждаетъ, а только показываетъ желаніе большинства“. Сумароковъ замѣтилъ: „вольность и коронѣ и народу больше приноситъ пользы, чѣмъ неволя, но своевольство еще неволи вреднѣе“. Екатерина на это отвѣтила, что „о пользѣ вольности много у нея говорится въ „Наказѣ“, но нигдѣ нѣтъ похвалы своеволію“. Сумароковъ замѣтилъ: „законовъ съ умствованіемъ народа соглашать не надобно, ибо у честныхъ людей все умствованіе—нагая истина, а законы предписываются борющимъ истину“. Екатерина отвѣчала: „есть законы, ведущіе къ добру, есть наказывающіе преступленія“. Особенно Сумароковъ возсталъ противъ мысли о свободѣ крѣпостныхъ людей. „Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя,—говоритъ онъ;—скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ и будутъ ласкать своихъ слугъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и безъ повинующихся имъ крестьянъ, и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиковъ и крестьянъ, ради усмиренія которыхъ будутъ потребованы многіе полки; непрестанная будетъ въ государствѣ междоусобная брань и вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ вотчинахъ („и бываютъ зарѣзаны отчасти отъ своихъ“, замѣтила Екатерина), вотчины ихъ обратятся въ опаснѣйшія имъ жилища, ибо они будутъ зависѣть отъ крестьянъ, а не крестьяне отъ нихъ. Примѣчено, что помѣщики крестьянъ и и крестьяне помѣщиковъ *очень любятъ*, а нашъ низшій народъ никакихъ благородныхъ чувствій не имѣетъ“ („и имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ своемъ состояніи“, замѣтила Екатерина). Вѣроятно, послѣ подобныхъ возраженій Екатерина къ Даламберу писала о своемъ „Наказѣ“: „я зачеркнула, разорвала и сожгла больше половины; и Богъ вѣсть, что станется съ остальными“.

Когда депутаты съѣхались, то оказалось, что среди нихъ существуетъ громадное разномысліе. Были и сочувствующіе идеямъ „Наказа“ и даже стремившіеся къ еще большему, какъ, напримѣръ, Коробьинъ и Оленниковъ, но большинство было противъ нихъ, и

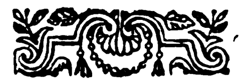
когда „Наказъ“ былъ напечатанъ въ переработанномъ и сокращенномъ видѣ, то въ немъ не оказалось многаго. Особенно много было вычеркнуто изъ статьи о крѣпостныхъ крестьянахъ, какъ

ГЛАВА I.

6.

Россія есть Европейская держава.

7. Доказательство сему слѣдующее. Перемѣны, которыя въ Россіи предприялъ ПЕТРЪ Великій, тѣмъ удобнѣе успѣхъ получили, что нравы бывшіе въ то время со всѣмъ не сходствовали со климатомъ, и принесены были къ намъ смѣшеніемъ разныхъ народовъ, и завоеваніями чуждыхъ областей. ПЕТРЪ Первый, вводя нравы и обычаи Европейскіе въ Европейскомъ народѣ, нашелъ тогда такія удобности, какихъ онъ и самъ не ожидалъ.



Листъ изъ „Наказа“.

это показываетъ дошедшій до насъ отрывокъ черновой рукописи „Наказа“.

Несмотря на то, что „Наказъ“ былъ официальнымъ документомъ, онъ долго по напечатаніи держался въ секретѣ и считался чуть ли не запрещенной книгой. Среди же тѣхъ, кто былъ знакомъ съ нимъ, „Наказъ“ вызвалъ одобреніе. Въ Европѣ его называли торжествомъ

разсудка и человѣколюбія и указывали на него, какъ на образецъ государственной мудрости. И дѣйствительно, судя по общимъ идеямъ, императрица прекрасно понимала новыя просвѣтительныя и философскія начала; она усвоила себѣ идеи свободы и равенства, поскольку онѣ могутъ быть согласованы съ принципомъ самодержавія.

Россія—европейское государство, а не восточная деспотія: въ ней вѣдь есть равенство и свобода. Равенство же „состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были однимъ и тѣмъ же законамъ (§ 34). Сіе равенство требуетъ хорошаго установленія, которое бы запрещало богатымъ удручать меньшее ихъ стяжаніе имѣющихъ, и обращать себѣ въ собственную пользу чины и званія, порученныя имъ только, какъ правительствующимъ особамъ государства (§ 35); общественная или государственная власть не въ томъ состоитъ, чтобы дѣлать все, что кому угодно (§ 36). Въ государствѣ, т.-е. въ собраніи людей, обществомъ живущихъ, гдѣ есть законы, вольность не можетъ состоять ни въ чемъ иномъ, какъ въ возможности дѣлать то, что каждому надлежитъ дѣлать, и чтобъ не быть принужденному дѣлать то, чего хотѣть не должно (§ 37)".

Понятіе свободы должно быть строго опредѣлено: „Надобно въ умѣ себѣ точно и ясно представить: что есть вольность? Вольность есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ". Значеніе же и характеръ законовъ должны быть таковы: „Ничего не должно запрещать законами кромѣ того, что можетъ быть вредно или каждому особенно или всему обществу (§ 41). Всѣ дѣйствія, ничего въ себѣ такого не заключающія, ни мало не подлежатъ законамъ, которые не съ инымъ намѣреніемъ установлены, какъ только, чтобы сдѣлать самое большое спокойствіе и пользу людямъ, подъ сими законами живущимъ (§ 42). Законоположеніе должно примѣняти къ народному умствованію. Мы ничего лучше не дѣлаемъ, какъ то, что дѣлаемъ вольно, непринужденно и слѣдуя природной нашей склонности (§ 57). Законы суть особенныя и точныя постановленія законоположника, а нравы и обычаи суть установленія всего вообще народа (§ 59). Итакъ, когда надобно сдѣлать перемѣну въ народѣ великую, къ великому онаго добру, надлежитъ законами то исправляти, что учреждено законами, и то перемѣняти обычаями, что обычаями введено. Весьма худая та политика, которая передѣлываетъ то законами, что надлежитъ перемѣнять обычаями (§ 60)". Чтобъ установленные законы сохранялись и исполнялись, нужны наказанія для нарушителей. Поэтому въ VI, VII, VIII, IX, X главахъ говорится „о наказаніяхъ". Всѣ правила, въ нихъ предлагаемыя, отличаются духомъ особенной гуманности. Нужно наказывать, но не жестоко, ибо жестокія наказанія развращаютъ общество, способствуютъ развитію наклонности ко злу. Нужно такъ устроить, чтобы подданные знали, что за всякое нарушеніе закона виновный не избѣжитъ наказанія. „Употребленіе пытки противно здравому естественному разсужденію".

Для устраненія нарушеній закона нужно воспитать людей, нужно возбуждать въ нихъ любовь къ труду, отвращеніе къ праздности, какъ источнику всякаго зла. Надо воспитать въ людяхъ человѣколюбіе, отучить отъ дерзости и пріучить къ бережливости, опрятности, чистотѣ и другимъ хорошимъ наклонностямъ.

Таковы общія идеи „Наказа". Эти же идеи легли въ основу и всѣхъ другихъ сочиненій Екатерины II, которая очень любила писать. Она—самый плодовитый писатель своей эпохи: теперь издано уже 12 большихъ томовъ ея сочиненій, но это далеко не все еще. Императрица сама говоритъ, что она не могла равнодушно видѣть бумаги, чтобы не приняться за изложеніе своихъ мыслей. Она писала въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и формахъ литературы: она вела обширнѣйшую переписку, изъ-подъ ея пера выходили педагогическія статьи, драмы, комедіи, сатиры, сказки, и нельзя сказать, чтобы въ этихъ литературныхъ упражненіяхъ проявлялась личность заурядная,—напротивъ, вездѣ обнаруживаются сильный умъ и немалый литературный талантъ.

Обращаемся къ педагогическимъ сочиненіямъ; они слѣдующія: 1) „Инструкція князю Салтыкову при назначеніи его къ воспитанію великихъ князей" и 2) „Собраніе учрежденій и предписаній касательно воспитанія въ Россіи обоего пола благороднаго и мѣщанскаго юношества", составленное при помощи Ив. Ив. Бецкаго. Цѣль педагогическихъ мѣропріятій Екатерины — „произвести новую породу людей". Для этого надо удалить дѣтей отъ родителей и предоставить ихъ хорошимъ воспитателямъ, которые бы выработали въ дѣтяхъ „умонаклоненіе" къ добру; эти новые люди будутъ полезными слугами родины и искоренятъ ненормальности русской жизни. „Инструкція" служитъ яркимъ примѣромъ вліянія, оказаннаго на императрицу новыми педагогическими идеями Европы. Воспитатель долженъ быть помощникомъ и руководителемъ воспитанника; онъ долженъ облегчить ученику его самодѣятельность и развить въ немъ умонаклоненіе къ добру; не должно при этомъ забывать и о физическомъ воспитаніи: „здравое тѣло и умонаклоненіе къ добру составляютъ все воспитаніе". Поэтому правила и касаются укрѣпленія здоровья и развитія любви къ добру.

Для достиженія первой цѣли необходимо соблюдать простоту и умѣренность во всемъ: въ одеждѣ, пищѣ, снѣ, играхъ и т. п. „чтобы платье было какъ можно простѣе и легче"; „пища и питье да будутъ простыя и просто приготовленныя, безъ пряныхъ зелій и такихъ кореній, кои кровь горячатъ, и безъ многой соли; чтобы спали не мягко, но на тюфякахъ, а отнюдь не на перинахъ; поощрять нужно ко всякому движенію и игрѣ, ибо движеніе даетъ тѣлу и уму силы и здоровье". Что касается „умонаклоненія къ добру" или нравственнаго воспитанія, то идеаломъ этого воспитанія представляется доброе сердце, тихій нравъ, учтивость въ обхожденіи, снисхожденіе ко всѣмъ людямъ. „Главное достоинство наставленія дѣтей,—

говоритъ она,—должно состоять въ любви къ ближному, въ общемъ благоволеніи къ роду человѣческому, въ доброжелательствѣ ко всѣмъ людямъ, въ ласковомъ и снисходительномъ обхожденіи ко всякому, въ добронравіи непрерывномъ, въ чистосердечіи и благодарномъ сердцѣ..., чтобы вкоренялась въ душахъ справедливость, которая состоитъ въ томъ, чтобы не дѣлать законами запрещеннаго, въ любви къ истинѣ, въ щедрости, воздержаніи, въ умѣ, основанномъ на размышленіи, въ здравомъ о вещахъ понятіи и разсужденіи, совокупномъ съ трудолюбіемъ".—„Хвалы, даваемыя хорошему поведенію, хулы и пренебреженія хулы достойному суть тѣ способы, коими поощряется хорошее и отвращается дурное поведеніе. Въ награжденіи добрыхъ дѣлъ представить дѣтямъ надлежитъ честь, доброе имя и славу, а за дурныя дѣла стыдъ и поношеніе. Никакое наказаніе обыкновенно дѣтямъ полезно быть не можетъ, буде не соединено со стыдомъ, что учинили дурно".

Затѣмъ въ „Инструкціи" говорится объ учебныхъ предметахъ. Но эта сторона мало привлекаетъ вниманіе Екатерины II. „Языки и знанія суть меньшая часть воспитанія изъ высочествъ. Добродѣтели и добронравіе, состоянію и рожденію ихъ приличныя, должны составлять главнѣйшую часть ихъ наставленія". Что касается самаго способа обученія, то оно должно соединяться съ лаской, а не съ принужденіемъ. „Искусство учителей будетъ состоять въ томъ, чтобы всякую науку и ученіе облегчить ученикамъ, колико возможно".—Между предметами обученія указаны: „географія (начавъ съ Россіи), астрономія, хронологія, математика, потомъ исторія, правовѣдѣніе, правила закона гражданскаго, древность, миѳологія, генеалогія, о Россіи и ея производствахъ, физика и исторія художествъ". Изучать же искусства, напримѣръ, музыку, писаніе виршей, не слѣдуетъ: это только отнимаетъ время. Надо знать также языки, особенно русскій, да и вообще все образованіе должно быть больше русское. „Русское письмо и языкъ, надо стараться, чтобы знали, какъ можно лучше".

Къ педагогическимъ сочиненіямъ можно отнести „Гражданское начальное ученіе", написанное въ 1780 г. для цесаревича Александра и разошедшееся въ теченіе 2 недѣль въ количествѣ 20.000 экземпляровъ. Это, по словамъ Екатерины, „маленькая азбука изреченій, которая постоитъ за себя". Въ ней мы также находимъ мысли изъ „Наказа". Таковы, напримѣръ: „Всякъ въ обществѣ живущій подверженъ общественнымъ законамъ", „добрые законы направляютъ дѣйствія гражданъ къ добру", „равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ", „вольность есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ", „законы можно назвать способами, какими люди соединяются и сохраняются въ обществѣ, и безъ которыхъ бы общество разрушилось", „добрый гражданинъ есть тотъ, который выполняетъ съ точностью всѣ гражданскія обязательства, домашнія яко сынъ, яко братъ, яко мужъ,

яко отецъ, яко получающій услуги, или яко отправляющій служеніе по состоянію, въ которомъ находится; общественныя, яко въ обществѣ живущій, и дружескія, яко другъ и добрый сосѣдъ".—„Доброй хозяйки должность есть: быть тихой, скромной, постоянной, осторожной, къ Богу усердной, къ свекру и свекрови почтительной, съ мужемъ обходиться любовно и благочинно, малыхъ дѣтей пріучать къ справедливости и любви къ ближнему, слугъ и служанокъ содержать милостиво, предъ родственниками и свойственниками быть учтивой, добрыя рѣчи слушать охотно, лжи и лукавства гнушаться; не быть праздной, но радѣтельной на всякое издѣліе и бережливой въ расходахъ... Искусенъ человѣкъ тотъ, у котораго въ домѣ всѣ живутъ хорошо и спокойно безъ ябедъ и наговоровъ, но въ приличномъ надзираніи... Естественно, человѣкъ съ человѣкомъ разнится мало; по ученію человѣкъ съ человѣкомъ разнится много. Всякое дитя родится неученымъ. Долгъ родителей есть дать дѣтямъ ученіе. Ученіе въ счастіи человѣка украшаетъ, въ несчастіи служитъ прибѣжищемъ. Книги суть зерцало: хотя и не говорятъ, всякому вину и порокъ объявляютъ".

Всѣ эти правила должны внѣдряться въ дѣтскую душу съ самаго ранняго возраста; для такой цѣли и предназначалась азбучка. Той же цѣли должны были служить и сказки „о царевичѣ Февеѣ" и „о царевичѣ Хлорѣ".

Царевичъ Февей, говорится въ первой сказкѣ, прозванный за красоту краснымъ солнышкомъ, былъ сынъ сибирскаго царя, „который подданныхъ своихъ любилъ, какъ отецъ дѣтей любитъ". Воспитанія Февея основано на началахъ простоты, естественности и благоразумія и было направлено къ укрѣпленію его здоровья и къ развитію въ немъ добродѣтели. „Царевичъ имѣлъ доброе сердце, былъ жалостливъ, щедръ, послушливъ, благодаренъ, почтителенъ къ родителямъ и наставникамъ своимъ; онъ былъ учтивъ, привѣтливъ и съ доброхотствомъ ко всѣмъ людямъ, не спорливъ, не упрямъ, не боязливъ, повиновался всегда и вездѣ истинѣ и здравому разсудку, любилъ говорить и слушать правду, лжи же гнушался". Плодомъ такого благоразумнаго воспитанія была счастливая и добродѣтельная жизнь.

Вторая сказка разсказываетъ о царевичѣ Хлорѣ, сынѣ кіевскаго царя, жившаго еще до временъ Кія. Царевичъ былъ похищенъ киргизскимъ ханомъ, который, желая испытать умъ Хлора, заставилъ его отыскать „розу безъ шиповъ" (т.-е. добродѣтель). Хлоръ, несмотря на препятствія мурзы Лѣнтяга, хотѣвшаго соблазнами отвратить юношу отъ цѣли, отыскиваетъ розу съ помощью царевны Фелицы и ея сына (разсудка).

Важное мѣсто среди сочиненій Екатерины занимаютъ ея драматическія произведенія (всего около 30 пьесъ). Ихъ можно разбить на три группы: 1) комедіи перваго періода, въ которыхъ затрагиваются недостатки стараго русскаго воспитанія; 2) бытовыя комедіи, направленныя противъ масоновъ и 3) историческія драмы, въ кото-

рыхъ она подражаетъ Шекспиру. Лучшими комедіями являются „О время" и „Именины госпожи Ворчалкиной".

Интересъ первой изъ нихъ сосредоточивается на трехъ лицахъ— Ханжахиной, Чудихиной и Вѣстниковой. Ханжахина напоминаетъ ханжу Критона Кантемировской сатиры; ея характеристику мы узнаемъ изъ разсказа ея служанки Марѳы: „Иногда у насъ обыкновенныя службы, иногда чтеніе Минейчетіи, а иногда, покинувъ чтеніе, боярыня наша изволитъ намъ проповѣдывать о молитвѣ, воздержаніи и постѣ... О постѣ и воздержаніи она твердитъ всѣмъ людямъ веьма часто, а особенно при раздачѣ мѣсячины и указнаго. Сама жъ никогда столько прилежности къ молитвѣ не показываетъ, какъ въ то время, когда, приходя къ ней, должники требуютъ отъ нея за забранные по счетамъ товары платы. Она, швырнувъ однажды въ меня молитвенникомъ, столь сильно мнѣ голову расшибла, что я съ недѣлю принуждена лежать была: а за что? За то только, что я пришла во время вечерни доложить ей, что купецъ пришелъ за деньгами, которыя она, занявъ у него по шести процентовъ, отдала въ ростъ по шестнадцати со ста.—Проклятая безбожница,—кричала она на меня— такой ли теперь часъ? Пришла ты, какъ сатана, искушать меня свѣтскими суетами тогда, когда всѣ мысли мои заняты покаяніемъ и отъ всякаго о свѣтѣ семъ попеченія удалены... Не можно никакъ къ ней примѣниться: странный весьма человѣкъ; иногда не хочетъ, чтобы ей говорили, а иногда и въ самой церкви сама безъ умолку и безъ конца болтаетъ. Говоритъ, что грѣшно осуждать ближняго, а сама всѣхъ судитъ, о всѣхъ переговариваетъ; особливо молодыхъ барынь терпѣть не можетъ; и кажется ей, что онѣ все не такъ дѣлаютъ, какъ бы, по мнѣнію ея, дѣлать надлежало... Она встаетъ по утру въ шесть часовъ и, слѣдуя древнему похвальному обычаю, сходитъ съ постели на босу ногу; сошедъ, оправляетъ передъ образами лампаду; потомъ прочитаетъ утреннія молитвы и акаѳистъ; потомъ чешетъ свою кошку, обираетъ съ нея блохъ и поетъ стихи: блаженъ, кто и скоты милуетъ! А при семъ пѣніи и насъ также миловать изволитъ, иную пощечиной, иную тростью, а иную бранью и проклятіемъ. Потомъ начинается заутреня, во время которой то бранитъ дворецкаго, то шепчетъ молитвы, то посылаетъ провинившихся наканунѣ людей на конюшню пороть батажьемъ, то подаетъ попу кадило"... Не лучше Ханжихиной и Вѣстникова съ Чудихиной. Обѣ онѣ ярыя противницы образованія, и въ особенности женскаго. „Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ совсѣмъ сталъ превратенъ, и науки-то чужія врагъ къ намъ принесъ, такъ все стало и дурно и время-то безтолково", говоритъ Чудихина; а въ другомъ мѣстѣ она спрашиваетъ: „на что дѣвку учить грамотѣ? Имъ ни къ чему грамота не надобна. Меньше дѣвка знаетъ, такъ меньше вретъ. Я принуждена была матушкѣ своей побожиться, что до 50 лѣтъ пера въ руки не возьму".

Если въ комедіи „О время" выставлены старые враги просвѣщенія, то въ „Именинахъ госпожи Ворчалкиной" изображаются его

враги новой формаціи. Щеголь Фирлюфюшковъ является подобіемъ Кантемировскаго Медора. Онъ говоритъ смѣсью русскаго языка съ французскимъ, хвалится, что всю ночь играетъ въ карты. Свое времяпровожденіе онъ изображаетъ въ такихъ чертахъ. „Belle demande! Гдѣ я пробылъ. А ma toilette, голубка, à ma toilette... Гдѣ можно такъ рано индѣ быть.—Вчера послѣ ужина я всю ночь проигралъ въ карты. Легъ me coucher въ шестомъ часу après minuit. Всталъ сегодня въ часъ и теперь такая мигрена, и такъ въ носу грустно, что сказать не можно. Нѣтъ ли eau de luce понюхать? Боюсь... чтобъ отъ слабости не упасть"... Подъ пару Фирлюфюшкову дочь Ворчалкиной, Олимпіада, которая отказывается отъ замужества, лишь бы только мать позволила ей ѣздить на балы и въ театры.

Историческія драмы Екатерины II относятся ко второму періоду ея литературной дѣятельности. Ихъ двѣ: „Историческое представленіе изъ жизни Рюрика" и „Начальное управленіе Олега"; по формѣ онѣ являются подражаніемъ историческими хроникамъ Шекспира. По содержанію, одна изъ нихъ представляетъ собой развитіе легендарнаго сюжета, другая основана отчасти на преданіи, отчасти на лѣтописномъ повѣствованіи. И этими пьесами императрица пользуется, какъ средствомъ для пропаганды усвоенныхъ ею просвѣтительныхъ идей. Напр., Рюрикъ, дѣйствующее лицо въ первой драмѣ, представляется весьма гуманнымъ и мудрымъ правителемъ; въ судѣ надъ Вадимомъ онъ руководствуется тѣми идеями, которыя выражены въ „Наказѣ". „Пусть Рюрикъ,—говоритъ онъ,—въ сей день окажется, каковъ онъ есть; онъ, видя винныхъ предъ собою, съ горячею ревностью возьмется всегда за изслѣдованіе общему добру причиненнаго ущерба или обиды; но кой часъ вина уже извѣстна, винной изобличенъ, и надлежитъ, вынувъ мечъ, приступить ко мщенію (вынимаетъ мечъ изъ ноженъ), тогда мечъ тотъ, который не выпалъ никогда изъ моей десницы, благодаря боговъ, противу общихъ непріятелей (уронитъ мечъ), падаетъ изъ дрожащихъ рукъ моихъ, и въ винномъ вижу я лишь человѣка". Подобныя же идеи вкладываются въ уста и другихъ дѣйствующихъ лицъ обѣихъ драмъ. Появленіе второй драмы относится къ тому времени, когда императрица и Потемкинъ заняты были такъ называемымъ греческимъ проектомъ: драма, изображавшая побѣдоносный походъ Олега на Царьградъ, была отраженіемъ ихъ идеи образованія новой имперіи.

Драматическія произведенія третьяго періода литературной дѣятельности Екатерины направлены противъ масонства. Это слѣдующія комедіи: „Тайна противонелѣпаго общества, открытая непричастнымъ оному", „Шаманъ Сибирскій", „Обманщикъ" и „Обольщенный". Полемизируя противъ масонства, императрица часто несправедливо отождествляла его съ тѣмъ шарлатанствомъ, представителями котораго были такіе quasi масоны, какъ Калліостро, Месмеръ и др., совершавшіе всевозможныя плутовскія продѣлки и обиравшіе довѣрчивыхъ людей. Первый выведенъ ею въ комедіи „Обманщикъ" подъ

именемъ Калифалкжерстона, который говоритъ о себѣ, что онъ малые алмазы передѣлываетъ въ большіе и можетъ дѣлать золото, что онъ знаетъ средство противъ всѣхъ болѣзней, что онъ имѣетъ силу вызывать духовъ, что недавно съ того свѣта являлся ему Александръ Македонскій. Въ комедіи „Обольщенный“ изображается отецъ семейства, Радотовъ (т.-е. Болтуновъ, отъ французскаго глагола radoter— болтать), попавшій въ общество обманщиковъ, которыхъ зовутъ мартышками (намеки на мартинистовъ), которые находятся въ сношеніяхъ, съ духами, дѣлаютъ золото, алмазы и т. п. Такой же пройдоха-шарлатанъ выводится и въ „Шаманѣ Сибирскомъ“ подъ именемъ Абманъ-лая, котораго привезло въ Петербургъ изъ Сибири семейство Бобиныхъ. Этотъ Шаманъ „по лицу узнаетъ умоначертаніе человѣка“, занимается вызываніемъ мертвецовъ, своими плутнями выманиваетъ себѣ у всѣхъ денегъ „колико могъ“. Въ „Тайнѣ противунелѣпаго общества“ пародируются правила масонскихъ ложъ. Здѣсь представляется „пересмотръ новопосвящаемымъ масонскихъ тетрадей“. Послѣдняго подводятъ къ начальнику ложи, который, указывая на корзину съ тетрадями, приказываетъ ему вынимать одну тетрадь за другою и прочитывать ихъ заглавія. Принимаемый членъ беретъ одну тетрадь и читаетъ: „Орвіентатъ“. „Что вы объ этомъ думаете?“ спрашиваетъ начальникъ.—„Это такая нелѣпость,—отвѣчаетъ онъ,— которую надо бросить“. „Ну, такъ бросьте же ее,—говоритъ начальникъ, указывая на каминъ,—и возьмите другую“. Послѣ пересмотра всѣхъ масонскихъ тетрадей, заключавшихся въ корзинѣ, принимаемому члену объясняются эмблемы противонелѣпаго общества. Эти эмблемы: 1) вѣникъ, орудіе, какимъ исправляютъ дѣтей. „Сіе орудіе,—говоритъ авторъ,—напоминаютъ новопринятому, что всѣ тѣ, кои, не слѣдуя по стезямъ здраваго разсудка, совращаютъ его съ пути прямого разума, подобны дѣтямъ. 2) Родъ широкой и длинной простыни для качанія, посрединѣ которой написано № 1-й non plus ultra (предѣлъ, его же на прейдеши). Сіе новопринятымъ напоминаетъ, что тотъ, кто дозволяетъ себя тѣлеснымъ или душевнымъ образомъ качать, подаетъ худое мнѣніе о своемъ благоразуміи. 3) Ротъ зѣвающій. Сіе значитъ, что та же сказка, а особливо если она нелѣпа, скучна и безъ вкуса, конечно, произведетъ зѣвоту“. Наконецъ излагается краткій катихизисъ общества, состоящій въ нѣсколькихъ вопросахъ начальника и отвѣтахъ принимаемаго члена. В. „Въ какую игру дѣти съ завязанными глазами играютъ?“—О. „Въ жмурки“. В. „Надобно ли имѣть завязанные глаза или помраченное зрѣніе, чтобы видѣть яснѣе дневное и ночное свѣтило, или чтобы пріобрѣсти какое человѣческое знаніе?“ О.—„Какъ для одного, такъ и для другого нѣтъ ничего лишняго ни въ самихъ глазахъ, ни въ разумѣніи человѣческомъ“.—Подъ дѣтьми, играющими въ жмурки съ завязанными глазами, разумѣются масоны. „Они раздѣляются на большихъ и малыхъ дѣтей. Малыя дѣти—тѣ, которыхъ обманываютъ, большія дѣти— тѣ, которыя безпрестанно обманываютъ другихъ, многократно сами

въ обманъ вдаются. Чтеніе масоновъ похоже на сказки кормилицы о домовыхъ дѣдушкахъ, кикиморахъ и химерахъ, привидѣніяхъ и изступленіяхъ, а всѣ масонскіе обряды, „необычайныя и странныя тѣлодвиженія“ походятъ на обезьянство“.

Такимъ образомъ, какъ видимъ, комизмъ въ указанныхъ пьесахъ является чисто внѣшнимъ. Императрица или не хочетъ понять или дѣйствительно не понимаетъ серьезной стороны въ масонствѣ и только грубо высмѣиваетъ нѣкоторыя его внѣшне-отрицательныя стороны, не замѣчая, что онѣ заслоняются очень хорошими стремленіями къ благу человѣчества, или же она (можетъ-быть, и намѣренно) смѣшиваетъ его съ грубымъ шарлатанствомъ.

Наконецъ виднымъ средствомъ пропаганды просвѣтительныхъ идей послужили для Екатерины журнальныя статьи, помѣщавшіяся во „Всякой Всячинѣ“ (изданіе статсъ-секретаря Козицкаго, подъ руководствомъ императрицы) и въ „Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова“ (изданіе кн. Е. Р. Дашковой). „Всякая Всячина“ послужила образцомъ появившихся у насъ вскорѣ сатирическихъ журналовъ (издававшихся Новиковымъ, Чулковымъ и др.). Тонъ журнала— „улыбательный“, статьи представляли собой легкіе, веселые очерки и размышленія; все другое, какъ могущее вызвать скуку, исключалось. Въ „улыбательномъ“ духѣ писала и сама императрица. Ея статьи выходили подъ заглавіемъ „Были и небылицы“. „Мой дѣдушка,—говоритъ Екатерина въ „Быляхъ и небылицахъ“,—ничего такъ не любитъ, какъ смѣшить кого, и если не удастся ему возбудить смѣха, то онъ старается произвести, по крайней мѣрѣ, легкую улыбку, подобно какъ искусный врачъ производитъ испарину“... Въ содержаніи своихъ статей она избѣгала затрагивать отдѣльныя личности, старалась говорить о недостаткахъ отвлеченно. Она не хочетъ поглубже посмотрѣть на дѣло; она лишь слегка осмѣиваетъ недостатки жизни общественной.

Библіографія:

Сочиненія имп. Екатерины II, изд. Ак. Наукъ, подъ редакціей А. Н. Пыпина, 12 томовъ. СПБ. 1901—1907.

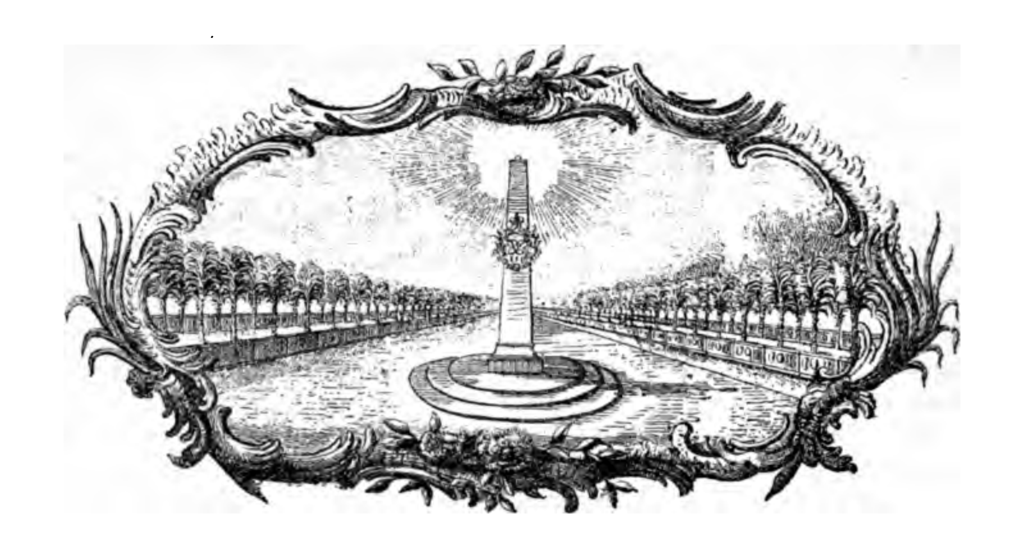
Бильбасовъ. Дидро въ Петербургѣ. СПБ. 1884.

Наказъ, изд. Пантелѣева, СПБ. 1893.

Каллашъ. Что сдѣлала Екатерина II для русскаго народнаго просвѣщенія. М. 1899.

Аѳанасьевъ. Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774. М. 1859.

Пекарскій. Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II (Зап. Ак. Наукъ, т. III, 1863).



ГЛАВА XIX.

Н. И. Новиковъ.

Среди журналистовъ Екатерининскаго времени, пропагандировавшихъ новыя идеи, самое видное мѣсто принадлежитъ Новикову. Онъ происходилъ изъ дворянъ Московской губерніи, родился въ 1744 г. въ селѣ Тихвинскомъ, Бронницкаго уѣзда. Образованіе Новиковъ получилъ въ московской университетской гимназій, гдѣ, впрочемъ, учился неусердно и по малоуспѣшности въ иностранныхъ языкахъ долженъ былъ оставить гимназію до окончанія курса. Недостатки училищнаго образованія Новиковъ старался потомъ восполнить самообразованіемъ, чтеніемъ книгъ и знакомствомъ съ образованными людьми. Со временемъ онъ становится передовымъ человѣкомъ, обладающимъ познаніями и образованностію едва ли не большею, чѣмъ другіе получали путемъ систематическаго обученія. Особенно его вниманіе привлекаютъ русская исторія и литература. Ему удалось сблизиться съ московскими профессорами; это сближеніе становится еще тѣснѣе, когда онъ сталъ увлекаться масонствомъ и познакомился съ профессоромъ Шварцемъ.

Выйдя изъ гимназіи, Новиковъ поступилъ на службу въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ и вскорѣ былъ прикомандированъ къ комиссіи для составленія проекта новаго уложенія. Здѣсь онъ, въ качествѣ секретаря, въ теченіе двухъ лѣтъ (1767—1768 гг.) велъ протоколы засѣданій. Для его будущей литературной дѣятельности эти занятія имѣли большое значеніе: въ комиссіи онъ сталкивался съ выборными отъ всей Россіи, и это давало ему возможность познакомиться съ отдѣльными частями государства, узнать объ ихъ потребностяхъ, недостаткахъ и тѣмъ самымъ приготовиться къ своей будущей журнальной работѣ. По выходѣ изъ комиссіи онъ покидаетъ и военную службу и посвящаетъ себя литературной дѣятельности: онъ

начинаетъ издавать журналъ „Трутень" въ 1769 г. „Трутень" первоначально отличался прямотой и смѣлостью; его сатира не была „улыбательной", какъ сатира Екатерины; она била смѣло и увѣренно, не въ общихъ намекахъ расплывалась, а часто направлена была на опредѣленныя лица; личная сатира, по мнѣнію Новикова, необходима. Противъ такого направленія возстала „Всякая всячина", и Новиковъ долженъ былъ стать осторожнѣй. Его „Трутень" начинаетъ мало-помалу ослаблять тонъ своей сатиры.

Останавливался „Трутень" больше всего на вопросѣ о просвѣщеніи. Онъ упрекаетъ русскихъ людей за то, что они отказались отъ своего прошлаго и сдѣлались слѣпыми подражателями французовъ, что старое добро они промѣняли на новое зло. Это не значитъ, что западное просвѣщеніе худо. Новиковъ отлично понимаетъ превосходство Запада, уважаетъ западное просвѣщеніе: онъ только возстаетъ противъ внѣшняго безсознательнаго заимствованія. Далеко не все, конечно, и въ старой Россіи было хорошо, мы много зла унаслѣдовали отъ нея, и Новиковъ останавливается на этихъ темныхъ родныхъ сторонахъ русской жизни. Онъ видитъ невѣжество русскихъ, ихъ суевѣріе, нравственную грубость, дикость. Онъ видитъ злоупотребленія, которыя возникаютъ какъ въ общественныхъ, такъ и въ личныхъ ихъ отношеніяхъ. Злоупотребляютъ своей властью администраторы, злоупотребляютъ помѣщики; послѣдніе не считаютъ крестьянъ за людей и всячески издѣваются надъ ними.

Тѣхъ же вопросовъ касается Новиковъ и во второмъ своемъ журналѣ „Живописецъ", издававшемся въ 1772 и 1773 гг. Здѣсь онъ повторяетъ свое сожалѣніе, что мы забыли свои добрыя начала и принялись слѣпо подражать Западу, но подражать не тому, чему дѣйствительно бы слѣдовало, напр., наукамъ и искусствамъ, а тому, къ чему вовсе не подобаетъ стремиться—внѣшности и мелочамъ лишнимъ и ненужнымъ. Съ „Живописцемъ" повторилась прежняя исторія. Сначала тонъ его сатиры былъ рѣзокъ и задѣвалъ личности, но затѣмъ постепенно ослабѣлъ. Подъ конецъ существованія журнала сатира совершенно исчезла изъ него. Появились оды, сентиментальныя пасторали, которыя были первыми признаками зарожденія сентиментализма въ Россіи. Въ 1774 г. Новиковъ началъ издавать третій журналъ „Кошелекъ"; въ немъ онъ преслѣдуетъ прежнія цѣли, рисуя русскіе пороки и недостатки. Этотъ журналъ по силѣ своей сатиры и по своей художественности гораздо ниже двухъ первыхъ.

Прекращеніемъ изданія „Кошелька" закончился первый періодъ сатирической дѣятельности Новикова, когда онъ хотѣлъ влiять на общество отрицательнымъ путемъ,—путемъ сатиры. Главной своей цѣлью Новиковъ ставилъ распространеніе просвѣщенія, которое должно уничтожить темныя стороны русской жизни. Но онъ увидѣлъ, что сатира не всегда достигаетъ своей цѣли, не всегда оказывается дѣйствительной. Часто она вызываетъ только протесты, противодѣй-

ствіе, но не исправленіе. И вотъ Новиковъ приходитъ къ убѣжденію, что лучше дѣйствовать положительнымъ путемъ,—путемъ выясненія необходимости и значенія просвѣщенія. Нужно распространять полезныя знанія, знакомить русскихъ съ ихъ историческимъ прошлымъ, разъяснять имъ настоящее, знакомить съ русской литературой. Къ такимъ выводамъ пришелъ Новиковъ во время издательства своихъ сатирическихъ журналовъ. Онъ начинаетъ печатать „Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ", въ которомъ были собраны извѣстія о русскихъ писателяхъ „изъ разныхъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ и словесныхъ преданій". Въ 1773 г. онъ принимается за изданіе еще болѣе замѣчательнаго труда, именно „Древней Россійской Вивліоѳики". Въ составъ этого труда вошло описаніе россійскихъ посольствъ въ другія государства, свадебныхъ обрядовъ и разныхъ историческихъ и географическихъ достопримѣчательностей, рѣдкія грамоты и многія сочиненія писателей древняго періода. Многое изъ этого матеріала было переиздано, но многое еще не имѣло случая быть перепечатаннымъ и извѣстно намъ только изъ „Вивліоѳики". Всякому изслѣдователю приходится до сихъ поръ пользоваться этимъ пособіемъ — изданіемъ „Вивліоѳики". Новиковъ разсчитывалъ возбуждать при ея помощи любовь къ Россіи и распространять полезныя идеи. Онъ самъ говоритъ, что цѣлью изданія было „начертаніе нравовъ и обычаевъ нашихъ предковъ, чтобы мы познали великость духа ихъ, украшеннаго простотою". „Полезно знать нравы, обычаи и обряды древнихъ чужеземныхъ народовъ, но гораздо полезнѣе имѣть свѣдѣнія о своихъ прародителяхъ; похвально любить и отдавать справедливость достоинствамъ иностранныхъ, но стыдно презирать и своихъ соотечественниковъ, а еще паче гнушаться оными".

Кромѣ „Вивліоѳики" въ первый же годъ изданія вышла старинная книга „Древняя россійская гидрографія", содержащая описаніе „Московскаго государствъ рѣкъ, озеръ, протоковъ, кладязей, и какіе на нихъ городы и урочища и на какомъ оныя разстояніи". Сочиненіе это было издано, какъ памятникъ старины и какъ матеріалъ для изученія древней русской исторіи, а „паче всего для обличенія несправедливаго мнѣнія тѣхъ людей, которые думали и писали, что до времени Петра Великаго Россія не имѣла никакихъ книгъ, окромѣ церковныхъ, да и то будто только служебныхъ". Послѣ „Идрографіи" Новиковъ издалъ „Исторію о невинномъ заточеніи ближняго боярина, Артамона Сергіевича Матвѣева". „Скиѳскую исторію стольника Андрея Лызлова" и „Повѣствователь древностей Россійскихъ". Всего было издано около 20 томовъ.

Въ 1779 г. Новиковъ переселился въ Москву. Дѣятельность его получаетъ еще болѣе широкій и филантропическій характеръ, чѣмъ въ Петербургѣ, и это было слѣдствіемъ его сближенія съ масонами. Съ масонствомъ Новиковъ познакомился еще раньше въ 1775 г., когда, по его собственнымъ словамъ, онъ находился на распутіи

между вольтеріанствомъ и религіей и не имѣлъ точки опоры или краеугольнаго камня, на которомъ онъ могъ бы основать свое душевное спокойствіе. Сначала Новиковъ вступилъ въ англійское масонство, не связывая себя никакими обязательствами, но вскорѣ потомъ перешелъ въ ложу барона Рейхеля, гдѣ все вниманіе было обращено на самопознаніе и нравственное усовершенствованіе. Масонство привлекало Новикова еще и своимъ политическимъ характеромъ, обрядамъ же и символамъ масонства онъ не придавалъ особенно большого значенія: онъ искалъ въ масонствѣ внутренняго усовершенствованія и разрѣшенія общественныхъ вопросовъ. Истиннымъ масономъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова сдѣлался Новиковъ послѣ своего знакомства съ Ив. Егор. Шварцемъ. „Въ одно утро,—говоритъ Новиковъ,—пришелъ ко мнѣ нѣмчикъ, съ которымъ я, поговоря, сдѣлался во всю жизнь, до самой его смерти, неразлучнымъ; этотъ нѣмчикъ былъ И. Е. Шварцъ". Въ виду такого вліянія послѣдняго на Новикова не лишне будетъ на немъ нѣсколько остановиться.

Свѣдѣнія о Шварцѣ мы можемъ почерпнуть изъ словаря *Шевырева* и изъ статьи *Аванасьева* „Н. И. Новиковъ", помѣщенной въ Библіографическихъ Запискахъ" (1858 г. 6-я книга). Въ 1776 г. Шварцъ пріѣхалъ въ Москву съ педагогическими цѣлями. Воспитанный на родинѣ на сочиненіяхъ Бема, онъ привезъ съ собой и увлеченіе мистицизмомъ. Научившись русскому языку, онъ такъ ревностно началъ заботиться объ образованіи молодыхъ людей, что скоро возбудилъ къ себѣ сочувствіе и благодарность всего московскаго общества. „Все это исполнило меня райскими ощущеніями, говоритъ онъ въ своей автобіографической запискѣ: я желалъ выразить благодарность свою народу столь благородному, столь жаждущему науки. Я приходилъ въ негодованіе, видя, что недостойные своекорыстные иностранцы обманываютъ многихъ благородныхъ отцовъ и матерей, которые горячо желаютъ дѣтямъ добра, но не имѣютъ настолько образованія, чтобы знать, какъ слѣдуетъ приняться за дѣло. Потому я рѣшился устроить общество, которое бы устранило это зло, т.-е. 1) по возможности распространяло бы въ публикѣ правила воспитанія; 2) поддерживало бы типографское предпріятіе Новикова переводомъ и изданіемъ полезныхъ книгъ и 3) старалось бы или привлекать въ Россію иностранцевъ, которые были бы способны давать воспитаніе, или, что еще лучше, воспитывать на свой счетъ учителей изъ русскихъ".

Такое общество и удалось устроить ему вмѣстѣ съ Новиковымъ, о литературной дѣятельности котораго Шварцъ давно слыхалъ и патріотическими просвѣтительными идеями котораго самъ увлекался. Въ свою очередь и Новиковъ, познакомившись со Шварцемъ, проникся высокими просвѣтительными идеями послѣдняго. Оба они начинаютъ стремиться къ образованію народа на религіозно-нравственныхъ началахъ и къ улучшенію его матеріальнаго благосостоянія путемъ

благотворительности. Открытіе школъ для распространенія грамотности въ народѣ, изданіе книгъ, устройство типографіи, подготовка учителей съ командированіемъ ихъ для усовершенствованія въ наукахъ за границу, устройство больницъ, аптекъ, — вотъ тѣ задачи, которыя ставили себѣ Новиковъ и Шварцъ и которыя они начали приводить въ исполненіе со времени переѣзда Новикова въ Москву. Въ 1779 г. Новиковъ беретъ въ аренду на 10 лѣтъ университетскую типографію, и здѣсь печатается много книгъ, преимущественно религіозно-мистическаго и нравственнаго содержанія; издаются также учебники. Книги изъ типографіи разсылаются по различнымъ учебнымъ заведеніямъ, больше всего по духовнымъ семинаріямъ. Всѣхъ книгъ было разослано больше, чѣмъ на 3.000 руб. Затѣмъ Новиковъ открылъ нѣсколько книжныхъ лавокъ не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ—въ Ярославлѣ, Смоленскѣ, Вологдѣ, Твери, Казани, Тулѣ, Глуховѣ, Кіевѣ и др., а въ Москвѣ, кромѣ того, основалъ первую публичную библіотеку, гдѣ бѣдные люди могли читать книги безплатно; такія библіотеки онъ основалъ также и въ провинціи. Вообще дѣятельность Новикова въ первые три года изумительна. За это время онъ выпустилъ изъ типографіи столько книгъ, сколько не вышло въ 24 года ея прежняго существованія. Вмѣстѣ съ университетской типографіей Новиковъ взялъ на себя и изданіе „Московскихъ Вѣдомостей“; онъ такъ поднялъ эту газету, что число подписчиковъ съ 600 возрасло до 4.000. Этому подъему способствовало, между прочимъ, и то, что вмѣстѣ съ „Вѣдомостями“ Новиковъ издавалъ и первый дѣтскій журналъ, имѣвшій у насъ большое вліяніе—„Дѣтское Чтеніе“, выходившій съ 1783 по 1789 г.

Между тѣмъ Шварцъ дѣйствовалъ на педагогическомъ поприщѣ. Преподавая нѣмецкій языкъ, онъ знакомилъ студентовъ съ лучшими произведеніями нѣмецкой литературы. Въ 1779 г. при Московскомъ университетѣ была основана „педагогическая семинарія“, предназначенная для приготовленія преподавателей и профессоровъ, и ея директоромъ былъ назначенъ Шварцъ. Семинарія, благодаря матеріальной поддержкѣ частныхъ лицъ (Демидовъ пожертвовалъ 20.000, самъ Шварцъ—5.000 руб.) и усердію Шварца, работала съ успѣхомъ. Въ это же время Шварцъ первый начинаетъ читать публичныя лекціи; у себя на дому онъ устраивалъ „для людей всякаго рода и званія“ чтенія о трехъ родахъ познанія: любопытномъ, пріятномъ и полезномъ. „Любопытнымъ познаніемъ здѣсь,—говоритъ онъ въ началѣ своего курса,—названо такое, которое питаетъ намъ разумъ, но не есть необходимо для пользы вѣчной, будущей жизни или спокойствія духа. Любопытное познаніе заставляетъ насъ познавать, напр., отъ чего громъ? что такое воздухъ? какимъ образомъ земля производитъ растенія? и прочее сему подобное. Познаніе пріятное есть живопись, стихотворство, музыка и т. д. Оно удовлетворяетъ нашъ слухъ, наше зрѣніе и воображеніемъ питаетъ нашъ разумъ. Познаніе полезное есть необходимое для человѣка. Оно научаетъ насъ истин-

ной любви, молитвѣ и стремленію духа къ высшимъ понятіямъ. Къ симъ-то послѣднимъ познаніямъ человѣкъ стремиться долженъ для своего блага: ибо онъ въ сей жизни только путешественникъ, а въ будущей гражданинъ". Эта программа лекцій Шварца показываетъ, что общій строй его міросозерцанія былъ религіозно-мистическій или масонскій. Знаніе у него должно подчиняться вѣрѣ, но онъ признаетъ и самостоятельное знаніе,—науку, хотя это знаніе и не можетъ создать блаженства и замѣнить полезнаго познанія. Какъ человѣкъ, истинно религіозный, Шварцъ возмущался скептическимъ и матеріалистическимъ ученіемъ энциклопедистовъ и всѣми силами старался противодѣйствовать этому ученію и мѣшать его распространенію среди русскихъ людей. Въ противовѣсъ матеріалистическому направленію онъ старался натолкнуть русскихъ на путь религіозно-нравственнаго образованія; въ такомъ направленіи онъ велъ свое преподаваніе въ университетѣ, а также читалъ публичныя лекціи. Преподаваніе Шварца имѣло большое значеніе; изъ его школы вышло не мало ученыхъ людей и общественныхъ дѣятелей, работавшихъ въ Екатерининскую и Александровскую эпохи.

Такого же направленія, какъ и Шварцъ, держался Новиковъ. Въ своихъ новыхъ журналахъ—„Московское изданіе" (1781 г.), „Вечерняя заря" (1782 г.) и „Покоющійся Трудолюбецъ" (1784 г.) онъ поддерживалъ Шварца и старался проводить просвѣтительныя идеи положительнымъ путемъ. Понятно, что такая высокая, самоотверженная дѣятельность не могла остаться незамѣченной. Вокругъ Новикова и Шварца образуется кружокъ, въ числѣ членовъ котораго было много богатыхъ людей, жертвовавшихъ значительныя суммы для просвѣтительныхъ и благотворительныхъ цѣлей. Изъ этого кружка въ 1782 году образовалось „Дружеское ученое общество", открытое съ разрѣшенія правительства и взятое подъ покровительство московскаго главнокомандующаго графа Чернышева и митрополита Платона. Общество быстро увеличивалось и считало въ числѣ своихъ членовъ наиболѣе просвѣщенныхъ и даровитыхъ людей, каковы были: И. В. Лопухинъ, Гамалѣя, И. П. Тургеневъ, Херасковъ, Чулковъ, Майковъ, князья Трубецкіе и др. Задача общества та же, что и Новикова и Шварца, съ которыми мы уже знакомы, но разница въ томъ, что общество разрабатываетъ эту задачу въ деталяхъ. Дѣятельность общества носила масонскій характеръ. Черезъ два года „Дружеское ученое общество" было преобразовано въ „Типографическую компанію". Цѣли и задачи „Компаніи" остались прежними, только дѣятельность ея, вытекавшая и прежде изъ масонскихъ началъ, теперь получила еще болѣе масонскій характеръ.

Желая противодѣйствовать энциклопедическому направленію, общество издаетъ почти исключительно религіозно-мистическія произведенія и распространяетъ ихъ по удешевленнымъ цѣнамъ. Одинъ изъ членовъ общества, Невзоровъ, говоритъ объ этомъ времени: „Цѣлое море душеспасительныхъ книгъ было противопоставлено

адской водѣ вольнодумческихъ и безбожныхъ сочиненій". Такой строго-масонскій характеръ общество начало пріобрѣтать еще съ 1782 г., когда въ Россіи появилась новая система масонства въ формѣ такъ называемаго розенкрейцерства, занесенная въ Россію Шварцемъ послѣ его поѣздки за границу.

Въ 1784 году Шварцъ умеръ. Во главѣ общества остался одинъ Новиковъ, и оно получило названіе Новиковскаго. Со времени преобразованія общества въ „Типографическую компанію" въ обществѣ началось усиленное развитіе филантропической дѣятельности. Средства для нея доставляли богатые и вліятельные члены, изъ которыхъ одинъ — московскій купецъ Г. М. Походяшинъ — подъ вліяніемъ рѣчи Новикова по поводу голода въ Москвѣ въ 1787 г., отдалъ обществу свое милліонное состояніе. Другіе также жертвовали очень много, напр., Лопухинъ, князь Рѣпнинъ и др.

Несмотря на такую благотворную дѣятельность, Новиковъ и его общество во многихъ возбуждали неудовольствіе и вскорѣ подверглись преслѣдованію правительства, которое начало съ того, что запретило нѣкоторыя статьи и не позволило Новикову продолжать аренду университетской типографіи и изданіе „Московскихъ Вѣдомостей", когда въ 1789 году истекъ срокъ 10-лѣтняго контракта. Запрещая возобновить контрактъ, Екатерина писала: „Новикову не отдавать типографіи: c'est un fanatique". Въ другомъ мѣстѣ она отозвалась о немъ, какъ о человѣкѣ умномъ, но опасномъ.

При такомъ положеніи „Типографическая компанія" не могла существовать и въ 1791 г. закрылась. За закрытіемъ „компаніи" послѣдовало вскорѣ и совершенное уничтоженіе и всего Новиковскаго общества. Объ этомъ уничтоженіи Лопухинъ такъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ: „Наконецъ въ апрѣлѣ 1792 г. рѣшилось много разъ предпринимаемое пораженіе нашего общества. Вдругъ всѣ книжныя лавки въ Москвѣ запечатали, такъ же типографію, книжные магазины Новикова и домы его наполнили солдатами, и онъ изъ подмосковной взятъ былъ подъ тайную стражу съ крайними предосторожностями и съ такими воинскими нарядами, какъ будто на волоскѣ тутъ висѣла цѣлость всей Москвы". Нѣкоторое время, около 3-хъ недѣль, Новиковъ содержался въ Москвѣ, а потомъ былъ отвезенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и пробылъ 4 года. Вмѣстѣ съ Новиковымъ были арестованы и другіе; И. П. Тургеневъ и князь Н. И. Трубецкой были сосланы въ деревню, а Лопухинъ остался въ Москвѣ только „ради дряхлаго и больного своего отца".

По смерти Екатерины II императоръ Павелъ въ первый же день своего царствованія освободилъ Новикова. Выйдя изъ крѣпости, Новиковъ прожилъ не долго; здоровье его было расшатано. Но до конца своей жизни онъ сохранилъ бодрость духа и остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ. „Помните, — говорилъ онъ одному изъ своихъ знакомыхъ незадолго до кончины:—всѣ науки сходятся въ религіи; лишь въ ней одной разрѣшаются ихъ важнѣйшія проблемы! Безъ

нея никогда не доучитесь, а притомъ и не будете спокойны". Умеръ Н. И. Новиковъ 31 іюля 1798 года.

Такова была судьба одного изъ лучшихъ людей просвѣтительнаго вѣка Екатерины, больше всѣхъ заботившагося объ истинномъ просвѣщеніи русскаго народа. Одни дѣлятъ дѣятельность Новикова на три, другіе на два періода. Это дѣленіе можетъ быть основано только на характерѣ тѣхъ средствъ, путемъ которыхъ Новиковъ преслѣдовалъ свою постоянную и неизмѣнную цѣль—просвѣщеніе русскаго народа; дѣйствительно, при одной цѣли средства просвѣщенія у него были различны. Сначала онъ прибѣгалъ къ отрицательной борьбѣ съ невѣжествомъ, пользуясь сатирой, но затѣмъ онъ покинулъ этотъ отрицательный методъ и перешелъ къ положительному, а къ концу своей дѣятельности у него явился синтезъ первыхъ двухъ пріемовъ, и онъ прибѣгалъ какъ къ сатирѣ, такъ и къ положительному воздѣйствію на читателей и на общество. Но всегда и вездѣ онъ оставался вѣрнымъ борцомъ за просвѣщеніе.

Библіографія:

Журналы Новикова переизданы Ефремовымъ. „Трутень". СПБ. 1865 и „Живописецъ". СПБ. 1864. Кромѣ того, „Трутень", „Живописецъ" и Кошелекъ" изданы въ „Дешевой Библіотекѣ" А. С. Суворина.

Незеленовъ, Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ. 1769—1785 гг. СПБ. 1875.

Лонгиновъ. Новиковъ и Московскіе мартинисты. М. 1867.

Незеленовъ. Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху. СПБ. 1889.

В. Якушкинъ. Н. И. Новиковъ (въ сборникѣ „Починъ". М. 1895).

ГЛАВА XX.

Д. И. Фонвизинъ.

Слыша съ высоты престола проповѣдь освободительныхъ и просвѣтительныхъ идей, русское общество выдвинуло въ Екатерининскую эпоху цѣлый рядъ ревностныхъ защитниковъ просвѣщенія. Эта защита была, какъ мы видѣли, дѣломъ Новикова, ей же были посвящены многочисленные журналы начала царствованія Екатерины, и она же стала предметомъ заботъ многихъ писателей этой эпохи. Одни изъ нихъ исключительно пользовались сатирой, другіе прибѣгали къ восхваленію дѣлъ государыни. Среди писателей перваго рода самое видное мѣсто занималъ Д. И. Фонвизинъ *).

Родился Фонвизинъ въ Москвѣ 3 апрѣля 1745 г.; происходилъ изъ лифляндскаго рыцарскаго рода, выѣхавшаго въ Москву еще въ XVI вѣкѣ и совершенно обрусевшаго. Первоначальное образованіе Фонвизинъ получилъ подъ руководствомъ своего отца, который, какъ вспоминаетъ Фонвизинъ въ „Чистосердечномъ Признаніи", „былъ человѣкъ большого здраваго разсудка, но не имѣлъ случая, по тогдашнему образу воспитанія, просвѣтить себя ученіемъ", однако былъ довольно начитанъ, преимущественно въ сочиненіяхъ нравоучительнаго характера. Представляя своего отца человѣкомъ стараго времени, отличающимся такими достоинствами, какихъ не имѣется въ „нынѣшнемъ обращеніи свѣта", Фонвизинъ даетъ возможность указать прототипъ для созданнаго имъ Стародума: тѣ сентенціи личной и общественной морали, которыя влагаются имъ въ уста Стародума, заключались, можетъ-быть, уже въ наставленіяхъ отца, возбуждавшаго въ Фонвизинѣ любовь къ

*) Фамилія Фонвизина писалась въ XVIII вѣкѣ въ два слова; это же правописаніе сохранялось до половины XIX вѣка; окончательно установлено правописаніе въ одно слово Тихонравовымъ, хотя уже Пушкинъ находилъ это начертаніе правильнымъ, какъ придающее болѣе русскій характеръ фамиліи писателя, который былъ, по выраженію Пушкина, „изъ перерусскихъ русскій".

старой русской жизни. Несмотря на „безмѣрныя попеченія“, объемъ домашняго образованія былъ не особенно великъ, такъ какъ средства не позволяли отцу Фонвизина „нанимать учителей иностранныхъ языковъ“: дома онъ усвоилъ элементы русской грамотности, а чтеніе церковныхъ книгъ, будучи однимъ изъ важныхъ средствъ религіоз-

Денисъ Ивановичъ Фонвизинъ.

(Оригиналъ масльн. краск. неизвѣстнаго автора въ Публичной Библіотекѣ).

наго воспитанія, вмѣстѣ съ тѣмъ дало Фонвизину знакомство со славянскимъ языкомъ, „безъ чего россійскаго языка знать невозможно“. Въ 1755 г. Фонвизинъ поступилъ въ только что открытую гимназію при Московскомъ университетѣ, въ 1760 г. былъ „произведенъ въ студенты“, но пробылъ въ университетѣ всего два года. Хотя и очень чувствовались недостатки этихъ юныхъ просвѣтительныхъ учрежденій, хотя преподаваніе было весьма слабо, хотя юноши отличались „пьянствомъ и нерадѣніемъ“, тѣмъ не менѣе Фонвизинъ

много вынесъ изъ годовъ своего ученія: не говоря уже о знаніи французскаго и нѣмецкаго языковъ, открывшемъ ему непосредственный доступъ къ европейскимъ литературамъ, школа дала Фонвизину извѣстную умственную дисциплину, благодаря которой онъ выдѣляется изъ современныхъ ему литераторовъ не только талантомъ, но и систематичностью образованія. На школьной скамьѣ, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ профессоровъ, начинаются и литературныя занятія Фонвизина: въ 1761 г. онъ помѣстилъ въ журналѣ Хераскова „Полезное Увеселеніе" переводную статейку „Правосудный Юпитеръ" и отдѣльно напечаталъ переводъ басенъ Гольберга. Въ слѣдующемъ году онъ издалъ переводъ нравоучительнаго сочинененія Террасона: „Геройская добродѣтель или жизнь Сиѳа, царя египетскаго, изъ таинственныхъ свидѣтельствъ древняго Египта взятая", и напечаталъ нѣсколько переводовъ въ изданіи проф. Рейхеля: „Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствій". Къ этому же времени относятся не дошедшія до насъ оригинальныя произведенія Фонвизина, въ которыхъ выразилось его стремленіе къ сатирѣ. „Острыя слова мои,—вспоминаетъ Фонвизинъ, — носились по Москвѣ; а какъ они были для многихъ язвительны, то обиженные оглашали меня злымъ и опаснымъ мальчишкою; всѣ же тѣ, коихъ острыя слова мои лишь только забавляли, прославили меня любезнымъ и въ обществѣ пріятнымъ". Несмотря на этотъ успѣхъ, Фонвизинъ отзывается о своихъ первыхъ произведеніяхъ очень строго, говоря, что это „были острыя ругательства: много было въ нихъ сатирической соли, но разсудка, такъ сказать, ни капли". Къ годамъ ученія относится и зарожденіе въ Фонвизинѣ любви къ театру: во время поѣздки гимназистовъ въ Петербургъ для представленія куратору Шувалову, Фонвизинъ былъ въ одномъ спектаклѣ, и впечатлѣніе вынесъ сильное. „Дѣйствія, произведеннаго во мнѣ театромъ,—разсказываетъ онъ,— почти описать невозможно: комедію, видѣнную мною, довольно глупую, считалъ я прозведеніемъ величайшаго разума, а актеровъ—великими людьми, коихъ знакомство, думалъ я, составило бы мое благополучіе". Въ 1762 г. ученіе Фонвизина въ университетѣ прекращается; онъ опредѣляется сержантомъ гвардіи, хотя эта служба его совсѣмъ не интересуетъ и онъ отъ нея уклоняется, насколько возможно. Въ это время въ Москву пріѣзжаетъ дворъ, и вице-канцлеръ опредѣляетъ Фонвизина въ коллегію иностранныхъ дѣлъ „переводчикомъ капитанъ - поручичья чина", а въ слѣдующемъ году Фонвизинъ назначенъ „быть для нѣкоторыхъ дѣлъ" при кабинетъ - министрѣ у принятія челобитенъ, И. П. Елагинѣ, который съ 1766 г. получаетъ въ свое завѣдываніе театры. Назначеніемъ этимъ Фонвизинъ, можетъ-быть, былъ обязанъ „грѣху юности"—переводу Вольтеровой „Альзиры", который начатъ былъ имъ еще въ университетѣ. Елагинъ очень былъ расположенъ къ своему молодому подчиненному, но служба была для Фонвизина тяжела вслѣдствіе непріятностей съ

секретаремъ Елагина, драматургомъ Лукинымъ, старавшимся вооружать противъ Фонвизина кабинетъ-министра. Въ первое же время пребыванія въ Петербургѣ Фонвизинъ сблизился съ кн. Козловскимъ и нѣкоторыми другими молодыми литераторами. Объ этомъ кружкѣ онъ впослѣдствіи не могъ „безъ ужаса вспомнить", такъ какъ „лучшее препровожденіе времени состояло въ богохуліи и кощунствѣ". Это направленіе не прошло безслѣдно для Фонвизина: онъ увлекся моднымъ вообще въ то время скептицизмомъ, отголоскомъ чего является „Посланіе къ слугамъ моимъ—Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ", напечатанное въ первый разъ въ ежемѣсячномъ изданіи

Иванъ Перфильевичъ
Елагинъ.

„Пустомеля" въ 1770 г. Однако увлеченіе идеями кружка кн. Козловскаго не могло быть для Фонвизина особенно продолжительнымъ, такъ какъ религіозная основа домашняго воспитанія была въ немъ сильна и онъ „содрогался, слыша ругательство безбожниковъ". Къ этому періоду жизни Фонвизина относятся нѣкоторыя его стихотворенія и новые переводы, изъ которыхъ особенный успѣхъ имѣли переводы поэмы Битобе „Іосифъ", а также повѣсти Бартелеми „Любовь Хариты и Полидора" (1763). Въ это же время появляется первый опытъ Фонвизина въ области драмы: въ 1764 г. была представлена его комедія „Коріонъ", передѣланная изъ французской комедіи Грессе „Сидней". Это произведеніе важно не только для развитія таланта Фонвизина, какъ переходъ отъ переводовъ къ „Бригадиру"

и „Недорослю“, но въ немъ можно видѣть и прогрессъ вообще русской литературы. „Примѣненіе иностранныхъ комедій къ нашимъ нравамъ,—говоритъ Н. С. Тихонравовъ,—было уже шагомъ впередъ отъ простыхъ переводовъ къ произведеніямъ болѣе оригинальнымъ“. Правда, оригинальность пьесы выразилась только въ немногихъ внѣшнихъ чертахъ, такъ какъ и сюжетъ, и структура, и главные типы комедіи цѣликомъ заимствованы. Однако „Коріонъ“, судя по современнымъ свидѣтельствамъ, понравился публикѣ. Успѣхъ ободрилъ автора, и вѣроятно, уже въ 1768 г. былъ написанъ „Бригадиръ“, представляющій собой значительный прогрессъ въ примѣненіи чужихъ произведеній къ русскому быту. Несмотря на заимствованіе главнаго дѣйствующаго лица, знаменитаго Иванушки, изъ комедіи датскаго писателя Гольберга „Jean de France“, несмотря на нѣкоторыя другія черты подражанія, „Бригадиръ“ есть одно изъ важнѣйшихъ явленій нашей литературы. Если въ „Коріонѣ“ черты русскаго быта едва были намѣчены, то въ „Бригадирѣ“ онѣ выдвигались на первый планъ, такъ что заимствованіе могло почти совсѣмъ оставаться незамѣченнымъ. Типы петиметра и щеголихи, выставленные въ лицѣ Иванушки и совѣтницы, въ достаточной мѣрѣ были знакомы уже изъ русской дѣйствительности, особенно изъ наблюденій надъ столичной жизнью, въ чемъ могутъ лучшимъ подтвержденіемъ служить для насъ статьи сатирическихъ журналовъ того времени. Еще болѣе оригинальными, выросшими на русской почвѣ, являются типы совѣтника, бригадира и бригадирши. Немудрено поэтому, что „Бригадиръ“ произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе на тогдашнюю публику: Н. И. Панинъ отозвался о немъ, какъ о „первой комедіи въ нашихъ нравахъ“; Фонвизина сравнивали съ Мольеромъ, комедія его не сходила со сцены. Въ 1769 г., вслѣдствіе новыхъ столкновеній съ Лукинымъ, Фонвизинъ былъ принужденъ оставить службу при Елагинѣ и опредѣлился опять въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, къ гр. Н. И. Панину. Какъ секретарь Панина, онъ положительно былъ заваленъ работой: ему поручена обширнѣйшая переписка съ нашими дипломатами при европейскихъ дворахъ; подъ руководствомъ своего начальника онъ составляетъ крайне любопытный проектъ государственныхъ реформъ, по которому предполагалось предоставить верховному сенату законодательную власть, обезпечить „два главнѣйшіе пункта блага государства и народовъ: вольность и собственность“, для чего нужно освободить крестьянъ. Въ этомъ проектѣ обращаетъ на себя вниманіе характеристика господства временщиковъ: „вчерашній капралъ, неизвѣстно кто, и стыдно сказать, за что, становится сегодня полководцемъ и принимаетъ начальство надъ заслуженнымъ и ранами покрытымъ офицеромъ“, „никто не намѣренъ заслуживать, всякой ищетъ выслуживать“. Замѣчательно также обличеніе крѣпостного права. „Представьте себѣ государство,—говоритъ Фонвизинъ,—гдѣ люди составляютъ собственность людей, гдѣ человѣкъ одного состоянія имѣетъ право быть вмѣстѣ истцомъ

Факсимиле собственноручной рукописи Д. И. Фонвизина.

и судьею надъ человѣкомъ другого состоянія, гдѣ каждый слѣдственно можетъ быть или тиранъ или жертва". Упоминаетъ Фонвизинъ и о необходимости уничтожить невѣжество, на которое опирается рабство. Рядомъ съ офиціальными порученіями Фонвизину приходится много работать и по различнымъ частнымъ дѣламъ гр. Панина. Служба при Панинѣ продолжалась до 1783 г., когда Фонвизинъ вышелъ въ отставку съ чиномъ статскаго совѣтника и съ пенсіей въ 3.000 р. Литературная дѣятельность Фонвизина за этотъ періодъ его жизни не могла быть особенна велика, такъ какъ для нея не хватало досуга; тѣмъ не менѣе, именно въ это время, можетъ быть, вслѣдствіе постоянныхъ впечатлѣній, которыя испытывались въ центрѣ общественныхъ и политическихъ интересовъ эпохи, появились важнѣйшія въ литературномъ и общественномъ отношеніяхъ произведенія Фонвизина. Это были статьи въ „Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова": „Опытъ россійскаго сословника". „Вопросы автору былей и небылицъ", „Челобитная россійской Минервѣ отъ россійскихъ писателей", „Поученіе, говоренное въ Духовъ день іереемъ Василіемъ" и комедія „Недоросль", представленная въ первый разъ въ 1782 году. „Челобитная россійской Минервѣ" имѣетъ значеніе, какъ защита правъ литературы противъ разныхъ ея враговъ, отрицающихъ пригодность писателей „къ дѣламъ".

„Вопросы" были написаны Фонвизинымъ, вѣроятно, вслѣдствіе вызова на критику, съ какимъ редакція „Собесѣдника" обратилась къ публикѣ въ самомъ началѣ его изданія. „Вопросы" отличаются смѣлостью или, по выраженію Екатерины, „свободоязычіемъ" и вызвали въ императрицѣ большое неудовольствіе. Какъ извѣстно, въ „Быляхъ и небылицахъ" часто выводится дѣдушка, устами котораго Екатерина высказываетъ свои мысли. Фонвизинъ ставитъ ему нѣсколько вопросовъ, касающихся современныхъ явленій въ жизни государственной и общественной. И мы видимъ, что вопросы эти часто сердятъ дѣдушку, который отвѣчаетъ на нихъ съ явнымъ неудовольствіемъ. Онъ осуждаетъ даже самую наклонность возражать и задавать вопросы, которыхъ, по его словамъ, въ старину не любили дѣлать, „ибо съ оными и мысленно соединены были непріятныя обстоятельства, и каждый, поджавъ хвостъ, отъ оныхъ бѣгалъ". Нѣкоторые вопросы по существу не нравятся Екатеринѣ. Напр., на вопросъ (15-й): „Отъ чего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а ныньче имѣютъ и весьма большіе?" Екатерина отвѣчаетъ устами дѣдушки: „Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли. NB. Сей вопросъ родился отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли; буде же бы и имѣли, то начли бы на нынѣшняго одного десять прежде бывшихъ". Наиболѣе интересными представляются слѣдующіе вопросы: вопр. 5-й „Отъ чего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжбъ своихъ и рѣшеній правительства? Отв. Для того, что вольныхъ типографій до 1782 года не было".

Вопр. 14-й. „Имѣя монархиню честнаго человѣка, что бы мѣшало взять всеобщимъ правиломъ: удостоиваться ея милостей одними честными дѣлами, а не отваживаться проискивать ихъ обманомъ и коварствомъ? Отв. Для того, что вездѣ, во всякой землѣ, и во всякое время родъ человѣческій совершеннымъ не родится“. Вопр. 19-й. „Отъ чего у насъ начинаются дѣла съ великимъ жаромъ и пылкостью, потомъ же отставляются, а нерѣдко и совсѣмъ забываются? Отв. По той же причинѣ, по которой человѣкъ старѣется“. Чтобы утишить негодованіе императрицы, Фонвизинъ долженъ былъ написать „Объясненіе“, въ которомъ, признавая себя виновнымъ, онъ говоритъ, что, ставя вопросы, имѣлъ доброе намѣреніе, но не умѣлъ его выполнить, „не могъ внятно поставить вопросы и дать имъ приличный оборотъ. Это принуждаетъ меня,—прибавляетъ онъ,—заготовленные еще вопросы отмѣнить не столько для того, чтобы невиннымъ образомъ не быть обвиняемымъ въ свободоязычіи, ибо у у меня совѣсть спокойна, сколько для того, чтобы не дать повода другимъ къ дерзкому свободоязычію, котораго всею душою ненавижу“. Но, отказываясь отъ вопросовъ на будущее время, онъ позволяетъ себѣ выразить государынѣ, съ надеждою на лучшее будущее, благодарность за отвѣтъ на 5-й вопросъ: „Отъ чего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжбъ своихъ и рѣшеній правительства?“. „Отвѣтъ вашъ,—говоритъ онъ,—подаетъ надежду, что размноженіе типографій послужитъ не только къ распространенію знаній человѣческихъ, но и подкрѣпленію правосудія... Способомъ печатанія тяжбъ и рѣшеній гласъ обиженнаго достигнетъ во всѣ концы отечества. Многіе постыдятся дѣлать то, что дѣлать не страшатся. Всякое дѣло, содержащее въ судьбу имѣнія, чести и жизни гражданина, купно съ рѣшеніемъ судившихъ, можетъ быть извѣстно всей безпристрастной публикѣ; воздастся достойная хвала праведнымъ судьямъ; возгнушаются честныя сердца неправдою судей безсовѣстныхъ и алчныхъ“.

При составленіи „Опыта россійскаго сословника“ Фонвизинъ руководствовался французскимъ словаремъ Жирара (Dictionnaire universel des synonymes de la langue française). Объясненія словъ очень умныя и точныя и указываютъ большею частью на настоящій смыслъ слова. Нѣкоторыя объясненія представляютъ собой хотя краткія, но довольно мѣткія литературныя характеристики разныхъ свойствъ, достоинствъ и недостатковъ людей, какъ, напр., объясненія словъ: „добродѣтельный и честный, лѣнивый и праздный, ханжа, пустосвятъ и суевѣръ“ и т. д.

Идея составленія „Всеобщей придворной грамматики“ была не новостью. Подобный трудъ мы видимъ въ „Истолкованіи личныхъ мѣстоименій“ Сумарокова. Въ „Грамматикѣ“, къ сожалѣнію, далеко не оконченной, много веселости и остроумія, много характернаго, но есть также преувеличенія, доходящія до карикатуры

Въ предисловіи къ „Поученію въ Духовъ день“ Фонвизинъ говоритъ, что онъ хотѣлъ въ немъ указать образчикъ того, какъ сель-

скіе священники должны учить простой народъ. Поученіе, дѣйствительно, отличается простотою, которая должна составлять существенную принадлежность сельской проповѣди; но эта простота, къ сожалѣнію, доходитъ до шутовства, которое противно важности церковной проповѣди и лишаетъ ее серьезнаго значенія. Авторъ опустилъ изъ вниманія различіе между театральной сценой и проповѣдью, и написалъ не проповѣдь противъ пьянства, а въ формѣ проповѣди комическую сцену, изображающую, какъ крестьяне упиваются въ праздники. Какъ комическая картинка, поученіе очень характерно, хотя мѣстами каррикатурно.

Самымъ важнымъ произведеніемъ Фонвизина изъ этой поры является „Недоросль". „Недоросль", какъ и „Бригадиръ", занимаетъ первое мѣсто въ сатирической литературѣ Екатерининскаго времени, боровшейся за просвѣщеніе. По своей оригинальности „Недоросль" значительно выше „Бригадира": заимствованія проявляются въ нѣкоторыхъ незначительныхъ частностяхъ, напр., въ знаменитой фразѣ г-жи Простаковой о томъ, что географія не нужна, такъ какъ есть извозчики и т. п. Типы семей Простаковыхъ и Скотининыхъ несомнѣнно русскіе, унаслѣдованные отъ стараго времени и сохраняющіе въ неприкосновенности свои исконныя черты невѣжества и грубости. Правда, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ типовъ есть слѣды каррикатуры, но въ общемъ они необычайно жизненны, а этимъ объясняется какъ успѣхъ комедіи въ свое время, такъ и тотъ интересъ, который она до извѣстной степени возбуждаетъ и теперь. Для эпохи Фонвизина и лично для автора большое значеніе имѣли и скучныя для насъ рѣчи резонеровъ, въ особенности Стародума, въ уста котораго Фонвизинъ влагалъ выраженіе своего идеала гуманности и просвѣщенія.

За время службы при гр. Панинѣ Фонвизинъ совершилъ съ больной женой (рожд. Роговиковой) первое путешествіе за границу (1777—1778 г.), побывалъ въ Германіи и во Франціи. Второе путешествіе было предпринято въ Германію и Италію (въ послѣдней Фонвизины провели 8 мѣсяцевъ) въ 1784 г.; черезъ два года уже самому Фонвизину пришлось ѣхать лѣчиться отъ послѣдствій паралича въ Вѣну и Карлсбадъ. Послѣдніе годы жизни вообще прошли для Фонвизина въ тяжелой обстановкѣ: разстроилось окончательно здоровье, а вмѣстѣ съ тѣмъ пошатнулось и его матеріальное благосостояніе, вслѣдствіе разныхъ тяжбъ съ арендаторами.

Литературная дѣятельность Фонвизина почти совсѣмъ прекращается, если не считать литературными произведеніями его письма изъ-за границы. Они не предназначались для печати и были опубликованы уже въ XIX вѣкѣ, но представляютъ выдающійся интересъ, какъ сужденіе умнаго наблюдателя тогдашней европейской жизни. Отзывы Фонвизина о европейцахъ далеко не всегда справедливы и часто крайне рѣзки (какъ, напримѣръ, знаменитая фраза: „французъ разсудка не имѣетъ и имѣть его

почелъ бы за величайшее для себя несчастіе"). Но это пристрастіе, объясняемое отчасти личными мотивами, болѣзнью, непріятностями путешествія, не уничтожаетъ значенія нѣкоторыхъ замѣтокъ Фонвизина: въ нихъ виденъ самостоятельный, критически-мыслящій человѣкъ, и въ этомъ отношеніи письма Фонвизина слѣдуетъ поставить значительно выше „Писемъ русскаго путешественника" Карамзина. Въ 1792 г. Фонвизинъ умеръ и похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ. Въ своей литературно-общественной дѣятельности Фонвизинъ выступаетъ какъ честный, убѣжденный прогрессистъ, какъ поклоникъ просвѣщенія и лучшаго общественнаго устройства, не измѣняющій до конца тѣмъ освободительнымъ взглядамъ, которые господствовали въ началѣ Екатерининскаго царствованія, несмотря на то, что эти взгляды въ позднѣйшее время уже не пользуются покровительствомъ и сочувствіемъ правящихъ сферъ. Онъ чуждъ оппортунизма, которымъ отличались многіе тогдашніе литераторы, смотрѣвшіе очень легко на свою профессію, такъ какъ онъ видитъ въ ней службу обществу. Какъ образованный человѣкъ и самостоятельный умъ, онъ критически относится къ наблюдаемымъ явленіямъ, провидя впереди идеалъ лучшей жизни.

Библіографія:

Первое полное собраніе сочиненій Д. И. Фонъ-Визина. М. 1888.

Тихонравовъ. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Д. И. Фонвизина. СПБ. 1894.

Кн. Вяземскій. Фонъ-Визинъ. СПБ. 1848.

Ждановъ. Фонвизинъ (въ „Рус. Біогр. Словарѣ".)

ГЛАВА XX.

Г. Р. Державинъ.

Если отношенія Екатерины къ Фонвизину сильно измѣнились подъ вліяніемъ перемѣны въ ея политикѣ, то другой изъ корифеевъ литературы ея времени, Г. Р. Державинъ, сумѣлъ прочно сохранить благоволеніе императрицы, оставшись навсегда ея вѣрнымъ хвалителемъ. Сперва его приводили въ восхищеніе преобразовательные замыслы Екатерины, и онъ восхвалялъ ея либерализмъ, а потомъ его увлекаетъ внѣшній блескъ громкихъ побѣдъ „Екатерининскихъ орловъ". Онъ справедливо думалъ, что часть его собственной славы была отраженіемъ славныхъ дѣлъ Екатерины; однако слѣдуетъ сказать, что „безсмертенъ" онъ сталъ и своимъ большимъ поэтическимъ талантомъ.

Державинъ называетъ себя потомкомъ татарскаго мурзы Багрима, который переселился въ Россію въ XV вѣкѣ. Уже въ половинѣ XVII столѣтія Державины, получившіе фамилію отъ внука Багрима, Держи, являются владѣльцами имѣній въ Казанской области. Родился Гавріилъ Романовичъ въ 1743 г. въ Кармачахъ, верстахъ въ 40 отъ Казани. Читать онъ выучился на пятомъ году отроду. Въ дѣтствѣ Державину пришлось странствовать по различнымъ мѣстностямъ, гдѣ служилъ его отецъ. Систематическое ученіе, если такъ можно назвать преподаваніе въ пансіонѣ Розе, началось въ Оренбургѣ. Розе напоминаетъ собой Фонвизинскаго Вральмана; это былъ жестокій, необразованный и развратный, вдобавокъ, человѣкъ, заставлявшій своихъ учениковъ зазубривать вокабулы. Изъ его пансіона Державинъ вынесъ, впрочемъ, умѣнье говорить и писать по-нѣмецки. Здѣсь же у него развивается и любовь къ рисованію, которая впослѣдствіи обратила на него вниманіе учителей въ гимназіи и выдвинула его впередъ.

По смерти отца сосѣди по имѣнію затѣяли съ матерью Гавріила Романовича тяжбу изъ-за имѣнія, и послѣдняя принуждена была перенести много непріятностей и униженій. Вспоминаніе объ этомъ вѣроятно, отразилось въ одѣ „Вельможа":

А тамъ вдова стоитъ въ сѣняхъ
И горьки слезы проливаетъ,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ,
Покрова твоего желаетъ!

Чтобы подготовить къ экзамену, который былъ необходимъ для всѣхъ дворянъ, для обученія математикѣ мать пригласила къ Державину сначала „гарнизоннаго школьника Лебедева, а затѣмъ штыкъ-юнкера Полетаева", но оба они были сами слабы въ этой наукѣ. Въ это время—въ 1759 г., была открыта въ Казани первая гимназія, и Державинъ поступилъ въ нее. О преподаваніи въ гимназіи онъ отзывается худо: „Насъ учили вѣрѣ безъ катехизиса, языкамъ — безъ грамматики, числамъ и измѣренію безъ доказательствъ, музыкѣ—безъ нотъ и т. п." Здѣсь онъ продолжаетъ изученіе нѣмецкаго языка, и это даетъ ему возможность познакомиться въ подлинникѣ съ сочиненіями Геллерта, Гердера, Клопштока и др. Его успѣхи въ рисованіи также принесли ему пользу, особенно когда въ Казань пріѣхалъ осматривать гимназію кураторъ Шуваловъ. Въ гимназіи же Державинъ познакомился съ русскими писателями: Ломоносовымъ, Сумароковымъ, Тредьяковскимъ, и началъ свои первые литературные опыты сочиненіемъ стиховъ. Въ 1762 году онъ былъ вызванъ на службу въ Преображенскій полкъ.

Въ Петербургѣ, во время службы въ Преображенскомъ полку начинается литературная дѣятельность Державина. Сначала онъ, по его признанію, хотѣлъ подобно Ломоносову „парить" въ своихъ произведеніяхъ. Но первые опыты, написанные высокопарнымъ тономъ, значительно ниже по своимъ достоинствамъ, чѣмъ послѣдующіе. Такого высокаго слога, какимъ писалъ Ломоносовъ, не могъ выдержать Державинъ, и въ началѣ 80-хъ годовъ онъ выступаетъ на новый путь: рядомъ съ напыщеннымъ тономъ онъ вводитъ въ свои произведенія тонъ сатирическій. Послѣднее объясняется вліяніемъ на него того настроенія, которое было господствующимъ въ современной ему литературѣ. Мы уже говорили о сатирическихъ журналахъ и о двухъ теченіяхъ, выразившихся въ направленіи этихъ журналовъ,—„улыбательномъ", которое исходило отъ императрицы Екатерины и другомъ теченіи, выразителемъ котораго былъ Новиковъ и его послѣдователи, и которое шло часто вразрѣзъ съ мнѣніемъ Екатерины. Къ „улыбательному" теченію примкнулъ и Державинъ. Правда, его сатиры не всегда имѣютъ мирный характеръ; нѣкоторыя изъ нихъ направлены на опредѣленныя личности и переполнены рѣзкими выраженіями по ихъ адресу; однако общій колоритъ ихъ одинаковъ съ сатирами Екатерины.

Такой „улыбательной" сатирой слѣдуетъ считать знаменитую его оду „Фелицу". Къ ней вполнѣ подходитъ отзывъ, который далъ о своей поэзіи самъ Державинъ въ подражаніи „Памятнику" Горація.

„...Первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить".

Въ этой одѣ онъ, дѣйствительно, возгласилъ о добродѣтеляхъ Фелицы и съ улыбкой высказалъ истины, касавшіяся лицъ, окружавшихъ императрицу. Онъ воспѣваетъ дѣятельность и жизнь Ека-

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЯ

СОЧИНЕНІЯ

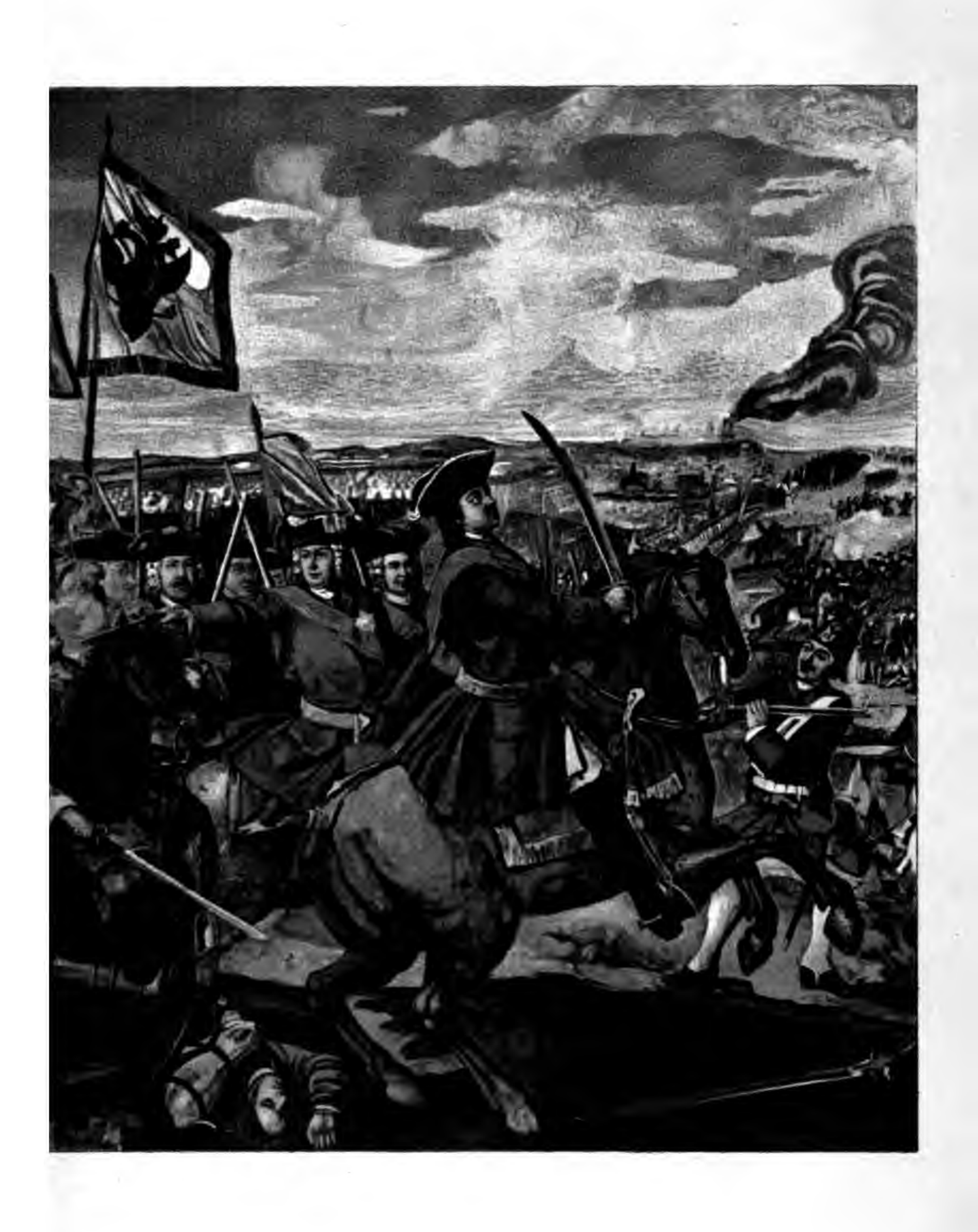
КЪ ПОЛЬЗѢ И УВЕСЕЛЕНІЮ

служащія.

Генварь, 1755 года.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ.

терины, превозноситъ ее за ея достоинства: она проста, не отдается веселью и покою, подобно придворнымъ вельможамъ; напротивъ, „изъ своего пера блаженство смертнымъ проливаетъ“; она пишетъ, законодательствуетъ. Поэтъ особенно въ высокую заслугу ставитъ



ей ея литературные труды и, конечно, прежде всего, Наказъ". Касаясь государственной дѣятельности, онъ хвалитъ Фелицу за гуманное отношеніе къ подданнымъ: она дозволяетъ свободно высказывать истину, не преслѣдуетъ за многія политическія преступленія, уважаетъ въ подданномъ человѣческое достоинство и т. д.; она изгнала придворное шутовство:

„Князья насѣдками не клохчутъ,
Любимцы вьявь имъ не хохочутъ
И сажей не мараютъ рожъ.
Ты вѣдаешь, Фелица, правы
И человѣковъ и царей:
Когда ты просвѣщаешь нравы,
Ты не дурачишь такъ людей..."

Есть много положительныхъ сторонъ въ дѣятельности императрицы: она вводитъ много полезныхъ нововведеній, покровительствуетъ торговлѣ, земледѣлію, заботится о бѣдныхъ и униженныхъ, распространяетъ въ странѣ просвѣщеніе. Въ этихъ похвалахъ иногда нельзя не замѣтить гиперболизма, но, съ другой стороны, нельзя сказать того, чтобы Державинъ старался льстить императрицѣ, какъ въ этомъ обвиняли его нѣкоторые, въ томъ числѣ даже сама Екатерина, сомнѣвавшаяся въ искренности его восторговъ. Поэтъ далъ удовлетворительный отвѣтъ на эти обвиненія. Дѣйствительно, по отношенію къ Екатеринѣ онъ былъ совершенно искрененъ и отъ полноты сердца привѣтствовалъ ея благія начинанія.

Но далеко нельзя сказать, чтобы поэтъ былъ искрененъ, когда онъ касался въ своихъ одахъ современныхъ вельможъ — Потемкина, Нарышкина, Вяземскаго, Орлова и др. Потемкинъ въ изображеніи Державина является человѣкомъ, который живетъ среди роскоши; онъ своенравенъ, непостояненъ, строитъ несбыточные планы, съ заботами о государственныхъ дѣлахъ мѣшаетъ заботы о кафтанѣ и т. д. Въ нѣкоторыхъ чертахъ эта характеристика, дѣйствительно, вѣрна, но поэтъ не совсѣмъ правъ въ своихъ словахъ о несбыточныхъ мечтаніяхъ вельможи. Есть оды, спеціально посвященныя личности Потемкина („Водопадъ", „Рѣшемыслу", „Праздникъ въ Таврическомъ дворцѣ"), гдѣ Державинъ представляетъ его совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ: восхваляетъ его за его достоинства и замѣтно стремится польстить сильному человѣку. Нарышкинъ выставляется человѣкомъ, увлекающимся роговой музыкой. Смѣшенъ и Вяземскій, который проводитъ время дома съ женой за игрой въ свайку, за чтеніемъ глупыхъ романовъ. Здѣсь имѣемъ дѣло опять съ пристрастнымъ отзывомъ, который былъ вызванъ, можетъ-быть, непріязненными отношеніями поэта къ своему начальнику, кн. Вяземскому. Вообще эти сатирическіе очерки вельможъ, если и имѣютъ безспорныя художественныя достоинства, зато со стороны фактической не могутъ быть признаны справедливыми. Насколько Державинъ чистосердеченъ въ своихъ

похвалахъ императрицѣ, настолько неискрененъ по отношенію къ вельможамъ: онъ то смѣется надъ ними, то льститъ имъ.

Пѣвцомъ Фелицы Державинъ выступаетъ и въ слѣдующей одѣ, посвященной Екатеринѣ же, въ „Видѣніи мурзы", гдѣ онъ защищаетъ себя отъ обвиненій въ лести.

Ода начинается художественной картиной сѣверной ночи, среди которой ему является видѣніе въ образѣ женщины. Она говоритъ, что

„Когда поэзія не сумасбродство,
Но вышній даръ боговъ, тогда
Сей даръ боговъ лишь къ чести
И къ поученью ихъ путей
Быть долженъ обращенъ, не къ лести
И тлѣнной похвалѣ людей".

Поэтъ, оправдываясь, отвѣчаетъ съ искренностью, что „товаровъ сердца онъ не продаетъ и не кроитъ императрицѣ нарядовъ изъ чужихъ амбаровъ". И дѣйствительно, Державинъ былъ поэтомъ, преданнымъ Екатеринѣ; онъ говоритъ о себѣ, что „пѣлъ, поетъ и будетъ ее пѣть", и въ этомъ ея прославленіи полагаетъ собственную славу:

„Тобой безсмертенъ буду самъ".

Мы упоминали, что среди сатиръ Державина есть такія, въ которыхъ на ряду съ „улыбательнымъ" тономъ чередуется тонъ рѣзкообличительный. Къ этой категоріи должна быть отнесена прежде всего знаменитая ода-сатира „Вельможа", гдѣ дѣйствительно изображается роскошный, изнѣженный вельможа—„второй Сарданапалъ". Поэтъ рисуетъ картину возмутительнаго эгоизма и деспотизма вельможи. Въ то время, какъ онъ еще спитъ, въ передней ждетъ его толпа несчастныхъ людей, которые всячески унижаются передъ нимъ:

„. . . . . . израненный герой,
Какъ лунь во браняхъ посѣдѣвшій,
Начальникъ прежде бывшій твой,
Въ переднюю къ тебѣ пришедшій
Принять по службѣ твой приказъ,
Межъ челядью твоей златою,
Поникнувъ лавровой главою,
Сидитъ и ждетъ тебя ужъ часъ!

А тамъ—вдова стоитъ въ сѣняхъ
И горьки слезы проливаетъ,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ
Покрова твоего желаетъ:
За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга;
Въ тебѣ его знавъ прежде друга,
Пришла мольбу свою принесть.

А тамъ—на лѣстничный восходъ
Прибрелъ на костыляхъ согбенный,
Безстрашный, старый воинъ тотъ,
Тремя медальми украшенный,
Котораго въ бою рука
Избавила тебя отъ смерти:
Онъ хочетъ руку ту простерти
Для хлѣба отъ тебя куска.
А тамъ, гдѣ жирный песъ лежитъ,
Гордится вратникъ галунами,—
Заимодавцевъ полкъ стоитъ,
Къ тебѣ пришедшихъ за долгами.
Проснися, сибаритъ!—ты спишь,
Иль только въ сладкой нѣгѣ дремлешь;
Несчастныхъ голосу не внемлешь"...

Державинъ обращается ко всѣмъ вельможамъ и учитъ ихъ, что блескъ, который окружаетъ ихъ, не можетъ служить ихъ украшеніемъ, каковымъ могутъ быть только отсутствующіе у нихъ добродѣтели и таланты:

„Калигула! твой конь въ сенатѣ
Не могъ сіять, сіяя въ златѣ:
Сіяютъ добрыя дѣла.
Оселъ останется осломъ,
Хотя осыпь его звѣздами;
Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаетъ ушами".

Вообще въ этой одѣ Державинъ коснулся существенныхъ недостатковъ современнаго ему изнѣженнаго барства, пренебрежительно относившагося къ людямъ обыкновеннымъ, а тѣмъ болѣе къ людямъ униженнымъ и оскорбленнымъ.

Въ 1782 г. Державинъ выступаетъ, какъ поэтъ религіозный и пишетъ знаменитую оду „Богъ", стяжавшую автору необычайную славу. Эта ода примыкаетъ къ весьма распространенной въ XVIII вѣкѣ торжественной религіозной лирикѣ: въ Германіи эта лирика представлена была Клопштокомъ, а у насъ ея первымъ представителемъ былъ Ломоносовъ, по стопамъ котораго пошелъ и пѣвецъ Фелицы. Ода „Богъ" торжественна, возвышенна. Впечатлѣніе, произведенное ею на современниковъ, было необыкновенно сильно, и нельзя не сказать, что восторгъ современниковъ Державина далеко не былъ лишенъ основанія: въ одѣ дѣйствительно имѣются вдохновенныя строфы, въ которыхъ ярко проявляется поэтическая красота. Правда, въ одѣ есть холодныя риторическія мѣста, хотя бы, напримѣръ, самое начало, представляющее собой стихотворный перифразъ катехизиса, никакого поэтическаго значенія не имѣющій:

О ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества!

Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ—Богъ!"

Но, несмотря на эти прозаизмы, въ одѣ Державина есть искренній восторгъ, который въ дальнѣйшемъ ея изложеніи становится все болѣе и болѣе замѣтнымъ. Сильное лирическое волненіе сказывается особенно ярко въ томъ мѣстѣ, гдѣ поэтъ затрогиваетъ волновавшій современное общество вопросъ объ отношеніи Бога къ человѣку. Человѣкъ неизмѣримо малъ предъ Богомъ; его умъ и воображеніе безсильны постигнуть Творца:

„Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ,
Въ Твоемъ величьи исчезаетъ
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ".

Умъ человѣка можетъ постигнуть многое: „измѣрить океанъ глубокій, сочесть пески, лучи планетъ", но для Бога нѣтъ ни числа, ни мѣры. Но если человѣкъ—ничтожество въ сравненіи съ Богомъ, зато самъ по себѣ и по отношенію къ окружающему міру онъ составляетъ крупную величину. Богъ отражается въ немъ „величествомъ Своихъ добротъ"; человѣкъ имѣетъ душу, вслѣдствіе чего онъ соединяетъ въ себѣ два міра—горній и земной:

Я—связь міровъ повсюду сущихъ,
Я—крайня степень вещества,
Я—средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества.
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я—царь, я—рабъ, я—червь, я—богъ!"

Эта двойственность натуры человѣка свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ—созданіе Божіе. Въ данномъ мѣстѣ мы встрѣчаемся съ мыслью Декарта, который училъ итти къ признанію бытія Божія отъ непосредственнаго убѣжденія человѣка въ собственномъ бытіи („cogito, ergo sum"). Если человѣкъ существуетъ и онъ такъ великъ, то онъ только Богу обязанъ своимъ существованіемъ, за это онъ долженъ славословить и благодарить Творца и благодарность къ Нему долженъ выражать въ томъ, чтобы непрестанно нравственно совершенствоваться съ цѣлью приближенія къ Богу.

Въ этой одѣ мы видимъ торжественный и вмѣстѣ оптимистическій тонъ. Но какъ сынъ своего вѣка, и Державинъ не разъ переживалъ моменты пессимизма, который вылился и въ нѣкоторыхъ его одахъ. Въ этомъ отношеніи характерной представляется ода „На смерть князя Мещерскаго". Мещерскій,—типичный представитель окружаю-

щаго поэта общества, „сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ"—и вдругъ его не стало; всѣми испытывается ужасъ при мысли о томъ контрастѣ, который существуетъ между земнымъ, на самомъ дѣлѣ, мнимымъ блаженствомъ, и неизвѣстнымъ будущимъ. Каждый часъ мучительно напоминаетъ о приближающейся смерти:

„Глаголъ временъ! металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ;
Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ—и къ гробу приближаетъ".

Поэтъ видитъ, что стоитъ на краю бездны. Каждый изъ насъ, рождаясь въ этомъ мірѣ, уже „пріемлетъ смерть"; она—общій удѣлъ для всего существующаго.

„Безъ жалости все смерть разитъ:
И звѣзды сю сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ".

Однако для поэта есть исходъ изъ этого пессимистическаго настроенія; оно смягчается тѣми соображеніями, что жизнь есть небесный, хотя и мгновенный, даръ, которымъ человѣкъ можетъ воспользоваться во благо:

„Почто жъ терзаться и скорбѣть,
Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?
Жизнь есть Небесъ мгновенный даръ;
Устрой ее себѣ къ покою,
И съ чистою твоей душою
Благословляй судебъ ударъ".

Сопоставивъ эти слова съ другими въ той же одѣ:

„Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ,
Гдѣ жъ онъ?—Онъ тамъ. Гдѣ тамъ?—Не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!"

мы видимъ, что выходъ отъ мрачнаго настроенія у поэта скептически-матеріалистическій: будущая жизнь представляется чѣмъ-то сомнительнымъ; скептицизмъ заставляетъ отказываться отъ мысли искать утѣшенія въ сверхчувственномъ мірѣ и находитъ его здѣсь, на землѣ, въ покойной эпикурейской жизни.

Такимъ настроеніемъ проникнута и ода „Водопадъ", изображающая тотъ же контрастъ между великолѣпіемъ и пышностью жизни и жестокимъ концомъ ея: „великолѣпный князь Тавриды съ высоты честей внезапно палъ среди полей". Эта ода заключаетъ въ себѣ необыкновенно художественную картину водопада, которою она и начинается:

„Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четырьмя скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ“.

Такія картины не рѣдки въ произведеніяхъ Державина. Онѣ, а равнымъ образомъ воодушевленная его поэзія и смѣлая художественная сатира, даютъ право видѣть въ немъ присутствіе истиннаго поэтическаго таланта и признать за его дѣятельностью крупное значеніе въ исторіи нашей литературы.

Но взглядъ самого Державина на литературную свою дѣятельность и на поэзію вообще далеко не возвышенъ. Литературныя занятія въ его глазахъ не больше, какъ упражненія въ часы досуга. Бывали моменты, когда онъ находился подъ обаяніемъ творческаго вдохновенія, результатомъ чего являлись, дѣйствительно, высокія поэтическія созданія. Но иногда онъ брался писать и по заказу, писать, чтобы „позабавить“. Выраженіе низменнаго прозаическаго взгляда на поэзію находимъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ словахъ оды „Фелица“:

„Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ“.

Если бы поэтъ имѣлъ въ виду въ этихъ словахъ упражненія литературныя самой Екатерины, то такой отзывъ о поэзіи былъ бы вѣренъ, но вѣдь въ нихъ высказывается общее сужденіе, и что это дѣйствительно такъ и что поэтъ самъ смотритъ на свои произведенія, какъ на что-то неважное, видно изъ его посланія къ Храповицкому, гдѣ онъ не отказывается отъ того, что въ его поэзіи возможны лесть и мглистый ѳиміамъ. Въ томъ же посланіи онъ противополагаетъ свою поэтическую дѣятельность служебной, придавая послѣдней серьезное значеніе настоящаго дѣла:

„За слова меня пусть гложетъ,
За дѣла сатирикъ чтитъ“.

Въ служебной дѣятельности онъ дѣйствительно былъ безупреченъ: онъ участвовалъ въ комиссіи по усмиренію Пугачевскаго бунта и здѣсь проявилъ много энергіи и безукоризненной честности; такимъ же ревностнымъ дѣятелемъ былъ онъ, когда несъ обязанности губернатора въ Олонецкой и Тамбовской губерніяхъ, потомъ президента коммерцъ-коллегіи и, наконецъ, министра юстиціи при Александрѣ I. Всюду онъ отличался необыкновенной ревностью, смѣлой откровенностью, прямотой и неуклоннымъ стремленіемъ къ тому, что считалъ справедливымъ. Все это давало право на уваженіе къ его личнымъ

достоинствамъ даже со стороны такихъ радикальныхъ людей, какими были декабристы, закрывавшіе глаза подъ вліяніемъ этихъ достоинствъ на „мглистый ѳиміамъ“ въ его поэзіи. Приведенное упоминаніе Державина о словахъ и дѣлахъ поэта нашло себѣ авторитетную отрицательную отповѣдь у Пушкина, который въ опроверженіе сказалъ, что „слова поэта суть его дѣла“.

Но, говоря объ этой отрицательной сторонѣ въ дѣятельности поэта, мы не должны забывать, что этотъ взглядъ его на поэзію не одному только ему былъ свойственъ. Писать поэтическія произведенія по заказу было явленіемъ очень обычнымъ въ XVIII столѣтіи. Въ данномъ случаѣ не составлялъ исключенія даже Ломоносовъ, хотя и былъ человѣкомъ въ высшей степени искреннимъ: ему заказывали оды и стихотворенія на торжественные случаи и праздники, и онъ писалъ. Словомъ, никто въ то время не думалъ смотрѣть на литературу серьезно: въ ней видѣли одинъ изъ источниковъ наслажденія, и никому не приходила въ голову мысль о ея высокомъ общественномъ значеніи, когда она является выразительницею задушевныхъ идеальныхъ стремленій поэта.

Библіографія:

Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. К. Грота. 7 томовъ. СПБ. 1864—1873.

Гротъ. Жизнь Державина. СПБ. 1880.

Бѣлинскій. Сочиненія, т. VII.

Бриліанъ. Г. Р. Державинъ. СПБ. 1893.

Масловъ. Державинъ гражданинъ (въ журн. „Время“. 1861, № 10).

ГЛАВА XXI.

На порогѣ новаго вѣка. А. Н. Радищевъ.

Умственное движеніе второй половины Екатерининскаго царствованія характеризуется развитіемъ масонства и зарожденіемъ новаго литературнаго направленія, сентиментализма. Русское масонство этого времени, какъ мы указывали, связано съ дѣятельностью Н. И. Новикова и И. Е. Шварца и, при всѣхъ увлеченіяхъ мистицизмомъ, главною своею задачею ставило распространеніе въ Россіи просвѣщенія. Такимъ образомъ наши масоны, выступая въ роли противниковъ идей просвѣтительной философіи, въ сущности продолжали то же дѣло, которое начато было Екатериной въ первую половину ея царствованія и поддерживалось сильно развившеюся сатирической журналистикой. Особенно яснымъ становится такое положеніе русскаго масонства при разсмотрѣніи дѣятельности Новикова, который, какъ мы видѣли, всю свою жизнь отдалъ на борьбу за просвѣщеніе, при чемъ различіе намѣчаемыхъ изслѣдователями періодовъ его дѣятельности выражется почти исключительно въ выборѣ средствъ: если въ началѣ поприща онъ идетъ отрицательнымъ путемъ, пытается воздѣйствовать на русское общество при помощи обличенія, то въ слѣдующемъ періодѣ онъ избираетъ положительный путь, стремится къ распространенію знаній, которыя должны возродить русскую жизнь. Совершенно справедливо говоритъ Пыпинъ, что „основное стремленіе, которое у насъ дало успѣхъ масонству, и всего больше въ кружкѣ Новикова, было признакомъ возникавшаго общественнаго чувства, попыткой расширить привычный складъ мысли поисками хотя бы неяснаго идеала. Зачатки этого идеала находились именно въ старомъ англійскомъ масонствѣ. Оно развилось въ странѣ. переживавшей тяжелыя политическія и религіозныя потрясенія, въ странѣ, ранѣе континента завоевавшей себѣ извѣстную свободу мысли, и должно было служить высокому идеалу братскихъ отношеній между людьми, свободныхъ отъ тѣхъ преградъ, какія обыкновенно полагало ужъ различіе націи, религіи, сословнаго положенія. Правда, отрицаніе подобныхъ преградъ было теоретически неполно (изъ масонской связи отлучались люди несвободные, а также люди нехристіанскихъ исповѣданій), но и то, что было принято въ правило, было нравственнымъ пріобрѣтеніемъ для общества, слишкомъ dasдѣленнаго господствующими условіями гражданскаго быта и цер-

ковныхъ правъ. Обширный успѣхъ масонства на континентѣ показываетъ что оно вѣрно угадывало затаенную мысль общества, которое тяготилось феодальными преданіями, съ негодованіемъ смотрѣло

ПОЧТА

ДУХОВЪ,

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ,

или

Ученая, Нравственная, и Критическая переписка Арабскаго философа *Маликульмулька* съ водяными, воздушными и подземными Духами.

ЧАСТЬ I.

Печатано съ дозволенія указнаго

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 1789 ГОДА.

на ожесточенную вражду христіанскихъ исповѣданій и сектъ, забывавшихъ о самомъ христіанствѣ, и инстинктивно искало какихъ-то неизвѣстныхъ формъ жизни, въ которыхъ она была бы свободна отъ

этихъ вопіющихъ противорѣчій, и которыя дали бы, наконецъ, мѣсто нравственному чувству и человѣческому достоинству... Это былъ популярный опытъ примѣненія на дѣлѣ новыхъ понятій, бродившихъ въ обществѣ, и этимъ объясняется его первый успѣхъ". А понятія эти въ существѣ почти не отличались отъ тѣхъ идеаловъ свободнаго развитія человѣческой личности и новаго общественнаго строя, которые были недавно еще указаны просвѣтительной философіей; разница была въ метафизическихъ основаніяхъ матеріализма и сенсуализма, съ одной стороны, и спиритуализма и идеализма—съ другой; въ вопросахъ же этики личной и общественной русское масонство мало различалось отъ русскаго энциклопедизма, почему и подверглось очень скоро послѣ своего порожденія энергичному преслѣдованію правительственныхъ властей, видѣвшихъ въ его дѣятельности подрываніе основъ существующаго порядка: наши масоны и масонствующіе были одушевлены стремленіями освободительнаго характера, и то просвѣщеніе, которое было ихъ идеаломъ, не могло мириться съ господствовавшимъ произволомъ.

Тѣ же освободительныя, прогрессивныя черты были и въ русскомъ сентиментализмѣ, зарожденіе котораго мы тоже можемъ видѣть въ кружкѣ Новикова. Если еще въ „Трутнѣ" рядомъ съ сатирическими произведеніями мы находимъ чувствительную пѣсенку: „Не знала я, что пагубна любовь несчастныхъ мучитъ и терзаетъ", то нѣсколько позже связь этого кружка съ сентиментализмомъ не можетъ подвергаться сомнѣнію: однимъ изъ виднѣйшихъ участниковъ кружка является представитель нѣмецкаго Sturm und Drang Periode, поэтъ Ленцъ, знакомившій русскихъ писателей съ новыми европейскими литературными теченіями, а будущіе русскіе сентименталисты всѣ такъ или иначе находились подъ идейнымъ вліяніемъ Новикова, были его послѣдователями. Когда мы говоримъ о русскомъ сентиментализмѣ, мы не должны забывать, что было нѣсколько развѣтвленій этого литературнаго направленія, и они различались по степени близости ихъ къ европейскому литературному прототипу.

Европейскій сентиментализмъ былъ союзникомъ освободительныхъ стремленій западнаго общества: мѣщанская драма пропагандировала въ широкихъ кругахъ новыя идеи равенства, братства и свободы, то же дѣлалъ и сентиментальный романъ, отстаивавшій цѣнность человѣческой личности независимо отъ ея соціальнаго положенія. Общественное значеніе европейскаго сентиментализма опредѣляется хотя бы тѣмъ фактомъ, что многіе видные дѣятели французской революціи были сентименталистами, послѣдователями Руссо. Хотя нашъ русскій сентиментализмъ и былъ блѣдной копіей западнаго образца, но именно нѣкоторыя его развѣтвленія имѣли тотъ же яркій характеръ общественной проповѣди. Мы можемъ указать три направленія въ нашемъ сентиментализмѣ: первое связано съ именемъ Карамзина и скоро выродилось въ весьма притор-

ную чувствительность; второе было указано еще Н. С. Тихонравовымъ и проявилось въ средѣ воспитанниковъ благороднаго пансіона при Московскомъ университетѣ, давши начало впослѣдствіи романтизму Жуковскаго и его послѣдователей; наконецъ третье выразилось въ дѣятельности А. Н. Радищева. Если два первыхъ направленія *кажутся* въ общественномъ смыслѣ индиферентными, то послѣднее, несомнѣнно, было проповѣдью лучшихъ общественныхъ идеаловъ: въ немъ по существу мы находимъ связь просвѣтительныхъ стремленій начала Екатерининской эпохи съ новой литературной формой. Радищевъ представляетъ собою высшую точку, до которой дошло въ XVIII в. освободительно-просвѣтительное движеніе. Обратимся къ обзору его дѣятельности.

Сынъ саратовскаго помѣщика, Радищевъ родился въ 1749 г. Отецъ будущаго писателя былъ человѣкъ хорошо образованный, много читавшій и настолько гуманно относившійся къ крестьянамъ, что они сами защищали его во время пугачевщины. Весьма вѣроятно, что его вліяніе на образованіе убѣжденій сына было вполнѣ благопріятное. Домашнее воспитаніе и обученіе не были продолжительны, и Радищевъ былъ отвезенъ въ Москву, гдѣ бралъ уроки у лучшихъ тогдашнихъ учителей и профессоровъ недавно открытаго университета. Въ 1762 г. онъ былъ опредѣленъ въ Пажескій корпусъ, но пребываніе въ этомъ учебномъ заведеніи не могло ему принести никакой пользы, такъ какъ, по отзыву императрицы Екатерины, пажи росли невѣждами и шалунами. Черезъ четыре года Радищевъ вмѣстѣ съ 11 молодыми дворянами былъ посланъ въ Лейпцигскій университетъ, гдѣ пробылъ до 1771 года.

Несмотря на разныя неблагопріятныя условія заграничной жизни русскихъ молодыхъ людей, Радищевъ вынесъ изъ университетскаго преподаванія довольно обширный запасъ знаній и сумѣлъ себѣ выработать опредѣленное міросозерцаніе въ духѣ просвѣтительной философіи. Въ этомъ отношеніи особенно сильное вліяніе имѣлъ на него „вождь его юности“, его товарищъ, Ѳ. В. Ушаковъ, рано скончавшійся молодой человѣкъ, біографія котораго была предметомъ одной изъ первыхъ литературныхъ работъ Радищева. Вмѣстѣ съ этимъ другомъ Радищевъ изучалъ сочиненія извѣстнаго матеріалиста Гельвеція и демократа Мабли, который для него навсегда остался величайшимъ авторитетомъ въ области политическихъ вопросовъ. Къ этому же времени, вѣроятно, относится знакомство Радищева съ сочиненіями Руссо, Монтескье и съ сентиментальнымъ направленіемъ европейской литературы, которое отразилось впослѣдствіи на его собственныхъ произведеніяхъ. Заграничное пребываніе содѣйствовало укрѣпленію высокаго идеализма, или, по выраженію Радищева, „изящнаго ума“. Люди, отличающіеся такимъ умомъ, „укрѣпивъ природныя силы своя ученіемъ, устраняются отъ проложенныхъ путей и вдаются въ неизвѣстные и непроложенные. Дѣятельность есть знаменующая ихъ отличность, и въ нихъ-то сродное

человѣку безпокойствіе становится ясно: безпокойствіе произведшее все, что есть изящное, и все уродливое, касающееся обоюдно до предѣловъ даже невозможнаго и непонятнаго, возродившее вольность и рабство, веселіе и муку, не щадящее ни дружбы, ни любви, терпящее хладнокровно скорбь и кончину, покорившее стихіи, родившее мечтаніе и истину, адъ, рай, сатану, Бога".

Съ этимъ „безпокойствіемъ", съ этимъ „изящнымъ умомъ", Радищевъ, конечно, не могъ пойти тѣмъ „проложеннымъ путемъ", по которому двигались въ тѣ времена всѣ молодые дворяне, и это въ самомъ скоромъ времени должно было обнаружиться, какъ въ его службѣ, такъ въ особенности въ литературной дѣятельности. Вернувшись въ 1771 году въ Петербургъ, Радищевъ поступилъ на службу въ сенатъ протоколистомъ, черезъ два года онъ перешелъ на должность оберъ-аудитора при графѣ Брюссѣ; въ 1775 году онъ женился и вышелъ въ отставку, но опять черезъ 2 года поступилъ на службу въ коммерцъ-коллегію, а съ 1780 г. до своей ссылки служитъ въ петербургской таможнѣ сперва помощникомъ управляющаго, а подъ конецъ и управляющимъ.

Во время службы въ коммерцъ-коллегіи и въ таможнѣ онъ близко сошелся со своимъ начальникомъ, президентомъ коллегіи, гр. А. Р. Воронцовымъ, и въ этомъ случаѣ ярко проявился,—столь характерный для него и столь необычный для окружавшей его среды,—его идеализмъ, побудившій его стать на защиту праваго дѣла противъ властнаго мнѣнія самого начальства. „Въ коммерцъ-коллегіи (передаетъ этотъ эпизодъ В. Е. Якушкинъ) разсматривалось дѣло о пеньковыхъ браковщикахъ, несправедливо обвинявшихся въ упущеніяхъ по должности. Президентъ, вице-президентъ (Беклемишевъ) и всѣ члены признали обвиненіе справедливымъ. Только младшій членъ коллегіи, Радищевъ, не присоединился къ общему приговору. Онъ подалъ особое мнѣніе, совершенно несогласное съ вполнѣ опредѣленнымъ рѣшеніемъ президента. Беклемишевъ долго уговаривалъ Радищева отказаться отъ своего мнѣнія, не перечить президенту, указывая на то, какъ дерзко со стороны молодого человѣка, не имѣющаго никакихъ связей, возставать противъ мнѣнія могущественнаго начальника. Радищевъ не поддался этимъ доводамъ, прямо заявилъ, что онъ лучше готовъ подвергнуться гоненію и оставить службу, но ни за что не согласится подписать несправедливый приговоръ. Долго не рѣшались доложить Воронцову объ упорствѣ младшаго члена коллегіи, новичка въ дѣлахъ. Наконецъ Беклемишевъ доложилъ. Воронцовъ сначала очень разсердился, полагая, что несогласіе Радищева съ общимъ мнѣніемъ вызвано какимъ-нибудь корыстолюбивымъ видомъ, но все-таки прочелъ внимательно его мнѣніе, а потомъ захотѣлъ лично выслушать доводы младшаго асессора. Послѣ разговора съ Радищевымъ Воронцовъ измѣнилъ свой взглядъ, и браковщики были оправданы".

Подобные факты жестоко оскорбляли нравственное чувство Радищева, открывали ему поразительный контрастъ между его идеалистическими мечтаніями и русской мрачной дѣйствительностью, и это сильно отразилось на его душевномъ настроеніи. Явилось разочарованіе, которое онъ ярко характеризуетъ, обращаясь къ своему другу А. М. Кутузову: „Воспомни,— говоритъ онъ,— наше нетерпѣніе видѣть себя паки на мѣстѣ рожденія нашего, воспомни о восторгѣ нашемъ, когда мы узрѣли межу, Россію отъ Курляндіи отдѣляющую. Если кто, безстрастный, ничего иного въ восторгѣ не видитъ, какъ неумѣренность или иногда дурачество, для того не хочу я марать бумаги; но если кто, понимая, что есть изступленіе, скажетъ, что не было въ насъ такового, и что не могли бы тогда жертвовать и жизнью для пользы отечества, тотъ, скажу, не знаетъ сердца человѣческаго. Признаюсь, и ты, мой любезный другъ, въ томъ же признаешься, что послѣдовавшее по возвращеніи нашемъ жаръ сей въ насъ гораздо умѣрило. О, вы, управляющіе умами, колико вы бываете часто кратковидцы и близоруки, коликократно упускаете вы случай на пользу общую, утушая пламень, объемлющій сердце юности. Единожды смиривъ юношу, нерѣдко навѣки содѣлаете его калѣкою“.

Это разочарованіе отразилось и на литературной дѣятельности Радищева. Она началась подъ вліяніемъ „жара“, вынесеннаго изъ заграничныхъ занятій, а также, по странной ироніи судьбы, при одобреніи самой императрицы, которая впослѣдствіи карала его за тѣ же стремленія, что проявились у него въ это время. Учредивъ на свои личныя средства общество для перевода замѣчательнѣйшихъ иностранныхъ сочиненій, Екатерина привлекла къ занятіямъ общества и Радищева. Онъ перевелъ книгу любимаго своего автора, аббата Мабли „Observations sur l'histoire de la Grèce ou des causes de la prospérite et des malheurs des Grecs“ (Размышленія о греческой исторіи, или о причинахъ благоденствія и несчастія грековъ). Къ этому переводу, заслужившему одобреніе императрицы, были присоединены нѣкоторыя примѣчанія, обнаруживающія свободолюбіе переводчика. Такъ, переводя слово despotisme выраженіемъ „самодержавство“, Радищевъ объяснялъ: „Самодержавство есть наипротивнѣйшее человѣческому естеству состояніе. Мы не токмо не можемъ дать надъ собой неограниченной власти, но ниже законъ, извѣтъ общія воли, не имѣетъ другого права наказывать преступниковъ опричь права собственныя сохранности. Если мы живемъ подъ властію законовъ, то сіе не для того, что мы оное долженствуемъ дѣлать неотмѣнно, но для того, что мы находимъ въ ономъ выгоды. Если мы удѣляемъ закону часть нашихъ правъ и нашея природныя власти, то дабы оная употребляема была въ нашу пользу: о семъ мы дѣлаемъ съ обществомъ *безмолвный* договоръ. Если онъ нарушенъ, то и мы освобождаемся отъ нашея *обязанности*. Неправосудіе государя даетъ народу, его судіи, то же и болѣе надъ нимъ право, какое

ему даетъ законъ надъ преступниками. *Государь есть первый гражданинъ народнаго общества*".

Книга Мабли была издана въ 1773 году; въ два слѣдующіе года Радищевъ много писалъ стиховъ „на нѣжные предметы", но потомъ не появляется въ печати до 1789 г.: о „нѣжныхъ предметахъ" писать не приходилось, казалось уже не кстати, такъ какъ окружающая обстановка наводила на очень мрачныя размышленія... Однако за этотъ періодъ молчанія подготовляются важнѣйшія произведенія, въ которыхъ выражаются какъ философскіе, такъ въ особенности политическіе взгляды Радищева. Въ 1782 г. имъ была написана небольшая брошюра, изданная только черезъ 7 лѣтъ, подъ заглавіемъ „Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ по долгу званія своего". Описывая въ этой брошюрѣ открытіе памятника Петру Великому и превознося его преобразованія, онъ упрекалъ Петра за „истребленіе вольности", хотя и оправдывалъ его тѣмъ соображеніемъ, что „нѣтъ и до скончанія міра примѣра, можетъ быть, не будетъ, чтобы царь добровольно упустилъ что-либо изъ своея власти, сѣдяй на престолѣ". Прочтя впослѣдствіи эту брошюру, Екатерина замѣтила: „Давно мысль его готовилась ко взятому пути".

Въ 1785 году Радищевъ познакомился съ сочиненіемъ энциклопедиста, аббата Рейналя „Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des européens dans les deux Indes". Книга увлекла его своимъ паѳосомъ, и впослѣдствіи, находясь въ заключеніи, онъ признавалъ ее „началомъ своего бѣдственнаго состоянія". При свѣтѣ возродившихся въ немъ освободительныхъ идей Радищевъ воспрянулъ духомъ, рѣшился итти на борьбу съ мракомъ невѣжества и безправія. Бороться возможно было только словомъ обличенія, и у Радищева зарождается мысль о новой, обширной литературной работѣ. Въ посвященіи своего сочиненія Кутузову онъ изображаетъ свое настроеніе этого времени въ слѣдующихъ словахъ: „Я взглянулъ окрестъ меня, — душа моя страданіями человѣчества уязвлена стала. Обративъ взоры мои во внутренность мою,—я узрѣлъ, что бѣдствія человѣка происходятъ отъ человѣка, и часто отъ того только, что онъ взираетъ не прямо на окружающіе его предметы. Ужели, вѣщалъ я самъ себѣ, природа толико скупа была къ своимъ чадамъ, что отъ блудящаго невинно сокрыла истину навѣки? Ужели сія грозная мачиха произвела насъ для того, чтобы чувствовали мы бѣдствія, а блаженство николи? Разумъ мой встрепеталъ отъ сея мысли, и сердце мое далеко ее отъ себя оттолкнуло. Я человѣку нашелъ утѣшителя въ немъ самомъ. „Отъими завѣсу съ очей природнаго чувствованія — и блаженъ буду". Сей гласъ природы раздавался громко въ сложеніи моемъ. Воспрянулъ я отъ унынія моего, въ которое повергла меня чувствительность и состраданіе; я ощутилъ въ себѣ довольно силъ, чтобы противиться заблужденію; и—веселіе неизреченное! — я почувствовалъ, что возможно всякому быть соучаст-

никомъ въ благодѣйствіи себѣ подобныхъ. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь. Но если, говорилъ я самъ себѣ, я найду кого-либо, кто намѣреніе мое одобритъ, кто ради благой цѣли не опорочитъ неудачное изображеніе мысли, кто состраждетъ со мною надъ бѣдствіями собратіи своей, кто въ шествіи моемъ меня подкрѣпитъ, — не сугубый ли плодъ произойдетъ отъ подъятаго мною труда?".

Подъ вліяніемъ такого настроенія Радищевъ изобразилъ картину продажи съ аукціоннаго торга крѣпостныхъ людей, — очеркъ, составившій въ его книгѣ главу „Мѣдное". Въ очеркѣ представлена семья дворовыхъ людей: старикъ 75 лѣтъ, спасшій жизнь отца своего барина, бывшій дядькой барина и неоднократно спасавшій его самого; старуха 80 лѣтъ, выкормившая мать барина и бывшая его собственной нянькой; женщина 40 лѣтъ, кормилица барина; ея дочь и внучка стариковъ, женщина 18 лѣтъ, насильственно выданная за двороваго человѣка и изнасилованная бариномъ; ея ребенокъ, незаконнорожденный сынъ барина, и, наконецъ, грубый дѣтина 25 лѣтъ, „вѣнчанный ея мужъ, спутникъ и наперсникъ своего господина". Эти люди продаются враздробь, какъ скотъ, и Радищевъ невольно охватывается негодованіемъ. „Едва, — говоритъ онъ, — ужасоносный молотъ испустилъ тупой свой звукъ, и четверо несчастныхъ узнали свою участь — слезы, рыданіе, стонъ пронзили уши всего собранія. Наитвердѣйшіе были тронуты. Окаменѣлыя сердца! Почто безплодное соболѣзнованіе? О, квакеры! Если бы мы имѣли вашу душу, мы бы сложились и, купивъ сихъ несчастныхъ, даровали бы имъ свободу. Живъ многія лѣта въ объятіяхъ одинъ другого, несчастные сіи въ поносной продажѣ восчувствуютъ тоску разлуки. Сердце мое столь было стѣснено, что, выскочивъ изъ среды собранія и отдавъ несчастнымъ послѣднюю гривну изъ кошелька, побѣжалъ вонъ". Въ заключеніе очерка, вспомнивъ о томъ, что защитники крѣпостного права ссылаются на неприкосновенность собственности, Радищевъ говоритъ: „А всѣ тѣ, кто бы могъ свободѣ поборствовать, всѣ великіе вотчинники, и свободы не отъ ихъ совѣтовъ ожидать должно, но отъ самой тяжести порабощенія". Въ этихъ словахъ обвинительница Радищева, императрица Екатерина, увидѣла впослѣдствіи призывъ къ возстанію крестьянъ противъ помѣщиковъ.

Въ слѣдующемъ (1786) году Радищевъ написалъ еще два очерка изъ своей книги: въ первомъ разсуждая о цензурѣ и инквизиціи, онъ говорилъ, что въ исторіи „мы вездѣ обрѣтаемъ терзающія черты власти, вездѣ зримъ силу, возстающую на истину", а во второмъ — изобразилъ „начальника", равнодушно относящагося къ гибели людей. Эти первоначальные этюды дали Радищеву идею общей картины отрицательныхъ сторонъ русской жизни, при чемъ образцомъ изложенія, внѣшней формы, явилось для него знаменитое „Сентиментальное путешествіе" Стерна. Послѣ двухъ лѣтъ работы книга

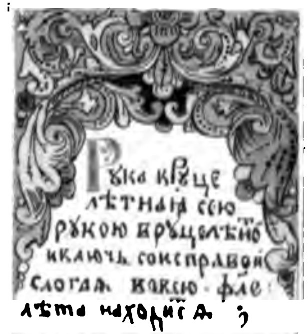
была готова, и Радищевъ для ея напечатанія завелъ собственную типографію.

Но прежде, чѣмъ говорить объ этой книгѣ, остановимся нѣсколько на другомъ сочиненіи Радищева, вышедшемъ годомъ ранѣе „Путешествія", на „Житіи Өеодора Васильевича Ушакова", которое, вѣроятно, писалось одновременно съ „Путешествіемъ" и по основнымъ идеямъ весьма къ нему близко. Для насъ нестолько интересны жизнь молодого идеалиста и тѣ свѣдѣнія, которыя сообщаются Радищевымъ о пребываніи своемъ за границей, сколько политическіе взгляды, высказываемые въ этомъ своеобразномъ „Житіи", въ которомъ біографическое повѣствованіе постоянно перебивается разсужденіями философскими, моральными и политическими. Особенно важна политическая сторона этого небольшого сочиненія, такъ какъ, говоря о несовершенствѣ современныхъ ему порядковъ, Радищевъ вполнѣ ясно видитъ, въ чемъ заключается коренная причина этого несовершенства. Она для него въ томъ же „самодержавствѣ", къ которому онъ отнесся такъ отрицательно уже въ первой своей литературной работѣ и которое, какъ увидимъ, является главной цѣлью его нападеній въ „Путешествіи".

Указавъ на всякія „уловки", которыми при самодержавіи люди достигаютъ высокаго положенія, Радищевъ совершенно правильно характеризуетъ безсиліе самодержца въ отношеніи своихъ приближенныхъ. „Положимъ, — говоритъ онъ, — что государь истинное достоинство только награждаетъ и пристрастенъ не бываетъ николи; но если бы возможно было ему хотя и одному быть безпристрастному въ своемъ государствѣ, всѣ другіе начальствующіе въ его образѣ таковы не будутъ, ибо если онъ возможетъ чуждъ быть родству, пріязни, дружбѣ, любви, хотя потому, что равнаго себѣ не имѣетъ, то кого найдешь ему подобнаго? Сверхъ же того, онъ малаго токмо числа отечеству или ему служащихъ самъ по себѣ истинныя знаетъ заслуги, о всѣхъ другихъ *судитъ по слуху, награждаетъ того, кого назначаютъ вельможи, казнитъ нерѣдко того, кто имъ не нравится.* Изъ нѣсколькихъ милліоновъ ему подвластныхъ едва единое сто служатъ ему: всѣ другіе (источая кровавыя слезы, признаться въ томъ должно), *всѣ другіе служатъ вельможамъ*". Въ самодержавномъ правленіи произволъ проникаетъ всѣ отношенія съ верху донизу. „Примѣръ самовластія государя, не имѣющаго закона на послѣдованіе, ниже, въ распоряженіяхъ своихъ, другихъ правилъ, кромѣ своей воли или прихотей, побуждаетъ каждаго начать такъ мыслить, что, пользуяся удѣломъ власти безпредѣльной, онъ такой же властитель частно, какъ тотъ въ общемъ. И сіе столь справедливо, что нерѣдко правиломъ пріемлется, что противорѣчіе власти начальника есть оскорбленіе верховной власти. Мысль несчастная, тысячи любящихъ отечество гражданъ заключающая въ темницу и предающая ихъ смерти, тѣснящая духъ и разумъ и на мѣсто величія водворяющая робость, раб-

Заставки, заглавныя буквы и украшенія старинной рукописи.

Изд. Т-ва И. Д. СЫТИНА.



ство и замѣшательство подъ личиною устройства и покоя! Да сіе иначе и быть не можетъ по сродному человѣку стремленію къ самовластію".

Это самовластіе въ концѣ концовъ должно само себя погубить, такъ какъ есть „предѣлы терпѣнію", за которыми наступаетъ отчаяніе, а люди свергаютъ съ себя иго произвола.

Уже разсужденія „Житія Ѳ. В. Ушакова", не замѣченныя властями, вызвали весьма оживленные толки въ обществѣ, но еще сильнѣе было „любопытство публики", когда въ январѣ 1790 г. вышло въ свѣтъ „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву". Хотя разошлось всего около 100 экземпляровъ, но о книгѣ стали „говорить по всему городу", и Радищевъ скоро увидѣлъ, что ему грозитъ серьезная опасность, и самъ поспѣшилъ оставить дальнѣйшее распространеніе своего произведенія, отказывая книгопродавцамъ, желавшимъ его купить. Гроза, однако, разразилась только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. 27 іюня состоялся приказъ объ арестѣ Радищева, а 30 іюня онъ былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Несмотря на всякія оправданія, защититься отъ такого властнаго обвинителя, какъ сама императрица Екатерина, увидѣвшая въ книгѣ оскорбленіе лично себѣ, не было никакой возможности, и уже 8 августа Радищевъ былъ приговоренъ къ смертной казни, 4 октября по именному указу казнь была замѣнена лишеніемъ правъ и ссылкою на 10 лѣтъ въ Сибирь, въ Илимскій острогъ. Обвиненъ былъ Радищевъ въ томъ, что „оказался въ преступленіи противу присяги и должности его и должности подданнаго, изданіемъ книги, наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства и, наконецъ, оскорбительными и неистовыми израженіями противу сана и власти царской; учинивъ, сверхъ того, лживый поступокъ прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ ту книгу".

А. Н. Радищевъ.

Вникая въ приведенный судебный приговоръ и перечитывая теперь книгу Радищева, легко увидѣть, что протестъ противъ крѣпостного права былъ только второстепенной причиной ея осужденія. На дворянъ книга не могла произвести желаемаго впечатлѣнія, какъ это видно изъ ироническаго замѣчанія Екатерины: „Уговариваетъ помѣщиковъ освободить крестьянъ, да никто не послушаетъ". Еще менѣе

возможно было разсчитывать на возбужденіе мятежа среди крестьянъ при помощи книги, и это отлично разъяснилъ самъ Радищевъ: „Если кто скажетъ, что я, писавъ сію книгу, хотѣлъ сдѣлать возмущеніе, тому скажу, что ошибается. Первое потому, что народъ нашъ книгъ не читаетъ, что писана она слогомъ, для простого народа невнятнымъ, что и напечатано ея очень мало, не цѣлое изданіе, или заводъ, а только половина. И можетъ ли мыслить о семъ, кто общниковъ не имѣетъ?“ Однако, если и не было у Радищева намѣренія взбунтовать крестьянъ, слѣдуетъ сказать что въ его книгѣ было весьма достаточное количество фактовъ, ярко иллюстрирующихъ безобразіе крѣпостныхъ отношеній. Выше мы видѣли картинку продажи крестьянъ съ аукціона, теперь остановимся на другихъ явленіяхъ этого рода.

Вотъ передъ нами образецъ не изверга, но просто весьма хозяйственнаго помѣщика, выжимающаго изъ своихъ крестьянъ все, что только возможно: „Нѣкто, не нашедъ въ службѣ, какъ то по просторѣчію называютъ, счастья, или не желая онаго въ ней снискать, удалился изъ столицы, пріобрѣлъ небольшую деревню, напримѣръ, во сто или въ двѣсти душъ, опредѣлилъ себя искать прибытка въ земледѣліи. Не самъ онъ себя опредѣлялъ къ сохѣ, но вознамѣрился наидѣйствительнѣйшимъ образомъ всевозможное сдѣлать употребленіе естественныхъ силъ своихъ крестьянъ, прилагая оныя къ обрабатыванію земли. Способомъ къ сему надежнѣйшимъ почелъ онъ уподобить крестьянъ своихъ орудіямъ, ни воли, ни побужденія не имѣющимъ, и уподобилъ ихъ, дѣйствительно, въ нѣкоторомъ отношеніи нынѣшняго вѣка воинамъ, управляемымъ грудою, устремляющимся на бой грудою, а въ единственности ничего не значащимъ. Для достиженія своей цѣли онъ отнялъ у нихъ малый удѣлъ пашни и сѣнныхъ покосовъ, которые имъ на необходимое пропитаніе даютъ обыкновенно дворяне, яко въ воздаяніе за всѣ принужденныя работы, которыя они отъ крестьянъ требуютъ. Словомъ, дворянинъ сей Нѣкто всѣхъ крестьянъ, женъ ихъ и дѣтей заставилъ во всѣ дни года работать на себя. А дабы они не умирали съ голоду, то выдавалъ онъ имъ опредѣленное количество хлѣба, подъ именемъ мѣсячины извѣстное. Тѣ, которые не имѣли семействъ, мѣсячины не получали, а по обыкновенію лакедемонянъ пировали вмѣстѣ на господскомъ дворѣ, употребляя для соблюденія желудка въ мясоѣдъ пустыя щи, а въ посты и въ постные дни хлѣбъ съ квасомъ. Истинныя разговѣны бывали развѣ на Святой недѣлѣ. Таковымъ урядникамъ производилась также приличная и соразмѣрная ихъ состоянію одежда. Обувь для зимы, т.-е. лапти, дѣлали они сами; онучи получали отъ господина своего, а лѣтомъ ходили босы. Слѣдственно, у таковыхъ узниковъ не было ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволеніе держать ихъ господинъ у нихъ не отнималъ, но способствовалъ къ тому. Кто и былъ позажиточнѣе, кто былъ умѣрен-

нѣе въ пищѣ, тотъ держалъ нѣсколько птицъ, которыхъ господинъ иногда бралъ себѣ, платя за нихъ цѣну по своей волѣ. При таковомъ заведенiи неудивительно, что земледѣлiе въ деревнѣ г. Нѣкто было въ цвѣтущемъ состоянiи. Когда у всѣхъ худой былъ урожай, у него родился хлѣбъ самъ-четвертъ; когда у другихъ хорошiй былъ урожай, то у него приходилъ хлѣбъ самъ-десятъ и болѣе. Въ недолгомъ времени къ двумъ стамъ душамъ онъ еще купилъ двѣсти жертвъ своему корыстолюбiю и, поступая съ ними равно, какъ и съ первыми, годъ отъ году умножалъ свое имѣнiе, усугубляя число стенящихъ на его нивахъ. Теперь онъ считаетъ ихъ уже тысячами и славится, какъ знаменитый земледѣлецъ".

Неудивительно, что при такихъ хозяйственныхъ порядкахъ крестьяне часто голодаютъ или питаются хлѣбомъ, который состоитъ „изъ трехъ четвертей мякины и одной части несѣянной муки". Не должно также удивлять и слѣдующее „обозрѣнiе утвари крестьянской избы": „Четыре стѣны, до половины покрытыя такъ, какъ и весь потолокъ, сажею; полъ въ щеляхъ, на вершокъ почти поросшiй грязью; печь безъ трубы, но лучшая защита отъ холода, и дымъ, всякое утро зимою и лѣтомъ наполняющiй избу; окончины, въ коихъ натянутый пузырь, сверкающiйся въ полдень пропускалъ свѣтъ, горшка два или три (счастливая изба, коли въ одномъ изъ нихъ всякiй день есть пустыя щи); деревянная чашка и кружки, тарелками называемые; столъ, топоромъ срубленный, который скоблятъ скребкомъ по праздникамъ. Корыто кормить свиней или телятъ, буде есть,

Городу слухъ будто Радищевъ и
Челищевъ писали и печатали въ домовой
типографiи эту книгу, изслѣдовавъ
лутче узнаемъ

спятъ съ ними вмѣстѣ, глотая воздухъ, въ коемъ горящая свѣча, какъ будто въ туманѣ или за завѣсою кажется. Къ счастью, кадка съ квасомъ, на уксусъ похожимъ, и на дворѣ баня, въ коей, коли не па-

рятся, то спитъ скотина. Посконная рубаха, обувь, данная природой, онучки съ лаптями для выхода. Вотъ въ чемъ почитается по справедливости источникъ государственнаго избытка, силы и могущества".

Нарисовавъ такую ужасную картину крестьянской нищеты, Радищевъ невольно обращается съ горькимъ упрекомъ къ дворянамъ: „Звѣри алчные, пьяницы ненасытные!—восклицаетъ онъ.—Что мы крестьянину оставляемъ? То, чего отнять не можемъ, — воздухъ. Да, одинъ воздухъ. Отъемлемъ нерѣдко у него не только даръ земли—хлѣбъ и воду, но и самый свѣтъ. Законъ запрещаетъ отъяти у него жизнь. Но развѣ мгновенно: сколько способовъ отъяти у него постепенно. Съ одной стороны почти всесиліе, съ другой—немощь беззащитная. Ибо помѣщикъ въ отношеніи крестьянина есть законодатель, судья, исполнитель своего рѣшенія, и по желанію своему истецъ, противъ котораго отвѣтчикъ ничего сказать не смѣетъ. Се жребій заклепеннаго во узы, се жребій заключеннаго въ смрадной темницѣ, се жребій вола въ ярмѣ".

Разоряя крестьянъ до послѣдней крайности, помѣщики не щадятъ въ нихъ и человѣческихъ чувствъ, не останавливаются ни передъ чѣмъ, оскорбляя ихъ и угнетая; ни одна крестьянская дѣвушка не защищена отъ насильственныхъ покушеній господина на ея честь, и съ барской точки зрѣнія подобныя дѣйствія считаются даже особенной милостью. Горе крестьянину, если въ немъ въ силу какихъ-нибудь обстоятельствъ заговоритъ сознаніе собственнаго достоинства! Всяческія гоненія обрушиваются за это на его голову, какъ это видно на примѣрѣ рекрута Ванюши, изображеннаго въ главѣ „Городня". Этотъ несчастный юноша росъ вмѣстѣ съ сыномъ своего барина, учился тому же, чему учился барчукъ, поработалъ въ заграничномъ университетѣ и, возвращаясь въ Россію, ждалъ свободы, которую ему обѣщалъ старый баринъ. Но старикъ умеръ, а баринъ, сверстникъ Ванюши, не торопился исполнять обѣщаніе своего отца, и отсюда пошли несчастья Ванюши. „Черезъ недѣлю послѣ нашего въ Москву пріѣзда,—разсказываетъ онъ, — бывшій мой господинъ влюбился въ изрядную лицомъ дѣвицу, но которая съ красотой тѣлесной соединяла скареднѣйшую душу и сердце жестокое и суровое. Воспитанная въ надменности своего происхожденія, отличностью почитала только внѣшность, знатность, богатство. Черезъ два мѣсяца она стала супругой моего барина и моей повелительницей. До того времени я не чувствовалъ перемѣны и жилъ въ домѣ господина своего, какъ его сотоварищъ. Хотя онъ мнѣ ничего не приказывалъ, но я предупреждалъ его иногда желанія, чувствуя его власть и мою участь. Едва молодая госпожа переступила порогъ дома, въ которомъ она опредѣлялась начальствовать, какъ я почувствовалъ тягость моего жребія. Первый вечеръ по свадьбѣ и слѣдующій день, въ который я ей представленъ былъ супругомъ ея, какъ его сотоварищъ, она занята была обыкновенными заботами новаго супружества; но къ вечеру, когда при довольно

многолюдномъ собраніи пришли всѣ къ столу и сѣли за первый ужинъ у новобрачныхъ, и я, по обыкновенію моему, сѣлъ на моемъ мѣстѣ на нижнемъ концѣ, то новая госпожа сказала довольно громко своему мужу, если онъ хочетъ, чтобъ она сидѣла за столомъ съ гостями, то бы холопей за оный не сажалъ. Онъ, взглянувъ на меня и движимъ уже ею, прислалъ ко мнѣ сказать, чтобы я изъ-за стола вышелъ и ужиналъ бы въ своей горницѣ. Вообразите, колико чувствительно мнѣ было сіе униженіе. Я, скрывъ, однакожъ, изступающія изъ глазъ моихъ слезы, удалился. На другой день не смѣлъ я показаться. Не навѣдываясь обо мнѣ, принесли мнѣ обѣдъ мой и ужинъ. То же было и въ слѣдующіе дни. Черезъ недѣлю послѣ свадьбы, въ одинъ день, послѣ обѣда, новая госпожа, осматривая домъ и распредѣляя всѣмъ служителямъ должности и жилище, зашла въ мои комнаты. Онѣ для меня уготованы были старымъ моимъ бариномъ. Меня не было дома. Не повторю того, что она говорила, будучи въ оныхъ, мнѣ во посмѣяніе, но, возвратясь домой, мнѣ сказали ея приказъ, что мнѣ отведенъ уголъ въ нижнемъ этажѣ съ холостыми официантами, гдѣ моя постель, сундукъ съ платьемъ и бѣлье мое уже поставлены; все прочее она оставила въ прежнихъ моихъ комнатахъ, въ коихъ помѣстила своихъ дѣвокъ. Что въ душѣ моей происходило, слыша сіе, удобнѣе чувствовать, если кто можетъ, нежели описать. Но дабы не занимать васъ излишнимъ, можетъ-быть, повѣствованіемъ, госпожа моя, вступивъ въ управленіе домомъ и не находя во мнѣ способности къ услугѣ, поверстала меня въ лакеи и надѣла на меня ливрею. Малѣйшее мнимое упущеніе сея должности влекло за собою пощечины, батожье, кошки. О, государь мой, лучше бы мнѣ не родиться! Колико кратъ негодовалъ я на умершаго моего благодѣтеля, что далъ мнѣ душу на чувствованіе. Лучше бы мнѣ было возрасти въ невѣжествѣ, не думавъ никогда, что есмь человѣкъ, всѣмъ другимъ равный. Давно бы, давно бы избавилъ себя ненавистной мнѣ жизни, если бы не удерживало прещеніе Вышняго надъ всѣми Судіи. Я опредѣлилъ себя сносить жребій мой терпѣливо. Я сносилъ не токмо уязвленія тѣлесныя, но и тѣ, коими она уязвляла мою душу. Но едва не преступилъ я своего обѣта и не отъялъ у себя томные остатки плачевнаго житія при случившемся новомъ души уязвленіи. Племянникъ моей барыни, молодецъ восемнадцати лѣтъ, сержантъ гвардіи, воспитанный во вкусѣ московскихъ щегольковъ, влюбился въ горничную дѣвку своей тетушки и, скоро овладѣвъ неопытною ея горячностью, сдѣлалъ ее матерью. Сколь онъ не рѣшителенъ былъ въ своихъ любовныхъ дѣлахъ, но при семъ происшествіи нѣсколько смутился. Ибо тетушка его, узнавъ о семъ, запретила входъ къ себѣ горничной, а племянника побранила слегка. По обыкновенію милосердныхъ господъ, она намѣрилась наказать ту, которую жаловала прежде,—выдать ее за конюха замужъ. Но какъ всѣ они были уже женаты, а беременной для славы дома надобенъ былъ мужъ, то хуже меня изъ всѣхъ служителей не нашли. И о семъ

госпожа моя, въ присутствіи своего супруга, мнѣ возвѣстила, яко неотмѣнную милость. Не могъ я болѣе терпѣть поруганія. „Безчеловѣчная женщина, во власти твоей состоитъ меня мучить и уязвлять мое тѣло! Говорите вы, что законы даютъ вамъ надъ нами сіе право. Я и сему мало вѣрю, но то твердо знаю, что вступать въ бракъ никто принужденъ быть не можетъ“. Слова мои произвели въ ней звѣрское молчаніе. Обратясь потомъ къ супругу ея: „Неблагодарный сынъ человѣколюбиваго родителя, забылъ ты его завѣщаніе, забылъ и свое изреченіе; но не доводи до отчаянія души, твоея благороднѣйшей, страшись!“ Болѣе сказать я не могъ, ибо, по повелѣнію госпожи моей, отведенъ былъ на конюшню и сѣченъ нещадно кошками. На другой день едва я могъ встать отъ побоевъ съ постели, и паки приведенъ былъ передъ госпожу мою. „Я тебѣ прощу,—говорила она,—твою вчерашнюю дерзость; женись на моей Маврушкѣ, она тебя проситъ, и я, любя ее въ самомъ ея преступленіи, хочу это для нея сдѣлать“.—„Мой отвѣтъ,—сказалъ я ей,—вы слышали вчера, другого не имѣю. Присовокуплю только то, что просить на васъ буду начальство въ принужденіи меня къ тому, къ чему не имѣете права“.—„Ну, такъ пора въ солдаты!“ вскричала яростно моя госпожа. Потерявшій путешественникъ въ страшной пустынѣ свою стезю меньше обрадуется, сыскавъ опять оную, нежели обрадованъ былъ я, услышавъ сіи слова. „Въ солдаты“, повторила она. И на другой день то было исполнено. Несмысленная! Она думала, что такъ, какъ и поселянамъ, поступленіе въ солдаты есть наказаніе. Мнѣ было то отрада, и какъ скоро мнѣ выбрили лобъ, то я почувствовалъ, что я переродился“.

Ванюша радуется военной службѣ, какъ средству избавленія отъ невыносимаго рабства; но бываютъ случаи, когда крестьяне вынуждены искать другихъ путей защиты своего человѣческаго достоинства, когда они прибѣгаютъ къ самосуду надъ своими притѣснителями. Такіе случаи представлены Радищевымъ въ главахъ „Зайцево“ и „Едрово“: въ первой мы видимъ жестокую расправу съ семьей нѣкоего асессора, всячески изводившаго своихъ крестьянъ и оправдывавшаго нѣчто въ родѣ jus primae noctis, а во второй изображена попытка крестьянъ казнить помѣщика „добраго и человѣколюбиваго“, но крайняго сладострастника, у котораго „мужъ не былъ безопасенъ въ своей женѣ, отецъ—въ дочери“. Подобные примѣры могутъ служить хорошимъ предостереженіемъ рабовладѣльцамъ, и Радищевъ указываетъ на тѣ общія грозныя послѣдствія, которыя могутъ возникнуть изъ тягости крѣпостного права. „Не вѣдаете ли,—говоритъ онъ,—любезные наши сограждане, коликая намъ предстоитъ гибель, въ коликой мы вращаемся опасности. Загрубѣлыя всѣ чувства рабовъ и благимъ свободы мановеніемъ въ движеніе приводящія, тѣмъ укрѣпятъ и усовершенствуютъ внутреннее чувствованіе. Потокъ, загражденный въ стремленіи своемъ, тѣмъ сильнѣе становится, чѣмъ тверже находитъ противустояніе. Прорвавъ оплотъ

единожды, ничто уже въ разлитіи его противиться ему не возможетъ. Таковы суть братія наши, въ узахъ нами содержимые. Ждутъ случая и часа. Колоколъ ударяетъ. И се пагуба звѣрства разливается быстротечно. Мы узримъ окрестъ насъ мечъ и отраву. Смерть и пожиганіе намъ будутъ посулъ за нашу суровость и безчеловѣчіе. И чѣмъ медлительнѣе и упорнѣе мы были въ разрѣшеніи ихъ узъ, тѣмъ стремительнѣе они будутъ во мщеніи своемъ. Вотъ что предстоитъ намъ, вотъ чего намъ ожидать должно. Гибель возносится горѣ постепенно, и опасность уже вращается надъ главами нашими. Уже время, вознесши косу, ждетъ часа удобности, и первый льстецъ или любитель человѣчества, возникши на пробужденіе несчастныхъ, ускоритъ его махъ. Блюдитеся!" Грядущая опасность можетъ быть устранена только облегченіемъ участи крестьянъ, находящихся въ рабствѣ, и Радищевъ набрасываетъ проектъ такихъ мѣропріятій, которыя должны привести къ упраздненію крѣпостного права. Въ этомъ проектѣ Радищева наиболѣе существеннымъ является признаніе права собственности крестьянина на обрабатываемую имъ землю, чѣмъ устранялась возможность беземельнаго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Какъ бы радикальны ни были разсужденія Радищева о крестьянскомъ вопросѣ, наиболѣе опасной стороной въ его книгѣ и для императрицы Екатерины и для позднѣйшаго времени должны были представляться разсужденія болѣе общаго характера, касающіяся самыхъ основъ политическаго быта Россіи,— разсужденія, сравнительно съ которыми протестъ противъ крѣпостного права былъ лишь незначительной частью, совершенно утратившею свое практическое значеніе послѣ упраздненія крѣпостничества. Радищевъ возсталъ въ своей книгѣ противъ произвола, проникавшаго всю русскую жизнь; онъ первый выступилъ съ этимъ обличеніемъ; обличеніе было настолько яркимъ и захватывало такъ широко всѣ русскія гражданскія отношенія, что и до нашего времени оно не утратило своего значенія. Въ этомъ-то и крылась причина жестокой кары, обрушившейся на Радищева и на его „Путешествіе".

Частныя проявленія произвола, такъ называемыя злоупотребленія суда и администраціи, обличались и предшественниками и современниками Радищева, и въ этомъ отношеніи онъ далъ въ своей книгѣ не особенно много. Однако нужно сказать, что и въ этихъ бытовыхъ картинкахъ рельефно обнаружился обличительно-публицистическій талантъ Радищева, и мы считаемъ нелишнимъ остановиться на нѣкоторыхъ ихъ нихъ. Въ главѣ „Чудово" представленъ начальникъ, который спитъ въ то время, какъ люди гибнутъ на морѣ, а его подчиненные не смѣютъ его разбудить, чтобы подать помощь гибнущимъ. Во главѣ „Зайцево" Радищевъ знакомитъ насъ съ порядками суда, въ которомъ царитъ сословное лицепріятіе, который наполненъ взяточниками и людьми, умѣющими искусно обходить законы. Въ главѣ „Спасская Полисть" дается прекрасная характеристика тѣхъ отно-

шеній, по поводу которыхъ впослѣдствіи одинъ изъ декабристовъ выразился: „Служба замѣнилась прислугою“. „Жилъ-былъ,—разсказывается въ этой главѣ,—гдѣ-то государевъ намѣстникъ. Въ молодости своей таскался по чужимъ землямъ, выучился ѣсть устерсы и былъ до нихъ великій охотникъ. Пока деньжонокъ своихъ было мало, то онъ отъ охоты своей воздерживался—ѣдалъ по десятку, и то, когда бывалъ въ Петербургѣ. Какъ скоро полѣзъ въ чины, то и число устерсовъ на столѣ его стало прибавляться. А какъ попалъ въ намѣстники и когда много стало у него денегъ своихъ, много и казенныхъ въ распоряженіи, тогда сталъ онъ къ устерсамъ, какъ брюхатая баба. Спитъ и видитъ, чтобъ устерсы кушать. Какъ пора ихъ приходитъ, то нѣтъ никому покою. Всѣ подчиненные становятся мучениками. Но во что бы то ни стало, а устерсы ѣсть будетъ. Въ правленіе посылаютъ приказъ, чтобы наряженъ былъ немедленно курьеръ, котораго онъ имѣетъ въ Петербургъ отправить съ важными донесеніями. Всѣ знаютъ, что курьеръ поскачетъ за устерсами, но куда ни вертись, а прогоны выдавай. На казенныя денежки дыръ много. Гонецъ, снабженный подорожной, прогонами, совсѣмъ готовъ, въ курткѣ и чикчерахъ явился передъ его высокопревосходительство. „Поспѣшай, мой другъ,—вѣщаетъ ему унизанный орденами,—поспѣшай, возьми сей пакетъ, отдай его въ Большой Морской... господину Карзинкину, почтенному лавочнику, въ С.-Петербургѣ; ступай, мой другъ, и какъ скоро получишь, то возвращайся поспѣшно и нимало не медли: я тебѣ скажу спасибо не одно“. Курьеръ съ невѣроятной быстротой, съѣздивъ за тысячу верстъ, привозитъ устерсы, и намѣстникъ чрезвычайно доволенъ. „Право, говоритъ онъ, человѣкъ достойный, исправенъ и не пьяница. Сколько уже лѣтъ по два раза ѣздитъ въ Петербургъ, а въ Москву сколько разъ—упомнить не могу. Секретарь, пиши представленіе. За многочисленные его въ посылкахъ труды и за точнѣйшее оныхъ исправленіе удостоиваю его къ повышенію чиномъ“. Въ расходной книгѣ у казначея записано: „По предложенію его высокопревосходительства дано курьеру Н. Н., отправленному въ С.-Петербургъ съ наинужнѣйшимъ донесеніемъ, прогонныхъ денегъ въ оба пути на три лошади изъ экстраординарной суммы“. Книга казначейская пошла на ревизію, но устерсами не пахнетъ“.

Подобное отношеніе къ службѣ и къ закону возможно лишь при самовластіи вельможъ, и Радищевъ разражается гнѣвной филиппикой противъ этого самовластія. „Блаженны, — восклицаетъ онъ,— въ единовластныхъ правленіяхъ вельможи. Блаженны украшенные чинами и лентами. Вся природа имъ повинуется. Даже неосмысленные скоты угождаютъ ихъ желаніямъ и, дабы имъ въ путешествіи, зѣвая, не наскучилось, скачутъ они, не жалѣя ни ногъ ни легкаго, и нерѣдко отъ натуги околѣваютъ. Блаженны, повторю я, имѣющіе внѣшность, къ благоговѣнію всѣхъ влекущую“.

Но откуда же является эта чрезмѣрная сила вельможъ? Какъ создался этотъ классъ людей, почти ничего не дѣлающихъ, попирающихъ всякіе законы, живущихъ на счетъ народа? Источникъ ихъ силы—дворъ, и Радищевъ даетъ краткій очеркъ возникновенія этого учрежденія, характеризуетъ переходъ отъ феодальныхъ отношеній къ придворнымъ. Когда были урѣзаны права прежняго дворянства, „на мѣстѣ мужества водворилась надменность и самолюбіе, на мѣстѣ благородства души и щедроты посѣялись раболѣпіе и самонедовѣреніе, истинные скряги на великое". Усилилась до крайнихъ предѣловъ царская власть, и создалось придворное сословіе. Произошло это такимъ образомъ: „жительствуя среди столь тѣсныхъ душъ и подвизаемые на милости ласкательствомъ наслѣдственныхъ заслугъ и достоинствъ, многіе государи возомнили, что они суть боги, и вся, его же коснутся, блаженно сотворятъ и пресвѣтло. Тако и быть долженствуетъ въ дѣяніяхъ нашихъ, но токмо на пользу общую. Въ таковой дремотѣ величанія возмечтали цари, что рабы ихъ и прислужники, ежечасно предстоя взорамъ ихъ, заимствуютъ ихъ свѣтозарности; что блескъ царскій, преломляясь, такъ сказать, въ сихъ новыхъ отсвѣткахъ, многочисленнѣе является и съ сильнѣйшимъ отраженіемъ. На таковой заблужденія мысли воздвигли цари придворныхъ истукановъ, кои, истинные ѳеатральные божки, повинуются свистку или трещоткѣ".

Такимъ образомъ люди, полезные отечеству, отличившіеся истинными заслугами передъ народомъ, ставятся ниже придворныхъ тунеядцевъ, которыхъ безчисленное множество, вслѣдствіе предразсудка, по которому внѣшній блескъ представляется безусловно необходимымъ для прочности власти. Однако просвѣщеніе должно искоренить этотъ предразсудокъ, такъ какъ на просвѣщенный народъ внѣшность оказываетъ мало вліянія. „Нума могъ,—поясняетъ Радищевъ,—грубыхъ еще римлянъ увѣрить, что нимфа Эгерія наставляла его въ его законоположеніяхъ. Слабые перуанцы охотно вѣрили Манко Копаку, что онъ—сынъ солнца, и что законъ его съ небеси истекаетъ. Магометъ могъ прельстить скитающихся аравитянъ своими бреднями. Всѣ они употребляли внѣшность; даже Моисей принялъ скрижали заповѣдей на горѣ, среди блеска молній. Но нынѣ, буде кто прельстити восхощетъ, не блистательная нужна ему внѣшность, но внѣшность доводовъ, если такъ сказать можно,—внѣшность убѣжденій. Кто бы восхотѣлъ нынѣ посланіе свое утвердить свыше, тотъ утвердитъ болѣе наружность полезности, и тою всѣ тронутся. Мы же, устремляя всѣ силы наши на пользу всѣхъ и каждаго, почто намъ блескъ внѣшности? Но если пышная внѣшность намъ безполезна, колико вредны въ государствѣ быть могутъ ея оберегатели. Единственной должностью во служеніи своемъ имѣя угожденіе намъ, колико изыскательны они будутъ во всемъ томъ, что намъ нравиться можетъ. Желаніе наше будетъ предупреждено; но не токмо желанію не допустятъ возродиться въ насъ, но даже и

мысли, зане готово уже удовлетвореніе. Воззрите съ ужасомъ на дѣйствіе таковыхъ угожденій. Наитвердѣйшая душа во правителяхъ своихъ позыбнется, преклонитъ ухо ласкательному сладкопѣнію, уснетъ. И се сладостныя чары обыдутъ разумъ и сердце. Горесть и обида чуждыя едва покажутся намъ преходящими недугами; скорбѣти о нихъ почтемъ или неприличнымъ, или же противнымъ, и воспретимъ даже жаловатися о нихъ. Язвительнѣйшія скорби и раны и самая смерть покажутся намъ необходимыми дѣйствіями теченія вещей и, являясь намъ позади непрозрачныя завѣсы, едва возмогутъ ли въ насъ произвести то мгновенное движеніе, какое производятъ въ насъ театральныя представленія. Зане стрѣла болѣзни и жало зла не въ насъ дрожитъ вонзенное. Се слабая картина всѣхъ пагубныхъ слѣдствій пышнаго царей дѣйствія".

Уже изъ приведенныхъ словъ ясно, что Радищевъ возстаетъ противъ самодержавной царской власти, что онъ—противникъ неограниченной монархіи; но въ этихъ словахъ еще не обнаруживается его симпатія къ народовластію: она проявляется въ одѣ „Вольность", которую Радищевъ излагаетъ въ главѣ „Тверь". Прославляя свободу, Радищевъ говоритъ:

О! даръ небесъ благословенный,
Источникъ всѣхъ великихъ дѣлъ,
О! вольность, вольность, даръ безцѣнный!
Позволь, чтобъ рабъ тебя воспѣлъ.
Исполни сердце твоимъ жаромъ,
Въ немъ сильныхъ мышцъ твоихъ ударомъ
Во свѣтъ тьму рабства претвори,
Да Брутъ и Телль еще проснутся,
Сѣдяй во власти, да смятутся
Отъ гласа твоего цари.

Въ дальнѣйшихъ строфахъ оды развиваются извѣстныя идеи XVIII вѣка о свободѣ человѣка по природѣ, о договорномъ возникновеніи власти, о значеніи правды и законности, а въ противоположность этимъ идеямъ характеризуется деспотизмъ, поддерживаемый религіозными и политическими предразсудками:

И се чудовище ужасно,
Какъ гидра, сто имѣя главъ,
Умильно и въ слезахъ всечасно,
Но полны челюсти отравъ,
Земныя власти попираетъ,
Главою неба досязаетъ,
Его отчизна тамъ гласитъ.
Призраки, тьму повсюду сѣетъ,
Обманывать и льстить умѣетъ

И слѣпо вѣрить всѣмъ велитъ.

. . . .

Чело надменное вознесши,
Схвативъ желѣзный скипетръ, Царь,
На громномъ тронѣ властно сѣвши,
Въ народѣ зритъ лишь подлу тварь.
Животъ и смерть въ рукѣ имѣя:
„По волѣ, рекъ, щажу злодѣя,
Я властію могу дарить:
Гдѣ я смѣюсь, тамъ все смѣется.
Нахмурюсь грозно,—все смятется.
Живешь тогда, велю коль жить“.

Но пригнетеніе народа должно окончиться, идеалъ свободы увлекаетъ всѣхъ утѣсненныхъ, и страшная участь готовится деспоту:

Возникнетъ рать повсюду бранна,
Надежда всѣхъ вооружитъ;
Въ крови мучителя вѣнчанна
Омыть свой стыдъ ужъ всякъ спѣшитъ.
Мечъ остръ, я зрю, вездѣ сверкаетъ!
Въ различныхъ видахъ смерть летаетъ
Надъ гордою главой Царя.
Ликуйте, склепанны народы;
Се право мщенное природы
На плаху возвело Царя.
И нощи се завѣсу лживой
Со трескомъ мощно разодравъ,
Кичливой власти и строптивой
Огромный истуканъ поправъ,
Сковавъ сторучна исполина,
Влечетъ его, какъ гражданина,
Къ престолу, гдѣ народъ возсѣлъ!

Далѣе въ одѣ восхваляется Кромвель, который научилъ людей, „какъ могутъ мстить за себя народы“. Въ послѣднихъ строфахъ „содержатся прорицанія о будущемъ жребіи отечества, которое раздѣлится на части, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ оно будетъ просторнѣе. Упругая власть при издыханіи приставитъ стражу къ слову и соберетъ всѣ свои силы, дабы послѣднимъ махомъ раздавить возникающую вольность“.

„Но человѣчество возреветъ въ оковахъ и, направляемое надеждою свободы и неистребимымъ природы правомъ, двинется. И власть приведена будетъ въ трепетъ. Тогда всѣхъ силъ сложеніе, тогда тяжелая власть

Развѣется въ одно мгновенье.
О! день избраннѣйшій всѣхъ дней!
Мнѣ слышится ужъ гласъ природы,
Начальный гласъ, гласъ божества.

Цитированный выше приговоръ по дѣлу Радищева былъ приведенъ въ исполненіе съ необыкновенной поспѣшностью, такъ что отправляемый въ ссылку писатель не имѣлъ даже возможности проститься съ семьей, а такъ такъ у него не было теплой одежды, то ему дали „гнустную нагольную шубу, взявъ ее тутъ же у сторожа или солдата“; а рядомъ съ этой поспѣшностью петербургское губернское правленіе обнаружило и чрезвычайную суровость, распорядившись заковать Радищева въ кандалы. Но нашелся у Радищева и защитникъ — его бывшій начальникъ, гр. А. Р. Воронцовъ: по его ходатайству, императрица на другой же день послѣ отправленія Радищева послала курьера съ повелѣніемъ снять съ него оковы и доставить ему нужныя для пути вещи. Только въ Нижнемъ-Новгородѣ курьеръ догналъ Радищева, и излишнее мучительство было прекращено. Благодаря стараніямъ гр. Воронцова, написавшаго губернаторамъ въ Нижній-Новгородъ, Пермь, Иркутскъ, Радищевъ вездѣ на пути видѣлъ „отъ начальства милость и снисхожденіе“, и даже останавливался на долгій срокъ въ Тобольскѣ и Иркутскѣ.

Въ Илимскѣ, куда онъ пріѣхалъ въ январѣ 1792 г. онъ поселился съ сестрой своей жены, Елизаветой Рубановской, впослѣдствіи вышедшей за него замужъ, и съ двумя младшими дѣтьми въ воеводскомъ домѣ, который былъ ему отведенъ по приказу генералъ-губернатора. Здѣсь онъ оставался шесть лѣтъ, „отрѣзанный, какъ говоритъ В. А. Мякотинъ, отъ личныхъ сношеній со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, внѣ всякаго интеллигентнаго общества, состоя подъ надзоромъ грубыхъ и невѣжественныхъ исправниковъ, которые, не имѣя никакого понятія о его преступленіи, видѣли въ немъ проворовавшагося чиновника, и отъ корыстолюбія которыхъ его спасало лишь личное знакомство съ губернаторомъ“. Однако на положеніе свое Радищевъ жаловался очень мало.

Душевная бодрость, не уступавшая „мрачнымъ мыслямъ“, внушалась, конечно, и тѣмъ сочувствіемъ, которое Радищевъ встрѣчалъ со стороны гр. Воронцова, но еще въ большей степени она объяснялась отмѣченнымъ нами выше „сроднымъ человѣку безпокойствіемъ“, такъ сильно отличавшимъ Радищева. Его дѣятельной натурѣ невозможно было поддаваться унынію, и умъ его не переставалъ работать. Написавъ даже во время заключенія въ Петропавловской крѣпости полное высокой человѣчности повѣствованіе о „Филаретѣ милостивомъ“, Радищевъ уже на пути въ Сибирь находилъ въ себѣ достаточно силы для чисто научнаго наблюденія жизни, и его за-

мѣтки объ этомъ путешествіи показываютъ живой интересъ къ тѣмъ мѣстамъ, по которымъ онъ проѣзжалъ. Еще ярче этотъ интересъ проявляется въ письмахъ Радищева къ гр. Воронцову. Такъ, уже изъ Нижняго-Новгорода онъ сообщаетъ, что его „разумъ можетъ иногда заниматься упражненіемъ". „Когда я стою на ночлегѣ,—говоритъ онъ,—то могу читать; когда ѣду, стараюсь замѣчать положеніе долинъ, буераковъ, горъ, рѣкъ; учусь въ самомъ дѣлѣ тому, что иногда читалъ о исторіи земли; песокъ, глина, камень, все привлекаетъ мое вниманіе. Не повѣрите, можетъ-быть, что я, съ восхищеніемъ, переѣхавъ Оку, вскарабкался на крутую гору и увидѣлъ въ разсѣлинахъ оной слѣды морскихъ раковинъ!"

Сибирь поражала Радищева своими естественными богатствами, и онъ пророчилъ ей блестящую будущность, особенно когда откроется морской путь въ Европу черезъ Ледовитый океанъ. Призывая другихъ къ изслѣдованію Сибири, онъ самъ старательно изучалъ ее, насколько это позволяли ему условія ссылки. Онъ читалъ работы Штеллера, Гмелина, Гильденштедта, знакомился съ прошлымъ этой богатой страны, останавливался на нѣкоторыхъ вопросахъ ея современной хозяйственной жизни. Результатомъ этихъ изученій были многочисленныя цѣнныя замѣчанія въ письмахъ къ гр. Воронцову и два любопытныхъ сочиненія: „Письмо о китайскомъ торгѣ" и „Сокращенное повѣствованіе о пріобрѣтеніи Сибири", а также „Записки путешествія въ Сибири" и „Дневникъ путешествія изъ Сибири".

Но рядомъ съ этимъ идутъ и другія занятія: Радищевъ входитъ въ интересы жителей городка, въ который забросила его ссылка, и для этихъ людей изучаетъ медицину. Однако прежніе интересы политическіе и философскіе также не заглушаются, и, выписавъ въ Сибирь часть своей библіотеки, Радищевъ постоянно обращается къ гр. Воронцову съ просьбами о присылкѣ французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ книгъ и журналовъ, внимательно слѣдя за современнымъ литературнымъ и научнымъ развитіемъ, наблюдая общественное движеніе, особенно интересуясь французской революціей. Сохраняя прежніе интересы, Радищевъ не измѣняетъ и прежнимъ взглядамъ и вполнѣ откровенно говоритъ гр. Воронцову, что отреченіе отъ этихъ взглядовъ передъ знаменитымъ Шешковскимъ не могло быть искреннимъ и прочнымъ. „Хотя,—пишетъ онъ,—мнѣнія мои относительно многихъ вещей, по несчастію моему, стали болѣе извѣстными, нежели тщеславіе быть сочинителемъ иногда требуетъ, но я признаюсь въ превратности моихъ мыслей охотно, если меня убѣдятъ доводами лучше тѣхъ, которые въ семъ случаѣ употреблены были. А на таковыя я въ возраженіе, что авторъ другого сказать не имѣлъ, какъ что сказалъ. Помню, какъ Галилей отрекся отъ доказательствъ своихъ о неподвижности солнца и, слѣдуя глаголу инквизиціи, воскликнулъ вопреки здраваго разсудка: солнце коловращается".

Лучшимъ выраженіемъ сохранности этихъ прежнихъ взглядовъ Радищева можетъ считаться начатый въ первый же годъ ссылки обширный философскій трактатъ: „О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи". Нѣсколько лѣтъ онъ писалъ это сочиненіе, но окончательно его обработать онъ не успѣлъ, такъ что издано оно было уже послѣ его смерти. Въ этомъ сочиненіи проявляется основательное знакомство Радищева съ современной ему философіей, въ разнообразныхъ теченіяхъ которой онъ пытается найти нѣчто ихъ примиряющее. Онъ остается попрежнему поклонникомъ французскихъ энциклопедистовъ, онъ сильно склоняется къ матеріализму барона Гольбаха и Гельвеція, и Пушкинъ былъ отчасти правъ, сказавъ: „Радищевъ, хотя и выражается противу матеріализма, но въ немъ все еще виденъ ученикъ Гельвеція. Онъ охотнѣе излагаетъ, нежели опровергаетъ доводы чистаго аѳеизма". Въ этомъ приговорѣ много истины, но въ то же время слѣдуетъ указать, что трактатъ Радищева представляетъ собою любопытнѣйшую попытку примиренія матеріалистическихъ теорій съ ученіями нѣмецкихъ идеалистовъ школы Лейбница. Стараясь держаться на почвѣ опыта и наблюденія, Радищевъ не можетъ отвергать бытія души, и для него безсмертіе является необходимымъ постулатомъ. Онъ не знаетъ, есть ли оно, но настаиваетъ на его нравственной необходимости, говоря: „Ты будущее свое опредѣляешь настоящимъ, и вѣрь, скажу паки, вѣрь, вѣчность не есть мечта".

Но наступилъ конецъ ссылкѣ Радищева; преемникъ Екатерины. императоръ Павелъ рескриптомъ 23 ноября 1796 г. на имя гр. Салтыкова разрѣшилъ Радищеву вернуться на родину и жить въ деревнѣ, подъ надзоромъ губернатора. Въ іюлѣ 1797 г. онъ прибылъ въ свое имѣніе, село Нѣмцево, Калужской губерніи. Хотя ему было всего 50 лѣтъ, но его силы были уже подорваны, и онъ писалъ: „взглянувъ на меня, всякъ можетъ сказать, колико старость предварила мои лѣта". Именно въ виду этой слабости ему было въ 1798 г. разрѣшено съѣздить въ Саратовскую губернію для свиданія съ родителями, но эта отлучка была кратковременна, и почти все царствованіе Павла Радищевъ оставался въ Нѣмцевѣ, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ.

Изъ литературныхъ его произведеній того времени заслуживаютъ вниманія статья „Описаніе моего владѣнія" и богатырская повѣсть „Бова". Въ первомъ сочиненіи мы видимъ проявленіе того же отношенія къ крѣпостному праву, что и въ „Путешествіи", ту же ненависть къ рабству, выражающуюся въ слѣдующихъ словахъ: „Сей (т.-е. господинъ) можетъ его (т.-е. крестьянина) продать оптомъ или подробно; не шуткою сіе сказано, ибо сія подробность можетъ быть такова, что дочь отъ матери, сынъ отъ отца, и, можетъ-быть, жена отъ мужа продается. Но съ публичнаго торгу только въ розницу продавать запрещено, а потомъ. Есть экономы, которые, изнуривъ земледѣльца, продаютъ его стальныя силы. 2. Господинъ можетъ его за-

ставить работать, сколько хочетъ. Нынѣ только запрещено работать по воскресеньямъ, и совѣтомъ сказано, что довольно трехъ дней на господскую работу, но на нынѣшнее время законоположеніе сіе не великое будетъ имѣть дѣйствіе, ибо состояніе ни земледѣльца ни двороваго не опредѣлено. 3. Господинъ можетъ его наказывать по своему усмотрѣнію, онъ — судія его и исполнитель своихъ приговоровъ. 4. Господинъ есть господинъ его имѣнія и дѣтей его, даетъ и отъемлетъ по своей волѣ. 5. Распоряжаетъ браками и спаряетъ, какъ хочетъ; слѣдовательно, земледѣлецъ есть рабъ въ семъ отношеніи совершенно; итакъ, не можетъ господинъ уволить селянина своего отъ государственныхъ податей, отъ наказанія за преступленія, заставить жениться на роднѣ и въ посты ѣсть мясо".

Богатырская повѣсть „Бова" интересна, какъ попытка обработки народнаго сказочнаго сюжета, впослѣдствіи обратившая на себя вниманіе Пушкина, хотя стихъ тяжелъ и языкъ нѣсколько архаиченъ. Есть въ „повѣсти" черты сентиментализма и ложноклассицизма. Тѣ же особенности можно отмѣтить и въ „Пѣсни исторической", написанной, можетъ-быть, и раньше, въ „Пѣсни Всегласа", сочиненной подъ вліяніемъ Слова о полку Игоревѣ. Поэтическое достоинство всѣхъ этихъ произведеній не особенно высоко

Совсѣмъ возвращенъ былъ изъ ссылки Радищевъ только при восшествіи на престолъ Александра I, а въ августѣ 1801 г. былъ принятъ на службу членомъ комиссіи составленія законовъ. Въ этой комиссіи онъ работалъ до смерти; по свидѣтельству его сына, онъ составилъ „Проектъ гражданскаго уложенія", въ которомъ намѣтилъ рядъ либеральныхъ реформъ; но этотъ проектъ до насъ не дошелъ, и намъ извѣстны только два его особыхъ мнѣнія: „о цѣнахъ за людей убіенныхъ" и „объ отводѣ судей". Особенно любопытно первое мнѣніе, въ которомъ Радищевъ, какъ принципіальный врагъ, крѣпостного права, рѣшительно возстаетъ противъ оцѣнки жизни убитыхъ крестьянъ деньгами. Старыя идеи не могли быть уничтожены даже и ссылкою, и потому весьма правдоподобенъ разсказъ Пушкина о кончинѣ Радищева. Вотъ этотъ разсказъ: „Императоръ Александръ приказалъ Радищеву изложить свои мысли касательно нѣкоторыхъ гражданскихъ постановленій. Бѣдный Радищевъ, увлеченный предметомъ. нѣкогда близкимъ къ его умозрительнымъ занятіямъ, вспомнилъ старину и въ проектѣ, представленномъ начальству, предался своимъ прежнимъ мечтаніямъ. Графъ Завадовскій удивился молодости его сѣдинъ и сказалъ ему съ дружескимъ упрекомъ: „Эхъ, Александръ Николаевичъ, охота тебѣ пустословить попрежнему! иль мало тебѣ было Сибири?". Въ этихъ словахъ Радищевъ увидѣлъ угрозу. Огорченный и испуганный, онъ возвратился домой, вспомнилъ о другѣ своей молодости, объ лейпцигскомъ студентѣ, подавшемъ ему нѣкогда первую мысль о самоубійствѣ... и отравился"...

Хотя этому разсказу противорѣчатъ показанія сыновей Радищева, но онъ тѣмъ не менѣе характеренъ для настроенія Радищева, который, по словамъ сыновей, становился передъ смертью все болѣе задумчивымъ, пока не покончилъ самоубійствомъ 12 сентября 1802 г. Онъ не видѣлъ возможности осуществить свои свободолюбивыя мечты, въ либеральномъ внукѣ Екатерины ему, быть можетъ, чуялись тѣ же черты, что и въ ней самой, и задумчивость была вполнѣ естественна, жизнь не могла имѣть цѣнности для неисправимаго мечтателя. Такъ окончилъ свою жизнь великій политическій мечтатель, стоявшій на порогѣ новаго вѣка; но мечты его не погибли, онѣ составили идейное содержаніе русскаго общественнаго движенія, проходящаго отъ его времени до нашихъ дней.

БИБЛІОГРАФІЯ:

Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, изд. Н. П. Павлова-Сильванскаго и П. Е. Щеголева. Спб. 1905.

Сочиненія А. Н. Радищева, изд. подъ ред. В. В. Каллаша, 2 т. М. 1907; подъ ред. Тройницкаго, 2 т. Спб. 1907; подъ ред. П. Е. Щеголева, А. К. Бороздина и И. И. Лапшина, 2 т. Спб. 1907—8.

Мякотинъ. В. А. Изъ исторіи рус. общества. Спб. 1902.

Незеленовъ. А. И. Радищевъ. (Ист. Вѣстн. 1883).

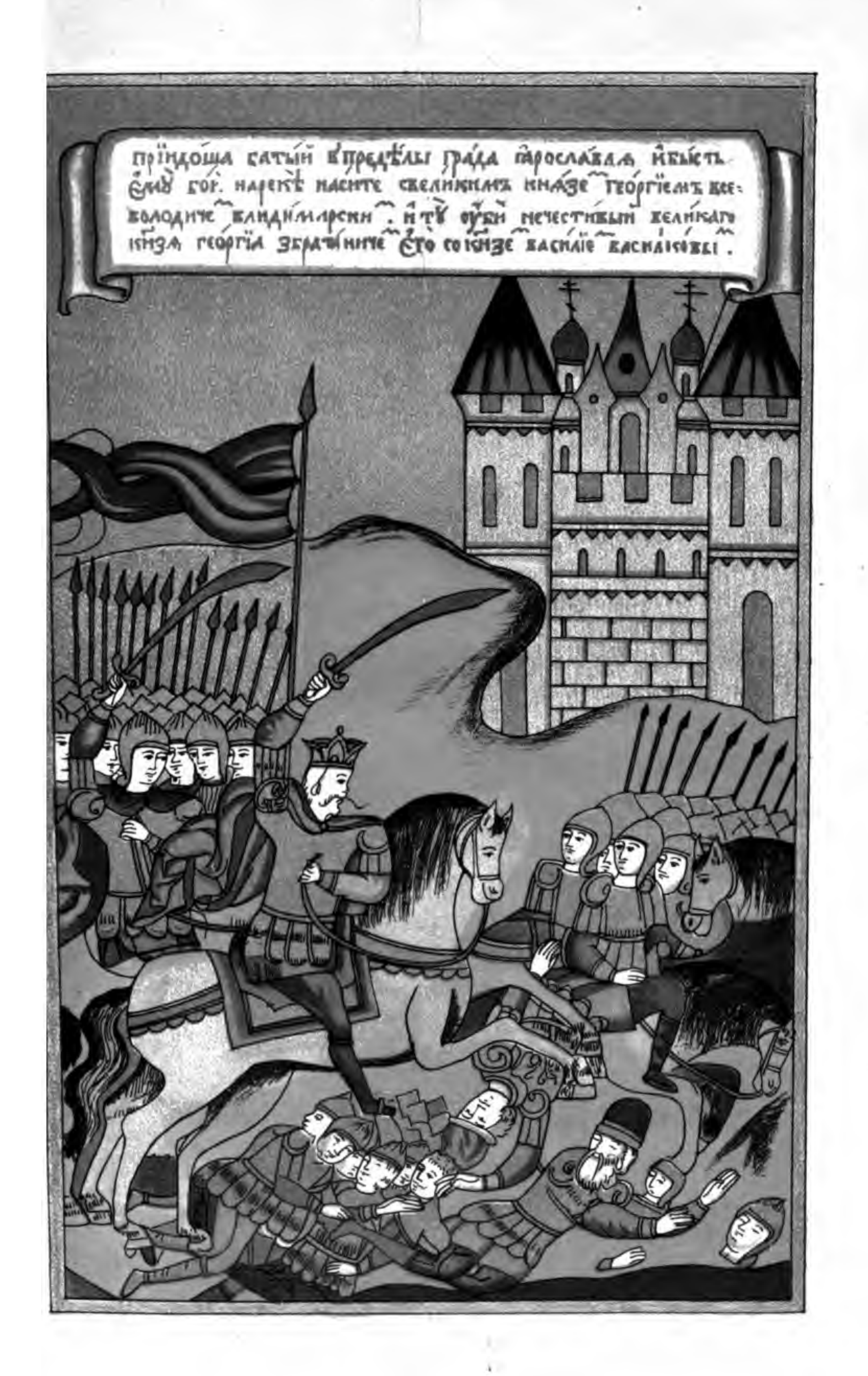
Сухомлиновъ. А. Н. Радищевъ. Спб. 1883. (Сборн. Отд. рус. яз. и слов. Ак. Наукъ, т. XXXIII).

Якушкинъ. В. Е. Радищевъ и Пушкинъ (Чт. Общ. Ист. и др. при Моск. Унив., 1886, т. I, ст. 1—58).

Его же. Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII в. (Рус. Старина, 1882, № 9).

Изъ сказанія о нашествіи Батыя.

„Исторія русской литературы". [illegible] Изд. Т-ва И. Д. Сытина.


приидоша батыи в пределы града ярославля и бысть
сеча у бор. на реке на сите с великим князе георгием все=
володиче владимирски. и ту убиен нечестивым великаго
князя георгия братаниче его со князе василие васильковы.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.